

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

ЯЗЫКИ
ГЛОБАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2016

ББК 87.22

Я 411

Языки глобального сознания : кол. моногр. / отв. ред. Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. — 516 с.

ISBN 978-5-7807-1194-0

Рассматриваются современные методологические проблемы философии языка и сознания в связи с философским анализом развития глобального (планетарного) сознания в последнее столетие мировой истории.

Представлены достижения университетской научной школы профессора А. Н. Портнова (1947—2010), показаны возможности полипарадигмального подхода к изучению глобальной языковой реальности.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется проблемами философии языка и глобалистики.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833

Ответственные редакторы:

доктор философских наук **Г. С. Смирнов**

доктор философских наук **Д. Г. Смирнов**

Рецензенты:

доктор философских наук **А. В. Ерахтин**

(Ивановский государственный политехнический университет)

доктор философских наук **А. В. Брагин**

(Ивановский государственный энергетический университет

им. В. И. Ленина)

ISBN 978-5-7807-1194-0

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2016

*Каждый из нескольких тысяч языков человечества
содержит незаменимый элемент, имеющийся в нём.*

Его утрата была бы невозполнимой потерей.

*Сохранение индивидуального своеобразия
каждой отдельной культуры и языка
остаётся одной из важнейших задач
всемирного гуманитарного сообщества.*

Вяч. Вс. Иванов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	8
Раздел I. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ПОРТНОВА: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ	30
Глава I. Язык — мышление — сознание	30
<i>Роль языка в осознании действительности [30]. Язык и память человека [38]. Язык и понятийное мышление [49]. Язык человека в эволюционно-генетическом аспекте [66]. Роль языка в становлении сознательного отражения [95]. Сознание, личность и язык в философии Э. Левинаса [112]. Языки познания как репрезентация познавательных устремлений человека [127]</i>	
Глава II. Мозаика философии языка	129
<i>Философия языка и семиотика: проблемы, решения, задачи исследования [129]. Философия языка в Германии: исторический обзор [141]. Философия языка Г. Г. Шпета [153]. Философия языка Мартина Хайдеггера: языковое сознание и языковая личность [170]. Философия сознания — философия языка — философия сознания [194]</i>	
Глава III. Языковое сознание и глобальная дискурсия	199
<i>О знаковом и языковом сознании [199]. Структура языкового сознания: феноменологический и антропологический аспекты проблемы [213]. Проблема языка описания сознания [224]. Философия и язык как универсальные «каталоги» [266]. Индивидуальный язык как основа иерархии языковых картин мира [285]</i>	
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ I	296

Раздел II. ЯЗЫКОВЫЕ МИРЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СОЗНАНИЯ.....	320
Глава IV. Язык как планетарный феномен.....	320
<i>Язык мозга и язык сознания: трудности перевода [320]. Язык как деятельность: опыт онтологического описания [327]. Проблема описания социума: дискурс глобальности [331]. Язык культуры в динамике: интенция монументальности [339]. Язык в системе энергоинформационного взаимодействия [345]</i>	
Глава V. Глобальный человек и его сознание.....	358
<i>Язык глобальной этики в современном мире [358]. Этнос глобального человека: императивы бытия [366]. Глобальное сознание: транзитивность языка права [379]. Социологическое измерение языка студенческого сознания: между глобальным и локальным: [390]. Языки глобального изофилософского сознания: репрезентации XX века [401]</i>	
Глава VI. Культурологические репрезентации глобального сознания.....	412
<i>Образы глобального сознания: компаративистский анализ [412]. Глобальное сознание: религиогемы цифрового мультиверсума [425]. Мировая лингвокультура: ноосферогенетический дискурс [438]. К семиологии глобального сознания [447]</i>	
Глава VII. Языки как векторы глобального образования.....	459
<i>Языки науки и образования в метаморфозах российской истории [459]. «Товарный» и ценностный языки социально-гуманитарного знания: глобальные реалии и тренды развития [471]. Расширение образовательного разнообразия: университетские языки глобального и локального [477]</i>	
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	488
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ II.....	494
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	515

*Посвящается памяти
профессора Александра Николаевича Портнова —
открывателя и хранителя языковых миров*

Предисловие

Язык и сознание — вечная тема философии. Сначала язык озвучивает сознание для близкого круга, но в конечном итоге в форме письменности делает его видимым для многих, в пределе для всего человечества, для вечности. Триада «сознание — мышление — язык» в философии сознания играет особую методологическую роль: в ней проявляется гегелевская формула «опредмечивания и распредмечивания»; именно через неё осуществляет свое космическое развёртывание основной ноосферный закон «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество». Сознание как свернутая спираль информации запускает антропологические энергетические потоки, делая их овеществленными и осуществлёнными.

Потоки сознания человечества в глобальную информационную эпоху подобны потокам рек, стекающим к озерам, морям и океанам. Само глобальное сознание современного человечества столь же мало изучено, как и реальный мировой океан — гидросфера планеты Земля. Языки глобального сознания не только всё более точно и полно описывают реальность общечеловеческого бытия, но и всё более сильно способствуют её переструктурированию и преобразованию. Учитывая особенности языковой интерпретации принципа дополнительности И. Р. Пригожиным, следовало бы сказать, что множественность языков познания обеспечивает постижение космопланетарности человеческого бытия. При этом каждый из языков расширяется и совершенствуется для максимального охвата биосферно-ноосферной реальности, стремится стать «глобальным» языком. В этой глобальной комплементарности таится много сложностей, но именно языковая коэволюция обеспечивает эффективный диалог человека с человеком и человека с природой.

Такого рода необъятная тема весьма рискованна не только для научного, но и для философского исследования, но без неё невозможно правильное транскрибирование формул современно-

го глобального сознания. Версии решения этой задачи могут быть различны. В данной коллективной монографии сделана попытка посмотреть на проблему из регионального окна философии языка и сознания — проблематики, которую в течение нескольких десятилетий развивал и разрабатывал профессор А. Н. Портнов (1947—2010). В книге друг друга дополняют два раздела. Первый — своего рода *предпосылочный*: в нём представлены статьи из научного наследия А. Н. Портнова; второй — *актуальный*: в нём помещены работы учеников и наследников традиции, а также коллег-философов.

Работы А. Н. Портнова в значительной степени отражают методологическую динамику проблемы взаимосвязи сознания и языка, выполняя функцию методологического обоснования феномена глобального языка в философии глобального сознания в прошлом столетии. Для понимания интенциональности языкового творчества философа важны переводы, выполненные им в разное время. Перевод части монографии К. Ясперса «Язык», думается, позволяет всецело понять и представить парадигмальные интересы А. Н. Портнова. (Философия языка К. Ясперса, переданная в переводе с опережением времени из Германии в Россию, позволяла провинции не быть провинцией, приобщала к потоку европейского сознания.) Отметим также, что представленные в первом разделе статьи А. Н. Портнова, написанные в соавторстве с учениками, позволяют увидеть динамику научного мышления научной школы, своего рода пути в будущее.

Второй раздел, касающийся анализа проблем функционирования и развития языков глобального сознания, их становящейся дополнительной в складывающемся информационном (ноосферном) обществе, более фрагментарен и мозаичен. Упор сделан на широту подходов, репрезентацию бытия в традиции. При этом надо иметь в виду, что иногда авторы востребуют неэксплицитные формы репрезентации языкового универсума и актуализации «личностного знания» в языковой топологии.

Поставленная задача по осмыслению языков глобального сознания настолько сложна, что представленные материалы в значительной мере являют собой постановку проблемы в первом приближении. Вне сомнения перед нами широкое поле применения дальнейших исследовательских усилий.

Вместо Введения

ЯЗЫК¹

Как бы ни было разнообразно эмпирическое знание о конкретных языках, как бы бесконечны ни были его частные проявления, все это не раскрывает нам сущности языка. Мы не знаем, как язык возник или мог возникнуть. Там, где начинается наше историческое знание о языке, мы везде имеем дело с языком в полном смысле слова, с готовым языком. Гипотезы о возникновении языка либо банальны, либо как раз вскрывают необъяснимое: язык есть не только эмпирическая данность, но и Всеобъемлющее (das Umgreifende), которое мы не можем постигнуть, наблюдая его проявления через частное. Язык представляет собой феномен Всеобъемлющего сознания как такового, в котором просветляется все остальное Всеобъемлющее. Это Всеобъемлющее можно описать только путем косвенных характеристик, особо выделяя базовые осуществления языка.

аа) **Средством осуществления языка является «значение».** Сокровенное в языке открывается нам через значения. Непосредственное бытие бессознательно. Оно осознается нами непосредственно в значениях. Язык неразрывно связан только с откровением бытия: это откровение захватывает все объективные значения с помощью тех значений, которые оно само вырабатывает (порождает).

Сущность значения. Значение есть фундаментальное отношение (Grundbezug) двух начал, показывающее бытие и его расчлененности (Spaltung). Это фундаментальное отношение, этот далее не редуцируемый феномен не есть отношение такого же рода, как и причинная связь в реальности, или же обоснованность в мышлении; оно не есть ни противоположность, ни идентичность одного и другого, но оно становится возможным только

---

¹ Работа первоначально представляла собой раздел фундаментального труда К. Ясперса «Философская логика» (Jaspers K. Philosophische Logik: Bd. 1. Vonder Wahrheit. Munchen, 1947), позднее вышла в свет отдельной книгой. Настоящий перевод с немецкого выполнен А. Н. Портновым по изданию: Jaspers K. Die Sprache. Munchen, 1964. Публикуется с любезного разрешения издательства.

благодаря тому, что два начала взаимопроникают в бытие друг друга в процессе осуществления значения. Это взаимопроникновение охватывает в частности: знак и смысл, сравнение и сравниваемое, символ и содержание и т. д.

В данном случае совершенно недостаточно сказать: «это указывает на нечто иное», «одно подразумевается в другом», «нечто репрезентирует что-то другое». Значение всегда выходит за пределы такого рода отношений и всегда есть нечто первично-глубинное.

Понимание значения есть начало сознания. Только через понимание и порождение понятного можно проникнуть в суть дела, сообщить понятное другим и — соответственно — узнать от других посредством сообщения.

бб) Способы существования значения. Значения способствуют механизму познания: мы понимаем их. Или же они порождены нами: мы производим их по своему усмотрению. Непреднамеренное осуществленное означивание называется «выразительностью» (Ausdruck). Выразительностью обладают движения и формы животных и человека. В переносном смысле всё, что является нам в пространстве и времени, обладает выразительностью, которую мы произвольно воспринимаем так, как если бы все это было одушевлено. Преднамеренно произведенное значение мы называем «произведением» (Werk), «структурой» (Gebilde), «изображением» (Darstellung). Мы производим инструменты, предметы домашнего обихода, жилье и одежду, строения, произведения искусства, философию, науку, и все это в процессах технического действия, метафизической деятельности, магической практики, отправления ритуалов и культов. Все эти продукты человеческой деятельности становятся нам понятны только через их употребление. Доисторические инструменты, произведения искусства, архитектурные формы, знаки письменности мы опознаем в качестве таких продуктов, даже не всегда понимая их смысл, т. е. до тех пор, пока нам не становится понятен тот мир, те специфические деятельностные связи человеческого бытия, в которых они имели вполне определенное значение.

Выразительность и произведение свою очередь имеют определенные градации в силу присущих им богатству, глубине, жизненности, творчеству. В отношении выразительности эта градация получила у Л. Клагеса обозначение «уровня формы»

(Formniveau), а применительно к произведениям — «способность оформления» (Gestaltungskraft).

Среди всех способов существования значения язык стоит на первом месте: только он универсален и может выступать посредником между всеми другими видами значения, соотносится со всеми другими, и тем самым становится для них абсолютно необходимым. Таким образом, мы метафорически говорим о всех видах выразительности, что они представляют собой язык.

вв) **Базисный феномен языка.** Крик, свист, гудки, кряхтение — все это еще не язык, так же, как не является языком подражание звукам природы или же звукоподражания попугая. Язык появляется тогда, когда в звуке, который я слышу или порождаю сам, осуществляется моя интенция, направленная на предмет и на акт означения. То, что в моем звуке присутствует осмысляющая направленность на некоторое отделенное от меня содержание, — это и образует базовый феномен языка. Звуки перестают быть просто звучанием, но превращаются в озвученные образы (Lautbilder). Придание формы озвученным образам и составляет сущность искусства языка, которое еще в доисторические времена становления человечества и породило то, чем живут языки исторического периода. Язык есть осуществляемое в речи, конструируемое в человеческом обществе произведение звуковых образов. Он являет собой, как писал Гумбольдт, «особый мир, который дух помещает между собой и предметами».

«Произведение» языка (das Werk der Sprache) отличается от всех прочих творений человека тем, что оно порождается как бы произвольно; в то время как язык просветляет наше сознание, сам он осуществляется неосознанно. В значениях звуковых образов мы схватываем (ergreifen wir) значения открывающегося нам бытия. Когда наш разум обращен к вещам, язык, хотя мы о нем специально не думаем, порождается вместе с мыслью. Он реализуется в силу того, что мы понимаем значения. И лишь затем внимание направляется на язык как таковой, и тогда он порождается планомерно, и мы обращаемся с ним, как с нашим собственным произведением. Это в свою очередь имеет противоположные последствия. Язык очищается, его возможности начинают подчиняться правилам, скрытые в нем потенции делаются явными. К первичному искусству языка присоединяется вторичное языко-

вое искусство: образование слов, использование языковых моделей. Но эта преднамеренность тотчас же начинает мешать и искажать подлинную картину. Вторичное искусство языка начинает заменять собой первичное искусство речи. Преднамеренность в языке всегда причиняет вред говорящему. Естественное поведение искажается, интенция переносится на язык вместо того, чтобы направляться на сами вещи; предметное содержание мыслится и оформляется как бы между прочим. Во всех прочих делах человека в соответствии с их природой намеренность является ведущей стороной, хотя везде неосознаваемое остается творческим началом, — тогда как в подлинном и действительном употреблении языка мы всегда с его помощью направляем свое внимание на нечто иное, на то, что не является языком, но только с его помощью выявляется, — на значения.

Но значения никогда не даны нам сами по себе. Значения открываются нам вместе с даром языка. Язык порождается и изменяется нами в то самое время, когда наше сознание направлено на значения, а не на сам язык как таковой. Это переживается как подлинное счастье, когда языковая способность-сила (*Sprachkraft*), возникающая как бы сама по себе, позволяет нам, освобождаясь от тяжести мыслимого содержания, просветлять его, но, одновременно приводясь им в движение и концентрируясь на нем, выражать эту тяжесть в языке. Впрочем, язык дарит себя только тому, чье сознание направлено на предметность; он [язык] оглушает, обманывает, опустошает того, кто хочет овладеть им как таковым, и лишь постольку-поскольку овладеть вещами.

гг) **Универсальность метафоры.** Следует различать слова в их первичном значении от слов как метафор. Так, например, слово «небо» имеет свое прямое значение наряду с метафорическим, когда имеют в виду Бога. Это различие все же относительно. Слова с собственным значением — это всего лишь те, осознание которых в качестве метафор утрачено. «Все слова суть звуковые образы и в отношении к их значениям являются по своей сущности и происхождению тропами» [Gerber, 1, 309]. Поэтому Ницше называл язык подвижным войском метафор. В изначальных метафорах рождается словесный материал, несущий значения, которые затем вновь используются для новых метафор. Таким образом, собственное и прямое значение содержится

в словах только в силу того, что мы забываем его происхождение. Это прямое значение осознанно используется в качестве метафоры. В истории слов мы видим, как постепенно образ соединяется с образом, один перманентно проясняет другой, модифицируя, исправляя, взаимопроникая [Gerber, 1, 266]. Понимание этой фундаментальной характеристики языка влечет за собой важные последствия.

1. Значениями слов являются наши представления и понятия, которые в свою очередь связаны с бытием вещей в мире. Следовательно, наши представления и понятия, а тем самым и бытие проясняются для нас только в процессе порождения слова, превращаясь тем самым в наше достояние.

Но если же ясность нашего знания о бытии неразрывно связана с развитием языка, то можно выразить сомнение, может ли процесс порождения значений в языке дать знание о самих вещах. Проясняющая работа сознания создаёт только ясный мир образов (*eine klare Bilderwelt*). Подобно тому как в языке каждая метафора — это только уподобление некой вещи чему-то другому, и только благодаря забвению метафорической природы возникает основание мнимой подлинности, так же и бытие, поскольку оно неотделимо от языка, с помощью которого мы его мыслим, всегда являет собой метафору чего-то иного; нигде нет подлинного бытия, которое было бы самим собой — без всяких метафор и употреблений.

Такое толкование идентифицирует для нас характер языка с природой бытия. Правда, забвение метафорического характера языка создаст психологическое основание для того, что нам кажется, будто с помощью слов мы действительно выражаем сущности. Но и в метафорическом мышлении человек уже ориентирован на подлинное. Каждая метафора включает в себя сущностный момент. В диалектике метафорического взаимоотражения всех вещей друг в друге с помощью языка нами осознается не ничтожность отражения ничто (*die Nichligkeit des Spiegeln von nichts*), но на самом деле определенная иерархия сущностей.

2. Если мы осознаем образность любого языка, то тем самым отнюдь не уничтожается тот образный мир, в котором мы, говоря, живем. Образы не устраняются, даже если мы поняли, что это образы.

В образах схвачены и истина, и действительность. Для рассудка, который не хочет больше иметь дело с образами, остается только ничто. Исследование образности, если оно руководствуется предпосылкой, что образов быть не должно, разрушительно. Это разрушение бессмысленно. Прежде всего потому, что оно направлено против отдельного образа и неспособно устранить образный характер речи; в самом этом процессе разрушения, облеченном в речевую форму, оно же само и порождает образы. Кроме того, против этого разрушения восстает наше позитивное сознание бытия, которое постоянно делает для себя бытие понятным с помощью образов, создавая с каждым разрушенным образом новые образы; разрушая, оно только пересоздает свои образы.

Так обстоит дело не только с образами языка, но и со всеми образами вообще. Считается, что в догмы, представления, обещания религий можно верить, полагая, что это и есть подлинная реальность. И стоит только показать, что их привода образна, метафорична, символична, — вера исчезает. Религия, понятая как символ, перестает быть достойной веры. Если это и может быть психологически верно для такого умонастроения, которое только грубо материальное признает реальным, то все же это неверно в принципе. С помощью образов действительность все-таки понимается именно как реальность, подобно тому, как она понимается с помощью языка. Осознание бытия образа открывает возможность подлинного, неискаженного понимания бытия в образе. Насколько мы способны увидеть в представлениях, повествованиях, художественных образах, мыслях то образно-символическое содержание, с помощью которого мы ищем встречи с бытием, настолько мы можем сравнить любое бытие для нас с речью, обращенной к нам или с нашим обращением к бытию. Это сравнение с языком позволяет открыть в трансцендировании универсальную черту бытия для нас — его зашифрованный характер (*das Chifflersein*).

3. Наши усилия понять и объяснить тексты могут оказаться беспочвенными, если мы, вместо того, чтобы выявить мысль говорящего или пишущего, обратим свои усилия на слова, на языковую оболочку мысли. Безграничность возможных значений создает, по всей видимости, безграничное пространство интерпретации. Из текстов, признанных авторитетными, можно извлечь любую

проблему. Философствование в виде комментария к уже имеющимся текстам сплошь и рядом принимает эту абсурдную форму. При такой мнимой форме понимания существующие тексты служат только поводом для изложения собственной мысли.

Если отвлечься от существовавших и ранее техник интерпретирования священных текстов, аллегорические, аналогические и т. п. смысловые потенции которых позволяли извлекать из них или, наоборот, вкладывать в них всё что угодно, то схожий подход мы видим в современных методах анализа языка, основанных на позитивизме: смысл слов считается бесконечно подвижным, подверженным метафорическим истолкованиям, он никогда не может служить надежным фундаментом для работы мысли. Подлинно историческое исследование слов и конструктивистско-произвольное их перетолкование соединяются: с одной стороны, происходит погружение в поток смысла слов с тем, чтобы выхватить из него именно то, что в данный момент нужно сказать; с другой же, слова стремятся предстать перед нами этакими идолами, обладающими суггестивной энергией. Подобно тому, как в иные эпохи существовала вера в магическую силу слова, так и здесь возникает обращение со словом как с тайной изначальной силой, власть которой должна быть понята через обращение к действительному или мнимому архаическому смыслу.

Сюда же относится издавна присущая философии склонность — вместо исследования самих вещей заниматься исследованием слов, этимологическими разысканиями, либо, по крайней мере, дополнять исследование вещей исследованием слов. Хотя такая высокая оценка слов в целом понятна, если иметь в виду функцию слов в понимании мира, в четком осмыслении предметов, то все же стремление понять вещи, исходя из слов, вместо того, чтобы, исходя из вещей, осмыслять слова, имея в виду более глубокое, богатое, ясное познание сущего, является заблуждением. Исследование истории слов есть часть истории мысли. Но попытка понять бытие через смысл слов означала бы, что исследование языка стало универсальной историей духа и одновременно наукой о вещах, тогда как в действительности верно обратное: знание о вещах и история мысли являются условиями плодотворного исследования истории слов.

Те слова, которые больше не воспринимаются нашим сознанием в качестве метафор, тем не менее продолжают оставаться подвижными системами значений: они многогранны и являются носителями еще скрытых возможностей значения; они обладают некоторой атмосферой, глубиной и скрытым планом, а тем самым — весом. Живые слова никогда не бывают просто знаками. Но если даже они и могут выступать знаками для понятий, то всё же пока они остаются словами, они не превращаются в знаки. Существует радикальное различие между языком слов и языком знаков (применяемых с пользой в математике, логике и отчасти в таких естественных науках, как химия). Стремление рассудка к определенности и ясности превращает многозначные, полные смысла слова в точно определенные бессодержательные знаки. Знаки — это поддающиеся точному определению, однозначные выражения понятийного смысла, поэтому рассудок предпочитает их многозначным словам с подвижным значением.

Знак — это минимум языка. Когда рассудок начинает понимать те многочисленные ошибки, которые возникают благодаря языку, то возникает стремление преодолеть его и иметь дело только с вещами, избегая языка. Но это невозможно. В принципе допустим и такой ход мысли: чистое осознание сущности возможно; тогда мы могли бы познавать окружающее непосредственно, без языка. Он стал бы излишним. В действительности же мы в состоянии осмысливать значения, понятия, вещи только тогда, когда они связаны со словами и знаками. Правда, мы можем отделить мысли от языка, выражая их другими словами или же на другом языке. Но все же каким-то образом они должны быть закреплены. Язык абсолютно необходим не только затем, чтобы сообщить наши мысли другим, но и для самих себя мы формируем собственные мысли с помощью языка. Даже если психологически возможен неязыковой момент — лишенное языка, зачаточное движение души, то все равно мысль только тогда становится ясной, для меня самого осознанной и коммуникативной, если она воплотилась в языке. Без языка она не существует. Минимумом же языка является знак.

Закрепление значения в языке требует чувственного основания для звукового образа, письменного знака. Эта чувственная основа содержится в звуке, в музыкальном звучании, в интонации

предложения, в письменном знаке. Всё это одновременно есть и значение, и выражение в их бесконечных формах и движениях. Существует не только редкое и мимолетное из области чувственных впечатлений, выражаемое с помощью так называемых оно-матопозитических значений, но и необозримое соответствие чувственного материала значениям слов и знаков, существует выразительность всех звуков, форм, движений. В той мере, в какой смысловые образы могут приобретать характер конечности, обозримости, устойчивости и воспроизводимости, они приобретают знаковый характер; в той мере, в которой смысловые образы сохраняют скрытый план, который никогда не входит в конечное овладение языком, они сохраняют свою словесную природу.

аа) Итак, мы противопоставляем Слово и Знак.

<p>Знаки произвольны, они изобретены и в силу этого даны через определение. Знаки <i>однозначны</i>, и в их однозначности безжизненны, их функция — точное выражение установленного смысла.</p>	<p>Слова имеют историческое становление. Они — носители неопределенно богатых значений, развившихся в их реальном употреблении.</p>
<p>Знаки — однозначны. В этой однозначности они безжизненны; они служат <i>управляемой функциональности</i>. Они воплощают твердо установленный смысл.</p>	<p>Слова <i>многозначны</i>, но только по сравнению со знаками, в действительности же они образуют мир <i>подвижного</i>, но постоянно кристаллизирующегося вокруг этих слов <i>осознания</i> смысла, сущности вещей, опыта. Слова существуют как выражение и часть Всеобъемлющего.</p>
<p>Знаки имеют конечные значения и пригодны только для сознания вообще, они лишены атмосферы и скрытого смысла. Знаки исчерпываются своими определениями, поэтому их можно заменить другими, равноценными знаками (критерием в этом случае выступает их техническая пригодность для наиболее простого и удобного оперирования с мыслимым разнообразием).</p>	<p>Слова невозможно заменить другими словами, поэтому они в значительной степени <i>непереводимы</i>, как непереводимы, например, такие слова, как Gemut, Geist, Idee, Esprit, Elanusv.</p>
<p>Знаки понятны до конца, хотя в процессе использования их создателю открываются такие возможности, о которых он сначала и не думал.</p>	<p>В словах всегда остается некий осадок, он-то и представляет собой подлинную загадку. Их звучание нам безразлично, но и звучанием они характеризуются не полностью, но еще меньше — ассоциациями. Слова из очень далеких от нас языков передают некое настроение (табу, тотем, мана, дао, атман).</p>

бб) Жизнь слова во всеохватывающей целостности. Слово — это тоже знак, но и нечто большее. Эта избыточность актуального и потенциального значения полноты выражения, возможности коммуникации, способности побуждать к действию имеет своим источником универсальный метафорический характер всех звуковых образов и способность слов к постоянному пробуждению дремлющего смысла, порожденного историческими изменениями значений. Но всё же это — не единственный источник глубины слов.

Поведение языка соотносится со Всеобъемлющим. Язык есть постоянное прояснение из глубин активно действующего Всеобъемлющего, из жизни всех проявлений Всеобъемлющего. Только там, где целостность Всеобъемлющего исчезает в определенности конечных дефиниций, язык становится всего лишь языком знаков. Подлинный язык сохраняет качество бесконечности означивания, которую он носит в себе и которая выражает себя в нем. Знак — это конечный результат, итог, завершенность. В словах же жизнь существует за счет глубины скрытого плана: тут всегда присутствует некоторая незаконченность и какое-то смутное воспоминание, которые, подобно некоему предчувствию возможностей становления, постоянно поддерживают движение смысла в речи, находя одновременно в этом прояснении новое побуждение. Поэтому язык и есть одновременно выражение откровения и затемнение смысла. В конечной ясности и завершенной определенности он деградирует до простого знакового механизма, который поступает в распоряжение методического оперативного управления (*einer methodisch operative Verwendung zur Verfügung steht*). Постоянно сохраняющаяся неопределенность в раскрытии определенной ясности — этот недостаток одновременно характеризует ее подлинную истинность. Развитая и артикулированная рассудком логическая мысль представляет собой только одну из сторон языка. И только эта структура может быть превращена в чистый язык знаков. Слова и предложения — это не только обозначения вещей, но и выражение действий (*Vollzuge*), воспоминания о них, побуждение к ним; слова и предложения порождают нечто такое, что существует только в них и через них. Предмет осознается нами как нечто наличное не через произвольный выбор знаков, но через акт выражения, созидающий язык. Этот предмет

больше не является голым «нечто», но превращается в акт духа, внутреннее действие, внутренний опыт, способный к воспроизведению, знание о Всеобъемлющем и трансцендентном. Здесь мы видим взаимопроникновение языка и мысли, состояние, в котором слово (как знак) и предмет отныне существуют нераздельно.

Подлинным чудом языка является то, как в употреблении слов благодаря взаимосвязи мысли, языкового изображения и структур предложений (*Darstellungen und Satzgestalten*) происходит возникновение значений из самых простых, повседневных слов. Все проявления Всеобъемлющего являются источником перевода значений такого рода в то, что поддается сообщению (*in die Erscheinung der Mitteilbarkeit treten*).

вв) Многообразие языкового смысла как порождение Всеобъемлющего. Отношение «знак — значение» являет собой абстракцию от того, что хотя и существует в языке, но не исчерпывает его собой. Ведь язык пронизан пространством Всеобъемлющего. В языке мы видим движение от сообщения обыденных содержаний, однозначно выражаемых с помощью знаков, к выражению идей, а затем — и к выражению исторически неповторимой экзистенциальной коммуникации. В качестве носителя однозначных общепризнанных смыслов язык и становится языком знаков. В качестве носителя идей он есть субстанциональная жизнь народного языка. В лично-экзистенциальном качестве он становится непереводаемо-единичным (*unubertragbar einmalig*).

Язык — это явление чувственно-духовной природы, и эти стороны существуют в нем в нерасторжимом единстве. Мы живем в нем, и чем более релевантны и весомы для нас значения, тем менее мы можем разделить значения и язык, затрудняясь осуществить перевод с одного языка на другой, не можем даже употреблять предложения, оформленные с помощью средств одного языка, в другом без потери содержания и выразительности.

гг) Развитие природы чисто знакового языка и языка, наполненного экзистенциальным смыслом (*erfullter Wortsinn*), идет в направлениях, далеко удаляющихся друг от друга. Существует радикальное различие в способе познания, зависимое от того, стремимся ли мы к однозначному выражению смысла с помощью языка знаков как к конечной цели, или же смыслонаполненный, исторически сложившийся язык продолжает оста-

ваться обязательной формой сообщения, направленного на достижение конструктивной ясности (*gestaltete Klarheit*).

1. Рассудок требует однозначного знания, идентичного для всех мыслящих. Многозначность слова он противопоставляет однозначности знаков. Вот пример, как исторически смыслонаполненные слова превращаются в простые знаки. Слово «элемент» означает последние, неразложимые на дальнейшие составные части виды материи, а также ее первосущности и стихии. По мере развития физики и химии это знание многократно переосмыслялось, пока, наконец, под элементами не стали понимать 92 вещества, из которых химически состоят все материальные тела. Теперь элементы уже не мыслятся как последние составляющие. Элементы мыслятся состоящими из однородных атомов, сами в свою очередь состоят из «элементов» в старом смысле, т. е. из электронов, протонов и т. п. Таким образом, слово «элемент» в силу тех остатков эмоционального подгона, которое оно сохранило, либо оказывается непригодным, либо должно употребляться в качестве знака для вполне определенного предметного содержания, в котором исконный метафизический смысл — «последнее неделимое», «деятельная прасила» — оказался потерянным. Слово оказалось произвольным и полностью сведенным к его научному смыслу. Тем самым язык превратился в арсенал знаков, и в нем каждое слово может быть свободно замещено искусственными знаками.

То, что удалось в безупречно развитых точных науках, хотели бы осуществить во всех видах познания. Идеал точного абсолютно однозначного познания, которое понималось бы рассудком любого человека и могло бы быть продолжено с помощью ясно сформулированного метода, пытается переделать язык слов в язык точно определенных знаков. Тем самым пытаются избавиться от исторически сложившегося языка, от его вечной многозначности и использовать в качестве средства познания заново изобретенный язык знаков.

Действительно, существуют вещи, которые можно лучше описать с помощью знаков, чем с помощью языка, особенно тогда, когда изобретение знаков становится частью познания предмета и способствует его дальнейшему развитию. Значение знаков в математике, например, в случае использования арабских цифр

и позиционной записи, действительно огромно. Правильно выбранный знак открывает целые миры познания. Но мы можем видеть на исторических примерах, что введение знаков приводит в некоторых областях к поразительным заблуждениям: некоторым казалось, что с помощью знаков можно осуществить любое познание и все на свете выразить в знаках. Лейбниц не достиг желанного успеха, создавая свою *characteristic universalis*, и заблуждался, рассматривая китайскую письменность в качестве великолепного примера языка понятий, который мог бы распространить принципы функционирования математических знаков на всю сферу познания. С помощью изобретенных знаков велась своеобразная игра, которая сама по себе, может быть, была и «правильна», но за пределами узкого круга участников не оказала существенного влияния на познание.

В силу вышесказанного о языках знаков и специальных языках, в рамках которых и язык слов по возможности используется как язык знаков, необходимо поставить следующие вопросы.

а) Каковы признаки предметов, для которых необходимо создание **искусственных знаковых языков**, могущих способствовать плодотворному познанию? Ответ таков: эти предметы имеют математическую природу, поскольку в них требуется схватить количественную сторону или их формальную отнесенность. Такова формальная логика (логистика) как область познания, которая не является философией и не стремится осмыслить содержательную реальность. Но она не абсурдна, каковой была *characteristic universalis*, но возделывает поле знания о различиях в чистом виде.

Только в области того, что поддается математизации, можно адекватно выразить знание с помощью произвольно установленных знаков. Здесь мыслим идеал такого знания, которое исключало бы язык слов.

б) Каковы признаки предметов, по отношению к которым и в словесном языке следует стремиться к такой степени точности определений, при которой словесный язык приближается к языку знаков? Ответ таков: эти принципы имеют такие характеристики, которые могут быть идентично поняты любым рассудком, при повторении они остаются идентичны сами по себе, могут всеми

технически использоваться, т. е. не только одинаково познаваться, но и одинаково утилизироваться.

В естественнонаучном познании, в формальном конструировании права, в некоторых других отраслях знания этот путь вполне осмыслен, да предметы познания при этом являются нам в очень своеобразном виде: пустыми, лишенными качеств.

Ограничение познания тем, что поддается охвату с помощью дефиниций, тем, что может быть выражено в языке слов, максимально приближенном к языку знаков, изъяло бы из познания многое из того, что в нем так важно для человека.

2. Отсюда следующий вопрос: возможно ли достижение *ясности* и тем самым *познания* совсем *другого происхождения*?

Использование языка знаков предполагает ограничение всего познания именно теми его видами, которые осуществляют с помощью знаков. Все остальное презрительно отбрасывалось как поэзия, как выражение чувств, как осмысление проблем личной жизни. Не исключая эти понятия из сферы ценностей, им было отказано в статусе истинного познания, и тем самым они оказались в области неопределенного.

Но в этом «отброшенном» содержится огромная масса того, что не только во все времена считалось познанием, но и на самом деле в значительной степени представляет собой реальное познание. Сюда относятся большие области естественных наук и практически все гуманитарные науки.

Возникает вопрос, что же это такое, для чего существует ясность такого познания, которое не может быть охвачено строгими дефинициями, в какой степени это знание даже необходимо для точных наук, например, в области чувственного восприятия. Это знание всегда будет оставаться фундаментом для языка знаков, коль скоро язык слов не может быть без остатка сведен к языку знаков.

Но это познание идет всё же иным путем и в ином направлении, нежели познание с помощью языка знаков. При всей полезности ясных определений (ясности, достигаемой с помощью определений), оно движется к иной ясности — достигаемой в языке как таковом, языке слов.

Исходная точка, а равно и цель, здесь — не определения рассудка, не установление некоторой техники оперирования

с четко фиксированными содержаниями. Напротив, язык, с его непредсказуемой свободой, создает ясность в самом процессе своего осуществления, которое становится реальностью благодаря целому ряду актов языковой коммуникации. Сам ее процесс, последовательность, строение, действующие не как логическое доказательство, а как непосредственное воздействие, просветляет содержание, которое от этого вовсе не становится чисто субъективным, хотя и остается несводимым к рассудочному моменту.

Это познание тесно связано с богатством языка, в котором оно выражается. Вместе с языком оно приобретает характер историчности и порождает адекватный ему язык, изменяет его в процессе познания в нужном направлении. Здесь становится невозможно развить такое же эксплицитное и адекватное мышление, как при использовании языка знаков. Адекватным и эксплицитным оно будет в историческом смысле. Оно усваивается в некой общей атмосфере, всегда содержащей моменты неопределенности, усваивается именно человеком, который идет на встречу мышлению вместе с этим самым языком, а не сознанием вообще, которому необходимо всего лишь усвоить некоторую знаковую систему. То, что рассудком воспринимается как атмосфера неопределенности, то для духа, экзистенции и разума обладает качеством просветленной определенности.

Познавательное содержание этого языка должно постоянно заново порождаться целостным человеком из Всеобъемлющего, которое он собственно и есть. Оно, это содержание, не способно к идентичному воспроизведению и повторению, не может быть усвоено через простое заучивание и подражание. В то время как употребление заученного языка знаков является технически необходимым, соответствующим содержанию, идентичное воспроизведение (всегда только кажущееся идентичным) в подлинном языке быстро превращается в оперирование с пустыми оболочками. Напротив, в усвоении этих содержаний всегда должно сохраняться их непрерывное порождение (*Fortzeugen dieser Erkenntnisgehalte im Aneignen*); их приобретение и есть одновременно самоузнавание (*Selbsterfahren*) исторически сложившихся слов — и первую очередь философских первослов. При этом существует, в отличие от типизированного и механического употребления языка знаков (когда важен только критерий правильно-

сти), духовная и экзистенциальная ответственность (в отношении истины) при употреблении слов. Только в силу забвения и непонимания этого рода познания, особенно философского, возникает тенденция к превращению языка слов в язык знаков, к терминологизации языка, к его рассудочному использованию.

дд) **Многоуровневость значений.** Многообразие слов объясняется не только соединением значений на горизонтальном уровне. Большое значение имеет в этом случае различие групп значений, в зависимости от того, что в них понимается, мыслится, становится осознанным.

1. Функции языка.

аа) **Язык служит выражением бытия.** Он порожден бытием и отнюдь не является неким техническим средством. Язык принадлежит бытию. Но это не означает, что мы, торопясь рационализировать границу нашего понимания, превращаем язык в источник бытия, вместо того, чтобы высветить его как источник нашего понимания бытия. Сущее уже есть до языка и для языка, прежде чем оно может быть охвачено, понято, истолковано в языке и стать тем самым для нас действенным. А в мифе эта загадка может быть выражена так: «В начале было Слово, ...», «И сказал Бог, пусть будет ... и стало ...».

бб) **Сообщение.** Благодаря языку возможно сообщение, которое совершается не через бессмысленное и произвольное повторение, но через интенцию на предмет. Опираясь на каркас этой предметной интенции, сообщение включает бесконечные возможности — от технически целесообразных моментов до трансцендирования во Всеобъемлющее, от приказа до созерцающего размышления, от рационального мышления до полноты переживания и спонтанности решения, от бесстрастного теоретического решения до полного слияния душ.

вв) **Место сохранения.** Язык является также местом сохранения достигнутого знания, проясненного чувствования, осмысленного воления. Язык можно сравнить с сокровищницей дремлющего знания, которое всегда может быть разбужено говорящим. Язык представляет нам опорные пункты для дальнейшего продвижения познания, поскольку он закрепляет то, что уже достигнуто в мысли. В силу существования языка (*vermoge der*

Sprache) осуществляются воспоминание, сохранение, устроение и продвижение познания.

2. **Мышление привязано к языку.** Только мысля, мы — люди. Только с опорой на язык мы способны мыслить. Потому-то Аристотель и говорил, что человек — это *zoon logon echon*. Логос есть и мышление, и говорение. Язык есть событие чувственной природы, которое происходит в духовной сфере. Он демонстрирует неотделимость нашего мышления от чувственного опыта. Самое чистое мышление требует именно того минимума чувственного материала, который и даст язык. Ниже мы обсудим этот общий феномен в его частных проявлениях.

а) **Мышлению требуются чувственные опорные пункты вообще и язык в особенности.** Если язык должен наличествовать во всех моментах познания как чувственная доминанта, то и чувственное в целом может рассматриваться как язык в широком смысле. В этом отношении языком могут быть жест, действие, изображение. Все, нечто «означающее» или в чем подразумевается нечто иное, и есть в этом смысле язык.

Так, например, когда я провожу вскрытие, я как бы пользуюсь особым языком: каждый разрез, точный и осмысленный, совершаемый в необходимой последовательности, являет собой речь без слов, обозначение, выражаемое через деятельность.

Также и каждое изображение есть язык, конструктивное отображение — в большей степени, чем фотография. Точность этого языка заключена в замысле, в понятийной природе начертаний и линий. Результаты анатомического и морфологического познания вообще нельзя ясно передать без изображения.

Однако язык слов находит здесь лишь обогащающее дополнение, а вовсе не полную замену. Производимые нами разрезы и изображения нуждаются в языке — особенно при обучении и для их правильной интерпретации.

б) **Мышление есть сообщение и требует языка.** Дробление бытия (*Sein*) на фрагменты наличного бытия (*Dasein*) требует коммуникации. Мышление возможно только в коммуникации — сообщении (*Mitteilung*), будь то в коммуникации с другими, будь то моего «Я» с самим собой, не всегда выражающейся в вопросе и ответе, но в движении постоянного самодополнения. Наше мышление связано с языком, поскольку есть коммуникация —

сообщение. Я не смогу ничего понять, не общаясь по крайней мере с самим собой.

в) **Узость сознания требует точек концентрации чувственной природы.** Узость сознания принуждает мышление к конструктивной деятельности во времени. Мы должны производить последовательности артикулированных мыслительных шагов, которые надстраиваются друг на друге, чтобы объять предмет, который не дан нам в каждом отдельном таком шаге. Это необходимо разъяснять с позиций психологии: каждый шаг нашего сознания включает в себя каждый раз только один проблеск внимания (*Aufmerksamkeitstrahl*), в котором мы фиксируем некоторое мыслимое содержание. Мы идем от представления к представлению, от мысли к мысли, возвращаемся, сравниваем, соотносим. Эти акты в их последовательности выстраивают то, что затем возможно объять мышлением в одном единственном акте благодаря готовности всего ранее неосмысленного материала. То, что человек не может когда-либо объять в одном акте, никогда не будет для него мыслимым предметом. Впоследствии этот целостный акт может быть снова развернут и вновь подвергнут осмыслению. Существуют темные акты, полные бесконечного содержания, которые, однако, не есть знание, до конца разложимое на суждения. Это-то временное движение познания и привязано к языку. Подобно тому как для чистого мышления наличие чувственных точек опоры несущественно, — напротив, живое мышление всегда включает в себя фрагменты представлений, наглядные и метафорические образы и схемы в качестве точек опоры, благодаря чему всегда имеет чувственную природу. Также и всякая четкая последовательность мышления требует чувственных доминант в языке, чтобы зафиксировать «значения» и держать их наготове, для организации мыслительного процесса. Только таким образом можно не только закрепить некоторый фрагмент знания, уже приобретшего языковую форму (*Wissensmeinung*), но и сконцентрировать всё растущий объем мнимых фрагментов в одной единственной языковой точке опоры.

г) **Мышление без языка как граница, источник и завершение.** Никогда не снимается вопрос о мышлении без языка. Действительно, не является ли наше мышление в определенные, даже важные моменты безъязыковым? Если это и так, то оно явля-

ет собой либо границу, за которой язык замещается чувственной наглядностью, либо тот источник, который порождает язык, либо некое завершение, в котором язык уже становится ненужным.

аа) **Мышление в значениях, выраженных в образах, фигурах, схемах, не является подлинно безъязыковым.** Это мышление, правда, может до определенной степени разворачиваться без языка, но затем оно все же стремится к языку, в котором до конца просветляется и продолжается, тогда как наглядное являет собой канву именно благодаря своему собственному, уже осуществившемуся языку. Вполне возможно «мыслить» не в словах, а в образах, мифах, богах, ландшафтах, красках, природных явлениях и действиях. Все примитивные картины мира построенные именно таким образом, а язык слов соотнесен со всем этим.

Мы оперируем фигурами, числами, мыслим силлогизмами, узнаем существенное, не прибегая к языку знаков, только в самом начале, либо — временами — при продолжении процесса мышления. Мы живем в структурах, способных к предвосхищению, в схемах, классификациях и категориях понимания. Благодаря им разворачивается рациональное начало через взаимное ограничение значений, возникает обозримость и членение наглядного опыта. При этом язык слов стоит как бы на заднем плане, постоянно готовый внести ясность в наше познание. Он был ранее условием этой ясности, которая затем — и в очень широких пределах — осуществляется как бы и без него.

бб) Мышление без языка возможно, вероятно, **как зарождение и как переходное состояние.** Самое важное в познании: прорыв к новому, момент зарождения мысли, самое первое, предвосхищающее понимание — всё это, вероятно, осуществляется в мышлении без языка.

Но то, что схвачено здесь в зародыше, нельзя до конца понять без языка; без языка нет и развития этого знания. В сущности, нет и никакого опережения: нет ни мышления до речи, ни речи до мышления, — но момент зарождения мысли и есть та самая исходная точка, в которой начинается процесс создания речи. Это можно понять как интуитивное усмотрение и понимание до языка, которое затем действительно реализуется — но только в языке. Мышление и речь едины, развитие одного предполагает развитие другого. Только граница являет собой ту

точку начала языкового процесса, тот зародыш, который, по всей вероятности, лежит за пределами языка, но являться нам он может только в языковой форме.

Поэтому любое наше понимание, понятие, видение судорожно стремится к языковому выражению, поскольку только в нем оно достигает ясности и устойчивости. Когда мы только ищем слова, то возникает совершенно особое состояние униженной неопределенности, предваряющего поиска.

вв) Наверное, все же есть некое **преодоление языка**, модус жизни, когда он и не нужен, когда речь переживается как некое недоразумение. Существуют две противоположные тенденции: молчание как неспособность превращения мыслимого в язык, и полнота молчания, выходящего за узкие границы языка: есть что-то в бытии природы, что-то во мне самом как части природы; и то, и другое как событие, чуждое времени, существующее как конкретное бытие, неспособное к языку, не достигает без этого языка понимания. Кроме неартикулированного разума, стремящегося к ясности и в языке достигающего своей собственной сущности (*der zur Helle drangt und in der Sprache zu sich kommt*), не следует игнорировать и некое неязыковое начало, с которым никакой язык ничего не может поделать. Главная трудность состоит в том, чтобы познать это движущее начало, достигнув подлинного молчания. Тогда говорение станет абсолютно излишним, затемняющим порыв благовейно молчащего бытия.

Совсем иной природы безъязыковость после языка. Просветленный дух, пронизывая язык, выступает как средство выявления бытия экзистенции. В сфере безъязыкового мной не овладевает никакое стихийно-примитивное начало, но, напротив, просветленное и наполненное достигает здесь своего совершенства. Экстазу опьянения противостоит экстаз осмысленной интуиции, витальному погружению в природу противопоставлен бестелесный переход в сверхчувственное бытие. Язык становится излишним, поскольку он удаляет нас от глубины созвучия с бытием.

Если наша духовная осознанность закончена в языке, то границей будет не только доязыковое и все еще безъязычное, это жуткое молчание, но сверхъязыковой момент бытия, таящий в себе любой язык в своем наполненном молчании.

г) **В какой мере язык содержит в себе больше, чем мышление?** В языке заключена определенная логическая структура. Но она может быть сравнима лишь со скелетом языка, и не есть сама жизнь языка. Правда, этот скелет скрепляет собой все алогическое, что просветляется в языке, придает устойчивость всему, что поднимается из глубин Всеобъемлющего. Но и рациональное отнюдь не есть нечто застывшее — напротив, оно гибко и способно к трансформациям. Все, что опирается в своем становлении и формировании на эти структуры рационального, и есть опыт в собственном смысле, способный понимать сам себя и готовый к дальнейшему совершенствованию.

Мир, который открывается в языке, более обширен, чем мир того, что может вообще мыслиться (*die Welt der Denkbarkeit*). Но этот обширный мир в свою очередь освещается только тем светом, который падает на него, когда он соприкасается с мышлением.

То, что открывается в языках, хотя собственно мышлением и не является, но придает любому мышлению содержание, какое само может развиваться вместе с языком и в языке благодаря ферменту языка.

Насколько значительно присутствие мышления во всем, что выступает для нас как некое содержание, можно понять, задав себе вопрос, существует ли нечто, что можно непосредственно понять через слово, по сравнению с тем, что мы создаем при посредстве понятий. Тогда выясняется, что слово приобретает смысл только благодаря заключенному в нем понятию. Все осознается человеком только через понятия, либо по меньшей мере через зачатки понятий.

Ложным было бы такое воззрение: язык представляет собой рациональное, перекрытое и искаженное выражением чувств. То, что называется обычно «выражением чувств», содержит как раз все измерения языкового содержания и все проблемы понимания речи.

с) **Каждый из нас становится человеком, усваивая язык.** Только через язык нам становится доступным духовное наследие. Глухонемые остаются слабоумными, если они не прошли языкового обучения. Те, которых обучали, обнаруживают определенную степень способности переноса языкового содержания из акустической в иную чувственную форму. Но все равно остаются

непреодолимые трудности в мышлении глухонемых; при этом переводе в немые жесты язык, по всей видимости, теряет часть своей духовно-творческой энергии.

Усвоение языка предопределяет богатство индивидуально-го духа, которое он получает практически бессознательно. Поэтому верно говорится: язык думает за меня. Поэтому-то для нашего духовного развития так важно усвоение полного языка через чтение произведений мыслителей, отличающихся высокой языкотворческой способностью, в то время как языковая нищета работ по многим специальным наукам ничего не прибавляет к духовному развитию даже и при обильном чтении. Легко читаются специальные научные труды на иностранных языках, которыми мы плохо владеем. Но только проникновение в оригинальные усилия творческих умов расширяет горизонт мышления.

Полное усвоение глубин происходит у каждого отдельного человека один раз в жизни. Так обстоят дела и в отношении языка. Но этот момент историчности, несмотря на то, что он экзистенциально не укоренён, превращается в тормоз, если открытость и готовность к усвоению не выходят за пределы этого единичного события. Претенциозная эксклюзивность в языке делает нас ограниченными. Преодоление духовных пределов, налагаемых каждым отдельным национальным языком, хорошо выражено в высказывании императора Карла V: «Сколько языков я знаю, столько раз я человек». Умножение человеческого бытия имеет своим основанием историчность бытия человека. Оно порождает многообразие, стремящееся к взаимопониманию, претворяющееся в коммуникацию, цель которой — непостижимое Единство (*die das Unfaßliche Eine Will*). По своей собственной природе человек может быть только единым в многообразном. Поэтому-то в своем языке он живет совершенно один. И только историчность его бытия наставляет его на путь к Единству.

РАЗДЕЛ I

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ПОРТНОВА: ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Глава I

ЯЗЫК — МЫШЛЕНИЕ — СОЗНАНИЕ

Роль языка в осознании действительности

Целью настоящего исследования является рассмотрение одного из аспектов проблемы взаимоотношения языка и мышления. Утверждения о влиянии результатов мыслительной деятельности на язык, о его лексическом составе и структуре, в общем не вызывают возражений. Но, начиная с XVIII века, высказываются мысли об определяющем влиянии языка на мышление и, тем самым, на все сознательное поведение и культуру народов. Гипотеза о детерминирующем влиянии языка на сознательную деятельность связана в европейской научной традиции с именами В. Гумбольдта, И. Л. Вайсгербера, И. Трира, а в американской — с именами Э. Сепира, Б. Л. Уорфа и школой общей семантики.

Сущность их подхода состоит в следующем: действительность предстает перед человеком как сплошной континуум впечатлений, язык же выступает как причина и средство членения этого сплошного потока. Справедливо полагая, что все данные, поступающие от органов чувств, опосредствуются языком, эти авторы отрывают язык от действительности, считая, что способ, каким в языке подразделяются предметы и явления действительности, внутренне присущ самому языку, является следствием самопроизвольного развития «промежуточного языкового мира». Образ мира в сознании лишь в самой незначительной степени зависит от самой действительности, определяющим фактором является «лингвистическая картина мира». Восприятие действительности полностью зависит от употребляемого языка. По мнению Б. Л. Уорфа возможно выдвигание нового принципа относительности, «...который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную кар-

тину действительности при сходности или по крайней мере при соотносительности языковых систем»². Если бы у человечества был только один язык,— утверждает И. Л. Вайсгербер, — то это значительно обеднило бы познание человечества³. Эта точка зрения получила название «гипотеза (в зарубежной литературе — теория) лингвистической относительности».

В противоположность этой гипотезе советский философ Г. А. Брутян развивает «принцип лингвистической дополнителности». Согласно этому принципу в единой картине мира, существующей в сознании человека, выделяются два относительно самостоятельных образования — логическая и лингвистическая модели действительности. И та и другая существуют в слове и только благодаря слову (отметим этот момент). Информационное содержание слова следует расчленять на «концептуальное содержание» и лингвистическое значение. Концептуальное содержание (логическое содержание, понятие) есть инвариант. Лингвистическое же содержание варьирует и зависит от характера каждого данного языка. При осознании действительности человек извлекает основную информацию из понятийных схем, языковые же значения выступают как дополнительный источник сведений о мире, уточняя и корректируя результаты логического познания⁴.

Напомним, что принцип дополнителности, как он был сформулирован Нильсом Бором, заключается в том, что «...данные, полученные при помощи разных экспериментальных установок, находятся в своеобразном дополнительном отношении друг к другу, такого рода данные хотя и кажутся противоречащими друг другу при попытке скомбинировать их в одну картину, на самом деле исчерпывают все, что мы можем узнать о предмете»⁵. Применительно к познающей деятельности человеческого сознания прин-

---

² Уорф Л. Отношение норм мышления и поведения к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 175.

³ Weisgerber I. L. Das Gesetz der Sprache. Heidelberg, 1951. S. 170—171.

⁴ Брутян Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван, 1968; *Его же*. Принцип лингвистической деятельности // Философские науки. 1969. № 3; *Его же*. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Вопросы философии. 1972. № 10; *Его же*. Методологические аспекты принципа дополнителности // Философские науки. 1974. № 5.

⁵ Бор Н. Атомная физика и философия // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 144.

цип лингвистической дополнительности означает, что в осознании действительности принимают участие два относительно независимых инструмента — мысль и язык, а результаты познания находят свое отражение соответственно в понятиях и значениях. Соединение этих «равноправных» в смысле вещественного существования и рядом положенных в сознании процессов и явлений (Г. П. Щедровицкий)⁶ должно дать нам более полную картину действительности, чем просто логическое отражение.

Формулируя принцип дополнительности, Г. А. Брутян четко и последовательно выразил то, что в неявной форме содержится в работах целого ряда советских и зарубежных ученых. Часто приходится читать, что различные языки по-разному «сортируют» предметы, по-особому «расчленяют» действительность, наговаривая тем самым на образование не вполне аналогичных мыслей⁷. В несколько иной форме идея дополнительности высказывается В. Н. Мигириным, который считает, что «совокупность категорий, находящихся в распоряжении языка, можно назвать или лингвистической моделью отражения или сегментационно-классификационной программой языка. Лингвистическая модель в отличии от научной, понятийной более полно отражает действительность, универсальна... может накладываться на любой участок действительности...»⁸.

Основное допущение как лингвистической дополнительности, так и лингвистической относительности, состоит в том, что отражение действительности в понятиях и значениях языка суть две самостоятельные, хотя и взаимосвязанные формы идеального отражения. Система понятий не совпадает с системой значений, что дает нам разные модели действительности — понятийную, точную, являющуюся результатом целенаправленной познавательной активности человеческого сознания, и языковую, воз-

---

⁶ Щедровицкий Г. П. Языковое мышление и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 38.

⁷ См., например: Звезгинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1957; Щиплан. Введение в лексикологию и семасиологию. Лейпциг, 1971; Мартинс А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963; Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

⁸ Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973. С. 228.

никшую стихийно, а поэтому неточную, подчиняющуюся своим внутренним законам.

Точка зрения, согласно которой язык отражает мир постольку «...поскольку фиксирует круг понятий, в которых и отражен объективный мир»⁹, довольно широко распространена. Согласно таким воззрениям сущность перехода от чувственного отражения к рациональному состоит в том, что сначала происходит отвлечение и обобщение различных сторон чувственных вещей, а затем «...определившееся в мышлении содержание понятия закрепляется, облачаясь в форму слова»¹⁰. В своем наиболее последовательном выражении эта точка зрения означает, что понятие «...могло существовать и до появления слова»¹¹. Поскольку язык включается в отражательную деятельность на самом последнем ее этапе, то остается предположить, что значения языка как-то присоединяются к результату познания, каким-то образом «дополняют его».

Объективно такая точка зрения ведет к утверждению чрезвычайно примитивного понимания сущности человеческого познания, к отрыву мышления от языка. Подводя итог экспериментальным и теоретическим исследованиям в области формирования понятий выдающийся советский психолог Л. С. Выготский подчеркивал, что в образовании понятий участвуют все элементарные интеллектуальные функции, «...причем центральным моментом всей этой операции является функциональное употребление слова в качестве средства произвольного направления внимания, абстрагирования, выделения отдельных признаков, их синтеза и символизации с помощью знака»¹².

Мышление человека, чтобы быть в главном творческим, пластичным, должно опираться кроме словесно означенных понятий также и на вспомогательные приемы и орудия типа схем, планов, зрительно представляемых образных картин. Особенно это выражено в т. н. «техническом мышлении». Понятия же как

---

⁹ *Авакян А.* Гносеологический анализ гипотезы Сепира-Уорфа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ереван, 1972. С. 12.

¹⁰ *Резников Л. О.* Понятие и слово. Л., 1958. С. 8.

¹¹ *Серебренников Б. А.* К проблеме сущности языка // *Общее языкознание.* М., 1970. С. 43.

¹² *Выготский Л. С.* Мышление и речь // *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 210.

расчлененная форма знания являются результатом дискурсивно-логического, то есть рассуждающего словесного мышления.

Понимая, что при объяснении процесса образования понятий трудно обойтись без языка, В. А. Звегинцев пытается обосновать разницу между понятийным и лингвистическим отражением следующим образом: в формировании значений участвует отражаемый предмет, мышление и система языка, в образовании же понятия — предмет, деятельность сознания и некий язык «вообще». Это положение доказывается тем, что в процессе мышления мысль направлена на отражаемый предмет, а не на значения языка, от которых якобы можно отвлечься¹³. Что же в таком случае останется от слова? Очевидно лишь звук, лишенный значения! В процессе мышления язык выступает не только как материальное, как звучание, но и как идеальное. Поэтому утверждение, что в процессе образования понятий можно отвлечься от семантики, от системы значений, в которой запечатлен опыт предшествующих поколений, сближает данную точку зрения с различными механистическими теориями мышления бихевиористского толка.

Указывается также, что в понятии обобщены существенные признаки предметов и явлений, а в значениях якобы дано несколько нелогичное отражение действительности. При этом забывают, что в языке отражены результаты познания предыдущих поколений. На каждой ступени общественного развития отражение мира в той или иной степени односторонне, огрублено, не точно. «Память языка» сохраняет для последующих поколений такие слова и грамматические формы, в которых зафиксированы представления, не соответствующие современному уровню знания. Если рассматривать такие языковые единицы изолированно, вне их действительного употребления, то может в самом деле создаться впечатление, что они должны влиять на осознание действительности. В реальном употреблении они, как правило, наполняются новым содержанием, служат средством выражения нового понятия. Мы говорим «солнце встает — заходит», но мыслим себе нечто иное. Другой пример: в языке коми существует только один предлог для передачи русских предлогов «на» и «над», однако в речи этот предлог употребляется различным

---

¹³ Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1957. С. 346—347.

способом, *так что* говорящему и слушающему ясно, в каком положении находится предмет¹⁴. Сюда же относятся и следующие случаи: природные условия и особенности практической деятельности заставляли некоторые народы выделять и обозначать словом только некоторые цвета спектра¹⁵. Когда же изменившиеся условия общественной практики потребовали более тонкого цветоразличения, то стали использоваться соответствующие слова — указатели, конкретизирующие в контексте значения основных наименований цветов спектра. В других случаях дифференциация цветообозначения происходит за счет присвоения новых значений, имеющимся в языке лексемам.

Следует также иметь в виду, что понятие и его языковой аналог в виде значения не идентичны полностью отображаемому предмету. Материальные и социальные условия существования народов по-разному «поворачивали» к ним предмет и явления, заставляя отмечать в них различные признаки и особенности. Это имеет место и в наши дни. Так, спички появились во всех странах Европы примерно в одно и то же время, но русские увидели в них «маленькие спицы», украинцы и испанцы подчеркнули материал головки: укр. «серники», исп. «fosforos», немцы способ зажигания «Streichholz» от «streichen» — «чиркать», а французы отметили результат «allumette» от «lumiere» — «свет». Это не значит, что понятие «спички» различно у всех этих народов, но лишь наглядно иллюстрирует тот факт, что каждый предмет имеет множество сторон, которые и отражаются в мышлении и языке.

Язык не более нелогичен чем мышление. Немцы, англичане, скандинавы различают в своей речи и мышлении «hand» и «arm», но можно говорить и мыслить «рука», имея в виду всю конечность в целом, и в каждом из таких понятий есть своя логика. В природе не существуют понятия как таковые, а лишь предметы, явления, свойства и отношения. Поэтому неверными представляются рассуждения о том, что значения языка по-особому «рассекают» понятийные поля. С нашей точки зрения, речь должна идти о том, что один и тот же референт в действительности может по-разному

---

¹⁴ Кобзарева Т. Ю., Лахути Л. Г. О структуре денотативного значения предлогов // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 124.

¹⁵ Москович В. М. Семантическое поле цветообозначения и некоторые аспекты гипотезы Сепира-Уорфа в его книге «Статистика и семантика». М., 1969.

отражаться в понятиях, существующих у разных народов. Причиной такого рода различий являются неодинаковые условия существования (материальная и социальная среда), особенности отражающей деятельности человеческого мышления и, наконец, структурные особенности языка, выступающего как орудие познания. Исследования в области теории перевода показывают, однако, что несмотря на существенные подчас различия в объеме понятий и на языковые условия оформления понятий, любое мыслительное содержание, выраженное в данном языке, может быть передано некоторой системой средств другого языка¹⁶.

Соответственно проблема влияния значений языка на отражение действительности трансформируется в проблему влияния системы понятий, выраженных в данном языке.

В этой связи большой интерес представляют экспериментальные данные. Группа психологов исследовала влияние отсутствия слов для обозначения отдельных цветов спектра, а также самих слов «цвет» и «форма» на классификацию предметов по признакам цвета и формы. Согласно лингвистической относительности или лингвистической дополнительности отсутствие тех или иных элементов в «лингвистической картине мира» должно было бы существенно влиять на восприятие соответствующих явлений. Опытное исследование показало, что в действительности дело обстоит значительно сложнее¹⁷. Испытуемые (дети дошкольного и школьного возраста) были в состоянии группировать предметы как по признакам всех цветов спектра, так и по признакам формы и цвета. Отмечается также определенный процент ошибок при группировке предметов по тем цветам, для которых данный язык (язык уолоф — Западная Африка) не имеет обозначения. Успешность классификации и группировки увеличивается по мере того, как в речи испытуемых начинали использоваться соответствующие французские слова. Таковы факты, лежащие на поверхности. Казалось бы, что они свидетельствуют в пользу лингвистической относительности. Но из этих данных можно сделать и иные выводы.

---

¹⁶ Mounin G. Les problemes theoretiques de la traduction. Paris, 1963.

¹⁷ См.: Исследования развития познавательной деятельности. М., 1971. С. 321—373.

В раннем детстве, когда еще не сформировалось мышление в понятиях, дети в поисках оснований для классификации предметов и явлений вынуждены в значительной степени опираться на данные языка, относя к одному классу предметы и явления, обозначенные одним способом. Вместе с языком ребенок усваивает мир выделенных предметов. Поэтому, если в опыте данного языкового коллектива не выделяется и не обозначается какой-либо предмет, явление, свойство, отношение, то это, видимо, в некоторой степени затрудняет его восприятие. В процессе познания мир выделенных предметов, который человек получает в языке от предшествующих поколений, постоянно соотносится через практическую деятельность и деятельность общения с действительностью. В результате такого соотношения может происходить выделение и обозначение словом новых предметов, слов и отношений. Тем самым, происходит обогащение лексико-понятийной системы. Описанный выше эксперимент как раз и представляет собой задачу на формирование понятий все более высокой ступени абстракции. До эксперимента испытуемые выделяли предметы по форме и цвету на основе общего представления, не обозначенного словом. Когда же в ходе обучающего эксперимента у них стали образовываться соответствующие понятия, то понадобилось и слово, которое и было «создано» самым простым в данной ситуации способом — путем заимствования из другого языка. Авторы совершенно справедливо полагают, что решающим для осознания действительности является не количественное богатство словаря в той или иной области, а наличие или отсутствие в словаре «...слов высшего порядка, которые можно было бы использовать для интеграции слов и объектов из разных сфер жизни в иерархические структуры»¹⁸. То есть речь идет о том, что главным является система понятий, которой располагает данное общество, а также отражены ли понятия в сознании индивида в виде системы или в виде простого множества.

Подводя итог выше сказанному, мы хотели бы отметить следующие моменты. Представляется, что сама проблема возможного влияния языка, взятого со стороны значения, на понятийное отражение возникла в силу недостаточно четкого пони-

---

¹⁸ См.: Там же. С. 360.

мания рядом авторов гносеологической и психологической природы понятий. Отделение понятия от значения, их противопоставление друг другу, ведет к делению плана идеального на две части, о чем наука не располагает никакими сведениями. Очевидно, что и понятие и значение имеют идеальную природу, а следовательно, должны быть каким-то образом материализованы, «...но если понятие и значение материализуются в слове одинаковым образом, то разница между ними становится неуловимой или необъяснимой»¹⁹. Язык и мышление образуют в процессе осознания действительности единство. Но язык отражает действительность не в силу того, что он привешивает ярлычки к некоторым готовым мыслительным сущностям, превращая их тем самым в понятия, а в силу того, что он самым интимнейшим образом участвует в формировании понятий. В процессе познания наиболее ярко проявляется двойственная природа языка. С одной стороны, он выступает как материальное явление, делая возможным отвлечение и закрепление признаков с помощью словесного знака. С другой, он выступает как идеальное явление — в семантике слова отражен опыт предыдущих поколений, без которого невозможно дальнейшее продвижение по пути познания.

Правильно определенное понятие должно покрывать собой всю содержательную сторону того, что субъективно переживаетея как значение слова. То, что часто обозначается как особенности системы значений, является, на наш взгляд, особенностями системы понятий, существующей у данного народа. На наш взгляд, речь должна идти не о дополнительности понятий и значений, мышления и языка, а о дополнительности систем понятий-значений, выражаемых различными языками, с учетом, разумеется, материальных причин, обусловивших эти различия.

Язык и память человека

Проблеме взаимоотношения языка и мышления посвящено огромное количество работ. Это обусловлено прежде всего важностью этой проблемы, но также в известной мере и

---

¹⁹ Колишанский Г. В. Семантика слова в логическом аспекте // Язык и мышление. М., 1967. С. 199.

инерцией научного мышления. Изучение разнообразных связей, существующих между языком и различными формами мышления, безусловно, очень важно, для постижения закономерностей осознания действительности человеком. Однако, как совершенно справедливо указывает Е. В. Шорохова, к мнению которой мы полностью присоединяемся, «положение Маркса о том, что язык является реальностью мысли, следует понимать в самом широком смысле: язык является реальностью всякого сознательного психического явления. Поэтому, если мы хотим правильно понять специфические особенности отражения человека, следует рассматривать не только связь речи с наиболее высокими формами отражения, к которым прежде всего относится мышление, но и связь речи с самыми элементарными из них...»²⁰.

Признание языка практическим, существующим сначала для других людей, и лишь тем самым существующим также для меня самого действительным сознанием²¹ выдвигает задачу исследования роли языка в процессах памяти, восприятия, внимания. Исследования подобного рода могут иметь большое значение не только для марксистской теории сознания, уточняя наши представления о его структуре и функционировании, но также и для развития теории познания. Положение о том, что чувственное познание человека опосредуется мышлением в понятиях, давно стало общепризнанным в марксистской гносеологии. Однако, если принять, что язык имеет отношение только к деятельности мышления и совершенно не затрагивает процессы чувственного познания и памяти, то отношение рационального и чувственного оказывается мистифицированным: остается совершенно непонятым конкретный механизм влияния мышления как высшей формы отражения на все остальные познавательные процессы.

Приходится с удивлением констатировать, что, хотя в советской и передовой зарубежной психологии имеется значительное количество исследований, в которых показано, что правиль-

---

²⁰ Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961. С. 46.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 3. С. 29.

ное понимание роли языка в осознании действительности человеком невозможно без осмысления его роли в процессах чувственного познания и памяти²², в советской философской литературе все же мало работ, посвященных этой проблематике²³. По-прежнему главное внимание уделяется взаимосвязи только языка и мышления. Причем в силу указанных выше причин такое одностороннее рассмотрение их взаимосвязи не может быть настоящим продуктивным.

Исследование процессов памяти — бурно развивающаяся область современной нейрофизиологии, которая существенно обогатила наши представления о структуре мнестического процесса, его мозговых механизмов и т. д. Вместе с этим наблюдаются определенные методологические трудности, связанные с тем, что исследователям зачастую неясно, какие явления следует отнести к «памяти» в строгом смысле, а какие нет. Особенно большие методологические трудности возникают для ряда исследователей при выделении признаков памяти человека в отличие ее от сходных процессов животных (особенно антропоидов). Так, физиолог Л. А. Фирсов, отмечая зыбкость границ между следовыми процессами и памятью, выделяет тенденцию «слить их воедино и все называть "памятью" — от генетического кода и иммунных реакций до высших форм хранения информации, свойственных человеку»²⁴.

Как видим, определение объема понятия «память» вызывает значительные затруднения у некоторых исследователей.

---

²² См., напр., *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956; *Его же.* Развитие высших психических функций. М., 1960; *Блонский П. П.* Избранные психологические произведения. М., 1964; *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974; *Его же.* Нейропсихология памяти. Т. 1-2. М., 1974—1976; *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972; *Ляудис В. Я.* Память в процессе развития. М., 1976; *Трошихина Ю. Г.* Филонтогенез функции памяти. М., 1978; *Eysenk M. W.* Human memory. Oxford, N. Y., 1977; *Handbook of learning and cognitive processes.* Vol. 5. Human information processing. Hillsdale, N. Y.; L., 1978; *Cognition and memory.* Berlin, 1980; *Rosenthal T. L., Zimmerman B. J.* Social learning and cognition. N. Y., 1978.

²³ См., напр.: *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929; *Исмаилов Б.* Язык и познание мира. Ташкент, 1969; *Поринев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974; *Кориунов А. М.* Диалектика чувственного отражения // Философские науки. 1979. № 1.

²⁴ *Фирсов Л. А.* Поведение антропоидов в природных условиях. Л., 1977. С. 80.

Аналогично обстоит дело и с содержанием этого понятия. Так, подавляющее большинство исследователей выделяет такие формы памяти, как кратковременная и долговременная память. «Под долговременной памятью позволительно понимать, — пишет Л. А. Фирсов, — наряду с условнорефлекторной, и такие формы, как эмоциональная, образная, импринтинг, подражание и проч.»²⁵. Такое расширенное толкование памяти, какое мы имеем в целом ряде физиологических и зоопсихологических исследований, не может быть продуктивным в философском исследовании. «Кибернетизация» памяти, с которой часто приходится сталкиваться, то есть рассмотрение памяти по аналогии с процессами записи, хранения, воспроизведения информации в ЭВМ, также малоудовлетворительна с точки зрения использования в философском исследовании.

И тот и другой подход оправданы, вероятно, в рамках специальных исследований, но общеметодологического значения иметь не могут в силу присущего им глубокого и принципиального антиисторизма, и как следствие — игнорирование специфики памяти и психики человека в целом.

Философия марксизма подходит к сознанию как к наиболее сложной форме отражения действительности, как к продукту общественно-исторического процесса, рассматривая основные формы сознательной деятельности как этапы этого процесса. «Проявление психических процессов у человека действительно осуществляется как проявление его сознания. Сознание человека, как осознание себя и своего отношения к окружающему миру, осуществляется через деятельность всех психических процессов»²⁶. Поэтому анализ всех психических процессов (в данном случае памяти) должен проводиться с учетом целостности, недизъюнктивности сознания, с учетом того, что все психические процессы в филогенезе развивались и развиваются как единое целое в процессе жизнедеятельности организма и взаимодействия с окружающей средой.

---

²⁵ Там же. С. 81; см. также: *Беритаивили И. С.* Память позвоночных животных: ее характеристика и происхождение. М., 1974.

²⁶ *Антонов Н. П.* Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959. С. 191.

Память, в свете работ советских ученых²⁷, рассматривается как особый параметр психической деятельности, условие форма ее существования. Вне деятельности память не имеет собственной сферы своего функционирования, равно как вне процессов памяти немыслима никакая деятельность. Исследования П. И. Зинченко²⁸ показали, что запоминание является «закономерным» продуктом любого действия: практического, познавательного, мнестического. Следовательно, по отношению к памяти человека уже в силу этой закономерности неприменимы термины «непосредственная», «натуральная», так как она всегда опосредована деятельностью, ее развитием.

Какова же роль языка в процессах памяти? Большое количество исследований как советских, так и зарубежных ученых свидетельствует о том, что процесс запоминания лишь в наиболее элементарных случаях ограничивается простым запечатлением непосредственно доходящих до субъекта впечатлений. Как правило, запоминание включает в свой состав процесс кодирования непосредственных впечатлений, введения поступающей информации в определенную познавательную систему²⁹. Это предполагает включение воспринимаемого в *речевую организацию*. В одних случаях это называние воспринимаемого предмета, в других — более сложный процесс отнесения воспринимаемого материала к определенной категории, введение его в известную логическую систему.

Однако этот процесс не может совершиться сам по себе. Для этого необходимо, чтобы предмет не просто был воспринят, но чтобы он (теперь или ранее) был включен в деятельность человека, выступил как средство удовлетворения определенных потребностей, был «присвоен» человеком. К. Маркс подчеркивал, что этот процесс «люди фактически начали с того, что присваивали себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения своих собственных потребностей... позднее они приходят к тому, что и словесно обозначают их как средства удовлетворения своих потребностей — каковыми они уже служат в практиче-

---

²⁷ См. работы П. П. Блонского, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, П. И. Зинченко, А. Р. Лурия, В. Я. Ляудис, Г. К. Середы, А. А. Смирнова в Библиографическом списке к Разделу I.

²⁸ См.: Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961.

²⁹ См.: Лурия А. Р. Нейропсихология памяти. М., 1974. Т. 1. С. 10—33, 226.

ском опыте, как предметы, которые их удовлетворяют»³⁰. В деятельности человека предмет поворачивается к человеку различными сторонами, включается в разнообразные системы связей, которые существуют на основе второй сигнальной системы, что и обеспечивает его запоминание и воспроизведение.

Имеющийся материал нейропсихологических исследований дает основание считать, что в обеспечении мнестической деятельности принимают участие три основные системы мозга. Это эволюционно древняя область гиппокампа, обеспечивающая элементарное сличение актуальных раздражителей со следами прежнего опыта. Далее — это задние, гностические отделы коры, доводящие до мозга материал, который в дальнейшем подлежит запоминанию. Обязательным компонентом выступают также речевые зоны коры левого полушария, которые обеспечивают кодирование входящей до мозга информации в известные логико-грамматические и смысловые схемы, что обеспечивает перевод следов кратковременной памяти в долговременную³¹.

Можно смело предположить также, что речевая стимуляция, порождая цель и задачу деятельности, через систему второсигнальных управляющих регуляцией оттормаживает побочные влияния, не относящиеся к задаче, тем самым способствуя более продолжительному сохранению следов, что необходимо для перевода их в долговременную память.

Хранение следов в памяти также не представляет собой нечто статичное, это не сохранение копий или отпечатков. Следы памяти подвергаются дальнейшей смысловой обработке, становятся более обобщенными и схематичными. Опора на систему и структуру значений языка позволяет использовать его как мощное средство организаций и «укрупнения» входящего до человека материала. Происходит процесс смысловой организации памяти, что существенно расширяет ее объем, повышает ее информационную емкость. Это же делает следы памяти несравненно более устойчивыми, чем аналогичные следы у животных. Смысловая организация следов памяти ведет к тому, что даже

³⁰ Маркс К., Ф. Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 19. С. 378.

³¹ См.: Лурия А. Р. Нейропсихология памяти. М., 1974. Т. 1. С. 22—25.

такое личное и интимное явление несет на себе следы формирующего общественного воздействия.

Развитие памяти — это не развитие ретроспективности, но рост перспективности человеческого поведения³². Прошлый опыт человека отнюдь не замкнутое в себе образование, а открытая система, постоянно соотносимая с настоящим и им преобразуемая. Высшие речевые формы памяти не только обеспечивают переработку знания в памяти. Опираясь на означенный опыт, хранящийся в памяти, человек может планировать, прогнозировать свое поведение, предвосхищать события. Здесь память вплотную соприкасается с мышлением. Воспроизведение также не является пассивным процессом. Вместе с общественными по своему происхождению приемами и средствами запоминания формируются и средства воспроизведения.

У человека с эйдетической памятью, у ребенка дошкольного возраста это могут быть наглядно-образные средства³³. Наиболее типичным средством для взрослого человека является опора на языковой знак как средство овладения своей памятью, создание цепей образных и словесных ассоциаций, призванных дать адекватное воспроизведение хранящегося в памяти. Даже у лиц с высшим уровнем развития образной памяти (эйдетиков) при воспроизведении и запоминании с помощью ярких наглядных образов используется язык в качестве связующего звена между отдельными образами³⁴.

Следует также указать, что в процессе воспоминания знание не только воспроизводится, но, как очень пронизательно отметил С. Л. Рубинштейн³⁵, также и формируется. Поскольку воспроизведение у человека есть почти всегда воспроизведение в речи, то мыслимое и репродуцируемое подвергается здесь дополнительной переработке и формированию — оно уточняется, обобщается, систематизируется. И наоборот, при ослаблении воздействия значащих систем языка (например в просоночном состоянии) наблюдается неконтролируемый поток воспоминае-

---

³² См.: Ляудис В. Я. Память в процессе развития. М., 1976. С. 221.

³³ См.: Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. М., 1968.

³⁴ Там же. С. 26—42.

³⁵ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 303.

мых образов, смешение их в фантастических видениях и мыслях. При поражении познания, наблюдаются конфабуляции, нарушение ориентации в месте, времени и пространстве, невозможность использовать, вспомнить свой прошлый опыт для регуляции познания и поведения, то есть грубые нарушения сознания. Это показывает еще раз системно-структурный и смысловой характер строения сознания человека.

Особенности запоминания, хранения и воспроизведения информации человеком, о которых мы говорили выше, стали возможными благодаря тому, что в процессе филогенеза произошла «чрезвычайная прибавка» к процессам памяти. В результате этого память человека приобрела социальный, опосредованный, произвольный характер. Использование общественных по своему происхождению кодов на основе языка привело к огромному увеличению емкости памяти, так как появилась возможность переработки запоминаемого, перевода в долговременную память *смысла* воспринимаемого.

Включение языка в работу памяти имеет огромное значение для процесса становления сознания как в филогенезе, так и в онтогенезе. Исследования филогенеза сознания, проведенные в последние годы³⁶, показывают, что возможность фиксации и передачи способов обращения с орудиями, с одной стороны, и использование речи для регуляции отношений в первобытном коллективе, с другой, явились важнейшими условиями социализации предков человека.

«Чем больше мы углубляемся в историю, — писал К. Маркс, — тем в большей степени индивидуум, а следовательно, и производящий индивидуум выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому»³⁷. Когда мы говорим, что человек современного типа активно перерабатывает входящую до него информацию, активно запоминает, опираясь на знаки языка и другие знаково-символические средства, то надо иметь в виду, что на ранних ступенях развития сознания это выглядело несколько иначе. Согласно гипотезе французского психо-

---

³⁶ См.: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974; Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1958. Т. 12. С. 170.

лога П. Жане³⁸, первоначально память была функцией речевого взаимодействия членов коллектива, была неотделима от коммуникации в процессе труда. Руководитель трудового коллектива, выступающий как выразитель его потребностей, указывал с помощью слова и жеста на те предметы и явления, которые были важны для процесса труда. Эти «искусственные стимулы — средства», как их называл Л. С. Выготский, перестраивали ситуацию общения и познания. Запоминание переставало быть индивидуальным, превращаясь в социальное явление. Можно с уверенностью предполагать, что на первых порах социальная стимуляция вступила в противоречие с работой первосигнальной памяти человека, которая выступала как предпосылка развития более высокой, собственно человеческой памяти. Первосигнальная память предков человека, отличающаяся как продукт долгой эволюции от таковой у остальных представителей животного мира большим объемом, более высоко развитой способностью к отсроченному воспроизведению, явилась одной из биологических предпосылок развития памяти собственно человеческой. Как писал Гегель, «сначала это другое есть только возможность, но эта форма затем снимает себя и превращается в действительность... Таким образом возникает совершенно другая форма (Gestalt) вещей, и вместе с тем не возникает ничего другого по сравнению с тем, что было раньше... Условия, которые жертвуют собой, идут к основанию и поглощаются...»³⁹. И действительно, высшие формы памяти также характеризуются такими процессами, как запоминание, хранение информации и воспроизведение. Но преобразованная социальными воздействиями память человека, опирающаяся на знаки как социальные орудия мнестической деятельности и на значения языка как средства фиксации и передачи социального опыта, являет собой высшее качество по сравнению с памятью дочеловеческой. Низшее содержится в этом высшем в снятом и преобразованном виде.

Это наглядно проявляется в онтогенезе памяти. Как и все остальные психические функции, память может формироваться в онтогенезе только в процессе общения. Продуктивность памяти ребенка существенно повышается в зависимости от уровня овла-

³⁸ См.: *Janet P.* La evolution de la memoire el de la notion de temps. Paris, 1928.

³⁹ *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1. С. 321.

дения им знаково-символическими средствами. Знак, опосредующий деятельность ребенка, появляется как хорошо показано в многочисленных работах советских психологов, именно в общении. И одновременно вместе появлением собственно знаковой деятельности принципиально изменяются возможности памяти в отношении к запоминаемому — увеличивается и объем памяти, и степень контролируемости воспроизведения. Появляется также очень важное свойство памяти, на которое обычно мало обращают внимание, — способность создавать внутренние идеальные планы поведения, планировать свою деятельность на основе прошлого опыта. Следует добавить, что наряду с произвольностью и опосредованностью способность создавать внутренние планы деятельности (как умственной, так и практической) есть важнейшее свойство, отличающее память человека от памяти как животного, так и машины.

Поражение лобных долей, мозгового субстрата управляющей функции речи, существенно затрудняет или вовсе делает невозможным создавать идеальные планы поведения и следовать им⁴⁰.

Наконец, следует отметить и значение создания письма в развитии памяти человека. Возможность фиксации знания в записанном тексте создала неограниченные возможности для развития памяти коллектива. Это очевидно и не нуждается в аргументации. Менее очевидны те изменения, которые претерпевает память личности в процессе упражнения в письменной речи. Специальные исследования показали⁴¹, что письменная речь как особое средство отделения говорящего от ситуации в значительной степени развивает продуктивность и произвольность памяти.

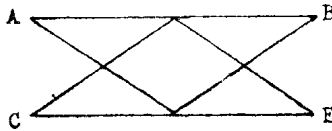
Участие языка и речи в процессах памяти предстает в свете вышесказанного не как нечто случайное и побочное. Можно считать, что язык и использующая его речь являются необходимыми условиями развития и функционирования памяти человека, обуславливающими ее значительно большую по сравнению с высшими животными информационную емкость, опосредованность, произвольность, возможность планирования деятельности на основе про-

---

⁴⁰ См.: *Лурия А. Р.* Мозг человека и психические процессы. М., 1970. Т. 1. С. 94—150.

⁴¹ См.: *Ляудис В. Я.* Память в процессе развития. М., 1976. С. 206—219.

шлого опыта. Благодаря опоре на язык память человека поднимается на ступень, принципиально недостижимую на уровне первосигнального отражения. Значит ли это, что память человека абсолютно всегда опосредована языком? Если да, то тогда как быть, например, с памятью моторной, эмоциональной, образной, которые как будто функционируют относительно независимо от языка. Чтобы лучше решить этот вопрос, обратимся к следующей схеме:

Познавательную деятельность сознания можно условно изобразить в виде двух проникающих друг в друга сфер. Внешние грани их можно мыслить как абстрактные пределы человеческого познания. За одним пределом — познание животных (на схеме линия АВ), которое всегда осуществляется в образной форме. Оно охватывает также и чисто образную память животного. Другим пределом является чисто логический «машинный интеллект» (линия СЕ), всегда функционирующий в знаковой среде. Ромб, образуемый пересечением сфер, обозначает совокупность познавательных процессов, включающих как образные, так и знаковые компоненты.

Таким образом, мы допускаем существование познавательных процессов у человека, осуществляющихся без участия языка. Однако здесь следует проводить строгое дифференцирование. Говоря о познавательных процессах, совершающихся вне решающего влияния языка, мы имеем в виду неразвитые формы чувственного отражения памяти, простейшие мыслительные операции, «предзнание»⁴², которое, как показано экспериментально, может иметь место и вне языка⁴³.

Однако следует иметь в виду, что высшие формы познавательных процессов не могут формироваться вне социальных воздействий, вне общения, опосредованного языком, который выступает в данном случае и как средство передачи знаний, и как материальная основа познавательного процесса.

⁴² См.: *Кориунов А. М.* Теория отражения и активность субъекта. М., 1978. С. 23.

⁴³ См.: *Furth H.* Denkprozesse ohne Sprache. Dusseldorf, 1972; *Oieron P.* Language and mental development. Hielsdale, 1977.

Язык и понятийное мышление:

Роль языка в становлении и функционировании понятийного мышления — одна из сложнейших проблем науки. Находясь на стыке философии, психологии, лингвистики, семиотики, зоопсихологии, культурологии, проблема эта не только важна для перечисленных наук, но и решаться может, по нашему мнению, только с учетом достижений этих областей знания.

Очень устойчивый предрассудок сегодня — представление о том, что всякое мышление, связанное с языком, есть мышление, результаты которого могут быть выражены с помощью «естественного» языка, является также «логическим» и «понятийным». Излишне часто употребляется термин «вербально-логическое» мышление; при этом подразумевается, что, будучи «вербальным», такое мышление должно быть по определению также и «логическим», а следовательно «понятийным». В таких случаях предполагается, что использование слова означает также включение в мышление строгих правил оперирования мыслительными единицами, а также и всего того, что обычно понимается под логикой.

Однако дело обстоит не так просто. Такое прямолинейное представление о связи языка и понятийного мышления ведет к ряду трудностей теоретического порядка. Назовем некоторые из них.

Во-первых, такое понимание взаимосвязи языка и мышления имплицитно предполагает представление о том, что мышление совершается только (или преимущественно) средствами словесного языка. Это совершенно не соответствует данным современной психологии познавательных процессов (подробнее об этом — ниже).

Во-вторых, такой взгляд на мышление и язык превращает в неразрешимую загадку реально существующие формы мышления, результаты которых также могут вполне свободно выражаться с помощью языка, но которые трудно охарактеризовать как «логические» в обычном понимании этого термина. Речь идет прежде всего о тех формах мышления, которые существуют в детском возрасте до начала систематического школьного обучения, а также о тех формах мышления, которые и сейчас существуют в обществах, стоящих на низкой ступени развития. Как показали исследо-

вания Л. Леви-Брюля⁴⁴, К. Леви-Стросса⁴⁵, экспериментальные и теоретические работы М. Коула и С. Скрибнер⁴⁶, Дж. Брунера и сотрудников⁴⁷, а в нашей стране фундаментальные теоретические и экспериментальные исследования А. Р. Лурия⁴⁸, М. Муканова⁴⁹, существуют реальные различия между мышлением людей, стоящих на разных ступенях общественного и культурного развития.

В-третьих, такая точка зрения может заключать в себе в явном или неявном виде следующее. Как известно, все языки отличаются глубоким своеобразием в подходе к описанию мира. Если предположить, как это часто делается, что «вербальное» и «логическое» это одно и то же, то придется признать или что разные языки несут свою логику и своё видение мира, как это предполагали В. Гумбольдт, Л. Витгенштейн, Б. Л. Уорф, И. Л. Вайсгербер, или, как считает Б. Бернштейн, ведут к иному осмыслению мира⁵⁰.

Мы считаем, что слишком прямое соотнесение мышления и языка, игнорирование всего богатства форм и типов мышления неизбежно будут давать упрощенную картину, и потому мы предлагаем иной путь. Но сначала рассмотрим некоторые факты, имеющие прямое отношение к нашей проблеме.

Одним из выдающихся результатов в науках о человеке за последние 20 лет является все более глубокое понимание функциональной асимметрии полушарий мозга. В последнее время становится очевидным⁵¹, что главным различием в «правополушарном» и «левополушарном» способах восприятия мира

---

⁴⁴ *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.

⁴⁵ *Levi-Strauss C.* Das wilde Denken. Fr. a. Main, 1977.

⁴⁶ *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. М., 1977.

⁴⁷ Исследование развития познавательной деятельности. М., 1971. С. 272—373.

⁴⁸ *Лурия Л. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

⁴⁹ *Муканов М.* Психологическое исследование рассудка в историко-этническом аспекте: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1980.

⁵⁰ *Bernstein B.* Studien zur sprachlichen Sozialisation. Dusseldorf, 1972.

⁵¹ См.: *Зенков Л. Р.* Некоторые аспекты семиотической структуры и функциональной организации «правополушарного мышления // Бессознательное. Т. 1. Тбилиси, 1978; *Его же.* Бессознательное и сознание в аспекте межполушарного взаимодействия // Бессознательное. Т. 4. Тбилиси, 1985; *Иванов Вяч. Вс.* Бессознательное, функциональная асимметрия, язык и творчество // Там же; *Невская А. А.* Межполушарные различия при зрительном восприятии // Сенсорные системы: сенсорные процессы и асимметрия полушарий. Л., 1985.

является не столько материал — образы или знаки (оба полушария работают в известной степени и с тем и с другим), сколько то обстоятельство, что одно полушарие (левое) явно обнаруживает тенденцию работать с тем материалом и в том режиме, которые в истории человечества и в истории развития отдельной личности представляют собой сравнительно позднее достижение. Речь идет об операциях с дискретными знаками, достаточно жестко подчиняющихся социально выработанным правилам и относительно независимых от предметной ситуации. Правое же полушарие обеспечивает восприятие наиболее обобщенных смысловых признаков объектов (не только вещей, но и знаков), отвечает за операции с целостными образами и в значительной степени осуществляет их творческую перекомбинацию. Отметим, что такие эволюционно древние механизмы, как узнавание лиц, оценка выражения лица человека, восприятие собственного тела и оценка собственного соматического состояния, эмоций и намерений других людей связаны с деятельностью правого полушария и требуют однозначной обобщенной оценки таких явлений, которые с трудом описываются словами. Данные такого рода позволили философам, психологам и лингвистам обратить внимание как на общность отдельных механизмов познания и языка, так и на известную их самостоятельность.

В процессе онтогенеза закладываются основы для развития как образной, так и логической сфер мышления. Причем доминирующую роль на первом этапе играет сфера образная или, точнее, действенно-образная: постижение окружающего мира через действие и неотделимо связанное с ним восприятие. Недоразвитие возможностей чувственной сферы ведет к умственной, отсталости, выключению органов чувств (например, слепоглухота) — к полной остановке развития психики. И наоборот, стимуляция в раннем детстве наглядно-образно-действенного постижения мира ведет к ускоренному развитию интеллекта.

Вместе с тем можно предположить, что развитие знаково-логического модуса постижения мира, опираясь на развитие образной сферы, одновременно обладает определенной самостоятельностью, в основе которой лежат некоторые генетически фиксированные механизмы. Задуматься об этом нас заставили некоторые крайне интересные с психологической и философской то-

чек зрения случаи психического дизонтогенеза, описанные Л. А. Булаховой. У ряда наблюдавшихся ею детей и подростков отмечалось аномально быстрое развитие речи и формально-логических операций при грубом недоразвитии действенного и образного мышления. Эти дети «по недоразвитию эмоций, психомоторной и практической деятельности... не отличались от умственно отсталых степени имбецильности или глубокой дебильности, однако приобрели большой запас знаний по математике, логике, философии»; у них наряду с большими возможностями вербальной памяти выявилась склонность к абстрактной переработке всего увиденного, прочитанного, к формированию понятий⁵². Итак, с одной стороны, глубокая недостаточность в эмоциональной, образной, непосредственно коммуникативной сфере, с другой — тяга и способность к логико-математическим упражнениям. Электрофизиологические исследования выявили во всех случаях недоразвитие или поражение правого полушария.

Как писал И. П. Павлов, «патологическое часто открывает нам, разлагая и упрощая, то, что заслонено от нас, слитое и усложненное, в физиологической норме»⁵³. В данном случае патология определенно демонстрирует нам, что развитие мышления, а тем более понятийного, не равнозначно формально-логическим упражнениям, вербально-логическое нельзя рассматривать как эквивалент понятийного. Такого рода факты напоминают нам еще раз об известной самостоятельности различных сторон мышления и его многоуровневом характере. Вспомним также известное положение Л. С. Выготского о том, что в онтогенетическом развитии меняются соотношение, удельный вес различных компонентов психики при общей тенденции к увеличению значения эволюционно новых компонентов — знаково-опосредованных памяти, внимания, мышления⁵⁴. Несомненно, так же обстояло дело и в филогенезе.

---

⁵² Булахова Л. А. Вариант психического дизонтогенеза с ранним развитием абстрактного мышления // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1982. Вып. 3. С. 50.

⁵³ Павлов И. П. Полное собрание трудов. М., 1947. Т. 4. С. 251.

⁵⁴ Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3; *Его же*. Орудие и знак в развитии ребенка // Там же. М., 1984. Т. 6.

Нормальная работа понятийного мышления, как было экспериментально показано в работах Л. М. Веккера, Р. Арнхейма и их учеников⁵⁵, обязательно предполагает диалектическое единство образных и знаковых компонентов. Несформированность того или другого уровня или их недостаточная взаимопереводимость ведет к дефицитам понятийной мысли. Это отмечают и другие авторы, в частности Я. А. Пономарев⁵⁶. Многочисленный экспериментальный материал, полученный Л. М. Веккером, Р. Арнхеймом, А. Пайвио и другими, показывает, что адекватная техника экспериментирования открывает наличие образного компонента в самых абстрактных понятиях.

Поэтому наивно думать, «что стремление включить в мышление наглядные образы есть стирание грани между чувственным и рациональным отражением действительности», или, для того, чтобы отразить общее в чистом виде, нужно освободиться от всякой чувственности в отражении⁵⁷. Чувственные образы суть необходимый материал построения полноценного понятия и формирования понятийного мышления, и «наши общие понятия только тогда лишаются всего чувственного, когда мы о них ровным счетом ничего не знаем»⁵⁸. Не имеет под собой никаких оснований и попытка постулировать наличие «чистого» мышления наряду с образным и знаковым, как это делает швейцарский психолог Х. Эбли. Его аргументация сводится к тому, что интроспективно не обнаруживается никакого образного или знакового эквивалента мыслимым нами отношениям⁵⁹. Но в психологии давно показана ограниченность интроспективного метода. К тому же нет абсолютной грани между отношениями и свойствами, и нет смысла выделять именно отношения с точки зрения их репрезентации в сознании.

---

⁵⁵ Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 2. Л., 1976; Осорина М. В. Экспериментальное исследование образных структур на разных уровнях мыслительной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976; Arnheim R. Anschauliches Denken. Köln, 1972; *Idem*. A Plea for Visual Thinking // The Language of Images. Chicago-London, 1980.

⁵⁶ Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.

⁵⁷ Чесноков П. В. Основные единицы языка и мышления. Ростов н/Д, 1966. С. 12, 38.

⁵⁸ Серебрянников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 82.

⁵⁹ Aebli H. Denken. Das Ordnen des Tuns. Bd. 2. Stuttgart, 1981. S. 293—295.

Наиболее адекватным подходом к мышлению, учитывающим многообразие его форм и направлений, является, по нашему мнению, представление о его полиморфизме и исторической гетерогенности. Наше изложение не может претендовать на законченность: формирование представлений о полиморфности и гетерогенности мышления началось давно⁶⁰ и, естественно, продолжится и в будущем. Здесь же мы пытаемся внести некоторые новые моменты, проводя принцип полиморфизма и гетерогенности в отношении не только *вербального мышления*, но и других его форм и предлагая многомерную классификацию средств мышления, уровней обобщения и типов мышления.

По средствам, которые использует мышление, можно выделить наглядно-действенное, наглядно-образное, знаково-символическое мышление. Средства мышления — действия (и их образы), образы вещей и явлений разной степени обобщенности (от эйдетических до схематических), знаки в их различных проявлениях и разном «диапазоне знаковости» (Ю. С. Степанов, И. Н. Горелов, Т. Себеок). Недоразвитие образной сферы или ее недостаточная согласованность со знаковой сферой ведут к логоморфному и глоссоморфному мышлению (термины Ф. Кайнца⁶¹). Первое в его крайнем выражении — патология, описанная выше; более мягкие варианты, к сожалению, нередки в жизни как результат неправильного воспитания и обучения. Под глоссоморфным мышлением мы понимаем хорошо известный, но опять-таки нередкий случай, когда многочисленные и обильные рассуждения по сути дела лишены реального содержания. Другой крайний вариант — эйдоморфное мышление: результаты понимания на наглядно-действенном и наглядно-образном уровне с трудом могут быть выражены в знаковой форме и тем самым стать достоянием других людей.

Другое основание для классификации — это *уровни обобщения*, достигнутые в мышлении, и их связь со средствами мышления. Если мы принимаем наличие невербальных форм мышления, то им должны соответствовать свои особые модусы обобщения и способы фиксации отражаемого содержания.

---

⁶⁰ См., напр.: *Тулъвисте П.* К проблеме типологии вербального мышления // Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология. М., 1981. С. 154—157.

⁶¹ *Kainz F.* Psychologie der Sprache. Stuttgart, 1965. Bd. 3. S. 166—176.

В качестве первичного уровня здесь выступают предметные довербальные значения (*Gegenstandsbedeutungen*, в терминологии К. Хольцкампа) — обобщенные отражения в сознании человека предметов как реальных конструктов действительности, выработанных человеком в процессе общественно-исторической практики. Они по сути дела неотделимы от предметного действия и восприятия, они, как подчеркивает К. Хольцкамп, не «представляются или думаются», но «воспринимаются» в предметно-практической деятельности⁶². К предметным значениям близки операциональные значения или операциональные обобщения — нормативные способы (схемы) действий, выработанные предшествующими поколениями и играющие существенную роль в достижении практических и познавательных целей⁶³. Предметные и операциональные значения (обобщения) характеризуют с различных сторон структуру довербального познания, которую разные авторы называют «функциональным базисом речи», «протологической структурой», «предшественником речи»⁶⁴.

Над уровнем невербальных обобщений надстраиваются различные формы обобщений, связанных со словом. Проблема соотношения тех и других в реальной работе сознания все еще очень далека от окончательного разрешения.

С одной стороны, мы отчетливо видим, что невербальные обобщения выступают как фундамент, на котором покоится здание речевого мышления и всего сознания в целом, что обобщения образного характера продолжают существовать в сознании наряду с обобщениями, связанными со знаками. Более того, существует множество мыслительных задач, для решения которых требуется именно оперирование невербальным способом представления ситуации, а вербальное или иное знаковое представление просто невозможно: «языковая форма **выражения сознательной цели и форма выполнения соответствующего ей действия** — понятия нетождественные. Форма выполнения действия образу-

---

⁶² *Holzkamp K.* Sinnliche Erkenntnis. Kronberg, 1976. S. 22—26.

⁶³ *Стеценко А. П.* К вопросу о психологической классификации значений // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 1983. № 1. С. 29.

⁶⁴ *Горелов И. Н.* Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974; *Langer J.* The Origins of Logic: Six to Twelve Month. N. Y., 1980; *Clark H., Clark E.* Psychology and Language. N. Y., 1977.

ется из неаддитивных форм выполнения включаемых в него операций и невыразима полностью в человеческом языке по причине неперечислимости всех операций действия»⁶⁵ (выделено мною. — А. П.). Нам кажется, дело не только в том, что все операции наглядно-действенного или наглядно-образного решения «неперечислимы» в языке, но и в том, что тут используются различные по своему историческому генезису и мозговым механизмам способы репрезентации действительности в сознании.

С другой же стороны, как неоднократно было показано в психологических исследованиях, онтогенетическое развитие словесных обобщений, теснейшим образом привязанное к «логике» наглядной мысли, обнаруживает целый ряд недостатков. Освобождение от дефицитарности допонятийных обобщений лежит как раз на путях преодоления «самоочевидности» того, что дано в наглядном опыте. Типология допонятийных обобщений была исследована Л. С. Выготским⁶⁶. В позднейших исследованиях основные положения Л. С. Выготского полностью подтвердились⁶⁷.

Следует иметь в виду, что в реальном общении допонятийные обобщения почти неотличимы от понятийных: «найти границу, отделяющую псевдопонятие от истинного понятия, чрезвычайно трудное дело, почти недоступное чисто формальному, фенотипическому анализу», — отмечал Л. С. Выготский⁶⁸, и в этом — одна из причин, облегчающих агенетический взгляд на вербальное мышление. Рассуждение при таком подходе идет по приблизительно следующей схеме: если есть слова и они имеют значения, то, следовательно, мы имеем дело с понятиями. На наш взгляд, недостаточно указать, что в значении слов могут быть различные «слои» — ближайшее значение как некоторая минимальная совокупность признаков, необходимая для выделения класса предметов и его обозначения, и дальнейшее значение

---

⁶⁵ Беспалов Б. И. Действие. Психологические механизмы визуального мышления. М., 1984. С. 25.

⁶⁶ Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 2.

⁶⁷ Лурия А. Р. Лурия Л. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974; Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. М., 1977.

⁶⁸ Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1982. С. 151.

как более глубокое знание о предмете, приближающееся к понятию и совпадающее с ним. Естественно, что в «индивидуальной голове» могут быть как первые, так и вторые; в определенной познавательной или коммуникативной ситуации могут актуализироваться далеко не все наши знания о том или ином предмете; некоторые слова вообще могут вызывать лишь локальные ассоциации (термин Е. Верещагина), т. е. связываться с неясно очерченной предметной областью, к которой относится данный знак.

Представляется, что более существенно, достиг ли данный человек, достигло ли общество в целом стадии понятийного мышления. Еще в 1940-е годы О. М. Фрейденберг пронизательно отмечала: «Обычно говорят, что понятия исконно присущи человеку, что постановка вопроса об истории становления понятий уводит нас к порочному «дологическому» мышлению... Я считаю, что проблема возникновения и истории понятий не только правомочна, но и актуальна... Явления или историчны — и тогда они возникают, изменяются, переходят в другие формы, или они извечны и априорны. Поэтому-то в этом принципиальном вопросе нужна решительность ответа. Да, было время, когда понятий не было. Да, понятия имели свой момент возникновения. Они имели и имеют длинную и очень сложную историю. Понятия — категория историческая, как и все, из чего слагается мышление»⁶⁹. Анализируя произведения древнегреческой литературы, О. М. Фрейденберг показала интересные и неоднозначные отношения между образами мифологического мышления, словами и понятиями. Первоначально, полагала ученая, мифологический образ представляет собой отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму «некоторой конкретной предметности». Неразличение субъекта и объекта, человека и природы, преобладание не столько рассуждения, сколько эмоционального восприятия природы и общественных связей приводят к особому видению мира. Оно не является «прелогическим» или «дологическим» в смысле отсутствия логики или неспособности ее постижения. Это мышление можно назвать доформальнологическим (ДФЛМ). В индивидуальном развитии ДФЛМ наблюдается главным образом в детстве и окончательно преодолевается в процессе школьного обучения к 12—14 годам.

---

⁶⁹ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 173.

В истории человечества этап ДФЛМ продолжался очень долго. И сейчас люди, не прошедшие школьного обучения, в известной степени пользуются приемами и средствами ДФЛМ. Экспериментально было показано, что люди, стоящие на такой ступени развития мышления, могут относительно легко понять, например, категориальные, собственно понятийные способы классификации, но считают их «несущественными», продолжая в повседневном мышлении опираться на формально-логические способы представления и понимания действительности. Немного упрощая, можно сказать, что этот тип мышления тяготеет к «первому полю понимания», введенного А. А. Брудным, в котором действует принцип «что есть, то и доказано»⁷⁰. Причем, само видение явлений в огромной степени определяется апперцепцией ДФЛМ. Человек, использующий ДФЛМ, видит мир во многом иначе, чем человек, использующий принципы научного мышления. Так, для древнего египтянина небо — это и великая корова (ее четыре ноги — это четыре стороны света), и богиня Нут, поднятая богом Шу из объятий ее возлюбленного, бога земли Геба, и река, по которой плывут с востока на запад ладьи солнца, луны и звезд. И всё это одновременно, причем, не только в текстах, но и в изображениях⁷¹.

О. М. Фрейденберг связывала переход от допонятийного (ДФЛМ, в нашей терминологии) к понятийному мышлению с периодом становления древнегреческой философии и считала, что переход этот совершился в истории человечества только однажды. Вряд ли можно так однозначно привязать возникновение понятийной мысли к конкретному времени и пространству. Думается, что в духовной истории каждого народа это открытие совершалось каждый раз, когда развитие производительных сил делало возможным и необходимым более адекватное познание действительности. Более того, на наш взгляд, начало этому развитию положено еще в верхнем палеолите, о чем свидетельствуют «числа в графике палеолита» — начатки счета и календарных отметок, выявленные Б. А. Фроловым и А. Маршаком⁷². Видимо, от них берет свое начало

---

⁷⁰ Брудный А. А. Экспериментальный анализ понимания // Вопросы философии. 1986. № 9. С. 60.

⁷¹ Дьяконов И. М. Введение // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 20.

⁷² Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974; Marshack A. Upper Paleolithic Notation and Symbol // Science. Vol. 178. № 4063.

та «левополушарная тенденция в работе мышления» (т. е. оперирование дискретными знаками и символами, использование чертежных способов передачи предметов и пространства), о которой пишет Вяч. Вс. Иванов⁷³ и которая уже вполне отчетливо проявляется у древних египтян и у народов, использовавших гигантские каменные сооружения для астрономических наблюдений и вычислений⁷⁴.

Исходя из сказанного выше о средствах мышления и уровнях обобщения, используемых в процессе мышления, можно дать следующую типологию форм вербального мышления.

1. Вербальное мышление, оперирующее только допонятийными обобщениями. Основания, по которым производятся данные обобщения, как правило, не осознаются. Логические операции (классификации, индуктивно-дедуктивные выводы, аналогии и пр.) ограничиваются рамками наглядных ситуаций, непосредственного жизненного опыта. Как следствие — несогласованность объема и содержания в предпонятийных структурах, синкретизм мысли, неполнота обратимости в мыслительных операциях, малая чувствительность к логическому противоречию, отсутствие рефлексии или ее слабая выраженность, интеллектуальный эгоцентризм. Словесные знаки в таком мышлении еще не могут служить для формирования полноценных абстракций, т. к. воспроизводят главным образом наглядно-действенные и наглядно-образные структуры мысли.

2. Вербально-мышление, включающее в себя наряду с допонятийными формально-логические понятийные образования и операции с ними. На этой ступени наблюдается повышение роли абстракции и рефлексии.

3. Формально-логическое понятийное мышление, предполагающее следующие моменты: согласованность содержания и объема обобщений; осознание оснований для обобщений; индуктивно-дедуктивный характер связи понятийных структур (в отличие от частых случаев трансдуктивных умозаключений на ступени 1 и 2), иерархическая упорядоченность понятийных структур; чувствительность к логическому противоречию; преодоление мыслительного эгоцентризма (так называемая понятийная децентрация).

---

⁷³ Иванов Вяч. Вс. До — во время — после? Вместо предисловия // Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсон Т. В. В преддверии философии. М., 1984.

⁷⁴ Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.

При этом понятийное мышление, как было показано в работах Л. М. Веккера и его сотрудников, оказывает организующее влияние на более элементарные когнитивные образования. Следует согласиться с Л. М. Веккером, что понятийное мышление выступает интегратором всего интеллекта человека⁷⁵. Однако — в отличие от Л. М. Веккера — мы не считаем, что на этом этапе всегда достигается полнота понимания. Она достижима здесь только для формально-логических проблем. Поэтому мы считаем необходимым выделить еще один уровень.

4. Диалектико-логическое мышление, для которого характерно диалектическое снятие чувственно-наглядного материала в понятиях и операциях нового типа логики. Рассмотрение вещей, их свойств и отношений во взаимной связи, становлении и развитии позволяет преодолеть ограничения формальной логики. Особенно это относится к рассмотрению сложных природных и общественных явлений. Как было многократно показано К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, применение, к таким явлениям только формальной логики ведет к грубому искажению действительной картины. Используя идеи классиков марксизма, К. Хольцкамп показал, что именно ограничения, накладываемые формальной логикой, ведут к искажению картины общественных отношений у широких масс в капиталистических странах⁷⁶. По нашему мнению, именно на ступени диалектической логики происходит окончательная интеграция низлежащих понятийных структур и других психических образований, что обеспечивает высший синтез целостной системы человеческого интеллекта, высшую форму общественной регуляции психических процессов.

Отметим далее, что дифференциация сфер человеческой деятельности необходимым образом приводит к возникновению типов мышления, функционально соответствующих определенным сферам деятельности. В этой связи П. Тульвисте предлагает говорить о гетерогенности *вербального* мышления⁷⁷. Нам же думается, и наше предшествующее изложение было направлено к это-

⁷⁵ Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1976. Т. 2. С. 321—330.

⁷⁶ Holzcamp K. Sinnliche Erkenntnis. Kronberg, 1976. S. 233—263.

⁷⁷ Тульвисте П. К объяснению явления гетерогенности вербального мышления // Когнитивные стили. Таллин, 1986. С. 234.

му выводу, что понятие исторической и функциональной гетерогенности применимо к *мышлению в целом*.

Если подходить к этому вопросу генетически, то в качестве исходной ступени, соответствующей неразвитой общественной практике, следует выделить мифологическое (или мифопоэтическое) мышление. Мы отдаем себе отчет в том, что этот термин недостаточно строг. В данном случае мы имеем в виду особую систему осмысления мира и средства выражения этого осмысления, сложившиеся в доклассовом и раннеклассовом обществе: «Миф — это осмысление мира и эмоциональное вживание в его явления, но никоим образом не жанр словесности. Миф — это факт мироощущения, которому можно придать разную форму... Миф принадлежит к сфере словесности не как жанр, а лишь в том смысле, что он не только выражает взаимоотношения человека с внешним явлением, но и — в отличие от обряда — выражает их в словесной форме, т. е. в известном высказывании или же сюжетном повествовании»⁷⁸.

Неразвитость общественной практики, вступающая в противоречие с потребностью все более эффективного воздействия на природу, непонимание характера социальных сил, возникающих «благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов», ничего не знающих о ее «происхождении и тенденциях развития» и потому не способных господствовать над этой силой⁷⁹, вызвали к жизни особый способ осмысления действительности. В числе средств, используемых этим мышлением, явно преобладают наглядные, чувственно-конкретные образы (см. выше пример И. М. Дьяконова). Однако эти образы не только передаются в мифологическом повествовании средствами языка, но и находят свое воплощение в иных знаковых средствах, отличающихся глубоким своеобразием. В чем оно?

Мифологическая мысль тяготеет к некоторым устойчивым образам и изобразительным знакам, которые служат основным задачам мифологического мышления — построению и воспроизведению мифологической картины мира, выделению некоторых элементов из первобытного хаоса, созданию из них гармоничного

⁷⁸ Дьяконов И. М. Введение // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 17.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 3. С. 33.

мира и дальнейшему поддержанию этого порядка-космоса⁸⁰. Таковы образы «мирового древа», «мировой горы». Огромную роль в таком мышлении занимают ритуальные действия. Это не практика, направленная на изменение мира, но система действий по поддержанию мирового порядка.

Эти особенности мифологического восприятия мира обуславливают и «логику мифа». С одной стороны, мы видим, что предметы и явления окружающего мира могут в таком мышлении включаться в обширные и дробные классификации, со своей формальной стороны вполне сравнимые с научными, но основаниями для таких классификаций выступают мифопоэтические категории⁸¹. Диффузность и нерасчлененность мифологического мышления, неотчетливое выделение субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, начала и принципа, происхождения и сущности, сближение объектов по взаимосвязям в пространстве и времени⁸², особые нормы обращения с мыслимым содержанием («В мифе все может случиться», — считает К. Леви-Стросс) определяют особый логический строй мифологического мышления. В период распада единой мифологической системы видения мира из него выделяются три модуса постижения действительности, складывавшихся внутри мифопоэтической мысли и долгое время сосуществовавших с ней. Это — практическое, научно-теоретическое и художественное мышление.

По классической формулировке Б. М. Теплова, «работа теоретического ума сосредоточена преимущественно на первой части целостного пути познания: на переходе от живого созерцания к абстрактному мышлению, на (временном!) отходе, отступлении от практики. Работа практического ума сосредоточена главным образом на второй части этого пути познания: на переходе от абстрактного мышления к практике, на том самом "верном попадании", "прыжке", к практике, для которого и производится теоретический отход»⁸³.

---

⁸⁰ См.: *Топоров В. Н.* Гора // Мифы народов мира. М., 1981. Т. 1; *Его же.* Древо мировое // Там же; *Его же.* Изобразительное искусство и мифология // Там же.

⁸¹ *Levi-Strauss C.* Das wilde Denken. Fr. a. Main, 1977. S. 159—187.

⁸² *Токарев С. А., Мелетинский Е. М.* Мифология // Мифы народов мира. М., 1981. Т. 1. С. 13.

⁸³ *Теплов Б. М.* Ум полководца // Теплов Б. М. Избранные труды. М., 1985. С. 225.

Практическое мышление направлено на реальное изменение вещей и ситуаций, — в этом его специфика. В качестве же средств создания образа будущей вещи или ситуации и выделения путей достижения предвосхищаемого могут использоваться как наглядные, так и знаковые компоненты. Большое значение — особенно для высших форм практической деятельности (полководческой, политической, управленческой) — имеет овладение знаниями, фиксируемыми в понятийной форме: «одно слово стоит тысячи картин, если только в нем содержится понятийный признак»⁸⁴.

Научно-теоретическое мышление ставит перед собой задачу выделения и описания в логически непротиворечивой форме сущности вещей. Отсюда его тяга к компактной записи знаний, к максимально точной терминологии, к использованию искусственных знаковых средств. Они позволяют не только максимально точно записать процесс получения знания и его результат, но и обозначить такие фрагменты действительности, для которых естественный язык не имеет удобных обозначений. Однако сам процесс получения знаний, движение мысли как таковое может протекать у ученого с опорой на разные средства, как знаково-символические, так и наглядно-образные⁸⁵.

Отметим, что систематические исследования того, какие средства используются в процессе разрешения научной задачи учеными различных специальностей, не проводились. Имеющиеся же сведения, а также общие представления о процессе мышления позволяют считать, что в научно-теоретическом мышлении, взятом в его психологическом аспекте, большую роль, чем в практическом и художественном, мышлении, играет знаковое представление проблемной ситуации, а также процесс поиска адекватной знаковой формы для выражения результата. Это компоненты, лежащие в плоскости знаково-логической. А вот в самом процессе мышления, мысленного оперирования объектом большое значение могут иметь наглядные образы, поиски наглядных аналогий и т. п.

---

⁸⁴ *Брунер Дж.* О познавательном развитии // Исследование развития познавательной деятельности. М., 1971. С. 56.

⁸⁵ *Адамар Ж.* Исследование процесса изобретения в области математики. М., 1970; *Винер Н. Я* — математик. М., 1967. С. 81; *Jakobson R.* Einstein und die Wissenschaft der Sprache // *Holenstein E.* Von der Hintergebarkeit der Sprache. Fr. a. Main, 1980.

Художественное мышление оперирует преимущественно образным материалом. Это справедливо не только для воплощения художественной мысли, но, очевидно, и для художественного мышления как процесса. Думается, что цель и назначение искусства как метода понимания мира состоит в том, чтобы обеспечить авторитет, убедительность интуитивного суждения, «убедить в недоказуемом». «Достигнув этой цели, отдельное художественное произведение и искусство в целом обнаруживают силу и плодотворность синтетической интуиции, развивают способность к интуитивному суждению в противовес... авторитету логического и вообще дискурсивного пути постижения истины»⁸⁶. Поэтому, говоря о художественном мышлении, мы полагаем главным не то, что искусство использует различные знаковые системы осмысления для передачи некоторого содержания, а то, что эти знаки организуются мышлением художника, чтобы достигнуть непреложности интуитивного суждения. При создании художественного текста происходит своеобразное «дистраивание» мира в сознании человека: он оказывается в состоянии понять и «увидеть» то, что непосредственно не содержится в наблюдаемых явлениях и не выводится однозначно из имеющихся суждений⁸⁷. В этом последнем моменте искусство и наука как методы осмысления мира конвергируют, однако искусство опирается в таких процедурах на эстетико-интуитивные механизмы, в то время как наука стремится проверить полученный результат строгими методами.

И наконец, мы считаем необходимым выделить вслед за Б. А. Серебренниковым⁸⁸ лингвокреативное или языкотворческое мышление. Явление это давно известно и так или иначе было предметом исследования многих лингвистов. Ни один язык мира не может (и не должен!) выразить в своей лексической и грамматической системе все возможные характеристики и отношения, все оттенки значений, обозначить все аспекты предметов и явлений. Любой самый развитый язык оставляет необозначенными множество предме-

⁸⁶ *Фейнберг Е. Л.* Кибернетика, логика, искусство. М., 1981. С. 77.

⁸⁷ *Брудный А. А.* Экспериментальный анализ понимания // Вопросы философии. 1986. № 9. С. 60—62; *Его же.* Хождение за три мира // Знание — сила. 1985. № 1. С. 21.

⁸⁸ *Серебренников Б. А.* Серебрянников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 106—109.

тов, явлений и т. д. По мере развития практики и познания появляется необходимость в фиксации новых значений. Мы видим, что существование любого языка — это процесс непрерывного его изменения. В основе этого лежит специфическая способность человеческого мышления — способность непрерывного манифестирования самой себя в создаваемом заново языковом материале. Любая языковая система — будь то язык глухонемых или система выразительных средств искусства — имеет механизмы, обеспечивающие создание новых знаков и их устойчивых сочетаний. Следует также выделить и лингвокреативный аспект в научной и художественной деятельности, равно как можно указать на эстетический и теоретический компоненты в языкотворчестве.

Итак, мы попытались показать в данной работе, что одномерный подход к проблеме «язык и мышление», делающий упор на вопрос «Всегда ли мышление вербально?» и игнорирующий действительное богатство человеческого мышления, его полиморфизм и гетерогенность, далек от адекватного раскрытия одной из сложнейших проблем гуманитарного знания. Проведенный нами анализ позволяет говорить о полиморфности и гетерогенности мышления как *родовой способности* человека (в том смысле, в каком этот термин употреблен К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях»). Думается, что при изучении мышления как в историческом аспекте, так и в синхронном плане можно использовать принцип дополнительности Н. Бора, избегая, однако, слишком прямых аналогий с ядерной физикой. Полиморфизм и гетерогенность человеческой мысли возникли как ответ на многообразие задач, возникавших и постоянно возникающих перед человечеством по мере развития общественной практики и духовно практической деятельности. В процессе построения здания человеческого мышления в дело пошли многие механизмы, созданные предшествующей эволюцией, они были перестроены и дополнены новыми. В результате были получены разные средства познания, используя которые в соответствии с принципом дополнительности Н. Бора, мы можем получить непротиворечивую картину мира (или, по меньшей мере, ее фрагменты). Необходимость такого синтеза стала, по нашему убеждению, осознаваться только во второй половине XX века.

Язык человека в эволюционно-генетическом аспекте

1. Правомерность эволюционно-генетического подхода к языку. Сходство интеллекта наиболее развитых высших животных, особенно антропоидов, с интеллектом человека мало кем ныне оспаривается. Правда, встречаются мнения, что такие понятия, как «восприятие», «память», тем более «мышление», следует употреблять только применительно к человеку, а для обозначения аналогичных феноменов у животных следует создать иные, либо описывать их в «строгих» терминах теории высшей нервной деятельности⁸⁹. Такого рода возражения, по нашему мнению, имеют основания в том случае, когда без глубокого анализа сближаются интеллектуальные процессы высших животных и человека, а исследование их сходства и различий ведется на уровне аналогий⁹⁰. Однако признается ли прямая и непрерывная линия развития умственных способностей от высших животных до человека или постулируется «перерыв непрерывности»⁹¹, в любом случае авторы следуют достаточно устойчивой традиции, согласно которой между интеллектом высших животных и человека существует преемственность.

Иначе обстоит дело с языком. Здесь мы можем выделить две отчетливо выраженные тенденции. Первая состоит в том, что коммуникация животных заслуживает всестороннего изучения, в том числе и с использованием понятийного и методологического аппарата семиотики (зоосемиотики), тогда как изучение коммуникации животных ничего или почти ничего не может сказать нам о закономерностях возникновения и развития языка человека (между «животными языками» и знаками человека лежит непреодолимая пропасть).

Следуя второй тенденции, пытаются более или менее прямо вывести некоторые характеристики языка человека из тех или иных особенностей коммуникации животных. Особенно в этом отноше-

---

⁸⁹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 161.

⁹⁰ Ерахтин А. В. О природе «интеллекта» высших животных // Философские науки. 1982. № 2.

⁹¹ Чуприкова Н. А. Сознание и психика как функция мозга. М., 1985.

нии показательны работы П. Марлера⁹². В данном случае обычно эксплицитно не формулируется одна очень важная мысль: при сравнении коммуникативного поведения далеко отстоящих друг от друга таксонов могут быть действительно выявлены некоторые универсалии, присущие коммуникации всего живого (либо большей части живого — высших животных). Такого рода выводы, по нашему мнению, должны проводиться с величайшей осторожностью, на более богатом и обширном материале, нежели имеется ныне, а главное — опираться на серьезный методологический фундамент⁹³. Кроме того, как становится очевидным в последние 10—15 лет, более плодотворным может быть сопоставление коммуникативных механизмов животных не с языком в обычном понимании («национальным языком» — НЯ), а с невербальным коммуникативным поведением человека, которое обнаруживает ряд филогенетически более древних механизмов⁹⁴. Затем, по нашему мнению, необходимо учитывать также уровень развития познавательных процессов данного вида животных в сопоставлении со сложностью их коммуникативного поведения. Сплошь и рядом уровень умственного развития животных рассматривается вне связи с их коммуникативными возможностями⁹⁵. Хотя здесь есть и исключения⁹⁶. Следует также иметь достаточно адекватное представление о соотношении социального и биологического в развитии человека (его онтогенеза и филогенеза), ибо в противном случае мы не выйдем за рамки простого рядоположения тех моментов, которые представляются нам «биологическими», и факторов социального порядка.

---

⁹² *Marler P.* On the origin of speech from animal sounds // *The role of speech in language.* Cambridge; Massachusetts; L., 1975; *Idem.* Affective and symbolic meaning: some zoosemiotic speculations // *Sight, Sound and Sense.* Bloomington, 1978.

⁹³ Необходимо учитывать и возможность конвергенции в поведении различных таксонов.

⁹⁴ *Горелов И. Н.* Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин, 1987; *Его же.* Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. М., 1987.

⁹⁵ *Крушинский Л. В.* Элементарная рассудочная деятельность животных и ее роль в эволюции // *Философия и теория эволюции.* М., 1974; *Piaget J.* Verhalten — Triebkraft der Evolution. Wien, 1980; *Sebeok Th.* Zoosemiotics: at the intersection of nature and culture // *The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotics.* Lisse, 1975; *Idem.* The play of musement. Bloomington, 1981.

⁹⁶ *Lancaster J. B.* Primate communication systems and the emergence of human language // *Primates: Studies in Adaptation and Variability.* N. Y., 1968.

В качестве методологического введения мы рассмотрим ряд понятий и принципов семиотики, а также вопрос о соотношении биологического и социального в становлении и развитии коммуникации. Признавая эволюцию психики, мы должны признавать и эволюцию коммуникации. Если возможно сопоставление психики человека и животных, то возможно и рассмотрение *языка человека и других языковых систем, используемых человеком*, в сравнении с коммуникативными системами в живой природе. При этом могут быть выявлены как черты высшего в низшем («анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» — К. Маркс), так и наоборот — низшего в высшем: «Поскольку генезис знаковой деятельности подчиняется... диалектическому закону зарождения нового качества в недрах старого, поскольку коммуникативная функция любой действующей системы обеспечивается особой социальной преемственностью, постольку в "конечном состоянии" данной знаковой системы неизбежно сохраняются черты пройденных стадий»⁹⁷. Следовательно, эти черты могут быть изучены, что, однако, не является самоцелью. Более важно, на наш взгляд, построить общую теорию генетического подхода к коммуникации.

2. Принципы семиотики (применительно к данной проблеме). Сигнал, знак, язык. Как отмечает И. Н. Горелов, все еще достаточно часто при характеристике знаковых явлений господствуют «эмпирические» критерии в определении степени «знаковости»⁹⁸. И в этом нет ничего удивительного. Хотя семиотика фактически существует более 2000 лет, ее понятийный аппарат во многом не устоялся. Многое зависит от позиции исследователя: если он, например, априорно исключает из области «знакового» коммуникацию животных и ограничивает сферу ее деятельности только человеком, то это, несомненно, существенно влияет на результат исследования. То же самое относится и к случаям, когда отказываются видеть знаковый компонент в искусстве. Приведем авторитетное высказывание, которое наглядно демонстрирует различия в возможных подходах. В предисловии редактора к книге В. Мартынова «Категории языка»⁹⁹ Ю. С. Степанов пишет: «Мы исходим из раз-

---

⁹⁷ Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин, 1987. С. 39.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Мартынов В. В. Категории языка. Семиологический аспект. М., 1982.

ного понимания первичного семиологического факта, основного элемента семиологической системы, хотя оба считаем, что этот элемент не обязательно должен быть отдельным "знаком", хорошо определяемым и выделяемым... Для меня основным элементом является, говоря тезисно и обобщенно, то, что организовано по принципу «семантического треугольника» (и примером чего является, скажем, слово, в котором можно выделить: 1) последовательность звукотипов или графем — законодатель, 2) понятие (смысл, сигнификат) и 3) денотат (референт). Для В. В. Мартынова, также говоря тезисно и обобщенно, основным элементом является то, что организовано по принципу «двойного членения» — т. е. 1) то, что является знаком или состоит из знаков, и притом так, чтобы 2) в знаках выделялись их повторяющиеся элементы — фигуры (например, фонемы являются фигурами знаков — слов). Это различие стоит в связи с тем, что В. В. Мартынов склонен начинать семиологию только на уровне высоко развитого — человеческого — языка, тогда как я ищу ее основания в гораздо более «низких» уровнях естественного семиозиса, «языка» животных и тропизма растений. В. В. Мартынов склонен кончать семиологию там, где кончается естественный язык, тогда как я распространяю ее принципы (по крайней мере, некоторые) на литературу и искусство»¹⁰⁰.

Приведем еще одну позицию, тем более интересную для нас, что далее мы вступаем с ней в конфликт. Б. Ф. Поршнев, рассматривая различные семиотические подходы и прежде всего те два, которые сформулированы выше в предельно эксплицитной форме, считает, что подход, подобный взглядам Ю. С. Степанова, являет собой «...великий соблазн для агентической науки XX в. <...> Эта модель, — пишет далее Б. Ф. Поршнев, — предстала теперь в крайнем варианте: отодвинута как несущественная шкала степени развития знаковой коммуникации у животных и человека, привлечена третья группа носителей знаковой коммуникации — внеречевые человеческие условные знаки и сигналы (в пределе — все человеческие "условности"), а там и четвертая группа — сигналы, которые дает машина человеку или другой машине. Получилось гигантское обобщение, иногда именуемое семиотикой в широком смысле. Но оно

---

¹⁰⁰ Степанов Ю. С. Предисловие // Мартынов В. В. Категория языка. Семиологический аспект. М., 1982. С. 3—4.

потерпело полный крах, так как оказалось пустым». И далее: «Именно изучение человеческих знаковых систем и их дериватов (в том числе, "языка машин") вскрыло, что никакой знаковой системы у животных на самом деле нет»¹⁰¹. Стремление Б. Ф. Поршнева отграничить знаки языка человека и «все прочее», с тем, чтобы показать всю глубину проблемы рождения нового качества, нам понятны. Но, как часто бывает в таких случаях, односторонний подход, родившийся из увлечения проблемой, привел автора к взглядам, не согласующимся ни с конкретными данными, ни с реальными достижениями теории.

Наша позиция в целом согласуется с линией генетического и эволюционного подхода к знаку, намеченного в работах Ю. С. Степанова¹⁰², И. Н. Горелова¹⁰³, Т. Себеока¹⁰⁴, Вяч. Вс. Иванова¹⁰⁵, Т. Б. Глезермана¹⁰⁶.

Очень часто при характеристике НЯ на первый план выступают такие его характеристики, как знаковость, арбитранность знака («знак не похож на обозначаемый предмет»), системность. Причем именно знаковость выступает в качестве системообразующего свойства¹⁰⁷. Общим местом стало указание на то, что языковая система, используя ограниченное число знаков, в состоянии построить практически бесконечное число высказываний. Особенно акцентирован этот момент в работах Н. Хомского¹⁰⁸. Однако, по нашему мнению,

¹⁰¹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 128.

¹⁰² Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971; *Его же*. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.

¹⁰³ Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; *Его же*. Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. М., 1987.

¹⁰⁴ *Sebeok Th.* Zoosemiotics: at the intersection of nature and culture // *The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotics.* Lisse, 1975.

¹⁰⁵ Иванов Вяч. Вс. К лингвистическому и культурно-антропологическому аспектам антропогенеза // *Ранняя этническая история народов Восточной Азии.* М., 1977; *Его же*. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978; *Его же*. Бессознательное, функциональная асимметрия, язык и творчество // *Бессознательное.* Тбилиси, 1985. Т. 4.

¹⁰⁶ Глезерман Т. Б. Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии // *Афазия и интеллект.* М., 1986.

¹⁰⁷ Уёмов А. И. Семиотика и общая теория систем // *Диалектика познания и активность сознания.* Иваново, 1985.

¹⁰⁸ *Chomsky N.* Reflections on language. N. Y., 1975; *Idem.* Knowledge of language: its nature, origin and use. N. Y., 1986.

перед нами свойство не языковой системы как таковой, а сознания, использующего определенные семиотические средства. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Что касается произвольности, немотивированности «знака как такового», «высшей формы знака», то тут мы имеем дело с очень прочно укоренившимся, стойким предрассудком, имеющим, впрочем, под собой и определенные основания. Полностью немотивированными, и тем самым «произвольными», являются знаки искусственно-специализированных языков — программирования, математики и т. п. И то не всех — например, язык картографии содержит немало количество изобразительных, т. е. мотивированных знаков. Можно сказать, что изобразительный иконический семиозис является в данном случае системообразующим.

Для того, чтобы быть гибкой семиотической системой сознания и общения, НЯ должен обладать, кроме вышеперечисленных, еще рядом свойств. Являя собой новое качество в развитии семиотических образований, он должен включать *и использовать на новом уровне* некоторые более архаичные элементы семиозиса. Здесь мы поставили бы на первое место явление звукового символизма или, точнее, моделирования звуковыми средствами языка явлений внешнего мира. Такого рода исследования долго находились на периферии науки. В настоящее время они получили серьезное теоретическое обоснование и были экспериментально исследованы в работах Левицкого, Журавлева, Воронина, Горелова — в СССР, Тасс-Тинемана и Догано — за рубежом¹⁰⁹. Мы полностью согласны с И. Н. Гореловым в том, что «нынешние звуко-символы отличаются, конечно, от первобытных, но способ номинации остался как рудимент далекой стадии становления. На этой стадии было невозможно проводить номинации немотивированно <...> совершенно искусственные знаки коммуникативной системы возможны лишь на более поздней стадии развития мышления»¹¹⁰.

---

¹⁰⁹ Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1981; *Его же*. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; Горелов И. Н. Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. М., 1987; Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973; Dogana M. Suono e senso. Milano, 1982; Thass-Thienemann Th. The interpretation language. L.; N. Y., 1973.

¹¹⁰ Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин, 1987. С. 118.

Более того, оказывается, что иконически-моделирующие отношения так или иначе затрагивают и другие подсистемы языка — морфологию и синтаксис. Это весьма показательно — язык так или иначе обслуживает не только высшие проявления абстрактного мышления, но и более конкретные его проявления, что неизбежно проявляется в функционировании семиотической системы сознания.

Для наших целей важно указать, что система НЯ включает в себя знаки различных типов не только с точки зрения отношения означаемого и означающего, Например, такие, в звуковом материале которых моделируется означаемый предмет. Важно также отметить наличие таких знаков, использование которых позволяет модифицировать значение других, а также объединять их в «иерархические структуры, обладающие свойством, не выводимым из суммы свойств составляющих его элементов»¹¹¹. В целом, система НЯ стремится к аналитичности выражения, к максимальной расчлененности содержания, к определенной избыточности. Последняя, как принято считать, связана с потерей информации при прохождении через канал связи. Вместе с тем, все более ясно осознается тот факт, что очень многие сообщения, выраженные знаками НЯ, которые вполне понятны сами по себе, совершенно непонятны вне контекста. В этой связи говорят о «принципе недостаточности знаковой сигнализации»¹¹², о роли контекста, «предтекста», «затекста» и т. д.¹¹³ Это очень существенный момент: мышление как таковое осуществляется, главным образом, в предметно-схемном коде, поскольку асимметрия мыслимого и выражаемого в знаках неустранима (или устранима только в очень ограниченных фрагментах нашей речемыслительной деятельности). К этому следует добавить феномен многоуровневости значения. Он распространяется, как мы увидим, и на невербальные знаки.

---

¹¹¹ Уфимцева А. А. Знаковая природа языка // *Общее языкознание*. М., 1970. С. 172.

¹¹² Булыгина Т. В. Язык в сопоставлении с другими системами знаков // *Общее языкознание*. М., 1970. С. 189—190.

¹¹³ Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта; *Его же*. Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. М., 1987.

В советской психологии и психолингвистике стало общепринятым разделение значащей сферы сознания на следующие компоненты: чувственную ткань, значение и личностный смысл. В результате чувственно-практической деятельности и общения у человека складывается амодальный образ-мир. Картина мира выступает в качестве образования, ориентирующего человека в предметном и социальном мире: «...ориентирует не образ, а модифицированная этим образом картина мира... И предметное значение, и эмоционально-личностный смысл предшествуют его (образа. — А. П.) актуальному переживанию и заданы всем контекстом нашей деятельности, актуализированной (в соответствии с задачами деятельности) частью образа мира»¹¹⁴. Значительная часть значений образа мира фиксируется в знаках языка, и в таком случае знак «диктует систему конкретных операций, которые бы учитывали свойства соответствующего предмета — здесь мы имеем дело с *операциональной функцией* означенного образа»¹¹⁵. Поскольку человеческая деятельность крайне разнообразна, а также в силу наличия различных генетических слоев, в психике существует много видов значений. Часть из них тяготеет к деятельности правого полушария — предметные, образные значения различной степени общности. Главное здесь — оперирование конкретными признаками предмета (при прямой афферентации с его стороны, а затем — с представимыми признаками). Оперирование образами правого полушария происходит, как отмечают В. С. Ротенберг и В. А. Аршавский, в особом контексте, для которого характерна принципиальная неопределенность связей¹¹⁶. С. Ю. Маслов указывает, что работу правополушарного механизма, в отличие от левополушарного, опирающегося на алгоритмические процедуры, можно представить с помощью итеративных (возрастно-переборных) моделей¹¹⁷. Существенно также отметить, что на уровне организации мозга в правом полушарии имеет место надстраивание одного, филогенетически более молодого уровня над

---

¹¹⁴ Смирнов С. Д. Психология образа. М., 1985. С. 143.

¹¹⁵ Леонтьев А. А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 13.

¹¹⁶ Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984.

¹¹⁷ Маслов С. Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982.

другим — более древним. Отсюда — относительная архаика в работе «правого мозга».

В левом же полушарии имеет место глубокая интеграция «новых» и «старых» уровней¹¹⁸. Показателен и важен для наших рассуждений вывод Т. Б. Глезермана: «Любое содержание правополушарного познавательного механизма *симультанно и равнозначно представлено со всеми степенями сложности данного типа мышления* — и единичными ситуациями-пространствами, спаянными аффектом в символическую систему, и образом, постоянно "текущим" и представленным в единичных ситуациях-пространствах символической системы, которая в процессе изменения "обрастает" смыслами и превращается в *индивидуальный символ*»¹¹⁹. Левополушарный механизм анализирует различные аспекты этой деятельности и выражает их в линеаризованной форме, с использованием иерархии категориальных признаков. В индивидуальном символе правого полушария «...неразрывно спаяно как субъективно ощущаемое в собственном ритме пространство "я", так и пространство "не-я", представленное непрерывно "текущим" образом»¹²⁰.

Обычно с работой правого или левого полушария соотносят механизм НЯ, хотя в труде Т. Б. Глезерман сделан важный шаг вперед — выделены «индивидуальные символы», используемые в мышлении правого полушария. Отметим, однако, также как важный момент — нейропсихологическую трактовку синестезий и звукоподражательных элементов в языке, их соотнесение с работой правого полушария. Если подходить к коммуникации и познанию с позиций широкого эволюционизма, то необходимо остановиться на знаках, которые редко попадают в поле зрения лингвистов (пожалуй, одно из наиболее ярких исключений — семиотические работы К. Бюлера¹²¹, который был не только лингвистом, но и психологом,

¹¹⁸ Глезерман Т. Б. Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии // Афазия и интеллект. М., 1986.

¹¹⁹ Там же. С. 142.

¹²⁰ Там же. Движение правополушарных символов-образов в семантическом пространстве античного мифа глубоко раскрыто Я. Э. Голосовкером на примере целостных «смыслообразов» видения, еды и т. п. [см.: Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1967]. Близкие по духу выводы О. М. Фрейденберг [см.: Фрейденберг О. Ф. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936; Фрейденберг О. Ф. Миф и литература древности. М., 1978].

¹²¹ Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart, 1977.

глубоко интересовавшимся коммуникацией животных). Что здесь имеется в виду? Прежде всего знаки-признаки. Это изменения в выражении лица (побледнение кожных покровов, покраснение), разного рода произвольные гримасы, улыбка и различного рода произвольные голосовые реакции типа визга, хохота, крика боли и пр. Все эти проявления коммуникативности обычно произвольны, не имеют определенного адресата, их значение — обобщенное, глобальное эмоциональное состояние. Прагматическое измерение знака решительно доминирует над семантикой, о синтаксисе вряд ли приходится говорить. Тем не менее, эти знаки имеют большое значение в организации межперсональной коммуникации, выступая в качестве генетически древних, но тем не менее сугубо человеческих компонентов коммуникативного процесса. Хотя они первично связаны с подкоркой, но могут быть подчинены управляющему влиянию коры, сознательно контролироваться и более того — подниматься над одним из символических уровней (по Н. А. Бернштейну) и служить в качестве произвольных знаков («искусственная улыбка», «вымученная улыбка», «принужденный смех»). В последнем случае они соединяются подчас в определенные последовательности, становятся синтаксированными в зависимости от намерений коммуниканта. Однако твердые правила использования этих знаков отсутствуют. С точки зрения соотношения означающего и означаемого такие знаки организованы по принципу часть/целое: улыбка — часть эмоционального состояния, связи ассоциативны¹²². Кроме того, отношение означающего и означаемого носит *аналоговый характер*¹²³. Это значит, что степень мотивации соотносится с уровнем экспрессии знака. Отметим, что таким же образом организованы многие сигналы животных, в частности, приматов. Например, М. Гиглиери сообщает, что звуки, издаваемые самцами-разведчиками у шимпанзе, тем интенсивнее, чем больше плодов они обнаружили на дереве¹²⁴. Такого рода случаи многократно описаны

---

¹²² Жинкин Н. И. Семиотические проблемы коммуникации животных и человека // Теоретические и прикладные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1972.

¹²³ Bates E. The biology of symbol // The Emergence of Symbols. N.Y., etc., 1979; Eco U. Il segno. Milano, 1977; Wilden A. Analog and digital communication // Semiotica. 1972. Vol. 6.

¹²⁴ Гиглиери М. Социальная экология шимпанзе // В мире науки. 1985. № 8.

в литературе. В знаках указанного уровня можно выделить, по нашему мнению, филогенетически более древний слой. Во-первых, мы имеем в виду ряд мимических реакций, прослеженных Я. ванн Хоофом в эволюционном ряду «низшие обезьяны — антропоиды — человек»¹²⁵. Так, например, человек, как и другие приматы, в ярости «оскаливает зубы». Эта мимическая реакция составляет часть поведенческого репертуара многих приматов. Биологический смысл ее ясен — демонстрация мощных клыков павиана или шимпанзе. У человека это атавизм, клыки резко редуцировались на стадии австралопитека, а соответствующее мимическое движение осталось как знак-признак определенного эмоционального состояния. В этой связи отметим, что вообще НЯ не очень хорошо приспособлен для выражения *эмоциональных состояний*. Кроме того, авторефлексивные выражения типа «я в гневе» и т. п. появляются в индивидуальном речевом развитии достаточно поздно и их употребление связано с определенной культурой общения. Гораздо более часто в самых различных культурах для выражения эмоциональных состояний используются разнообразные *невербальные* знаки («посыпание головы пеплом», «разрывание одежды», специальные танцы и т. п.)¹²⁶. Существует мнение, что основные мимические паттерны человека усваиваются прижизненно¹²⁷. Этому противоречит ряд наблюдений и прежде всего исследование И. Айбл-Айбесфельдта над мимикой слепоглухонемой от рождения девочки¹²⁸. Можно указать на появление улыбки у слепых младенцев, а также адекватных мимических реакций у зрячих детей слепых родителей, лица которых отличались почти полным отсутствием мимики¹²⁹. Естественно, в дальнейшем происходит своеобразное расширение мимического по-

---

¹²⁵ van Hooff J. A. R. A. M. The facial display of the catarrhine monkeys and apes // Primate Ethology. L., 1967.

¹²⁶ Этнические стереотипы поведения. Л., 1986; Eibl-Eibesfeldt I. Universals in human expressive behavior // Nonverbal behavior: Applications and Cultural Implications. N. Y.; San Francisco, 1979.

¹²⁷ Мецержков А. И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М., 1974.

¹²⁸ Eibl-Eibesfeldt I. The expressive behavior of the deaf-and-blind born // Social Communication and Movement. N. Y., 1973.

¹²⁹ Tronick E. Infant communicative intent: the infants social interaction // Language Behavior in Infancy and Early Childhood. N. Y., etc., 1981.

тенциала, он социализируется и становится более гибким. Но все же, вслед за К. Леонхардом и И. Н. Гореловым¹³⁰, мы полагаем, что в данном случае речь идет о некотором генетически фиксированном, универсальном для всех людей языке выражения эмоциональных состояний, близких по своему происхождению и функционированию к мимическим паттернам приматов. По классификации Н. И. Жинкина, это язык с ограниченным числом сообщений, которые обычно не синтаксированы¹³¹.

Гораздо более сложным явлением выступает жест. В литературе сплошь и рядом не дифференцируют жесты по типам их сложности и по связям с деятельностью мозга. В онтогенезе первичными являются указательные (деиктические) жесты. Кроме того, достаточно рано (обычно раньше мануальных жестов) появляется указательный взгляд, деиксис с помощью поворота всего корпуса в направлении желаемого объекта. Позднее появляются жесты-простые имитации и лишь на достаточно поздней стадии — жесты-изображения («как пьют чай» и т. п.). По мнению Т. Б. Глезерман, к которому мы полностью присоединяемся, такого рода жесты-пантомимы организованы на высших корковых уровнях. Далеко не случайно их поражение при определенных формах афазии¹³². В последние годы за рубежом появилась огромная литература по жестово-знаковым языкам, используемым глухонемыми. Еще 30 лет назад считалось, что это примитивная система коммуникации, почти без синтаксиса, без морфологии, с крайне бедным лексиконом¹³³. В действительности речь идет о языках, имеющих и словообразование; и сложный синтаксис, и — при условии нормального функционирования в обществе — богатую лексическую и грамматическую семантику. Зарубежные авторы¹³⁴ настаивают на том, что эти языки организованы абсо-

---

¹³⁰ Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; *Leonhard K. Der menschliche Ausdruck*. Leipzig, 1960.

¹³¹ Жинкин Н. И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка. М., 1965. С. 7—37.

¹³² Глезерман Т. Б. Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии // Афазия и интеллект. М., 1986.

¹³³ Рамшвили Д. И. Первичность языка, его содержательный аспект и предметность // Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики. Тбилиси, 1983.

¹³⁴ Bellugi U., Klima E. *The signs of language*. Cambridge; Massachusetts, 1979; Duchar M. *British sign language*. L., 1984.

лютно так, как и обычно НЯ, т. е. имеют и «фонологический» компонент, роль которого выполняют движения пальцев и кистей рук, организованные по принципам бинарной оппозиции. Однако приводимый в публикациях материал убеждает нас в том, что знаки жестовых языков все-таки организованы скорее по иероглифическому принципу: строится целостный знак, к которому добавляются различного рода семантические показатели (лексические и грамматические). Очень часто в роли таких показателей выступает мимика (поднятие — опускание бровей, недовольное выражение лица как знак отрицания и т. п.). Мы склонны считать, что в языках такого рода проявляются некоторые черты архаических коммуникативных систем: изобразительность знака, использование мимики и пантомимы. Несомненна связь некоторых из этих языков с жестовой культурой соответствующих регионов¹³⁵. Вместе с тем в Европе и США эти языки подверглись «аккультурации» со стороны реформаторов (аббат Л'Эпее во Франции, Дж. Галлодет в США). При правильном обучении они усваиваются как обычный НЯ, функционально замещая его. Нет ничего удивительного в том, что по своей «мозговой организации» они оказываются на том же уровне, что и НЯ, т. е. связаны с речевыми зонами левого полушария. Если учесть, что речевые зоны теснейшим образом связаны с нижней левой височной областью, в которой хранятся обобщенные образы окружающего мира, то связь жестовых языков с левым полушарием не должна удивлять¹³⁶.

Повышенный интерес к возникновению и истории языка заставил более внимательно отнестись к жестовым языкам, еще сохранившимся в отдельных регионах. В настоящее время приходится констатировать, что они близки к исчезновению¹³⁷.

В данном контексте важно подчеркнуть, что эти языки (прежде всего, языки жестов индейцев Северной Америки) сложились стихийно, обслуживая процесс практического и идеоло-

---

¹³⁵ Hochegger H. Le langage gestuelleen Afrique Central. Bandundu; Zaire, 1974.

¹³⁶ Grosjean F. Psycholinguistique et langage de signes // *Langages*. Numero special: La langage de signes, 1979. № 56; Nevill H., Bellugi U. Patterns of cerebral specialization in congenitally deaf adults // *Understanding Language through Sign Language Research*. N. Y.; San Francisco; L., 1978.

¹³⁷ Taylor A. R. Nonverbal communication in native North America // *Semiotica*. 1975. Vol. 13.

гического общения разных племен в их коммуникации друг с другом. Существуют попытки анализа знаков этих языков с выделением в них элементарных различительных черт, аналогичных фонемам¹³⁸. Нам же представляется более важным, что хотя большинство из описанных знаков¹³⁹ носит изобразительный характер (многочисленные параллели со знаками языка глухонемых!), в целом эти языки включают в себя средства для выражения основных конституирующих элементов языка в подлинном смысле слова: имен, предикатов и предложений¹⁴⁰. Вместе с тем, *изобразительность* большинства знаков и их тесная привязанность к контексту не препятствуют выражению абстрактных отношений. Что касается «фонологического элемента» в жестовых языках, то, учитывая большое количество степеней свободы движения рук, участие в построении знаков мимических жестов, в том числе перемещений рук по верхней части корпуса, при желании можно выделить здесь множество «оппозиций». Более важно, что такого рода системы в очень непосредственной и доступной для описания форме демонстрируют нам соединение двух филогенетически различных механизмов семиозиса: того, что К. Бюлер называл «Zeigefeld» и «Symbolfeld». Он имел в виду в первом случае презентацию действительности с помощью деиксиса, расчленение наглядной ситуации с помощью либо указательных жестов, либо элементарного словесного деиксиса, сопровождающего деиксис практический. Во втором случае подразумевается репрезентация действительности в значениях, которые, если применить сегодняшнюю терминологию, представляют собой «превращенную форму» предметно-практического опыта¹⁴¹.

В целом, сенсорно-моторная схема «богаче», чем абстрактный знак, но знак более эффективен — в нем в свернутой и преобразованной, доступной всем владеющим данным кодом форме, овеществлен общественный опыт, в том числе и такие его фраг-

---

¹³⁸ Kroeber A. L. Sign language inquiry // International Journal of Amer. Linguistics. 1956. Vol. 24.

¹³⁹ Mallery G. Sign language among North American Indians. Hague; Paris, 1972.

¹⁴⁰ Степанов Ю. С. Предисловие // Мартынов В. В. Категория языка. Семиологический аспект. М., 1982.

¹⁴¹ Леонтьев А. А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.

менты, которые *невозможно представить в сенсорно-моторной форме* (в свою очередь, значительные фрагменты сенсорно-моторного опыта остаются вне влияния языка, во всяком случае, повседневного). В языках жестов — в силу необходимости — «свернутость» и «преобразованность» значения менее выражена: часто знак именно «изображает» действие с предметом или сам предмет, пусть и в сокращенной форме. Добавим к этому элементы прямого деиксиса для обозначения, например, прошедшего и будущего времени — соответственно, указание пальцем назад через плечо либо вперед и т. п. Таким образом, мы видим здесь достаточно архаичные моменты семиозиса, именно, изобразительность знаков; «склеивание» элементов знаков в «знак-иероглиф», значительную роль ручного и мимического деиксиса. При этом принцип репрезентации все-таки преобладает. Несомненно, было бы очень интересно иметь больше данных по афатическим поражениям у глухонемых. Это могло бы раскрыть очень существенные моменты в работе символической системы, более тесно привязанной к ручному праксису, а также исследовать процесс образования понятий у глухонемых с опорой на изобразительные знаки. Вряд ли мы получили бы здесь «ручные понятия» в смысле Кашинга¹⁴², но определенная специфика, несомненно, была бы выявлена.

3. Онтогенез языка и коммуникации. Здесь для нас важны следующие моменты: биологические предпосылки речевого онтогенеза и черты (следы) возможных филогенетически ранних состояний в онтогенезе. Существует гипотеза, что онтогенетическое развитие языка целиком подчинено биологическим закономерностям. Под последними понимается генетически фиксированный механизм. В работах Н. Хомского это «врожденная универсальная грамматика», актуализация которой позволяет строить из речевого материала на «входе» любую языковую систему. В гипотезе Э. Ленненберга «язык — это манифестация видоспецифичных когнитивных свойств»¹⁴³. Развитие языка в онтогенезе, по Ленненбергу, определено двумя моментами: 1) видоспецифичными процессами категоризации и абстрагирования, которые обеспечивают, с одной стороны, базис для семантики языка, а с другой —

¹⁴² *Gushing F. H.* Manual concepts: a study of the influence of handusage on culture growth // *American Anthropologist*. 1892. Vol. 5.

¹⁴³ *Lenneberg E.* Biologische Grundlagen der Sprache. Fr. a. Main, 1972. S. 456.

производят анализ и синтез самого речевого материала; 2) видоспецифичной наследственностью, определяющей строение речевого аппарата: его функциональное созревание; сроки миелинизации нервов, управляющих работой речевых органов; определенную структуру мозга, позволяющую овладеть языком. С точки зрения Э. Ленненберга, онтогенетическое развитие языка — «фатальный процесс» в том смысле, что только очень высокая степень общей умственной и физической отсталости делает абсолютно невозможным овладение даже рудиментами языка. Он считает также, что данные о семьях с определенными речевыми нарушениями¹⁴⁴ также свидетельствуют о генетической фиксации языка. В рамках программы по изучению биологических оснований языка, осуществляемой в Массачусетском технологическом институте, используется термин «Language responsive cognitive structure», что приблизительно можно перевести как «когнитивная структура, ответственная за развитие языка», либо «чувствительная к языку».

В гипотезе Ленненберга есть, несомненно, рациональное зерно. «В *органическом* плане человек обладает огромным превосходством организации и функций его тела по сравнению с животными, обусловленным социальным образом его жизнедеятельности»¹⁴⁵. Если подходить к соотношению социального и биологического в человеке не с позиции их жесткой дизъюнкции, или их рядоположения (биологические предпосылки, плюс социальное воздействие), а использовать более содержательную концепцию интегральной природы человека, то можно взглянуть на эту проблему шире. В рамках названного подхода «...социальная природа человека является интегральным образованием, включающим в себя как собственно социальный, так и биологический уровень, подчиненный социальному целому. Поэтому выяснение социальной сущности человека с необходимостью предполагает изучение ее биологической основы»; «...переход от биологического к социальному не означает исчезновения биологических явлений, свойств и закономерностей, их замещения "чисто социальными" явлениями, свойствами и закономерностями, но приводит к дальнейшему развитию биологии, включенной в состав интегральной социальной природы человека. Биология человека есть, несомненно, биология, *но наи-*

¹⁴⁴ Глезерман Т. Б. Мозговые дисфункции у детей. М., 1983.

¹⁴⁵ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 282.

*высшая, человеческая биология»*¹⁴⁶. В самом общем, «эволюционном» плане человеческую биологию характеризует отсутствие узкой специализации к конкретным условиям существования, которая была бы порождена самим характером эволюционного процесса¹⁴⁷. Однако очевидно, что в процессе эволюции одним из механизмов, сделавших возможным приспособление к максимально широкому спектру жизненных условий, было развитие орудийной деятельности, социальной организации и интеллекта. Столь же очевидно, что развитие всех этих качеств невозможно без развития коммуникативной системы. Если учесть, что эволюция человека от стадий хабилиса и австралопитека длилась более 3 млн. лет и при этом происходило существенное изменение его физического типа, а также качественные изменения объема и структуры мозга, то логично предположить, что частью генетического оснащения человека оказались определенные механизмы, выступающие в качестве биологических предпосылок для развития коммуникативности в целом и языка в частности. Логично также предположить, что могут существовать такого рода предпосылки и в отношении механизмов познания.

Ниже мы рассмотрим некоторые факты и соображения на этот счет. По нашему предположению, изучение такого рода предпосылок помогает пролить свет и на филогенез языка и коммуникации. Психофизиологические предпосылки развития общения и языка в онтогенезе могут быть выделены на нескольких уровнях. Во-первых, на морфологическом уровне. В этом случае генетическая обусловленность проявляется наиболее ясно. Здесь речь идет об общем «плане» функционального строения и созревания центральной нервной системы. Развитие таких функций, как речь и труд, тесно связано в первую очередь с развитием слухового и кинестетического анализаторов и особенно зон перекрытия (ассоциативных зон) различных функциональных областей коры. Существует специфически человеческое соотношение «новейших», ассоциативных зон коры — «надприматное отклонение, характерное только для мозга человека». В постнатальный период «...соотношения основных звуковых зон мозга человека и мозга

---

¹⁴⁶ Там же. С. 271.

¹⁴⁷ Там же. С. 273.

обезьяны практически не меняются и, следовательно, к моменту рождения основные признаки структурной организации коры человеческого мозга, отличающие его от мозга других приматов, уже заложены. Дальнейшее пятикратное увеличение площади поверхности коры мозга человека от новорожденного до взрослого состояния обуславливается в основном интенсивным развитием связей — без изменения соотношений корковых зон»¹⁴⁸. Интересной является мысль, с которой мы полностью согласны, что соотношение разных по генезису корковых территорий, складывающихся в позднем пренатальном онтогенезе, свидетельствует в пользу того, что «...различные формы социального воздействия на ребенка после рождения накладываются на генетически детерминированную структуру мозга, архитектура которого уже обозначена, но отдельные части его еще недостаточно связаны между собой»¹⁴⁹.

По некоторым данным, к моменту рождения в зачаточной форме существует также и функциональная асимметрия полушарий, которая полностью оформляется в гораздо более позднем возрасте под влиянием социальных воздействий. Нам представляется, что сроки миелинизации центробежных и центростремительных нервов, обслуживающих речевую моторику, в целом совпадающие с морфологическим созреванием периферического речевого аппарата, также говорят в пользу существования генетически фиксированного плана развертывания психофизиологических предпосылок речи. Сюда же можно отнести также высокую степень пластичности коры мозга при образовании функциональных мозговых органов. В нейропсихологии хорошо известно, что до наступления пубертатного возраста повреждения коры, подчас самые драматические, могут сравнительно легко компенсироваться за счет включения в состав функциональных мозговых органов тех участков коры, которые обычно не участвуют в осуществлении психической функции, страдающей при повреждении. К этой же группе фактов следует отнести различную степень: выраженности активности правого и левого (речевого) полушария: у части людей не формируется резкой латерализации психических функций. Это

---

¹⁴⁸ Кесарев В. С. Пространственная организация мозга человека в аспекте соотношения биологического и социального // Методологические аспекты науки о мозге. М., 1983. С. 61.

¹⁴⁹ Там же. С. 61—62.

как бы эволюционно более древний тип макроархитектоники мозга. В иных случаях, даже при очень высокой степени общей одаренности, отмечается преобладание работы того или другого полушария, что своеобразно окрашивает ментальную деятельность человека — в одном случае имеет место явное тяготение к оперированию с образами, в другом — способности и интерес к формально-логическим, дискурсивным операциям¹⁵⁰.

В крайних случаях может иметь место значительное нарушение баланса работы полушарий, выходящее за границы нормы. Профессор Булахова описала группу людей, у которых при существенном недоразвитии правополушарного компонента умственной деятельности (сенсорно-моторный интеллект, наглядно-образное мышление) имела место высокоразвитая способность к формально-логическим и математическим операциям¹⁵¹. Следует обратить внимание также и на детей с синдромом Каннера (ранний детский аутизм), у которых подчас на фоне грубого недоразвития сенсорно-моторных (более широко — правополушарных компонентов) психики имеет место очень правильная и богатая речь. Естественно, в таких случаях на генетическую основу развития речи накладываются биологические влияния ненаследственного характера, а также социальные воздействия, и тем не менее генетический компонент несомненен.

Следует также иметь в виду генетические предпосылки «коммуникативности». По данным В. Кондона, применение замедленной киносъемки показывает, что уже у новорожденных детей имеет место высокая степень синхронизации движений всего тела с обращенной к ним речью взрослых. Кондон показал,

---

¹⁵⁰ Глезерман Т. Б. Мозговые дисфункции у детей. М., 1983. Следует также отметить, что степень выраженности межполушарной асимметрии у мужчин значительно выше, чем у женщин. Асимметрия мозга — «признак не стабильный, а эволюционирующий» [Геодакян В. А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования. М., 1987. С. 367], и эволюция, по всей вероятности, идет «от симметричного мозга к асимметричному» [Там же]. Следовательно, на ранних ступенях филогенеза следует предположить существенно иное устройство знаковой системы общения, гораздо более «правополушарное», с преобладанием изобразительных знаков и с гораздо более примитивным синтаксисом.

¹⁵¹ Булахова Л. А. Вариант психического дизонтогенеза с ранним развитием абстрактного мышления // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1982. Вып. 3.

что степень десинхронизации может служить показателем физиологической незрелости либо поражения мозга, которые не диагностируются иными способами¹⁵².

На более поздних этапах появляется так называемый «комплекс оживления» — генерализованная реакция на облик взрослого. Параллельно происходит развитие и упражнение голосовых реакций — гуления и лепета, которые представляют собой, по мнению В. Бельтюкова, с которым мы полностью согласны, врожденную программу упражнения голосового аппарата¹⁵³. Решающим аргументом здесь выступает появление гуления и лепета и у глухих детей, невозможного в данном случае на почве подражания. В дальнейшем, при отсутствии внешнего подкрепления, гуление и лепет у глухих исчезают.

В последнее время предложены некоторые концепции, которые позволяют, по нашему мнению, соотнести реально наблюдаемые факты с концепцией интегральной социальной природы человека. Важно отметить, что эти концепции возникают в зонах междисциплинарного синтеза — в психолингвистике, нейролингвистике, нейропсихолингвистике. Начальный этап становления коммуникативности можно представлять себе следующим образом. Поведение новорожденного определяют в основном две биологические потребности: пищевая и оборонительная. Они активизируют генетически предопределенные комплексы пищевых и оборонительных поведенческих реакций. Поведение любящей матери, которая кормит ребенка и устраняет его дискомфортные состояния, становится фактором, формирующим на базе *биологических потребностей* коммуникативно-познавательные мотивации *социального* порядка. «При этом эффекты парасимпатической и особенно симпатической иннервации, характерные для пищевого и оборонительного поведения, начинают все более служить коммуникативно-познавательным задачам и целям. В частности, благоприятный опыт эмоционального взаимодействия со средой ведет к повышению бывших очень низкими порогов оборонительного поведения; постепенно эти пороги

---

¹⁵² Condon W. New Insights into the development of young children // Child Alive. L., 1975.

¹⁵³ Бельтюков В. И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи. М., 1977.

становятся выше порогов ориентировочно-исследовательского поведения; затем оборонительные реакции в определенных ситуациях вообще вытесняются ориентировочно-исследовательскими; ...формирующиеся *ощущения и образы* становятся к 5—6 мес. *на-сущной* потребностью ребенка, и поэтому именно они все больше *мотивируют его поведение*¹⁵⁴. Так как все потребности ребенка удовлетворяются взрослыми, и он сам и все, что связано с ним, становится объектом внимательного изучения. Таким образом, на базе биологических потребностей формируются социальные коммуникативно-познавательные мотивации. Очевидно, следует думать, что в первые месяцы жизни часть коммуникативных механизмов импринтируется; это — «...элементарные эмоционально-выразительные реакции (быстрые и пристальные взгляды, движения приближения, улыбка, смех, характерные звуки голоса), которые являются необходимой предпосылкой всякого социального взаимодействия»¹⁵⁵. Такие реакции подкрепляются поведенческими механизмами матери, протекающими неосознанно (Е. Н. Винарская даже предполагает их «врожденный», генетически запрограммированный характер). Сюда относятся: замедление темпа речи, повышение средней частоты основного тона голоса за счет высоких частот и т. п. Иными словами, физические характеристики материнской речи приближаются к тому, что характерно для врожденных звуковых реакций младенца и ребенка раннего возраста. При этом «...чем больше физические характеристики эмоциональных высказываний матери уподобляются голосовым возможностям младенца, тем легче ему подражать, ей и, следовательно, устанавливать с нею характерный для раннего возраста эмоциональный социальный контакт. Чем полнее этот контакт, тем скорее врожденные звуковые реакции ребенка начинают приобретать национально специфические черты»¹⁵⁶. Таким образом, уже на самых ранних этапах развития коммуникативно-познавательной активности процесс обучения обеспечивает интеграцию универсальных, биологически обусловленных поведенческих реакций ребенка в процесс социального взаимодействия, придавая этим реакциям черты определенной знаковости.

---

¹⁵⁴ Винарская Е. Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. М., 1987. С. 16—17.

¹⁵⁵ Там же. С. 19.

¹⁵⁶ Там же. С. 21.

На более поздней стадии (5—8 мес.) по мере созревания подкорковых ядер в этот механизм включаются генетически детерминированные реакции гуления и лепета. Позже они трансформируются в псевдослова, а затем — и в истинные (по крайней мере, по форме) слова. Однако было бы большим упрощением выводить рождение знака только из звуков. Уже Ж. Пиаже в первой половине 1940-х годов показал, что развитие знака в онтогенезе идет многими путями. Сам он выделил прежде всего предметное действие, которое, редуцируясь и трансформируясь, превращается в знак, моделирующий те или иные предметы с их функциями и характерными особенностями и даже целостные ситуации. Впоследствии многие исследователи обращались к невербальным, «неречевым» знакам в онтогенезе. Интересны в этом плане рассуждения Э. Бейтс, обратившей внимание на то, что в онтогенезе возникают и функционируют знаки, различные, во-первых, по своему происхождению (берущие свое начало в коммуникации или возникающие прежде всего в процессе решения познавательных задач) и, во-вторых, по «диапазону знаковости» (индексы, иконические знаки, абстрактные знаки)¹⁵⁷.

Отечественная исследовательница Е. И. Исенина сумела показать, что знаки, действительно различные по своей природе (связь означающего и означаемого, модальность «тела знака»), начиная со второй половины первого года жизни начинают объединяться в единую коммуникативно-познавательную систему, названную ею «протоязыком». Системное качество, отличающее протоязык, состоит в том, что он служит для ребенка средством общения со взрослым. Важно подчеркнуть, что там, где подавляющее большинство исследователей видит либо только голосовые реакции, постепенно социализующиеся¹⁵⁸ и так или иначе взаимодействующие с жестово-мимическими компонентами процесса общения, либо некоторый бессистемный набор голосовых и неголосовых знаков, создаваемых и используемых ребенком, Е. И. Исенина выявила именно знаковую систему. Структурами выступают знаки следующих типов: вокознаки

¹⁵⁷ Bates E. The biology of symbol // The Emergence of Symbols. N. Y., etc., 1979.

¹⁵⁸ Винарская Е. Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. М., 1987.

(знаки-вокализации), мимеознаки (мимические движения), кинезнаки (знаки-движения, в том числе и взгляды), физиознаки (вещи, используемые в качестве знаков)¹⁵⁹.

По мере совершенствования протоязыка в целом протоязыковые высказывания оказываются в состоянии, обогащенном достаточно сложным содержанием. Тем самым они выступают не только как средство коммуникации, но и как орудия формирования мысли, а также, естественно, в качестве средства социального развития ребенка. Приведем пример протоязыковых высказываний из наших собственных наблюдений. Ребенок А. П., 14 мес., держит игрушечного коня на колесиках, смотрит на взрослого, похлопывает по спине коня, произнося «да-да» (от «сюда») и «т-р-р», опять смотрит на взрослого. На более поздней стадии происходит усовершенствование того же протоязыкового высказывания в соответствии с возросшими возможностями ребенка: он катит коня и, поднимая ногу, показывает, что хочет на него сесть (кинезнак), смотрит на взрослого (кинезнак), похлопывает коня по спине (кинезнак) и произносит «сюда» с мимикой напряженного ожидания (мимеознак). Сам конь, извлеченный из кучи других игрушек и специально демонстрируемый взрослому, выступает как физиознак.

В дальнейшем протоязыковая система, подчиняясь диалектическим закономерностям раздвоения единого, превращается в два (по меньшей мере!) механизма, которые до сих пор все еще сплошь и рядом изучаются раздельно, что существенно искажает реальную картину речемыслительного развития. Во-первых, происходит дальнейшее развитие вокознаков, которые приобретают речевую системность, превращаются из «слов-зародышей» в настоящие слова и речевые синтагмы. Характерно, что так называемые холофразы (слова-предложения) до сих пор изучаются вне реального контекста общения, прежде всего вне того знакового окружения, в котором они функционируют. Как следствие их значение выводится из них самих, тогда как они суть — только и прежде всего — части достаточно сложных протоязыковых высказываний. Во-вторых, развитие

---

¹⁵⁹ Исенина Е. И. Психологические закономерности речевого онтогенеза (дословесный период). Иваново, 1983; *Её же*. Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.

получают и несловесные компоненты протоязыка. Однако, поскольку коммуникация в нормальном человеческом коллективе ориентирована на использование словесных знаков, невербальные компоненты коммуникации как бы «уходят в тень». В действительности же они, как было показано в многочисленных исследованиях невербальной коммуникации¹⁶⁰, образуют вместе со словесными знаками единоподнаправленную коммуникативную динамику.

В данном контексте для нас важно подчеркнуть следующие моменты в онтогенетическом развитии языка. Социальные воздействия могут оказываться действенными только в том случае, если они опираются на комплекс *достаточно определенных* психофизиологических предпосылок. Вместе с тем социум, представляя собой в совокупности более мощную и богатую коммуникативно-познавательную систему, может использовать гибкость наследственных психофизиологических предпосылок. Это наглядно проявляется при обучении языку детей с различного рода аномалиями в центральной или периферической компоненте биологической базы общения и интеллекта. Так, при церебральных параличах различного происхождения могут оставаться вполне сохранными подкорковые ядра, ответственные за развертывание гуления и лепета. При этом мозговая ткань, соединяющая их с теми зонами коры, которые обычно становятся локусами управления социально регламентированными звуками, разрушена. Такой человек может даже во взрослом состоянии сохранить присущие младенцам врожденные подкорковые вокализации в эмоционально значимых ситуациях. Сохраняются обычно и эмоциональные реакции смеха и плача. Но даже в таких случаях оказывается возможным сформировать языковую знаковую систему с опорой на другие, оставшиеся сохранными модальности, например, создавая механизм перешифровки зрительных обобщений и слуховых образов в кинестетические и тактильно-кинестетические образы букв, которые пишутся размашистыми движениями в воздухе¹⁶¹.

---

¹⁶⁰ Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; Argyle M., Cook M. Gaze and mutual gaze. N. Y.; L., 1976; Vine J. The role of facial-visual signalling in early social development // Social Communication and Movement. N. Y., 1973.

¹⁶¹ Винарская Е. Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. М., 1987. С. 76—77.

В случаях слепоглухоты, как хорошо известно из работ И. Соколянского и А. Мещерякова, можно создавать языковую систему, проходя ряд промежуточных вспомогательных ступеней: жестовый лепет (как попытка соотнести демонстрируемые слепоглохому знаки с образом); целостные дактильно-жестовые знаки-иероглифы; дактильная азбука, в которой кодируются слова национального языка. При олигофрении (состояния дебилности и имбецильности) нередко возникают трудности в усвоении словесного языка. В таких случаях, как показали исследования ряда американских ученых, возможна достаточно эффективная коррекция за счет усвоения жестового языка глухонемых (прежде всего, как мы понимаем, его наиболее «наглядных», т. е. пантомимических и деиктических знаков), либо варианта компьютерного языка того типа, который использовался в опытах группы Д. Румбо при обучении шимпанзе языковой коммуникации, т. е. основанного на знаках, предъявляемых в зрительной модальности. Оказалось, что даже длительная коммуникативная и сенсорная депривация ребенка (в течение приблизительно 11 лет — начиная с конца первого года жизни и до 12,5 лет) не оказалась решающим препятствием в обучении языку — у данного ребенка оказалось возможным сформировать достаточно полноценную языковую систему. Характерно, что у этого ребенка не развилась асимметрия полушарий, как показали данные нейрофизиологического и психологического анализа. Опубликованные сведения по речемыслительным механизмам этой девочки свидетельствуют о преобладании «правополушарной» речи и «правополушарной» окрашенности всех познавательных и поведенческих актов¹⁶².

Гибкость и большой «запас прочности» в психофизиологических предпосылках развития коммуникации и речемыслительной деятельности в целом, использование в ней эволюционно древних механизмов (которые особенно наглядно выступают в патологии) — все это свидетельствует о том, что по сути дела здесь мы имеем дело с механизмами, сформировавшимися на различных ступенях эво-

---

¹⁶² Curtiss S. Genie: a psycholinguistic study of a modern-day «wild-child». N. Y., 1977.

люции человека. Следует предположить, что «старт» глоттогенетического процесса опирался на ряд механизмов когнитивного и коммуникативного характера, уже хорошо функционировавших к моменту «начала человеческой истории». В качестве когнитивных предпосылок следует рассматривать высокого уровня обобщения сенсорно-моторного характера, подобные тем, которые мы ныне можем изучать у антропоидов — образование образов классов предметов¹⁶³, развитие образной памяти, способность в определенных ситуациях решать задачи, опираясь на представления. В коммуникативном плане мы, в первую очередь, выделили бы коммуникативно-поведенческие комплексы, опирающиеся на врожденные механизмы, но требующие существенной прижизненной «доводки», т. е. коммуникативного научения. У современных антропоидов можно наблюдать наряду с видоспецифичными звуковыми, мимическими и жестовыми коммуникативными сигналами, по большей части генетически наследуемыми, значительную роль коммуникативного научения. Оно проявляется, в частности, в том, что детеныши и подростки обучаются использовать ряд сигналов соответственно ситуации, а также объединять их в определенные последовательности для достижения коммуникативного эффекта¹⁶⁴. Следует также иметь в виду, что в экспериментах Гарднеров, Футса, Румбо, Пэттерсон, Майлз при всей спорности ряда моментов и некоторых конкретных результатов была ясно показана способность шимпанзе, гориллы и орангутана к использованию знаков, отсутствующих в их видовом репертуаре, при общении с человеком и с другими особями своего вида. Эти эксперименты, как мы имели уже возможность отметить¹⁶⁵, ясно показали не только большие возможности антропоидов в плане усвоения знаков, их, так сказать семиотический резерв¹⁶⁶, но и те существенные отличия в структурах значения у че-

---

¹⁶³ Фирсов Л. А. И. П. Павлов и экспериментальная приматология. Л., 1982; Rensch B. Gebachtnis, Begriffsbildung und Planhandlungen bei Tieren. Berlin-Hamburg, 1973.

¹⁶⁴ Plooij F. X. Some traits of language in the wild chimpanzees // Action, Gesture and Symbol. L., etc., 1978.

¹⁶⁵ Портнов А. Н. Язык, мышление, сознание: Психолингвистические аспекты. Иваново, 1988.

¹⁶⁶ Иванов Вяч. Вс. К лингвистическому и культурно-антропологическому аспектам антропогенеза // Ранняя этическая история народов Восточной Азии. М., 1977.

ловека и у антропоидов, которые не зависят от характера используемых ими знаков. Для характеристики таких знаков важна прежде всего не их предметная отнесенность, а их «социально-психологическая» природа: у антропоидов это знаки односторонние, они адресованы другой особи с целью заставить ее выполнить некоторое действие, имеющее для эмиттора биологический смысл (дать пищу, вступить в половой контакт и т. п.), т. е. эгоцентрическая коммуникация.

В филогенетической перспективе нам представляется, что наиболее важным достижением было прежде всего не расширение репертуара знаков, не развитие их синтаксиса и повышение точности предметной референции, а возникновение и развитие механизма «обоюдонаправленной» референции, т. е. способности и готовности отнести знаковое выражение к себе, а не только к другой особи¹⁶⁷. Это становится необходимым в тот момент, когда кризис чисто биологического существования предковых форм человека мог быть разрешен только на путях совместной деятельности, прежде всего орудийной.

Что касается «технической» стороны общения, то нам представляется, что на протяжении очень долгого времени (от австралопитеков до поздних синантропов и классических неандертальцев) она опиралась на различные формы «протоязыка». В отличие от ряда авторов, использующих это понятие¹⁶⁸, мы вкладываем в него совершенно определенное содержание. По нашему представлению, это была коммуникативная система, в целом напоминающая протоязык в онтогенезе человека, хотя, возможно, и более примитивная. Она включала в себя знаки мимического, жестово-кинетического и вокального характера, а также употребление вещей как знаков в канве коммуникативного акта. На начальных этапах преобладали филогенетически более древние механизмы, передача информации осуществлялась главным образом через зрительный канал, имел место континуальный процесс «...взаимной настройки всей системы поведения одной из взаимодействующих особей на поведение партнеров-

---

¹⁶⁷ Портнов А. Н. Язык, мышление, сознание: Психолингвистические аспекты. Иваново, 1988.

¹⁶⁸ Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1974.

коммуникантов»¹⁶⁹. В дальнейшем произошло развитие вокального механизма. Так, лепетные механизмы человека, как мы отмечали, носят генетически фиксированный характер, связаны с подкорковыми структурами, но отсутствуют у антропоидов, голосовая продукция которых также управляется подкоркой. Однако лепетные вокализации слогового характера сами по себе, в силу их малой дифференцированности и малой устойчивости, не могли быть адекватными носителями значения и имели смысл только внутри целого — протоязыковой коммуникации. Тут они могли способствовать дифференциации семиозиса — отделению знака от обозначаемого, все более точному разделению плана обозначаемого и означающего. Дальнейшее развитие, видимо, шло по линии отбора особей со способностью к установлению связей «кора — подкорка» в сфере вокализации, т. е. по пути образования слов и синтагм собственно языкового плана, вкуче с прогрессивными изменениями в области периферического речевого аппарата (большой объем речевой полости, увеличение подвижности языка, опущение надгортанника, более тонкая иннервация и более ранняя миелинизация управляющих путей). Как показывают данные Ф. Либермана¹⁷⁰, подобные изменения в анатомии периферии звукообразования фиксируются достаточно рано (пресациенс из Штайнгейма — 300—250 тыс. лет назад). Однако мы ничего не знаем о путях кортиколизации акустического поведения, которая гораздо более важна, нежели способность к звукообразованию как таковая.

С другой стороны, два ряда факторов могут свидетельствовать о примитивности ранних коммуникативных систем. Это, во-первых, медленное развитие каменной индустрии до порога «человека разумного» и, во-вторых, слабое развитие фронтальных отделов мозга — «центра управления» наиболее сложными поведенческими актами, в том числе и речью. В то же время последующий прогресс индустрии камня, быстрые шаги в развитии

---

¹⁶⁹ Панов Е. Н. Зрительное общение животных // Физиология поведения: Нейробиологические закономерности. Л., 1987. С. 480.

¹⁷⁰ *Leiberman Ph.* On the origins of language. An introduction to the evolution of human speech. N. Y., 1975.

палеолитического искусства и появление следов знаковых систем, которые могут быть использованы для вычислительных операций¹⁷¹, — все это хорошо согласуется с некоторыми морфологическими изменениями у пресапиенса и сапиенса — именно, с развитием лобной доли и с завершением становления вокального тракта человеческого типа.

Следует иметь в виду, что прогрессивная кортиколизация общения затрагивала и все прочие компоненты протоязыка. В частности, укажем на два момента. Сторонники жестовой или жестово-пантомимической теории происхождения языка¹⁷² (и А. Кендон¹⁷³ в США, Б. А. Якушин¹⁷⁴ и др. в СССР) совершенно не учитывают, что те «жесты», которые они имеют в виду, т. е. сложные символические жесты, жесты-иконические знаки, жесты-пантомимы, жесты-иероглифы (сложные знаки, состоящие из нескольких частей, каждая из которых есть условный знак) — это приобретения очень поздние. В онтогенезе они появляются не ранее третьего года жизни, так как связаны с высшими, символическими уровнями организации движений и познавательных процессов (в смысле Н. А. Бернштейна). Ничего удивительного нет в том, что они страдают вместе с речью при афазиях¹⁷⁵. Подобного рода жесты, которые по сути дела являют собой, как и знаки звукового языка, также превращенную форму материальных действий¹⁷⁶, могли возникнуть только на достаточно продвинутых стадиях глоттогенеза. Вместе с тем развитие

---

¹⁷¹ Ларичев В. Е., Арустамян А. И. Ачинская скульптура из бивня мамонта — аналоговый вычислитель древнекаменного века Сибири // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987; Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985; Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974; Marshack A. The roots of civilization: the cognitive beginnings of man's first art, symbol and notation. N. Y., 1972; *Idem*. Some implication of the paleolithic symbol evidence for the origin of language // Origins and Evolution of Language and speech. N. Y., 1976.

¹⁷² Hewes G. W. A model for language evolution // Sign Language Studies. 1977. V. 6.

¹⁷³ Kendon A. Gesticulation, speech and the gesture theory of language evolution // Sign Language Studies. 1975. Vol. 9.

¹⁷⁴ Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.

¹⁷⁵ Глезерман Т. Б. Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии // Афазия и интеллект. М., 1986.

¹⁷⁶ Sebeok Th. The play of musement. Bloomington, 1981.

звукового языка не делает ненужным, излишним «язык» невербальной коммуникации — он продолжает развиваться в форме изобразительного искусства, танца, художественной пантомимы, театра, кино и т. п. Психологическая необходимость таких способов передачи и кодирования информации выходит за пределы нашей темы¹⁷⁷.

Роль языка

в становлении сознательного отражения¹⁷⁸

Настоящее исследование ставит перед собой главным образом методологически-критическую задачу: заострить внимание на ряде принципиальных трудностей, которые возникают при исследовании начальных этапов возникновения сознания и языковой коммуникации, а также предложить некоторые пути решения. Восемнадцать лет назад Б. Ф. Поршнев, один из наиболее проникательных исследователей проблемы возникновения языка и сознания, совершенно верно заметил: «Начало человеческой истории — своего рода водосброс для самых некритических ходячих идей и обыденных предрассудков по поводу социологии и истории. Самые тривиальные и непродуманные мнимые истины становятся наукообразными в сопровождении слов "люди с самого начала"..."¹⁷⁹. Это полностью относится не только к «началу человеческой истории», но и к начальным этапам развития языка и психики человека.

1. Парадигматическим в понимании соотношения языка и сознания в марксистской литературе выступает известное положение К. Маркса и Ф. Энгельса: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее для других людей и лишь тем самым существующее для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает из потребности, из настоящей необходимости общения с другими

---

¹⁷⁷ Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин, 1987; Горелов И. Н. Разговор с компьютером: психолингвистические аспекты проблемы. М., 1987; Портнов А. Н. Язык, мышление, сознание: психолингвистические аспекты. Иваново, 1988; Arnheim R. Anschauliches Denken. Koln, 1972.

¹⁷⁸ Написано в соавторстве с Т. А. Силич.

¹⁷⁹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 37.

людьми»¹⁸⁰. Исходя из факта необходимости предметно-практической деятельности для производства и воспроизводства благ, необходимых для «производства самой материальной жизни», из требования «материалистической связи людей между собой», «которая так же стара, как сами люди», Маркс и Энгельс совершенно определенно настаивают на том, что в генетической перспективе, а именно о ней и идёт речь, «язык» и «сознание» возникают и существуют прежде всего в предметно-практическом и коммуникативном взаимодействии людей между собой — «для других людей и лишь тем самым для меня самого». Естественно, что термин «сознание» в контексте данного раздела «Немецкой идеологии» понимается существенно иначе, чем обычно. Речь идет, как поясняют авторы, об «осознании» в самой простейшей форме «связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида», о крайне ограниченном осознании природы, к «которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот»¹⁸¹. В дальнейшем для этого и следующих за ним уровней развития сознания были предложены различные термины: «пробуждающееся сознание», «раннечеловеческое сознание», «раннечеловеческий интеллект», а для уровня психического развития австралопитековых употребляется даже, термин «австралоперцепция», который должен по мысли его создателя решительно подчеркнуть преобладание перцептивных обобщений на этой ступени¹⁸².

2. Однако, как бы мы ни называли соответствующие стадии развития психики человека, мы должны объяснить те поистине гигантские преобразования, которые произошли в механизме отражения человека за тот период, который отделяет нас от наших животных предков. Б. Ф. Поршнев, на наш взгляд, очень верно выделил применительно к началу человеческой истории (и тем самым, конечно, к начальному периоду возникновения языка) внешний и внутренний моменты — начало чего-то нового сравнительно с предшествующим уровнем и начало чего-то такого, «что будет изменяться, что будет историей»¹⁸³. Нахождение

¹⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 3. С. 29.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Скоробогатов В. А. Развитие форм отражения. Л., 1984.

¹⁸³ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 40.

внешних и внутренних моментов начала сознания — означает отыскание: а) того в психике и коммуникации животных, что исчезло у человека, и б) ростка того нового, что получило дальнейшее развитие и привело к возникновению нового качества.

3. О каком качестве идет все-таки речь? Достаточно сложно указать на существенные отличия в коммуникативной системе человека и животных, в том числе и наиболее близких к человеку — антропоидов. Правда, следует заметить, что коммуникация человека изучена несравненно лучше, чем таковая у любого вида животных.

Тем не менее определенные заключения сделать можно. Во-первых, в коммуникации животных всех видов, включая и антропоидов, очень велик удельный вес таких компонентов, которые контролируются генетически и для своей актуализации не требуют вообще или требуют в минимальной степени периода обучения. Обычно они актуализируются при созревании соответствующих механизмов нейрогормональной регуляции. По сути дела, такого рода сигналы составляют неотъемлемую часть вполне определенных, генетически фиксированных поведенческих программ, успешному осуществлению которых они в конечном счете и служат. Имеющиеся в литературе данные показывают, что некоторая часть сигнального репертуара предполагает период коммуникативного обучения в сообществе. Опираясь на накопленный материал, мы высказали ранее предположение, что чем выше уровень интеллектуального развития вида, тем больше значение индивидуального усвоения коммуникативных навыков¹⁸⁴. Расширение интеллектуальных возможностей, прежде всего в сфере понимания причинных связей, резкое увеличение возможностей обобщения ситуаций и прежде всего ситуаций взаимодействия с другими членами сообщества делают жизненно необходимым расширение коммуникативного репертуара. Однако этому препятствуют врожденные, генетически фиксированные механизмы. Очень часто в литературе дело представляется так, что генетически фиксированные сигналы обладают неодолимым действием на других членов сообщества в том смысле, что актуализация сигнала обязательно воздействует на остальных членов сообщества

---

¹⁸⁴ *Портнов А. Н.* Интеллект и коммуникация в их взаимосвязанном развитии // Мысль и тест. Фрунзе, 1988.

и заставляет их реагировать нужным образом. В значительной степени это справедливо в отношении сигналов опасности — они имеют огромное значение для выживания сообщества. Однако в реальной жизни сообщества большое значение имеет то обстоятельство, какая именно особь подает этот сигнал, — особи, занимающие низкое место в стадной иерархии, а также легковозбудимые, «нервные», имеют гораздо меньше шансов быть услышанными. Аналогично обстоит дело и с сигналами, направленными на регуляцию поведения других особей при непосредственном контакте, сигналами «эгоцентрической коммуникации» по терминологии М. Хильдебранд-Нильсона¹⁸⁵. Особь, которой адресован такой сигнал, вполне может отказаться «реагировать» на него. Мы не случайно употребили кавычки. Когда, например, один шимпанзе пытается заставить другого отдать ему пищу, уступить дорогу и т. п., а тот не просто избегает этого, но, употребляя определенные знаки, сообщает, что отказывается сделать это, то речь должна идти уже о «технике нереагирования», о которой писал Б. Ф. Поршневу. Существенно, однако, то, что в коммуникации животных, сколь угодно развитых, не существует знака-сигнала для обозначения «да» и «нет». Приблизительным эквивалентом «нет» выступают различного рода знаки отказа, «refusals»; «да» заменяется различного рода знаками, говорящими о начале желаемого действия. Напомним, что в онтогенезе «да» на уровне вербального знака появляется только на третьем году жизни. Видимо, следует согласиться с К. Бёрком в том, что появление знака «нет» было одним из ключевых пунктов в эволюции языка¹⁸⁶. Несколько развивая этот сюжет, отметим, что вообще в развитии знаковых систем в диапазоне «животное — человек» отмечается переход от знаков, в которых означаемое и означающее связаны ассоциативной связью и в которых часто (но, очевидно, не всегда) изменение в означающем (например, эмоциональном состоянии) отражается на означаемом, что находит свое выражение в интенсивности сигнала, в его градуальном изменении в соответствии с изменением порождающего его состояния. А. Вайлден¹⁸⁷ и Г. Бэйтсон¹⁸⁸

¹⁸⁵ *Hildebrand–Nilshon M.* Die Entwicklung der Sprache: Phylogenese und Ontogenese. Fr. a. Main; N. Y., 1980. S. 56—58.

¹⁸⁶ *Burke K.* Language as symbolic action. Berkly; Los Angeles, 1966. P. 419.

¹⁸⁷ *Wilden A.* Analog and digital communication // *Semiotica*. 1972. Vol. 6. № 1.

¹⁸⁸ *Bateson G.* Steps to an ecology of mind. L., 1979.

употребляют в этой связи понятие аналоговой коммуникации. Они совершенно правильно отмечают, что в аналоговой знаковой системе невозможны знаки «да» и «нет», т. к. здесь имеет место «нарастание» означающего от нулевого значения до некоторого максимума, тогда как в противоположной, так называемой цифровой, системе знаки связываются с означающими условной (а не причинной) связью; изменения в означаемом, что бы мы ни понимали под ним — явления объективной реальности либо ментальные состояния, — требуют введения нового знака или придания уже имеющемуся знаку нового значения. Однако ни в коммуникации животных, ни в знаковой системе человека аналоговый и цифровой семиозис не наблюдается в чистом виде. В знаковой системе сознания мы действительно наблюдаем знаки аналогового типа. Это прежде всего различного рода невербальные знаки, связанные с выражением эмоциональных состояний, особенно с достаточно интенсивными переживаниями. Однако они могут контролироваться сознанием и, воспроизводиться преднамеренно, хотя достигнуть той степени адекватности, которую отличает непреднамеренное употребление такого рода знаков, трудно. При произвольном, преднамеренном использовании таких знаков, они, по нашему мнению, превращаются в иконические знаки. Граница между аналоговыми (или, в другой терминологии, «индексальными») и иконическими знаками не проходит, по нашему мнению, по линии типа отношения означающего к означаемому, как часто считают, а зависит от момента интенциональности. Чтобы было понятнее, о чем мы говорим, проанализируем классификацию средств невербальной коммуникации (НВК), данную одним из крупнейших специалистов в этой области¹⁸⁹. М. Арджайл выделяет следующие группы знаков невербальной коммуникации. 1. Выражение лица, мимика (в значительной мере произвольная, но также может быть и произвольная, когда люди стремятся скрыть свои подлинные чувства). 2. Взгляд — его направление, продолжительность, способность выражать эмоциональное состояние и служить средством установления контакта. 3. Жесты и телодвижения, среди которых различаются: а) движения, поясняющие смысл речи; б) движения, выражающие эмоциональные состояния; в) движения, выражающие структуру личности (интра-

---

¹⁸⁹ Argyle M. *Korpersprache und Kommunikation*. Paderborn, 1979. S. 199—325.

вертивную или экстравертивную установки и т. п.); г) конвенциональные жесты и жестовые языки; д) жесты при исполнении ритуалов. 4. Положение тела при коммуникации. 5. Непосредственный телесный контакт. 6. Пространственные аспекты поведения — расстояние между общающимися, угол, под которым люди стоят или сидят при общении, «личная территория» каждого человека, при нарушении которой он испытывает беспокойство. 7. Одежда, косметика и другие аспекты внешнего вида (организация собственной внешности преследует цель передать сообщение о своем, возрастном, социальном статусе, роде занятий и т. п.; на неосознаваемом уровне она может передавать информацию о структуре личности и настроении в данный момент). 8. Неречевые звуки.

Мы не будем обсуждать, насколько логична данная классификация и насколько она соответствует психологической реальности. Во всех или почти во всех случаях здесь речь идет о знаках для выражения нерефлектированных или слаборефлектированных структур субъективного мира. Для нас важно заметить, что почти во всех случаях, кроме явно конвенциализированных знаков (т. е. конвенциональных жестов и жестовых языков, ритуальных жестов, конвенциональных норм телесного контакта и пространственного поведения, которые вполне осознаются носителями данной культуры как обязательные), мы видим такие знаки, которые связаны с означаемым ассоциативно-аналоговой связью, а для внешнего наблюдателя выступают как признаки, индексы. Однако все они могут быть осознаны и стать предметом интенционального воспроизведения и имитации (например, в театре), превращаясь таким образом в иконические знаки.

Возвращаясь теперь к коммуникации в животном мире (прежде всего антропоидов), можно легко заметить, что почти все виды знаков НВК имеют свои соответствия, например, у шимпанзе. В настоящее время исследователи коммуникации приматов вообще и антропоидов в особенности обращают внимание не только и не столько на голосовые сигналы, сколько на всю совокупность используемых знаковых средств. Правда, и при таком подходе встречаются недопустимее упрощения. Так, Л. А. Фирсов предлагает выделять первичный и вторичные языки у человека и животных. «К *первичным* языкам отнесены все формы *адаптивного поведения, животных и человека* (выделено нами. — А. П., Т. С.), изменения

перьевого и шерстного покровов, а также врожденные коммуникативные (голосовые, мимические, позные, жестикулярные и др.) сигналы. Данные, касающиеся исследований функции общения у обезьян и других животных, а также новейшие сведения относительно знаковой системы у обезьян (макаки, шимпанзе, гориллы) дают возможность различать во *вторичных* языках стадию "А" (довербальные понятия) и стадию "Б" (вербальные понятия). Последние, как правило, актуализируются с помощью речевого аппарата. Первичный язык соответствует первой сигнальной системе по И. П. Павлову, а стадия "А" вторичного языка — "промежуточному этапу" по Л. А. Орбели¹⁹⁰. Нетрудно заметить, что Л. А. Фирсов при описании «первичного» языка использует чрезвычайно расширительное толкование и знака, и языка, принимая, что любые изменения в поведении, не важно, вызваны они, например, сезонно обусловленными колебаниями в гормональной регуляции или выступают как интенциональные знаки, являются «языком», т. к. способны информировать других особей. Связь между «первичными» и «вторичными» языками, с одной стороны, и познавательными процессами, с другой, устанавливается Л. А. Фирсовым совершенно произвольно. Опубликованные им, как, впрочем, и другими исследователями, данные как раз и не дают оснований однозначно связывать доступный антропоидам уровень обобщений с теми или иными коммуникативными средствами. Это не должно пониматься как противоречащее нашим утверждениям о корреляциях между усложнением интеллекта и коммуникации. Только связь здесь отнюдь не такая простая, как кажется Л. А. Фирсову.

Дело в том, что, во-первых, никому не удалось показать, что знаки коммуникации антропоидов, а также и менее высокоорганизованных приматов могут произвольно обозначать предметы или явления внешнего мира денотативным способом. Обозначение всегда происходит ассоциативно. Так, самец шимпанзе, найдя дерево с плодами, издает интенсивные пищевые звуки. Они тем интенсивнее, чем больше плодов¹⁹¹. Отметим, что шимпанзе, принадлежащие к другому сообществу, воспринимают эти

---

¹⁹⁰ Фирсов Л. А. Высшая нервная деятельность человекообразных обезьян и проблема антропогенеза // Физиология поведения: Нейробиологические закономерности. Л., 1987. С. 677.

¹⁹¹ Гиглери М. Социальная экология шимпанзе // В мире науки. 1985. № 8.

звуки не только как свидетельство наличия в данном месте пищи, но прежде всего как знак того, что приближаться к этому дереву нельзя во избежание серьезнейшего конфликта. Однако пищевые звуки шимпанзе либо иного примата не способны обозначить отдельно «банановое дерево», «фиговое дерево» и т. д. Невозможно сделать это и с помощью какого-либо жеста или сочетания жеста со звуком. В классических экспериментах Мензела было продемонстрировано, что шимпанзе, знающий, где находится спрятанная приманка, не способен показать ее другим особям с помощью интенциональных жестов, вокализаций и т. п.¹⁹² В то же время все антропоиды очень внимательно следят за поведением друг друга, осуществляя настоящий коммуникативный мониторинг в рамках сообщества. Еще Дж. Гудолл очень четко показала, что шимпанзе внимательно наблюдают за действиями друг друга и отлично замечают малейшие признаки начинающихся действий, которые в данном случае выступают как знаки-признаки. Ф.-К. Плуэй, наблюдая отношения в сообществе шимпанзе между взрослыми особями и детенышами 1—1,5 лет, обнаружил, что последние выбирают себе взрослую особь в качестве идеала для подражания и следуют за ней, в точности копируя все ее действия, в том числе, естественно, и коммуникативные¹⁹³. Это говорит в пользу того, что генетически фиксированные знаки требуют значительной доводки, которая в свою очередь будет тем существеннее, чем более сложный характер носит коммуникация. Естественен вопрос, в чем же сложность такой коммуникации, если невозможно обозначение предметов окружающего мира, невозможно образование абстракций с помощью знаков?

Прежде всего следует обратить внимание на то, что кроме генетически фиксированных сигналов существует определенный репертуар (мы пока достоверно не знаем, как он велик) сигналов, опирающихся на некоторую врожденную основу, но требующих длительного периода обучения. В психосемиотическом плане они предполагают определенную дифференциацию семиозиса — отделение означаемого от означающего и некоторую степень понимания

---

¹⁹² *Menzel E., Johnson M.* Communicative and cognitive organization in human and other animals // *Language intervention from ape to child.* Baltimore, 1979.

¹⁹³ *Plooi F.-X.* Some basic traits of language in the wild chimpanzees // *Action, gesture and symbol.* L.; N. Y., 1978.

этого. Речь идет прежде всего о так называемых «incipientacts» — движениях, сопровождаемых особой мимикой и представляющих собой редуцированные варианты тех действий, которые они замещают. В данном случае мы видим связь означающего и означаемого по типу «часть вместо целого», т. е. она носит ассоциативный характер. Вместе с тем этот тип ассоциации предполагает опосредование знака и означаемого *представлением*. Иными словами, мы можем предполагать наличие начальных этапов развития символической функции в смысле Пиаже и Валлона. В этой связи заслуживают особого внимания наблюдавшиеся рядом исследователей случаи символической игры у антропоидов — совершение действий с воображаемыми предметами и даже разыгрывание определенных ситуаций¹⁹⁴. Заметим, что во всех случаях речь идет о животных, достаточно долго воспитывавшихся человеком, что тем не менее не снимает вопроса о резервных возможностях психики антропоидов, в частности в сфере символизации. В этом же направлении идут результаты опытов по обучению антропоидов различным модификациям языка. Правда, в свете последних работ С. Сэвидж-Румбо и Д. Румбо, Х. Террэйса¹⁹⁵ мы вынуждены пересмотреть наши прежние оценки достаточно радикальным образом. В частности, всякие сравнения знаковой продукции антропоидов и ребенка 1—2-х лет не достаточно правомерны — это разные биологические виды, с разным мозговым субстратом, на котором реализуются знаковая деятельность и познание. Сопоставление познавательных возможностей антропоидов и той знаковой деятельности, которую они демонстрируют в эксперименте, с возможностями «правого мозга», что было эвристическим приемом десятилетие назад¹⁹⁶, благодаря накоплению знаний как о функциях полушарий мозга, так и коммуникации антропоидов в эксперименте выступает как достаточно поверхностная аналогия. В частности, «правый мозг» человека понимает «смысл» предметно-практической деятельности на уровне, совершенно недоступном антропоиду, мотивация, доступная шимпанзе или горилле, качественно отличается от мотивации

---

¹⁹⁴ Hayes C. The imaginary pulltoy // Play — its role in development and evolution. Harmandsworth, 1978.

¹⁹⁵ Savage-Rumbaugh S. Ape language: From conditional response to symbol. N. Y., 1986.

¹⁹⁶ Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.

поведения ребенка. Поэтому структурирование поведенческих ситуаций таким образом, чтобы было возможно введение знака, представляет немалую трудность и требует настойчивой работы со стороны экспериментатора. Следует предположить, что значительная часть описанных Гарднерами и особенно Ф. Пэттерсон случаев спонтанного усвоения и употребления знаков, особенно спонтанного их комбинирования, являет собой экспериментальный артефакт — в том смысле, что экспериментаторы принимали за синтаксически организованные, интенциональные высказывания то, что в действительности было организовано гораздо проще. Тем не менее общий вывод о способности антропоидов к усвоению и использованию искусственных знаков сохраняет свою значимость. При этом следует заметить, что наибольших успехов антропоиды добиваются в интенциональном употреблении знаков, обозначающих те или иные предметы, — в том числе возможна номинация и отсутствующих непосредственно в данной ситуации предметов, которая может носить характер требования, сопоставимого, например, с высказываниями ребенка типа «молоко!», когда имеет место не название присутствующего предмета, а требование отсутствующего.

4. Таким образом, суммируя данные по коммуникации млекопитающих, прежде всего антропоидов, мы констатируем, что между коммуникацией человека и антропоидов имеются как существенные различия, так и моменты сходства. В частности, если сравнивать невербальную коммуникацию человека и средства общения антропоидов, то внешнее сходство достаточно значительно. Однако НВК человека управляется отчасти сознанием и способна передавать достаточно сложные смыслы — в одних случаях замещая те или иные части речевого высказывания¹⁹⁷, в других передавая такие содержания сознания, которые обычно с трудом поддаются вербализации, будучи связаны со сферой слабо рефлексированных переживаний, или, наконец, относясь к таким значениям, которые в данной культуре не принято выразить вербально. «Вербальный язык», «язык слов», «национальный язык» (НЯ) в известном смысле представляет собой «перерыв непрерывности» как в онтологическом, так и в

---

¹⁹⁷ Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; *Его же*. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин, 1987.

структурно-функциональном отношении. Здесь мы имеем ввиду прежде всего противоречивое единство материального и идеального в языке и, как следствие, — его двойную онтологию: существование одновременно в потенциально-системной форме, в виде речевого психофизиологического механизма, и как совокупности речевых высказываний, бытующих в обществе, в виде универсума «того, что уже сказано, и того, что еще нужно сказать»¹⁹⁸. В снятом виде язык включает в себя — и это очень существенный момент, на который сплошь и рядом не обращают внимание исследователи, — ряд *механизмов*, возникших на ранних ступенях психогенеза, отчасти и на стадии, предшествовавшей человеку. Не имея возможности рассматривать здесь эти моменты подробно, тем более что это было сделано нами в другом месте¹⁹⁹, выделим специально следующее: способность речевого воздействия управлять динамикой сознания. Вслед за Б. Ф. Поршневым мы склонны считать, что в данном случае имеем дело с генетически очень древним механизмом, берущим свое начало на самых ранних этапах развития человечества и даже уходящим еще более глубоко — в коммуникацию животных предков человека. Среди функций знаков в коммуникации тех же антропоидов совершенно отчетливо прослеживается то, что Б. Ф. Поршневым назвал «интердиктивной функцией». Определенные знаки (это может быть и голосовой сигнал, и взгляд и движение руки — «жест») обладают сильнейшим тормозящим воздействием на действия других особей. Еще раз подчеркнем: это мощное оружие не используется в организации совместной предметной деятельности (например, чтобы побудить других к ней либо чтобы «запретить» произвести какие-либо действия). Насколько можно судить из литературы, такого рода сигнализация не используется при так называемой демонстрации на объектах — важном способе передачи знания в сообществах приматов. Все это еще раз показывает, что гипотеза Л. А. Фирсова о связи первичных и вторичных языков с познавательными процессами по крайней мере некорректно сформулирована.

---

¹⁹⁸ Eco U. *Lector in fabula*. Milano, 1976.

¹⁹⁹ Портнов А. Н. Биологические и социальные факторы в развитии и функционировании языка и языкового общения // Биология в познании человека. М., 1989; *Portnov A. N. Evolutionsgenetische Problem der Psychosemiotik // Bochum studies in Semiotics*. Bochum, 1990.

5. Перекидывая теперь мостик к проблеме генезиса сознания, мы, естественно, в гипотетической форме, выскажем несколько предположений о возможных механизмах начальных этапов ноогенеза²⁰⁰. Как совершенно справедливо отмечает В. И. Плотников, переход от чисто биологической формы бытия к новому качеству — социальной связи, пусть и в самой простой форме, возможен в аморфной популяции, находящейся в состоянии кризиса. Прежние механизмы жизнеобеспечения в условиях быстро меняющейся среды оказывались неэффективными; потребовался переход к регулярной орудийной деятельности. По мнению В. И. Плотникова, регулярные трудовые акты стали возможны в силу того, что определенные звуки, рождающиеся в напряжении орудийной деятельности, стали выполнять — в конечном итоге — функцию подкрепления, превратились в средство фиксации информации. В. И. Плотников называет единство такого рода звуков и образа предметного действия информационным блоком подкрепления. По его мнению, «повышение результативности действия, особенно совместного, явное облегчение, ощущаемое индивидами от действий, которые производились хотя бы рядом друг с другом, создавало состояние реальной взаимозависимости предгоминид. Взаимозависимость, складывающаяся вокруг орудийной деятельности, независимо от желания и воли самих индивидов изменяла их психику и деятельность в невиданном дотолем направлении: психика становилась все более зависимой от звуков-подкрепителей, которые только благодаря эффекту группы приобретали очевидную значимость, т. е. становились знаками; орудийная же деятельность постепенно теряла свой индивидуальный характер, обнаруживая наибольшую эффективность при условии подкрепления ее групповыми сигналами»²⁰¹.

В. И. Плотников прав в том, что возникновение подобных механизмов («протоязыка» в его терминологии) должно было иметь место на очень ранней ступени антропосоциогенеза. Прав он и в том, что включение знака в качестве подкрепляющего звена в струк-

---

²⁰⁰ Рискую быть обвиненными в умножении терминов, мы бы предложили наряду с термином психогенез, обозначающим развитие психики и познавательных процессов у всех видов организмов, использовать для обозначения генезиса сознания термин «ноогенез».

²⁰¹ Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1974. С. 133.

туру трудового акта и, добавим, вообще в структуру жизнеобеспечения имело решающее значение в эволюции сознания. Однако следует заметить, что предположение о том, что это был случайный для коммуникативной системы приматов звук, кажется нам надуманным. По сути дела коммуникативная система такого типа, какую мы видим у шимпанзе, в сочетании с интеллектуальными возможностями антропоидов представляет собой такой субстрат, на котором вполне может быть надстроена знаковая система с более высокими разрешающими возможностями как в плане прагматики, так и семантики. О синтаксисе мы скажем особо. Что нужно для того, чтобы такого рода система была перестроена и приобрела новое качество? Как верно замечает В. И. Плотников, главной задачей, которую здесь требовалось решить, было преодоление индивидуального характера орудийной деятельности, а «индивидуальный» в данном контексте подразумевает отношения доминирования и подчинения, конкуренции, которые опирается на соответствующие психические механизмы регулирования, включая и коммуникативные средства этой регуляции. Можно предположить, что первой ступенью ноогенеза было переструктурирование субстрата коммуникативной системы таким образом, что в ней появились знаки-интердикторы, эффективно организующие деятельность членов сообщества вокруг совместной орудийной деятельности. Под последней мы понимаем прежде всего достаточно сложную деятельность, связанную с охотой и расчленением убитых животных. Изготовление орудий типа чопперов могло происходить и на основе индивидуальных механизмов регуляции. Регуляция такого типа предполагает значительно более высокую степень интенциональности как на стороне особи, производящей сигналы, так и (хотя и в меньшей степени) на стороне реципиента, — он должен организовать свои действия уже не в соответствии с собственными побуждениями, а в соответствии с потребностями совместной деятельности.

Легко заметить, что наша позиция в определенной степени близка гипотезе Б. Ф. Поршнева. Это нуждается в комментарии. Мы полагаем, что возникновение новой коммуникативно-отражательной системы не может описываться с помощью терминов абсолютного разрыва, «зияния» между старым и новым качеством. Соответственно новое качество не может возникнуть как патологическая реакция на тот стресс, который имел место

в популяции гоминид. Мнение Б. Ф. Поршнева, что все уже имевшиеся к моменту начала процесса очеловечивания коммуникативные средства и механизма не могли быть использованы в антропосоциогенезе, противоречит не только тому, что мы знаем о знаковой системе человеческого общения, но и по сути дела многим местам в книгах самого Поршнева. Его утверждения со ссылкой на А. Валлона, что переход от довербальной стадий в психическом развитии к языковой представляет собой в известном смысле «катастрофу», т. к. ребенок вынужден как бы заново отстроить образ мира, и предположение, что такого же рода отношения между познанием доязыковым и опосредованным языком имели место в филогенезе, по крайней мере, в онтогенетической части не находят основательного подтверждения. В работах Валлона нам не удалось найти тех формулировок, которые ему приписывал В. Ф. Поршневу. Между тем такие аналогии между онтогенезом и филогенезом понадобились В. Ф. Поршневу, чтобы доказать абсолютный разрыв между биологической и социальной формами движения материи и соответствующими формами познания и коммуникации.

Перестройка коммуникативной системы в вышеуказанном смысле должна была привести к тому, что неинтенциональные знаки могли и должны были приобретать способность изображать те или иные состояния коммуницирующей особи, а затем и окружающего мира. Таким образом должен был иметь место переход от ассоциативной связи между означаемым и означающим к денотативной²⁰², но сначала в основном на уровне иконического семиозиса. Когда В. И. Плотников в 1974 г. писал о «протоязыке», то, естественно, он мог иметь в виду только нечто достаточно гипотетически абстрактное. В конце 1970-х — начале 1980-х годов в психолингвистике было показано, что в раннем речевом онтогенезе функционирует особая знаковая система, субстратом которой выступают знаки следующих видов: мимические, жестовые, вокальные, и предметы, используемые как знаки. Собственно говоря, довербальную коммуникацию на разных этапах и ее роль в психическом развитии описывали многие (О. Бэйтс,

---

²⁰² Жинкин Н. И. Семиотические проблемы коммуникации животных и человека // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973.

В. Терфоорт, С. Голдвин-Медоу, Х. Фельдман и Л. Глейтман, М. Хэллiday и др.)²⁰³. Е. И. Исенина показала системный характер доречевой коммуникации и динамику ее развития от знаков-признаков к иконическим знакам, организованным в высказывания. Интересным моментом, который, впрочем, видели все исследователи детского развития, но не понял никто, является использование предметов в знаковой ситуации как знаков самих себя для выражения коммуникативных интенций²⁰⁴.

Можно предположить, что в течение достаточно длительного периода в филогенезе использовался аналогично устроенный протоязык (ПЯ), однако с включением интердиктивно-управляющего механизма. Естественно, что значения знаков такого ПЯ часто носили ситуативный характер и опирались на механизмы сенсомоторного интеллекта, в силу чего отделение от предметной ситуации, антиципация с помощью знака могли быть только минимальными. Наряду с ПЯ, на котором базировались элементарная социальная связь и объединение усилий в труде, должны были действовать и стадные стимуляторы — коммуникативные механизмы, обеспечивающие эмоциональные контакты в стаде, кстати, очень разнообразные у всех приматов.

Нередко можно встретить суждения, в которых дальнейший прогресс в развитии сознания и общения непосредственно связывают с развитием трудовой деятельности и предметно-практических обобщений на основе труда. При этом забывается, что на протяжении многих сотен тысяч лет в промежутке «австралопитек — поздний неандерталец» физическое развитие, в том числе и развитие мозга людей, шло не менее (а может быть, и более) быстро, чем их культурное развитие. Не следовало бы также упрощать эволюционную теорию и считать, что появление «потребности», в какой-либо адаптации достаточно быстро создавало и соответствующий «орган». Например, потребность в более эффективной коммуникации создавала соответствующие изменения на уровне анатомии мозга или периферического речевого аппарата. Более приемлемой нам представляется идея генно-

---

²⁰³ Tervoort B. Esoteric symbolism in the communication behavior of young deaf children // *American Annals of the deaf*. 1961. Vol. 106; 1968. Vol. 113.

²⁰⁴ Исенина Е. И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.

культурной коэволюции²⁰⁵, согласно которой определенные генетические изменения создают некий «задел» (feed forward), дающий возможность сформировать определенную форму культурного поведения. Так, для самого раннего этапа ноогенеза это были интеллектуальные возможности протогоминидов, прямохождение, координация действий руки и зрения в орудийной деятельности, коммуникативные способности. В свою очередь достижения в сфере культуры влияют на генетический потенциал популяции: выявляет в нем такие возможности, которые ранее не требовались либо просто были вредны, «подхватывают» полезные изменения в генетическом тексте. Естественно, что сложные психические процессы, в том числе и речь, не могут быть полностью детерминированы генетически, но генетический субстрат на ранних ступенях онтогенеза как бы канализирует развитие, повышает вероятность возникновения вполне определенных механизмов и структур.

Естественно, что возникновение протоязыковой коммуникации резко повысило возможности сообщества в плане организации совместной деятельности, но главным образом непосредственно в данной ситуации. Предметный контекст позволял снимать неопределенность значений протоязыковых знаков. Возможности же протоязыка как средства опосредования познавательной деятельности были не высоки. Эмпирическое подтверждение этому — медленный прогресс культуры вплоть до эпохи поздних неандертальцев.

Совершенствование коммуникативно-когнитивного механизма как центрального звена, стержня ноогенеза следует представлять именно и терминах генно-культурной коэволюции. Например, М. Хильдебранд-Нильсон указывает на несомненно имевшие место в ноогенезе процессы придания знакам раннечеловеческой коммуникации нормативного значения — «лексического» и «синтаксического». Однако ясно, что процесс общест-

---

²⁰⁵ *Lumsden Ch., Wilson E. O.* The gene and the sign: giving structure to postmodernity // *Semiotica*. 1986. Vol. 62. № 3/4; *Lumsden Ch., Wilson E. O.* The relation between biological and cultural evolution // *Journal of Social and Biological structures*. 1985. Vol. 8; *McCall R.* Nature — Nature and the two realms of development: a proposed integration with regard to mental development // *Child Development*. 1981. Vol. 52. № 1.

венного нормирования знаков знаковых операций должен был сопрягаться параллельным (а скорее всего даже и опережающим) развитием мозгового субстрата, периферического речевого аппарата, иннервации и тонкого управления речевой моторикой со стороны мозга, снижая стереотипность психики и повышая уровень интенциональности поведения. Наивно было бы думать, что генетические изменения, порождая более совершенные морфологические структуры, немедленно приводят к появлению более сложных форм психической и культурной жизни. С одной стороны, археологический и антропологический материал показывает, что требуется значительное время для освоения всех возможностей того или иного морфологического сдвига в прогрессивном направлении, с другой, мы видим, что достаточно архаичный субстрат позволял достигнуть очень высокой ступени адаптации к неблагоприятной природной среде.

6. Магистральной линией ноогенеза принято считать развитие речи и связанных с нею форм отражения действительности — опосредованных речевыми знаками психических процессов (памяти, внимания, речевого мышления). В общем виде это так. Однако сознание даже современного человека неоднородно. В нем есть механизмы и феномены, имеющие различный генетический возраст, в этом смысле сознание гетерогенно.

Несколько огрубляя реальное положение вещей, можно утверждать, что наше сознание имеет два полюса. На одном мы имеем дело с континуальными структурами, как правило слабо рефлексированными, с незначительной противопоставленностью субъекта и объекта. Для противоположного полюса характерны достаточно низкая степень отделения субъекта от объекта отражения, расчлененные логико-понятийные структуры, стремление и возможность объективировать познанное и осмысленное. Именно для этого полюса подходит характеристика сознательного отражения как расчлененного, системно упорядоченного для выражения с помощью суждений (Н. И. Чуприкова).

Прогресс сознания несомненно был связан и с развитием континуального полюса, со все большим его «очеловечиванием», отходом от достаточно примитивной шкалы оценок по типу

«приятно-неприятно», с внесением сюда более тонких нормативно-ценностных моментов. Несомненно также формирование различного рода знаковых средств для выражения континуальных структур сознания, повышения уровня «операционализации» знаковых структур подобного типа — т. е. осознание их именно как таковых, понимание их сравнительных возможностей. В современном обществе, к сожалению, можно отметить тенденцию к радикальному упрощению знаковых средств сознания, непонимание того, что различные знаковые средства взаимодействуют с психическими структурами разного типа и исключение тех или иных средств особенно в сочетании с далеко идущим упрощением национального языка неизбежно приводит к конфликтам личности с самой собой (интерсубъективным) и между личностями (интрасубъективным). Оптимальной моделью было бы, очевидно, сознательно культивируемое и развиваемое многоязычие личности и общества — не только, как использование различных национальных языков, но прежде всего в смысле дополненности различных знаковых систем. На начальных этапах ноогенеза человечество, предприняло поистине колоссальные усилия по созданию новой системы коммуникации, позволяющей включить разумный смысл в регуляцию жизни общества. На более поздних оно создавало разнообразные средства для осмысления мира и себя в нем. На нынешнем этапе информационные потоки в ноосфере могут стать почти неуправляемыми и серьезно помешать ее развитию. Одним из наиболее опасных явлений представляется образование локальных, водоворотов информации с использованием собственных, как правило, идеологически перегруженных языков, с трудом понимаемых в других культурах и самым радикальным образом затрудняющих для своих носителей понимание иных сознаний. К счастью, прокладывает себе дорогу и другая тенденция — диалог культур и диалог языков.

Сознание, личность и язык в философии Э. Левинаса

Эммануэль Левинас все еще очень мало знаком нашему читателю. В словаре «Современная западная философия» он

лишь упомянут среди тех, на кого оказали влияние идеи Гуссерля. Между тем Левинас принадлежит к числу философов экзистенциальной ориентации, чье влияние в последнее время растет. В этом он может соперничать на Западе только с Хайдеггером. Среди посвященных ему в последние годы многочисленных публикаций²⁰⁶ мы хотели бы выделить сборник трудов, появившийся в известном издательстве «Раутледж»²⁰⁷. Весьма характерно, что из трех разделов этого сборника в двух рассматриваются практические приложения идей философа в различных отраслях психотерапии и социологии.

Нас интересует трактовка Левинасом природы сознания, личности в их отношении к языку. Забегая вперед, отметим, что, испытав определенное воздействие Гегеля, Гуссерля и Сартра²⁰⁸, более широко — всего контекста экзистенциального философствования 1920—40-х годов, Левинас в своих работах 1940—50-х годов²⁰⁹ создал достаточно оригинальную концепцию, содержащую ряд эвристических моментов.

Основная проблема, вокруг которой концентрируются усилия Левинаса как философа, — это проблема *самосознания*, преломляющаяся через «метафизику Другого». Однако его трактовка «Другого» значительно отличается от сартровской. Исходный пункт его рассуждений таков. «Подлинное бытие» или «подлинная жизнь» *сокрыты* от нас, может быть, они *вообще отсутствуют*. Но мы то как раз *присутствуем* в мире. Вся философия (в его терминах «метафизика») возникает из этого не-алиби и поддерживается им. Вся история философской мысли, если ее взять в самой общей форме, представляет собой движение от того, что нами освоено, к неизведанным берегам, от состояний «у себя»

---

²⁰⁶ *Becker J.* Begegnung — Gadamer und Levinas: Der hermeneutische Zirkel und die Alteritas, ein, ethisches Geschehen. Fr. a. Main, 1981; Face to face with Levinas. N. Y., 1986; *Gibbs R.* Correlations in Rosenzweig and Levinas. Princeton, 1992; *Grim P.* Incomplete Universe: Totality, knowledge and truth. Cambridge, 1992.

²⁰⁷ The Provocation of Levinas: Rethinking the Other. L., 1988.

²⁰⁸ *Levinas E.* De l'existence a l'existant. P., 1947; *Idem.* La theorie de l'intuition dans la phenomenologie de Husserl. P., 1930; *Idem.* Le tempes et l'autre. Grenoble, 1947.

²⁰⁹ *Levinas E.* De l'existence a l'existant. P., 1947; *Idem.* Humanisme de l'autre homme. P., 1987; *Idem.* Le tempes et l'autre. Grenoble, 1947; *Idem.* Totalité et infini. La Haye, 1961.

(*chez-soi*) к «чуждому нам» (*hors-de-soi*)²¹⁰. Конечный пункт этого движения и есть «Другой». Но «Другой» должен пониматься в специфическом смысле: «Никакое путешествие, никакая смена климата или обстановки не могут удовлетворить стремление к нему. Тот "Другой", к которому я метафизически стремлюсь, это отнюдь не какая-то «инаковость», противостоящая мне в определенном отношении, вроде хлеба, который я ем, страны, в которой я живу, картин природы, над которыми я размышляю, даже не часть моего "Я", которую я выделяю из него, противопоставляя в самом себе это "Я" с тем "Другим". Я могу "питаться" всеми этими реальностями и в довольно широких пределах испытывать при этом удовлетворение, как если бы я просто в них "нуждался". Однако метафизическое стремление направлено на *нечто абсолютно иное*, а именно на "Абсолютно Другого»²¹¹.

Привычный нам анализ этого стремления, подчёркивает философ, опирается на понятие потребности. В этом случае стремление-желание характеризует сущее с точки зрения его неполноты, ущербности, падения с высоты прошлого величия и блеска. Тогда оно совпадает с осознанием идеи утраты, принимает форму ностальгии, тоски по утраченному. Но в этом случае даже нет намек на то, что же есть подлинно «Другой».

«Другой» — это прежде всего, в трактовке Левинаса, абсолютная инаковость (*radical heterogenety*). Она достижима только тогда, когда другой остается таковым по отношению к некоей исходной точке, чья сущность состоит в том, чтобы быть пунктом отправления, служить «местом входа» в отношение. Такой «точкой отправления» является для него «Я».

Быть «Я», пишет Левинас, значит превосходить все те определения и качества индивидуации, которые можно вывести из

²¹⁰ Эти выражения представляют собой перевод гегелевских *beisick* и *auersick*, а точнее, *Bei-sich-Sein* и *Auer-sich-Sein* — соответственно «в-себе-бытие» и «вне-себя-бытие». *Chez-soi* переводчик, подготовивший английское издание, перевел, как он сам отмечает, «довольно неуклюже»: *at home with oneself*. Разумеется, это «у себя самого дома» следует понимать именно в метафизическом смысле — как *момент* зарождения самоидентификации личности (в дальнейшем мы ссылаемся, если не оговорено иначе, на английский перевод основной книги Левинаса: *Levinas E. Totality and infinity*. Pitsburgh; Hague, 1969).

²¹¹ *Ibid.* P. 33.

системы референций, из представлений о постоянстве как содержании «Я». «Я» — это не существо, которое всегда остается тождественным самому себе, но есть нечто, существование чего состоит в постоянной самоидентификации, в обретении своей идентичности вопреки всему, что может происходить или происходит с ним. Это «первичная идентичность, изначальное дело идентификации», пишет философ²¹².

Самоидентификация «Я», подчеркивает Левинас, не осуществляется с помощью монотонной тавтологии: «Я есть Я». Этот процесс не может начинаться с рефлексии над абстрактной репрезентацией себя в самом же собственном сознании. Начало этого становления в отношении между «Я» и миром. Мир, «чужой и враждебный», должен по логике вещей негативно воздействовать на «Я». Однако, подчеркивает философ, «первичное и подлинное отношение», в котором «Я» способно к самораскрытию и обретению своей устойчивой идентичности, это отношение *пребывания (sejour)* в мире. В этом случае, «пребывая у себя», «Я» обретает свои сущностные характеристики. *Chez-soi*— это не некое вместилище, но *местопребывание «Я»*, а именно такое, где оно, находясь в зависимости от той реальности, которой является «Другой», выступает, несмотря на эту зависимость или вопреки ей, свободным: «В некотором смысле все, что я нахожу в этом мире, даже звезды, при ближайшем рассмотрении оказывается в моей власти, ведь я могу знать о них, рассчитывать их движение и отношение друг к другу»²¹³.

Все, что есть в мире, принадлежит мне, все предвосхищено и понято, пишет Левинас. Я могу находиться «у себя», если мир, окружающий меня, предлагает себя мне, либо сопротивляется моим действиям. Иначе обстоит дело, когда нам противостоит «Абсолютно Другой». «Другой», с которым имеет дело не эмпирический субъект, а философ, не просто находится в ином пространстве; его местопребывание напоминает платоновские идеи, которые, по Аристотелю, внепространственны. Никакие силы, которыми наделено «Я», не в состоянии преодолеть дистанцию, отделяющую его от «Другого». В моем «собственном» мире оппозиция «Я» и «Дру-

---

²¹² Ibid. P. 36.

²¹³ Ibid.

гого» во многом формальна, считает философ, она преодолима, тогда как оппозиция «Я» и метафизического «Другого» абсолютна. В этом случае «Я» и «Другой» не образуют никакого единства. «Другой» выступает как «Чужой» (*L'Etranger*), нарушающий порядок бытия «у себя». Но «Чужой» — это одновременно и проявление свободы. «Я» не обладает над ним никакой властью, не разделяет с ним ничего. «Я» и «Другой» образуют пару противоположностей: «Мы есть то же самое *и* иное», — формулирует Левинас²¹⁴. Союз и не обозначает здесь ни соединения, ни власти одного члена отношения над другим.

Итак, спросим мы себя, разделение абсолютно? И нет ничего, чтобы опосредовало эти противоположности? Ответ Левинаса таков: отношение, которое опосредует эти противоположности, есть *язык*, речевое общение. Если стороны противоположности, пишет Левинас, будучи сами по себе *бесконечностями*, тем не менее не являются *тотальностями*, то между ними существует момент опосредования, движение от «Я» к «Другому», предстающее в виде того, что он называет «отношением *лицом к лицу*». Это отношение обозначает дистанцию в глубину бытия: дистанцию общения, доброты, желания²¹⁵.

Узнать «Другого» — значит приблизиться к нему. Однако, если мы предположим, что все дело заключается в установлении непосредственного речевого контакта, общения-беседы (*conversation*), то мы упростим ход мысли Левинаса. Он вполне отдаст себе отчет в том, что эмпирических людей, которые в его метафизике предстают как «Я» и «Другой», разделяет очень многое. Следовательно, чтобы вообще могло состояться сближение личностей и их сознаний, нужно преодолеть то, что Гуссерль рассматривал в качестве «нулевой точки отсчета» любого мыслительного и перцептивного акта, преодолеть солипсизм чистого «Я». В самом общем виде решение, предлагаемое Левинасом, заключается в следующем: диалектика выделенных выше противоположностей может быть опосредована языковым общением, если создается некое общее поле Разделенных Объектов. Иными словами, общение лично-

---

²¹⁴ Ibid. P. 39.

²¹⁵ Ibid.

стей-монад невозможно, необходим выход за пределы этой монадности в пространство реальных социальных отношений, в мир реальной и *глубокой* intersубъективности, пронизанный положительными аффективными моментами. Таким образом, приближение к «Другому» предстает в трактовке Левинаса как движение через intersубъективное пространство разделенного intersубъективного предметного мира, что позволяет установить «общность и универсальность» как фундамент общения. «Язык, — пишет Левинас, — и есть сам переход от индивидуального ко всеобщему, поскольку он передает "Другому" то, что есть глубинно мое. Говорить — означает создавать общий мир, строить общий фундамент для совместного обладания. <...> Мир, преображенный общением, совсем иной, чем мир, обезображенный разделением; это мир бытия "у себя", где все дано мне и где я тоже могу давать: коммуникацию, мысль, универсальность»²¹⁶.

Таким образом, подчеркивает Левинас, *не вещи сами по себе*, как у Хайдеггера, образуют «квинтэссенцию всех тех отношений, которые конституируют наше пребывание на земле». Напротив, именно отношение между тем же самым и иным, мое принятие «Другого» и является тем последним фактом, в этом отношении вещи не есть то, что мы делаем, производим, изготавливаем, но то, что мы отдаем²¹⁷.

Итак, подлинный мир, в котором с помощью языка преодолевается противоположность «Я» и «Другого», — это мир общения. Однако, прежде чем в реальной жизни станет возможен язык, возникает и существует в качестве неустранимого и нередуцируемого модуса общения и отношения нечто иное. То, что Левинас называет «лицом к лицу», опять же необходимо понимать в сугубо метафизическом смысле, а, скажем, не как разновидность невербальной или паравербальной коммуникации. Язык, отмечает философ, — это все же отношение между раз-

---

²¹⁶ Ibid. P. 76.

²¹⁷ Ibid. P. 77. Здесь Левинас полемизирует с Хайдеггером, но не ссылается на конкретные работы. Как мы полагаем, имеются в виду прежде всего мысли Хайдеггера, высказанные им в «Истоке художественного творения» и примыкающих к нему работах, но также, разумеется, и хайдеггеровские интерпретации вещного мира как фундамента бытия-в-мире в «Бытии и Времени».

дельными членами оппозиции. В языке «Другой» все-таки дан не прямо, не непосредственно, а в некой отчужденной, превращенной форме. В речи, которая соединяет «Я» с «Другим», этот последний лишен всяких следов «нуминозности», «святости». Он близок к полной объективации и тем самым профанизации — как можно истолковать это «отсутствие нуминозности».

В общении же «лицом к лицу», где нам дан *лик* Другого, мы имеем шанс соприкоснуться с самыми глубинными слоями Другого. Лик, подчеркивает философ, не поддается «обладанию», он «сопротивляется» моим силам (*pouvoir*). В своей энификации, в *экспрессии* осмысленно-чувственное, хотя и кажется чем-то доступным, превращается на самом деле в тотальное сопротивление этому доступу. И все же такое обращение, подчеркивает философ, сугубо диалектично. Это не такое сопротивление, которое оказывает скала протянутой к ней руке, не абсолютная удаленность звезд в бесконечном пространстве. Та экспрессия, которую лик привносит в мир, пишет Левинас, не ослабляет моих сил, а увеличивает их. Лик, все еще вещь среди вещей, прорывается через границы стесняющей его формы: «Конкретно это означает следующее: лик говорит со мной и приглашает меня тем самым принять участие в отношении, значение которого для меня несоизмеримо с реально затраченными усилиями»²¹⁸. Через общение «лик-к-лику» открываются подлинные глубины человеческой личности, оно привносит момент явленности бесконечного в экспрессию и общение. Таким образом, само общение уже невозможно свести к передаче информации, каких бы глубоких и скрытых моментов эта информация не касалась.

И сам язык, как обмен идеями о мире, предполагает, по Левинасу, наличие этого самого лика, т. е. подлинно человеческих отношений. Без этого фундамента язык превратится в «действие среди действий», расшифровка значений которого потребовала бы «бесконечного психоанализа и сложной социологической теории»²¹⁹. Радикализируя свое толкование процесса общения, Левинас пишет, что «выражение не может заключался в *передаче* нам внутреннего мира "Другого"». «"Другой", выражая себя

---

²¹⁸ Ibid. P. 198.

²¹⁹ Ibid.

с помощью точных терминов (*precisely*), не *дает* себя нам и соответственно сохраняет свободу лгать. Но обман и истина сами предполагают абсолютную аутентичность лика: он чужд альтернативе истины и не истины, обходя неопределенность истинного и ложного, риск которой изначально заложен в любой истине, ту неопределенность, при которой все ценности оказываются смещенными²²⁰. «То, что я называю ликом, — продолжает философ, — есть в точном смысле экзистенциальное выражение личностью самой себя (*self by self*), несовпадающее, и даже несоизмеримое с "простой" репрезентацией реальностей». Чтобы соприкоснуться с правдой и истиной, необходимо, по Левинасу, «установить отношения с ликом, который может гарантировать свою идентичность, чья эпифания и есть в известном смысле слово чести». Каждый язык как обмен вербальными знаками соотносится с этим «основополагающим словом чести». Вербальный знак занимает свое место там, где один человек обозначает нечто для другого, следовательно, он, этот знак, «уже предполагает аутентичность личности того, кто означает»²²¹.

Таким образом, если подытожить рассуждения Левинаса о природе личности и лике, то можно сказать, что основным моментом выступает здесь экзистенциально-этическое измерение процесса общения. Не убедившись в «подлинности» другой личности, мы не можем быть уверены в подлинности языковой коммуникации. Язык выражает некоторое состояние сознания «Другого», но нет гарантии в том, что за «вербальными знаками» стоит истинное и подлинное содержание. «Другой» — всегда потенциально и реально бесконечен и свободен со всеми вытекающими последствиями для процесса общения сознаний. Обращение к «лику» — это попытка ввести персоналистическое начало в анализ процесса общения. Но есть ли какие-либо критерии того, что же перед нами — истинный лик или его искаженный образ? И соответственно — стоит за этим ликом подлинный язык, или мы обречены всегда довольствоваться «двусмысленностями»? Естественно, что такого критерия у Левинаса нет и в пределах того типа рациональности, которого он придерживается, быть не может. Для него лик — это вовсе не знак невербальной коммуникации.

---

²²⁰ Ibid. P. 202.

²²¹ Ibid.

В последние 20 лет опубликовано большое количество работ, посвященных «лику» и «облику» человека и их месту в невербальном общении. Собственно говоря, эта линия исследования восходит к «физиогномике» античности и Ренессанса²²², но развивается в настоящее время в основном в рамках эволюционно-генетической парадигмы²²³. В рамках таких исследований ставится и решается вопрос об «истинности» и «подлинности» лика (и облика), но, разумеется, без обращения к «нуминозности» и «бесконечности Другого». Это отнюдь не значит, что постановка проблемы у Левинаса лишена смысла. Отнюдь! В целом его экзистенциальный персонализм правильно оценивает необходимость учитывать бесконечность и даже «святость» другой личности (если эту святость не понимать в религиозном плане). Интуитивно также понятно, что всякое вербальное выражение мысли действительно покоится не только на общности логико-когнитивных структур, на владении знаниями типа *knowing how* и *knowing that*, т. е. вполне рациональных или могущих быть рационализированными содержаниях сознаний общающихся, но и на некоем почти неуловимом «остатке», на вполне реально переживаемом унисоне (или, напротив, диссонансе) сознаний. Но как рационализировать эти интуиции, как придать им форму *явной* интерсубъективности? Ответы могут быть даны, например, в стиле Д. Карнеги и Р. Хаббарда. Однако они не могут удовлетворить взыскательный философский ум, который скорее согласится с объяснениями в стиле чань- и дзен-буддизма.

---

²²² Нахов И. М. Физиогномика как отражение способа типизации в античной литературе // Живое наследие античности. М., 1987; Ямпольский М. Б. Зоофизиогномика в системе культуры // Тр. по знак. системам. Вып. 23: Текст — культура — семиотика нарратива. Тарту, 1989.

²²³ Горелов И. П., Енгальцев В. Ф. Безмолвной мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. М., 1991; Argyle M. Bodily communication. L., 1975; Birdwhistell R. Kinesics and Context. Harmondsworth, 1975; Darwin and facial expression. N. Y., 1975; Eibl-Eibesfeld I. Grundriß der vergleichenden Verhaltensforschung. München, 1967; Ekman P., Friesen W. V. Unmasking the face. Englewood Cliffs, 1975; Ellgering H. Nonverbal communication in depression. Cambridge, 1989; Leonhard K. Der menschliche Ausdruck in Mimik, Gestik und Phonik. Leipzig, 1976; Nöth W. Handbuch der Semiotik. Stuttgart, 1985; Wallbot H. Gesichtsausdruck // Nonverbale Kommunikation. Weinheim, 1979.

Сам Левинас вполне честно признает методологические трудности, которые здесь возникают. Так, считает он, было бы неправомерно экстраполировать искусство майевтики за пределы его законного употребления, утверждая, что содержание одного сознания «без всякого насилия» переходит в другое сознание, если, например, речь идет об общении Учителя с Учеником. Однако, принимая идею «бесконечности во мне», продолжает философ, я порываю с псевдорационалистической майевтикой, не отрекаюсь от рационализма, поскольку идея бесконечности не оказывает давления на разум. Напротив, она служит основанием этики и разумного дискурса. Отсюда его вывод: «Мыслить — значит иметь идею бесконечности или усваивать такую идею. Даже если мы ограничиваем себя формальной структурой логической мысли, начинающейся с дефиниций, бесконечное (*infinity*), с которым все понятия в конечном счете и соотносены, не может быть определено тем же способом. Оно тем самым относится к "знанию" новой структуры. Мы же пытаемся зафиксировать его отношение к лику и показать этическую сущность этого отношения. Лик, таким образом, и есть та реальность, делающая любую очевидность возможной — подобно божественной истине, на которую опирается рационализм Декарта»²²⁴.

Посмотрим теперь, как соотносится язык с рациональностью, истолкованной таким образом. На первый взгляд, трактовка Левинаса близка к традиционным воззрениям в этой области: «Язык, — пишет он, — обусловливает функционирование рациональной мысли: он придает ей бытийственное начало, сообщает первичную идентичность сигнификации...». Мы намеренно прервали цитату, потому что ее продолжение резко уводит ход мысли с привычных путей. Речь идет не просто о «начале думания», для которого действительно желательна опора на устойчивый словесный знак. У Левинаса все иначе: «идентичность сигнификации перед ликом того, кто говорит, кто неустанно устраняет многозначность и неточность своего собственного образа, своих вербальных знаков». О каком же языке идет речь, как он устроен? Вполне логично, что язык понимается Левинасом не как «физическая материальность», но как соотношение моего сознания с «Другим», одновременно не могущее

---

²²⁴ *Levinas E. Totality and infinity. P. 204.*

быть редуцировано к репрезентации «Другого», «несводимое к интенции мысли, несводимое к осознанию чего бы то ни было, поскольку язык соотнесен с тем, что ни одно сознание не может полностью заключать в себе, соотнесен с бесконечностью Другого»²²⁵. Однако проблема материальной стороны языка или, как выражается Левинас, его инкарнации (лат. *incarnatio* — букв. «воплощение») все же остается и при таком подходе. Эту проблему он решает следующим образом. Рассматривать язык как «установку разума» (*attitude of the mind*), пишет он, не значит лишать его материального воплощения. В противном случае пришлось бы прибегнуть к идее «чистого сознания», разрушающей всю его концепцию: ведь бесконечность сознания предполагает и «инкарнацию» этого сознания (которое, правда, и без того «вовсе не паралитично»), благодаря чему оно обретает новые возможности — «силы встречи, дара, гостеприимства, полных рук»²²⁶. Напротив, рассматривать материальное воплощение как «первичный факт языка», не эксплицируя ту онтологическую структуру, которую оно и доводит до совершенства, означало бы превращать язык в «простую» активность. Тогда оказывается, что мысль продолжена в телесности: «я думаю» и «я могу». Отмечая, что такого рода воззрения доминируют в значительной части современных учений, Левинас тем не менее подчеркивает, что предлагаемое им решение «радикально разделяет язык и активность (деятельность), выражение и труд». При этом он отдает себе отчет в «практической стороне языка, важность которой никак не может быть недооценена».

Трактовка взаимосвязи языка и сознания, которую предлагает Левинас, исходит из «фундаментальной роли дискурса»²²⁷ в возникновении разума и сознания. «Традиционная» точка зрения, согласно Левинасу, такова: «слова отражают мысль». Он же стремится развить следующее понимание: язык — инструмент сознания. Но инструмент особого рода: символическая функция слова состоит скорее в символизации того, что пока еще не дос-

---

²²⁵ Ibid.

²²⁶ Ibid. P. 205.

²²⁷ В данном случае возможно несколько переводов термина *discourse*, например: «речь», «рассуждение». Мы выбрали «дискурс» по двум причинам: 1) он включает в себя и «рассуждение» и «речь» и 2) в нем подчеркнут момент процессуальности в возвратной повторяемости (итеративности).

тигло в мышлении полной ясности, а не в обозначении готового мыслительного содержания. Более того, это сознательно-интуитивное знание, игра ассоциаций вполне может быть самодостаточна и «не требовать мысли», т. е., если мы правильно понимаем Левинаса, обходиться без четкой пропозициональной фиксации содержания сознания.

Уточняя свои представления, Левинас проводит различие между «мыслью» и «сигнификацией». Мысль имеет невербальную подоснову, особенно в том случае, когда она начинается не с уже готовой репрезентации и не с фраз, в принципе готовых для артикуляции. В этом случае можно сказать, что мысль заключена в «телесности» и ищет для себя сигнификации. И когда ее находит, то сигнификация оказывается «неожиданностью для мысли» (*surprises the very thought that thought is*).

Но в чем же все-таки состоит эта «неожиданность», в чем сущность сигнификации? Чем она отличается от репрезентации? Восстанавливая ход мысли Левинаса, эти взаимоотношения можно представить следующим образом. Репрезентация в целом невербальна (довербальна). Сигнификация, хотя и осуществляется посредством «воплощенного» языка, тем не менее остается «интенциональным объектом». Это значит, следуя феноменологической традиции, что глубинная сущность сигнификации — это идеальный акт, сопряженный с использованием материальных средств. Сознание обретает большую устойчивость после «опосредующего вмешательства тела, которое говорит или пишет».

Обстоит ли дело таким образом, что опосредующее вмешательство знака и конституирует сигнификацию, создает новый род бытия, вносит в объективную и статистическую репрезентацию «движение» за счет символического отношения? Если дело обстоит таким образом, то, считает философ, это будет означать, что язык опять уводит нас от «самих вещей». Но как же выйти из этого тупика?

Поворот его мысли достаточно неожидан для феноменологии в целом, но логичен для него самого. *Первосущность* языка заключается не в его «телесности», «воплощенности», а в репрезентации *значения*. Тогда получается, что не знак формирует сигнификацию, а сигнификация, первичной сущностью которой яв-

ляется отношение «лик-к-лику», делает возможной знаковую функцию: «Значение — это лик Другого и любое обращение к словам осуществляется уже в первичном языке "лик-к-лику"». Любое использование слов, уточняет автор, предполагает понимание «первичной сигнификации», а это понимание, в свою очередь, прежде чем стать «сознанием чего-либо», уже есть, социальность. Сущностью языка в таком случае оказывается «отношение к Другому», и оно не приклеивается к «внутреннему монологу», как адрес на посылку или этикетка на готовое изделие, но сущностно включает в себя «радостное приятие бытия, отраженное на нашем лице, этическое событие социальности». Эти моменты изнутри управляют дискурсом²²⁸.

Из всех этих рассуждений делается такой вывод: «Если отношение "лик-к-лику" лежит в основе языка, если лик порождает первичную сигнификацию, привносит ее в бытие, тогда язык не просто служит разуму, он и есть разум»²²⁹. Но это не безличный разум, вобравший в себя множество мыслей собеседников и потому непонятный. Такой разум не может быть обращен к другому разуму и быть им понят. В этом случае можно, разумеется, прибегнуть к старой идее, что знаки, порождаемые одним, вызывают в голове другого «те же мысли», пишет Левинас. Конечным результатом такого анализа, полагает он, будет или превращение сознания в «Я мыслю», которое уже лишено речи, или растворение его в бесконечном дискурсе. «Если же, напротив, разум, сознание и живут в языке, если первичная рациональность вспыхивает и живет в оппозиции лика-к-лику, если первичная интеллигибельность, первичная сигнификация и есть бесконечность интеллекта, который дан мне (а это значит — говорит со мной) в лице, если разум определяется через сигнификацию, а не сигнификация — через безличные структуры разума, если социум предшествует появлению этих безличных структур, если универсальность как выражение гуманности царит во взгляде, обращенном ко мне, если, наконец, мы будем помнить, что этот взгляд апеллирует к моей ответственности и освещает мою свободу как ответственность и самоотдачу — тогда плюрализм общества не может исчезнуть при восхождении к разуму, но будет условием этого

²²⁸ *Levinas E. Totality and infinity. P. 206—207.*

²²⁹ *Ibid. P. 207.*

движения» — заключает Левинас²³⁰. Отсюда понятно и его отношение к объективирующей роли языка. Да, язык объективирует мысль. Но, используя речь, пишет философ, я не сообщаю другому то, что *уже стало* объективным для меня: объективное приобретает это качество только через коммуникацию.

Подведем итоги. Философия Левинаса представляет собой вполне последовательную попытку уйти от монадологического подхода Гуссерля и того, что он называет «философией нейтрального» (*philosophy of the neuter* — здесь можно перевести и как «философия безличного») ²³¹. Эвристичным моментом выступает, вне всякого сомнения, стремление обосновать коммуникативный момент в природе сознания, а тем самым и языка. При чем коммуникативность — и это очень важно и ценно — понимается не как «передача информации», а скорее в Марксовом смысле, как *Verkehr*. Однако из всего возможного богатства характеристик *Verkehr* он ценит (вполне в духе экзистенциализма) интимно-личностный момент. Нет сомнения в том, что база всякого взаимопонимания, а затем и понимания мира за пределами сугубо личностных отношений, это все-таки эмоционально-ценностно ориентированное общение. Особенно ясно это проявляется в раннем детстве. Не имея здесь возможности подробно останавливаться на эмпирическом материале и его теоретических интерпретациях, укажем, что, согласно современным воззрениям, именно отношения «клик-к-лику» между матерью и ребенком и являются основной движущей силой как психического развития в целом, так и коммуникации в частности.

Нельзя не согласиться с Левинасом в том, что «безличные», «объективные» смысловые структуры не исчерпывают сущности сознания, не могут быть ведущим фактором его развития. Заметим в этой связи, что, полемизируя по этому вопросу с «гегельянцами» (не называя никого конкретно) и Гуссерлем, он предвосхитил неогеггелянскую в своей сути концепцию идеального Э. В. Ильенкова, в которой главный акцент как раз и сделан на «безличных структурах». Понятно, что любое знание, любое представление и воспоминание возможно как сугубо *диалектическое отношение* объектив-

---

²³⁰ Ibid. P. 208.

²³¹ Ibid. P. 298.

ных (и в этом смысле действительно «безличных»), или скорее, «надличностных») и субъективно окрашенных моментов. Для Левинаса эта диалектика несущественна: он видит только одну сторону противоположности. Тогда получается, что язык (который у него и есть разум, сознание) целиком надындивидуален, «сверхличностен» и коммуникация невозможна. По крайней мере такая коммуникация, в которой — и здесь мы с ним в основном согласны — мысль реально формируется. Отношения типа «лик-к-лику» действительно предшествуют речевой разумной коммуникации. Но, во-первых, сама коммуникация вносит в эти отношения дополнительную долю разумности, оказывает обратное влияние на свою «первооснову», и, во-вторых, сигнификация, в каких-то моментах отдаляя нас «от самих вещей», заставляя, например, отвлекаться от всего многообразия чувственных качеств обозначаемых вещей, действительно упорядочивает наши внутренние репрезентации (чувственные образы и представления). И этот процесс в известном смысле необратим — мы не можем вернуться к тому видению мира, которое было до обозначения. Однако спорить с Левинасом на территории теории познания и когнитивной психологии было бы не вполне корректно. Для него основной системообразующий момент его философствования — преодоление «безличного» и обоснование «теплоты», коммуникативной природы этики. Поэтому, когда он доказывает, что язык и есть подлинный разум, сознание, не будет ошибкой считать, что «сознание» для него это не «осознание ближайшей среды», а интерсубъективность морального дискурса. Тогда разрушение языка было бы и уничтожением морального консенсуса, вообще уничтожением всякой этики.

И последнее: поставленные (и отчасти решаемые) Левинасом проблемы в области соотношения языка и сознания требуют, по нашему глубокому убеждению, более четкого понятийного аппарата. У него, как в целом в экзистенциализме, основные понятия не прояснены в должной степени. Это имеет и свои положительные черты — читатель *должен* думать вместе с автором, просто обязан заниматься *генерацией* смысла, отталкиваясь от исходного текста. Но в конечном счете часто остается неясно, что же в действительности имел автор в виду. Таков стиль «парадоксальной рациональности».

Языки познания как репрезентация познавательных устремлений человека

Язык — это целостная среда, в которой протекает жизнь человека, выявляются главные векторы его познавательных интересов. Язык изначально направлен на постижение того, что находится вне пределов пространства и времени, доступного отдельному индивидууму. Именно поэтому развитие языка во многом определяется познавательным опытом человечества. И в этом смысле естественный язык можно рассматривать как язык познания. Но в данном качестве естественный язык не всегда позволяет глубоко проникать в суть исследуемого феномена и эффективно с ним работать. Поэтому возникает множество языков с отличающимися познавательными возможностями, в том числе язык науки, язык искусства, язык мистики и пр. Каждый из языков познания не просто репрезентирует нам какую-то из способностей человеческого духа в постижении мира, но и содержит в себе суть этой способности, которую мы никаким иным путем, кроме как через изучение языка, постичь не можем, а также суть того фрагмента мироздания, которую эта способность наилучшим образом выражает. При этом мы одновременно постигаем как расширенные возможности языка, так и ограничения, накладываемые конкретным языком познания на познавательный процесс. Соответственно формируются и познавательные группы, как группы людей, которые в своей гносеологической, профессиональной, духовной, социально-культурной деятельности пользуются, преимущественно, одним и тем же языком познания, причем, последний обеспечивает им как наилучшее взаимопонимание, так и наиболее глубокий «контакт» с исследуемой областью. «Контакт» означает, что владелец данного языка способен не просто задавать вопросы в адрес интересующей его действительности, но и задает их так, как будто действительность в свою очередь может уточнить вопрос, задав встречный, ответить на вопрос или отвергнуть его совсем, как неуместный. Все языки познания в своей совокупности образуют воображаемый (виртуальный) язык познания, как идеальный, на

данное время, вариант такового, обладающий всеми необходимыми свойствами для актуального познавательного взаимодействия с миром. Мы предполагаем, что разговор о языках познания включает в себя следующие основные вопросы:

➤ вопрос об объединяющем принципе для всех языков познания — о том, что мы называем *внутренней формой языка познания*;

➤ проблему *творческого потенциала языка*, так как решающим в отношении его достоинств или недостатков является не то, что способен выразить данный язык, а то, «на что этот язык вдохновляет, к чему побуждает, благодаря собственной внутренней силе»;

➤ вопрос о том, насколько и каким образом тот или иной язык познания способен воплощать содержание соответствующего знания;

➤ проблему переводимости содержания одного знания на язык другого знания (или проблема реального понимания между носителями разных гносеологических языков);

➤ проблему исторического изменения языка познания: редукция или расширение возможностей — роль «формального» и «неформального» языков, его коннотативной и денотативной частей, метаморфозы осознаваемых и неосознаваемых смыслов;

➤ проблема признаков образования нового языка познания и его функций, как в пределах познавательной группы, так и в масштабах всего когнитивного сообщества.

Ответы на вопросы, возможно, помогут понять, является ли все возрастающая дифференциация языков познания (вновь возникающие, якобы интегрированные, языки, лишь пополняют массив уже имеющих) — только выражением процесса накопления, в том числе и накопления языков-симулякров, либо это необходимый этап, на котором формируются и совершенствуются признаки некоторого единого универсального языка, снимающего все преграды для взаимопонимания познающих субъектов и мира.

Глава II

МОЗАИКА ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Философия языка и семиотика: проблемы, решения, задачи исследования

Каждая наука в той или иной степени имеет дело со знаками и знаковыми системами. Уже это обстоятельство свидетельствует о значении семиотики как науки об общих закономерностях функционирования и развития знаков и знаковых систем. Вторая половина XX века ознаменовалась бурным развитием семиотики (хотя корни ее как особой ветви знания уходят в глубокую древность). Это развитие носит как экстенсивный (издание нескольких специальных журналов в США, Германии, Австрии, Франции, Италии, серий монографий²³², трехтомного «Энциклопедического словаря по семиотике»²³³, чтение соответствующих курсов в университетах США, Германии, Франции, Италии, Австрии, Чехии), так и интенсивный характер (детальная разработка понятийного аппарата, определение дисциплинарного статуса семиотики в ряду других наук).

В настоящее время выделились две основные ориентации в семиотических исследованиях: теоретическая (и метатеоретическая) и прикладная. В первом случае считается, что главной задачей семиотического исследования является работа с понятийным аппаратом, максимально детальный анализ базовых понятий, а также исследование дисциплинарного статуса семиотики, определение ее отношения к таким областям знаний, как философия, кибернетика, теория информации, математика. В другом случае исследователи полагают, что глубина и точность проработки основных понятий не так уж и важны — главное, чтобы они «работали», т. е. могли бы быть использованы для решения конкретных научных задач в лингвистике, литературоведении, искусствознании, теории культуры, теории и практике массовых коммуникаций,

---

²³² Особо следует выделить две серии монографий (к настоящему времени вышло более шестидесяти томов), издающихся в Бохумском университете под общей редакцией проф. В. Коха: Bochumer Beitrage zur Semiotik (BBS), Bochum publications in evolutionary cultural semiotics (BPX) (Bochum, 1985).

²³³ Encyclopedic dictionary of semiotics. Berlin; N. Y.; Den Haag, 1986. Vol. 1—3.

биологии, психологии. Соответственно выделяются лингвистическая, психологическая, биологическая семиотика, семиотика культуры, литературы, медицинская и т. д. Здесь наблюдается интересное явление: глубина проработки базовых понятий в теоретической или, как иногда еще говорят, абстрактной семиотике часто оказывается невостребованной в семиотике прикладной, которая сплошь и рядом обходится менее точными, а подчас и просто противоречивыми трактовками таких понятий, как значение, знак, высказывание, текст, сообщение и т. д. Кроме того, можно наблюдать, что уровень разработки метаязыка в одной из смежных областей с трудом может быть использован в другой. Так, например, детальные разработки знаковой проблематики в лингвистике в очень малой степени удалось до сих пор адаптировать для целей психологической семиотики (психосемиотики) и психолингвистики. По нашему мнению, дело не в чрезмерной абстрактности тех или иных разработок, и не в теоретической незрелости той или иной ее отрасли, а в отсутствии или слабой разработанности особого слоя семиотических исследований слоя-посредника между абстрактной и прикладной семиотикой. Исследования в этой области должны адаптировать достижения теоретической семиотики к целям практических исследований. Наивно было бы думать, что проблемы, возникающие в этой связи, разрешатся сами собой, напротив, их решение требует долгой и кропотливой работы.

Цюрихский профессор Э. Холенштайн предлагает оригинальную трактовку семиотики как необходимой составной части всякой научной теории, где основным, как принято выражаться, «измерениям» семиотики — синтактике, семантике и прагматике — соответствуют логическая непротиворечивость, эмпирическое подтверждение и понятность²³⁴. Вообще для концепции Э. Холенштайна характерна следующая трактовка процесса понимания как в науке, так и в повседневной коммуникации: исходным уровнем является лингвистический — здесь мы имеем дело со знаками, оцениваем физические параметры, сообщения, его формальную правильность. На семиотическом уровне идет оценка и более широком контексте — с точки зрения более универсальных категорий семиотики,

---

²³⁴ *Holenstein E.* Linguistic, Semiotic, Hermeneutik: Plädoyers für eine strukturelle Phänomenologie. Fr. a. Main, 1976.

а на третьем — герменевтическом уровне — к процессу понимания подключаются интуитивные неформализуемые механизмы мышления, происходит усмотрение смысла²³⁵. Как нам представляется, и эта концепция не выводит нас из герменевтического круга. Если мы хотим построить такую теорию понимания, которая учитывала бы как формальный компонент семиозиса, так и ментальный, включая и интуитивные моменты, то мы должны строить более глубоко эшелонированную теорию знака, включающую в себя в качестве неперемного условия момент *динамики*, движения от интенции к выраженному в знаках и значениях смыслу²³⁶.

Т. А. Себеок²³⁷ в этом контексте считает, что семиозис появляется вместе с зарождением жизни — любые механизмы передачи информации в живых системах можно и нужно рассматривать как знаковые. В таком случае, как несложно заметить, семиозис приобретает своеобразную форму: носитель значения, по сути дела, сливается со своей материальной формой. На более высоких ступенях организации живого происходит дифференциация семиозиса, знак и значение предстают как самостоятельные «сущности», интерпретатор отделен от знака. По всей вероятности, следовало бы ограничиться категориями отражения информации для тех уровней, которые в системе Т. А. Себеока обозначаются как «телесная семиотика» (соматосемиотика, эндосемиотика). Правда, научная честность требует признать, что нам до сих пор неизвестно, на каком уровне в филогенезе живого появляются субъективные образы и интенциональные действия познания, с помощью которых можно пытаться описывать семиотические акты в живой природе.

Вместе с тем в связи с размышлениями Т. А. Себеока²³⁸ мы хотели бы сделать ряд принципиальных замечаний. В современной семиотике можно встретить очень разнообразные подходы к тому, что считать знаком, а что — нет, и соответственно с какого уровня (структурного и генетического) рассмат-

---

²³⁵ *Holenstein E.* Linguistic, Semiotic, Hermeneutik: Pladoyers fur eine strukturelle Phanomenologie. Fr. a. Main, 1976.

²³⁶ См. работы Г. Л. Тульчинского, Э. А. Тайсиной и И. В. Дмитриевской в Библиографическом списке к Разделу I.

²³⁷ *Encyclopedic dictionary of semiotics.* Berlin; N. Y. 1986. Vol. 1—3.

²³⁸ *Sebeok Th. A.* The tell-tale sign: A survey of semiotics. Bloomington, 1975; *Idem.* The sign and its masters. Austin, 1979; *Idem.* The play of musement. Bloomington, 1981.

ривать те или иные явления в качестве знаков. Т. А. Себеок, как уже упоминалось, начинает семиотику с процессов передачи генетической информации. Эта точка зрения имеет под собой определенные естественнонаучные основания. В принципе возможен чисто структурный подход к генетическому коду²³⁹, что как будто позволяет усматривать в нем семиотическое явление. Более того, делались попытки видеть в нем знаковую систему *par excellence* своеобразную матрицу, порождающую не только все остальные знаковые системы, но и содержание нашего бессознательного, которое затем выражает себя в знаковых системах, якобы структурно копирующих генетический код. В данном вопросе, имеющем для теоретической семиотики достаточное принципиальное значение, следует различать ряд аспектов. Независимо от того, осознают ли это сами авторы, трактовка генетического кода в качестве протоязыка и вообще стремление вовлечь в семиотический анализ как можно больше природных явлений основывается на научной парадигме, берущей свое начало с эпохи Возрождения. Магический и неплатонический мир эпохи гуманизма, отмечает У. Эко (прекрасный знаток этого предмета), включает в себя в качестве неотъемлемой части «лес символов», а их расшифровка выступает в качестве новой алхимии, культивируемой в тени возрождения *humanae litterae*²⁴⁰. В основании этого подхода лежит не стремление рассматривать язык в качестве чего-то такого, что формируется и разрабатывается человеком для того, чтобы овладеть предметами мира, но представление о том, что сами вещи, природа или Бытие манифестируется через знаки, язык, тексты. Если принимается такая посылка, замечает У. Эко, то семиотика в качестве теории знаков упраздняется, в ней нет нужды. А в качестве

²³⁹ Гамкрелидзе Т. В. Бессознательное и проблема структурного изоморфизма между генетическими и лингвистическими кодами // Бессознательное. Тбилиси, 1985. Т. 4; *Ego же*. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3; *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. М., 1985; *Якобсон Р.* Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985; *Eigen M.* Sprache und Lernen auf molekularer Ebene // *Der Mensch und Seine Sprache*. Fr. a. Main; Berlin; Wien, 1979; *Jakobson R.* Leben und Sprechen // *Jakobson R.* Semiotik: Ausgewählte Texte. 1919—1982. Stuttgart, 1994.

²⁴⁰ *Eco U.* Il segno. Milano, 1973. P. 96.

единственной легитимной дисциплины остается *герменевтика*, понимаемая в этом случае как метод непрерывного и вдохновенного вопрошания (*una pratica continua ed appassionata di interrogazioni dei segni*). В герменевтике *этого* рода, продолжает У. Эко (а именно такова, по его мнению, вся герменевтика от средневековья до Хайдеггера и Гадамера), нет нужды строить теорию знаков; напротив, главное в ней — вслушиваться в глас, который исходит из тех мест, где нет никаких семиотических правил и соглашений, поскольку этот глас исходит из самого Человека²⁴¹. Иными словами, представление о мире как тексте, пусть достаточно темном, содержащем подчас и вовсе непонятные фрагменты, дает начало двум линиям в семиотике и философии языка: одна из них рассматривает мир как совокупность информационных и знаковых процессов, в которых язык человека и его невербальные знаковые процессы выступают как часть семиотического универсума. Основной акцент при таком подходе делается на общесемиотических закономерностях. Для второй линии характерно внимание только к языковым выражениям и текстам, причем основные усилия исследователей направлены не на выявление и анализ формальных структур, не на исследование лингвистических форм передачи смысла, а на интуитивное постижение того *подлинного смысла*, который автор, подчас сам того не сознавая, вложил в этот текст.

Совершенно очевидно, что оба обрисованных выше направления представляют собой в значительной степени абстракции, некие абстрактные пределы, асимптоты, как говорят в математике, к которым скорее бессознательно, чем осознанно, — стремится мировая семиотическая и лингвофилософская мысль. Можно привести примеры текстов, в которых эти интенции реализованы с максимальной полнотой. Для «понимающей» традиции таким текстом, вероятно, будет хайдеггеровское «На пути к языку». Первая тенденция, которую Т. А. Себеок метафорически обозначил как «the semiotic web», наиболее четко представлена в его собственных работах²⁴².

---

²⁴¹ Там же. P. 97.

²⁴² *Sebeok Th. A. The tell-tale sign: A survey of semiotics. Bloomington, 1975; Idem. The sign and its masters. Austin, 1979; Idem. The play of musement. Bloomington, 1981.*

Однако следует иметь в виду, что если принимается концепция «широкой» семиотики, то должен быть проведен тщательный семиотический анализ всех тех явлений, которые рассматриваются в качестве знаковых. Если же такой анализ отсутствует, а именно так и обстоит дело в большинстве случаев, когда в число семиотических феноменов включаются явления, знаковая природа которых неочевидна, а то и просто спорна, то сплошь и рядом ценность такого анализа оказывается невелика, т. к. в основу его обычно кладутся аналогии. Насколько нам известно, существует только одна работа, в которой с должной тщательностью рассмотрены виды и типы знаков и знакопорождения²⁴³. Как ни странно, несмотря на значительную популярность работ У. Эко в мировом семиотическом сообществе, идеи, сформулированные им в этой книге, особенно в третьей главе, посвященной типологии модусов знакопроизводства, остались как бы вне поля зрения современной семиотики. Конечно, анализ, проведенный У. Эко в этой книге, — это «абстрактная семиотика» в том смысле, который придает этому термину Г. Л. Тульчинский, т. е. семиотика, в которой не рассматриваются побудительные мотивы знакопорождения и те результаты, которые достигаются при воздействии знака (текста) на адресат. Однако нам представляется, что должно иметь место углубление анализа как абстрактно-семиотических компонентов коммуникации и понимания, так и механизмов, лежащих в основании понимания как такового. Здесь, разумеется, требуется более глубокий анализ интуитивных компонентов понимания, нежели это имеет место в современной философии. Можно владеть бесконечно глубоким пониманием знаковой компоненты сообщения: не только понимать язык (в широком смысле), на котором оно создано, но быть в состоянии рефлексировать относительно всех семиотических особенностей данного сообщения, но так и не достичь истинного понимания этого текста. Как не вспомнить в данной связи несколько парадоксальное, а по сути верное наблюдение В. В. Розанова над восприятием нами античной культуры. Мы знаем античную поэзию, констатирует В. В. Розанов, «но, Боже, как недоступна она нам! Шекспир вызывает во мне комедиями смех и трагедиями — горе, но читая в гимназии и университете "De republica" Цицерона и "Miles gloriosus" Плавта, я как бы

---

²⁴³ Eco U. *Tratatto di semiotica generale*. Milano, 1975.

испытывал зубную боль или кто-нибудь ставил меня на колени. Не опровергаю, что я был плохой ученик, но ведь до такой степени не чувствовать ничего от произведений, которые когда-то "потрясали сердца", — это значит до такой степени умереть в одном и воскреснуть в другом, что — трудно выразить!»²⁴⁴. Разумеется, можно (и нужно!) сослаться на культурно-историческую обусловленность понимания, на необходимость учета всего культурного контекста, в котором создавалось и функционировало то или иное произведение... И тем не менее всегда существуют препоны для понимания, порождаемые именно особенностями нашего разума, который в одних случаях как бы сливается в одно целое с воспринимаемым текстом, и текст становится частью сознания личности, тогда как в других случаях тот же разум настойчиво противится суггестивности текста. Здесь возможна целая типология: от полного отталкивания до «удушения в объятиях» (догматизации, вышучивания, пародирования и т. п.). Совсем не редко семиотический анализ (часто помимо воли авторов) превращается в средство такого «остранения» предлагаемого текстом содержания, а за семиотическими штудиями, которые людям со стороны подчас кажутся священнодействием особо привилегированных «бюрократов чистого разума» (выражение Ж. Делеза), проглядывают элементы карнаваллизации и смеховой культуры (как их понимал, в частности, М. М. Бахтин).

Важная сфера семиотических исследований посвящена тому, что можно вслед за У. Эко назвать «частными семиотиками»²⁴⁵. Теоретическая семиотика в значительной части совпадает с философией языка. Главное различие, на мой взгляд, состоит в том, что философия языка должна постоянно помнить, что она есть часть науки о всеобщем, о мировом целом, поэтому и сущность семиотических феноменов должна в ней рассматриваться прежде всего под этим углом зрения, тогда как «просто семиотика» может уделять большее внимание техническим моментам. Соответственно прикладные исследования ограничиваются функционированием знаковых систем в обществе, в развитии культуры, литературы, их ролью

---

²⁴⁴ Розанов В. В. Итальянские впечатления // Розанов В. В. Итальянские впечатления. Среди художников. М., 1994. С. 101.

²⁴⁵ Eco U. *Semiotik und Philosophie der Sprache*. Munchen, 1985. S. 16.

в психическом развитии человека. Однако, по моему убеждению, здесь имеется один весьма существенный момент. Сама семиотика и философия языка не могут плодотворно развиваться, не воспринимая новых импульсов из «частных» семиотик, которые дают новый материал, позволяющий расширить кругозор теоретика и позволить ему выйти из «закрытого универсума знаков»²⁴⁶. Очень важны и исследования на грани социологии и семиотики, культурологии и семиотики, психологии и семиотики, создающие теоретический фундамент для новых аспектов обсуждения знаков и значений²⁴⁷.

В настоящее время становятся доступными работы, годами лежавшие на библиотечных полках и известные только узкому кругу специалистов. Они находились отнюдь не в отделах специального хранения, для доступа в которые требовалось особое разрешение и тем не менее их не читали и не знали. Почему? Дело обстоит очень просто. Наше теоретическое сознание не было готово их воспринять. А обращение к ним требовало неременной «критики», видеть что-либо положительное в них не «дозволялось». Разумеется, можно было бы составить целый том из работ зарубежных философов, которые ранее были почти неизвестны отечественным специалистам в области философии языка и семиотики.

Из выполненных мною в последние годы переводов здесь релевантны три. К. Ясперс и М. Бубер — классики экзистенциальной философии. Между тем их работы, посвященные языку, малоизвестны. Здесь мы имеем дело с таким течением лингвофилософской мысли, которое значительно отличается от привычного нам и ориентированного на позитивистскую традицию. Работа Альфреда Шютца²⁴⁸, ученика и продолжателя дела Э. Гуссерля, занимает особое место: она, на первый взгляд, не имеет прямого отношения

---

²⁴⁶ Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки по герменевтике. М., 1995. С. 131.

²⁴⁷ См.: Рябов О. В. Реклама и сознание современного российского общества: этика и семиотика // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995, Серов Ю. М., Портнов А. Н. Трансформация сознания и культуры как процесс intersubъективных взаимодействий // Там же; Исенина В. И. Особенности присвоения форм и значений культуры в раннем детстве и качества матери // Там же; Смирнов В. А. Семантика образа «Небесной девы» в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Там же; Николаев А. И. О некоторых семиотических проекциях бессознательного // Там же.

²⁴⁸ Щюц. А. Некоторые структуры жизненного мира // Там же.

к философии языка и семиотике. Детальный анализ «жизненного мира», выполненный А. Шютцем, может служить в качестве пролегомен к философии языка и семиотике, вскрывая те структуры нашего повседневного мира, которые обычно ложатся в основу мышления, и коммуникации и в этом качестве приобретают характер непреложного, «переживаемого без вопросов» знания. Философия языка лишь в самое последнее время стала обращаться к данной проблематике, чему в немалой степени способствовали исследования в области искусственного интеллекта. Совершенно очевидны параллели между «фреймами» и «скриптами», которыми пользуется теория искусственного интеллекта (М. Мински и вслед за ним многие другие).

Ценность работ К. Ясперса и М. Бубера²⁴⁹ заключается не только в том, что они знакомят читателя с экзистенциально ориентированной философией и герменевтикой, но и потому что эти два текста действительно относятся, если следовать мысли У. Эко, к той традиции, в которой исследование структуры семиозиса, видов и типов знаков не так уж и важно. Во всяком случае оно играет вспомогательную роль. Гораздо большее значение придается тому обстоятельству, что *значение* представляет собой «фундаментальное отношение», «первичный феномен», возникающий всегда, когда происходит разъединение, разрыв (*Spaltung*) первичного бытия и возникает взаимопереплетение двух сознаний. Разумеется, и здесь речь идет о семиозисе, составными частями которого выступают «знак и смысл, символ и содержание, сравнение и сравниваемое». И вместе с тем, отмечает Ясперс, совершенно недостаточно, характеризуя отношение, возникающее в процессе означивания, сказать, что здесь нечто указывает на что-то иное, одно репрезентирует другое. Почему же недостаточна в этом случае классическая формула, восходящая к Аристотелю и стоикам «*aliquid, stat pro aliquid*», ведь она как будто заключает в себе все основные и необходимые элементы знаковой ситуации и уж во всяком случае поддается расширению: в нее можно включить и более тонкий анализ компонентов значения, и более полное осмысление строения материальной стороны семиозиса, и, если понадобится

---

²⁴⁹ См.: Ясперс К. Язык // Там же; Бубер М. Изреченное слово // Там же.

ся, интерпретирующий субъект. Дело в том, что экзистенциальную философию и основанную на ней герменевтику мало интересуют технические стороны использования знаков. Для такого типа философствования гораздо более важно зафиксировать первичность (*Ursprünglichkeit*), исходность значения как составной части нашего присутствия в мире; мы окружены миром значений и мы их понимаем, они нами порождаются и их понимают другие. Развивая свои мысли об экзистенциальной коммуникации, Ясперс вполне логично проводит различие «знакового языка» и «языка слов» (*Zeichensprache / Wortsprache*)²⁵⁰. «Знаки» произвольны, искусственно изобретены, однозначны, служат для фиксации ясно очерченных содержаний, но тем самым они и «безжизненны», не имеют «атмосферы», «заднего плана». Поэтому они пригодны для рассудочного мышления — того, что Ясперс называет «сознанием вообще». «Слова» же возникли исторически естественно, являются носителями многослойных значений, которые не могут быть исчерпаны в определениях. «Слова» в отличие от «знаков», обладающих строго определенным значением и тем самым в рамках этого значения способных быть замененными синонимами, являются «незаменимыми»: любая лексическая замена приводит к определенной потере смысла. В «словах» всегда присутствует некоторый смысловой «остаток», который невозможно выявить никакими толкованиями и прочими формальными операциями, тогда как «знаки» понятны «без остатка» (*restlos*).

Ясперс называет «чудом» то, что из сочетания простейших, повседневно употребляемых слов возникают предложения, обладающие совершенно уникальными значениями, выражающие абсолютно новые мысли и чувства. Все, что получило обозначение в языке, уже не есть «вещь или нечто», но превращается в «акт духа», «внутреннее действие», в «трансцендентное», а сам язык становится «неразложимым чувственно-духовным феноменом».

---

²⁵⁰ Разумеется, и «знаки», и «слова» употребляются Ясперсом совсем в ином смысле нежели в «обычной» семиотике, которую занимают, например, такие вопросы: являются ли слова наиболее выраженным типом знаков, какие виды словесных знаков существуют в языке и т. п.

В философии М. Бубера особое внимание уделяется интимно-личностному общению. Из всех «философов диалога», а их в XX веке было немало, он нашел, пожалуй, самые проникновенные слова для характеристики «диалогического эроса». Хотя М. Бубер отчетливо видел, что в реальном мире полно отвергающих этот эрос, «зеркальных монологовистов», ведущих священные или профанные войны против «диалогической власти ситуации», тем не менее он в целом не сомневался в том, что подлинное предназначение человека в «стремлении к другому», в «достижении другого», в «пребывании у другого»²⁵¹, и только на этом пути человек может обрести целостное мирозерцание, вступить в отношение к миру как целому, а не к отдельным его частям²⁵².

Не имея здесь возможности подробно разбирать идею диалогизма бытия и сознания, отметим, что она совсем не случайно нашла столько приверженцев именно в XX веке. Ведь «туизм» Фейербаха, предвосхитивший идеи диалогической философии, был в общем благополучно забыт. Растущее отчуждение людей в XX веке, порожаемое технической цивилизацией, «омассовление» человека, о котором писали Х. Ортега-и-Гассет, Э. Канетти и многие другие, предательство по отношению к разуму и тот радостный мазохизм, с которым человек XX века отдает себя в руки различных манипуляторов сознания, все это не могло не вызвать и действительно вызвало обратную бурную реакцию. В философии К. Ясперса, М. Бубера, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, Ф. Розенцвайга, Ф. Эбнера, М. Бланшо мы видим стремление к преодолению разрыва между людьми. У каждого из них акцент сделан на разных аспектах диалогизма. Не все из них так оптимистичны в отношении способности человека к «диалогической жизни», как Бубер. Наоборот, у всех этих мыслителей мы слышим трагическую ноту, звучащую то сильнее, то приглушеннее — такова человеческая реальность, которая открывается философам. Тем не менее совершенно очевидна гуманистическая направленность этого типа философствования.

---

²⁵¹ *Buber M. Zwiesprache // Buber M. Dialogisches Leben: Gesammelte philosophische und padagogische Schriften. Zurich, 1947. S. 160.*

²⁵² *Buber M. Urdistanz und Beziehung. Heidelberg, 1960. S. 16.*

Что касается собственно семиотических и лингвофилософских идей, то при чтении текстов Ясперса и Бубера следует помнить, что сама семиотическая «техника» подчинена здесь их системообразующим идеям: у Ясперса речь идет в конечном счете об условиях свободы человека, возможностях его разума, об условиях и границах экзистенциальной (а это значит единственно подлинной) коммуникации, у Бубера — о «диалогическом эросе», о таком устройстве жизни человека, которое позволит отбросить все ограничения на пути подлинного общения. Соответственно и в языке их привлекает не четкий анализ того, как он устроен и функционирует, а интуитивное проникновение в процесс взаимопонимания. «Диалог» Бубера и «коммуникация» Ясперса достаточно далеки от современной коммуникативной лингвистики, лингвистической и психолингвистической теории диалога и тем более от различных технических вариантов «теории коммуникации» в духе К. Шеннона. Это тем не менее не означает, что лингвистика и психолингвистика ничему не могут научиться у экзистенциальных мыслителей. Достаточно напомнить взрыв интереса к идеям М. М. Бахтина (во многом созвучным некоторым мыслям Ясперса и Бубера), который имел место среди исследователей языкового общения и в нашей стране, и за рубежом. И еще: когда мы читаем у Ясперса, Бубера (да, пожалуй, и Хайдеггера) «язык», «слово», то нужно иметь в виду, что в одних случаях под этим подразумевается «осмысленное высказывание, включенное в процесс подлинной, экзистенциальной коммуникации», в других же — некий механизм транспонирования впечатлений внешнего мира в осмысленные высказывания, т. е. в то, что является частью человеческого разума. В последнем случае возможно более или менее «научное» истолкование значения, языка, общения, что мы отчасти и видим у Ясперса и Бубера²⁵³.

---

²⁵³ Попытки экспликации соответствующих понятий в контексте «философии диалога»: *Theunissen M. Der Andere*. Berlin, 1965; *Waldenfels B. Das Zwischenreich des Dialogs*. Den Haag, 1975.

Философия языка в Германии: исторический обзор

В англо-американской литературе существует мнение, что философия языка (далее — ФЯ) как таковая возникла после второй мировой войны. Разумеется, продолжает автор статьи в авторитетной энциклопедии, философии всегда было что сказать о языке, но ФЯ в собственном смысле слова возникла в 1970—80-е годы. Причем это возникновение рассматривается как достаточно органичный процесс плавного перетекания от лингвистической философии оксфордской и кэмбриджской школ к философии языка в подлинном смысле, т. е. такой, которая занимается проблемами значения, правил, репрезентации, усвоения языка, внешнего и внутреннего языка (*language overt and covert*)²⁵⁴.

Существует немало мнений по поводу того, когда именно возникла и достигла зрелости ФЯ. Во многом это зависит от того, как именно понимаются предмет и задачи этой дисциплины. Приведем несколько суждений. «В классической буржуазной философии, — пишет ортодоксальный марксистский автор, — термин "философия языка" использовался философами (Лейбницем, Локком, Кондильяком, Гердером, В. фон Гумбольдтом, Ф. Шлегелем) для того, чтобы обозначить стремление охватить язык в его целостности, то есть показать его происхождение и сущность языка и взаимоотношения языка, познавательной деятельности человека и общества»²⁵⁵. В марксистско-ленинской трактовке, продолжает Э. Альбрехт, «философия языка» совпадает с «философскими проблемами языкознания», т. е. с мировоззренческим и методологическим обоснованием языкознания и выяснением его места в системе наук²⁵⁶. Заметим, что эта точка зрения была в СССР долгое время единственной дозволенной. В 1985 г. появилась книга Ю. С. Степанова²⁵⁷, в которой «философия языка» трактовалась

---

²⁵⁴ *Lamarque J.* Philosophy of language // *Encyclopedia of language and linguistics*. N. Y., 1994. Vol. 4.

²⁵⁵ *Albrecht E.* Sprachphilosophie // *Enzyklopädie zur bürgerlichen Philosophie im 19. und 20. Jahrhundert*. Berlin, 1988.

²⁵⁶ *Ibid.*

²⁵⁷ *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

как синоним к термину «парадигма». В соответствии с тремя основными дисциплинами семиотики — семантикой, синтактикой и прагматикой автором выделяются семантическая парадигма («философия имени»), синтаксическая парадигма (в которой «философия языка» идентична «философии предиката») и прагматическая парадигма, которая сводится к «философии эгоцентрических слов». Таким образом «философия» понимается здесь приблизительно в том же смысле, в каком в XVIII в. писали о «философии ботаники» или «философии зоологии».

В 1930 г. известный впоследствии лингвист Г. Ипсен отмечал, что в «конце прошлого столетия философия языка в подлинном смысле этого слова не существовала. Язык принадлежал в то время к числу объектов философского исследования, а теоретические потребности языкознания вполне удовлетворялись учением об изменении формы и значения»²⁵⁸. В то же время Ипсен пишет о живой (rege) лингвофилософской сцене послегегелевского периода, к которой он относит прежде всего Х. Штайнталя и Л. Нуаре. «Новую» философию языка и новое представление о языке (der neue Sprachbegriff) Ипсен связывает с именами Ф. де Соссюра и Э. Гуссерля. В первом случае речь идет о системном представлении языка, позволяющем избавиться от методологии ассоцианизма и трактовки языка как более сложного «выразительного движения» (В. Вундт). Однако психологическая теория знака не удовлетворяет; она противоречит общей интенции де Соссюра на представление языка как надындивидуальной, системной сущности. В трактовке Ипсена гуссерлевская модель знакового процесса выглядит следующим образом. В непосредственном опыте нам даны артикуляторные движения и производимые ими звуковые волны либо движения руки, воспроизводящей графические знаки. За ними стоят, с одной стороны, сложные психофизические процессы, с другой — интенциональные акты в сфере значения, т. е. такие, которые придают смысл словам и предложениям. На следующем этапе наделенные смыслом языковые единицы связываются с предметным содержанием. На первом этапе осуществляется акт выражения, на втором — наделения смыслом,

---

²⁵⁸ *Ipsen G. Die Sprachphilosophie der Gegenwart. Berlin, 1930.* Г. Ипсен имеет в виду прежде всего младограмматическое учение о законах изменения формы и содержания в языке.

на третьем — означения. По мнению Ипсена, которое разделялось тогда и разделяется ныне многими лингвистами и философами, здесь мы имеем дело с качественно новой трактовкой языка и смысла, хотя трактовка исходного текста Гуссерля может существенно различаться у разных интерпретаторов²⁵⁹. Более того, в контексте философии речевых актов, возникшей и получившей первоначальное развитие вне немецкой философии и лингвистики, идеи Гуссерля о «слоиности» семантики языковых выражений, соотносимой с многоуровневостью сознания, приобрели новое значение.

Вернемся, однако, к ситуации начала XX века. В философии Б. Рассела, А. Уайтхеда, философов венского кружка и львовско-варшавской школы закладывались основы аналитической философии языка. В этом смысле философия языка раннего (Ч. С. Пирс) и позднего (Дж. Г. Мид, Ч. В. Моррис) прагматизма и особенно «общая семантика» А. Кожибского, С. Хаякавы, Дж. Самервилла и А. Раппопорта могут рассматриваться как специфическое ответвление данной исследовательской программы. В ее центре стоят «meaning and reference», т. е. проблемы значения и употребления языка. Причем ставятся и решаются они таким образом, что основное внимание уделяется эпистемологическим аспектам. Весьма характерно при этом, что, несмотря на обилие соответствующих трудов, до сих пор слабо осознается, что бесконечно точное описание референции невозможно или же непродуктивно без исследования взаимоотношения языка с невербальным мышлением в различных его проявлениях. Это, кстати, прекрасно понимал Гуссерль: вся архитектура «феноменологического прояснения познания» (*phänomenologische Aufklärung der Erkenntnis*) построена как выявление (с последующей концептуализацией) различных невербальных или неосознаваемых компонентов речемыслительного акта. Собственно говоря, феноменологическо-аналитический подход к вербальной, мысли мы находим уже у Фреге²⁶⁰. Фреге вполне ясно осознает, что начальный этап порождения мысли носит невербальный характер, простое утвердительное предложение как одна

---

²⁵⁹ См., напр.: *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1968. С. 14; *Мотрошилова Н. В.* Анализ «предметностей сознания» в феноменологии Э. Гуссерля // Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989.

²⁶⁰ *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. Томск, 1997. С. 28—29.

из наиболее элементарных единиц речевого мышления предполагает в качестве первичного шага «схватывание мысли» (*Fassung*), а лишь затем наступает черед самого процесса суждения и признания истинности мысли. Впрочем, у Гегеля в «Феноменологии духа» и позднее, в «Энциклопедии философских наук», это различие проведено нисколько, на наш взгляд, не хуже, нежели у Фреге. Однако в историю логики, тем более аналитической философии, вошел Фреге. Может быть, именно потому, что у Фреге это сделано более просто и отсутствуют всякого рода спекуляции о трансцендентальной природе сознания и языка.

Применительно к философии языка Г. Фреге, Э. Гуссерля, а позднее достаточно многочисленных сторонников аналитической философии в Германии (Ф. фон Кучера, В. Камла, Ю. Миттельштрасс, К. Лоренц, А. фон Савиньи, Д. Вундерлих и др.) можно говорить о позитивистской версии эпистемологического варианта философии языка. Основная решаемая здесь задача — выявление структуры вербальной мысли, ее уровневого строения, роли языка в функционировании мышления. При этом вполне возможно, что конкретная трактовка изучаемого явления будет значительно отличаться у отдельных авторов. Тем не менее прослеживается достаточно устойчивая тенденция, начало которой — в античности. Не имея здесь возможности вдаваться в подробности, отметим, что, например, у Секста Эмпирика представлена в достаточно разработанном виде философия языка, основными моментами которой выступают онтология знаков и знаковых выражений и их семантика. При этом следует отметить, что в трактовке онтологии знака Секст Эмпирик намного опередил свое время. Еще более важно, что проблемы семантики у него достаточно тесно увязаны с онтологическими проблемами знака²⁶¹. Аналогичным образом обстоит дело и у Аврелия Августина. Его общая теория знаков представляет собой вершину античного мышления в этой области.

Но можно ли говорить о философии языка или, положим, семиотике применительно к античности? Нам думается, что нельзя. Так же, как, например, нельзя об этом говорить применительно к средневековой философской мысли или, если брать

---

²⁶¹ *Секст Эмпирик. Против ученых* // Секст Эмпирик. Соч. М., 1976. Т. 1. С. 151—183, 198—209.

примеры из более близкого нам времени, в отношении философии Х. Ортеги-и-Гассета. И вот почему. В античной философии и непосредственно вырастающей из нее патристике, так же, как, например, в философии средних веков, на начальных этапах развития философии Нового времени, языковая проблематика занимает служебное место. Речь идет об онтологии, эпистемологии, аксиологии языка, поскольку это необходимо для решения гносеологических, антропологических, теологических проблем. Даже локковский «Опыт о человеческом разумении», третья книга которого целиком посвящена языку, находится еще в русле старой традиции. Более того, даже наиболее глубоко разработанная семиотическая теория в рамках философии XVIII в., представленная в «Новом Органоне» Й. Г. Ламберта²⁶², также выступает как часть, пусть в большей степени самостоятельная, нежели у Гоббса, Лейбница, Вольфа, Локка, Кондильяка, но тем не менее все же часть философской системы. При этом вся система ориентирована эпистемологически, на что указывает уже само название (ср. «Органон» Аристотеля и «Новый Органон» Бэкона). «Семиотика» Ламберта, т. е. учение о знаках и языке, занимает важное, но все же служебное место по отношению к «дианойологии», «алетейологии» и «феноменологии» (соответственно разделам философии, посвященным структуре познания, проблемам истинности знания, искусству отделения кажимости от истины).

В философии Й. Гердера мы видим новый, по сравнению с эпистемологической парадигмой, подход: язык рассматривается в процессе его становления и первоначального развития. Нельзя не заметить, что этот подход играл роль своеобразной эвристики в философии XVIII в. С его помощью пытались не только объяснить происхождение языка, но прежде всего обосновать те или иные представления об общественном устройстве, природе познания и сознания (Руссо, Кондильяк, Мопертюи, Гаманн, Зюссмильх).

Нам представляется, что в относительно самостоятельной форме ФЯ в Германии появляется в работах В. фон Гум-

---

²⁶² Lambert J. H. Das neu Organon. Berlin, 1990. Bd. 1—3.

больдта. В наиболее четком виде основные ее положения сформулированы в небольшой работе, датированной 1806 г.²⁶³. Они таковы: 1. Слово есть знак до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. 2. По способу построения и по действию это особая самостоятельная сущность, индивидуальность, а именно в следующем отношении. 3. Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека. И хотя язык основан на условности, но отдельные слова возникают из природного чувства говорящего и понимаются через природные чувства слушающего. 4. Язык есть не что иное, как «дополнение мысли, стремление возвысить до ясных понятий впечатления от внешнего мира и смутные еще внутренние ощущения»²⁶⁴. У Гумбольдта мы видим более высокий уровень философской рефлексии над природой языка, нежели у большинства мыслителей XVIII—XIX вв. Так, у Кондильяка мы находим ряд формулировок, которые, с поправкой на прямолинейность XVIII в., могли бы быть одобрены философами позитивистской ориентации в XX в. «Языки создают наши знания, мнения, предрассудки», — писал Кондильяк и добавлял, что «хорошая метафизика возникла раньше языков», но была не столько наукой, сколько инстинктом. И стоит только создать хороший язык, как «искусство рассуждать» будет с легкостью усвоено всеми²⁶⁵. Итак, «всякий язык есть аналитический метод, и всякий аналитический метод есть язык»²⁶⁶.

Гумбольдт также прекрасно понимал, что язык представляет собой своеобразное исчисление, но он идет намного дальше, вскрывая то, что на языке современной науки может быть понято как соотношение глубинных (мыслительных) и поверхностных (речевых) структур мышления, касается проблемы таких языковых категорий, которые неявно выражены в языке, он вплотную подошел к пониманию того обстоятельства, что «язык» представ-

---

²⁶³ Гумбольдт В. фон. Лаций и Эллада // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 304—305.

²⁶⁴ Ibid.

²⁶⁵ Бонно де Кондильяк Э. Логика, или Начала искусства мыслить // Бонно де Кондильяк Э. Соч. М., 1983. Т. 3. С. 241—242.

²⁶⁶ Бонно де Кондильяк Э. Язык исчислений // Там же. С. 272.

ляет собой не просто многоуровневое образование, но по сути дела за этим термином скрываются несколько явлений. Он впервые в европейской мысли достаточно близко подошел к различению языка 1) как знакового явления, 2) как механизма опосредования, перехода от чувственного впечатления к речемыслительному акту, 3) как особого рода способности а) человеческого рода и б) следовательно, индивидуума.

В дальнейшем идеи Гумбольдта интерпретировались многими мыслителями как в Германии, так и за ее пределами. В России это Потебня, Флоренский, Шпет. В Германии — прежде всего Штайнталь, Марти, Кассирер, Порциг, Вайсгербер. Не имея возможности вдаваться в детали, отметим следующее. Теория языка Гумбольдта заложила не только основы современного языкознания, как об этом часто пишут в соответствующих учебниках и монографиях. В конце концов многие идеи современного языкознания были сформулированы в античных, средневековых теориях языка и стиля и получили дальнейшее развитие в языкознании и философии XVI — начала XIX в. Более существенно, что Гумбольдт заложил основания *антропологической* философии языка, основными моментами которой выступают следующие положения: язык как антропологическая характеристика человека (рода и индивида), язык как особого рода пространство между человеком и миром, но не просто материальный знаковый барьер²⁶⁷, а особый субъективно-интерсубъективный мир, обладающий своей «внутренней формой», т. е. особого рода смысловой и материальной целостностью, не данной нам в непосредственном наблюдении, но требующей напряженной мыслительной работы по своей реконструкции.

В дальнейшем идеи Гумбольдта о языковом «междумире» неоднократно использовались для того, чтобы попытаться объяснить как природу человека, так и развитие познания. В этом ряду следует упомянуть прежде всего «Философию символических форм» Э. Кассирера. «Естественная языковая картина мира» (*das natürliche Weltbild der Sprache*), которой посвящен почти весь первый том данного труда, выступает как исходная ступень лестницы,

---

²⁶⁷ Такая трактовка была весьма популярна в литературе 1920—50-х годов (Выготский, Плесснер, Гелен, Дж. Г. Мид и др.).

ведущей к вершине познания (у Кассирера это, конечно же, «научное мышление»)²⁶⁸.

К этому же ряду принадлежат работы Й. Л. Вайсгербера, который в отечественной литературе 1950—80-х гг. был излюбленной мишенью для нападок. Однако в свете развития философии языка в 1980—90-е гг.²⁶⁹ стало понятно, что каждый национальный язык действительно представляет собой достаточно универсальную артикуляцию объектов, их свойств и отношений между ними. Для того чтобы такого рода теории не скользили по поверхности явлений, они должны опираться, по крайней мере, на достаточно серьезную теорию значения.

В этом же ряду находится «Критика языка» Ф. Маутнера, в основе которой лежит заимствованное у Гумбольдта и подвергнутое значительному упрощению представление о первичности естественного языка и постулируемая Маутнером его неспособность быть средством научного познания²⁷⁰. Опять же не вдаваясь в детали, отметим, что в данном случае требуется серьезный анализ структуры понятийного мышления, тщательно соотнесенный с анализом естественного языка, такой анализ должен был бы показать границы применимости естественного языка в науке.

В качестве одного из вариантов априоризма в философии языка может рассматриваться так называемая трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля²⁷¹. Хотя и Гумбольдт, и Апель исходят из Канта, трансцендентальная прагматика Апеля представляет собой *философскую теорию рефлексии* и объективации этой рефлексии в бесконечной иерархии возможных метаязыков. «Априори коммуникативного сообщества» — это принятые в данном социуме или че-

²⁶⁸ Позже эта схема была воспроизведена (в сжатом виде) в антропологии А. Гелена, но без ссылок на первоисточник. Однако у Гелена язык выступает не как априорное начало, а как нечто возникшее в ходе эволюции живого. Он априорен, по Гелену, в том смысле, что человек неотделим от языка, и не только как от средства коммуникации, но и от механизма саморегуляции и тем самым центрального момента самосознания (*Gehlen A. Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt // Gehlen A. Gesamtausgabe. Fr. a. Main, 1993. Band 3. Teilband 1/3. S. 276—280*).

²⁶⁹ Степанов Ю. С. Концепты русской культуры. М., 1997.

²⁷⁰ Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Berlin, 1901.

²⁷¹ Apel K.-O. Zur Idee einer transzendentalen Sprachpragmatik // Aspekte und Probleme der Sprachphilosophie. München, 1974; *Ibid.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. 1997. № 1.

ловечестве вообще нормы языкового общения и фиксированной с помощью языка рефлексии. В этом смысле коммуникативное априори, полагает Апель, диалектически снимает остальные виды априорности — «телесную» (в смысле «со-бытия», *Mit-Sein*, по Хайдеггеру) и познавательную (приблизительно в том смысле, в каком она описана Кантом). В данной связи нельзя не вспомнить хайдеггеровскую трактовку языка как самоговорящего бытия, как некоей силы, трансцендентной нашему повседневному бытию.

В контексте нашего исследования совершенно необходимо сказать и о той линии, которая берет свое начало в «философии жизни» В. Дильтея. Следующие понятия определяют систему мышления Дильтея: жизнь, выражение, понимание, объективный дух. На первый взгляд понятие «жизнь» и коррелятивное ему «мир» (*Leben und Welt*) очень просто соотносятся между собой: «жизнь» — это субъект, «Я», «мир» — объект познания и осмысления. Но затем оказывается, что «жизнь» и «мир» не просто взаимосвязаны, но «жизнь» представляет собой единство «мира» и «самосознания» (*das Selbst*), что «жизнь» не только, как неоднократно подчеркивалось в ранних произведениях Дильтея, обладает «переливающейся через край полнотой», но и следующими качествами: историчностью, загадочностью (тайной) и способностью к самовыражению. Одновременно, утверждает Дильтей, все, что окружает нас, доступно пониманию и действительно понимается нами как жизнь или дух, объективировавшиеся в том, что вокруг нас. Стоит напомнить, что первая глава «Бытия и Времени» Хайдеггера начинается с утверждения о том, что всякое бытие содержит в себе возможность своего познания²⁷². Нелишне также заметить, что Хайдеггер ссылается в данном случае на Аквината. Историческая эрудиция в философии — прекрасное дело, но сходство в ходе мысли Хайдеггера с соответствующими разработками Дильтея значительно.

Заемствования Хайдеггера у Дильтея (без указания источника, как и в случае с Кьеркегором) связаны и с идеей погруженности понимания в исторический и коммуникативный контекст²⁷³. Однако гораздо более эвристичной, на наш взгляд, является совокупность идей Дильтея, посвященная соотношению жизни, понимания и вы-

²⁷² *Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1986. 16. Aufl. S. 3.*

²⁷³ Это отмечает, например, О. Ф. Больнов: *Bollnow O. F. Dilthey: Eine Einführung in seine Philosophie. Schaffhausen, 1980. 4. Aufl. S. 117.*

ражения. Вкратце их можно суммировать следующим образом. Всякая жизнь не только переживается субъектом, но переживание связано с выражением (Ausdruck). Выделяются три типа выражений — 1) предметные, 2) понятийные структуры (суждения и понятия) и 3) подлинное выражение, «выражение переживания» (Erlebnis Ausdruck), в котором осуществляется проникновение во внутренний мир человека. В первых двух случаях понимание осуществляется, если можно так выразиться, «технически», согласно достаточно строгим нормам и правилам. В последнем случае понимание достигается только интуитивным путем, с помощью «вчувствования». Сколько бы ни критиковали герменевтический путь познания за неопределенность этого самого вчувствования, тем не менее никто не сумел предложить ничего более эвристичного. Всякого рода ссылки на тезаурус, на необходимость усвоения алфавита знаков и их сочетаний, на нормативно-ценностную природу понимания и т. п. не затрагивают в конечном счете существа дела: можно объяснить человеку все эти моменты и научить его выделять и анализировать их в произведениях искусства и это часто помогает достичь более высокого уровня понимания, а иногда и нет. Причина здесь очень проста: анализ идет, как это прекрасно выразил еще Кондильяк, по путям «исчисления», тогда как понимание, прежде всего художественного текста (включая живопись и музыку), связано с актуализацией той смысловой сферы, которая не поддается однозначному выражению с помощью метаязыка и не может, следовательно, быть предметом однозначного научения. Можно обучить версификаторству, но нельзя не только научить писать стихи («как Гете»), но и понимать их так, как понимали современники поэта²⁷⁴.

---

²⁷⁴ См., напр., интереснейшую критику «справа»: Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995. С. 589—591. В дальнейшем дильтеевская идея различения «низшего» и «высшего» в мышлении и понимании нашла свое развитие у очень разных мыслителей. В этом же ключе проводит разделение «идеи» и «верований» Х. Ортега-и-Гассет, под влиянием Дильтея сложилась многоуровневая концепция семиозиса у Г. Шпета и К. Богатырева, да и идеи Л. Выготского насчет «значения» и «смысла» очень близки к дильтеевской трактовке. Введение Выготским, особенно в ранних произведениях, категории «знака» как коррелята деятельности было, по сути дела, попыткой избавиться от дильтеевского «объективного духа», место которого занимает у Выготского, как и у каждого серьезного марксиста, практика, деятельность. Однако нельзя не заметить, что во всех этих случаях новое — лишь хорошо забытое старое. Мы имеем в виду «истины сердца» и «истины разума» Б. Паскаля.

Как раз осознание того обстоятельства, что высшие формы понимания не только связаны с интуитивной стороной психики, но и достижение такого понимания действует преобразующим образом на психику и ее знаковые средства, превращая последние в носители высших логических и экзистенциальных смыслов, заставило Дильтея обратиться к поиску того конечно-го основания, которое и делает все это возможным. Тут-то в его работах и появляется «объективный дух», заимствованный у Гегеля, который, по выражению Дильтея, употребляет это понятие «глубокомысленно и удачно». Введение такого понятия в дильтеевскую систему рассуждений приводит к тому, что высшие формы выражения и понимания оказываются в конечном счете детерминированы не индивидуально, объективно-духовным началом. Герменевтическая интуиция замыкается в этом случае на онтологическую семантику. Думается, что это не самый удачный поворот мыслей Дильтея, хотя продолжение этой идеи мы видим в антропологических работах Т. Миша, Х. Плеснера, Э. Ротхакера, где проблема понимания трактуется в терминах культур как конечных областей значений, порождаемых объективным духом.

Нам представляется, что в концепции Дильтея наиболее эвристичными моментами, намного обогнавшими свое время, были: 1) концепция значения, предвосхищающая все экзистенциальные трактовки в XX веке: значение включает в себя момент воспоминания и творческого воображения, в конкретной человеческой жизни соотношение значения — понимания и знака не может быть строгим, жестко фиксированным, нужно дождаться конца этой жизни, чтобы понять — в смертный час — значение целостности жизни, а из него и ее частей; 2) многоуровневость организации знаков, язык включен в линию развития знаковых систем²⁷⁵, правда, в конечном счете оказывается, что первопричина — в объективном духе; 3) выражение жизни как потока с помощью знаков и приобретение в процессе этой фиксации не только добавочного импульса, но и определенной устойчивости, осмысленности.

---

²⁷⁵ Достаточно распространенной эта идея стала только в конце XX в. См., напр., работы Т. Себеока, Вяч. Вс. Иванова, Ю. С. Степанова в Библиографическом списке к Разделу I.

В работах Дильтея была заложена и получила значительное развитие герменевтически-экзистенциальная философия языка. В дальнейшем она была раскрыта в работах М. Хайдеггера, К. Ясперса, «герменевтической логике» и экзистенциальной антропологии Г. Липпса, в экзистенциально-антропологической языковой педагогике О. Ф. Больнова. Не имея здесь возможности подробно останавливаться на концепциях данных авторов²⁷⁶, мы считаем необходимым отметить следующее. Эпистемологическая философия языка, берущая свое начало в античности и развившаяся в XVII—XX вв., не является единственно возможной. Более того, в настоящее время становится все более ясно, что основная задача эпистемологической ФЯ — исследование взаимоотношения языка и знания — не осуществима, если игнорировать антропологический, экзистенциальный и аксиологический аспекты. Соответственно необходимо создание и развитие антропологической, экзистенциальной и аксиологической философии языка. В англосаксонской традиции они до последнего времени не были представлены, а если и развиваются ныне, то под влиянием таких авторов, как Рикёр, Деррида, Кристева, идеи которых, по нашему глубокому убеждению, вторичны по отношению к немецким авторам. В свою очередь задачи антропологической ФЯ следует понимать как исследование сущности языка в его отношении к природе человека²⁷⁷, тогда экзистенциальная ФЯ будет исследовать язык в его связи с наиболее фундаментальными структурами человеческого бытия. Аксиологическая философия языка представлена в Германии, по меньшей мере, двумя направлениями — неоромантической философией языка Й. Л. Вайсгербера и довольно многочисленными исследованиями в области так называемых «языковых барьеров». В том и другом случае язык рассматривается как ценность, только у Вайсгербера речь идет о

---

²⁷⁶ Портнов А. Н. Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX—XX веков: методологический анализ основных направлений исследования: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 1998. С. 32—50.

²⁷⁷ К антропологической философии языка мы относим не только работы А. Гелена, Х.-Э. Хенгстенберга, но и, например, «генетическую эпистемологию» Г. Фолльмера, который пытается решать вопрос о природе языка и знания исходя из антропологического контекста (*Vollmer G. Evolutionäre Erkenntnistheorie. Stuttgart, 1975*).

«сущностных силах» немецкого языка как особого рода ценности, а в другом случае — о тех барьерах в коммуникативной практике и в социальной жизни, которые воздвигает употребление тех или иных региональных или социальных диалектов. В принципе возможна и прагматическая трактовка ФЯ — язык как особого рода практика. Подходы к этому роду ФЯ мы находим в Германии у Ю. Хабермаса, Н. Лумана, в марксистски ориентированной генетической философии языка М. Хильдебранд-Нильсен. В принципе круг решаемых здесь проблем так или иначе может быть охарактеризован как эпистемологические или антропологические.

Философия языка Г. Г. Шпета

«Основные проблемы мировой философии, — совершенно справедливо отмечал В. П. Вышеславцев, — являются, конечно, проблемами и русской философии. В этом смысле не существует никакой специально русской философии. Не существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. <...> Национализм в философии невозможен, как и в науке; но возможен преимущественный интерес к различным мировым проблемам и различным традициям мысли у различных наций»²⁷⁸. Это в полной мере относится к каждому значительному философу золотого века русской философии. Мы не оговорились: именно «золотого», а не «серебряного», как принято ныне говорить и писать. Если Мережковский, Мандельштам или Гумилев могут с известной долей условности, присущей такого рода тропам, рассматриваться в качестве «серебряного века» русской поэзии, то с 80-х гг. XIX в. русская философия вступила в свой золотой век. Именно в этот период в России появляются мыслители мирового уровня, большинство из которых все еще недостаточно оценено на Западе. Мы имеем в виду не количество работ, а общее отношение к идеям русских мыслителей. Особенно это относится к философии языка и семиотике. Разумеется, М. М. Бахтину и так называемой московско-тартусской школе семиотики посвящено немало работ, в том числе докторских диссертаций в Германии,

---

²⁷⁸ *Вышеславцев В. П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев В. П.* Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 154.

США, Англии, Однако русская философия языка не исчерпывается Бахтиным и его «кругом»²⁷⁹, как не исчерпывается она А. Лосевым, С. Булгаковым, П. Флоренским. Можно даже утверждать, что идеи, Г. Шпета, М. Бахтина и философов онноматологического направления взаимодополняют друг друга.

Каковы бы ни были различия между названными философами — как в целом, так и в специальной области философии языка — их объединяет то, что Вышеславцев назвал «стремлением к Абсолюту». «Наша встреча с западными философами, — пишет Вышеславцев, — сразу обнаружила разницу душевных и духовных установок. Разницу *нелегко показать: философия была та же*, на которой воспитывались поколения русских образованных людей и профессоров. Но *отношение другое*: у них она воспринималась чисто интеллектуально — мышлением и наблюдением фактов. У нас — скорее чувством и интуицией. <...> Нас поражал их сухой, строго дифференцированный интеллектуализм... Их поражал и иногда раздражал наш абсолютизм, максимализм, наше требование окончательных решений и сведение всех проблем к последнему смыслу всего существующего. Они так долго утверждали "релятивность" всякого знания, что, наконец, забыли, что нет релятивного без противопоставления Абсолютному, а потом забыли об Абсолютном»²⁸⁰.

Разумеется, русская философия золотого века очень неоднородна в том, что можно назвать стремлением к Абсолюту. Если под Абсолютом не понимать только высшее начало, трансцендентное бытию человека.

В 1914 г., накануне мировой войны, Шпет констатирует: «Во всех областях научного знания и в самой философии мы присутствуем при радикальной ломке старого и нового, или накануне его. Неслыханные потрясения во всех областях естественнонаучного знания только следствие могучего роста и обна-

---

²⁷⁹ В связи с непрекращающейся полемикой вокруг авторства «Марксизма и философии языка» было бы, наверное, разумнее говорить о «круге Бахтина» применительно к циклу работ 1920-х годов. См., напр.: Holquist J. M. *Baxtin's circle* // *Encyclopedic dictionary of semiotics*. Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1986. Vol. 1. P. 77.

²⁸⁰ *Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии* // Вышеславцев Б. П. *Этика преображенного эроса*. М., 1994. С. 156.

ружения новых сил и новой жизни; увлекательнейшие порывы и все более проявляющийся свет нашего прошлого во всех областях гуманитарных свидетельствует о том же; проникновение, устремление философского духа, уводящее в самые затаенные глубины его, в философии, в его собственном самосознании открывает ту же черту нашего времени. И не накануне великой эпохи мы стоим, а уже в ней, в ее неудержимом стремлении»²⁸¹. Насчет «великой эпохи» здесь сказано верно, хотя «неслыханные перемены, невиданные мятежи» (А. Блок) еще только предстояли. Переворот в мировоззрении и философии требует и нового метода. В течении некоторого времени Шпету, видимо, казалось, что такой метод он нашел в феноменологии как «основной науке»: она должна не только видеть и анализировать «как есть все сущее и каждую форму бытия, но и вскрыть *единый смысл* и единую *интимную* идею за всем многообразием проявлений и порывов творческого духа в его полном и действительном самоосуществлении»²⁸².

В этой связи необходимо подчеркнуть следующее: инвариантом всего последующего философского творчества Шпета как раз и явилось выявление *единого смысла* и единой *интимной* идеи за всем многообразием явлений культуры. После «Явления и смысла» невозможно говорить о Шпете, как это делает В. В. Зеньковский²⁸³, как о русском гуссерлианце, безусловном последователе феноменологии, не совершая насилия над здравым смыслом. В таком случае имело бы смысл причислить к «русским гуссерлианцам» известного лингвиста А. А. Реформатского, излагавшего в своем классическом учебнике всю теорию значения по второму тому «Логических исследований» Гуссерля²⁸⁴. Тем не менее интенция на поиск «единого смысла», «внутренней формы» сформировалась у Шпета не только под влиянием классической философии, прежде всего немецкой, которую он прекрасно знал, но и под влиянием феноменологии.

---

²⁸¹ Шпет Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914. С. 7.

²⁸² Там же.

²⁸³ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 2. С. 133.

²⁸⁴ Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1968. С. 14.

К этой констатации мы добавим следующее. В том Гуссерле, которого знал Шпет, в авторе «Логических исследований», «Философии как строгой науки», «Идей к чистой феноменологии» его привлекал логизм — пусть не всегда абсолютно строгий, но последовательно проведенный как метод. Но не только как метод анализа сознания, а как нечто большее. В понимании Шпета, «логика, т. е. наука о слове, есть величайшее могущество на земле и на небесах. *Алогизм* как система — умственный атеизм; алогист — пустая душа, лишенная чувства словесной благодати. <...> Алогист — в прогрессивном параличе мысли как следствии легкомысленного его словесного нецеломудрия»²⁸⁵. Высказывания подобные этому (хотя и не такие образные) можно встретить у Шпета во множестве. Важно, однако, восстановить ход мысли философа, понять, что означает «логика» в контексте его работ.

Существенное значение для понимания идей Шпета 1920-х годов имеет его более ранняя работа «Герменевтика и ее проблемы». Рассматривая проблему понимания в философии и психологии XVIII — начала XX вв., Шпет обращает внимание на то обстоятельство, что методологический инструментарий современной ему науки о понимании совершенно недостаточен для тех целей, которые она перед собой ставит. Его диагноз верен, а главное справедлив и для нашего времени. Дильтей и другие, отмечает Шпет, «оценившие животворящую роль понимания для истории и наук о духе, не нашли от круговращения в формуле: переживание — выражение — понимание ключа к круговороту всей философской мысли в ее целом, а авторы принципиальных семасиологических исследований не увидели, что последние должны быть проведены сквозь жизнь самого духа, чтобы получить философски-жизненное и конкретное воплощение»²⁸⁶. Иными словами, интуитивное понимание «жизни» и «переживания», которые, согласно Дильтею, не могут анализироваться с помощью логических средств, так как «жизнь» — это «*Ubergreifender Zusammenhang*», целостность, выходящая за пределы чего бы то

---

²⁸⁵ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 398.

²⁸⁶ Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст — 1992. Литературно-теоретические исследования. М., 1993. С. 276—277.

ни было, что можно исчерпать логически, должны быть, по Шпету, дополнены «семасиологической логикой». Это требует пояснений. Под «семасиологией» Шпет в данном тексте понимает семиотику, нигде, правда, этого специально не обговаривая и не давая никаких определений, что вообще характерно для его научного стиля. Под семасиологией в русской и европейской традиции понимается раздел языкознания, занимающийся лексической семантикой, т. е. значениями слов и словосочетаний, которые используются для названия, номинации отдельных предметов и явлений действительности²⁸⁷. Судя же по контексту «Герменевтики» Шпета, речь идет о том, что следовало бы называть именно семиотикой. Весьма красноречива ссылка на Гуссерля, у которого «вопросы семасиологии тонут среди других проблем его логических исследований»²⁸⁸. Речь, вне всякого сомнения, идет о первом полутоме второго тома «Логических исследований», первой главе этой работы, в которой обстоятельно трактуется о типах знаков и природе значения.

В 1920-е гг. Шпет настойчиво работает над созданием того, что в современных терминах называлось бы философией языка. Однако в начале века терминология в данной области еще не устоялась. Философия языка еще не вполне выделилась из логики и лингвистики. В 1930 г. известный впоследствии лингвист Г. Ипсен отмечал, что «в конце прошлого столетия философия языка в подлинном смысле слова не существовала»²⁸⁹. Некогда довольно оживленная (*rege*) сцена послегегелевской философии языка, к которой Ипсен относит прежде всего Нуаре, Лацаруса и Штайнталя, прекратила свое существование. В 70-е годы XIX века философия языка представлена прежде всего «принципами истории языка» Г. Пауля и «Психологией народов» В. Вундта. Разумеется, таково было не только мнение приват-доцента Лейпцигского университета Г. Ипсена, но почти всей ученой Европы. Тут имеет смысл сделать несколько замечаний. Во-первых, ни Германа Пауля, ни Вильгельма Вундта

---

²⁸⁷ Семасиология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 490.

²⁸⁸ Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст — 1992. Литературно-теоретические исследования. М., 1993. С. 277.

²⁸⁹ Ipsen G. Sprachphilosophie der Gegenwart. Berlin, 1930.

ныне не принято относить к «философам языка», хотя в их работах так или иначе ставились и решались философские вопросы. Например, у Г. Пауля это вопросы о движущих силах развития языка и имманентных законах изменения языка. Законы эти, считал Пауль, выявляют силы в языке, которые «всегда остаются одними и теми же, их количество не увеличивается и не уменьшается» (*konstante Kräfte und Verhältnisse, die unverrückbar die gleichen bleiben, sich weder vermehren noch vermindern*). Как мы видим, вопрос этот, без сомнения, философский, но никакого обоснования, ни онтологического, ни гносеологического, ни социологического, Пауль не дает. Во-вторых, мы видим, что под «философией языка» понимается, как признает и сам Ипсен, в лучшем случае «Prinzipienlehre» — учение об общих принципах построения языковой теории, причем, подчеркнем это еще раз, акцент делается на «происхождении и развитии», толкуемых — именно поэтому мы берем эти слова в кавычки — в духе позитивистской методологии Г. Спенсера (столь потом любимый, без упоминания, разумеется, источников, несколькими поколениями советских лингвистов и философов, одержимых манией показать происхождение языка из криков животных, чем, как известно, занимался вполне успешно В. Вундт, и выявить зависимость развития языка от стадий материального производства). В любом случае, психология языка, лингвистика и философия еще не вполне ясно отделяются друг от друга. В-третьих, с позиции *истории* философии и науки о языке нет упоминания ряда ключевых фигур. Ипсен связывает развитие новой концепции языка с трудами Ф. де Соссюра и Э. Гуссерля. Как серьезные достижения упоминаются «Философия символических форм» Э. Кассирера, особенно ее третий том «Феноменология познания» (который, отметим это, действительно являет собой нечто гораздо более серьезное, чем первые два). Однако в 1930 г. Ипсен ничего не знает, по всей видимости, о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, о работах венского кружка, о Г. Фреге. То, что ему ничего неизвестно о лингвофилософских работах Ч. С. Пирса, естественно. В 1920-е гг. его работы, столь влиятельные позже, в 1960 — 1990-е гг. нашего века, были известны узкому кругу его почитателей в США. Аналогично обстоит дело в работах Г. Шпета. Он прекрасно

знает литературу XIX века. Однако в 1914 г. этот век закончился. После 1922 г. в СССР философская литература из Европы попадает с большим опозданием, да и СССР с каждым годом все меньше ощущает себя частью европейской цивилизации. Поэтому Шпет, при всей его грандиозной эрудиции, также не знает ничего о Витгенштейне, венском кружке. Кассирер упоминается раз или два. Вряд ли он был прочитан, Г. Фреге также остался неизвестен, ни разу не упомянут Ф. де Соссюр, «Курс общей лингвистики» которого был хорошо известен в СССР в середине 1920-х гг.

Однако дело не в том, что те или иные имена или идеи остались неизвестны Шпету. Он был достаточно самостоятельным мыслителем и строил свою философию языка во многом иначе, чем его западноевропейские коллеги. И, надо полагать, его знакомство с идеями, например, венского кружка вызвали бы у него еще большее неприятие номинализма.

Прежде чем коснуться основных идей философии языка Г. Шпета, стоит упомянуть некоторые факты биографического свойства, которые, может быть, сделают более понятным и теоретический анализ. До 1917 г. Шпет защитил только магистерскую диссертацию и был приват-доцентом Московского университета, где кафедру философии (после смерти С. Н. Трубецкого) занимал учитель Шпета по Киевскому университету Г. И. Челпанов. После революции был профессором философского отделения филологического факультета Первого МГУ. (Это отделение просуществовало до 1992 г.²⁹⁰). Затем его деятельность была в основном связана с ГАХН (Государственной академией художественных наук). ГАХН была организована в 1921 г., выделившись по инициативе извест-

---

²⁹⁰ По воспоминаниям современников Шпет как преподаватель пользовался огромной популярностью у студентов: «Шпет («Густав Густавович») — наш олимпиец, всегда сдержанный, корректный, несколько снисходительный, умный, ровный. Пил водку стаканами, но никогда это не было заметно. Все его любили, девушки все были влюблены, а узкая группа учеников — слепо предана. <...> Олимпийство, аполлинизм (несмотря на частое приобщение к Дионису) были свойственны не только облику Шпета, но и его философии. Разум, Смысл, Логос, София, как мастерство, философия как любовь к мастерству, а отнюдь не как мировоззрение», — вспоминает участник семинаров Шпета, работу которого о рационализме XVII века Шпет рекомендовал к печати (*Левин И.* Из воспоминаний // *Левин И.* Сочинения. М., 1994. Т. 2. С. 531—532).

ного художника Василия Кандинского и искусствоведа А. Г. Габричевского из Института художественной культуры (ИНХУК) как сообщество художников и архитекторов. Вскоре деятельность этой организации перерастает чисто искусствovedческие рамки, она становится центром комплексного, всестороннего исследования явлений художественной культуры и языка.

Активное участие в ее деятельности принимают С. М. Эйзенштейн, К. С. Станиславский, В. Э. Мейерхольд, В. Б. Шкловский, Р. Фальк, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский. Забегая вперед, скажем, что в 1930 г. ГАХН директивным постановлением была закрыта, в последующие годы многие ее сотрудники репрессированы, доступ к архивам и материалам академии практически закрыт. Опасным было даже упоминание о работе в ГАХН, «Только недавно, — отмечают современные исследователи, — появилась наконец возможность "восстановить связь времен" и изучить деятельность академии и ее сотрудников»²⁹¹.

Первоначально в Академии существовало два отделения — физико-психологическое и социологическое, работа которых была направлена на исследование природы искусства, физических, физиологических и психологических законов его функционирования и развития, а также социальной роли искусства и механизмов преемственности в культуре. В 1922 г. появляется третье отделение — философское. Его то и возглавил Шпет. Позднее он становится вице-президентом академии, направляя ее научную работу. «С приходом Г. Г. Шпета одной из основных задач академии стало формирование методологического, философского фундамента, являющегося основой всех секций и отделений академии, и объединяющая их в стройную систему, которая объясняла бы не только искусство, но и культуру, все бытие человека во всех его ипостасях»²⁹². Но на каком методологическом фундаменте должно было произойти это объединение?

Совершенно очевидна амбивалентность этой ситуации. С одной стороны, государство создает Академию художествен-

---

²⁹¹ Марцинковская Т. Д., Полева Н. С. Роль Государственной академии художественных наук в научной судьбе Б. М. Теплова // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 96.

²⁹² Там же. С. 95.

ных наук (а кроме нее, например, Государственный Институт Музыкальной Науки, Государственный Институт Слова). Эти научно-педагогические учреждения должны были под контролем государства (еще нежестким), главным образом в лице директоров-марксистов (в ГАХН им был П. С. Коган), заниматься *комплексным* и *научным* изучением искусства, живого слова, психологией восприятия соответствующих феноменов. Можно без преувеличения сказать, что в те годы ничего подобного по замыслу, широте охвата, комплексности подхода нигде в мире не существовало. И если бы эти исследования были продолжены, вероятно, Россия была бы в числе бесспорных лидеров в гуманитарных науках.

В руководстве научной работой академии Шпет исходил из того, что добытые художниками, актерами, искусствоведами, архитекторами эмпирические данные должны быть осмыслены философски, наполнены содержанием и иллюстрированы философскую концепцию²⁹³. Думается, что это не вполне верное суждение. Во всяком случае, нигде в доступных материалах самого Шпета оно не встречается. Вполне возможно, что в стенограммах его устных выступлений или рабочих документах ГАХН, хранящихся в РГАЛИ, такого рода положения и содержатся²⁹⁴. В 1927 г. во «Введении в этническую психологию» Шпет подчеркивал, что «в основу всех наук о культуре или духе должна быть положена *философия культуры или духа*, подобно тому как в основу науки о языке должна быть положена не психология и не история (весьма прозрачный намек на В. Вундта, Г. Пауля и младограмматиков. — *А. П.*), а только *философия языка*»²⁹⁵.

Вместе с тем Шпет не только не отвергает экспериментальное изучение, например, художественного творчества, но и выступает инициатором создания междисциплинарной структуры ГАХН, в которой отделения и секции не просто су-

---

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Современник отмечает: «Во всяком случае "устный" Шпет был гораздо интереснее, чем можно было бы судить по оставленному им литературному наследию» (*Левин И.* Из воспоминаний // Левин И. Сочинения. М., 1994. Т. 2. С. 532).

²⁹⁵ *Шпет Г. Г.* Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 561.

ществовали параллельно в ее структуре, но совместно разрабатывали и изучали конкретные проблемы. С этой целью были организованы смешанные комиссии и секции, в работе которых принимали участие как ученые разных специальностей (психологи, физиологи, философы, социологи), так и художники, писатели, искусствоведы. В частности, Шпет выступил инициатором создания психофизиологической лаборатории, в которой производилось экспериментальное изучение психологии зрительного и слухового восприятия, психологии искусства и творчества. Эти обстоятельства необходимо, по нашему мнению, иметь в виду при оценке некоторых ригористических высказываний Шпета.

Вернемся, однако, к философии языка Шпета. Можно было бы привести немало разных мнений по поводу природы, и задач философии языка. Здесь воспользуемся схемой британского философа С. Блэкберна. Он считает, что философия языка должна добиться некоторого понимания соотношения следующих моментов:

В некоторый период, в той или иной философской традиции та или иная «вершина» этого треугольника будет казаться наиболее важной и репрезентировать «важнейший источник познания, таким образом естественное течение исследования будет использовать это знание, чтобы придти к выводам об этих элементах»²⁹⁶. В самом общем виде с этим можно согласиться, хотя это лишь структурное, но не сущностное понимание ФЯ.

²⁹⁶ Blackburn S. Spreading the word. Groundings in the philosophy of language. Oxford, 1984. P. 3—4.

В соответствии с этой схемой для Шпета на первый план выходят значение и смысл, теория знания, в меньшей степени — метафизика, и в еще меньшей — психология.

Во всех своих лингвофилософских работах, а к ним мы относим кроме «Герменевтики» второй и третий выпуск «Эстетических фрагментов», «Введение в этническую психологию», «Внутреннюю форму слова», неоконченную работу «Язык и смысл», Шпет выводит на первый план «Слово». «Слово есть архетип культуры; культура — культ разумения, слова — воплощение разума»²⁹⁷. Эти строки можно было бы поставить в качестве эпитафии ко всему творчеству Шпета 1920-х гг. В его анализе «слова» можно выделить несколько планов. Во-первых, его занимает вопрос скорее лингвистический нежели философский о том, что есть «одно» слово или «отдельное» слово. Об этом он много и, как нам кажется, исчерпывающе пишет в «Эстетических фрагментах». В «Языке и смысле» он опять возвращается к этому вопросу, но уже в связи с проблемой полнозначных и неполнозначных (служебных) слов — категорематических и синкатегорематических в терминах античной и средневековой грамматики и ФЯ. Здесь не так важны соображения Шпета об условности выделения в ряде случаев «отдельных слов». Если в латинском языке принято писать *amavisti te* (любил тебя) отдельно и считать это отдельными словами, а, скажем, в итальянском языке возможны такие формы как *dandomelo* — давая мне это, равно как и многие сходные формы в испанском и итальянском языке (напр., *исп. Contigo* — с тобой, *сонмиго* — со мной; *итал. тесо, тесо* — со мной, с тобой) традиционно считаются единым словом, то условность выделения синсемантик в «отдельные слова» — очевидна. Но это, и вообще, как верно отмечает Шпет, «теория слова как знака есть задача формальной онтологии, или учения о предмете в отделе *семиотики*»²⁹⁸.

Во-вторых, Шпета занимает вопрос об онтологии слова. Как мы видим, слово как знак отнесено им к формальной онтоло-

---

²⁹⁷ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 380.

²⁹⁸ Там же. С. 381.

гии, где оно рассматривается в качестве одного из «предметов» и тем самым попадает в отдел *семиотики*. Семиотика здесь мыслится скорее в локковском смысле, а именно как формальная наука, занимающаяся знаками как средствами «для уразумения вещей» и «для передачи своего знания другим»²⁹⁹. Но кроме того слово — это культурный, социальный предмет. И тут возникает ряд вопросов связанных со значением этой социальной вещи, ее месте среди других «предметов» подобного рода и том, что стоит за внешней формой слова (языка, речи).

В «Эстетических фрагментах» Шпет продолжает линию, намеченную в «Герменевтике»: исследование «тонкого соответствия логических и онтологических форм». Он уверен, что все эквивокации в сфере соотношения логики и онтологии, сбивчивость в распределении задач логики и онтологии, вследствие чего законы тождества, противоречия то трактуются как законы логические, то как онтологические, «само понятие то отождествляется с предметом или его "сущностью", то с каким-то особым "логическим" умообразованием и т. д.», происходят от недостаточно продуманной методологии. «В действительности, — считает Шпет, — между ними — строгое соответствие, и всегда возможен перевод с языка логики на язык онтологии и обратно. <...> Онтологические формы — формы всего сущего и всякого содержания, тогда как логические формы — *формы существенного смысла* (выделено мной. — А. П.), следовательно, в методологическом применении, формы категориально отобранные и отбираемые»³⁰⁰. Онтологические формы, подчеркивает Шпет, вскрываются уже в номинативной функции слова, «в простом подразумевании», и это «сказывается в их спокойном безразличии к своему содержанию, в их, можно сказать, небрезгливости ко всякому содержанию. Напротив, логические формы разборчивы, воспитаны и действуют только при наличии особой санкции — *смысловой*». В функции номинации, считает Шпет, таковой еще не содержит-

²⁹⁹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения. М., 1985. Т. 2. Кн. 4.

³⁰⁰ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 400—401.

ся; требуется особый акт установления или положения (*Setzung*), его результат — *Satz* (т. е. положенное, установленное, суждение, закон) и есть «фундаментальная форма, которая лежит в основе всей логики»³⁰¹. Идея, безусловно, не новая. Однако у Шпета она выполняет специфическую роль. Причем, как нам представляется, мысль его не всегда достигает необходимой степени отчетливости и последовательности.

С одной стороны, всячески подчеркивается значение логической формы. С другой же, Шпет прекрасно понимает, что одними логическими формами не может быть исчерпано объяснение ни синтаксиса, ни поэтической речи, ни даже работы мысли. Вот одно весьма и весьма характерное наблюдение: «Свои *диалектические* законы внутренних метаморфоз в самой мысли еще не раскрыты. Законы развития, нарастания, обеднения, обрастания, обсыпания, и пр. и пр. сюжетов, тем, систем и т. п. должны быть найдены как законы специфические. История значения слов, историческая семасиология, история литературы, философии, научной мысли — все это еще научные и методологические пожелания, а не осуществленные факты. <...> Настоящая история здесь возможна будет только тогда, когда удастся заложить принципиальные основы идеальной "естественной" диалектики *возможных* эволюций сюжета»³⁰². Разумеется, к настоящему времени сделано в этой области немало, однако совершенно очевидно, что до естественной диалектики мысли, тем более развития сюжетов, истории слов, идей, очень далеко.

Вот еще одна мысль Шпета, представляющаяся нам принципиальной: «Как само слово от мельчайшей своей атомной или молекулярной дробности и до мировой связи в языках народов и языках языков есть одно слово, так и смысл, сюжет, все содержание мыслимого во всех логических и поэтических формах — одно содержание. Оно воплощается во всей истории слова и включает, через сопровождающее осмысление наименования вещей, все вещи на земле и под землею»³⁰³. Эти слова, на наш взгляд,

---

³⁰¹ Там же. С. 401.

³⁰² Там же. С. 419.

³⁰³ Там же. С. 420.

перебрасывают мостик к «Внутренней форме слова». Ключевое слово в данном тексте — «внутренняя форма», в конце XIX — первой половине XX в. это было широко обсуждаемое понятие. Собственно говоря, Гумбольдт не является его автором. Оно встречается уже у Плотина и Шефтсберри (о чем пишет сам Шпет). Современное зарубежное гумбольдтоведение заново переоткрыло исторические корни этого понятия³⁰⁴.

Для Шпета же (там именно, где он отходит от изложения и комментирования текстов Гумбольдта) внутренняя форма — это в конечном счете логическая форма, логическая канва, вдоль которой выстраиваются все словесно-логические внешние формы. И в этом отношении нет принципиального различия между «терминированным словом» с точным, конечным объемом и содержанием и формами искусства. Разумеется, для «слова», для художественной формы весьма существенно то, что они включают в себя разного рода образные компоненты. Но уберем внутреннюю логическую форму, и все распадется, развалится. Поэтому-то даже свобода и субъективность элементов содержания в образовании не только понятий, но и тропов, кажущаяся. На самом деле она, по Шпету, довольно

³⁰⁴ Одни видят здесь решающее влияние французского Просвещения (Мопертюи, Кондильяка, Руссо) и особенно французских «идеологов» 1790-х гг. (Дестютта де Траси, Дежерандо, Кабаниса и др.), другие указывают на Шефтсберри с его «inward form», которую в свою очередь возводят к энтелехии Аристотеля и «внутреннему эйдосу» (to endon eidos) Плотина, другие склонны усматривать решающее влияние Гердера, с одной стороны, и Канта, а также философии немецкого романтизма, — с другой. См.: *Oester-Reicher W.* Wem gehört Humboldt? Zum Einfluß der französischen Aufklärung auf die Sprach-philosophie der deutschen Romantik // *Logos Semanticos*. Madrid; Berlin; New York, 1981; *Christmann H. H.* Neue Beiträge zur Geschichte der These vom Welt-bild der Sprache: «Praktische» Anwendung in Frankreich und Deutschland am Ende des 18. Jahrhunderts // *Ibid.*; *Gipper H.* Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit in der Geschichte der Sprachwissenschaft. Zum Streit um das Verhältnis Wilhelm von Humboldts zu Herder // *Ibid.*; *Aarsleff H. G.* de Humboldt et la pensee des ideologues // *La grammaire generale de modistes aux ideologues*. Publ. de l'Universite de Lille. Vol. 3. 1977; *Menze C. W.* von Humboldts Lehre und Bild vom Menschen. Ratingen, 1965; *Borsche T.* Sprachansichten. Stuttgart, 1983; *Borsche T.* Die innerc Form der Sprache. Betrachtungen zu einem Mythos der Humboldt-Herme(neu)tik // *Sprache-Mensch-Gesellschaft — Werk und Wirkungen W. von Humboldt und J. und W. Grimm in Vergangenheit und Gegenwart*. Berlin, 1986.

жестко детерминирована внутренней логической формой, а также предметом мысли. С последним связан еще один интересный поворот в рассуждениях Шпета: трактовка им предмета мысли намного опережает свое время. Для него это не действительный, реальный предмет, непосредственно воспринимаемый всеми участниками коммуникации и мыслительного процесса. Это — квази-предмет, абстракция, образованная нами на основе действительно воспринимаемых (или даже воображаемых) предметов. Впоследствии в отечественной науке это трактовали как «конструктивизацию действительности» (Д. П. Горский), как квази-предметность в семиотических процессах (А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов). Несомненно, что речь здесь идет о явлениях одного порядка.

Но квази-предметом является и знак, «слово». Хотя бы уже потому, что существует «одно слово». Все остальное — это так или иначе измененные формы Логоса.

Трактовка Шпетом смысла высказывания в определенной мере сближается с представлениями о целостности смысла коммуникативных форм у М. М. Бахтина. Однако, если у Бахтина это обусловлено именно коммуникативной природой как сознания, так и высказывания³⁰⁵, то у Шпета в основу всего положен именно *to endon eidōs*. Все, что имеет внутреннюю упорядоченность, вес, что противостоит случайности, хаосу, распаду, включая и искусство³⁰⁶, все это логично по своей внутренней природе, хотя формы этой логичности могут быть очень разнообразны.

Таким образом, если вернуться к схеме С. Блэкбёрна, то в философии языка Шпета «психологическое» выступает как эпифеномен логического, на первый план, выходят знак, смысл,

---

³⁰⁵ См. в этой связи весьма любопытную трактовку М. М. Бахтина как «эзотерического марксиста»: *Земляной С.* Что такое эзотерический марксизм («Золотые 20-е» в творчестве Бахтина и представителей его школы) // EXLIBRIS. НГ. 28.01.1999.

³⁰⁶ См. его инвективы по поводу декадентства и «белибердяевщины» в «Эстетических фрагментах»: там искусство выходит за пределы «упорядоченности». Ср., например, заинтересованный анализ П. А. Флоренского феномена футуризма как одной из форм проявления творческого начала в «структуре слова» (*Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 1990).

логика (как форма построения знания). Пренебрежительное отношение Шпета к «психологическому» (вообще говоря, после работ Гуссерля достаточно распространенное), совсем не означает, что его не интересует роль слова в работе сознания. Однако его подход действительно далек не только от «психологизма» и психологии вообще (в смысле привлечения каких-либо экспериментальных данных или, допустим, построения генетической теории значения), но и от натуралистической философии любого рода. В этом контексте следует понимать и ту часть философии языка Шпета, которая связана с проблемами искусства. Следуя идее Логоса (а ведь в древнегреческом Λογος — это и слово, и суждение, и предложение), Шпет приходит к нетривиальным выводам: слово как результат есть социально-культурная вещь, слово же как *процесс* — некоторый акт социально-культурного сознания. Слово в своей формальной структуре есть *онтологический* прообраз всякой культурно-социальной «вещи». А поскольку логические формы, по Шпету, отвечают вообще всяким идеально-предметным формам, то понятие внутренней формы подвергается «безграничному обобщению». А именно: слово есть «совершенно всеобщий знак, которым может быть заменен всякий другой знак», поскольку вообще всякая социальная вещь рассматривается как знак³⁰⁷, в анализе всякого культурно-социального образования необходимо выделять наряду с формами *внешнего запечатления* и онтическими³⁰⁸ формами социального предмета также и особые внутренние формы как своего рода алгоритмы, формы *методологического* осуществления, способные, как полагает Шпет, «раскрыть соответствующую организацию "смысла" в его конкретном диалектическом процессе». Шпет считал, что искусство, под которым он везде подразумевает поэтический язык как внутренне цельную систему, и есть «продукт некоторого целемерного созидания, т. е. словесного творчества, руководимого не прагматической задачей, а внутренней идеей своего творче-

---

³⁰⁷ Несложно усмотреть сходство трактовки социальной вещи как знака у Шпета и А. А. Леонтьева и его последователей.

³⁰⁸ «Онтические», т. е. фиксируемые до всякой онтологии, как бытие до его рефлексивного понимания.

ства». Эта «целемерность», энтелехия скрывает от нас творческий характер прагматического сознания и нам кажется, что в его сфере никаких творческих интенций нет, во всяком случае они нам непосредственно не даны.

Крепко держась за идею внутренней (логической) формы, Шпет отмечает, что именно отсутствие носителя художественного и эстетического в логически оформленном слове и необходимость заполнить этот пробел заставляет нас признать, что в поэтическом языке есть нечто свое, что констатируется как неразложимый в другие языковые формы остаток. Необходимо принять эти формы как *систему особой структурности*, входящую в язык, в общую структуру слова, и они немислимы без отношения к общесловесным формам, внешним и внутренним. И тогда «логическое становится содержанием по отношению к поэтической верховной форме. Последняя соотносится к действительности только через логическую, и как бы *играет* действительными отношениями там, где логическая форма серьезно и верно передает или "отображает" то, что есть, в конституируемом ею слове».

Итак, во «Внутренней форме слова» процесс осознания действительности предстает как извлечение осмысляемого содержания из «тьмы» с помощью механизмов «языкового», «культурного» сознания и вознесения его к «свету» логической мысли. Естественно, что все, что «инфралоги́чно» или «постлоги́чно», т. е. еще не структурировано логической мыслью и то, для чего такая структурированность уже и не важна, оказывается иррелевантным. Тем самым жизнь реального сознания и мышления в его соотношении с языком предстает перед нами в редуцированном виде. Правда, заканчивая «Внутреннюю форму...», Шпет утверждает, что в правильно проведенной феноменологической редукции, «имеющей в виду самого субъекта как такового, *индивидуально* необходимое окажется и *существенным*». Это, думается, открывает путь к более глубокому и содержательному анализу значения и мысли. Но... История поставила здесь точку в философских исканиях Шпета. Ни одно значительное произведение (если не считать блестящих переводов Диккенса, скандинавских авторов, Гегеля, великолепного комментария к «Посмертным запискам Пиквикского клуба», живой практической герменевтики) он после 1927 г. не опубликовал.

**Философия языка М. Хайдеггера:
языковое сознание и языковая личность**

Творчеству М. Хайдеггера посвящены сотни книг и статей, в том числе существует немалое количество публикаций о проблеме языка в философии Хайдеггера³⁰⁹. Хайдеггер — один из наиболее интересных и значительных мыслителей XX века. Его своеобразие, а точнее было бы сказать своеобычность, нашла самое непосредственное выражение в языке его философских текстов. Из массы суждений для начала приведем два. Оба принадлежат глубоким мыслителям, близко знавшим Хайдеггера и самым внимательным образом читавших его творения. Х.-Г. Гадамер в своих комментариях к работе Хайдеггера «Исток художественного творения» отмечает, что «позднего Хайдеггера нередко упрекали в том, что его понятия невозможно конкретно подтвердить, удостоверить. В субъективности нашей мысли как бы невозможно наполнить содержанием то, что Хайдеггер понимает под бытием в буквальном смысле слова, под совершением бытия, прореживанием бытия, распахованием и забвением бытия. Понятийные словообразования поздних работ Хайдеггера точно так же недоступны субъективному их воспроизведению в мысли, как недоступен диалектический процесс Гегеля мышлению, которое Гегель называл "представляющим". Поэтому понятийный язык Хайдеггера встречает ту же самую критику, что диа-

---

³⁰⁹ Молчанов В. И. Философия Хайдеггера и проблема сознания // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991; Подорога В. А. Erectio: Геология языка и философствование М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991; Anz W. Die Stellung der Sprache bei Heidegger // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes. Königstein, 1984; Apel K.-O. Heideggers Radikalisierung der «Hermeneutik» und die Frage nach dem «Sinnkriterium» der Sprache // Apel K.-O. Transformation der Philosophie. Bd. 1. Sprachanalytik, Semiotik, Hermeneutik. Fr. a. Main, 1976; Bock J. Heideggers Sprachdenken. Bonn, 1966; Brockler W. Heidegger und die Logik // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes. Königstein, 1984; Kamlah W. Martin Heidegger und die Technik: Ein offener Brief // Kamlah W. Von der Sprache zur Vernunft: Philosophie und Wissenschaft in der neuzeitlichen Profanität. Mannheim; Wien; Zürich, 1975; Kainz F. Über die Sprachverführung des Denkens // Erfahrung und Denken. Berlin, 1972. Bd. 38; Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle, 1908. Bd. 1; Schöfer E. Die Sprache Heideggers. Pfullingen, 1962.

лектика Гегеля встретила у Маркса»³¹⁰. В «Заметках» К. Ясперса о работах и личности Хайдеггера, которые делались в течение более 30 лет и были опубликованы согласно завещанию Ясперса только тогда, когда обоих философов уже не было в живых, мы читаем: язык и форма произведений Хайдеггера действуют на читателя «как художественное произведение». «Это воздействие, — продолжает Ясперс, — приносит эстетическое удовлетворение, но стоит в стороне от действительной жизни, подкупает остротой формулировок при бессодержательности и необязательности», но тем не менее «импонирует глубоким предчувствием, намеком, обещанием»³¹¹. И далее: «Тщательная, продуманная, чистая работа, но материал — мишура»³¹². В другом месте Ясперс отмечает «виртуозность формы Хайдеггера», но «эстетическая сущность двусмысленна» — «не является ли он необычно высокоодаренным авантюристом? другой разновидностью того же типа, к которому принадлежит и Гитлер? неуловимым, никогда не отвечающим по сути существом?»³¹³. Вот еще два суждения Ясперса, важных для наших размышлений. Характеризуя наиболее существенные моменты хайдеггеровского философствования, он отмечает претензию на «тотальное обновление, изменение и новое обоснование философии во всемирно-исторической перспективе». Там где, по мнению Ясперса, требовалось «более скромное обновление как возвращение к подлинной философии» вместо цеховой науки XIX и XX вв., имеет место трактовка истории бытия так, как если бы он (т. е. Хайдеггер) был ее «единственным обновителем, единственным голосом», «понимание языковой стороны философии (Sprachlichkeit) как заключающего в себе пра-смысл истинного (Ursinn des Wahren), и в качестве такового поддающегося раскрытию. Ясперс отмечает у него «магическую картину языка», «отделение философии от жизни, склонность к эстетическому жесту»³¹⁴. Для лучшего понимания некоторых моментов в суждениях Ясперса, следует иметь в виду,

---

³¹⁰ Гадамер Х.-Г. Введение к работе Мартина Хайдеггера «Исток художественного творения» // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.

³¹¹ Jaspers K. Notizen zu Martin Heidegger. Munchen; Zürich, 1989. S. 53.

³¹² Ibid. S. 89.

³¹³ Ibid. S. 87.

³¹⁴ Ibid. S. 142.

что он, как впрочем, и Хайдеггер был противником «профессорской философии», подразумевая под этим оторванные «от жизни» теоретические системы. В молодые годы Ясперс и Хайдеггер сблизились именно на этой почве, стремясь создать такую философию, которая бы не просто объясняла бытие человека, но и могла служить ориентиром для человека на его жизненном пути. В этом смысле и сам Ясперс считал свою философию «тотальным обновлением». Отсюда проистекает ряд особенностей философского дискурса Ясперса, сближающий его в некоторых моментах с Хайдеггером: почти полное отсутствие цитирования и ссылок на предшественников, создание новых и пересмысление ряда уже существовавших терминов.

В приведенных выше полярных мнениях фиксируется то, что так или иначе можно найти буквально во всех работах, посвященных как языку философских произведений Хайдеггера, так и его философии в целом — восхищение языковым мастерством мыслителя, так или иначе связанное с неприятием его языка. Гадамер, ученик и в некоторых вопросах последователь Хайдеггера, признавая его достижения, пошел иным путем. Другой ученик Хайдеггера В. Камла, в открытом письме, с которым он обратился в 1954 г. к учителю, выражал озабоченность по поводу того, не сводит ли язык Хайдеггера на нет все его достижения в философской области³¹⁵. Однако и в этот период и позже, вплоть до наших дней недостаточно ясно понимается, что философия Хайдеггера заключает в себе также и философию языка *suigeneris*.

Для нас же важно зафиксировать, что философский метод Хайдеггера абсолютно неотделим от его языка. Разумеется, нечто подобное можно утверждать о многих других мыслителях, например о Ницше, Шпенглере, Ясперсе, Витгенштейне или Деррида. Но тут необходимы некоторые пояснения, которые помогут понять дальнейшее. Раскрыть функционирование языка Хайдеггера без характеристики его метода невозможно, равно как невозможно понять его метод без анализа его языка. Здесь мы предлагаем не вполне обычный путь: собственно философский анализ дополнить лингвистическим и психолингвистическим. Для того чтобы лучше понять язык Хайдеггера, а через него и его

---

³¹⁵ Ibid. S. 120.

философию, имеет смысл обратиться к понятиям «языкового сознания» и «языковой личности».

Под языковой личностью мы понимаем, несколько расширяя лингводидактическую трактовку Г. И. Богина³¹⁶ и лингвистическую трактовку Ю. Н. Караулова³¹⁷, ту «подсистему» целостной личности, которая связана с присущими ей основами речемыслительной деятельности. Базовый, или субстратный уровень образуют не отдельные лексемы (как, например, полагает Ю. Н. Караулов) и даже не совокупность фонетических, словообразовательных, лексических, грамматических, прагматических значений и моделей языка, усвоенного конкретной личностью. В нашем понимании, субстрат языковой личности — это универсальные для всего человечества речемыслительные механизмы, над которыми надстраивается совокупность вышеупомянутых моделей, присущих всем носителям национального языка. Придавая большое значение мотивационному уровню, т. е., в конечном счете, системе ценностей и норм сознания личности, мы отдаем себе полный отчет в том, что выявление именно этого компонента в текстах данной личности представляет собой гораздо более сложную задачу, нежели, например, привычный для литературоведа анализ «выразительных средств».

То, что мы можем относительно непосредственно наблюдать (по крайней мере на уровне речевого «продукта»), это 1) достаточно устойчивый язык автора, его «идиостиль», включающий характерные для него устойчивые стандартизированные связи между словами-дескрипторами: генерализованные высказывания, дефиниции, афоризмы, номинации, отсылающие к особенно важным для данной личности культурным реалиям и символам — и подчеркнем это особо — к релевантным для личности текстам, а также — и это мы хотели бы специально выделить — 2) языковую творческую деятельность, заключающуюся в создании новых единиц — чаще новых номинаций (на уровне отдельных слов, синтагм, высказываний).

Одной из важнейших характеристик языковой личности выступает способность использовать различные лингвосемиоти-

---

³¹⁶ *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.

³¹⁷ *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

ческие средства и свободно переключаться в диалоге. Причем речь должна идти не только об актуально осуществляющемся диалоге или же о такой литературной форме, как философский диалог. Он был весьма популярен в XVII—XVIII вв. В XX в. к нему часто прибегал М. Бубер, но также и Хайдеггер³¹⁸. Как раз для философского мышления более актуален скрытый диалог с предшественниками или современниками, отсылкой к которому могут служить и цитаты, и ссылка на прецедентные тексты, наконец, и сам выбор тем, а также аргументация. Нам представляется, что когда речь идет о языковой личности крупного мыслителя, то на первый план выходит, то, что У. Эко охарактеризовал как помещение себя самого в «пространство» того, что уже сказано, что еще можно и нужно сказать, что вообще поддается высказыванию³¹⁹. М. М. Бахтину принадлежат интересные размышления, весьма, как нам представляется, актуальные в контексте нашего исследования. Бахтин отмечает, что в контексте литературного произведения (а мы добавим — и вообще в гуманитарном дискурсе) всякий, как он выражается «оговоренный» и «оспоренный» предмет, «с одной стороны, освещен, с другой — затемнен разноречивым социальным мнением, чужим словом о нем, и в эту сложную игру светотеней входит слово, насыщается ею, сохраняя в ней свои собственные смысловые и стилистические контуры»³²⁰. Для нас важны следующие мысли М. М. Бахтина. 1. Диалогичность любого произведения словесного искусства. Независимо от того, обозначена интенция на диалог или нет, все «риторические формы, монологические по своему композиционному строению, установлены на слушателя и его ответы». 2. Говорящий и пишущий обязательно «пробивается в чужой круговорот», строит свое высказывание на чужом «апперцептивном фоне». 3. «Равная и прямая ответственность за язык всего произведения как свой язык, полная солидарность с каждым его моментом, тоном, нюансом»³²¹. Все это относится не только к

---

³¹⁸ Heidegger M. Zur Erörterung der Gelassenheit: Aus einem Feldgespräch über das Denken // Heidegger M. Gelassenheit. 10. Aufl. Pfullingen, 1992.

³¹⁹ Eco U. Lector in fabula: La cooperazione interpretativa nei testi narrativi. Milano, 1979. P. 119.

³²⁰ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1978. С. 90.

³²¹ Там же. С. 99.

поэтическому стилю, не только к «слову в романе», о котором пишет Бахтин, но и к философскому дискурсу. В подстрочном примечании Бахтин, походя, указывает на «борьбу с оговоренностью предмета», на стремление к возврату к *первичному сознанию*, к «самому предмету в себе» в ряде литературных направлений. Такая борьба вполне реальна и в философии, в некоторых направлениях и отдельных авторов она может превратиться из средства в цель, стать *causa sui*. Забегая вперед, отметим, что для Хайдеггера возврат к «первоначальному сознанию» и борьба с «оговоренностью» предмета выступает в качестве одной из важнейших психолингвистических и философских характеристик его языковой личности и языкового сознания. Увидеть в вещах с помощью *обновленной языковой техники* новые стороны, добиться *остранения* предмета — все это характеристики развитого, культивированного языкового сознания. Но не только. Та трактовка языкового сознания, которую мы находим в отечественной лингвистике и психолингвистике страдает, на наш взгляд, одним существенным недостатком. Говорится и пишется о языковом *сознании*. Знакомство с используемым исследовательским инструментарием и результатами, полученными в многочисленных исследованиях, показывает, что сплошь и рядом речь должна идти о языковом бессознательном или же о слабо рефлексированных слоях личности, доступ к которым можно получить с помощью методик, специально создававшихся именно для исследования того, что в обычных условиях не является предметом осознания. Аналогично, и исследование языкового сознания и языковой личности философа (писателя, поэта, политика) предполагает учет слабо осознаваемых или вовсе не осознаваемых механизмов конституирования смысла и поиска соответствующих лингвистических средств.

На языковое сознание и языковую личность философа сильнейшее влияние оказывает то, как он понимает Мир, как относится к имеющимся интерпретациям этого Мира, как понимает *свое место в мировой традиции философского языка*. Все это в полной мере актуально для понимания языкового сознания и языковой личности Хайдеггера.

Языковую личность и языковое сознание (ЯЛ и ЯС) Хайдеггера следует понимать в контексте пересечения нескольких

языково-смысловых миров. Они, по нашему мнению, таковы: 1) мир философской традиции — по преимуществу древнегреческой (Парменид, Гераклит, Анаксимандр, Платон, Аристотель) и немецкой (Кант, Гегель, Гумбольдт, Гуссерль); 2) мир живого немецкого языка — как в его литературной форме, так и что существенно, в диалектной; 3) мир поэтического слова (Гельдерлин, Рильке, Георге, Тракль). Разумеется, эти миры, и соответствующие им прецедентные для Хайдеггера тексты, существуют в ЯС Хайдеггера недизъюнктивно. Если отвлечься от мира античной языково-философской традиции, то два других — это, так или иначе, мир немецкого языка. Вместе с тем для ЯЛ и ЯС Хайдеггера, как может быть не для кого из философов до него, характерна борьба с «оговоренностью» и «оспоренностью» предмета, стремление вернуться, насколько это вообще возможно, к «предмету самому по себе», не к ноумену Канта, а создать такой дискурс и такой язык, который представлял бы собой радикальное обновление и «*остранение*» всех существовавших до сих пор лингвистических способов репрезентации Мира и Бытия, достичь такого состояния сознания, когда бы спали все покровы неподлинности и осуществилось истинное единство сознания и языка. В таком случае язык предстал бы «подлинным местопребыванием человеческого бытия» (*Behausung des Menschenseins*).

Поскольку мы поставили себе задачу проникновения в систему ЯЛ И ЯС Хайдеггера, то естественно выявить те лингвистико-герменевтические приемы, которыми он систематически пользуется. Выше мы уже говорили о настойчивом стремлении Хайдеггера выйти за пределы «оговоренного», того, что У. Эко называет «*giadetto*», т. е. «уже сказанного». Разумеется, для каждого крупного ученого (в особенности философа, психолога, лингвиста, литературоведа, теоретика культуры) характерно стремление облечь свои мысли в неординарную языковую форму. Для Хайдеггера это временами (не во всех текстах в равной мере) приобретает характер навязчивого стремления к тому, что Т. Адорно иронически окрестил «жаргоном подлинности» (*Jargon der Eigentlichkeit*). В немецкой философии XIX века это было, пожалуй, наиболее характерно для Г. В. Ф. Гегеля, который использовал богатейшие возможности немецкого языка, прежде всего в области словообразования, для создания понятийной системы своей

философии. Многие лингвистические новообразования, которые мы встречаем уже в «Феноменологии духа» (1807 г.) вошли в золотой фонд языка немецкой философии и стали, по всей очевидности, образцом для Хайдеггера. К их числу мы относим, прежде всего, семейство-иерархию «зайнов», уровней бытия. В «Феноменологии духа» мы встречаем и Sein (Бытие), Dasein (низшая ступень, простое наличное бытие), и Bewusstsein (осознанное бытие), способное через Außersichsein (выходящее, с помощью деятельности и общения, за пределы простой уверенности в собственном бытии сознание) достичь ступени Selbstbewusstsein (самосознания), превращаясь тем самым в Reflektiertsein (рефлектированное, т. е. полностью осмысленное и, тем самым, контролируемое личностью бытие)³²².

Одним из основных лингвистико-герменевтических приемов, которым Хайдеггер часто пользуется, является следующий. В. В. Налимов в ряде работ предложил такую модель-метафору обладающую, как нам представляется значительными эвристическими возможностями³²³. Потенциально доступные сознанию смыслы (или значения, что в данном контексте практически равнозначно) рассматриваются как упакованные на некоторой воображаемой оси; понимание предстает как распаковка смыслов, сопровождаемая каждый раз разрушением смыслового континуума. Разрушение это локально, так как большая часть смыслов так и остается спрессованной. Однако, добавим мы, распаковывая смыслы локально, можно провести не просто их фиксацию с помощью слов-терминов, но и их перекомбинацию, приобретая шанс получить в новой «упаковке» определенное приращение смысла. Использование тропов также ведет к расширению смысла. Но тут мы имеем дело с достаточно жесткими нормами. Создание образного и коннотативного контекста в произведении художественной литературы существенно расширяет возможности такой перепакетки. Наконец, возможен и прием агглютинации смыслов, когда несколько корневых морфем достаточно непосредственно соединяются в одно целое, которое интерпретируется из соотнесения этого

³²² Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. Fr. a. Main, 1973.

³²³ Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная архитектоника смыслов и смысловая архитектоника личности. М., 1989. С. 106—108; Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. М., 1995. С. 92—96, 362—363.

нового знакового целого, включающего ряд «оплотненных», по Бахтину, смыслов. Разумеется, успех такого рода семиотической операции зависит от структуры того языка, с помощью которого она осуществляется. Часто к такому приему прибегают в кинематографии, буквально «перепакующая» смыслы, связанные с образным рядом фильма. В таких случаях часто имеет место агглютинация смыслов, в результате которой возникает новое эстетическое сообщение. Разумеется, у Хайдеггера далеко не всегда имеет место непосредственное «склеивание»-агглютинация смыслов. Более того, она всегда опосредована суждениями и умозаключениями, что естественно для философского текста. Но эта опосредованность не должна вводить нас в заблуждение: «сверхзадача» текстов Хайдеггера, как она им понимается, достижение такого состояния, когда язык *сам начинает выражать сущность языка*. На идиолекте Хайдеггера это звучит так: *Die Sprache als Sprache zur Sprache bringen*. В этом выражении Хайдеггер в присущей ему манере использования узуальных номинаций для создания единиц собственного идиолекта переосмысляет фразеологическое сочетание *jemanden zur Sprache bringen* — «заставить кого-либо заговорить». В узусе немецкого языка прямое дополнение к глаголу *bringen* в данном фразеологизме предполагает *одушевленное лицо*.

В центре философской системы Хайдеггера — насколько вообще применительно к его философствованию можно говорить о системе, «Страстью Хайдеггера, — совершенно точно отмечает Р. Сафрански, — было вопрошание, а не ответы»³²⁴ — стоит Бытие — *das Sein*, не только само понятие, но и его лингвистическая форма. В идиолекте Хайдеггера мы находим целое гнездо форм, образованных от глагола «*sein*» — «быть» и отглагольного существительного *das Sein*. Часть из них не имеет эквивалентов ни в одном европейском языке и не поддается сколько-нибудь адекватному переводу. Возможно только герменевтическое истолкование — исходя из внутренней формы слова, контекста и места в системе философии Хайдеггера. Без понимания «приключений» этих словоформ невозможно, по нашему мнению, не только раскрытие особенностей ЯС И ЯЛ Хайдеггера, но и понимание смысла его философствования в целом. Много копий было сломано во-

³²⁴ Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М., 2002. С. 564.

круг Хайдеггерского термина *das Dasein*. В классической немецкой философии этот термин не имеет специфической коннотации. Он обозначает в основном простое наличное бытие. Расхожее выражение «*Der Daseinkampf*» — «борьба за существование». В идиолекте Хайдеггера *Dasein* или в ином варианте «*das Sein des Da*» — это скорее человеческое бытие, субъективность, хотя точное значение нигде в его работах не дается. Правда, в одном месте «Бытия и времени» мы читаем о базовом конституировании «субъекта», давайна. Хайдеггер вообще избегает определений, его стиль принципиально апофатический; все, что он хочет нам сообщить, должно быть извлечено читателем из контекста.

Думается, что немалую роль в становлении его дискурса сыграло увлечение ранней греческой философией с ее полумифологическим-полуфилософским стилем и языком, в котором только начали складываться зачатки рациональной терминологии. Недаром практически каждый из фрагментов философов-досократиков существует в нескольких различных переводах, подчас довольно-таки сильно отличающихся друг от друга. Вместе с тем необходимо отметить, что философский дискурс Бубера и Ясперса отмечен аналогичной склонностью к апофатике и использованию метафор, синекдох, метонимий, олицетворений. Но вернемся к Бытию и его вербальному воплощению в текстах Хайдеггера.

Здесь мы видим большое количество номинаций — как на уровне лексем, так и синтагм, большая часть которых не представлена в узусе немецкого языка. В словообразовательном отношении это либо производные от глагола *sein*, либо его субстантивизированной формы *das Sein* (*Dasein*, *das Sein des Da*, *das Da-Sein*, *das In-Sein*, *das In-der-Welt-sein*, *das Mit-sein*, *das Seiende*, *das Beisammenvorhanden-sein*) либо от основных форм этого глагола, прежде всего (*ge*)*wesen* — *das Wesen*, *das Anwesen*. С точки зрения языкового сознания мы имеем дело с его инновативным аспектом — с созданием новых лексем, синтагм, дескрипций. При этом Хайдеггер с удивительной легкостью прибегает к тому, что строго запрещено правилами научного исследования, а именно к этимологизированию худшего толка. Так, в § 12 «Бытия и времени» поясняя экзистенциал *In-Sein*, он пишет, что «*in*» изначально не обозначало пространственных отношений, но происходит от древневерхне-

мецкого *innan*, что, по мнению философа означало «обитать», лат. *habitare* (что не соответствует фактам языка). Далее, продолжает он, это «сущее», *das Seiende*, которому в этом смысле принадлежит *In-Sein*, обозначает то сущее, которое «всегда есмь я» (*das ich je selbst bin*) «*Bin*» здесь просто первое лицо глагола *sein*, его супплетивная форма. Но Хайдеггер ничуть не смущаясь утверждает, что *bin* связано с «*bei*», т. е. предлогом «при». Отсюда делается вывод, абсолютно необоснованный, что «Быть, понятое как инфинитив от "я есмь", т. е. как экзистенциал, значит обитать при ..., быть доверительно близким с...». Так пишет Хайдеггер и так переводит ничтоже сумняшеся его великий знаток В. В. Библихин³²⁵. Нечего и говорить, что «*bei*» ничего общего не имеет с «*bin*», а, следовательно, всё рассуждение Хайдеггера по этому поводу не более чем логомахия. Как отметил его ученик К. Лёвит, стремление к языку, мотивированному до последней степени, «самые верхние ветки которого представляют собой ничто иное, как отражение переплетения его корней» приводит к забвению основного закона языка, закона изменения³²⁶. В этом же ряду можно упомянуть бесконечные поиски смысла понятия «истина» исходя из внутренней формы греческого слова *ἀληθεια*, что некогда означало «несокрытость», а также попытки соединить в одном значении «*licht*» — свет, светло, «*leicht*» — легко, *lichten* — в сочетании «*den Anker lichten*» — «поднять якорь», «*das Schiff lichten*» — «разгружать корабль», «*die Waldlichtung*» — «поляна в лесу». Все эти слова отчасти генетически не связаны друг с другом, отчасти их значения очень далеко разошлись. Но Хайдеггер рассуждает о том, что смысл бытия способен самовывявляться, что он просветлен (*gelichtet*), всегда дан нам «в свете» чего-то иного. Это просветление бытия (*Lichtung des Seins*) — иногда переводят «просвет бытия» — понимается Хайдеггером в целом диалектически. С одной стороны, оно в известной степени априорно, составляя имманентное свойство бытия. Просвет Бытия не следует понимать просто как свет, противопоставленный тьме (*hat als solche keinen Bezug zum Licht im Sinne des Hellen*), но именно как просветление-

³²⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 54; Heidegger M. *Sein und Zeit*. 16. Aufl. Tübingen, 1986. S. 54.

³²⁶ Löwith K. Heidegger: Ein Denker in dürftigen Zeiten. Fr. a. Main, 1953. S. 13.

освобождение, внутренне присущее самому Бытию. Поясняя свою мысль, Хайдеггер и прибегает к этимологизированию. Итак, *Lichtung*. Авторитетный этимологический словарь Duden указывает³²⁷, что прилагательное «licht» (светлый) восходит к индоевропейской основе «leuk-» «светить, лучиться, сверкать, искриться», от этой же основы лат. «lux» — свет, «lucere» — «светить», греческое «λεῦκος» — «блестящий, светлый». «Das Licht», т. е. «свет» — сравнительно поздняя субстантивированная форма от прилагательного и наречия «licht». Еще более позднее образование, зафиксированное с XVII в. — глагол «lichten» — «сводить лес, делать просеку, поляну в лесу» и «Lichtung» (с XVIII в.) — «поляна в лесу, вырубка». А глагол «lichten» как термин морского дела, действительно связан с основой «leicht» — легко. Соответственно выражение «Schiffe lichten» означает «разгружать судна». Добавим, что нидерландской и северонемецкой основе *licht-*, которую мы находим в словах «lichten», «lichter» в значении «поднимать», «корабль-контейнеровоз» (т. е. такой, грузы которого легко поднимаются на сушу), соответствует английская основа «lift-», т. е. все эти слова *не имеют ничего общего со светом*. Все эти этимологические штудии понадобились нам именно для того, чтобы показать, как вольно подчас Хайдеггер обращается с немецким словом, несколько не заботясь хотя бы о приблизительной точности обращения со значениями слов и ставя превыше всего искусство «плетения словес», стремление представить в том, что психолингвистика называет «поверхностными структурами», поток сознания, в который должны быть увлечены и читатели его произведений.

С собственно философской точки зрения семиотика текстов Хайдеггера направлена на прояснение смысла не просто Бытия, но того, что принято называть «фундаментальной антропологией». *Кто или что* такое хайдеггеровский *Dasein*? И как можно или нужно переводить и понимать это слово? В. В. Библихин переводит в одних случаях как «вот-бытие», в других же — как «присутствие». В поздних текстах Хайдеггера место *Dasein* занимает *das Anwesen* (заметим, что эта форма также, хотя она и супплетивная, образована от *sein*), которое обычно переводят как «присутствие»,

---

³²⁷ Der Duden in 10 Bänden. Bd. 7. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Zweite Aufl., Mannheim; Wien; Zurich, 1989. S. 419.

хотя этот перевод, на наш взгляд, очень далек от сути дела. Мы бы, со своей стороны, предложили оставить эти слова без перевода и писать «дазайн» и «анвезен», подобно тому, как давно употребляется в психологии, искусствознании, философии «гештальт», а, например, в психиатрии «шуб» (от немецкого «Schub» — толчок, подвижка). Недаром Хайдеггер тщательно избегает слова «человек», либо «сознание»; «субъективность» как синоним Dasein отнюдь неслучайно берется им в кавычки. Дело не только в борьбе с «оговоренностью» всей этой проблематики. Хайдеггер стремится обосновать такую точку зрения, что привычные нам «Я», «другой», «субъект», «сознание», — весь инструментарий классической философии недостаточен для понимания человеческого бытия, языка, коммуникации, мышления, понимания.

Но «просветление Бытия», или как переводят иногда, «просвет Бытия», (как бы мы не понимали *Lichtung des Seins*), не достигается в силу простого присутствия человека-Dasein в мире. Напротив, осмысление-просветление Бытия достигается за счет «деятельности». Кавычки здесь абсолютно необходимы, так как перед нами опять борьба с чужим словом. Место «деятельности», традиционно обозначаемой в немецкой философской традиции как «Tun», «Tätigkeit», «Handeln», у него занимает «handliches Besorgen», с помощью которого индифферентный по отношению к человеку наличествующий предметный мир, который он обозначает как «Vorhandenes», проходя через руки человека (Hände), превращается в нечто согретое теплом этих рук, интимное, близкое, и тем самым и «спод-ручное». Здесь и раскрывается смысл родового термина «handliches Besorgen»: ручное, с помощью ручной, предметной деятельности осуществленное «озабочивание-доставление». Besorgen ведь и означает «совершить, сделать, добывать, доставлять». Например, в таком контексте: «Wer wird das besorgen?» — «Кто этим займется? Кто это сделает? Кто это достанет?» Вокруг экзистенциала Sorge, обычно переводимого как «забота», сломано немало копий. Многие авторы стремятся вложить в уста Хайдеггера то, чего там никогда не было, а именно стремление преодолеть то понятие о мире, которое царит в современности, трактовку мира, как только «наличного». «Хайдеггер показал, — пишет немецкий исследователь В. Брёкер, — и это вошло в сознание многих, что этот мир наличного и мир тео-

рии представляют собой рудимент исконного и более богатого мира, мира заботы, заботливого обращения с вещами и заботы о других»³²⁸. И именно этот «мир», в котором существуют и страдание, и радость, и страх, и надежда, «просветлен», «вступает в просвет»³²⁹. Думается, что это очень рационализированное толкование того, что действительно мы видим у Хайдеггера. Нам же представляется, что именно раздел о «заботе», на который философу понадобилось 40 страниц в тексте «Бытия и времени», в большой степени оправдывает резкую, но абсолютно справедливую характеристику К. Свасьяна: «...старая апофатическая теология, *теология Ничто*, уступает место апофатической антропологии, *антропологии Никто*»³³⁰. Иными словами, говоря о «заботе», «озабочивании» и т. п. Хайдеггер умудрился нигде не сказать, кто же является субъектом всего этого. Вообще складывается впечатление, что не только в «Бытии и времени», но и в так называемых «поздних» работах, вопрос о субъекте обходится, либо объявляется, что разделение на субъект и объект является бедой новоевропейской философии³³¹.

Совершенно даром к числу ключевых понятий хайдеггеровской философии, в том числе и философии языка, принадлежат знаменитые *das Man* и *das Gerede*. Первое из них представляет собой субстантивированное неопределенно-личное местоимение третьего лица. В. В. Бибихин везде переводит это слово как *люди* — именно так, печатая его с разрядкой. Это словообразование должно устранить из философии и «Я» и «субъекта». Сам Хайдеггер вполне отдает себе отчет в том, что, устраняя субъект как понятие, вокруг которого строится очень многое в классической философии, он совершает онтологический, гносеологический и антропологический переворот. Если мы принимаем, что существует «Я» как некий субъект, отличный от «массы» и выделяющийся из нее, то это мо-

---

³²⁸ Brocker W. Heidegger und die Logik // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes. Königstein, 1984. S. 301.

³²⁹ Ibid.

³³⁰ Свасьян К. О конце истории философии // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4. С. 46.

³³¹ Heidegger M. Zur Sache des Denkens. Tübingen, 1969; *Idem*. Zur Frage nach der Bestimmung der Sache des Denkens. St. Gallen, 1984; *Idem*. Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994.

жет иметь ряд существенных следствий, прежде всего антропологического характера. Хайдеггер идет иным путем. «Встреча с Другим» в его понимании — всегда ориентирована относительно своего собственного бытия. «Другие» — не суть нечто иное, отличное от меня самого, это не что-то такое, из чего выделяется мое «Я». Напротив, я сам не отличаюсь от «Других», я тоже вместе с ними, слит с этими «другими». Причем это *das Auch-da-sein* (еще один непере译имый неологизм Хайдеггера, нечто вроде «тоже-там-бытие») следует понимать не в онтологическом смысле, подчеркивает он, а в экзистенциальном, т. е. добавим мы, антропологическом: «В силу этого совместного в-мире-бытия (*des mithaften In-der-Welt-seins*) мир всегда таков, что я делю его с другими»³³². При трактовке этого совместного-бытия-в-мире Хайдеггер, на наш взгляд, впадает в определенные противоречия. С одной стороны, это мир совместной деятельности, *заботы*, взаимопонимания. С другой же стороны — он всегда заключает в себе безличное начало — *das Man*. То, что мы называем «общественностью», «публичной жизнью» (*Öffentlichkeit*), пишет Хайдеггер, характеризуется усредненностью, уравнивательностью; в этом мире каждый такой же как, как и другой, собственное, личное бытие полностью погружается в бытие «Других», причем и их бытие редуцируется в еще большей степени³³³. В этой незаметности и неопределимости *das Man* «разворачивает свою подлинную диктатуру»³³⁴, причем так, что управляет всякого рода истолкованием бытия и «оно всегда право»³³⁵. *Das Man* присутствует везде, но и всегда старается убраться прочь, когда необходимо принимать решения. Но поскольку *das Man* уже предопределяет все суждения и решения, то все решения, которые должно принимать соответствующее *Dasein*, переходят к неопределенно-личному началу, *das Man* «разгружает» человеческое бытие в своей повседневности³³⁶. Каждый из нас, полагает Хайдеггер, и есть «Другой» и ни один из нас не есть он сам, тогда как *das Man* и есть то великое Никто, которому подчиненно без остатка (*ist*

³³² *Heidegger M. Sein und Zeit*. 16. Aufl. Tübingen, 1986. S. 118.

³³³ *Ibid.* S. 126.

³³⁴ *Ibid.*

³³⁵ *Ibid.* S. 127.

³³⁶ *Ibid.*

ausgeliefert) наше собственное бытие. Das Man в хайдеггеровском толковании — это Никто, но отнюдь не Ничто. Но это и не некий «обобщенный субъект»³³⁷, как это пытались представить некоторые интерпретаторы. Das Man — это экзистенциал и принадлежит в качестве первичного феномена к позитивной структуре человеческого бытия. Повседневное бытие заимствует первичное («предонтологическое» — в идиолекте Хайдеггера) понимание мира у das Man. И только более высокие ступени понимания и истолкования могут иметь шанс выйти за эти пределы.

Но вернемся к теме языка. Выше мы указывали на мотив «озабочивания-доставления» в размышлениях Хайдеггера. Добавим к этому, что *Zuhandenes*-сподручное онтологически и гносеологически конкретизируется как *Zeug*. В идиолекте Хайдеггера это слово имеет значение чего-то сделанного, произведенного. Общее значение этого слова, некогда образованного от глагола «ziehen» — «тащить, тянуть, выращивать (напр., растения), производить», — «некое средство для всего этого», затем — «средства, инструменты, запасы, материалы», начиная с XVIII в. у этого слова появляется пейоративное значение — «ерунда», «штуковина». Но *Zeug* ведет нас дальше: *zeugen* означает «указывать», «свидетельствовать», «давать показания», но также и «сотворять», «производить на свет» (включая зачатие и деторождение). Хайдеггер, следуя своей этимологической методе, сближает *zeugen* и *Zeug* с *zeigen* — «показывать, указывать» и *Zeichen* — «знак». Последние два слова, т. е. *zeigen* и *Zeichen* действительно этимологически связаны, но *Zeug* не имеет к ним никакого отношения — в этимологическом смысле. Но, следуя этой произвольной этимологии, Хайдеггер полагает, что вещь как *Zeug* заключает в себе, тем самым, момент осмысления мира, потенциально является и знаком — именно в силу того, что в структуре бытия в мире она, вобравшая в себя в процессе ее созидания опыт и знания человека, отмеченная его чувствами, может стать и становится знаком. Она в значительной степени потеряла характер непосредственной предметности, утилитарности, но включена в отношение указания, отсылки (*Verweisung*).

---

³³⁷ Ibid. S. 128.

Вот тут мы встречаемся с интересным явлением: все попытки Хайдеггера в этом, как и во многих других случаях использовать этимологии как аргументы в доказательстве, противоречат элементарной логике. Даже если бы его этимологии были верными, то и это не могло бы быть принято в качестве основания для доказательства. Что же говорить о ложных и — вообще произвольных этимологиях. Тем не менее, в своей основной интуиции Хайдеггер прав. Поэтому нельзя не согласиться с мыслью, что с уровнем *Zeug-Zuhandenes* связан первичный и неустраняемый модус понимания и истолкования мира. Это происходит в значительной степени *до и вне языка* — на, как выражается Хайдеггер, *допредикативном* уровне. Это обстоятельство выражено им в афористической форме, получившей широкую известность: «Смысловая целостность находит свое словесное *выражение*. У значений вырастают слова, а не слова наделяются значениями»³³⁸. Речь же является дальнейшим членением того, что мы поняли на допредикативном, т. е., если говорить более привычным языком, предметном, довербальном уровне. Даже и в начале 1920-х гг. мысль эта была, прямо скажем, нова, например, мы находим ее у Ф. де Соссюра: посредством языка «мысль, хаотичная по природе, по необходимости уточняется, расчленяется на части»³³⁹. В настоящее время существует большая литература, посвященная доказательству как раз нехаотичности, а напротив, особого рода упорядоченности именно до- и невербальной мысли. Тут мы, однако, выходим за рамки нашей темы. Безусловно, Хайдеггер оказался прав в том, что первичный уровень понимания, как бы мы не трактовали его в психологическом или, положим, в психолингвистическом смысле, носит невербальный, допредикативный характер и самым непосредственным образом связан с предметной деятельностью.

Аналогично обстоит дело и с тем явлением, которое Хайдеггер обозначает как *Gerede*. Сама по себе онтическая укорененность предпонимания, размыкающая, как считает Хайдеггер, герменевтический круг, выступающая, как метко выразился К.-О. Апель в

---

³³⁸ Ibid. S. 161.

³³⁹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 114.

качестве «телесного априори» понимания³⁴⁰, не гарантирует адекватность и подлинность выражения осознанного, как не гарантирует его логическая и грамматическая правильность речи.

Будучи правильной в грамматическом и логическом отношении, речь тем не менее вполне может быть неподлинной. Таковую речь Хайдеггер обозначает как «Gerede». Само по себе это слово имеет в немецком языке негативное значение: болтовня, пересуды, толки. Морфологическая структура слова указывает на момент повторяемости — не Rede (речь), а Gerede (пересуды). Верный своему методу обращения с обыденным языком, распаковки с его помощью дополнительных смыслов, Хайдеггер использует «оговоренное» в узусе языка просторечное слово, нигде и никем не употребляемое в философском дискурсе для конципирования того содержания, которое занимает важное место в его системе взглядов. А именно, под Gerede он имеет в виду, с одной стороны, отчужденные формы первоначальной «раскрытости» — «растворенности» (Ent-schlossenheit). Разрыв между глубинной артикулированностью сознания на ступени предпонимания и внешней речью приводит к тому, что слушание и понимание оказываются преимущественно привязанными к «говорению». Совестное бытие людей (das Miteinandersein) осуществляется, по мнению Хайдеггера, в говорении-друг-с-другом (Miteinanderreden). Такого рода речь теряет опору в действительности, первичную бытийную опору в сущем. Она не только высвобождает Gerede; «проговоренное» как таковое описывает все более широкие круги и принимает авторитарный характер: «дело обстоит именно так, потому что мы так говорим»³⁴¹. Коммуникация, основанная на таком употреблении языка, уже не в состоянии рефлексировать над тем, насколько верны, оригинальны, истинны высказанные и/или записанные мысли. И хотя в начале параграфа о Gerede Хайдеггер утверждает, что выражение «толки» не будет применяться в уничижительном смысле, реально речь идет о негативном, хотя и, действительно, неустранимом явлении: человеческое непосредственно-наличное бытие, das Dasein реально

---

³⁴⁰ *Apel K.-O.* Heideggers Radikalisierung der «Hermeneutik» und die Frage nach dem «Sinnkriterium» der Sprache // *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie. Fr. a. Main, 1976. Bd. 1. Sprachanalytik, Semiotik, Hermeneutik. S. 29.

³⁴¹ *Heidegger M.* Sein und Zeit. 16. Aufl. Tübingen, 1986. S. 168.

включает в себя неподлинный модус использования языка. Хайдеггер обращает внимание на то, что тут нет намерения обмана, сознательного введения в заблуждение. Но еще Ф. Бэкон предупреждал относительно тех псевдопонятий, всякого рода вербального реализма («*idola fori*», «*idola theatri*»), возникающих помимо воли и намерений людей и создающих, если говорить современным языком, особый слой псевдосознания и псевдобытия. Двадцатый век очень наглядно показал нам, что эти свойства *Gerede*, т. е. особого модуса употребления языка, могут использоваться различного рода демагогами и политическими авантюристами, специалистами по коммерческой и политической рекламе для вполне осознанного обмана. Таким образом, *das Gerede* действительно есть способ понимания человеческого бытия, лишенного своих собственных корней. Именно в том, что содержание *das Gerede* есть нечто само собой разумеющееся и коренится та ложная уверенность в правильности положения вещей, которая не позволяет увидеть всю жуть скатывания к растущей беспочвенности³⁴². В этом смысле речь вообще (*die Rede*) и неподлинная речь в особенности (*das Gerede*) кардинально противостоят тому, что он называет *die Sache des Denkens* — («дело мышления»), т. е. постоянному, настойчивому, вдумчивому размышлению о Бытии³⁴³. С другой стороны, философ видит неустранимость и, следовательно, необходимость этого модуса осмысления мира: в нем, из него, против него и совершается любое понимание и осмысление, узнавание и получение нового знания³⁴⁴. Трудно сказать, насколько сам Хайдеггер осознавал актуальность своей трактовки безличного начала в социальной жизни вообще и Германии двадцатых годов в особенности. Тем не менее, тема безличного начала и сопутствующего ему употребления языка в XX в. всплывала в философии и социологии неоднократно; в настоящее время, в эпо-

³⁴² Там же. S. 170.

³⁴³ *Heidegger M.* Aus der Erfahrung des Denkens. Pfullingen. 1954; *Idem.* Zur Sache des Denkens. Tübingen, 1969; *Idem.* Zur Frage nach der Bestimmung der Sache des Denkens. St. Gallen, 1984; *Idem.* Zur Erörterung der Gelassenheit: Aus einem Feldgespräch über das Denken // *Heidegger M.* Gelassenheit. 10. Aufl., Pfullingen, 1992; *Idem.* Die Frage nach der Technik // *Heidegger M.* Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994; *Idem.* Was heißt Denken? // *Ibid.*; *Idem.* Bauen. Wohnen. Denken. // *Ibid.*; *Idem.* Logos (Heraklit, Fragment 50) // *Ibid.*; *Idem.* Aletheia (Heraklit, Fragment 16) // *Ibid.*; *Idem.* Identität und Differenz. 9. Aufl. Stuttgart, 1990.

³⁴⁴ *Heidegger M.* Sein und Zeit. 16. Aufl. Tübingen, 1986. S. 169.

ху господства безличного начала в политике и средствах массовой коммуникации, включая Интернет, эта проблематика становится особо актуальной.

В цикле работ под общим названием «На пути к языку», в цикле работ «Holzwege», а также в некоторых работах, написанных им еще в тридцатые годы и вскоре после 1945 г.³⁴⁵, Хайдеггер не просто развивает идеи «Бытия и времени» относительно языка, но и существенно радикализирует их. Для работ этого цикла, как метко выразилась Т. В. Васильева, характерна «стихослагающая герменевтика». Стиль ритмизированной прозы характерен, разумеется, не для всех работ этого периода. Однако почти везде мы видим стремление построить текст так, что бы он обеспечивал вхождение в поток сознания с целью именно таким образом добиться приращения смысла.

Что касается собственно лингвистических средств, то нужно отметить следующее. В предыдущий период главными языковыми приемами, характеризующими ЯС и Л Хайдеггера, были следующие: субстантивация (например, наречий, личных и неопределенно-личных местоимений: *das Da*, *das Man*), образование неологизмов — как путем переосмысления уже имеющихся в языке слов и придания им совершенно нового значения (например, *Zeug*, *Gerede*, *Lichting*, *Ankunft*, *Besorgen*, *Entwurf*, *Geworfenheit*, *Ereignis*), часто этому приему сопутствует этимологизация, по большей части ложная, так и с помощью образования композитов. Причем в последнем случае часто используется следующий прием: члены одной синтагмы соединяются или разъединяются дефисом так, что создается возможность нового прочтения смысла. Часто такие новообразования соединяются с синтагматическими неологизмами, образованными с помощью объединения в единое смысловое единство таких прилагательных или причастий, которые в норме языка обычно не соединяются: «*das verfallen-entschlossene, geworfen-entwerfendeIn-der-Welt-Sein*» — «падающе-разомкнутое, броше-

---

³⁴⁵ *Heidegger M. Holzwege*. 3. Aufl. Fr. a. Main, 1957; *Idem. Der Sprach des Anaximander* // *Ibid.*; *Idem. Zur Erörterung der Gelassenheit: Aus einem Feldgespräch über das Denken* // *Heidegger M. Gelassenheit*. 10. Aufl. Pfullingen, 1992; *Idem. Überwindung der Methaphysik* // *Heidegger M. Vorträge und Aufsätze*. 7. Aufl. Stuttgart, 1994; *Idem. Identität und Differenz*. 9. Aufl. Stuttgart, 1990.

но-бросающее бытие-в-мире», переводит В. В. Бибихин³⁴⁶, «падше-размокнутое, заброшено-проектирующее», перевели бы мы. Собственно говоря, основной смысл экзистенциалов Entwurf, entwerfen, Geworfenheit состоит, по нашему мнению именно в том, что человеческое бытие-Dasein характеризуется как проективностью, устремленностью к чему-то новому, что и характеризует глагол entwerfen — «проектировать, набрасывать, делать набросок», так и от-брошенностью, за-брошенностью, соответственно Ent-Wurf, Geworfenheit. Глубинный смысл, если попытаться прочитать его герменевтически, примерно таков: человек способен к «проекту», он стремится к чему-то в будущем, но такой инстанции, которая бы ему что-то гарантировала в этом мире, не существует; он от- и за-брошен. Христианские мотивы здесь, по нашему мнению вполне очевидны: человек падшее существо (verfallen), он же способен и размыкать-растворять круг Бытия (ent-schlossen), пробиваясь к «ПРОСВЕТУ». Вся настойчиво педалируемая Хайдеггером тематика Licht / lichtend / Lichting невольно вызывает в памяти слова католической заупокойной службы «Et lux aeterna luceat eum» — «И да светит ему вечный свет...».

Очень часто мы видим у Хайдеггера переосмысление лексической нормы с помощью таких, например, приемов, как использование дефиса для разделения префикса и основы (ent-schlossen — значит в норме языка «решительный, решившись, решившийся», у Хайдеггера ent-schlossen выступает как антоним-неологизм к verschlossen — «закрыто, скрыто». Префикс ent-имевший первоначально общее значение отрицательного действия или качества, противопоставления, (а ныне он часто не воспринимается носителями языка именно в этом смысле) используется Хайдеггером для создания смысловой пары verbergen-entbergen (скрывать-раскрывать, где последнее слово представляет собой авторский неологизм). В позднем творчестве Хайдеггера большое значение приобретают такие языковые средства, с помощью которых философ, видимо, стремится пробиться к глубинным уровням мышления о мире и языке. Совсем неслучайно целый ряд работ этого периода посвящен герменевтическому

---

³⁴⁶ Heidegger M. Sein und Zeit. 16. Aufl. Tübingen, 1986. S. 181.

разбору философов-досократиков, в других случаях он неоднократно обращается к строкам Гомера, видимо, полагая, что язык Гомера и самого раннего греческого мышления является наиболее адекватным для философского мышления³⁴⁷.

К числу таких средств относятся, прежде всего, ритмизированный характер его поздней философской прозы, использование анаграмматических и аллитерационных элементов. Важным средством его лингвистической техники выступает стилистическая фигура полиптотона, характерная для архаических текстов³⁴⁸. В этой фигуре мы имеем дело со своеобразной «самопредикацией», при которой значение субъекта высказывания как бы усиливается значениями однокоренного слова-предиката. О. М. Фрейденберг, анализируя язык мифологического сознания, обратила внимание на то, что для него характерны целые фразы, организованные одним и тем же фонетико-смысловым комплексом. «Антикаузальное мифологическое мышление», как его называла выдающаяся исследовательница, дублирует значения слов вместе с их фонетической основой; глагол вырастает из той же смысловой основы, что и имя существительное — как то же имя, но взятое в действии. Фрейденберг нашла для этого четкую формулу: «повтор одних и тех же слов, представляющих как бы два куска одной и той же языковой ткани»³⁴⁹. Негодование одних³⁵⁰ и восхищение других³⁵¹ вызывают, и будут вызывать такие, например, сочетания в идиоме Хайдеггера: *das Nichts nichtet, die Gegenwart gegenwärtigt, die Zeit zeitet, die Sprache spricht, Geviert der Vier, das Dingen der Dinge, Dingend sind die Dinge* и многие другие в этом роде.

---

³⁴⁷ *Heidegger M. Der Sprach des Anaximander // Heidegger M. Holzwege. 3. Aufl. Fr. a. Main, 1957; Idem. Parmenides // Gesamtausgabe. Bd. 54. 2. Abt. Vorlesungen, 1923—1944. Fr. a. Main, 1982; Idem. Zur Frage nach der Bestimmung der Sache des Denkens. St. Gallen, 1984; Idem. Moira (Parmenides, Fragment VIII, 34—41) // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994; Idem. Aletheia (Heraclit, Fragment 16) // Ibid.*

³⁴⁸ *Лекомцева М. И. Семантика некоторых риторических фигур, основанных на тавтологии // Структура текста. М., 1980.*

³⁴⁹ *Фрейденберг О. М. Введение в теорию античного фольклора. Комментарий // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 541.*

³⁵⁰ *Kainz F. Über die Sprachverführung des Denkens // Erfahrung und Denken. Berlin, 1972. Bd. 38.*

³⁵¹ *Schöfer E. Die Sprache Heideggers. Pfullingen, 1962.*

Н. О. Лосский писал, что предикат суждения содержит в себе в дифференцированной форме то же самое содержание, что и субъект³⁵². Собственно говоря, это положение было известно и средневековой логике: «*Quod in subjecto est implicite, in praedicato est explicite*». Но для тавтологических выражений типа *die Zeit zeitet*, не ложных и не истинных, а именно тавтологических, это условие не выполняется. История не повторяется; то, что было возможно и даже необходимо в мифо-поэтическом языке, выглядит в лучшем случае отчаянной попыткой извлечь из манипуляций с обыденным языком некий дополнительный смысл.

Эта тенденция особенно наглядно проявляет себя в серии его эссе «На пути к языку». Основная идея этого цикла видится нам следующим образом: показать, что язык — это некий самостоятельный род бытия, в значительной степени независимый от человека. Задача же человека войти, вслушаться в «говорение языка» (*das Sprechen der Sprache*), найти свое место в этом «говорении». Современный язык, языкознание, которое не хочет считаться с глубокомыслием Хайдеггера, — все это, равно как всеобщая технизация жизни, ведет к разрушению подлинного отношения к языку, человек перестает вслушиваться в *Gelaut der Stille* — «в колокольный звон тишины». Итак, обсуждать язык, — полагает Хайдеггер, — означает сделать так, чтобы мы оказались в том месте, где проявляется сущность языка. Но в чем же она заключается? Вот тут-то Хайдеггер опять обнаруживает блестящие образцы глоссоморфного мышления (термин австрийского психолога Ф. Кайнца). «Язык сам и есть: язык и ничего, кроме того»³⁵³. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что такой ответ не может удовлетворить логически тренированный, а потому «все просчитывающий и надменный» разум, Хайдеггер предпринимает попытку прояснить смысл с помощью самопредикативных, тавтологических высказываний: «Язык есть: язык. Язык говорит. Если мы упадем в ту пропасть, которую обозначает это предложение, то это не будет падением в пустоту. Это будет падением ввысь»³⁵⁴. Настойчивые повторения в ритмизированной прозе положений о том, что «язык

---

³⁵² Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н. О. Избранное. М., 1991. С. 224.

³⁵³ Heidegger M. *Unterwegs zur Sprache*. 9. Aufl. Stuttgart, 1990. S. 12.

³⁵⁴ Ibid. S. 13.

говорит», что это говорение мы находим в уже высказанном, (но там, в этом высказанном, говорение «сокрыто»), что говорение (sprechen) предполагает слушание и «вслушивание» (horigen), что молчание (но не немота как патологическое состояние) и есть высший вид «говорения», что выражение и сообщение вовсе не суть главные или, положим, основные функции языка, что к языку нужно пробиться, что необходим «путь к языку», что без наших усилий мы не можем надеяться на то, что мы «уже находимся вблизи от языка», обладают немалым суггестивным потенциалом. Об этом свидетельствует большое число эпигонов, пытавшихся и пытающихся поныне найти у Хайдеггера ответ на вопрос о сущности мышления и языка. «Как Гегель, так и Хайдеггер, — отмечает В. И. Молчанов, — атакуют читателя при помощи созданных ими особых языковых средств, и большинство из тех, кто не выдерживает атаку, начинает говорить на их языке»³⁵⁵.

Структуры языкового сознания и языковой личности философа, как они проявляются в языковой технике подобного рода, а также стремление к языковой архаике, к диалекту, к «геологическим» методам «вскрытия»³⁵⁶ и остранения смыслов, к ревизии философского языка, могут быть правильно усвоены при условии, что мы поймем те сверхзадачи, которые перед собой ставил Хайдеггер. Ни Бытие, ни его Язык не могут, если правильно понять Хайдеггера, быть просветлены обычными рациональными средствами. Это Витгенштейн мог думать, что язык представляет собой некую *клавиатуру*, определенное *исчисление*, характеризующее действиями, совершаемыми с ним³⁵⁷. Для Хайдеггера же логические и лингвистические исследования языка, давая определенные сведения о нем, не приближают нас к его сущности. Возможен и нужен ли вообще какой-то путь к языку? «Путь к языку — это звучит так, как если бы язык лежал далеко от нас, где-то в таком месте, для достижения которого мы сначала должны отправиться в путь» — рассуждает мыслитель³⁵⁸. Нужно ли пускаться в путь,

---

³⁵⁵ Молчанов В. И. Философия Хайдеггера и проблема сознания // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 154.

³⁵⁶ Подорога В. А. Egestio: Геология языка и философствование М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.

³⁵⁷ Wittgenstein L. Philosophische Grammatik. Fr. a. Main, 1973. S. 192—193.

³⁵⁸ Heidegger M. Unterwegs zur Sprache. 9. Aufl. Stuttgart, 1990. S. 241.

чтобы добраться туда, где мы и так уже есть? Но действительно ли мы, безо всяких усилий с нашей стороны, уже в языке? Или же это самый долгий и трудный путь?³⁵⁹ В силу всего сказанного «путь к языку» предполагает погружение в него, чуткое вслушивание, проникновение в его суть, доходящее до слияния с ним, и тогда язык превращается в жилище «человеческого бытия» (*Behausung des Menschenseins*), тогда «сущность человека покоится в языке» (*beruht das Menschenwesen in der Sprache*).

Думается, что все усилия Хайдеггера в области языковой техники, и следовательно, базовые доминанты его ЯС и ЯЛ, могут быть поняты адекватно, если принять, что они направлены на создание особой формы феноменологической редукции, в процессе которой элиминируется все «очевидное», «неподлинное» в языковом мышлении и сознании — в первую очередь, и в сознании вообще — во вторую. В этом отношении его словесная техника остранения и перепаковки смыслов напоминает словесную технику адептов дзенбуддизма³⁶⁰. Организуя определенным образом поток своего сознания и пытаясь вовлечь в него слушателя и читателя, Хайдеггер, по всей вероятности, временами достигал соприкосновения с великим Ничто, которое и есть Бытие. Неслучайно в Токио есть гимназия имени Хайдеггера, торцовую стену которой украшают иероглифы со значением «Ничто».

**Философия сознания —
философия языка —
философия сознания**

Философия XX века началась как философия сознания. Более того: альтернатива «философия сознания» или «философия языка», которая и по сей день представляется вполне осмысленной многим философам, в начале века показалась бы бессмысленной. Несмотря на ясно ощущавшиеся многими исследователями кризисные явления в философии рубежа веков, все-таки господствовало стремление сохранить целостность философского знания. «Философия языка» конца XIX — начала XX века представляла собой скорее раздел

³⁵⁹ Ibid. S. 242.

³⁶⁰ Григорьева Т. П. Дао и Логос: Встреча культур. М., 1992. С. 260—275.

языкознания (Вундт, Марти, Маутнер, Ипсен). В этом смысле очень характерны работы Дильтея и Гуссерля. У первого «теория выражения» предстает как необходимая составная часть «философии жизни», а жизнь понимается как единство «самости» (*das Selbst*) и «мира»; часто употребляющееся Дильтеем выражение «мир и жизнь» представляет собой не сумму двух отдельных понятий, но является изначально единым понятием и используется для характеристики высшего единства, для которого не существует более точного обозначения. Позднее, в третьем томе «Философии символических форм» Кассирер говорит о «едином потоке жизни и мысли» в сознании человека, имея в виду приблизительно то же самое. У Гуссерля теория значения в первой части второго тома «Логических исследований» есть неотъемлемая часть исследования разума, сознания, мышления. В дальнейшем мы видим, что философия XX века в некоторых случаях стремится сохранить внутреннее единство знания, при котором философия сознания и философия языка образовывали бы сравнительно непротиворечивое единство (немецкая философская антропология, поздняя феноменология) при преобладании проблематики гносеологического и когнитивного порядка.

Философия языка как таковая, продолжившая традиции Бэкона, Гоббса, шотландской школы, Больцано, Милля, долгое время полагала, что природу не только языка, но и коммуникации, понимания можно представить достаточно непротиворечиво и полно изучая все, кроме сознания. Справедливо отмечается, что решающим обстоятельством, заставившим обратиться к проблемам ментального, сознания явились не чисто научные, а практические вопросы, связанные с тем, что «классическая» философия языка, замкнутая на логико-лингвистический понятийный аппарат, оказалась довольно неэффективной для создания моделей искусственного перевода, создания баз знаний — более широко для решения задачи в области искусственного интеллекта³⁶¹.

В этом нет ничего удивительного, ведь не только большая часть используемых нами знаний имеет невербальный характер (или же вербализуется лишь частично, неполно), но и само зна-

---

³⁶¹ Петров В. В. От философии языка к философии сознания // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 2.

ние о языке — пусть это звучит парадоксально — также невербально, в лучшем случае слабо вербализовано.

Здесь мы фиксируем первую антиномию сознания: способ, которым язык представляет мир, является расширением и реализацией способа, посредством которого сознание представляет мир. Но репрезентация мира в сознании не только первична, но никогда не может быть исчерпывающе передана с помощью языка. С этим связана вторая антиномия сознания: оно целостно и в значительной степени замкнуто в себе (*ensumismomiento* Ортеги-и-Гассета), но одновременно оно, «пребывая у себя» (*Bei-sich-sein* Гегеля, *chezsoi* Левинаса), обращено к Другому, а в силу этой коммуникативной потребности оно способно к выражению себя в расчлененных формах. С середины 1960-х годов об этом начали говорить в терминах аналогового и дигитального кодирования³⁶², а затем в широкий научный оборот вошли данные о межполушарной асимметрии, которые очень наглядно продемонстрировали, что 1) наиболее важные, смысловые механизмы сознания имеют как раз невербальный характер и 2) каждое полушарие и соответствующие ему механизмы сознания, мышления и языка имеют иерархический характер³⁶³. Следовательно, речь должна идти не просто о «правом» и «левом», «образном» и «условно-знаковом», «аналоговом» и «дигитальном», но и о ступенях этой аналоговости и дигитальности, т. е. «Нечет» и «Чет» оказываются в известной степени взаимопосредованными.

Третья антиномия сознания, на которую мы хотели бы здесь указать такова: сознание одновременно субъективно и интерсубъективно. Субъективность сознания со времен Декарта представляется первичной, но как раз философия XX века в лице многих своих представителей настаивает на первичности интерсубъективности. Во многих течениях психологии интерсубъективность также принимается в качестве исходного пункта психического развития. Антиномия субъективности — интерсубъективности тесно связана, на наш взгляд, с антиномией некоммуникативности — коммуникативности сознания. С одной стороны, сознание «погружено в себя», обладает уверенностью «*cogito*», с другой же, как это уже

³⁶² *Wilden A. Analog and digital communication // Semiotica. 1972. № 6.*

³⁶³ *Глезерман Т. Б. Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии. Афазия и интеллект. М., 1986.*

ясно понимал Гегель, а вслед за ним Фейербах и Маркс, оно всегда обращено к иному сознанию, не только ищет во внешнем мире коммуникативные средства, но и способно создавать их само. Антиномичность, противоречивость, многосторонность сознания является, на наш взгляд, основной причиной, обусловившей в XX веке многообразие подходов к его исследованию.

Четвертая антиномия такова: сознание одновременно дискретно и непрерывно («поток сознания»). Пятая: сознание не есть сумма некоторых частей (психических функций, процессов, свойств), в то же время они достаточно легко выделяются из структуры сознания. Шестая антиномия касается ситуативности — надситуативности сознания. Сознательный опыт всегда одновременно связан с конкретной переживаемой и осмысляемой ситуацией и всегда в значительной степени надситуативен. Седьмая антиномия связана с непосредственностью и опосредованностью сознания. Оно всегда непосредственно как сознание чего-либо и всегда опосредовано (опытом, структурированным с помощью эталонных образов переживания, оценки, восприятия, знаковыми средствами).

В настоящее время, как это отмечено в цитированной работе В. В. Петрова, отмечается тенденция перехода от философии языка к «философии сознания». Мы взяли это выражение в кавычки, потому что в действительности речь идет по меньшей мере о нескольких разных явлениях. Англо-американская *Philosophy of mind*, что обычно переводят как «философия сознания», занимается главным образом теми же механизмами сознания, которые отвечают за интенциональность, значение, смысл. Причем только в последнее время стали осознавать невербальную природу большинства этих процессов. Для советских исследователей конца 1980-х годов стало настоящим откровением, что в качестве методологической основы обсуждения этих вопросов были использованы идеи Хайдеггера и Гадамера³⁶⁴. Важное место в рамках этого направления занимает теория интересубъективности³⁶⁵, причем вполне очевидна тенденция к синтезу двух основных подходов — аналитического и феноменологического.

---

³⁶⁴ Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М., 1996.

³⁶⁵ Feather H. Intersubjectivity and contemporary social theory. The everyday as critique. Ashgate, 2000.

То, что развивается в последнее десятилетие под именем *Philosophy of consciousness*, представляет собой аналитически ориентированное направление, где основное внимание уделяется качественным характеристикам сознания, обсуждению вопросов о возможности сознательного опыта, нейропсихологическим аспектам и в очень незначительном объеме проблемам языка³⁶⁶. Кроме того, разумеется, продолжают существовать и феноменологические и философско-антропологические работы в области исследования сознания. По нашему мнению, философия и психология XX века подготовили условия (по меньшей мере — материал) для некоторого синтеза в области философии сознания. Одновременно рост знания вширь, разделение его на школы и направления, необходимость овладения даже не столько знанием, сколько специальными языками и процедурами каждой из школ и подшкол, прежде чем можно будет приступить к синтезу, затрудняет дальнейшее продвижение в этой области.

---

³⁶⁶ *Conscious experience*. Paderborn, 1995.

Глава III

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ГЛОБАЛЬНАЯ ДИСКУРСИЯ

О знаковом и языковом сознании

Вынесенная в заголовок тема может вызвать некоторое недоумение — разве сознание не является знаковым или языковым *per definitionem*? Действительно, представление о том, что язык (или, более широко — знак) является коррелятом сознания, а не только мышления³⁶⁷, завоевывает все больше сторонников. Связь знаков и знаковых операций с той подструктурой сознания, которую принято называть «мышлением», ближе, по выражению Л. М. Веккера, к «феноменальному фасаду» сознательных процессов. Вместе с тем развитие исследований в области соотношения сознания и бессознательного, изучение так называемых «индивидуальных семантических пространств», «языков мысли»³⁶⁸, различных уровней процесса порождения речи и соотношения процесса речепроизводства с различными уровнями когнитивной и эмоциональной организации психики дает основание полагать, что те явления, которые в гносеологии, психологии, лингвистике носили обобщенное название «неразрывной» связи языка и мышления, по меньшей мере на порядок сложнее, чем представлялось, скажем, двумя десятилетиями ранее.

Не имея возможности разбирать здесь всю проблематику взаимосвязи языка — мышления — сознания, мы ограничиваем свою задачу анализом одного, но достаточно специфического среза сознания — знакового, или языкового сознания. Сама проблематика языкового сознания в том понимании, которое будет очерчено ниже, одновременно и нова, и стара. Фактически, все развитие, философии языка — от античности до наших дней — являет собой размышление над природой языкового сознания³⁶⁹. Однако

---

³⁶⁷ *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. М., 1982. Т. 1. С. 165.

³⁶⁸ *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1986. С. 184—210.

³⁶⁹ *Леонтьев А. А.* Генезис семантической теории: античность и средневековье // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 5—22.

чем можно объяснить усиливающийся интерес к исследованию не просто механизмов номинации, предикации, языкового (более широко — знакового) опосредования процесса познания, уровней интенциональности в речевой деятельности и т. п., но именно языкового сознания? Чем объяснять, например, что с 1977 г. по 1987 г. было опубликовано всего несколько работ, где вполне эксплицитно³⁷⁰ ставилась проблематика языкового сознания³⁷¹, а в 1988 г. состоялась специальная всесоюзная встреча ученых разных специальностей и появился ряд публикаций³⁷². Примечательно, что ни в публикациях к симпозиуму, ни в устных выступлениях ведущих специалистов не было, на наш взгляд, достигнуто достаточно глубокого понимания исследуемого явления.

Мы полагаем, что усиление интереса именно к языковому сознанию как особому срезу, уровню сознательного опыта в целом связало со стремлением проникнуть в глубинные основания процесса осознания действительности. Что касается тех трудностей, которые выявились в ходе обсуждения непосредственно «языкового сознания», то они, по нашему мнению, прежде всего связаны со слабой разработкой концептуального, а следовательно, прежде всего — философского аппарата исследования сознания.

Если сознание являет собой свойство человеческого индивида, включенного в общественные связи, в них формируемого, то это в свою очередь задает целый ряд его свойств: субъектность, коммуникативность, интенциональность, рефлексивность, способность к целеполаганию, внутреннюю диалогичность, способность к саморегуляции³⁷³. Одним из важнейших моментов деятельности сознания выступает его расчлененность и систем-

---

³⁷⁰ Подчеркнем еще раз: имплицитно проблематика языкового сознания ставилась и будет, очевидно, ставиться в специальной литературе без обращения к соответствующим терминам.

³⁷¹ Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые проблемы взаимосвязи языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4; Мейзерский В. М. Структура языкового сознания // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев, 1980; Чутина Г. А. Принцип деятельности и язык. Красноярск, 1987.

³⁷² Языковое сознание. М., 1988; Языковое сознание: Стереотипы и творчество. М., 1988.

³⁷³ Кармин А. С. Атрибуты сознания // Генезис, структура и функции индивидуального сознания. Иваново, 1988. С. 84—88.

ная упорядоченность. В этой связи Н. И. Чуприкова предлагает говорить о структурной форме сознания. В ее понимании, это более или менее упорядоченная отражательно знаковая система, «это структуры долговременной семантической памяти»³⁷⁴. В самом общем виде структурный аспект сознания можно связать с функционированием моделей «образа мира» в том смысле, в котором это понятие разрабатывается в школе А. Н. Леонтьева³⁷⁵.

Наряду с этим следует выделить также и динамическую форму сознания. Динамический аспект сознания — это именно отдельные акты осознания внутренних и внешних впечатлений, акты объективации. Во французской философской и психологической терминологии это обозначается очень удачным термином «prise de conscience» (русский термин «осознание» и немецкий «Bewußtwerdung» передают момент направленной акциональности лишь приблизительно). Разумеется, в реальной психической жизни можно лишь с определенной долей условности говорить об «отдельных актах». Если человек не потерял сознание, то окружающее всегда осознается им на том или ином уровне. Вместе с тем интенциональные акты сознания, в значительной мере «останавливающие» поток сознания, объективирующие те или иные моменты действительности, направляющие нашу мысль как на внешние объекты, их связи, отношения и т. п., так и на наши собственные переживания и мысли, давно известны и изучаются в науке. Тем не менее динамический аспект сознания как-то уходит на задний план в современных представлениях о структуре сознания — гораздо большее внимание уделяется отражательной стороне. Разумеется, этот аспект всегда *по меньшей мере подразумевается*³⁷⁶. В последнее время делаются попытки непосредственного включения интенционального момента в число «образующих» сознания. Так,

³⁷⁴ Чуприкова Н. И. Психика и сознание как функция мозга. М., 1985. С. 150.

³⁷⁵ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975; Леонтьев А. Н. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983; Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983; Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988; Смирнов С. Д. Психология образа: Проблема активности психического отражения. М., 1986; Стеценко А. П. Понятие «образ мира» и некоторые проблемы онтогенеза сознания // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1987. № 3.

³⁷⁶ Забродин Ю. М., Потемкина О. Ф., Рубахин В. Ф. Слоино-ступенчатая модель переработки информации человеком // Когнитивная психология. М., 1986.

В. П. Зинченко предложил включить в число «образующих» наряду с чувственной тканью сознания, значениями и личностными смыслами также и биодинамическую ткань движения³⁷⁷. Однако, как верно отмечает С. Д. Смирнов, биодинамическая ткань сама должна быть как-то отражена и войти в состав чувственного образа в качестве одной из его составляющих. Кроме того, достаточно очевидно, что во многих случаях интенциональность трудно связать непосредственно с предметно-практическим действием. Как показал Д. И. Дубровский³⁷⁸, чрезмерное внимание к предметно-практической стороне (компоненту) психической жизни может приводить и действительно приводит к своеобразным видам редукционизма, когда непосредственно пытаются вывести из действия то, что из него таким образом не выводится. На наш взгляд, это связано с подменой понятия *деятельности* понятием предметно-практического *действия*. Эта логическая ошибка очень распространена. Нам представляется, что ее истоки коренятся в положении о ведущей роли предметно-практического действия на ранних этапах развития психики. Это положение само по себе бесспорно. Но когда под предметно-практическим действием подразумевается именно *деятельность* человека, это существенно затрудняет исследование сознания.

Более пятидесяти лет назад Л. С. Выготский сформулировал очень интересную мысль, позволяющую при ее правильной экспликации преодолеть ряд методологических трудностей. Приведем ее: «Каждой определенной ступени в овладении силами природы необходимо соответствует определенная ступень в овладении поведением, в подчинении психических процессов власти человека. Активное приспособление человека к среде, изменение природы человеком не может основываться на сигнализации, пассивно отражающей природные связи всевозможных агентов. Оно требует активного замыкания такого рода связей, которые невозможны при чисто натуральном, т. е. основанном на природном сочетании агентов, типе поведения. Человек вводит искусственные стимулы, сигнифицирует поведение и при помо-

---

³⁷⁷ Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983.

³⁷⁸ Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. М., 1980. С. 138—142.

щи знаков создает, воздействуя извне, новые связи в мозгу»³⁷⁹. Выготский говорит в этом контексте о «принципе сигнификации» как способности активно воздействовать на собственное поведение и познание с помощью знака. Часто ученого упрекают в том, что он отрывал значение от знака и не понимал, что управляет поведением не знак сам по себе, а его идеальное содержание. Нам представляется, что эти упреки не обоснованы. Во-первых, Выготский хорошо понимал и исследовал роль значения в психической жизни. Во-вторых, им была достаточно определенно намечена линия исследования именно знака как средства регуляции психики: «Социальная жизнь создает необходимость подчинить поведение индивида общественным требованиям и наряду с этим создает сложнейшие сигнализационные системы — средства связи, направляющие и регулирующие образование условных связей в мозгу отдельного человека»³⁸⁰.

Фактически Выготский в очень ясной форме выразил то, что имплицитно содержалось в работах ряда исследователей роли знаков в психической жизни, работавших параллельно с ним и позже. Мы имеем в виду прежде всего Х. Вернера, Ж. Пиаже, А. Валлона, из исследователей следующего поколения — Дж. Брунера, Э. Бэйтс. Несколько особняком стоят Ч. Моррис и Дж. Мид, хотя в последнее время на Западе часто пытаются осуществить некоторый синтез прагматической семиотики Дж. Мида и Ч. Морриса с идеями Выготского об инструментальной функции знака³⁸¹. Следует иметь в виду, что, говоря об *аналогии* между знаком и орудием, Выготский хорошо представлял себе опасность их буквального отождествления, стирания глубочайших различий между тем и другим, растворения в общем психологическом определении специфических, отличительных черт каждого вида деятельности³⁸².

Л. С. Выготский шел гораздо дальше простых аналогий между орудием и знаком, подчеркивая особое место, занимаемое знаком в психической жизни, и вместе с тем указывая на

³⁷⁹ Выготский Л. С. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3. С. 82.

³⁸⁰ Там же. С. 83.

³⁸¹ Sommerfeld R. Evolution, Kommunikation, Sprache. Versuch einer Synthese ethologischer und linguistischer Semiotik. Munchen, 1980.

³⁸² Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 3. С. 87.

изменение функций знака в онтогенезе. Вначале, как он совершенно верно отмечал, речь выступает как «словесный слепок деятельности или ее частей», *отражает* действие, на позднейшем этапе — начинает «сдвигаться к началу действия, прогнозировать и направлять действие, формируя его в соответствии со слепком прежней активности, который ранее был зафиксирован в речи»³⁸³. Фактически Л. С. Выготский наметил контуры теории развития сознания, предполагающей ответ на вопрос, как человек проходит путь по той лестнице, которая «начинается примитивными реакциями взора ребенка и завершается сложной деятельностью, планируемой во времени»³⁸⁴.

Нам представляется крайне важной мысль Л. С. Выготского о роли знака (прежде всего — речевого) в регуляции и саморегуляции психической жизни. Думается, что наука сейчас только начинает находить подступы к этому явлению. А. Ф. Лосев, характеризуя знак (в его терминологии — «символ»), прозорливо и точно определяет его как «функцию действительности», «способную включать в себя бесконечный ряд членов, как угодно близко или далеко отстоящих друг от друга и могущих вступать в бесконечно разнообразные структурные объединения», «отражение действительности, вскрывающее смысл отражаемого», «интерпретацию действительности» и «преобразование действительности»³⁸⁵. Но, будучи всем этим, вбирая в себя все эти отражательные моменты, знак — в силу того, что он рождается *интерпсихически*, из взаимодействия сознаний, впитывает в себя и деятельностные программы. Точнее, в данном случае, как, впрочем, всегда, когда говорят «знак», «символ», «язык», речь идет об использовании знаков и языков для фиксации деятельностных программ. В силу этого «поэтическое пространство», о котором вслед за Л. Прието пишут Б. Ф. Ломов, М. В. Гамезо и В. Ф. Рубахин³⁸⁶, предстает не только как пространство значений, но и как превращенная форма предметного действия и деятельности в сознании человека.

---

³⁸³ Там же. М., 1984. Т. 6. С. 35.

³⁸⁴ Там же. С. 36.

³⁸⁵ Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 214.

³⁸⁶ Ломов Б. Ф., Гамезо М. В., Рубахин В. Ф. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977.

Используя представления о структуре сознания, выработанные в отечественной науке, мы полагаем необходимым вслед за А. Н. Леонтьевым, А. А. Леонтьевым, В. П. Зинченко, С. Д. Смирновым и рядом других авторов включать в число образующих сознания его чувственную ткань, значения и смыслы. Есть основания вслед за В. П. Зинченко рассматривать и биодинамическую ткань значения в качестве образующей сознания³⁸⁷. Принципиально новым нам представляется введение в анализ сознания представления о событийно-деятельностном и рефлексивном слоях сознания, что, в частности, позволяет отказаться от «классического» деления явлений сознания на «низшие» и «высшие». До сих пор любые уровневые модели сознания³⁸⁸ так или иначе следовали схеме, сложившейся в XVIII в., — сознание начинается с недифференцированных ощущений, а венцом его выступают операции рассудка и разума. Мы не будем останавливаться здесь на историко-философских и историко-психологических аспектах вопроса о структуре сознания. Отметим лишь, что в науке наблюдается отчетливо выраженная тенденция к созданию *динамических* моделей сознания, учитывающих движение, взаимопереходы, «диалогизм» отдельных образующих сознания и вместе с тем его целостность, интегрированность³⁸⁹.

Представления о целостности и отказ от противопоставления «низшее — высшее» в структуре сознания отнюдь не исключают выделение генетически более ранних механизмов и средств сознания, а, наоборот, прямо предполагает это при условии, что генетически более раннее не приравнивается к «низшему», «архаическому» и т. д. Целостно-динамический подход к сознанию подразумевает, что в зависимости от конкретных условий деятельности, реальных жизненных задач могут быть эффективно использованы все механизмы и средства сознания в той констелляции, которая будет наиболее эффективна для данных условий и для данной личности.

---

³⁸⁷ Зинченко В. П. Проблема «образующих» сознания в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1988. № 3; Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11.

³⁸⁸ Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982.

³⁸⁹ Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1976. Т. 2; Л., 1981. Т. 3; Мутькин А. А. Системная организация зрительных функций. М., 1988.

Что же следует понимать под «знаковым сознанием»? Мы определяем знаковое сознание (ЗС) как особый срез сознательно-го опыта, непосредственно связанный с усвоением, знанием и употреблением правил и норм использования знаков и знаковых выражений и операций, выражением сознательного опыта с помощью знаков и текстов и перекодированием одних знаковых выражений в другие. Мы предпочитаем использовать выражение «знаковое сознание», так как оно позволяет снять вопрос о том, всякие ли знаковые системы образуют язык³⁹⁰.

Психологическим и, очевидно, также и психофизиологическим основанием ЗС выступает то, что получило в науке название знаковой, или символической (семиотической), функции и функционального базиса речи. Ж. Пиаже и А. Валлон, которые ввели представление о *семиотической* функции (СФ), а также Х. Вернер, Б. Каплан, Э. Бэйтс и ряд других авторов, развивших их идеи, имели в виду, что определенный уровень развития интеллекта и общения приводит к появлению способности моделировать, отображать, позднее — обозначать словом явления внешнего и внутреннего мира. Ж. Пиаже считал, что и речевые знаки, и изобразительная деятельность, и отсроченное подражание, и произвольное воображение-мечтание покоятся на общем фундаменте — генетически они восходят к дифференциации и одновременной интериоризации подражания. Ж. Пиаже указывает на частичное взаимопересечение «фигуративных» и «семиотических» модусов представления действительности в сознании — восприятие имеет *черты* знаковости, а знаки, в том числе и национальный язык (НЯ), могут обладать иконическими свойствами³⁹¹.

А. Валлон более осторожен. Он пишет: «...ведет ли прямая преемственность от подражания к представлению, от изображения к символической мысли? Так ставить проблему — значит ставить ее в слишком узком плане». Ответ, который дает А. Вал-

---

³⁹⁰ О критериях различения языка и неязыка см.: *Майданов А. С.* Принцип отражения и проблемы семиотики // Вопросы философии. 1977. № 1; *Dialogues on the psychology of language and thought.* N. Y., 1983.

³⁹¹ *Пиаже Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. М., 1983; *Валлон А.* От действия к мысли. М., 1966; *Бэйтс Э.* Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. М., 1984.

лон, таков: представление «занимает свое место в цепи, в которой следуют одни за другими заместители вещей, дающие возможность тем лучше манипулировать ими, чем более они сами подготовлены к манипулированию умственными операциями... Слова являются не начальным и конечным элементом, а, наоборот, только действием. Существование их в известной мере случайно, основой является функция, дающая возможность замещать реальное содержание намерениями или мыслями, а образы, выражающие его, — знаками, жестами или даже объектами, не имеющими другого отношения к ним, кроме действия, через которое устанавливается связь»³⁹².

Представление о функциональном базисе речи, разрабатываемое И. Н. Гореловым³⁹³, характеризует, по нашему мнению, то же самое явление в другом отношении — не с точки зрения удвоения реальности и превращения одной ее части в заместитель другой, но с позиции изучения внутренних механизмов, на которые «ложится» знак. Это же предполагает кроме сформулированности внутреннего языка мысли также и наличие операций соотнесения «знакового» слоя с этим языком (или языками)³⁹⁴. Именно в таком случае можно говорить о начальных этапах развития сознания. Вообще гносеологический смысл понятий СФ и функционального базиса речи еще предстоит по-настоящему раскрыть. Нам представляется, что правильная философская экспликация этих понятий позволит окончательно избавиться от гносеологических схем XVIII в., согласно которым «рациональное познание» непосредственно надстраивается над «чувственным». Такого рода представления и заставляли не одно поколение философов языка замыкаться при поиске значения тех или иных выражений в рамках самого языка и искать все более мелкие «атомы» значений³⁹⁵ с помощью все более изощренных операций, или же объявлять их «врожденными»³⁹⁶.

---

³⁹² Валлон А. От действия к мысли. М., 1966. С. 187, 189.

³⁹³ Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин, 1987.

³⁹⁴ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1986.

³⁹⁵ Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы»: Введение // Семиотика. М., 1983. С. 225—252.

³⁹⁶ Fodor J. The language of thought. Cambridge, 1975.

В ЗС можно выделить ряд структур, различающихся своими генетическими и функциональными характеристиками и способами связи с образующими сознания. По необходимости наш анализ в данном случае будет предельно сжатым.

Прежде всего укажем на наличие генетически первичных и «надстроечных» знаков. В первом случае имеются в виду непроизвольные мимика, жестика и фонация, по нашему мнению, детерминированные генетически. В онтогенезе они способны к самореализации, представляя собой относительно автономную структуру. При нормальной социализации ребенка они ложатся в фундамент речи, отчасти интегрируясь в нее полностью, отчасти же образуя постоянный и необходимый компонент речи — невербальные компоненты коммуникации (НВК). Однако, как становится все более ясно по мере развертывания исследований невербальной коммуникации, средства НВК далеко не так однородны в генетическом и функциональном отношении, как казалось раньше. Определенная часть НВК, если так можно выразиться, «первичнее», они, в частности, по своему происхождению однозначно связаны с подкоркой. Тем самым они более универсальны и понятны вне зависимости от знания лексико-грамматической системы данного НЯ. В этой связи Ф. В. Бассин, подводя итоги многолетних исследований, отмечает, что лишь сравнительно недавно «удалось понять, что эмоциональный аспект речи имеет свой дискретный "алфавит", что его активность опирается на определенные (преимущественно правополушарные) мозговые системы и что по мощи своего воздействия на поведение и психику, а также по своему "филогенетическому" возрасту он не только не уступает аспекту содержательному, но в некоторых случаях его даже значительно превосходит». Как показывают результаты многих экспериментов, отмечает Ф. В. Бассин, высшие животные «реагируют даже на предельно тонкие и сложные нюансы этого языка»³⁹⁷. Добавим, что овладение языками такого уровня, связанного прежде всего с нереллексированными уровнями субъективности, не требует полноценного развития сознания, с другой стороны, — усвоение эмоциональных средств общения первоначально выступает как фундамент дальнейшей социализа-

---

³⁹⁷ Бассин Ф. В. О современном кризисе психоанализа // Шерток Л. Непознанное в психике человека. М., 1982. С. 22.

ции личности. Но и в развитом сознании такие знаковые средства в большей части остаются на достаточно интуитивном уровне употребления, связаны с бытийными, слаборефлексируемыми уровнями субъективного мира.

В процессе социализации НВК часть из них превращается в произвольно управляемые знаки для выражения содержания создания. С точки зрения структуры семиозиса и тем самым в конечном счете в отношении к динамике знаково-мыслительной деятельности можно выделить следующие типы НВК: 1) аналоговые НВК: изменения в обозначаемом, а им, как правило, выступает эмоциональное состояние, влекут за собой градуальные изменения в параметрах означаемого (более интенсивные фонация, мимика, жестикация и т. п.); 2) иконические НВК: невербальный знак (обычно жест или комбинация жестов, но возможны и фонация, мимика) изображает, моделирует — одним словом, отображает предметы, о которых идет речь; 3) индексальные НВК: указательные жесты и их эквиваленты; 4) НВК условно-конвенционального характера, связанные с обозначаемым чисто условной связью. Все эти типы НВК могут быть предметом сознательного контроля, произвольно воспроизводиться. Они, как показал, например, И. Н. Горелов, регулярно моделируются в текстах художественной литературы. В реальном общении кроме выразительной функции они берут на себя, как представляется, также функцию ориентирования коммуникантов относительно принадлежности той или иной культурной среде. Ю. Д. Сорокин пишет в этой связи о «кинезикипроксемической форме сознания», имея, в виду знания о принятых в данном обществе правилах употребления жестов, ритуалах, нормах расстояния, между общающимися³⁹⁸.

Заметим, что в обществе всегда используются и другие невербальные знаки, призванные ориентировать коммуникантов относительно национальной принадлежности, культурного и социального статуса. Это могут быть как относительно простые знаки, типа намеренно выставляемых напоказ товарных знаков используемых в быту предметов, так и достаточно сложные действия, имеющие целью продемонстрировать принадлежность к определенной общно-

---

³⁹⁸ Сорокин Ю. А. Формы сознания и его многослойность // Языковое сознание. М., 1988. С. 16.

сти. При этом следует иметь в виду, что знаковое сознание обычно различает, идет ли речь о намеренном, подчеркнутом сообщении или тот или иной аспект поведения является не знаком, а лишь признаком, т. е. он не интенционален, не производится намеренно с целью обозначения некоторых содержаний сознания. Несколько парадоксально в данном случае то обстоятельство, что часто люди, использующие те или иные невербальные знаки, например, прически, манеру поведения и т. п., не вполне отдают себе отчет в том, с какой целью они это делают. Ясное осознание подменяется обычно переживанием чувства принадлежности к некой общности, к «ним», к «таким же, как я», что выступает как один из механизмов духовной консолидации. Хорошо известно, что многие социально значимые чувства и переживания тесно связаны в сознании с совершенно определенными невербальными знаками, например, с флагами, гербами, формами приветствий. В силу этого любые манипуляции в присутствии зрителей с такого рода знаками превращаются в коммуникативные акты (ср.: подъем флага, спуск флага, сжигание флага).

Нередко высказывается мнение, что одним из важнейших психосемиотических механизмов сознания является «диалог полушарий», или, точнее, знаковых систем, соотносимых с ними (невербальных знаков, более широко — всех видов иконических знаков, для правого полушария и «абстрактных», «конвенциональных» знаков — для левого)³⁹⁹. Предполагается, что взаимодействие диалогического типа этих двух подсистем должно обеспечить более высокий уровень творческой активности мозга, мышления и культуры. О взаимодействии языков и кодов культуры говорит и известный семиотик и культуролог У. Эко. По его мнению, «борьба» («schermo» буквально означает «фехтование») языков ведет к появлению новых смыслов в художественной культуре.

Такого рода представления, обладая определенным эвристическим потенциалом, нуждаются в дальнейшем углублении. Во-первых, по мере роста наших знаний о механизмах мозговой

---

³⁹⁹ См., напр.: *Иванов Вяч. Вс.* Художественное творчество, функциональная асимметрия мозга и образные способности человека // Текст и культура. Вып. 16. Тарту, 1983; *Лотман Ю. М.* Асимметрия и диалог // Там же; *Его же.* Культура и текст как генератор смысла // Кибернетическая лингвистика. М., 1983.

локализации разных типов знаков становится ясно, что дихотомия «вербальное — невербальное» или «абстрактное — образное» не может быть прямо соотнесена с мозговой асимметрией. Это относится, в частности, к типичным НВК — узнавание лиц и понимание их выражения, тембральные и тональные характеристики голоса однозначно соотносятся с правым полушарием, тогда как ритмические и временные характеристики речи, понимание значений движений тела и рук — с левым⁴⁰⁰. Во-вторых, ряд семиотических систем (например, национально-культурную символику, цирк, карнавал и пр.) трудно однозначно соотнести с «левым» или «правым» модусом репрезентации⁴⁰¹.

В-третьих, и это представляется нам наиболее существенным, языки, коды, знаки отнюдь не сами по себе вступают во взаимодействие. В индивидуальном сознании, как и в духовной жизни общества, это взаимодействие по большей части происходит как бы неосознанно. Однако в конечном итоге они приводят к движению деятельностью людей и порождающими этой деятельностью знаниями, чувствами, эмоциями, убеждениями, переживаниями и т. п. Потребность в формировании новых значений и смыслов, в переведении их с бытийного уровня на рефлексированный, в развитии знакового инструментария мира человеческих профессий двигала и будет двигать процесс развития культуры и вместе с ним и развитие ее знаковых средств.

В этом смысле можно говорить о знаковом сознании отдельных эпох. Оно находит свое воплощение как в знаках культуры, так и в эстетических трактатах, манифестах отдельных эстетических течений и т. п. Оно, в числе прочего, включает представление о границах знакового (в разных культурах они могут быть неодинаковы), о принятых в данной культуре типах знаков, о нормах обращения с ними (оценке знаков, операциях со знаками, включая правила их перекодировки друг в друга)⁴⁰².

---

⁴⁰⁰ Benowitz L., Bear D., Mesulam M., Rosenthal R., Zaidel R., Sperry R. Contributions of the right hemisphere in perceiving paralinguistic cues // Cognitive constraints on communication. Dordrecht, 1984.

⁴⁰¹ Eco U., Ivanov V. V., Rector M. Carnival! // Approaches to semiotics. Vol. 64. Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1984.

⁴⁰² См., напр.: Хейзинга Й. Осень средневековья. М, 1988; Штейнер Е. С. Иккю Содзюн: Творческая личность в контексте средневековой Культуры. М., 1987.

В заключение можно провести следующую параллель между семиотическими механизмами индивидуального и общественного сознания. В детстве, когда идет активнейший процесс становления всех компонентов сознания, ребенок исключительно восприимчив к разным знаковым системам, уделяет огромное внимание рисованию, которое, видимо, выступает средством не только овладения визуальными значениями, но и визуализации личностных смыслов. В более зрелом возрасте существенный прогресс в овладении новым знанием или порождении нового нетривиального знания также связан с умением адекватно использовать знаковые средства. Исключение из семиотической системы сознания личности определенных типов знаков и значений может приводить к существенным деформациям всех компонентов и образующих сознания. И, наоборот, целенаправленное использование, например, изобразительной деятельности выступает как эффективнейшее средство освобождения человека от навязчивых гнетущих переживаний. Они возникают вновь и вновь, пока не удастся перевести их в зрительные образы произведений искусства. Об этом однозначно свидетельствует опыт реабилитации и ветеранов войны во Вьетнаме, получивших психическую травму, и жертв землетрясения в Армении.

В духовной жизни общества также наступают моменты повышенного внимания к семиотическим аспектам, к осознанию их как имеющих первостепенную важность. Обычно это связано с эпохами переломными. Изменения в мировоззрении ведут и к осознанию неадекватности или недостаточности знаковых средств его выражения⁴⁰³, к поиску «нового языка», в том числе и изобразительного. Такие эпохи явно тяготеют к «многоязычию», полифонизму знаковых средств. Напротив, в эпохи застоя и упадка настойчиво ведется борьба с многообразием знаковых средств и стилей, прикладывается масса усилий для унификации знаковых средств, клиширования повседневного языка и сакрализации определенных, знаков и знаковых выражений, конечная цель при этом — унификация сознания, манипулирование им⁴⁰⁴.

---

⁴⁰³ Гусейнов Г. «Сколько не таимничай, а будет сказаться» // Знание — сила. 1989. № 1. С. 73—79.

⁴⁰⁴ Классический пример — моделирование подобной ситуации в романе Дж. Орвелла «1984». На материале языка третьего рейха это исследовано В. Клемперером в книге: *Klempnerer V. LT: Die Sprache im Dritten Reich. Leipzig, 1975.*

**Структура языкового сознания:
феноменологический и антропологический
аспекты проблемы**

Понятие «языковое сознание», как оно сформировалось в нашей стране в 1980—90-е гг. (прежде всего под влиянием известной книги Ю. Н. Караулова⁴⁰⁵), представляет собой весьма любопытный гносеологический конструктор. Само выражение «языковое сознание» может быть развернуто в пропозициональную структуру «сознание есть нечто языковое». Подвергнув по правилам логики это суждение нехитрой операции обращения, получим «некоторые виды языковости — сознательны» или — на более приемлемом русском языке — «некоторые лингвистические операции — осознаны», что опять же по правилам логики дает: «некоторые из них не осознаны». Говоря «данное сознание — языковое» или более широко — «сознание вообще — языковое», мы вкладываем в слова «сознание», «осознанность», «осознание» ряд значений, которые давно дискутируются в философии и психологии, хотя их однозначного понимания нет.

Во многом это связано с тем, что само явление сознания плохо поддается описанию и анализу с помощью того инструментария, который существует в философии и психологии. «Существование сознания, — писал в 1888 г. Пауль Наторп, — хотя это является фундаментальным фактом психологии, может считаться несомненным, может анализироваться психологами, но не может быть определено, и не может быть выведено из чего либо кроме как из себя самого»⁴⁰⁶. В этом смысле «сознание» — такой же неоднозначный или, если использовать метафору В. Джеймса, «double-barrelled»⁴⁰⁷ термин, как «опыт», «значение», «смысл» и т. п.

В этой связи возникает вопрос: можем ли мы вообще добиться того, чтобы метаязык описания сознания не только избавился от присущей ему метафоричности, но и служил нам средством дальнейшего продвижения в той междисциплинарной области знания, которая изучает сознание, мышление, язык, смысл и т. п.

⁴⁰⁵ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

⁴⁰⁶ Natorp P. Einleitung in die Psychologie. Berlin, 1888. С. 112.

⁴⁰⁷ James W. Does the consciousness exist? // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1904. № 1. С. 478.

Для начала несколько слов о метафоре описания сознания. Иногда кажется, что она неустранима. Еще в начале прошлого века О. Шпенглер обратил внимание на культурную отнесенность любых трактовок сознания: «поздняя городская потребность» мыслить абстрактно вынуждает психологов и философов превращаться в «физиков внутреннего мира» и описывать его с помощью физикалистски ориентированного лексикона (движущие силы, пороги, объемы, протекание и т. п.). Критикуя современную ему психологию за физикализм («Чистый» психолог даже не замечает, что он копирует физика»), Шпенглер совершенно ясно формулирует следующие идеи относительно понимания сознания.

1. Та или иная трактовка сознания всегда целиком обусловлена той культурой, в рамках которой она возникла: «Картина души есть всегда лишь картина какой-то вполне определенной души. Ни один наблюдатель не может выйти за рамки условий своего времени и своего круга, что бы он при этом ни "познавал": каждое познание такого рода есть уже выражение собственной его души, по самому своему выбору, направлению и внутренней форме».

2. Современная нам европейская культура, опирающаяся на «ясное, отвлеченное от зрения мышление», предполагает «в качестве средства дух культурного языка». Он же, в свою очередь, будучи сотворенным самой культурой «как часть и носитель ее выразительности», образует затем некий языковой космос, в пределах которого ведут свое существование абстрактные понятия, суждения, умозаключения⁴⁰⁸. Иными словами, то или иное понимание сознания связано, по Шпенглеру, с нормами и ценностями культуры и закреплено языком. Закрепление этого осуществляется двумя путями: через сетку значений-понятий, в которой фиксирована определенная конструктивизация действительности, и через «дух языка». Под последним, как видно из рассуждений Шпенглера, понимается следующее: в зависимости от норм и ценностей культуры вырабатываются определенные формы лингвистического описания явлений, в том числе и ментальных. Европейская культура XIX—XX вв. стремится к максимально жестким дескрипциям, образцами

⁴⁰⁸ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 480—481.

которых выступают язык физики, химии, технические инструкции. Как бы продолжая эту мысль, современный исследователь Э. Холенштайн во вводной статье к тому семиотических статей Р. Якобсона отмечает, что исследователи сознания и его знаковых средств второй половины XX в. отказываются от физикалистской терминологии в пользу информационной. Так, «сигнал» заменяет «давление», «информация» — «импульс», «код» — «заряд» и т. д.⁴⁰⁹

В целом, думается нам, сущность проблемы схвачена Шпенглером верно. Однако и разработка проблемы сознания в рамках *одной* культурной традиции не гарантирует желаемого единообразия. Более того, философия и психология XX в. не избавились и, похоже, не собираются избавляться от метафорических описаний структуры и функционирования сознания. Х. Ортега-и-Гассет в работе, получившей значительную известность во второй половине XX в., а написанной значительно раньше⁴¹⁰, вероятно, одним из первых эксплицировал то обстоятельство, что язык метаописания сознания в европейской философии XVII—XX вв. был и остается основанным на метафорах. «Две великие метафоры», выделенные Ортегой, — сознание как отражение и сознание как активное начало, структурирующее опыт, не только продолжают использоваться и ныне, но и не противоречат друг другу. Даже если мы переведем их с метафорического уровня на концептуальный, существенного противоречия нет — отражение не исключает творческий момент, а активность — моменты отражения. Это, кстати, хорошо понимали и сами творцы соответствующих моделей сознания. Для Декарта и Лейбница было совершенно очевидно, что большая часть нашего опыта дается органами чувств; главная же задача любого исследования «сознания», «ума», «творческого воображения», «ingenii» состоит в том, чтобы свести «последнюю причину вещей» к «необходимой субстанции»⁴¹¹.

---

⁴⁰⁹ *Holenstein E.* Einführung: Semiotica universalis // Roman Jakobson. Ausgewählte Texte 1919—1982. Fr. a. Main, 1988. С. 15—17.

⁴¹⁰ *Ortega y Gasset J.* Las dos grandes metáforas (en el segundo centenario de nacimiento de Kant) // Ortega y Gasset J. Obras completas. Madrid, 1965.

⁴¹¹ *Лейбниц Г. В.* Монадология // *Лейбниц Г. В.* Сочинения. М., 1982. Т. 1. С. 419.

XX в. породил целый ряд метафорических моделей сознания, в том или ином виде используемых и ныне. В этом ряду прежде всего следует упомянуть З. Фрейда — уровневые модели сознания в том или ином виде получили значительное распространение. Количество и характеристика уровней варьируются от автора к автору (от «подвалов сознания» до космического сверхсознания у В. В. Налимова), однако сама «сущностная метафора» оказалась весьма эвристичной. К оценке этой и других эвристик мы вернемся ниже. По К. Г. Юнгу, сознание — понимаемое прежде всего в процессе его развития и диссоциации — предстает как архипелаг, острова которого то выплывают из тьмы, то снова погружаются в нее⁴¹². Развивая эту метафору, Ю. И. Манин пишет — опять же применительно к развитию сознания в онто- и филогенезе — *о сгущающемся сознании*⁴¹³. Хорошо известна метафора «поток сознания». Часто ее авторство приписывают В. Джеймсу. Но вот что пишет за несколько лет до выхода в свет «Оснований психологии» Джеймса один ныне редко вспоминаемый автор: «...consciousness may be said to be one universal solvent, or menstruum, in which the different concrete kinds or psychic acts and facts are contained, whether in concealed or in obvious form»⁴¹⁴. Здесь перед нами и «поток», и определенная диалектика «потока» и «актов сознания». Думается, нет особой нужды останавливаться на трактовке «поточности» сознания у В. Джеймса и Э. Гуссерля.

Метафорический же характер носят следующие трактовки сознания.

1. Сознание как *смысловой фильтр*. Этот подход предстает перед нами в различных вариантах: осознается а) то, что опосредовано деятельностью (практикой); б) то, что не противоречит социальным нормам и/или диспозициям личности; в) (понимается) то, для чего в сознании имеются «образцы» (от «эйдосов» Платона до «когнитивных эталонов» наших дней), все остальное проходит мимо сознания. Что касается когнитивных эталонов, то здесь важно подчеркнуть, что они могут быть как преимущественно довербаль-

⁴¹² Jung C. G. Archetyp und Unbewusstes // Jung C. G. Grundwerk. Olten; Freiburg, 1978. Bd. 2. S. 34.

⁴¹³ Манин Ю. И. К проблеме ранних стадий речи и сознания (филогенез) // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987. С. 154—178.

⁴¹⁴ Ladd G. T. Psychology, Descriptive and Explanatory. N. Y., 1894. P. 30.

ными или невербальными, так и выделенными, отмеченными, определенными, т. е. санкционированными с помощью языка или других знаковых систем. К этому следует добавить, что в данном случае немалое значение имеет когнитивный стиль личности (например, интравертная или экстравертная личности⁴¹⁵).

2. Сознание как соотношение «фона» и «фигуры».

3. Сознание как соотношение целостного и расчлененного (вариант: целостного и рефлексивного).

4. Сознание как непосредственность переживания и как диалог, в котором учитывается позиция «другого» и тем самым достигается более высокая ступень осознания и осмысления.

Метафорический характер носят «пространства» сознания, «образующие» сознания. Таковы же по своей сути широко распространенные в психологии и психиатрии выражения «ясное сознание», «спутанное сознание», «смутная периферия сознания».

Думается, что метафорика описания сознания на данном этапе развития знания полностью не устранима, да в этом и нет нужды. Скорее наоборот, она способствует приращению смысла, позволяет выработать наглядные образы для тех смысловых моментов, которые трудно репрезентировать иным способом. Что касается методологической основы анализа сознания вообще и языкового сознания в частности, то она видится нам в сочетании черт диалектического, феноменологического и антропологического методов.

Поскольку мы имеем дело с очень сложным объектом, тем более связанным множеством нитей с рядом других, не менее сложных, то, разумеется, должно учитываться изучение развития данной вещи, и исследователь должен стремиться к углублению процесса познания явлений от менее глубокой сущности к более глубокой, а также к изучению развития данной вещи, ее внутренних противоречивых тенденций и сторон.

Что касается феноменологии, то нас в первую очередь интересует тот инструментарий, который выработан в рамках этого подхода для анализа мышления и сознания. При этом следует помнить, что ценность разработанных в феноменологии техник состоит, во-первых, в их относительной точности и, во-вторых, в том, что они, как нам представляется, совместимы с рядом психологических и

---

⁴¹⁵ Юнг К. Г. Психологические типы. М., 1995. С. 459—460.

психолингвистических представлений. Поскольку современная феноменология есть достаточно разнородное явление, оговоримся, что мы опираемся в основном на идеи Э. Гуссерля, сформулированные во втором томе его «Логических исследований», в его же «Феноменологии внутреннего сознания времени» и «Картезианских размышлениях», а также в некоторых работах К. Ясперса.

Основной пафос феноменологии, по крайней мере в ее гуссерлевском варианте, состоял в том, чтобы выработать язык описания сознания «из него самого», не прибегая ни к практике, ни к генетическим экскурсам в историю или протоисторию психики. Вместе с тем история феноменологического изучения сознания весьма наглядно показала нам, что мы не можем «задать вопрос о сознании, находясь вне сознания»⁴¹⁶. Поэтому, используя феноменологическую технику, приходится опираться на интроспективную технику, выделяя в сознании то, что образует опыт первичных базовых различий (дистинкций). В данном случае мы опираемся на результаты анализа, проделанного В. И. Молчановым, адаптируя их для своих целей.

Прежде всего следует выделить группу первичных, базовых различий. По мнению В. И. Молчанова, они образуют первичный опыт сознания, на базе которого, в свою очередь, формируются более сложные механизмы сознания. Нам же представляется, что в данном случае речь идет, если брать генетический аспект, об опыте предсознания. Это различие сухого и влажного, горячего и холодного, тяжелого и легкого и, на более поздней ступени, дистинкций времени: «теперь», «только что», «еще нет», а также различие в ощущениях прикосновения, света, вкуса, цвета, запаха. Все это можно соотнести с чувственной тканью сознания. В таком случае имеет смысл ввести еще одну дистинкцию: между чувственной тканью сознания и его предметным содержанием.

Все эти типы различий лежат в основе паракогнитивного уровня сознания. Он еще не может быть словесно оформлен, прежде всего потому, что здесь еще не произошло конституирования смысловых актов сознания. Последовательность их, по всей видимости, такова: различие акта сознания (восприятия,

---

⁴¹⁶ Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. 1992. № 3. С. 17.

памяти и т. д.) и содержания этого акта (наглядного образа, образа памяти и фантазии), различение акта сознания и знака. Сначала как различение знаков-признаков, а затем и знаков-маркировок (marks Гоббса и Kennzeichen Гуссерля). Паракогнитивный уровень образует функциональный базис знака. В отличие от И. Н. Горелова мы полагаем, что суть функционального базиса не только в наличии чувственных обобщений определенного уровня, но и в появлении способности интенционально выражать некоторый смысл, отделять себя, пусть вначале и очень упрощенно, с небольшой степенью произвольности, от обозначаемой ситуации. В этом отношении функциональный базис семиотической способности соотносится с такими понятиями, как *дифференциация семиозиса* и *семиотическая функция*. И в этом смысле К. Ясперс был глубоко прав, говоря, что возникновение значения есть «раскол» (Spaltung) Бытия⁴¹⁷. Не имея возможности обсуждать все варианты понимания символической функции, существующие в литературе, отметим, что наша позиция наиболее близка к точке зрения А. Валлона и Л. С. Выготского. Валлон проблематизировал то, что и поныне кажется абсолютно ясным многим. Как и Пиаже, он кладет в основу схемы психического развития в онтогенезе дифференциацию семиозиса — появление означающих и означаемых; но это, подчеркивает он, не может быть «простой автоматической производной от практической деятельности»⁴¹⁸. «Подчинить знаки символической функции, — пишет он, — значит отдать себе отчет в их относительности. Значение знаков выходит за пределы их чисто формального существования. В некоторых пределах они могут обмениваться, модифицироваться, изменяться, причем мысль не обязательно задерживается и деформируется»⁴¹⁹. Иными словами, становление знаковой функции предполагает не только определенное соответствие между предметом, образом и знаком, без чего невозможен семиозис, но и определенную свободу, взаимозаменяемость, дифференциацию компонентов семиозиса.

⁴¹⁷ Jaspers K. Die Sprache. Munchen, 1964. S. 12.

⁴¹⁸ Валлон А. От действия к мысли: очерк сравнительной психологии. М., 1956. С. 177; Wallon H. Lecture d' Henri Wallon: Une choix de texts. Paris, 1976. P. 124.

⁴¹⁹ Валлон А. От действия к мысли: очерк сравнительной психологии. С. 190.

Этот момент был очень важен и для Выготского. Анализируя психологию игры как важнейший момент развития сознания в онтогенезе, Выготский отмечает, что в игре действие не просто заменяет другое действие, как вещь — другую вещь. Это происходит через движение в смысловом поле: поле значений возникает раньше, чем произвольное оперирование ими. Но способ движения в этом поле первоначально — ситуационный, конкретный⁴²⁰. Иными словами, потребуется еще много времени и усилий, прежде чем ребенок начнет произвольно и сознательно оперировать не только знаками-символами (по Пиаже), но и абстрактными знаками, а главное — операциями замещения, кодирования, декодирования. Но в любом случае без ответа остается вопрос А. Валлона: трудно решить, представляют ли собой *функциональные* этапы — сигнал, признак, изобразительный знак (*le simulacre*), символ — некие генетические этапы. «*Mais est-ce une filiation directe qui mene de l'imitation a la representation, du simulacre a la pensee symbolique et parlee?*»⁴²¹.

Возвращаясь теперь к феноменологической трактовке сознания, отметим, что важным моментом развития сознания является то, что Гуссерль обозначал двумя парами взаимосвязанных понятий: *Bedeutung-sintention* / *Bedeutungserullung* и *Bedeutungen* «*an sich*» и *ausdruckliche Bedeutungen*. Это следует пояснить. В первом случае различаются интенциональное содержание, стремление выразить некое значение и реально получившийся результат, а во втором — значения «сами по себе», т. е. существующие до и вне любого выражения, они противопоставляются значениям, получившим определенное выражение. Говоря о значениях самих по себе, Гуссерль имеет в виду потенциальные значения, не получившие своего эксплицитного выражения в силу ограниченности человеческого разума.

Думается, что эти различия могут быть истолкованы применительно к развитию и функционированию сознания вообще и языкового сознания в частности. На определенной ступени развития появляются не только вышеуказанные дистинкции между знаком, образом и предметом, которые, соединяясь с функцио-

⁴²⁰ *Выготский Л. С.* Из записок-конспекта Л. С. Выготского по психологии детей дошкольного возраста // Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978. С. 294.

⁴²¹ *Wallon H.* Lecture d' Henri Wallon: Une choix de texts. Paris, 1976. P. 124.

нальным базисом знака, кладутся в фундамент *семиотической функции сознания*, но и способность к пониманию того, насколько полно и ясно когнитивно-коммуникативная интенция сознания воплотилась в знаковых выражениях, что в конечном счете предполагает и определенный опыт понимающего и истолковывающего сознания. У последнего, в свою очередь, есть конкретный фундамент: различие безусловного и конвенционального, прямого и переносного смысла «своего» и «чужого» слова (в смысле М. М. Бахтина), того, «что возможно сказать» и «что уже сказано» (У. Эко). Решающими моментами мы считаем здесь обретение опыта различения безусловного и конвенционального, использования знака для отделения себя от мира, опыта; не только опыта различения своего и чужого сознания, но и опыта интросубъективности.

Все, что было выделено в качестве второй группы дистинкций, может быть охарактеризовано как допредикативный и предикативно-рациональный уровни функционирования сознания. Если на первом уровне знаками для сознания выступали чувственные качества вещей, то теперь появляются многочисленные знаковые системы, операционализованные и рефлексированные в неодинаковой степени; соответственно сознание приобретает способность к дальнейшей дифференциации в когнитивно-коммуникативных актах. Если на первой ступени для пробуждающегося языкового сознания возможна в основном прагматика (коммуникативное воздействие на «других»), то позже формируется протопредикация, затем лексическая семантика и то, что Б. А. Серебренников называл лингвокреативным мышлением, особенно активным на начальных стадиях формирования языка (в онто- и филогенезе).

Результатом развития сознания является, на наш взгляд, антиномичная структура. Сознание одновременно выступает как:

- ✓ поток (*stream of consciousness, menstruum*) и как способность осуществлять отдельные акты сознания (мыслительные, мнемические, перцептивные);
- ✓ экзистенциальная целостность «Я-полюса» и рефлексивная расчлененность;
- ✓ как непосредственное переживание и как «оречевленное» сознание (внутренний монолог, внутренний диалог, внешняя речь в различных модусах);

✓ как языковое сознание, представляющее в генетическом отношении не просто иерархию способностей и функций, но, по всей видимости, подлинную систему, и как предметное сознание, для которого обращение к языковым механизмам не является необходимым.

Несколько слов об антропологическом аспекте интересующей нас проблемы. XX в. подарил нам много вариантов философской, психологической и социальной антропологии. Из всего богатства идей мы бы выделили следующие.

1. Сформулированные Х. Плесснером в 1928 г. антропологические законы «естественной искусственности» и «опосредованной непосредственности». Человек может быть человеком только тогда, когда его «естественное» существование поддерживается с помощью «искусственных» средств. Плесснер совершенно верно указывает в этой связи на предметную среду и знаковые средства. Человек характеризуется, с одной стороны, имманентностью, эксцентричностью и экспрессивностью, которые, с другой стороны, «поразительным образом совпадают в языке, его элементах, значениях»⁴²². Непосредственность же человека всегда опосредована — опять же той предметно-знаковой средой, которую он создает вокруг себя.

2. Выдвинутая в конце 1930-х гг. и впервые опубликованная в 1940 г. идея разгрузки психики от чрезмерного количества сырых, неоформленных раздражителей и возникновение «символических полей», которые не просто организуют соответствующие чувственные впечатления, но и выступают в качестве фундамента (позднее сказали бы — функциональной базы) для языка. В свою очередь, развитый язык выступает в качестве средства дальнейшей организации и управления чувственными впечатлениями⁴²³. На наш взгляд, это очень близко к идеям Выготского о знаковом опосредовании психики и мыслям Э. Кассирера о символическом процессе как едином жизненно-мыслительном потоке (*Lebens und Gedankenstrom*), который в своей текучей подвижности создает системность и связность

---

⁴²² Плесснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 146.

⁴²³ Gehlen A. Der Mensch. Seine Natur und Seine Stellung in der Welt. Berlin, 1940.

сознания, его вариативность и континуальность. Благодаря ему оно «несводимо к "абсолютным элементам", именно отношения царят в сознании, являясь для него подлинным "априори", сущностно-первичным началом, в сознании "бьется пульс тысяч взаимосвязей"»⁴²⁴.

3. Только устранение всего инстинктивного, необработанных и несистематизированных чувственных впечатлений позволяет достичь «подлинной» дистанции от мира (Urdistanz), вступить в сферу диалога (das Zwischen), «отношения» (Beziehung)⁴²⁵. Все это, по нашему мнению, составляет онтологический фундамент формирования и функционирования языкового сознания.

И в заключение несколько слов об интерсубъективности. В последние годы это понятие стало очень популярным в отечественной литературе, в зарубежной ему также уделяется значительное внимание⁴²⁶. Не имея возможности останавливаться на всех вариантах трактовки интерсубъективности, отметим, что плодотворная трактовка коммуникации и языкового сознания невозможна без радикального переосмысления проблемы, а именно введения в концептуальный аппарат анализа следующих моментов: а) представления о различных видах и формах духовных связей; б) представления о коммуникативных средствах и механизмах трансляции знаний, чувств, настроений, убеждений и т. п. Специфической субстанцией интерсубъективности является духовное общение людей, опосредованное культурой, частью которой является язык.

Существование идеального на этом уровне сопровождается эффектами социальной интеграции. К их числу мы относим самостоятельность результатов коллективного творчества, тенденцию к доминированию общезначимых типов ментальности, когерентные состояния массового сознания (проявление солидарности, энтузиазм, паника и т. п.). Интеграционными факторами образования надличностных видов духовной реальности служат

---

⁴²⁴ Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Berlin, 1929. Bd. 3.

⁴²⁵ Buber M. Urdistanz und Beziehung. Heidelberg, 1960.

⁴²⁶ Feather H. Intersubjectivity and contemporary social theory: the everyday as critique. Aldershot, 2000.

межсубъектные коммуникативные связи, посредством которых сознание приобретает качество интерсубъективности. Оно реально существует в виде коммуникативных процессов от предречевых (на стадии младенчества) до различных форм кодифицированного знакового общения. В последнем случае участники коммуникации могут не просто обмениваться фиксированными значениями, но и участвовать в преобразовании и когнитивных структур, и самих знаковых систем.

Проблемы языка описания сознания⁴²⁷

В огромном количестве работ, посвященных сознанию, самыми острыми проблемами являются его структура и механизмы функционирования. Эти две темы тесно переплетены между собой, и вот почему. Объясняя механизм функционирования сознания, мы вынуждены так или иначе касаться его структуры, и наоборот. Совершенно очевидно, что мозговой субстрат сознания имеет определенную структуру. Можно спорить о деталях, но вполне очевидно, что исследования нейрофизиологов и нейропсихологов второй половины XX века дали обширный материал для понимания мозгового субстрата сознания и вместе с тем породили массу вопросов, на которые еще предстоит дать ответы. Просто в настоящее время они формулируются иначе. Еще в 80-е годы XIX века Дж. Хьюлингу Джексону стало понятно, что полушария мозга не эквивалентны по отношению к работе сознания. С тех пор получен большой экспериментальный материал, прояснивший многие нейрофизиологические и нейропсихологические моменты, но нельзя сказать, что механизмы функционирования сознания, как и сущность процесса осознания объективной и субъективной реальности, стали для нас достаточно понятными.

Мы должны отдавать себе полный отчет в концептуальных трудностях, которые возникают при разработке языка описания сознания. «То, что здесь подразумевается, навсегда останется недоступным ученому исследованию, — полагал О. Шпенглер. — Недаром каждый язык своими тысячекратно запутанными обозна-

---

⁴²⁷ Написано в соавторстве с П. Е. Калининым.

чениями предохраняет от намерений теоретически расчленять и систематически упорядочивать душевное. Здесь упорядочивать нечего. Скорее можно разложить с помощью скальпеля или кислоты какую-нибудь тему Бетховена, чем душу — средствами абстрактного мышления»⁴²⁸. В этих словах выдающегося мыслителя четко выражено понимание недизъюнктивности сознания. Всякого рода попытки представить сознание как нечто состоящее из восприятия, памяти, мышления, выделить в нем некоторые «части» и т. п. не имеют никакого смысла. Ниже мы покажем, почему. Разумеется, дело не сводится только к языку/языкам описания сознания. Например, большое значение имеет то, в рамках какой антропологической теории осуществляется рефлексия над сознанием; в зависимости от выбранной антропологической схемы мы можем получить достаточно различные результаты. Кстати, это обстоятельство практически не осознается исследователями. Здесь мы лишь коснемся этой проблемы, не вдаваясь глубоко в частности. Имеет смысл представить сознание как некую структуру и аксиоматически постулировать его основные свойства, а уже затем, на основе этих свойств, попытаться объяснить существующие феномены умственной, эмоциональной и смыслообразующей деятельности человека.

Первое свойство, которое часто приписывают сознанию, это целостность. Иначе говоря, сознание представляется как некое целостное образование, различными проявлениями которого являются процессы мышления, эмоционального чувствования, восприятия и другие. Хотелось бы отметить, что сознание здесь понимается не только как область того, что осознает человек; в данном контексте оно предстает как единый феномен, включающий в себя подсознание, предсознание и осознанную область психической сферы. Является ли эта вполне рациональная схема описанием того, что существует в действительности, либо это метафорическое описание, в основе которого лежит перенос некоего свойства на иной предмет? Основой же метафорического переноса здесь служат пространственные свойства — нечто лежит выше, другое ниже и т. п.

---

⁴²⁸ Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1: Гештальт и действительность. С. 478.

Прежде всего, следует вполне определенно указать на то обстоятельство, что большинство из имеющихся на сегодняшний день моделей сознания носит метафорический характер. В одних случаях эта метафоричность осознается самими авторами, в других — вскрывается в процессе рефлексии над проблемой. В последнем случае возможно метафорическое описание: метафора второго порядка используется для вскрытия метафорической природы исходного текста. Этот прием весьма удачно применил Л. А. Радзиховский, отметив, что сознание описывается нами на «языке часов», тогда как более адекватным был бы «язык облаков». С одной стороны, вполне очевидно, что сознание, психика так или иначе структурированы, что анализ здесь необходим и приемлем. С другой же, как пишет автор, «облака» упрямо не лезут в прокрустово ложе «часов»: выделение любых элементов психики или сознания, будучи вполне осмысленной научной процедурой, имеет своим результатом следующий парадокс: любой элемент психики в принципе содержит в себе всю психику. Психика, как совершенно верно отмечает Л. А. Радзиховский, это процесс. В этом смысле и употребляется выражение «поток сознания». Если мы возьмем любой «поперечный срез» этого процесса, рассуждает далее исследователь, любую его часть, мы обнаружим в ней и все предыдущие состояния («память»), и направленность («эмоции»), и «мышление», и т. п. Трудно не согласиться с автором в том, что «никакую часть нельзя "вырезать" из психики в целом. Если бы какую-то часть (какой-то элемент) психики, сознания (а не поведения) и удалось "зафиксировать" извне, то внутри этого элемента сразу обнаружались бы и все остальные "части", и все сознание, вся психика в целом»⁴²⁹.

Л. А. Радзиховский считает, что методологические трудности описания сознания могут быть преодолены только в том случае, если будет создан некий совершенно новый метод анализа, выработан более совершенный язык описания, который еще не найден в современной теории познания. В противном случае мы будем вынуждены «подгонять язык описания психики под существующие эпистемологические представления» и иметь в резуль-

---

⁴²⁹ Радзиховский Л. А. Язык описания целостности и идеи Л. С. Выготского о «единицах» // Речь: восприятие и семантика. М., 1988. С. 119.

тате «очень слабый анализ очень странного объекта, произвольно подставленного на место психики»⁴³⁰. Сам Л. А. Радзиховский видит решение проблемы в том, что анализировать сознание следует под углом зрения *диалогизма*, т. е. памятуя о том, что все его «элементы» и «механизмы» несут в себе снятые (в гегелевском смысле) следы происхождения сознания из диалога⁴³¹. Ныне увлечение диалогизмом практически сошло на нет, и достаточно сильное допущение о следах диалогизма в сознании не представляется таким актуальным, как двадцать лет назад.

Вместе с тем соображения Л. А. Радзиховского о методологических трудностях, которые возникают при анализе сознания, нельзя не учитывать. В связи с его статьей «Диалог как единица изучения сознания» мы хотели бы выделить еще один важный для нас момент. Он отмечает, что часть психологов (а именно те, кто работает в «научной» психологии) стремится к максимально объективированным описаниям психических процессов. Одновременно «научная», т. е. когнитивная, психология оказалась почти полностью отделенной от «понимающей», изучающей творчество, личность, эмоции, разрабатывающей различные виды психологических практик (тренинг, игры, психотерапевтические беседы и т. п.). «Сферы влияния разделены и почти не пересекаются», — констатирует Л. А. Радзиховский⁴³². Как мы видим, это очень напоминает ситуацию, имеющуюся в философии. Соответственно различными оказываются и «образы сознания», сложившиеся в «понимающих» и «научных» (т. е. рефлексивных, рационально-понятийных) системах описания.

В анализе методологических трудностей описания сознания, проведенном Л. А. Радзиховским, акцент сделан на диалектике (доведенной до антиномии) дизъюнктивного и недизъюнктивного, дискретного и недискретного в работе сознания. Интерпретируя некоторые данные нейropsychологии о характере работы правого и левого полушарий, Л. А. Радзиховский отмечает, что дискретные психические образования расчленяют, структу-

---

⁴³⁰ Там же. С. 120.

⁴³¹ Радзиховский Л. А. Диалог как единица изучения сознания // Познание и общение. М., 1988. С. 24—25.

⁴³² Там же. С. 109.

рируют, логически упорядочивают восприятие человеком внешнего мира и — выделим это особо — своего собственного сознания. Эти образования, их имманентный язык могут быть в принципе описаны на порожденном ими логико-дискретном языке. С помощью же недискретных образований «человек субъективно переживает свое сознание как единое, целостное, не включающее никаких дискретных и связанных корреляциями частей (структур); с помощью этих образований он воспринимает и внешний мир как целостный»⁴³³. Имманентный язык таких образований, полагает Л. А. Радзиховский, не может быть описан на дискретно-логическом языке.

Не вдаваясь здесь в дискуссию о том, насколько верна констатация относительно характера языка, используемого для таких описаний, отметим следующее. Дискретное и недискретное в сознании — это другое обозначение для явных и неявных форм субъективности, для понятийно-рефлектированного и переживаемого, к чему так или иначе обращалась философия на протяжении всего периода своего существования. В этом смысле выделение дискретного — недискретного в работе сознания вполне разумно, но явно недостаточно в методологическом отношении. Уже то верно отмеченное Л. А. Радзиховским обстоятельство, что «само отношение дискретных и недискретных образований в психике нельзя понимать дискретно: отдельно дискретные части, отдельно недискретные»⁴³⁴, а также хорошо известный факт, что в любом психическом процессе имеет место взаимодействие дискретных и недискретных компонентов, и то обстоятельство, что мы *все-таки можем* так или иначе говорить о содержании дискретных и недискретных единиц, заставляет думать, что с «недискретным» языком дело обстоит не так просто, как думает Л. А. Радзиховский. В конечном счете все дело упирается в проблему способа выражения недискретных, свернутых, эмоционально окрашенных и слабо структурированных содержаний нашего сознания с помощью средств «обыденного языка». В первую очередь это относится к выражению содержания нашего сознания в обыденном дискурсе, затем — в поэтической речи. Однако все более очевидной становится релевантность этой про-

---

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Там же.

блемы для языка научных теорий и научного дискурса. Тем не менее, очень важным представляется тематизированный Л. А. Радзиховским парадокс части и целого в анализе сознания.

Думается, что этот парадокс так или иначе осознается большинством исследователей сознания. Как нам представляется, наиболее распространенными средствами если не разрешения, то уж, во всяком случае, *технической элиминации* его является метафоризация описания функционирования сознания. В настоящее время, когда так называемая компьютерная метафора получила большое распространение, этот аспект стал предметом специальной рефлексии философов и ученых (гуманитариев и естественников). Всего лишь три десятилетия назад компьютерная метафора не воспринималась именно в качестве метафоры, а представлялась использующим ее, как нам думается, в качестве более адекватного средства описания феномена сознания. Так, А. Р. Лурия, применяя адаптацию общекибернетических идей к психологической проблематике и учитывая концепции Н. А. Бернштейна и Дж. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама, характеризовал работу сознания следующим образом. Работа сознания включает в себя получение и переработку информации с выбором ее наиболее существенных звеньев и сохранением в памяти усвоенного опыта, постановку задачи или формулирование намерения с сохранением соответствующих мотивов деятельности, создание образа или модели нужного действия и возникновение соответствующей программы (плана), которая направляет выбор нужных действий, а также сличение результатов действия с исходным намерением и коррекцию допущенных ошибок. Все эти компоненты сознательной деятельности, пишет А. Р. Лурия, «протекают у человека при ближайшем участии внешней и внутренней речи, которая не только включается в кодирование доходящей до субъекта информации, но позволяет хранить полученный опыт, отвлекаться от непосредственных воздействий и создавать программы поведения, участвуя как в регуляции сознательной деятельности, так и в оценке ее результатов и в коррекции ошибок»⁴³⁵.

Несложно заметить, что 1) в данном случае сознание (или сознательная деятельность — в контексте рассматриваемой рабо-

---

⁴³⁵ Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. М., 1969. С. 74.

ты это фактически одно и то же) уподобляется функционированию кибернетического устройства, состоящего из ряда блоков или механизмов, совместная работа которых обеспечивает прежде всего соответствие результатов плану; 2) если отвлечься от «ближайшего участия» внутренней и внешней речи, а также заменить некоторые выражения, подразумевающие сознательного субъекта, на нейтральные в этом отношении (например, «постановку задачи» на «появление задачи», «создание образа» на «возникновение образа»), то предложенная схема вполне пригодна и для описания поведения животных, причем в достаточно широком диапазоне развития психики. Пример из работы А. Р. Лурия ценен для нас тем, что здесь мы имеем дело не только с кибернетической метафорой, т. е. уподоблением работы сознания функционированию компьютера, но и с нейрометафорой, когда функционирование сознания и его структура более или менее непосредственно уподобляются живой «кибернетической машине» — мозгу. Как известно, в трудах А. Р. Лурия работа мозга человека характеризуется взаимодействием следующих функциональных блоков: энергетического блока (стволовые структуры, и прежде всего ретикулярная формация), блока приема и обработки информации (затылочные и теменные зоны коры), коммуникативно-когнитивного (речевые зоны левого полушария) и блока управления сложными видами деятельности (лобная кора).

В настоящее время эти идеи стали практически общепринятыми. Необходимо заметить, что по степени выраженности кибернетической метафоры и концептуальной разработанности идеи А. Р. Лурия опережали сходные идеи зарубежных ученых того времени. В концепции Дж. Альтмана, например, выделяются три нейропсихические структуры и три уровня психической организации (mentation): патическая, иконическая и ноэтическая. В первом случае речь идет об эгоориентированных, субъективных процессах и аффектах, настроениях, эмоциях и страстях. В наиболее ярко выраженных формах патическое сознание проявляется в тех случаях, когда жизни человека угрожает непосредственная опасность либо он испытывает крайние формы фрустрации или депривации. В более мягких формах оно обнаруживается в чувствах симпатии или антипатии. От-

сутствие аффективно окрашенных психических состояний, подчеркивает Дж. Альтман, приводит к апатии, чувству отчуждения, умственному ступору, что, впрочем, хорошо известно из психиатрии. Иконическое сознание — это сфера образов, в том числе и сложных образов «потребного будущего» (information about goal objects), которая позволяет организму достигать большей независимости от среды. Ноэтическое сознание использует концепты и символы для достижения еще большей степени независимости от среды. С этими тремя видами психической деятельности Дж. Альтман соотносит три уровня организации мозга, которые, по его мнению, разделяемому и другими нейробиологами, представляют собой следы предшествующих ступеней эволюции ЦНС. Таким образом, нейрометафора в соединении с компьютерной метафорой ложится на определенный материальный фундамент⁴³⁶.

В работах А. Р. Лурия, а также в трудах Вяч. Вс. Иванова и Ю. М. Лотмана компьютерная метафора соединена с «мозговой». Структура сознания понимается как взаимодействие двух составных частей нейрокомпьютера — мозга, где левое полушарие играет роль дигитального устройства, а правое — аналогового. Их взаимодействие характеризуется как «диалог». Всякое интеллектуальное устройство, способное достаточно гибко отражать действительность и порождать новое знание, должно иметь билингвистическую или полилатеральную структуру, образуемую двумя классами механизмов репрезентации действительности. Для одного из них характерно преобладание дискретно-линейного, для другого — гомеоморфно-континуального способа представления мира в сознании. Им соответствуют различные типы знаковых систем: в дискретных языковых системах текст вторичен по отношению к знаку, т. е. отчетливо распадается на знаки; в континуальных языках первичен текст, который не распадается на знаки, а сам является знаком или изоморфен знаку. Кроме того, знаки и тексты первого типа а) имеют условный характер, б) обнаруживают в силу этого тенденцию к автономии от несемантической реаль-

---

⁴³⁶ Altman J. Three levels of mentation and the hierarchic organization of the human brain // Psychology and biology of language and thought: Essays in honor of Eric Lenneberg. N. Y.; San Francisco, 1978.

ности и поведения, приобретая смысл от взаимного соотношения между собой (т. е. они контекстно обусловлены), в) их знаковость субъективно осознана и сознательно акцентируется⁴³⁷.

Каждый из полюсов сознания, указывает Ю. М. Лотман, может быть в свою очередь описан как ряд уровней, находящихся в бинарных оппозициях к соответствующим уровням другого полюса. Тогда возникают такие, например, пары оппозиций: детское сознание — взрослое сознание; мифологическое сознание — историческое сознание; иконическое мышление — словесное мышление; действие — повествование; стихи — проза и т. п.⁴³⁸ Таким образом, уровни сознания понимаются прежде всего как формы культурно-семиотического осмысления и освоения мира. Все воспринимаемое осознается в силу преломления его через те или иные знаковые системы. Движущим механизмом осмысления выступает внутренняя динамика сознания, организованная таким именно образом.

Разумеется, «диалог» или «общение» между различными языками как внутри культуры, так и в структуре сознания личности — всего лишь метафора, вытекающая из более генерализированной компьютерной метафоры. В системе культуры общаются и вступают в диалог (как бы он ни понимался) реальные личности, а не семиотические средства сами по себе. Что касается структуры сознания, то тут дело обстоит сложнее. Вполне очевидно, что сами по себе семиотические средства или, допустим, определенные подструктуры сознания, имеющие генетически различное происхождение, не могут «общаться» или «вступать» друг с другом в диалог. Вместе с тем их взаимодействие очевидно. Кто или что его осуществляет? Осознается ли это взаимодействие? Происходит оно помимо желания личности либо направляется ею вполне сознательно? Думается, что на эти вопросы можно ответить следующим образом. Осуществляя деятельность, неважно, практическую или теоретическую, человек в принципе может использовать ресурсы сознания, все его мыслительные и семиотические механизмы. Очевидно, что в каждом конкретном случае реальное их при-

---

⁴³⁷ Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. Тарту, 1983. Вып. 12: Структура и семиотика художественного текста; *Его же*. Риторика // Там же.

⁴³⁸ Там же.

менение будет ограничено, например, способностями данной личности актуализировать те или иные механизмы.

Сама логика предмета ведет нас к выделению личностного момента в работе сознания. Без него всякого рода «блоки» и семиотические механизмы оказываются довольно безжизненной абстракцией. Что касается положений Ю. М. Лотмана и Вяч. Вс. Иванова о гетерогенности подструктур сознания и его семиотических средств, то они могут быть эксплицированы следующим образом. «Правополушарные», т. е. наглядно-образные, ассоциативные, аффективно окрашенные, компоненты сознания и соответствующие им иконические знаки в значительно меньшей степени поддаются произвольному регулированию, чем «левополушарные», поэтому их творческий потенциал, заключающийся прежде всего в способности генерирования ассоциаций и чувственно представимых образов, может оставаться скрытым от сознания. Отсюда проистекает требование не только теоретической рефлексии над данными формами неявной субъективности, но и учет этого обстоятельства в педагогической практике, а именно: «левополушарный» полюс сознания должен оказаться доступным для выражения с помощью дискретных знаков «правополушарного» полюса.

Важное место в рассуждениях Ю. М. Лотмана занимает идея о гетерогенности сознания. Гетерогенность понимается в контексте оппозиции правополушарное — левополушарное. При этом принимается, что правополушарное сознание имеет более древнее происхождение, чем левополушарное. В целом так оно и есть. Существует достаточно широко известная гипотеза Джейнза⁴³⁹, согласно которой о возникновении сознания как такового, т. е. психики, способной к самоактуализации и саморегуляции с помощью достаточно гибкой семиотической системы, можно говорить только с того времени, когда в филогенезе окончательно оформилась асимметрия полушарий. Кроме того, учитывая, что имеющиеся данные не позволяют уверенно судить о том, когда именно окончательно оформилась асимметрия полушарий, представляется, что опора только на этот признак является не вполне достаточной при обсуждении вопроса о системном параметре гомогенности — гетерогенности сознания.

---

⁴³⁹ *Jaynes J.* The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston, 1976.

Если у Вяч. Вс. Иванова и Ю. М. Лотмана мы находим два очень генерализованных блока сознания, то у других авторов их число может возрастать. Так, Б. В. Якушин понимал сознание как сложный комплекс органов-блоков, основными из которых являются долговременная память, включающая иерархию моделей и программ (знания, системы и ситуации образов), оперативная память, содержащая модели, участвующие в текущем процессе переработки информации, и наряду с моделями цели и планы, образующие информационную ситуацию, а также «окно сознания»⁴⁴⁰. Под последним понимается решающее устройство, где происходит собственно построение новых моделей, формирование новых связей, принятие решений по выполнению плана задач. Это управляющий орган, направляющий и координирующий работу всех остальных органов. Возможно, замечает Б. В. Якушин, это и есть орган самосознания, поскольку он стоит над всеми другими органами и оценивает их работу.

Важным моментом концепции Л. М. Веккера, выгодно отличающим ее от большинства других, является представление об интеграционных механизмах интеллекта и сознания. Так, в работе интеллекта интегративной функцией обладают концепты. Они, как пишет Л. М. Веккер, доводят до максимума негэнтропный принцип поддержания равноуровневости и равновероятности своих компонентов, становятся матрицей, на которой строится система понятий, а она, в свою очередь, вовлекая в свой состав все концептуальные единицы и подвергая их дальнейшему процессу разведения уровней обобщенности, работает по принципу самоорганизации. Поскольку на концептуальном уровне объектом мыслительного отражения становятся как операции мышления, так и его единицы-операнды, то самоорганизация приобретает свойство осмысленного произвольного регулирования⁴⁴¹.

Другими интеграторами, обеспечивающими целостность сознания, являются, по Веккеру, сквозные психические процессы: память, внимание, речь⁴⁴². Память обеспечивает преемственность ра-

⁴⁴⁰ Якушин Б. В. Слово, понятие, информация. М., 1975.

⁴⁴¹ Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1976. Т. 2: Мышление и интеллект. С. 321—322.

⁴⁴² Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1981. Т. 3: Субъект, переживание, действие, сознание. С. 199—300.

боты сознания, а внимание интегрирует текущую его работу. Речь, в силу действия упомянутых выше механизмов межуровневого перевода, способна как к горизонтальной интеграции психических процессов в линейный одномерный ряд, воплощенный в последовательности слуховых, кинестетических или зрительных словесных образов, так и к вертикальной интеграции когнитивных, эмоционально-аффективных структур.

Разумеется, «уровневое» строение психики — это тоже метафора, но в ней сближаются гораздо более существенные моменты, чем, например, в метафоре «свет сознания». Уровневую организацию сознания мы можем сопоставить с уровневой организацией психических процессов в мозгу, где наиболее древние функции локализованы, как правило, в нижележащих структурах подкорки и коры, а филогенетически более молодые, специфически сапиентные — в тех структурах, которые наслаиваются на первичные. В онтогенезе первыми начинают работать «низшие» уровни мозга и соответствующие им уровни психических процессов и лишь позднее — «высшие», обеспечивающие собственно человеческие формы познания, праксиса и регуляции.

Идеи Л. М. Веккера об уровнях обобщения и интеграции представляются нам эвристичными. Необходимо отметить все же, что Л. М. Веккер во многом следует традиционной схеме, не включая в свои рассуждения личностный компонент сознания. Вернее, он растворяется у него в «эмоциях», «аффектах» и т. п. Поэтому-то регуляторами и интеграторами сознания выступают все те же *персонифицированные психические функции*.

К. Г. Юнг использует в своих описаниях работы и структуры сознания несколько метафор. Центр сознания, по Юнгу, составляет представление о своей личности (Я-комплекс). Сознание в подлинном смысле являет собой отношение содержания к Я-комплексу или, как он выражается, «эмпирической личности». «Возможно ли сознание без содержания или без Я-комплекса?» — спрашивает Юнг. Ответ его таков: на первый взгляд это кажется невероятным. Но — размышляет он далее, опираясь на свой богатый опыт психиатра и психолога, — на более примитивных ступенях развития психики (у детей, у представителей отсталых народов) Я-комплекс менее важен для работы сознания. Он менее рефлексирован. *Свет сознания* (еще одна метафора Юнга) имеет много степеней, а само соз-

вание у детей и примитивных народов может не представлять собой целостности, не будучи скреплено интегральным Я. Свет сознания, продолжает он, может вспыхивать то тут, то там, в зависимости от того, каковы внешние воздействия или внутренние аффекты. На этой ступени, считает Юнг, сознание носит *островной*, или *архипелагический*, характер. Но и на самых высоких ступенях развития сознание не представляет собой полностью интегрированную целостность. Напротив, оно способно к бесконечному расширению, к нему могут присоединяться «выплывающие из мрака острова, если не целые континенты»⁴⁴³. Исходя из этого, Юнг предлагает опосредовать оппозицию сознания и бессознательного так называемым аппроксимативным сознанием.

Итак, «свет», «выплывающие из мрака острова», «архипелагический характер сознания», «Я-комплекс» как центр сознания. Метафорический характер «света сознания» очевиден, как очевидно и то, что за метафорой стоит реальность.

Математик и культуролог Ю. И. Манин, углубляя метафору К. Г. Юнга (на которого он прямо ссылается) и принимая гипотезу Джеймса, говорит о «сгущающемся сознании». Под этим он понимает следующее. В процессе филогенеза, после окончательного функционального обособления полушарий мозга, появляется тип сознания, который в полной мере заслуживает названия индивидуального: до этого момента оно разделено между индивидуумом и социумом; *собственно* сознание принадлежит обществу, которое регулирует деятельность и речь отдельных людей. «Следы этого состояния, — полагает Ю. И. Манин, — сохраняются очень поздно, вплоть до появления авторского типа литературного творчества»⁴⁴⁴. До этого речь не может быть принадлежностью индивидуума. Ее профанные, низшие виды принадлежат племени (племенной язык и есть «человеческий» язык), а сакральная речь, как считали люди того времени, принадлежит богам и лишь передается от поколения к поколению. Впервые человек осознает себя, когда начинает говорить от своего имени. В сознании человека той эпохи звучали голоса, которые он принимал за речь богов, в действительности же

⁴⁴³ Jung K. G. *Psychologische Typen*. Olten; Freiburg, 1976. S. 51; *Idem*. *Archetyp und Unbewuptes* // *Grundwerk*. Olten; Freiburg, 1978. Bd. I. S. 34.

⁴⁴⁴ Манин Ю. И. К проблеме ранних стадий речи и сознания (филогенез) // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987. С. 172.

это была неконтролируемая собственная внутренняя речь, индуцированная социумом. Впоследствии, когда устанавливается функциональная асимметрия полушарий, полагает Ю. И. Манин, сознание «сгущается», оно становится упорядоченным, и тогда четко осознается, кому принадлежат мыслительные процессы, речь и т. п.

Как мы видим, сама метафора («сгущение») оказывается уже плодом целой концепции. В связи с метафорами языка описания сознания У. Джеймса, К. Г. Юнга и Ю. И. Манина необходимо отметить следующее. Разумеется, всякого рода «выделения» и «вычленения» из сознания чего бы то ни было основываются на метафорической процедуре: сознание уподобляется некоему телу, предмету, в котором могут быть части. Они находятся (или могут находиться) в движении, соединяются или, наоборот, разъединяются. Либо же сознание уподобляется потоку, в котором, тем не менее, могут быть моменты устойчивости, остановки. Совершенно очевидно, что первична здесь не метафора, а психическая реальность. Да, действительно, сознание, если только нет обморока, комы, глубокого наркоза, невозможно приостановить, оно присутствует всегда, и любое наше суждение о нем есть суждение «из сознания», т. е. выражение метаязыка сознания.

Безусловно, исследования такого рода позволяют нам глубже взглянуть на проблему сознания, но внутренний механизм его функционирования остается недостаточно проясненным. Мы фиксируем, с одной стороны, целостность сознания, которая подразумевает наличие у него свойства непрерывности содержания. В то же время в работе сознания отчетливо проявляются его отдельные стороны, или некая дифференцируемость, возможность выделения из непрерывного сознания определенных дискретных образований. Сознание, с этой точки зрения, предстает как континуально-дискретное единство, непрерывно переходящее из одного своего состояния в другое.

Следовательно, его необходимо рассматривать как нечто находящееся в постоянном движении и представляющее собой непрерывную смену различных процессов, будь то восприятие, мышление, воспоминание. Здесь можно вспомнить

У. Джеймса⁴⁴⁵, который представлял сознание как непрерывный поток мыслей, ощущений, восприятий⁴⁴⁶. Широко известно уподобление работы сознания *потоку*. Впервые в философии Нового времени эта идея была высказана Дж. Локком⁴⁴⁷. У Гуссерля несомненно позитивным моментом является понимание сознания как *единства* допредикативных и предикативных модусов его реализации. Хотя метафоричность выражения «поток сознания» у Гуссерля очевидна, он все же стремится ее преодолеть, вводя тонкую аналитику актов и состояний сознания⁴⁴⁸. У. Джеймс, размышляя над природой сознания, отмечает, что такие выражения, как «цепь» (или ряд) психических явлений, не дают нам того представления о сознании, какое мы получаем непосредственно: в сознании нет связок, оно течет непрерывно. Всего естественнее к нему применить метафоры «река» или «поток». Поэтому он при характеристике сознания стремится придерживаться терминов «поток сознания» либо «поток мысли или субъективной жизни». Вместе с тем Джеймс отмечает и моменты дисконтинуитета в работе сознания. Так, анализируя работу памяти, он пишет, что припоминание всегда связано с ощущением некоторого пробела: «У нас может сохраниться ритм забытого слова без соответствующих звуков, составляющих его, или нечто, напоминающее первую букву, первый слог забытого слова, но не вызывающее в памяти всего слова. Всякому знакомо неприятное ощущение пустого размера забытого стиха, который, несмотря на все усилия припоминания, не заполняется словами»⁴⁴⁹. В таких случаях, как знает каждый из нас из своего личного опыта, происходит как бы приостановка «потока сознания», его содержание прерывается и требуются усилия и время, чтобы пробел был заполнен.

⁴⁴⁵ В некоторых случаях в русских переводах фамилии этого американского философа и психолога принята транслитерация В. Джемс, в других — У. Джеймс (см.: *Джемс В.* Психология. М., 1991; *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М., 1993), что создает немалую путаницу. Имеется в виду W. James, брат известного литератора Генри Джеймса.

⁴⁴⁶ *Джемс В.* Психология. М., 1991.

⁴⁴⁷ *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении, гл. 14, § 13 // Соч. М., 1985. Т. 1. С. 236.

⁴⁴⁸ *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 135—140.

⁴⁴⁹ *Джемс В.* Психология. М., 1991. С. 64.

Иными словами, сознание и его образующие⁴⁵⁰ должны обладать способностью к постоянной трансформации, при этом оставаясь неизменными как функциональные образования.

Теперь попытаемся описать деятельность сознания на совсем ином языке и посмотрим, может ли он коррелировать с тем, что принято в философии и психологии. При использовании физических понятий на роль таких наполняющих сознание образований подходят волновые гармоничные образования — в теории колебаний их обозначают как моды или гармоники⁴⁵¹. Моды представляют собой простые гармоничные колебания какой-либо системы, сумма которых дает общий вид колебаний данной системы. Обычно число мод совпадает с числом степеней свободы системы. Например, колебания однородной непрерывной струны представляют собой набор бесконечного числа мод, т. к. в этом случае количество степеней свободы бесконечно. Говоря иначе, каждой форме струны соответствует определенный спектр мод. Если сознание представить как некое непрерывное колеблющееся пространственное образование, то у него также будет наблюдаться бесконечное число гармоник (мод). Таким образом, мы будем наблюдать бесконечное количество различных формообразований единого сознания, которые формируются путем наложения друг на друга более простых образований. Результат такого «волнового» суммирования существенно отличается от чисто механического сложения составляющих сознания. Сознание при этом предстает как находящийся в непрерывном временном развитии единый феномен. Такой подход к функционированию сознания перекликается с воззрениями на сознание Лейбница, который представлял душу человека состоящей из монад и писал, что каждая монада подвержена изменению и что «это изменение в каждой монаде непрерывно»⁴⁵².

---

⁴⁵⁰ *Зинченко В. П.* Проблема образующих сознания в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1988. № 3; *Его же.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2; *Его же.* Проблемы психологии развития // Вопросы психологии. 1991. № 6; *Его же.* Наука о мышлении // Психологическая наука и образование. 2002. № 2; *Его же.* Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. № 5.

⁴⁵¹ *Крауфорд Ф.* Волны // Берклевский курс физики. М., 1984.

⁴⁵² *Лейбниц Г.-В.* Монадология // Соч. М., 1982. Т. 1. С. 413.

Чтобы начать изучение сознания как континуально-дискретного единства, необходимо обратиться к проблеме осознанного или, другими словами, переведенного в область сознания. Действительно осознанным может являться только то, что отделено от подобных ему элементов и от осознающего субъекта. Вообще, дискретность, расчлененность в той или иной мере присуща всему осознанному⁴⁵³. Человек знает что-то достоверно, когда он может отделить объект своего знания от окружающей его обстановки и определить его связи с другими объектами. Обычно считается, что знания достигают осознанности при их вербализации. Здесь возникает множество теоретических проблем, которые не решаются простым указанием на вербализацию. В самом общем виде осознанные содержания сознания можно отнести к уровню, содержание которого описывается с помощью такого языка, в котором в достаточно явной форме используются имена, предикаты и предложения, причем значительная часть используемых знаков может носить иконический характер. А неосознанные, следовательно, отойдут к континуальной сфере сознания? Говорить так было бы большим упрощением. Как тогда быть с многообразной сферой чувственных восприятий и вторичных образов различной модальности? Тут-то как раз и работают метафоры «поточности» сознания и его «архипелагического» характера. Кроме того, следует иметь в виду обширную сферу невербальных компонентов коммуникации. Часть из них вполне ясно осознается и, надо полагать, регулируется соответствующими структурами доминантного полушария, тогда как другая часть регулируется не просто субдоминантным полушарием, но и, по всей видимости, его подкорковыми структурами. В этом случае они представляют собой психофизиологические реакции и гомологии таковым же у антропоидов (вовсе не обязательно совпадая с ними по форме).

Данный подход наделяет активной деятельностью бессознательные процессы; как писал К. Г. Юнг, «бессознательное ли-

---

⁴⁵³ *Забродин Ю. М., Потемкина О. Ф., Рубахин В. Ф.* Слоино-ступенчатая модель переработки информации человеком // *Когнитивная психология*. М., 1986; *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. СПб., 2005; *Хакен Г., Хакен-Крелль М.* Тайны восприятия. М., 2002; *Чурикова Н. И.* Психика и сознание как функции мозга. М., 1983; *Шошин П. Б.* Анизоморфизм эксплицитного и имплицитного // *Бессознательное*. Т. 3: Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978.

шено состояния покоя, в смысле бездеятельности, и непрерывно занимается группировкой и перегруппировкой своего содержания»⁴⁵⁴; в нашей трактовке строения сознания такой постоянной трансформации подлежит континуальная область сознания. Поскольку континуальное и дискретное находятся в состоянии постоянного взаимодействия, то логично предположить, что континуальное как более подвижное и творческое «подпитывает» область дискретного и более ясно осознаваемого.

Постулат о том, что сознание можно представить как некое пространство, позволяет сказать, что искривление данного пространства как процесс будет представлять собой деятельность, которую совершает человек при решении той или иной задачи, будь то задача на восприятие или решение какой-либо математической проблемы.

Определим, как с нашей точки зрения возможен процесс восприятия, в частности процесс восприятия образов. Как показано в многочисленной литературе по цифровому распознаванию образов различными электронными устройствами, наиболее удобным представляется разложение изображения предмета в ряд Фурье или совершение Фурье-преобразования (ФП) над изображением предмета, который строится на сетчатке глаза. При таком разложении изображение предмета предстает в виде совокупности волн, которые как раз и могут являться искривлениями пространства сознания. Для того чтобы из этой совокупности волн составить образ предмета, над ней необходимо произвести обратное Фурье-преобразование (ОФП). В общем случае данный процесс определяется в следующем виде: каждый предмет предстает как распределение некоторой физической величины в пространстве (такими величинами могут быть яркость, геометрические размеры, цвет и т. д.). Каждая из этих величин характеризуется распределением некоторой интенсивности или амплитуды в пространстве. Фурье-преобразованию подвергается именно это распределение амплитуды. Иначе говоря, от того или иного распределения амплитуды интенсивности мы переходим к совокупности волн различной частоты, или, другими словами, к распределению по частотам. Получившиеся частоты являются од-

---

⁴⁵⁴ Юнг К. Г. Душа и земля // Юнг К. Г. Проблемы пути нашего времени. М., 1993. С. 136—137.

ними из характеристик гармоничных образований, наполняющих сознание. Данные гармоник мы можем назвать *рецепторными гармониками*, т. е. получающимися путем восприятия внешнего мира при помощи рецепторов, и осуществляются они искривлением *рецепторного пространства*, которое является частью пространства сознания. Рецепторные гармоник мы помещаем в *рецепторном поле*, которое является самой низшей ступенью рецепторного пространства.

Однако предмет, представленный набором таких гармоник, еще не осознается, а находится в сознании как набор мод определенных частот, он как бы растворился в общем пространстве сознания, еще не дифференцировался, не выделился. Для его осознания необходимо как бы **заново построить этот предмет в виде образа в сознании**. Для построения образа частотный спектр подвергается ОФП, т. е. по наличным частотам восстанавливается предмет, точнее, появляется изображение предмета или информация о том, каким должен быть предмет, т. к. вопрос о том, как мы «видим» образы нашего воображения, остается открытым.

Образ будет являться сверткой рецепторного пространства, т. е. выделившимся образованием, и только в этом случае он перейдет в возможную для осознания форму. Для более полного представления вышеописанного процесса можно предположить, что после своего образования рецепторные гармоник разделяются по модальностям и переходят в *чувственную ткань*, по А. Н. Леонтьеву. Эту метафору он использовал для объяснения образов различной модальности. Выделяется, по крайней мере, три ее вида: чувственно-кинестетическая, визуально-пространственная и слуховая, все эти три вида содержатся в рецепторном пространстве. Точнее, верхние уровни рецепторного поля дифференцируются, расщепляются на три подуровня чувственной ткани. Свертки чувственной ткани представляют собой образы предметов, находящихся на еще более высоком уровне рецепторного пространства, который можно назвать областью образов.

Определим теперь, как в свете представленных выше постулатов о строении сознания происходит процесс мышления. Начальные этапы мышления связаны с неосознаваемым уровнем, и мы можем отнести этот уровень к континуальному пространству; человек не может до конца дифференцировать процессы, происходящие с

мыслью. Действительно, мы мыслим не словами, а именно мыслями, мыслительными операциями, «движениями ума». Например, Клапаред увидел за мыслью молчание, сказав, что размышление запрещает речь. Математик Ж. Адамар, специально исследовавший процесс творчества великих физиков XX в., это подтвердил: «Что касается слов, то они полностью отсутствуют в моем мозгу до того момента, когда я начинаю сообщать результаты в устной или письменной форме»⁴⁵⁵. Мысли как бы перетекают одна в другую, иногда как бы проходят друг сквозь друга не взаимодействуя, иногда усиливая одна другую во много раз, иногда навсегда уничтожая. Со всем этим согласуется взгляд на мышление как на деятельность, активность (П. А. Флоренский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, С. Л. Рубинштейн, М. К. Мамардашвили), или же можно (а скорее всего, именно нужно) рассматривать мышление как средство упорядочивания деятельности.

Мышление можно описать как волнение некой мыслительной ткани, общего мыслительного пространства, которое является частью пространства сознания. Здесь мы опять сталкиваемся с необходимостью использовать метафору. В современной психологии употребляется в этом случае понятие ментального пространства. Мыслью при таком подходе будет являться процесс искривления мыслительного пространства. Мы отдаем себе отчет, что это необычный подход. Но он обладает значительным эвристическим потенциалом. Деформации мыслительного пространства происходят при помощи осознанного усилия человека, в отличие от гармоник рецепторного пространства, которые являются в процессе неосознанного восприятия.

При описании образного мышления, т. е. оперирования образами предметов, частью мыслительного пространства может являться определенная выше область образов. В этой области мыслительное и рецепторное пространства пересекаются. При осознанном, внимательном восприятии к гармоникам рецепторного поля присоединяются также гармоники мыслительного пространства. И если рецепторное поле находится в виде сверток, в более или менее статичном состоянии, то ***мыслительное пространство постоянно находится в живом, пульсирующем***

---

⁴⁵⁵ Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. С. 78.

движении. Оно вызывается к жизни только в момент думанья, мышления и постоянно наполняется новым содержанием, новыми непрерывными гармониками, которые генерирует уже сам человек. Здесь как нельзя лучше подойдет образ потока сознания. И если процесс восприятия дает нам готовые, более или менее статичные результаты в «области образов», то процесс мышления рекомбинирует их, выявляет соотношения и связи между ними. Кривизна мыслительного пространства, точнее, той его части, которая пересекается с областью образов, будет давать как отдельные образы, так и соотношения между образами, а искривление будет формировать данные образы и соотношения, т. е. будет осуществляться процесс мышления, будут строиться различные комбинации образов, что даст материал для нового осмысления реальности. Мы видим, что мышление создает и рекомбинирует образы. Как говорил А. Н. Леонтьев, «образы предметов порождаются внутренними мыслительными — бессознательными или сознательными — операциями... иначе говоря, мы не воспринимали бы предметного мира, если бы не мыслили его»⁴⁵⁶.

Так, при чувственном познании «анализ выражается в выделении какого-нибудь чувственного свойства объекта, до того должным образом не выделявшегося»⁴⁵⁷. С нашей точки зрения, здесь происходит вмешательство мышления в рецепторное пространство, вмешательство намеренное, но до конца не осознанное, человек осознает только конечный результат, некую новую модальность свойства, но никак не сам процесс такого выделения. Такая неосознанность проистекает из того, что выделение нового чувственного свойства протекает на уровне обозначенных выше гармоник рецепторного пространства. На данном этапе мышление вмешивается в процесс восприятия, деформируя рецепторные гармониками и не давая им до конца перемешаться, доводя их отдельно до чувственной ткани, где модальности воспринятых характеристик становятся более или менее осознанными. Здесь уже проявляется феномен внимательного, осознанного, анализирующего восприятия.

Синтез на уровне чувственного познания «выступает в виде изменения чувственных элементов, их конфигурации, струк-

⁴⁵⁶ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004. С. 61.

⁴⁵⁷ Литвин Ф. А. О степенях предикативности // Филологические науки. 1984. № 4. С. 112.

туры, формы»⁴⁵⁸. Такие операции также возможны при оперировании континуальными образованиями, находящимися в рецепторном пространстве.

Собственно говоря, это не новая тема. Например, в упомянутых работах Л. М. Веккера сознание моделируется как двухуровневая система, в которой мир репрезентирован с помощью двух основных классов отображающих систем. Первая из них — это «язык симультанно-пространственных предметных гештальтов», инвариантно воспроизводящих на соответствующем уровне изоморфизма свойства внешних объектов. Этот язык образов, привязанный к конкретному пространству и времени, именно в силу и меру его объективности и инвариантности не может быть целиком подвластен непосредственному прямому регулированию. В этой сфере зарождаются произвольные, интуитивные, «инсайтные» решения и всякого рода неожиданные усмотрения, «озарения» и «вспышки» творческой мысли. В этой части своей концепции Л. М. Веккер исходит из идей Р. Арнхайма, считавшего образный язык сознания первичным и абсолютно неустранимым⁴⁵⁹. Вторая отображающая система — язык «вторых сигналов», или речевых символов. Мышление и осознание действительности понимаются Веккером в общем виде как межуровневый перевод с языка целостных гештальтов на язык абстрактных символов. Речевые структуры содержат лишь необходимый минимум воспроизведения мысли, предметные структуры симультанно-пространственных образов-гештальтов, отражающие модальность и интенсивность воздействия внешних предметов, здесь предельно редуцированы. Поэтому язык слов не может своими ресурсами обеспечить предметную адекватность и инвариативность воспроизведения мира в сознании. В свою очередь, язык гештальтов не оперативен, им нельзя воспользоваться для внешнего выражения мысли, хотя частично он может выводиться на поверхность, например при создании изображений, иллюстрирующих абстрактные концепты.

Исходя из этих соображений, Л. М. Веккер считает, что качество осознанности достигается только тогда, когда целостный образ-гештальт находит свое адекватное обозначение, а словесному знаку соответствует достаточно точный образ, и наоборот,

---

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ *Arnheim R. A plea for visual thinking // Languages of the art. London, 1981.*

«нижележащие» образные структуры сознания, будучи интегрированы в его целостную систему, постоянно испытывают влияние концептуальной регуляции, идущей от вершины древовидной иерархической структуры интеллекта к его корням.

В концепции И. Н. Горелова огромную роль играют обобщенные чувственные образы, выступающие в качестве «функционального базиса речи», а вместе с тем, заметим мы, и любых иных знаков, особенно иконических⁴⁶⁰, при этом внешняя речь, по Горелову, не играет существенной роли в работе мышления и сознания. А в серии фундаментальных трудов Н. И. Чуприковой⁴⁶¹ акцент делается именно на управляющую роль речи и инвариантные образы и знания. Противоречие это мнимое: разумеется, образная сфера выступает как функциональная основа речи и мышления, но без управляющей функции речемыслительных процессов сознание дезинтегрируется. Разумеется, не полностью, но все же в значительной степени. Оно теряет качество интенциональности, опять же не в полной степени, так как интенциональность сознания обеспечивается на операциональном уровне не только речью, но сформулированные на уровне функционального базиса речи обобщения не могут стать интересубъективными и доступными другому сознанию.

Таким образом, говоря, что сознание можно рассматривать как некое постоянно изменяющееся, флуктуирующее пространство, имеющее множество измерений, в котором присутствуют определенные формообразования, взаимодействующие между собой, перетекающие друг в друга, надо иметь в виду, что это а) интегративное образование и б) оно обязательно включает в себя инвариантные образы и знания. Такое описание, в принципе, позволяет представить ментальную реальность в виде некоего целостного непрерывного деяния, которое дробится, дифференцируется, перетекает из одного своего состояния в другое, никогда не остается в статичном положении, всегда развивается. И мышление здесь предстает не только как оперирование словами или по-

---

⁴⁶⁰ Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1978; Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин, 1987.

⁴⁶¹ Чуприкова Н. И. Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. М., 1967; *Ее же*. Психика и сознание как функции мозга. М., 1983; *Ее же*. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М., 1997.

нениями, не только как акты предикации, но и как целостный процесс движения ткани сознания, значений, смыслов и знаков, где есть место образам различной модальности, эмоционально-волевым проявлениям, словесным формулировкам. Более того, при таком подходе и сами предикативные акты, составляющие основу речевого мышления, должны рассматриваться иерархическим образом — начиная от элементарных слов-предложений, характерных для речи детей от года до двух, и кончая самыми сложными формами. В этом смысле идея Л. М. Веккера о речи как интеграторе сознания должна рассматриваться в генетическом аспекте: ранние формы речи не могут быть такого рода интеграторами: они еще слабо связаны с концептуальной сферой. Эта связь диффузна, неопределенна. При диссоциации сознания логико-концептуальные моменты, связанные с речью, опять же отходят на задний план. В. М. Аллахвердов предлагает в этой связи говорить о сенсомоторном сознании, отмечая, что моторные и сенсорные образы «написаны на разных языках» и первоначально «строят свои самостоятельные образы реальности», а затем на их основе строится «еще одно сознание, которое можно назвать вербальным»⁴⁶². Если согласиться с В. М. Аллахвердовым, то мы обладаем тремя видами сознания, но ни одно из них не дает нам возможности осознания действительности, тогда как эмоциональный сигнал «пронизывает все структуры, принимающие решение. Эмоция выступает в качестве непосредственно данного организму критерия эффективности как его физиологического состояния, так и его познавательной деятельности. Неведомо почему, эмоциональный сигнал при этом субъективно переживается»⁴⁶³. Эмоции, по Аллахвердову, и с этим согласны многие, выступают для организма как критерий успешности и эффективности. Все остальные задачи отходят на задний план. И вот тут-то на сцену выходит Главное Сознание, которое «стремится так управлять мозгом и организмом, чтобы достичь положительных эмоций. Главное сознание (или Разум) вмешивается в управление любыми процессами, протекающими в организме, но

---

⁴⁶² Аллахвердов В. М. Сознание как путь к осознанию // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009. С. 380—381.

⁴⁶³ Там же.

предпочитает наиболее безопасную игру — оно имитирует познавательную деятельность»⁴⁶⁴. Соответственно, целью его деятельности является не адекватное отражение или приспособление к среде, а получение положительных эмоций. Итак, сознаний несколько, главная задача — получение положительных эмоций. Отсюда, вероятно, и употребление психотропных веществ? Пять сознаний — очень яркий образ. Можно сюда добавить когнитивное, языковое сознание. И тогда, как выражается автор, возникает «картезианский театр» — в том, очевидно, смысле, что все остальные виды сознания, названные в цитируемой статье, — это порождение Телесной Субстанции, а Главное Сознание — это и есть Разум. Ясно, что от Декарта и Спинозы мы ушли совсем недалеко, если вообще три с половиной века развития науки и философии дали какое-то приращение знания.

Выше мы рассмотрели некоторые метафоры описания языка сознания; все они могут быть отнесены к так называемым базисным метафорам. Базисные метафоры, как указывает Н. Д. Арутюнова, не просто определяют наше представление о конкретном объекте или частной категории объектов, но формируют определенный способ мышления о мире или о его фундаментальной части⁴⁶⁵. В рассмотренных выше метафорах в каждом случае неявно задается тот или иной способ мышления, по крайней мере о некоторой фундаментальной части мира — сознании.

Следует также отметить, что практически все метафоры в нашем контексте представляют собой заимствования «чужих» понятий или образов. Причем заимствования не только из иных научных дисциплин, но и из других областей или стилей мышления. «В этом случае, — замечает автор глубокого исследования о роли метафоры в социальном познании, — в структуру интеллектуального действия включается ориентация на ту теорию или концепцию, откуда заимствуется категория»⁴⁶⁶. Совершенно очевиден следующий аспект, точно обрисованный Л. Д. Гудковым: заимствование понятий из каких-либо концепций означает, что «эти концепции в каком-то от-

---

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 296.

⁴⁶⁶ Гудков Л. Д. Метафора и рациональность (как проблема социальной эпистемологии). М., 1994. С. 267.

ношении авторитетны для говорящего; их "цитирование" является замещением критериев удовлетворительности или достаточности произведенных операций и действий. Метафорическое предъявление понятий есть выражение символической солидарности или референции к данной группе, перекладывание на нее ответственности за корректность и валидность обозначенных соответствующей метафорой процедурных действий»⁴⁶⁷.

Дело, разумеется, не ограничивается «выражением символической солидарности». *Метафору необходимо рассматривать как семантический модальный оператор осуществляемых категориальных синтезов.* Естественно, очень легко ввести в любой текст с использованием метафоры оператор «как если бы». В таком случае синтезированные с помощью этого понятия, которое выступает в качестве *tertium comparationis*, смысловые образы обесцениваются. Не может же, действительно, сознание состоять из «блоков» или представлять собой «поток» или, положим, «поступок». И тем не менее, как совершенно верно отмечает Л. Д. Гудков⁴⁶⁸, очевидность получаемых положений столь важна, что мы сплошь и рядом задаем такую позицию, при которой образ, вводимый с помощью метафоры, представляется нам наглядным и самоочевидным, и таким образом проводим рассуждение и обоснование.

Здесь необходимо особо подчеркнуть момент наглядности и чувственной достоверности того знания, которое дает метафора, а также особый характер сочетания ценностных и понятийных значений. Как отмечал И. Кант в «Критике чистого разума», без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. С этой точки зрения научная метафора представляет собой средство, позволяющее, не покидая среду привычного для ученого научного дискурса, обеспечить обращение к чувственности. Тем самым абстрактное содержание оказывается связанным с наглядным образом, а он, в свою очередь, несет в себе дополнительное, образное значение, так или иначе структурирующее видение предмета.

---

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Там же. С. 259.

Разумеется, метафорические описания включают в себя оператор «как если бы» и тем самым создают возможность отстройки от действительности и производства текстов, негомогенных в концептуальном отношении. Особенно ясно это становится тогда, когда к метафорам, описывающим явления с точки зрения их «конструкции», добавляются рассуждения каузального характера, т. е. такие, в которых выдвигаются гипотезы о происхождении данного явления.

Обратимся еще раз к текстам К. Г. Юнга. Содержанием бессознательного в трактовке Юнга, как известно, являются архетипы. В одной из своих работ он употребляет такие «строительные» метафоры: *архетипы* — «это, так сказать, скрытые в глубине *фундаменты* сознательной души... ее *корни, опущенные* не просто в землю, в узком смысле этого слова, но и в мир в целом», «...системы установок, являющиеся одновременно и образами и эмоциями. Они передаются по наследству вместе со структурой мозга, более того, они являются ее психическим аспектом. <...> В сущности, они представляют собой, если так можно выразиться, *хтоническую* часть души, то есть ту ее часть, через которую душа связана с природой, или, по крайней мере, в которой связь души с землей и миром наиболее заметна. Влияние земли и ее законов на душу проявляется в этих первообразах, пожалуй, особенно отчетливо» (курсив наш. — П. К., А. П.). Но так как, по признанию самого Юнга, «архетип и его функцию скорее следует понимать как часть доисторической, иррациональной психологии, а не как рационально продуманную систему»⁴⁶⁹, то, естественно, наиболее удобным способом визуализации этой мысли, придания ей эвидентности выступает опять же метафора. «Душа» человека, т. е. его психика, предстает как здание, верхний этаж которого был сооружен в XIX в., первый этаж датируется XVI в., а в глубине под каменной кладкой и подвалом обнаруживаются доисторические следы. Однако нижние этажи — это не только некое основание. Они реально живут в каждом из нас и время от времени проявляют себя, пишет Юнг⁴⁷⁰. Не вдаваясь здесь в рассмотрение проблемы коллективного бессознательного, следует отметить, что мифопоэтический

⁴⁶⁹ Юнг К. Г. Душа и земля // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1993. С. 136—137.

⁴⁷⁰ Там же. С. 137.

в своей сущности текст Юнга включает в себя вполне рационалистическую гипотезу о наследовании архетипических образов, а также механизмов «сгущения» сознания. При этом принципиальные вопросы о том, какова природа этого наследования, почему, если следовать Юнгу, сознание первобытного человека носило спорадический характер и в силу каких обстоятельств то же самое мы наблюдаем у ребенка, остаются без ответа. Даже если принять генетическую детерминированность архетипов, все равно механизм их актуализации будет не ясен.

Таким образом, мы видим, что в текстах К. Г. Юнга наряду с богатой метафорикой структурного характера выдвигаются гипотезы о *причинах* наблюдаемых явлений. В данном случае, как, впрочем, и у многих других представителей глубинной психологии, метафорика решительно преобладает над рефлексивными научными процедурами.

Следует ли стремиться к полному устранению метафорических описаний из теории сознания? Нам думается, что на современном этапе наших представлений о природе сознания — это невозможно. Нельзя не согласиться с мнением Л. Д. Гудкова, что метафорические образования с методологической точки зрения являются «структурами трансцендентального соединения различных теоретических систем, концептуальными переходами, соединениями разнотипных понятий с различной степенью генерализации и номинации, потенциалом ценностного проецирования»⁴⁷¹. Особо выделим следующий момент: метафорические структуры возникают в результате гипостазирования понятия (или концептуального блока понятий), наделения понятий не гипотетическим, а онтологическим статусом. Разумеется, такая операция таит в себе немало методологических опасностей. Сам Л. Д. Гудков полагает, что ослабление или исчезновение *предметного видения* в дисциплине означает, что задаваемые метафорой или другим герменевтическим каноном отношения соотнесения различных контекстов или систем объяснения обнаружили свою *фикциональную* природу. Утратив прежний характер нормативного определения реальности, они превратились в методический регулятив. В этих случаях выбор конкретного контекста со-

---

⁴⁷¹ Там же. С. 274.

отнесения перешел от академической группы к самому исследованию. А это значит, что «истинностные предикаты стали связываться с методологией, а не с содержательным знанием. Тем самым меняются функции знания. Исследование в этих случаях — это уже не оценка или толкование реальности, а ее объяснение *в категориях общей теоретической системы координат...*»⁴⁷² (курсив наш. — П. К., А. П.).

Исследование — это *всегда* объяснение реальности в той или иной системе координат (опять метафора). Другое дело, что существует постоянное взаимопроникновение «методологии» и «содержательного знания». По крайней мере, в гуманитарных науках «содержательное знание» всегда функционирует на основе той или иной методологии, хотя, разумеется, последняя неизбежно меняется в ходе прогресса знания. Опасность состоит не в этом, а в отмеченном Л. Д. Гудковым моменте функциональности метафорического объяснения, возникающего в результате одностороннего преувеличения значения той или иной стороны работы сознания или тех или иных его механизмов. Как раз это гипостазирование чаще всего и не осознается исследователями, что ведет к односторонности и потере способности к понятийной децентрации, смене точки зрения.

Другой, релевантный именно в контексте рассматриваемой проблемы аспект состоит в следующем. Поскольку мы не в состоянии избавиться от метафорического модуса описания работы сознания, можно поразмышлять над тем, какие из метафор являются более эвристичными, позволяют глубже проникнуть в суть исследуемого явления. Однако прежде чем мы произведем оценку metaphors of mind с данной точки зрения, есть смысл обратиться к опыту феноменологической философии, прежде всего к тому специфическому инструментарию, который выработан в рамках этого метода для анализа сознания. Нас интересует, как мы уже отмечали⁴⁷³, специфическая техника выявления различий и оппозиций, последовательного вскрытия слоев сознания и обнаружения в нем того, что можно отнести к опыту самого сознания.

---

⁴⁷² Там же. С. 275.

⁴⁷³ Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994. С. 364—367.

Основу этого подхода образует достаточно простая идея: сознание в целом тождественно изначальному опыту человека; от него невозможно отстраниться, дистанцироваться в силу его непространственности⁴⁷⁴ (но, добавим, можно дистанцироваться от вещей, явлений и даже образов, всплывающих в сознании, — именно в силу пространственности Мира вокруг нас и благодаря тому, вероятно, что чувственные образы несут на себе пространственно-временную маркировку). Однако будучи (особенно на первых этапах своего развития) тождественно изначальному опыту человека, сознание не остается неизменным, оно способно к развитию, дифференциации. С известной долей эвристического упрощения можно сказать, что развитие сознания и есть обретение опыта *различий*. Мы полностью согласны с В. И. Молчановым в том, что в любом модусе сознания действует целостностная структура опыта: различие — синтез — идентификация, причем опыт различий первичен и благодаря ему синтез и идентификация также становятся опытом⁴⁷⁵.

Вместе с тем, как мы уже отмечали ранее⁴⁷⁶, важно выбрать из множества возможностей те виды дистинкций, которые можно использовать для наших целей, т. е. для генетически ориентированного анализа сознания. Кроме того, выделяемые нами параметры должны согласовываться с эмпирическим материалом. Поскольку В. И. Молчановым проделана (с опорой на идеи Э. Гуссерля) в этом направлении определенная классификаторская работа, мы можем воспользоваться некоторыми ее результатами, адаптируя и изменяя их.

Начальный опыт сознания имеет в своей основе многообразие первичных различий, на базе которых формируются, в свою очередь, более сложные механизмы сознания. К первичному опыту сознания принадлежат различения базовых моментов: прикосновения, вкуса, света, цвета, запаха, различения в ощущениях временных («теперь», «только что», «еще нет»). На этой основе формируются не различения пространственных форм, как полагает В. И. Молчанов, а именно то, что он называет «первич-

---

⁴⁷⁴ Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. 1992. № 3. С. 23.

⁴⁷⁵ Там же. С. 24.

⁴⁷⁶ Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994. С. 364.

ными реакциями»: различие светлого и темного, горячего и холодного, тяжелого и легкого, сухого и влажного и т. п. Все это можно соотнести с «чувственной тканью» сознания.

Все эти различия (дистинкции) формируются в онтогенезе на его доречевой стадии. Затем, однако, образующиеся семиотические функции и на их основе вербальная сеть, которая сама есть в огромной степени результат интерсубъективно осуществленных дистинкций, позволяет не только проводить все более тонкие различения, но и делать это произвольно, сознательно, в соответствии с социально выработанными эталонами и образцами. И лишь благодаря включению интерсубъективных моментов, рождающихся не из «глубин сознания», а из социального взаимодействия, появляются различия «основных модусов сознания вне рефлексии»: восприятия, памяти, внимания, воображения. (В. И. Молчанов полагает, что в этом ряду должны быть названы «сомнение», «предположение» и тому подобные состояния.)

В этой связи нам представляется принципиальным следующее: нерелексивное различие эмоциональных состояний качественно отличается от таких модусов сознания, как сомнение, вера, предположение, удивление, надежда, гордость, раскаяние, огорчение, презрение, уважение и т. п. Они обычно включают в себя рефлективный момент, хотя он часто выражен не вполне отчетливо. Дж. Серл относит такого рода модусы сознания к числу так называемых «интенциональных состояний»⁴⁷⁷. Правда, признаки этих состояний не сформулированы им скольконибудь последовательно. Эвристичными, однако, являются его наблюдения, что многие переживаемые нами «осознанные состояния» не направлены на какой-либо предмет, но мы, по крайней мере *в принципе*, способны его так или иначе концептуализировать. Например, переживая определенное состояние, человек может сказать: «Мне грустно», «Я доволен» и т. п. В то же время человек может быть уверенным во множестве вещей, никогда не заостряя на них внимания, не размышляя специально о них до тех пор, пока в этом не возникнет необходимость. Совершенно очевидно, что нерелексивное различие эмоциональных состояний существенно отличается от «интенциональных состояний»

---

⁴⁷⁷ Серл Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 96—98.

— последние могут быть выражены с помощью речевого акта, быть включены в пропозициональную мыслительную структуру. Это, в свою очередь, ведет к дальнейшему расчленению ментального состояния, к повышению степени его рефлексивности и т. п.

Первая группа дистинкций лежит в основе того, что в дальнейшем мы будем называть *паракогнитивным* уровнем сознания. Основной признак здесь — неразделенность, несформированность механизмов выражения смысла. Паракогнитивный уровень выступает в качестве *функционального базиса* для следующего этапа, на котором происходит конструирование смысла. В своем чистом виде этот уровень не может быть *словесно оформлен*. Более того — он не может быть выражен и в других знаках. Прежде всего потому, что здесь — если строго следовать логике феноменологического описания — еще не произошло конституирования смысловых актов сознания. Возникновение такого рода актов — поистине ключевой момент в онто- и филогенетическом развитии сознания. Формирование смысловых актов сознания начинается еще на довербальной ступени и в когнитивном отношении опирается в первую очередь на различение актов сознания (восприятия, памяти, мышления) или состояния сознания (желания, отвращения, влечения и т. п.), с одной стороны, и знака (знаковой системы, пусть и самого примитивного вида) — с другой. Приобретая опыт когнитивно-коммуникативных актов, сознание оказывается в состоянии различать, если говорить несколько упрощенно, план содержания и план выражения. Поскольку здесь все же речь идет о нерефлексивных или слаборефлексивных процессах, то различия смысла и предмета, смысла и образа укладываются в дифференциацию плана выражения и плана содержания, которая для обыденного сознания предстает как *отделение смысла от знака*. Всякого рода тонкие дистинкции в этой сфере, как то: понимание осуществленного и неосуществленного смысла применительно к семиотическому акту, интенции и реального осуществления, различение типов знаков по отношению к тому содержанию, которое они должны передавать, размежевание между тем, что считается принадлежащим объективному миру, и тем, что относится к сознанию, установление корреляций содержания и формы⁴⁷⁸ и

---

⁴⁷⁸ Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Resphilogica: филологические исследования. М.: JL, 1990. С. 81.

подобные более сложные семантические отношения — относятся уже к рефлексивному опыту.

Структура этого уровня дистинкций в нашей трактовке значительно отличается от предложенной В. И. Молчановым. У него эта группа дистинкций начинается с различия *длительности, последовательности, одновременности*. Нет сомнений в том, что формирование мыслящего сознания (*Denkbewußtsein* Гуссерля) опирается в огромной степени на способность проводить указанные различия, как и в том, что в целом они начинают формироваться *до* появления того, что можно отнести к смыслопорождающей сфере сознания. Последняя же берет свое начало, по нашему мнению (причем мы должны помнить, что имеется в виду не психологический или психолингвистический, а именно феноменологический анализ), с различия *предмета* и его *функции* и лишь затем — *предмета* и его *целостного инвариантного образа*. Далее следует различие предмета и его значения, образа и его значения, значения и интенции на означение, на совершение неких *acts of meaning*, различие значения и знака, знакового выражения, его возможностей и т. п., различие безусловного, абсолютного, «естественного», с одной стороны, и конвенционального, относительного — с другой.

Различие конвенционального и безусловного В. И. Молчанов помещает на достаточно продвинутой этап своей классификации — среди дистинкций рефлексивного опыта, сразу вслед за дифференциацией *бодрствующего сознания* и *сновидения*. Совершенно очевидно, что различие бодрствующего и любого вида измененного состояния сознания, включая сновидческое сознание, достаточно элементарно. Разумеется, оно требует определенной степени рефлексии и интерсубъективности, так же как и различие конвенционального и «натурального». Но все же различие сна и бодрствования следует поместить на шкале первичности — вторичности много ниже, вместе с нерефлексивным различием эмоциональных состояний и нерефлексивным же переходом от одного акта сознания к другому («сменой настроений»), тогда как дистинкции натурального и конвенционального не только относятся к этапу конструирования смысла, но завершают эту группу различий — как логически, так и генетически. Сюда

же относится, по нашим представлениям, различие прямого и переносного смыслов.

Что касается рефлексивного уровня сознания и тех различий, с помощью которых мы можем описать его, то наиболее существенным, решающим выступает следующее: способность отличать, фиксировать, делать предметом размышления и сообщения некоторый модус сознания и некоторое его содержание и само осознание этого модуса и содержания. Все остальное, что выделяет в этой связи В. И. Молчанов, используя идеи и терминологию классической феноменологии (различие форм осознания времени и времени сознания как потока различий, различие актуального и потенциального горизонта сознания, дескрипции и конструирования, различие собственного опыта и опыта иного сознания), не представляется нам принципиальным. Более того, в этой связи вполне уместно задать вопрос о том, почему не используются, например, идеи поздней феноменологии о «конструировании жизненного мира» (Э. Гуссерль и развивавшие его идеи А. Шюц, Т. Лукманн, П. Бергер, Б. Вальденфельс и др.). В феноменологии «жизненного мира», особенно в ее наиболее позднем варианте, содержащемся в «Структурах жизненного мира» А. Шюца и Т. Лукманна⁴⁷⁹, также достаточно последовательно проводится различие между рефлексивными и нерефлексивными уровнями сознания. Причем, как мы имели уже возможность отметить, рефлексивность сознания и опыта в целом они связывают с языковой объективизацией.

Здесь необходимо сделать некоторые уточнения. Нет никакого сомнения в том, что всё так или иначе рефлексированное в сознании — это всегда в большей или меньшей мере вербализованное. В определенной степени справедливо и обратное: значительная часть вербализованных содержаний сознания может быть отнесена к числу рефлексированных. Мы опять сталкиваемся с парадоксальностью устройства сознания: с одной стороны, некоторые ментальные содержания, находящиеся в относительно светлой точке сознания, облекаются в знаки, понятные не только индивидууму, но и социуму; в то же время глубинные мотивации, порождающие данное речевое высказывание, не даны субъекту,

---

⁴⁷⁹ Schütz A., Luckmann Th. *Strukturen der Lebenswelt*. Stuttgart, 2003.

пусть он даже и специально рефлектирует над этим предметом. Или же мы имеем несколько иную ситуацию: при обмене репликами диалога время, отведенное на «рефлексию», подчас крайне незначительно, поэтому возможности рефлексии ограничены.

Парадоксальность сознания с точки зрения соотношения в нем рефлектированных и нерекфлектированных моментов была отмечена достаточно давно. Один из наиболее тонких исследователей этого вопроса писал в 1810 г.: «...так как эта рефлексия, которая должна происходить в том же сознании, есть состояние совершенно отличное от внешнего восприятия, *отчасти даже противоположное ему* — что частью всем известно, частью становится очевидным с первого взгляда, — то иным может показаться странным, как возможны в одном и том же сознании противоположные состояния»⁴⁸⁰ (курсив наш. — П. К., А. П.). В рационалистической теории И. Г. Фихте, являющейся одним из наиболее ярких выражений той «фаустовской картины души», о которой писал О. Шпенглер, «неизменное и прочное бытие свободы, которое и есть именно сознание, производится свободным актом»⁴⁸¹. Этот акт, продолжает Фихте, является в сознании прежде всего *напряжением и сосредоточением*. Далее он рассматривает различные ступени построения образа, которые им мыслятся как результат действия «свободной созидательной силы» по отношению к чувственным качествам. Нам нет нужды подробно рассматривать аргументацию Фихте. Для наших целей важно отметить, что, опираясь на субъективно-идеалистическое представление о сознании как активном начале, он приходит к некоторым, как мы полагаем, эвристическим соображениям. Во-первых, совершенно правильна его мысль, что самосознание включает в себя в качестве важного момента «знание о знании», а вслед за ним и одновременно с ним («в один нераздельный момент жизни», говорит Фихте) появляется знание принципа. Освобождаясь от давления непосредственной чувственности, «сознание Я переходит от рефлексии о знании к принципу, и они, неразрывно соединяясь в состоянии рефлексии, образуют единое»⁴⁸². Весьма поучителен в данном случае пример Фихте, с помощью которого он показывает данную трансформацию сознания. Сравнивая воспри-

⁴⁸⁰ Фихте И. Г. Факты сознания // Соч. СПб., 1993. Т. 2. С. 629.

⁴⁸¹ Там же. С. 633.

⁴⁸² Там же. С. 636.

ятие растения ребенком и взрослым натуралистом, он отмечает, что ребенок не может не видеть растение, если он бодрствует и растение попало в поле его восприятия, тогда как взрослый человек может и не видеть растение, хотя оно в поле его зрения, «ибо в это время он может заполнить свое сознание свободным построением образов и размышлением. Если же он решит видеть растение и наблюдать его, то для этого он должен будет оторваться от этого свободного хода мыслей и, может быть с усилием, подавить стремление фантазировать; он сосредоточивается, чтобы воспринимать, в чем не имеет нужды ребенок, у которого рассеяние невозможно...»⁴⁸³.

Во-вторых, надо особо выделить следующую мысль (несколько затуманенную у Фихте специфической терминологией): претерпевая развитие, сознание все больше становится свободно действующим началом. «Раньше, — пишет Фихте, — его причинность вытекала просто из его бытия, теперь в нем может что-то возникнуть только собственным свободным актом»⁴⁸⁴. Разумеется, активность сознания у Фихте преувеличена, но в чем он прав, так это в том, что сознание включает в себя в качестве необходимого момента освобождение от напора чувственных впечатлений, вначале довольно несистематизированных, и развитие творческой активности сознания — как в плане построения новых образов («свободное построение образов в размышлении»), так и в более общем смысле — как способности сосредоточиваться на некотором содержании, отбрасывая, отделяя от себя то, что мешает его работе. В-третьих, абсолютно верной является мысль Фихте о том, что, развиваясь, сознание «уже не может опуститься до первого состояния после того, как оно над ним возвысилось»⁴⁸⁵. Правда, поскольку непосредственно-чувственная ступень развития сознания трактуется Фихте крайне абстрактно, то оказывается, что «хотя сознание освободилось от первого состояния, оно все же может свободно в него возвращаться. Оно может себя *делать* таким сознанием, причинность которого заключается только в его бытии. Это возвращение известно всякому под именем внимания. К первому бытию, которое продолжает существовать, не поглощая всецело бытия сознания, прибавилось второе, властвующее над первым. Это второе, раз появив-

---

⁴⁸³ Там же. С. 637.

⁴⁸⁴ Там же. С. 676.

⁴⁸⁵ Там же.

шись, не может быть уничтожено, но оно свободно может снова отдаваться первому»⁴⁸⁶. Разумеется с «возвращением» к генетически более ранним состояниям все обстоит не так просто. Недаром в наше время достаточно широко используются различного рода психологические техники, с помощью которых иногда удается снять зажимы, накладывающиеся на наше сознание в процессе его развития. Но в чем Фихте безусловно прав, так это в том, что появление в сознании рефлексивного слоя (уровня, механизма и т. д.) вносит в него новое качество. То, что обобщенно называется рефлексией, есть нечто, достаточно успешно задерживающее «поток причинности, и тогда жизнь становится принципом благодаря возможности свободного акта»⁴⁸⁷. Иными словами, сознание перестраивается таким образом, что внешние воздействия, «ощущения», та, как говорил сам Фихте, противоположная деятельность не-Я, которая его неукоснительно теснит, будет отмыслена прочь и от него отвлечена. Формирование рефлексивного слоя, следовательно, должно рассматриваться, с одной стороны, как овладение особой техникой саморегуляции сознания и соответствующим инструментарием, а с другой — как достижение качественно нового состояния сознания. Это новое качество проявляется в следующих моментах:

1. Сознание становится «самоуправляемым», появляется не просто качество произвольности — возникает то, что называется *актами* сознания: способность прерывать целостность потока сознания и выделять в нем те элементы, которые необходимы для решения конкретной задачи. Гуссерль называл это двойной интенциональностью потока сознания⁴⁸⁸. Нам же представляется, что следует говорить о двойной интенциональности сознания, о возникновении оппозиции *поток сознания — акты сознания*.

2. Сознание приобретает более устойчивый характер — те самые «острова», которые, по Юнгу, составляют «архипелаг» сознания, не только во все возрастающем количестве «выплывают из тьмы», но и приобретают, если расширить метафору Юнга, все большую позиционную *устойчивость* относительно друг друга, что и является одной из причин нашей неспособности возвратиться к

---

⁴⁸⁶ Там же. С. 636—637.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 135—140.

генетически и гносеологически более раннему состоянию сознания и, по всей очевидности, к творческим решениям. «Острова» соединяются в «архипелаги» и «континенты», но тем самым теряется значительная доля подвижности, уменьшается способность к произвольному комбинированию элементов и получению нетривиальных результатов. Здесь мы можем выделить оппозицию следующего рода: частичное сознание — целостное сознание. Разумеется, эта дихотомия относится не только к процессу онто- и филогенетического развития. Вне всякого сомнения, и у взрослого человека, особенно в так называемых измененных состояниях сознания (алкогольное и наркотическое опьянение, сильная физическая и психическая усталость, состояния при пробуждении и засыпании), сознание может диссоциировать, из него «выпадают» отдельные участки, смысловые единицы, ограничивается сенсорное поле, снижается способность к произвольным актам сознания. У М. Шелера есть весьма точное суждение: «Животное и слышит и видит — не зная, что оно слышит и видит; чтобы отчасти погрузиться в нормальное состояние животного, надо вспомнить о весьма редких *экстатических* состояниях человека — мы встречаемся с ними в состоянии выхода из гипноза, при приеме определенных наркотиков, далее при наличии определенной техники деактивации духа, например при всякого рода органаистических культурах»⁴⁸⁹.

3. На ступени рефлексии сознание становится подлинно опосредованным. Эта опосредованность по меньшей мере двухуровневая: а) опосредованность сознания результатами предыдущей его работы в виде сенсорных эталонов, операций с ними, обобщений различного уровня, так или иначе связанных со знаками и действиями с ними (включая операции выводного характера); б) опосредованность теми общественными связями, которые в «снятом» виде проникли через коммуникацию и предметную деятельность в сознание. Можно говорить, в свою очередь, о трех формах, в которые отливается этот последний тип опосредования. На социально-психологическом уровне возникает разделение «Я» — «Другой». На начальных этапах этого развития субъект представлен в виде спонтанного чувства «Я», которому противопоставлено крайне диффузное «Ты».

---

⁴⁸⁹ Шелер М. Положение человека в Космосе // Избр. произведения. М., 1994. С. 156.

В дальнейшем происходит дифференциация «Я» и «Ты». Как бы ни трактовался этот «Другой» — как *generalized other* (т. е. обобщенный носитель социальных значений) у Дж. Г. Мида, или как потенциальная бесконечность у Э. Левинаса, предполагающая «силу встречи, дара, гостеприимства, полных рук», или как полное конфликтов «бытие для другого» Ж.-П. Сартра, или как универсальный диалог Ф. М. Достоевского и диалогическое сознание в трактовке М. М. Бахтина⁴⁹⁰, или как иерархия форм «Ты», соотнесение с которой и рождает «Я» (Л. Фейербах, М. Бубер, Т. Литт, Ф. Эбнер), или как достаточно абстрактная трактовка Гегелем механизма перехода от Бытия-для-себя к Бытию-для-других, — в любом случае мы видим, что «другое сознание» в истинно диалектическом смысле сомкнуто с нашим сознанием, проникает в него, так же как наше сознание проникает в сознание других людей, образуя поле intersубъективности;

4. Опосредованность сознания его психобиологическим фундаментом в виде *функциональных мозговых органов* (А. А. Ухтомский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. К. Анохин, Л. С. Цветкова), представляющих собой прижизненно образующиеся ансамбли корковых зон и подкорковых структур. Они формируются в деятельности, опосредованной общением, морфологически и функционально выступая ее мозговым фундаментом⁴⁹¹. Разумеется, мозговые функциональные органы начинают складываться еще до того, как появляется рефлексивный уровень сознательной деятельности. Однако их окончательное конституирование происходит тогда, когда в их состав включается (опять же морфологически и функционально) работа генетически наиболее молодых структур мозга — префронтальных его отделов. Не вдаваясь здесь в нейропсихологические тонкости, отметим, что функциональные мозговые органы можно рассматривать в качестве психобиологического субстрата высших

---

⁴⁹⁰ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 282.

⁴⁹¹ Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. М., 1969. С. 209—302; Владимиров А. Д., Лурия А. Р. Нарушение зрительного восприятия при поражении лобных долей мозга // Проблемы нейропсихологии: психофизиологические исследования. М., 1977; Цветкова Л. С. Мозг и интеллект. Нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. М., 1995.

психических функций: перцепции, мышления, внимания, памяти, произвольной предметной деятельности, речи. Собственно говоря, этот факт давно известен. Для нас важно подчеркнуть иное: высшие психические функции выступают в качестве *функциональных органов сознания*. Они не возникают в онтогенезе автоматически, «сами по себе», их становление предполагает включение целостного человека в процесс социализации. И социальные воздействия во всем их многообразии выступают как то начало, которое организует отдельные локусы мозга в ансамбль взаимосвязанных психических функций. Впоследствии они обретают устойчивость, даже ригидность, особенно после того, как закончится физиологическое созревание мозга, коррелированное с общим психофизиологическим созреванием организма.

Вернемся теперь к общей модели сознания. Как мы отмечали выше и как это неоднократно фиксировалось в серьезной литературе, посвященной данному вопросу, «несмотря на то, что во многих философских и психологических трудах сознание формально трактуется как *концептуальный монолит*, прямые утверждения о его однородности весьма редки. Это, вероятно, является следствием очевидной полиморфности феномена, обозначаемого словом "сознание"»⁴⁹² (курсив наш. — П. К., А. П.).

До сих пор наш анализ шел на двух уровнях, которые невольно пересекались. На первом уровне мы выявили особенности языка описания «концептуального монолита» сознания и показали, что принципиальная недизъюнктивность сознания — как в структурном, так и в функциональном отношении — выдвигает метафоры на первый план в качестве семантических средств описания сознания. Разумеется, когда речь идет об употреблении метафоры, то ее создание и понимание «есть результат творческого усилия: оно... мало подчинено правилам»⁴⁹³. Одновременно метафора при должном употреблении способна высветить не только существенные аспекты изучаемого предмета, но и такие его аспекты, которые не поддаются обозначению иными средствами. Не нужно лишь забывать о семантической двойственности метафоры. На втором уровне мы пытались отойти от метафорического способа описания и рассматривать соз-

---

⁴⁹² Шошин П. Б. Анизоморфизм эксплицитного и имплицитного // Бессознательное. Т. 3: Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. С. 660.

⁴⁹³ Дэвидсон Д. Что означает метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 173.

вание «как оно есть», феноменологически. Несложно заметить, что и в первом и во втором случае нам приходилось обращаться не только к «объективным» данным (т. е. полученным кем-то ранее в эксперименте и наблюдении), но и к интроспекции.

Попытаемся дать некоторый синтез — не только языков описания, но и идей. Что бы мы ни говорили о феноменологии сознания, о его образующих, вводя тем более представления о его «сгущении», «архипелагическом характере» и т. п., мы должны отдавать себе отчет, что все эти образующие и «острова» превращаются в ничто, если отсутствует *личностный центр сознания*. Так, кстати, и бывает при тяжелых психических расстройствах, затрагивающих личностные инстанции. «Острова», т. е. кусочки осмысленного опыта, скрываются во тьме, «архипелаг» сознания диссоциирует. У маленьких детей, у которых становление личности еще не закончилось, мы видим неспособность удерживать образующие сознания таким образом, чтобы был возможен, как говорили философы-классики, «акт творческого воображения».

Если принять существование личностного центра сознания, того далее нередуцируемого стержня, который крепит всю конструкцию сознания, то многие проблемы, обсуждавшиеся нами выше, предстают в ином свете. Разумеется, личностный центр сознания должен рассматриваться в аспекте материалистической антропологии. Нет никаких оснований не соглашаться *в самом общем смысле* с Фихте, когда он характеризует сознание как «самостоятельное бытие свободы»⁴⁹⁴, но при этом мы должны иметь в виду, что эта свобода не дается априорно: она есть результат не только длительного развития в онто- и филогенезе, но и постоянных усилий в повседневном бытии.

Тем не менее, включая представление о личностном центре, мы можем легко избегать формулировок об активности сознания, о его направленности (равно как и еще более сомнительных формулировок об активности, направленности или интенциональности языка либо иных знаковых систем). Активностью, направленностью, интенциональностью, избирательностью, способностью оценки, осмысления, понимания и прочим обладает,

---

⁴⁹⁴ Фихте И. Г. Факты сознания // Соч. СПб., 1993. Т. 2. С. 663.

разумеется, не сознание как таковое, а человек, наделенный сознанием. И это, естественно, не некий абстрактный человек, тем более не физическое тело, а личность, всегда соотношенная с другими личностями. Способность быть направленным на нечто иное, быть соотношенным с другими людьми, обладать уверенностью в собственном бытии покоится на мощном психобиологическом фундаменте, и если он дефектен изначально либо разрушился позднее, то сознание в подлинном смысле невозможно. Особенно это относится как раз к тем механизмам, которые обеспечивают связь с «другим Я».

Если немного упростить дело, то личностный центр сознания близок «Я-концепции» Р. Бернса. Однако в реальном функционировании сознания многие компоненты, выделенные Бернсом (например, так называемое «зеркальное Я» — представление о том, как меня воспринимают люди, «идеальное Я» — представление о том, каким я хотел бы быть, и т. п.), отнюдь не обязательно должны быть представлены. Мы полагаем, что минимальный набор компонентов, причем данный нам самим так, что мы в состоянии рефлексивно отделять их друг от друга в нашем собственном сознании, складывается из диалектического взаимодействия сознающего Я (Я как процесс) и Я, обладающего содержанием (Я как объект). Из этого, в свою очередь, вытекает Я как самооценка (в соотношении с другими Я) и действующее Я (тот момент, который переживается нами как «воля», «интенция» и пр.).

Соответственно, интеграторами сознания выступают не память, внимание, интеллект, речь сами по себе, но личностный центр сознания, а перечисленные выше психические функции выполняют инструментальную роль, будучи глубоко пронизаны личностным моментом. Личностный центр сознания всегда соотношен с другими Я, поэтому 1) он не есть нечто первичное, исходное (как, например, у Фихте), но возникает в процессе социального взаимодействия; следовательно, он 2) коммуникативен. Правда, внутренняя коммуникативность Я не вытекает прямо и непосредственно из всего вышесказанного; только внешняя коммуникативность может быть объяснена таким образом. Что касается внутренней коммуникативности, то она опосредована также и психобиологией, специфическим телесным устройством человека, позволяющим ему не только обращаться к другим людям, но и вести

нескончаемые диалоги со своим alter ego, через которое нам даны, в конечном счете, иные люди. «Диалог полушарий» в трактовке Вяч. Вс. Иванова и Ю. М. Лотмана являет собой в данном случае не более чем момент функционирования психобиологического фундамента сознания.

Что касается образующих сознания, то они должны пониматься именно как материал, из которого складываются функциональные органы сознания: перцепция, мышление, память, внимание, речь. Поскольку в сознание введены через его личный центр ценностные моменты, то естественно, что каждая единица информации, поступающая в него, оценивается с точки зрения ее отношения к нему самому и социуму.

Если мы хотим проследить развитие сознания в онто- и филогенезе, то должны оценивать его прежде всего с точки зрения его личностного компонента. Однако он не дан нам непосредственно. Поэтому рациональнее опираться в исследовании и на развитие образующих, и на развитие функциональных органов сознания, и на феноменологию сознания (в очерченном выше смысле). Феноменологический анализ как раз может показать то, что скрыто за многообразием явлений. Особенно это относится к проблемам, связанным с выделением основных сечений: дистинкции Я и не-Я, знака и значения, рефлексивного и нерефлексивного.

Философия и язык как универсальные «каталоги»⁴⁹⁵

Парадокс Рассела говорит о том, что невозможно создать каталог всех каталогов, но человек, тем не менее, стремится именно к этому: знания если не всех, то наиболее важных вещей должны быть упорядочены и упорядочены наилучшим образом. Такую же упорядоченность человек хочет видеть в социальной, нравственной, правовой и множестве других сфер жизни. Человек хочет жить в космосе, а не хаосе. Наиболее ярко это стремление к упорядоченности проявляется в философии — науке о всеобщем и лингвистике. Но где найти критерии, как проверить качество предлагаемых онтологических систем, как соотнести их

---

⁴⁹⁵ Написано в соавторстве с Л. Д. Петряковым.

между собой? Лингвистика — самая точная из гуманитарных наук, может помочь нам в этих поисках.

Проблема теоретического описания семантики естественного языка существует в лингвистике так давно, что претендует на статус «вечной». Многообразие средств и методов ее решения, а так же получаемых результатов ни сколько не уменьшают ее глубину. А возможно, что и увеличивают. Так что возникает вопрос: не является ли «естественный язык» человечества искусственным образованием?

Дело в том, что способы организации значений в языке, обнаруживаемые семантикой, подобны способам конструирования искусственных языков. Понять принципы организации одного из естественных языков часто означает создать свой, более простой язык, использующий подобные принципы. К примеру, «универсальная грамматика» Н. Хомского подобна грамматике английского языка. Если рассматривать конкретный язык с позиции его семантических возможностей, он предстанет перед нами как формальная система, искусственно сконструированная по произвольному основанию. Основными функциями языка станут: фиксация различий и их последовательный синтез в грамматических формах, словах и понятиях. Различие будет предшествовать правилам и словам языка, а слова — понятиям и мыслям, выражаемом на этом языке. Не состоит ли, в итоге, научный поиск в области лингвистики не в отыскании и анализе существующих фактов, а в конструировании и модернизации этих фактов? Тогда сутью лингвистики, как возможно и некоторых других гуманитарных наук будет не исследование предмета, существующего объективно, а постоянное конструирование своего предмета. В таком случае оно должно быть разделено на прикладное конструирование необходимых в жизни вещей (к примеру, новых понятий) и теоретическое, направленное на выяснение принципиальных возможностей и ограничений такого конструирования. Лингвистику в этом случае следует считать гуманитарно-технической наукой, а всю «естественную» основу языка (психосемантику, языковые способности человека и операционные способности знаков) свести в науку о «сопротивлении семиотического материала».

К такому странному, казалось бы, выводу можно прийти, учтя две фундаментальные особенности языка: условность языковых знаков и их большую «чувствительность» к интерпретации. Аналогию этим свойствам можно найти и в такой, безусловно естественной науке, как биология. В биологии почти каждый хорошо поставленный опыт дает (хотя бы статистически небольшой) положительный результат. Жизнь стремиться жить, даже в самых суровых условиях эксперимента. Так же поступает и человеческое общество: стремясь общаться, сохранять и передавать информацию об окружающем мире, люди будут использовать те знаковые системы, которые у них есть. В результате все языки оказываются равны по выразительной силе, будучи в то же время различны по большинству формальных признаков. «Загадка» семантики оказывается заключенной в двойственном характере языкового выражения: с одной стороны, оно наделено изначально понятным данному сообществу людей общезначимым смыслом, с другой — всегда «открыто» для субъективного использования, «человечно» и эту человечность нельзя игнорировать.

Классическая лингвистика стремилась отделить области исследования языка от изучения речевой деятельности, использования этого языка. Такая демаркация возможна, если мы говорим о развитии, современном языке. В XX веке определились два основных направления исследования языка, получивших название формализм и функционализм⁴⁹⁶. Первый исходит из изучения структурных особенностей «языка-в-себе» и мало затрагивает прагматику, «язык-в-общении». Второй, опираясь на метафору «язык-инструмент», исходит из семиотического понимания языка как системы знаков, которая служит и используется для достижения определенных целей. Формализм (Ф. де Соссюр, Н. Хомский и др.) исходит либо из отсутствия у языка точно определяемых функций, либо из независимости структуры от выполняемой функции, а функционализм (Л. В. Щерба⁴⁹⁷, Кобрин, Бондарко и др.) основывается на признании взаимозависимости между формой и функцией, рассматривает язык как социально-культурную деятельность. В функционализме структура языка обусловлена когнитивной или коммуникативной функцией, значение не атомично

⁴⁹⁶ Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 83—85.

⁴⁹⁷ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1972.

и зависит от контекста, категории размыты, грамматики возникают и видоизменяются, грамматические правила допускают отклонения для лучшего выражения смысла и т. д. Эти две парадигмы исследования языка могут быть отнесены к разным стадиям становления конкретного языка: функционализм — к слэнгу, пиджин, креол и другим, самым примитивным способам языкового взаимодействия людей, основанных на условности любого знака и слитности (слабой расчлененности) лексики и грамматики, когда грамматическую категорию можно вычленишь только по ее функции в высказывании. Формализм классического языкознания — это исследование развитых языков с устоявшимися нормами, правилами и категориями грамматики, с лексикой, выполняющей особую функцию, словами, значение которых однозначно определено культурным ритуалом, языков, формирующих строго определенную картину мира и человеческих отношений.

Было бы противоречиво утверждать, что язык происходит из двух источников: речи и «не-речи». Попытаемся выявить единственный источник языка, рассмотрев его классифицирующую (различающую) функцию в качестве главной. Для этого предположим, что интеллектуальная реальность (мир мыслей) человека находится под действием двух разнонаправленных сил: Силы отождествления и Силы различения, подобных силам притяжения и отталкивания в физике, инстинкту жизни и инстинкту смерти в концепции личности З. Фрейда, демонстрирующих философское единство противоположностей. Хаос впечатлений от материального мира под действием этих сил становится динамическим, неравновесным, случайно соединяет значения и знаки, а затем дробится на множество локальных систем. Хаос — бесформенное, неупорядоченное состояние мира, из которого рождается Космос, порядок, бытие⁴⁹⁸. То, что бытие в парменидовском смысле (постоянное и неподвижное) не есть последняя, предельная категория, может быть обосновано следующим рассуждением: бытие есть закон для явлений (вещей). А всякий закон есть связь двух и более сил, следовательно, в качестве последней категории нужно рассматривать не бытие, а категорию силы, упорядочивающей хаос, и сам хаос, проявляющийся в отсутствие этой силы.

---

⁴⁹⁸ Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 1995. С. 750.

Продемонстрировать эту гипотезу можно с помощью Англо-русского словаря американского сленга⁴⁹⁹ или русских словарей ненормативной лексики. Характерная черта таких словарей — большое количество синонимов, особенно для наиболее частотных слов. Многие сотни синонимов одного слова (имеющего одинаковое значение) — это не просто «избыточность языка». Можно сказать с уверенностью, что ни один «носитель» этого языка не знает и четверти синонимов частотных слов, хотя через определенный контекст, смысловое ударение и т. п., сможет их понять. Многие из слов имеют специальную сноску («мол.», «нарк.»), то есть они были взяты из сленга локального сообщества людей: молодежи, потребителей наркотиков, цирковых артистов, моряков, спортсменов и т. д. Но это не означает, что вся молодежь знает весь молодежный сленг. Скорее наоборот: сленг служит «кодом», отличающим и отделяющим данную молодежную группу от других групп (по территориальному или иному признаку). Нужно ли им «понимание» других локальных групп? А если все-таки нужно, в каком объеме?

В физических, информационных, социальных системах хаос характеризуется неравновесностью, непредсказуемостью, случайностью. В нем проявляется асимметрия значений и знаков, возникают локальные системы (локусы), подобные стоячим волнам. Языковые «локусы» (прото-языки, языковые фрагменты) подобны друг другу по своему строению, и выполняют общие функции: коммуникативную, познавательную, перцептивную и т. д., для которых используют специальную лексику. Интеллектуальная реальность классифицирует впечатления от материального мира, производя локальные классификации (языки) с разным лексическим и грамматическим содержанием. Система локусов эволюционирует, порождая новые локусы для выполнения специфических функций. Она напоминает живой многоклеточный организм на первых стадиях его эволюции. Классифицирующая способность языка при этом должна быть максимально широкой и компактной, т. е. включать минимум правил и категорий для различения максимального числа реальных объектов. Следова-

---

⁴⁹⁹ *Ротенберг Т., Иванова В.* Англо-русский словарь американского сленга. М., 1994.

тельно, эти правила и категории должны обладать максимальной различающей силой.

Рассмотрим пример: локальная классификация должна являться прагматической (необходимой и достаточной) выборкой языковых единиц локальным сообществом людей и включать в себя специальные классификации (СК), называющие явления и предметы материального мира: береза, дуб, ясень, осина... береза пушистая — береза бородавчатая, дуб красный — дуб черешчатый и т. д. Универсальные классификации (УК) (метаязыки специальных классификаций): семейство — род — вид — разновидность. Универсальная классификация должна являться правилом для специальной. К примеру, «универсальная грамматика» Н. Хомского подходит для построения высказываний естественного языка. Кроме того, необходимы Критериальные классификации (КК), содержащие признаки, различающие категории (УК), к примеру, рода и вида. В целом, классификацию такого типа можно назвать вертикально-ориентированной. Критерий различения, известный специалистам и выступающий в качестве «руководящей» идеи, одновременно формально-грамматической и содержательной, становится основой для формирования формальных правил и общих понятий, которым, в свою очередь, подчиняются слова — имена материальных объектов.

Но такие классификации имеют ряд недостатков: критерий, являющийся ее основой, выступает в качестве аксиомы и по мере накопления знаний может оказаться неточным, ошибочным, что потребует замены всей классификации. В «вертикальной» классификации формальные, грамматические категории сильно связаны с содержательными, лексическими. Так, что легко ошибиться, приняв один вид категорий за другой. Кроме того, что ни одна из грамматик не охватывает полностью особенности своей лексики, она же становится неприменимой к другим содержательным, лексическим системам. Мы оказываемся в ситуации, когда одно и то же содержание можно систематизировать разными способами и разные УК (грамматики) могут по-разному изменять, интерпретировать структуру СК (лексики). Возможна ли тогда вообще одна универсальная классификация (как и универсальная грамматика)? И главное (идейное) возражение: «вертикальная» классификация, будучи связана со своим содержанием и проверяя себя

им, утверждает свою единственность и «истинность» в аристотелевском смысле — как соответствие внешней реальности. Хотя всякая система, полученная из абстрагированных свойств реальности, будет этой реальности «соответствовать» в некотором смысле. Иного не дано. Проблема состоит в том, что нам неизвестно, соответствие каким свойствам реальности нашей знаковой системы будет нам полезно, тогда как соответствие другим будет бессмысленно и даже вредно. Но данная проблема считается не актуальной, так как приоритеты, «полезные свойства» мы выбираем заранее, а уже потом выстраиваем всю систему таким образом, чтобы именно эти приоритеты были достигнуты. В результате, к примеру, у Аристотеля, нравственные понятия имеют не всеобщий, а конкретно-исторический характер и при этом утверждают себя в качестве единственного, «вечного» критерия нравственности. Разумеется, это мешает другим понятиям, разработанным в других конкретно-исторических условиях, но по той же вертикальной схеме, утверждать свою единственность и ложность первых, что приводит к мировоззренческому конфликту.

С другой стороны, возможно существование классификации иного типа — «горизонтально-ориентированной», состоящей из классификатора (строгих формальных) значений (КЗ) и классификатора (реальных или сконструированных) объектов (КО), которые будут являться друг для друга специальными классификаторами (СК), а сами (для себя и для нас) выступать в качестве универсальных классификаторов (УК). То есть обе классификации будут взаимно-обратимыми и относительными: наше желание иметь единственную и простую классификацию вещей мира (по аналогии с Универсальной грамматикой) удовлетворяется нашим отношением к любой данной классификации как простой и единственной. Условием, при соблюдении которого подобное отношение будет эффективно, будет соответствие многообразия типов вещей многообразию их классификаций. Если считать разные виды классификаций реализациями одной — единственной в конкретных условиях, то отдельные классификации можно накладывать друг на друга и, соотнося их между собой, объяснять только формальные различия. Таким образом КО тождественен КЗ формально, но отличен содержательно.

Вместо критериального классификатора в «горизонтальной» системе будет использоваться (по мере необходимости) Классификатор правил (КП), с помощью которого КЗ и КО взаимно обуславливают и «наполняют» друг друга, т. е. выступают в качестве правил (второго уровня) друг для друга соответственно. Значение из КЗ будет являться правилом выбора объекта из КО, а каждый объект из КО — правилом подстановки (систематизации) значений из КЗ. Правилами могут служить как известные в лингвистике грамматические нормы, так и те, что присутствуют в языке имплицитно, на уровне интуиции. Будучи сформулированы в явном виде, они позволяют прояснить мысль и конструировать новые объекты — понятия, объекты — отношения, объекты — образцы.

Горизонтальная классификация избавляется от «культы объективности», от навязчивой необходимости проверять мысль не-мыслью, а точнее, вымышленной ранее, сконструированной «реальностью». Такой, какая отражена в понятиях «время», «причина», «эфир». Язык предстает здесь как строго формальная система, безразличная к любому содержанию, которое могут выражать с ее помощью. В этой классификации нет (идеологически) высших и низших понятий: все объекты и значения равны не только по отношению друг к другу, но и в отношении к своему содержанию. Приоритеты не заданы заранее. С помощью подобной классификации можно создавать разные мировоззрения и «картины мира» в языке, говорить о принципиальной множественности интеллектуальных миров и возможности взаимопонимания и сотрудничества между ними без попытки унификации.

В применении подобной классификации можно предположить возникновение двух проблем: проблемы «истины», т. е. предельного основания знания и проблемы общих понятий. Во-первых, строя горизонтальную классификацию мы по возможности отказываемся, от всякой «объективности» и соответствия нашей системы чему бы то ни было. Вместо «истины» мы преследуем вполне конкретные цели: глубины, полноты описания, простоты и компактности в целом — большей объяснительной силы наших абстракций. Проблема может возникнуть в дальнейшем, когда хорошо построенные абстракции, обеспечив свободу и самостоятельность во внешнем мире своих конструкторов, затруднят взаимопонимание между ними.

Во-вторых, роль основы взаимопонимания между людьми, культурами, могут играть общие понятия, такие как «благо», «красота», «справедливость», «терпимость». Многие этические системы являются относительными и авторскими, хотя фундаментальные понятия этих систем имеют чувственное происхождение, т. е. являются символами-заместителями имен человеческих органов и частей тела: сердце в древних текстах символизирует смелость, голова — любовь, чувственность, живот — жизненную силу. Подобно тому, как «светлое» и «темное» являются фундаментальной оппозицией зрительного восприятия, «добро» и «зло» являются фундаментальными оппозициями (оценками) человеческих поступков. Историческая параллель зла достаточно бедна: зло — грех — табу. Тогда как добро (good) представлено в сравнительном словаре 11 значениями, среди которых: приятный, красивый, удобный, правый (от правой, «правильной» руки), соответствующий, ужасный, нужный, полезный, имущество, спокойный, тихий. Добро и зло в этих значениях были в человеческих языках всегда, но их объем менялся с появлением новых понятий, уточнявших ограничивающих значение предшественников. С формальной стороны, они одновременно являются результатом анализа явлений и средством анализа других явлений, используются в качестве правил организующих содержание и, в качестве критерия применения этих правил, т. е. являются правилами для самих себя. Выход из этой «диктатуры» и самообоснования понятий видится в выделении из них собственно правил и формулировке этих правил в явном виде, отделении функции правила от функции оценки. При этом опора на чувственную основу понятий не даст новой классификации оторваться от «земли» и потерять свою связь с материальным миром.

Пример горизонтально-ориентированной классификации можно построить, дополнив классификацию семантических примитивов А. Вежбицкой⁵⁰⁰, которые будут выступать в качестве объектов (КО) с таким же количеством формальных значений (КЗ).

---

⁵⁰⁰ Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. С. 18.

- 21 объект:
1. *Субстантивы*: я — ты, кто — что, он — она...
  2. *Детерминаторы*: тот — этот, один — много, тот — другой...
  3. *Ментальные предикаты*: мочь — хотеть, верить — знать, быть — иметь...
  4. *Действия*: делать — происходить, стоять — двигаться, лежать — сидеть...
  5. *Пространство*: далеко — близко, внутри — снаружи, выше — ниже...
  6. *Время*: до — после, сегодня — завтра, вчера — сегодня...
  7. *Место*: здесь — там, когда — где, куда — откуда...
  8. *Чувство*: слышать — говорить, видеть — смотреть, нюхать — пахнуть...
  9. *Оценка*: хороший — плохой, прекрасный — безобразный, умный — глупый...
  10. *Таксономия (партономия)*: часть — целое, единое — многое, вид — род...
  11. *Отношение*: любить — ненавидеть, мой — ваш...
  12. *Дескрипторы*: большой — маленький, толстый — тонкий, высокий — низкий...
  13. *Сходство*: такой — другой, вроде (в общем) — в виде (выглядит иначе)...
  14. *Операторы-связки*: потому что — из-за, с (ним) — от (него), из (дома) — в (дом)...
  15. *Форма*: круглый — квадратный (угловатый), плоский — объемный, полый — цельный...
  16. *Причинность*: брать — отдавать, рождаться — умирать, находить — терять, создавать...
  17. *Род*: мужской — женский, взрослый — ребенок, живой — неживой...
  18. *Вид*: совершенный — совершенствующийся, законченный — продолжающийся...
  19. *Залог* (активный — пассивный): случилось — случай, произошло, было...
  20. *Сущность*: главное — второстепенное, суть — явление, форма — содержание...

21. *Разум*: рациональный — нерациональный (волевой, чувственный, интуитивный)...

21 значение:

1. +, есть, наличие чего-либо.
2. —, недостаток, нехватка.
3. **0**, нет, отсутствие
4. **1**, некоторое количество.
5. **max**, много.
6. **min**, мало.
7. + —, середина, норма, «так, ни то ни се», «нормально».
8. + **0**, оложительное отсутствие, «к счастью, его нет!».
9. + **1**, положительное количество, «но у нас было!».
10. + **max**, очень много⁵⁰¹.
11. + **min**, положительно мало, «еще чуть-чуть!».
12. — **0**, негативное отсутствие, «к сожалению, его нет».
13. — **1**, негативное отсутствие некоторого количества, «вот, только и всего-то...».
14. — **max**, большая недостача, «большая потеря».
15. — **min**, маленький недостаток, «если б ему да ... прибавить!»
16. **0 1**, отсутствие некоторого количества, «одного не хватает...».
17. **0 max**, полное несоответствие ожиданиям «он сегодня никакой», «ну, ты сказал...».
18. **0 min**, «подождите еще минуточку!», «немного не хватает...».
19. **1 max**, все до одного, полностью, «все, как один!»⁵⁰².
20. **1 min**, минимальное количество «сделай хоть что-нибудь!», «была бы хоть...».
21. **minmax**, большое — в малом, малое — в большом: «один за всех», «все за одного».

Каждый из объектов, в свою очередь, разворачивается в 4 смысла (противопоставления, семантические оси). К примеру, чувства:

⁵⁰¹ Там же. С. 36.

⁵⁰² Там же. С. 35.

говорить — слышать,
смотреть — видеть,
нюхать — пахнуть,
пробовать — вкус.

Следующая ступень иерархии: четыре степени (отличия) каждого из чувств. К примеру, вкус: сладкий, горький, кислый, соленый. Видеть (цвет): яркий, тусклый, насыщенный, бледный. Выстраивая их попарно в семантические оси, по правилу перестановки мы получаем количественные характеристики конкретного вкуса.

Объектам в их конкретном соотношении между собой присваивается одно из 21-го значения из набора КЗ. К примеру:

1. Большой — маленький (или большой — или маленький), значение «max».
2. Большой — небольшой (ближе к большому), значение «1».
3. Маленький — немаленький (ближе к маленькому), значение «min».
4. Не большой — не маленький (средний), значение «+».

КЗ и КО выступают в качестве правил друг для друга соответственно. Каждый из объектов КО разветвляется в смыслы и значения, а каждое из количественных значений «свертывается», входит в состав сначала группы из 4-х значений (смысла), а затем группы из 4-х смыслов (16 значений), т. е. категории универсального метаязыка.

Вообще, в данных классификациях объектами (КО) будут выступать объективированные сознанием чувства, а значениями (КЗ) субъективированные тем же сознанием оценки (интенсивность) этих чувств. Таким образом, здесь преодолевается противоположность между субъектом и объектом, индивидуальным и социальным. Классификация правил пока не рассматривается в качестве активного компонента данной системы. Выбор правил дает свободу поступков. Свобода, так же как и Благо, не может быть основана на чем-то ином, на несвободе. К тому же свобода более формальна, оторвана от конкретных благ. Следовательно, фундаментальной оппозицией, парадигмой «горизонтальной классификации» оказывается Сознание и Свобода, как единство противоположностей. Используя подобную систему, мы получили бы возможность конструировать понятия и мировоззрения с заданными свойствами и, так же определять свойства «естествен-

ных» понятий и теорий по их месту в заданной нами системе. Отчасти, мы уже умеем это делать, предвидим последствия теорий и действий, но эта способность предвидения не является правилом для большинства, не является нормой мышления.

Возможность свободного конструирования локальных классификаций не означает их бесконечное конструирование по произвольному основанию, скорее наоборот, она требует достаточного основания для появления в данной предметной области новой классификации. В качестве примера можно рассмотреть философскую проблему единства и множества как предельных оснований мира. Эта проблема в действительности шире и касается всего индоевропейского мышления, предполагающего отдельное существование знака и значения. Онтология, построенная на единстве (сущности, смысле) противоречит онтологии, построенной на знаке (множественности разных вещей). Обе они доказывают свою истинность своими методами. Здесь стоит вспомнить об объективности и привести аналогию с физикой: спор о корпускулярной или волновой природе света был разрешен в квантовой теории, где квант — не то и не другое, а нечто третье: «порция», «сгусток», обладающий свойствами того и другого. Ни знак, ни значение не есть «реальные величины» бытия. Это всего лишь более и менее устойчивые отражения в сознании чего-то реального. Это «реальное» не есть все бытие, но нечто важное в бытии («Дазайн» М. Хайдеггера?). «Важное в бытии» структурировано, а его структура отражена в сознании.

В связи с этим возникают два вопроса: сколько важных (к примеру — социально-экономических) изменений должно произойти, чтобы сознание изменило старую «картину мира», приведя ее в большее соответствие с новыми реалиями? При каких дополнительных условиях сознание неизбежно и резко изменит «картину мира»? Сознание здесь не есть постоянная и неотъемлемая характеристика человека, а всего лишь функция упорядочения привычных для него знаков на поле важных для него же значений. Нельзя переоценивать активность сознания, способного представлять одну и ту же реальность разными способами. Было бы полезно и рационально соотносить изменения в реальности с изменениями в сознании и говорить об активности человека, способного как адаптироваться к реальности, так и адаптировать ее под себя.

Критическим вопросом для обоснования горизонтальной классификации может быть такой: Не является ли структура «КО — КЗ — КП» в действительности подменой (КЗ формальный аналог КК, а КП формальный аналог УК) свойств и оценок (целей) — правилами достижения этих целей? То есть нарушением логической последовательности и онтологической иерархии? Почему правила должны быть «важнее» оценок и свойств? Дело в том, что «правило» — многозначное понятие. Его можно интерпретировать как «способ достижения цели», без которого правило потеряет всякий смысл. Но можно и как «средство разрешения противоречия» между целями, целями и средствами, целями и реальностью, между другими правилами и т. д. Упрощенно — как компромисс. Если мы ставим одно понятие «правило» в зависимость от другого «цель» (как бы мы это ни обосновывали), то мы никогда не сможем выйти за пределы существующей парадигмы и сказать нечто существенно новое. В горизонтальной классификации мы стремимся к тому, чтобы использовать формальные правила, упорядочивающие формальные значения в соответствии с формальной сложностью ситуации. По-видимому, понятие «свобода» выбора правил и, преобразования с их помощью ситуаций исключает понятие (общей) цели. «Цель» должна быть элиминирована из формальной системы.

Явные правила преобразования образов реальности допускают множественность целей и в то же время их имплицитность. Цель у каждого — своя. Оцениваться в данной системе в качестве верных или неверных, допустимых или не допустимых могут только средства, т. е. правила. Так как люди объективно преследуют свои цели, то и применение понятия «цель» оправдано в бытовом и содержательном смысле. Более того, каждый человек и организация, социальный институт могут преобразовать горизонтальную классификацию формальных значений и правил в вертикальную — критериев и правил (целей и средств). Но они не вправе утверждать единственность и истинность своей частной классификации для других областей знания и практики.

Как определить различающую способность понятий? Г. Фихте формулировал проблему человеческого познания, опираясь на убеждение, что человек всегда следует закону тождест-

ва, тогда как природа основана на законе различия⁵⁰³. Не перебрасывает ли принципиальная многозначность слов языка «мост» к закону различия, которым мы пока не пользуемся, чтобы мыслить различие, стоящее прежде всякого мыслимого тождества? Мысля многозначно, мы можем увидеть реальное «единство в многообразии», а не «за многообразием» — как закон, идеал или абстракцию. Увидеть «сущность» (главное свойство) среди явлений, а не за ними, но можем ли мы говорить «и то, и другое», а если можем, то до какой степени?

Любая вещь существует для нас постольку, поскольку отличается от других вещей, если даже не внешне, то по пространственно-временным характеристикам. Высшая цель диалектики по Платону — проводить различие. Различие делает вещи единственными и уникальными в своем роде, придает вещам ценность, тогда как общность объединяет и замещает одну вещь другой и один подобный термин — другим⁵⁰⁴. Различие, проявляющееся в процессе познания, относится скорее к существованию и производству понятий, чем к их некоторой постоянной «сущности». Различие проводится людьми⁵⁰⁵, это конкретный смысл, Ж. Деррида⁵⁰⁶ выделяет силу различия как «форму отношения к иному, в которую всегда погружено все самотождественное». И силу «различения» как «чистое движение, порождающее различие», «процесс формирования формы». Различие и различение здесь выступают как внутреннее и внешнее, сущность и явление, мысль и действие согласно этой мысли. Не будет ли мысль более ясной, если вместо этих двух сил ввести две внешние силы, действию которых подвергается мышление: различие и отождествление? Под их влиянием мышление структурирует хаос внешних впечатлений.

В. И. Молчанов представляет различение так: «Различение это не образ, не знак, не предмет, но источник образа, знака, предмета (как различенного). Различение всегда сопряжено со

---

⁵⁰³ Фихте И. Г. Ясное как солнце сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. М., 1937. С. 25.

⁵⁰⁴ Делез Ж. Различие и повторение. М., 1998. С. 13.

⁵⁰⁵ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 45.

⁵⁰⁶ Там же. С. 43.

значением образа, знака, предмета»⁵⁰⁷. В. Н. Трубецкой⁵⁰⁸ говорит о структурной логике различия в языке. В лингвистике, как и в философии языка, мы могли бы остановиться на этом отличии «различия» и «сходства». Хотя, следуя монистическому подходу в философской онтологии, следует признать и само понятие «сходство» моментом различия, выраженном уже не в пространственных, а временных координатах. Если очевидное для нас различие выражает по Ж. Делезу⁵⁰⁹ «жажду пространства», то повторение выражает «жажду времени»: повседневная деятельность, полная повторений, таких как укладка кирпичей, стирка, приготовление пищи и т. д. кажется «бесмысленной», так как одно повторяющееся действие неотлично от другого. Но их значение проявляется во времени: появляется новый дом, чистая одежда, сытость вместо голода. У В. И. Молчанова выделены следующие «первичные различия»:

1. Различие между различием, различенностью и различным.
2. Различие между передним планом и фоном.
3. Различие между нормой и аномалией.
4. Различие между значением, знаком и символом...

Два первых из них взаимно дополняют друг друга: второе различие является исходным пунктом в описании и экспликации первого различия, в частности, в описании перехода от различения к идентификации. Далее он пишет: «Акцент на различении выделяет опыт в собственном смысле, его самоотнесенность (любое различение — это различение различий), то, что традиционно называют самосознанием; акцент на различенности выявляет коррелят абсолютной дискретности различения, а именно: различие дискретности и непрерывности как основное свойство мира (как и его восприятия. — прим. Л. П., А. П.). Речь идет о границах определенных опытов и контекстов и иерархии этих границ...»⁵¹⁰.

---

⁵⁰⁷ Молчанов В. И. Сознание // Философия. Энциклопедический словарь. М., 2004. С. 788.

⁵⁰⁸ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 2000. С. 36.

⁵⁰⁹ Делез Ж. Различие и повторение. М., 1998. С. 13.

⁵¹⁰ Молчанов В. И. Сознание // Философия. Энциклопедический словарь. М., 2004. С. 788.

Лингвистическая наука, семантика, изучает две стороны содержания: значение и смысл. Философия говорит о неразрывной связи формы и содержания, но что есть содержание в его отношении к форме? Выдающийся лингвист Р. Якобсон говорил, что «значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак»⁵¹¹, более полный, широкий по объему, эксплицитный, наглядный. К примеру, значением слова будет его толкование, замена данного слова на выражение или ряд других слов. То есть лингвистика вместе с семантикой — науки о знаках. Содержание есть форма иной формы, выделенной из первой. А наука о содержании в философском, недуалистическом понимании — наука об эволюции форм.

Каково же отношение между двумя смежными уровнями формально-знаковой системы? Новый уровень, как правило, возникает из элементов старого, обогащая их новыми связями и превращая их, тем самым, в новые элементы. К примеру, элементами физической картины мира являются элементарные частицы, а будучи соединены в атоме, они становятся элементами следующего уровня — неорганической химии. Часть из них (макроэлементы), соединяясь между собой, создает еще один — органический уровень. На следующем, биологическом уровне, миллионы видов живого порождают разум, носителем которого становится всего один вид — человек. В социальной жизни людей сегодня сосуществуют более 200 государств, 6600 языков, приблизительно столько же — народов. Что они породят на следующем уровне эволюции? Можно заметить широкое основание и узкую вершину «пирамиды» каждого уровня. То есть новые связи не только дают элементам новые возможности, но и с неизбежностью ограничивают применение старых связей.

Продемонстрируем эту мысль геометрическими образами: представим, что мы находимся на грани куба, находящегося внутри другого куба (гиперкуб). Обращаясь внутрь, мы видим трехмерное пространство с тремя парными альтернативами: верх — низ, правое — левое, вперед — назад. Как аналогия семантических осей

---

⁵¹¹ Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 12.

добро — зло и прекрасное — безобразное. 8 вершин куба — это 8 категорий, находящихся в логической связи между собой (6 логических квадратов) и непротиворечиво описывающих окружающий мир. Если в трехмерном пространстве мы видим только три парные альтернативы (три координаты), в четырехмерном пространстве мы обнаружим четыре альтернативы (координаты) у каждой точки и 16 вершин (аналогов категорий) у гиперкуба.

Эти фигуры на первый взгляд кажутся несоразмерными, несоизмеримыми друг с другом, хотя гиперкуб является вполне естественным продолжением куба в N-мерном пространстве, как и куб — продолжение двухмерного квадрата. Если мы направляем свою мысль только на куб, мы остаемся «в плену» 8 категорий мышления и сознательно отказываемся от 16 категорий второго куба. Если же мы сознательно выбираем 16 категорий второго куба, мы должны понимать, что только 6 из 16 будут «взяты» из первого куба, а с двумя «старыми» категориями нам придется расстаться. (Соответствующие им вершины будут визуально полностью перекрыты другими категориями). Это напоминает гегелевское восхождение от абстрактного — к конкретному, при котором абстрактные, аналитические категории «поглощаются» конкретными — синтетическими. Хотя поглощаются только в одном направлении, сохраняясь в противоположном.

Эти два типа категорий (абстрактные и конкретные) несут за собой два типа операций (суммирование и синтез) и два типа методов: структурно-количественный и синергетический — качественный. При этом, как доказывает К. Бюлер⁵¹², по отношению к таким знаковым структурам, как слово и предложение, оба подхода верны с разных точек зрения. К примеру, в сложных словах: водонос, медонос сумма есть: «несущий воду» и «несущий мед», тогда как синтез указывает на конкретного субъекта действия: человека в первом случае и цветок во втором. После того как значение суммы было понято, требуется «изменение угла зрения», чтобы произвести синтез и обнаружить новое, дополнительное значение слова. Причем полученный синтез будет куда менее однозначен, чем сумма.

---

⁵¹² Бюлер К. Теория языка. М., 2000. С. 173.

На следующем этапе познания мы уже будем опираться на 20 категорий и откажемся от 4-х изначальных. То есть развертывание познавательной системы вовне есть ее свертывание внутри, а развертывание внутри есть свертывание вовне. Этим обеспечивается логическая цельность познавательной системы. Проблема взаимопонимания между альтернативными, но направленными вовне (от знака — к значению, от трех- к четырехмерному пространству) путями познания возникает потому, что число этих путей может быть равно числу категорий в изначальной системе и увеличиваться на каждом этапе познания и, следовательно, каждый ученый вправе выбирать свою «траекторию» познания. Платой за этот выбор становится неизбежная утрата разных категорий из начальной системы. Одна система конкретных категорий (СКК) становится независимой от другой СКК, поскольку утрачивается связь с изначальной системой абстрактных категорий (САК). В результате увеличивается дистанция непонимания между альтернативными, познавательными моделями.

В приложении к языку эта асимметрия форм разного уровня выражается в том, что рост числа связей между знаками расширяет возможности описания внешнего мира и сужает разнообразие этого описания. Каждый последующий уровень сокращает число знаков и увеличивает число их комбинаций. То есть чем сложнее отношения между знаками, тем проще мысль, которую они способны выразить. В речи происходит сужение смыслового поля по мере роста обобщений. Высококвалифицированные знаки способны описывать все, что угодно, но не способны сказать нечто принципиально новое. Наступает знаковый предел, т. е. исчерпание возможностей рекомбинации знаков, требующий введения новых знаков. Этой работой — созданием новых знаков, по преимуществу и должна быть занята лингвистика. Новые знаки в начале своего становления — это грамматические формы, семантические метаязыки, логические и математические знаки, на которые лингвисты стараются перевести высказывания естественного языка максимально полно и желательно более понятно. Но жизнь требует большего, и лингвистическая техника конструирования новых понятий и мировоззренческих систем должна помогать в решении теоретических проблем других наук и социальной практики.

Индивидуальный язык как основа иерархии языковых картин мира⁵¹³

Понятие «языковая картина мира» достаточно прочно вошло в научный обиход исследователей языка в настоящее время, будучи теснейшим образом связано с идиоэтническим направлением в языкознании и лингвофилософии, которое определил в свое время Вильгельм фон Гумбольдт. На протяжении XIX — начала XXI веков мысль о языковых картинах мира так или иначе рассматривалась такими учеными, как А. А. Потебня, Л. Блумфилд, Э. Сэпир, Б. Ли Уорф, Й. Л. Вайсгербер, Л. Витгенштейн, Н. Хомский, А. Вежбицкая и др., однако механизмы формирования данного явления остаются нераскрытыми по сей день. Здесь будет предпринята попытка обоснования существования иерархии разных вариантов языковых картин мира, основой которой полагается эволюционная цепь становления индивидуального языка и индивидуальной языковой картины мира.

Как уже указывалось, понятие о языковой картине мира появилось в контексте идиоэтнических размышлений В. фон Гумбольдта, которые, в свою очередь, стали отражением возросшего национально-языкового сознания вследствие окончательного формирования европейских языков и составления самостоятельных, т. е. написанных на этнических языках, а не на латыни, этноязыковых грамматик. Как известно, в концепции В. фон Гумбольдта проявилось антиномичное понимание языка. С одной стороны, он полагал, что язык — это «непроизвольная эманация духа, не создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба»⁵¹⁴. Отсюда убежденность, что каждый язык представляет собой свое собственное, отличное от других языков мировидение. По мнению ученого полнота мироощущения зависит от количества языков, которые знает человек. Изучая язык другого народа, человек погружается в его мир, и из него он может оценить все богатство мировидения своего народа: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить

⁵¹³ Написано в соавторстве с А. А. Обрезковым.

⁵¹⁴ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 49.

завоеванию новой позиции в прежнем видении мира»⁵¹⁵. С другой стороны, ученый пришел к выводу, что язык является также отражением единообразия окружающей действительности, самой природы, в том числе природы человеческой. Он, в частности, писал: «...существует лишь Один язык, точно так же, как есть лишь Один род человеческий, и всякое различие меж расами не устраняет ни понятие человечества, ни возможность регулярного размножения. Это становится еще более ясным, если подумать о том, что и воздействующие на человека и, тем самым, на его язык условия окружающей природы по большому счету те же самые, и средства, которыми пользуются все языки как звуками, заключены не в слишком широкие границы... Во всех языках поэтому встречается единообразие, и была бы тщетной надежда отыскать в каком-либо из языков что-либо совершенно новое»⁵¹⁶. Иными словами, каждый язык сочетает в себе два аспекта — универсально-объективный, связанный с отражением в языке объективной реальности, и субъективно-национальный или идиоэтнический, отражающий точку зрения на мир сообщества носителей данного языка. Последний элемент оппозиции и составляет языковую картину мира этноса, представляющую собой такое же диалектическое единство антиномий, как и язык. Соответственно, чем больше языков, тем богаче красками и оттенками общечеловеческая картина мира.

Как совершенно справедливо отметил О. А. Корнилов в своем исследовании, посвященном языковым картинам мира, мы не можем говорить о подобном образовании как об объективном явлении⁵¹⁷. Это умозрительное, субъективное понятие, обозначающее некую совокупность таких же умозрительных составляющих. Введение понятия «языковая картина мира» — это результат культурно-философского подхода к языку, рассматривающего его не просто как инструмент для выполнения определенных функций, но как продукт культурного развития того или иного народа, результат освоения и творческого осмысления окружающей мира. Отсюда понимание национально-языковой картины мира как неповторимого результата «мыслительно-

---

⁵¹⁵ Там же. С. 219.

⁵¹⁶ Цит. по: Радченко О. А. Язык как мирозидание. М., 1997. Т. 1. С. 56.

⁵¹⁷ Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 4.

эмоционального и духовного творчества конкретного этноса», его коллективного органа «самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума»⁵¹⁸.

В отличие от научной картины мира языковая картина мира далека от того, чтобы объективно отражать окружающую действительность. Используя метафору последователей нейролингвистического программирования, можно сравнить языковую картину мира с картой той или иной территории. А карта, как известно, это не сама территория. Совокупность же разных карт дает более или менее объективное представление об обозначаемой местности. Языковая картина мира априорно субъективна, во многом даже антинаучна и алогична, более того, в большой степени мифологична, однако ей нельзя отказать в образности, метафоричности и некой житейской мудрости.

Необходимо отметить, что соответствующая языковая картина мира, являясь ипостасью языка этноса, содержит в себе еще одну известную гумбольдтовскую антиномию — «энергея — эргон». С одной стороны, национально-языковая картина мира является результатом языковой деятельности этноса, коллективного творчества разных поколений отдельных представителей языкового сообщества и различных социальных групп, с другой — она незримо воздействует на носителей языка, во многом предопределяя их мировидение и обеспечивая с их помощью свое развитие. Продолжая цепь абстрагирования (или, что вернее, реконструируя ее начало), мы приходим к выводу о существовании индивидуальных языковых картин мира и картин мира, создаваемых различными структурными составляющими сообщества — семьями, социальными и профессиональными группами, слоями общества.

Отсюда — размышления о наличии у каждого человека, по большому счету, его собственного языка в пределах родного. С одной стороны, индивидуальный язык — это часть соответствующего этнического языка, отражающая общее мировидение данного народа и особенности общего с другими языками, с другой — это отражение своего личного неповторимого опыта освоения языка, заключающееся, в том числе, в особенности освоения окружающей действительности и включения в иерархию

---

⁵¹⁸ Там же. С. 137.

языковых картин мира, т. е. в формировании своего аутентичного мировидения. Языки, таким образом, в некотором роде являются «самостоятельными творениями индивидов»⁵¹⁹. Во многом именно интерференция индивидуальных языков и языковых картин мира является той основой, на которой зиждется национальная, а в итоге и общечеловеческая картины мира.

Естественно, говоря об «индивидуальном языке» не обойтись без ссылки на размышления о нем Л. Витгенштейна. В «Философских исследованиях» ученый, по сути, отрицает возможность наличия подобного языка на том основании, что, по его мнению, «Слова такого языка должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, к его непосредственным, личным впечатлениям. Так что другой человек не мог бы понять этого языка»⁵²⁰. То есть философ интерпретирует понятие «индивидуальный язык» достаточно буквально как автономную знаковую систему, искусственно созданную индивидом для выполнения неких специфических, значимых только для него функций, своеобразный персональный секретный код. История знает примеры создания подобных кодов для сохранения тайных знаний или сокрытия важной информации от недоброжелателей, и в этом смысле едва ли можно с полной уверенностью утверждать, что такой язык невозможен. С другой стороны, ученый полагает существование подобного языка немислимым в силу того, что все участники общения на конкретном этническом языке придерживаются определенных правил и норм, составляющих грамматику данного языка. Ниже будет продемонстрировано, что правила в отношении этнического языка носят не столько императивный, сколько настоятельно-рекомендательный характер, и взаимопонимание субъектов коммуникации вполне успешно достигается и без строгого следования этим правилам, а иногда и вовсе без их знания. Впрочем, необходимо учитывать специфическое понимание Л. Витгенштейном правил языка. В данной работе понятие «индивидуальный язык» будет означать не конкретный язык, как знаковую систему, но как некое условное образование, своеобразный субъективированный вариант соответствующего этнического языка, средство языко-

⁵¹⁹ Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005. С. 129.

⁵²⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования. § 243 [Электронный ресурс].

вой аутентификации, строительный материал для формирования разных уровней иерархии языковых картин мира.

Индивидуальный язык, в нашем понимании, — это во многом продукт личного творчества, воплощение оригинальности освоения окружающего мира и языка своего этноса. Это обретение своего неповторимого языкового стиля, почерка, отражающих особенности характера, темперамента, умственной организации, воспитания, образования, наследственности и т. д. Это то, что впоследствии выражается в узнаваемости того или иного автора, особенностях речи того или иного публичного человека. Становление индивидуального языка едва ли поддается какому-либо объективному наблюдению, поскольку в каждом конкретном случае оно происходит совершенно неповторимо. Индивидуальный язык знаменует собой рождение новой индивидуальной языковой картины мира и, если угодно, ее частичную реинкарнацию в языках и картинах мира своих отпрысков и ближайшего окружения. Не претендуя на научную объективность, попытаемся проследить этапы становления индивидуального языка.

Знакомство каждого ребенка с миром представляет собой глубоко личностный процесс. Первую вербальную и невербальную информацию о себе самом и окружающей действительности он получает от тех, кто находится рядом с ним, — родителей или людей, их заменяющих. Однако уже в первые месяцы жизни ребенок проявляет удивительное творчество при обработке информации, предоставляемой ему старшими. Еще А. А. Потебней было замечено, что ребенок на основе этих данных «совершенно самостоятельно составляет себе образы и понятия»⁵²¹, что выражается в неповторимости ассоциаций, которые вызывают у него те или иные объекты, названия их признаков, названия действий и т. д. Неповторимыми являются также как условия, так и характер освоения языка. Некоторые дети начинают говорить уже в возрасте 1,5 лет, другие же не разговаривают до трех лет. Одни дети начинают говорить отдельными словами, другие же — сразу словосочетаниями и даже предложениями. При этом в итоге все дети примерно в одинаковом возрасте приходят к освоению основных языковых навыков.

---

⁵²¹ Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989. С. 210.

Механизм освоения языка во многом остается загадкой и предметом дискуссий. Так, Н. Хомский, опираясь на авторитет В. фон Гумбольдта, постулирует наличие у детей некоего врожденного механизма освоения языка. В частности, он ссылается на слова В. фон Гумбольдта о том, что усвоение языка детьми представляет собой не только ознакомление со словами, не простую закладку их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнениями⁵²². Кроме того, в своей книге «Картезианская лингвистика» Н. Хомский цитирует мысль немецкого ученого о наличии примерного «критического» периода умственного развития и освоения детьми языка: «у детей происходит не механическое выучивание языка, а развертывание языковой способности доказывается еще и тем, что коль скоро для развития главнейших способностей человека отведен определенный период жизни, то все дети при разных обстоятельствах начинают говорить и понимать внутри примерно одинаковых возрастных пределов с очень небольшими колебаниями»⁵²³. Не вдаваясь подробно в суть концепции Н. Хомского, упомянем лишь, что им постулируется наличие определенного генетически обусловленного «языкового органа», который можно рассматривать в том же смысле, в котором ученые говорят о системе органов зрения, иммунной системе, системе кровообращения как неотъемлемых органах тела. «Понимаемый таким образом, орган не является чем-то, что можно удалить из тела, оставив остальное нетронутым. Это подсистема более сложной структуры»⁵²⁴. Каждый язык, по Хомскому, является результатом взаимодействия двух факторов: начального состояния и накопления опыта.

Основные противники этой теории, эмпиристы, оппонируя Н. Хомскому, постулируют, что дети воспринимают и имитируют язык окружающих и способны черпать из повседневного опыта общения с другими гораздо больше, чем принято считать. Однако это происходит не механически, а за счет отбора и сортировки лексических единиц.

---

⁵²² Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 78—79.

⁵²³ Цит. по: Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005. С. 129.

⁵²⁴ Chomsky N. Language and Mind: Current Thoughts on Ancient Problems [Электронный ресурс].

Так или иначе, дети удивительно быстро осваивают язык, на котором с ними говорят с рождения. При этом формирование каждого персонального языка происходит в рамках единого с членами ближайшего окружения языкового кода, который служит ребенку неким образцом, эталоном, точкой отсчета. Причем в каждом конкретном случае ребенок имеет перед собой специфический образец, который отражает образовательный и культурный уровень членов семьи и ближайшего окружения, психологическую атмосферу в семье и множество других субъективных факторов, тем не менее, объективно воздействующих на формирование индивидуального языка маленького человека. Однако такой языковой код не является догмой для ребенка. Он служит, скорее, своеобразным абрисом, намечающим формирование своего собственного языка. Недаром первые свои слова, кроме самых простых «мама», «папа», «баба» и некоторых других, ребенок упрямо произносит по-своему, несмотря на все усилия родителей, притом, что он достаточно быстро начинает понимать многие слова «нормального» языка взрослых и «правильно» на них реагировать. То есть ребенок создает собственную удобную для него знаковую систему, с помощью которой он с большим или меньшим успехом осуществляет коммуникацию с взрослыми.

Наряду с формированием специфического языка происходит оформление первой наивной языковой картины мира ребенка, которая на первых порах ограничена пределами ближайшего к нему окружения и его ценностей. Что касается понятий, находящихся за пределами этих границ, то на этом этапе происходит заочное знакомство с ними. Именно здесь особенно ярко проявляется дифференциация в формировании индивидуальных языковых картин мира, поскольку заочное знакомство с окружающим миром в различных семьях происходит совершенно по-разному в силу того, что в результате предшествующей рождению ребенка интерференции индивидуальных языковых картин мира родителей и других членов ближайшего к ребенку окружения формируется специфическая для данной семьи языковая картина мира, которую мы условимся называть «семейной языковой картиной мира». Отражение ее эксплицитно проявляется в воспроизведе-

нии детьми даже в достаточно взрослом возрасте речевых клише, слов-паразитов, интонационных особенностей, мимики и жестов, характерных для их родителей.

Первый серьезный экстраfamilialный опыт сосуществования индивидуальных языковых картин мира возникает при попадании ребенка в сообщество себе подобных. В детском дошкольном заведении или при другом плотном контакте с детьми из других семей начинается знакомство с «чужими» мирами, особенностями индивидуальных языков других детей. При всей эгоцентричности детей в этом возрасте в результате совместной игровой и бытовой деятельности происходит притирка маленьких личностей и их персональных языков друг к другу. В результате такой интерференции осуществляется обмен первичным языковым опытом, сопровождающийся развитием индивидуальных языков и взаимовлиянием языковых картин мира.

Вплоть до старшего дошкольного или младшего школьного возраста формирование индивидуальных языков и языковых картин мира протекает в основном стихийно, за счет эмпирического освоения действительности, вовлечения в различные языковые игры и подражания другим. С приходом в школу дети знакомятся с правилами языка, и начинается искусственное приведение их предшествующего языкового опыта в соответствие с установленными нормами. Процесс формирования языковой картины мира переходит на новый, более упорядоченный и системный уровень, на котором происходит более плотное знакомство с языковой картиной мира нации и первое знакомство с общечеловеческими нравственными и культурными ценностями, представляющими собой основу универсальной, общечеловеческой картины мира.

Необходимо отметить, что освоение учениками правил языка совершенно не означает неукоснительного следования им. Напротив, достаточно часто переход от эмпирического освоения языка к нормированному влечет за собой некоторый регресс, возникновение в речи ошибок, которых ребенок не допускал раньше, что происходит вследствие вынужденного соотношения своей речи с изучаемыми правилами и нормами. Грамматика языка, особенно та ее часть, которая содержит исключения, вступает в противоречие со сформировавшейся в

целом у ребенка естественной (наивной) логикой, называемой часто здравым смыслом. Он обнаруживает, что в языке далеко не все так стройно и последовательно, как ему казалось раньше. У многих возникает внутренний конфликт, который впоследствии нередко вырастает в непреодолимое препятствие на пути к освоению «правильного» языка. Тем не менее, освоение системы правил языка, представляя собой результат негласного общественного договора, является определенным гарантом целостности конкретного этнического языка и эталоном, на который ориентируются, но не обязательно ему следуют, носители данного языка.

Представляется важным то обстоятельство, что даже во взрослом возрасте большинство людей редко задумываются о том, применяют ли они язык в соответствии с правилами или нет. Более того, отклонение от нормы во многих случаях полагается своего рода нормой, неким признаком, отличающим представителей одной социальной или территориальной группы внутри одного языка от другой. К таким «неправильным нормам» можно отнести различные местные диалекты, профессиональные языковые особенности, арго и др. Причем нередко человек с «правильным» языком, попав в соответствующее языковое окружение, вынужден принимать соответствующие правила игры и адаптироваться к местным особенностям языка, дабы не выглядеть белой вороной. Кстати, подобная адаптивная способность, удивительная гибкость языка является еще одним аргументом в пользу индивидуального языка, так как его формирование происходит в том числе в результате подобной разнообразной языковой практики.

По достижении молодым человеком старшего подросткового возраста, соответствующего периоду окончания средней школы, закладывается основа формирования зрелого индивидуального языка, способного к саморазвитию, и в основном сложившейся индивидуальной языковой картины мира. В дальнейшем происходит ее эволюция в результате соприкосновения с различными индивидуальными, социальными и национальными языковыми картинами мира, которая продолжается вплоть до конца жизни. В том числе этому способствует включение в различные языковые игры вместе с освоением их правил. В этом смысле концепция «языковых игр»

Л. Витгенштейна замечательно вписывается в концепцию языковых картин мира. Языковые игры можно представить в виде механизмов адаптации одних языков и языковых картин мира к другим. Включение в разные языковые игры означает освоение либо совершенствование различных видов коммуникации, их особенностей, обретение так называемой языковой компетенции.

По мере обретения знаний, жизненного опыта и достаточной языковой компетенции индивид проявляет свое творческое начало в создании собственных языковых игр, либо модификации ранее усвоенных. Индивидуальная языковая картина мира, оставаясь открытой для новой информации, на этом этапе представляет собой потенциальный кладезь опыта для подрастающего поколения. Происходит переход от уровня абсорбции и переработки данных, характерного для периода обретения знаний и опыта, к уровню все более активной передачи данных младшим членам языкового сообщества, к которым могут относиться собственные дети и внуки, ученики и студенты, а также просто молодые люди, с которыми у данного индивида возникает процесс коммуникации, и для которых он является авторитетом. В этот период языковая картина мира личности содержит в целом сформировавшееся представление об окружающем мире. Это позволяет деятельно участвовать в создании языковых картин мира своей семьи, социальной или профессиональной группы, к которым принадлежит индивид, и, в конечном счете, своего этноса.

Завершением эволюционной цепи или началом очередного витка развития индивидуальных языка и языковой картины мира можно полагать частичное их возрождение в собственных детях и/или учениках через оказание явного и неявного влияния на формирование их индивидуальных языков и картин мира.

Таким образом, описанный процесс является, по сути, отражением или, вернее, составной частью эволюции человека, что лишней раз подтверждает отражательный характер человеческого языка.

Попробуем резюмировать приведенные выше размышления. *Во-первых*, как индивидуальный язык, так и языковая картина мира любого уровня представляют собой диалектическое единство нескольких антиномий: универсальное (всеобщее) —

специфическое (в зависимости от уровня языковой картины мира специфическое может означать «индивидуальное», «узко-профессиональное», «идиоэтническое» и т. д.); деятельность — продукт деятельности. *Во-вторых*, языковые картины мира можно представить в виде определенной иерархии, в основе которой находится индивидуальный язык: общечеловеческая языковая картина мира есть результат интерференций национальных языковых картин мира, которые в свою очередь представляют собой продукт пересечений и взаимовлияний языковых картин мира социальных групп и слоев населения, а те — результат взаимовлияний семейных и индивидуальных картин мира. Индивидуальный язык и языковая картина мира в глобальном смысле являются одновременно началом и продуктом формирования национальной и общечеловеческой языковых картин мира, так или иначе пронизывая все уровни данной иерархии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авакян А.* Гносеологический анализ гипотезы Сепира-Уорфа: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ереван, 1972.
- Адамар Ж.* Исследование процесса изобретения в области математики. М., 1970.
- Аллахвердов В. М.* Сознание как путь к осознанию // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009.
- Антонов Н. П.* Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959.
- Апель К.-О.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. 1997. № 1.
- Арутюнова Н. Д.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Арутюнова Н. Д.* Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Res philologica: филологические исследования: памяти академика Г. В. Степанова. М.; Л., 1990.
- Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Бассин Ф. В.* О современном кризисе психоанализа (Вступительная статья) // Шертков Л. Непознанное в психике человека. М., 1982.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бельтюков В. И.* Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи. М., 1977.
- Берташвили И. С.* Память позвоночных животных: ее характеристика и происхождение. М., 1974.
- Беспалов Б. И.* Действие. Психологические механизмы визуального мышления. М., 1984.
- Блонский П. П.* Избранные психологические произведения. М., 1964.
- Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
- Бонно де Кондильяк Э.* Логика, или Начала искусства мыслить // Бонно де Кондильяк Э. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1983.
- Бор Н.* Атомная физика и философия // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.
- Брудный А. А.* Хождение за три мира // Знание — сила. 1985. № 1.

- Брудный А. А.* Экспериментальный анализ понимания // Вопросы философии. 1986. № 9.
- Брунер Дж.* О познавательном развитии // Исследование развития познавательной деятельности. М., 1971.
- Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван, 1968.
- Брутян Г. А.* Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Вопросы философии. 1972. № 10.
- Брутян Г. А.* Методологические аспекты принципа дополнительности // Философские науки. 1974. № 5.
- Брутян Г. А.* Принцип лингвистической деятельности // Философские науки. 1969. № 3.
- Булахова Л. А.* Вариант психического дизонтогенеза с ранним развитием абстрактного мышления // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1982. Т. XXXII. Вып. 3.
- Булыгина Т. В.* Язык в сопоставлении с другими системами знаков // Общее языкознание. М., 1970.
- Бэйтс Э.* Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. М., 1984.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Вайман С.* Неевклидова поэтика. М., 2001.
- Валлон А.* От действия к мысли: очерк сравнительной психологии. М., 1956.
- Васильева Т. В.* «Стихослагающая» герменевтика М. Хайдеггера как метод историко-философского исследования // Проблемы марксистско-ленинской методологии истории философии. М., 1987.
- Вежбицка А.* Из книги «Семантические примитивы»: Введение // Семиотика. М., 1983.
- Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
- Веккер Л. М.* Психические процессы. Т. 2: Мышление и интеллект. Л., 1976.
- Веккер Л. М.* Психические процессы. Т. 3: Субъект, переживание, действие, сознание. Л., 1981.
- Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А.* Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11.

- Винарская Е. Н.* Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. М., 1987.
- Винер Н. Я* — математик. М., 1967.
- Виноград Т., Флорес Ф.* О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М., 1996.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования. § 243 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kant.narod.ru/witt.htm> (дата обращения: 23.04.2016) Заглавие с экрана.
- Владимиров А. Д., Лурия А. Р.* Нарушение зрительного восприятия при поражении лобных долей мозга // Проблемы нейропсихологии: психофизиологические исследования. М., 1977.
- Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929.
- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
- Вуд Дж.* Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.
- Выготский Л. С.* Из записок-конспекта Л. С. Выготского по психологии детей дошкольного возраста // Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978.
- Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982—1984.
- Вышеславцев Б. П.* Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М., 1994.
- Гадамер Х.-Г.* Введение к работе Мартина Хайдеггера «Исток художественного творения» // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Гальперин П. Я.* Языковое сознание и некоторые проблемы взаимосвязи языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4.
- Гамкрелидзе Т. В.* Бессознательное и проблема структурного изоморфизма между генетическими и лингвистическими кодами // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1985. Т. 4.
- Гамкрелидзе Т. В. Р. О.* Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3.
- Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Наука логики. М., 1975. Т. 1.

- Геодакян В. А.* Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования. Методологические проблемы. М., 1987.
- Гиглери М.* Социальная экология шимпанзе // В мире науки. 1985. № 8.
- Глезерман Т. Б.* Мозговые дисфункции у детей. М., 1983.
- Глезерман Т. Б.* Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии. Афазия и интеллект. М., 1986.
- Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М., 1987.
- Горелов И. Н.* Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин, 1987.
- Горелов И. Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
- Горелов И. Н.* Проблема «знак-представление» в психолингвистическом эксперименте // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Горелов И. Н.* Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
- Горелов И. Н.* Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. М., 1987.
- Горелов И. Н., Енгальчев В. Ф.* Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. М., 1991.
- Григорьева Т. П.* Дао и Логос: Встреча культур. М., 1992.
- Гудков Л. Д.* Метафора и рациональность (как проблема социальной эпистемологии). М., 1994.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М., 1985.
- Гусейнов Г.* «Сколько не таимничай, а будет сказаться» // Знание — сила. 1989. № 1.
- Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. М., 1994. Т. 1.
- Делез Ж.* Различие и повторение. М., 1998.
- Деррида Ж.* О грамματοлогии. М., 2000.
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
- Джемс В.* Психология. М., 1991.
- Дмитревская И. В.* Коммуникативное пространство и время // Антропологическое измерение глобализационных процессов. Владимир, 2003.

- Дмитревская И. В., Портнов А. М., Смирнов Г. С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. Иваново, 2002. Вып. 1.
- Дубровский Д. И.* Информация, сознание, мозг. М., 1980.
- Дьяконов И. М.* Введение // Мифология древнего мира. М., 1977.
- Дэвидсон Д.* Что означает метафора // Теория метафоры. М., 1990.
- Ерахтин А. В.* О природе «интеллекта» высших животных // Философские науки. 1982. № 2.
- Жинкин Н. И.* Семиотические проблемы коммуникации животных и человека // Теоретические и прикладные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973.
- Жинкин Н. И.* Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965.
- Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Л., 1974.
- Забродин Ю. М., Потемкина О. Ф., Рубахин В. Ф.* Слоисто-ступенчатая модель переработки информации человеком // Когнитивная психология: Материалы финско-советского симпозиума. М., 1986.
- Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях: в 2 т. М., 1964. Т. 1.
- Звегинцев В. А.* Очерки по общему языкознанию. М., 1962.
- Земляной С.* Что такое эзотерический марксизм («Золотые 20-е» в творчестве Бахтина и представителей его школы) // НГ. EXLIBRIS. 28.01.1999.
- Зенков Л. Р.* Бессознательное и сознание в аспекте межполушарного взаимодействия // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1985. Т. 4.
- Зенков Л. Р.* Некоторые аспекты семиотической структуры и функциональной организации «правополушарного мышления» // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 1.
- Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Л., 1991. Т. 2.
- Зинченко В. П.* Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. № 5.
- Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2.
- Зинченко В. П.* Наука о мышлении // Психологическая наука и образование. 2002. № 2.

- Зинченко В. П.* Проблема «образующих» сознания в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1988. Т. 3.
- Зинченко В. П.* Проблемы психологии развития // Вопросы психологии. 1991. № 6.
- Зинченко В. П.* Проблемы психологии развития (Читая О. Мандельштама) // Вопросы психологии. 1991. № 4.
- Зинченко В. П., Смирнов С. Д.* Методологические вопросы психологии. М., 1983.
- Зинченко П. И.* Непроизвольное запоминание. М., 1961.
- Иванов Вяч. Вс.* Бессознательное, функциональная асимметрия, язык и творчество // Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования: в 4 т. Тбилиси, 1978. Т. 4.
- Иванов Вяч. Вс.* До — вовремя — после? Вместо предисловия // Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсон Т. В. В преддверии философии. М., 1984.
- Иванов Вяч. Вс.* К лингвистическому и культурно-антропологическому аспектам антропогенеза // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
- Иванов Вяч. Вс.* Нейросемиотический подход к знаковым системам искусства // Человек в системе наук. М., 1989.
- Иванов Вяч. Вс.* Симпозиум по структурному изучению знаковых систем // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.
- Иванов Вяч. Вс.* Художественное творчество, функциональная асимметрия мозга и образные способности человека // Текст и культура: Труды по знаковым системам. Тарту, 1983. Вып. 16.
- Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 1995.
- Исенина Е. И.* Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
- Исенина Е. И.* Психологические закономерности речевого онтогенеза (дословесный период). Иваново, 1983.
- Исмаилов Б.* Язык и познание мира. Ташкент, 1969.
- Исследование развития познавательной деятельности. М., 1971.
- Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

- Кармин А. С.* Атрибуты сознания // Генезис, структура и функции индивидуального сознания. Иваново, 1988.
- Кесарев В. С.* Пространственная организация мозга человека в аспекте соотношения биологического и социального // Методологические аспекты науки о мозге. М., 1983.
- Кобзарева Т. Ю., Лахути Л. Г.* О структуре денотативного значения предлогов // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М., 1971.
- Колшанский Г. В.* Семантика слова в логическом аспекте // Язык и мышление. М., 1967.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
- Коришунов А. М.* Диалектика чувственного отражения // Философские науки. 1979. № 1.
- Коришунов А. М.* Теория отражения и активность субъекта. М., 1978.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. М., 1977.
- Крауфорд Ф.* Волны // Берклеевский курс физики: в 5 т. М., 1984. Т. 3.
- Крушинский Л. В.* Элементарная рассудочная деятельность животных и ее роль в эволюции // Философия и теория эволюции. М., 1974.
- Кудряшова Т. Б.* О современной парадигме языков познания в антропологическом измерении // Антропологическое измерение глобализационных процессов. Владимир, 2003.
- Кулакова Л. А.* Вариант психического дизонтогенеза с ранним развитием абстрактного мышления // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1982. Вып. 3.
- Ларичев В. Е., Арустамян А. И.* Ачинская скульптура из бивня мамонта — аналоговый вычислитель древнекаменного века Сибири // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987.
- Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
- Левин И.* Из воспоминаний // Левин И. Сочинения: в 2 т. М., 1994.
- Левицкий В. В.* Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
- Лейбниц Г. В.* Монадология // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. М., 1982. Т. 1.

- Лекомцева М. И.* Семантика некоторых риторических фигур, основанных на тавтологии (на материале «Похвального слова Кириллу-философу» Климента Охридского) // Структура текста. М., 1980.
- Леонтьев А. А.* Генезис семантической теории: античность и средневековье // Вопросы языкознания. 1989. № 1.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
- Леонтьев А. А.* Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Леонтьев А. А.* Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Литвин Ф. А.* О степенях предикативности // Филологические науки. 1984. № 4.
- Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. М., 1985. Т. 1, 2.
- Ломов Б. Ф., Гамезо М. В., Рубахин В. Ф.* Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977.
- Лосев А. Ф.* Дерзание духа. М., 1988.
- Лосский Н. О.* Обоснование интуитивизма // Избранное. М., 1991.
- Лотман Ю. М.* Асимметрия и диалог // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Тарту, 1983. Т. XVI.
- Лотман Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12.
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
- Лотман Ю. М.* Культура и текст как генератор смысла // Кибернетическая лингвистика. М., 1983.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2001.
- Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. М., 1969.
- Лурия А. Р.* Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). М., 1968.
- Лурия А. Р.* Мозг человека и психические процессы. Т. 2: Нейропсихологический анализ сознательной деятельности. М., 1970.
- Лурия А. Р.* Нейропсихология памяти. М., 1974. Т. 1. М., 1976. Т. 2.

- Лурия Л. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
- Ляудис В. Я.* Память в процессе развития. М., 1976.
- Майданов А. С.* Принцип отражения и проблемы семиотики // Вопросы философии. 1977. № 1.
- Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Манин Ю. И.* К проблеме ранних стадий речи и сознания (филогенез) // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 12. М., 1958.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 19. М., 1961.
- Мартинс А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.
- Мартьянов В. В.* Категории языка. Семиологический аспект. М., 1982.
- Марцинковская Т. Д., Полева Н. С.* Роль государственной академии художественных наук в научной судьбе Б. М. Теплова // Вопросы психологии. 1998. № 4.
- Марченков А. А.* Коммуникативное пространство личности в эпоху глобализации // Антропологическое измерение глобализационных процессов. Владимир, 2003.
- Маслов С. Ю.* Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. М., 1982. Вып. 18.
- Мейзерский В. М.* Структура языкового сознания // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев, 1980.
- Мещеряков А. И.* Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М., 1974.
- Мигирин В. П.* Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.
- Митькин А. А.* Системная организация зрительных функций. М., 1988.
- Молчанов В. И.* Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. 1992. № 3.
- Молчанов В. И.* Философия Хайдеггера и проблема сознания // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.

- Молчанов В. И.* Сознание // *Философия: Энциклопедический словарь.* М., 2004.
- Москович В. М.* Семантическое поле цветообозначения и некоторые аспекты гипотезы Сепира-Уорфа // *Москович В. М. Статистика и семантика.* М., 1969.
- Мотрошилова Н. В.* Анализ «предметностей сознания» в феноменологии Э. Гуссерля // *Проблема сознания в современной западной философии.* М., 1989.
- Муканов М.* Психологическое исследование рассудка в историко-этническом аспекте: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1980.
- Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. М., 1979.
- Налимов В. В.* Спонтанность сознания: Вероятностная архитектоника смыслов и смысловая архитектоника личности. М., 1989.
- Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. М., 1995.
- Нахов И. М.* Физиогномика как отражение способа типизации в античной литературе // *Живое наследие античности. Вопросы классической филологии.* М., 1987. Вып. 9.
- Невская А. А.* Межполушарные различия при зрительном восприятии // *Сенсорные системы: сенсорные процессы и асимметрия полушарий.* Л., 1985.
- Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. М., 1960.
- Орлов В. В.* Материя, развитие, человек. Пермь, 1974.
- Осорина М. В.* Экспериментальное исследование образных структур на разных уровнях мыслительной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976.
- Павлов И. П.* Полное собрание трудов: в 6 т. Т. 4: Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.; Л., 1947.
- Панов Е. Н.* Зрительное общение животных // *Физиология поведения: Нейробиологические закономерности.* Л., 1987.
- Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. СПб., 2005.
- Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петров В. В.* От философии языка к философии сознания // *Философия, логика, язык.* М., 1987.
- Пиаже Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // *Семиотика.* М., 1983.
- Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М., 1982.

- Плеснер Х.* Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- Плотников В. И.* Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975.
- Подорога В. А.* Erectio: Геология языка и философствование М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества. М., 1976.
- Портнов А. Н.* Биологические и социальные факторы в развитии и функционировании языка и языкового общения // Биология в познании человека. М., 1989.
- Портнов А. Н.* Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX—XX веков: методологический анализ основных направлений исследования: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 1998.
- Портнов А. Н.* Интеллект и коммуникация в их взаимосвязанном развитии // Мысль и тест. Фрунзе, 1988.
- Портнов А. Н.* Язык, мышление, сознание: Психолингвистические аспекты. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1988. 90 с.
- Портнов А. Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994.
- Портнов А. Н.* Эволюционно-генетические проблемы психосемиотики // Психосемиотика познавательной деятельности и общения. М., 1988. Вып. 2.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
- Потебня А. А.* Слово и миф. М., 1989.
- Прэтт У.* Цифровая обработка изображений. М., 1982.
- Радзиховский Л. А.* Диалог как единица изучения сознания // Познание и общение. М., 1988.
- Радченко О. А.* Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдианства. М., 1997. Т. 1.
- Рамшвили Д. И.* Первичность языка, его содержательный аспект и предметность // Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики. Тбилиси, 1983.
- Резников Л. О.* Понятие и слово. Л., 1958.
- Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1968.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки по герменевтике. М., 1995.

- Розанов В. В.* Итальянские впечатления // Розанов В. В. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1994. Т. 1.
- Ротенберг В. С, Аршавский В. В.* Поисковая активность и адаптация. М., 1984.
- Ротенберг Т., Иванова В.* Англо-русский словарь американского сленга. М., 1994.
- Рубинштейн С. Л.* О природе мышления и его составе // Хрестоматия по психологии мышления. М., 2008.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
- Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время. М., 2002.
- Свасьян К.* О конце истории философии // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4.
- Секст Эмпирик.* Против ученых // Секст Эмпирик. Соч.: в 2 т. М., 1976. Т. 1.
- Семасиология* // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Серебренников Б. А.* К проблеме сущности языка // Общее языкознание. М., 1970.
- Серебрянников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Серл Дж.* Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Скоробогатов В. А.* Развитие форм отражения. Л., 1984.
- Смирнов С. Д.* Психология образа: Проблема активности психического отражения. М., 1985.
- Соловьев Э. Ю.* Судьбическая историософия Хайдеггера // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991.
- Сорокин Ю. А.* Формы сознания и его многослойность // Языковое сознание. М., 1988.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Степанов Ю. С.* Концепты русской культуры. М., 1997.
- Степанов Ю. С.* Предисловие // Мартынов В. В. Категория языка. М., 1982.
- Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971.

- Стеценко А. П.* К вопросу о психологической классификации значений // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1983. № 1.
- Стеценко А. П.* Понятие «образ мира» и некоторые проблемы онтогенеза сознания // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1987. № 3.
- Столин В. В.* Самосознание личности. М., 1983.
- Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- Теплов Б. М.* Ум полководца // Теплов Б. М. Избранные труды: в 2 т. М., 1985. Т. 1.
- Токарев С. А., Мелетинский Е. М.* Мифология // Мифы народов мира: в 2 т. М., 1981. Т. 1.
- Топоров В. Н.* Гора // Мифы народов мира: в 2 т. М., 1981. Т. 1.
- Топоров В. Н.* Дерево мировое // Мифы народов мира: в 2 т. М., 1981. Т. 1.
- Топоров В. Н.* Изобразительное искусство и мифология // Мифы народов мира: в 2 т. М., 1981. Т. 1.
- Трошихина Ю. Г.* Филонтогенез функции памяти. Л., 1978.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 2000.
- Тульviste П.* К объяснению явления гетерогенности вербального мышления // Когнитивные стили: Тезисы научно-практического семинара. Таллин, 1986.
- Тульviste П.* К проблеме типологии вербального мышления // Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология. М., 1981.
- Уёмов А. И.* Семиотика и общая теория систем // Диалектика познания и активность сознания. Иваново, 1985.
- Уорф Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Уфимцева А. А.* Знаковая природа языка // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Фатенков А. Н.* Философия подвижной иерархии (Русский контекст). Нижний Новгород, 2005.
- Фейнберг Е. Л.* Кибернетика, логика, искусство. М., 1981.
- Фирсов Л. А.* Высшая нервная деятельность человекообразных обезьян и проблема антропогенеза // Физиология поведения: Нейробиологические закономерности. Л., 1987.
- Фирсов Л. А. И. П. Павлов и экспериментальная приматология.* Л., 1982.

- Фирсов Л. А.* Поведение антропоидов в природных условиях. Л., 1977.
- Фихте И. Г.* Очерк особенностей наукоучения по отношению к теоретической способности // Фихте И. Г. Соч.: в 2 т. СПб., 1993. Т. 1.
- Фихте И. Г.* Факты сознания // Фихте И. Г. Соч.: в 2 т. СПб., 1993. Т. 2.
- Фихте И. Г.* Ясное как солнце сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. М., 1937.
- Флоренский П. А.* У водоразделов мысли: в 2 т. М., 1990. Т. 2.
- Франк С. Л.* Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
- Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. Томск, 1997.
- Фрейдберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978.
- Фрейдберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.
- Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
- Хакен Г., Хакен-Крелль М.* Тайны восприятия. М., 2002.
- Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988.
- Хомская Е. Д.* Нейропсихология. СПб., 2005.
- Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.
- Цветкова Л. С.* Мозг и интеллект. Нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. М., 1995.
- Чесноков П. В.* Основные единицы языка и мышления. Ростов на Дону, 1966.
- Чупина Г. А.* Принцип деятельности и язык. Философско-методологический анализ. Красноярск, 1987.
- Чуприкова Н. И.* Психика и сознание как функции мозга. М., 1983.
- Чуприкова Н. И.* Психология умственного развития: принцип дифференциации. М., 1997.
- Чуприкова Н. И.* Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. М., 1967.
- Чуприкова Н. А.* Сознание и психика как функция мозга. М., 1985.
- Шелер М.* Положение человека в Космосе // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
- Шорохова Е. В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961.

- Шошин П. Б.* Анизоморфизм эксплицитного и имплицитного // Бессознательное. Т. 3: Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М., 1993. Т. 1.
- Шпет Г. Г.* Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.
- Шпет Г. Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1992. Литературно-теоретические исследования. М., 1993.
- Шпет Г. Г.* Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.
- Шпет Г. Г.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914.
- Штейнер Е. С.* Иккю Содзюн: Творческая личность в контексте средневековой Культуры. М., 1987.
- Щедровицкий Г. П.* Языковое мышление и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1.
- Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Щиплан. Введение в лексикологию и семасиологию. Лейпциг, 1971.
- Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
- Юнг К. Г.* Душа и земля // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1993.
- Юнг К. Г.* Психологические типы. М., 1995.
- Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988.
- Языковое сознание: Стереотипы и творчество. М., 1988.
- Якобсон Р.* Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
- Якушин Б. В.* Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.
- Якушин Б. В.* Слово, понятие, информация. М., 1975.
- Ямпольский М. Б.* Зоофизиогномика в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1989. Вып. 23.
- Aarsleff H. G.* de Humboldt et la pensee des ideologues // La gram-maire generale de modistes aux ideologues. Publ. de l'Universite de Lille. Vol. 3. 1977.
- Aebli H.* Denken: Das Ordnen des Tuns. Bd. 2: Denkprozesse. Stuttgart, 1981.

- Albrecht E.* Sprachphilosophie // Enzyklopadie zur burgerlichen Philosophie im 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, 1988.
- Altman J.* Three levels of mentation and the hierarchic organization of the human brain // Psychology and biology of language and thought: Essays in honor of Eric Lenneberg. N. Y., etc., 1978.
- Anz W.* Die Stellung der Sprache bei Heidegger // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes. Konigstein, 1984.
- Apel K.-O.* Heideggers Radikalisierung der «Hermeneutik» und die Frage nach dem «Sinnkriterium» der Sprache // Apel K.-O. Transformation der Philosophie Bd. I: Sprachanalytik, Semiotik, Hermeneutik. Fr. a. Main, 1976.
- Apel K.-O.* Zur Idee einer transzendentalen Sprachpragmatik // Aspekte und Probleme der Sprachphilosophie. Munchen, 1974.
- Argyle M.* Bodily-communication. L., 1975.
- Argyle M.* Korpersprache und Kommunikation. Paderborn, 1979.
- Argyle M., Cook M.* Gaze and mutual gaze. Cambridge, etc., 1976.
- Arnheim R.* A plea for visual thinking // Languages of the art. L., 1981.
- Arnheim R.* Anschauliches Denken. Berlin, 1971.
- Bates E.* The biology of symbol // The Emergence of Symbols. N. Y., etc., 1979.
- Bateson G.* Steps to an ecology of mind. L., 1979.
- Becker J.* Begegnung — Gadamer und Levinas: Der hermeneutische Zirkel und die Alteritas, ein, ethisches Geschehen. Fr. a. Main, 1981.
- Bellugi U., Klima E.* The signs of language. Cambr., etc., 1979.
- Benowitz L., Bear D., Mesulam M., Rosenthal R., Zaidel R., Sperry R.* Contributions of the right hemisphere in perceiving paralinguistic cues // Cognitive constraints on communication. Dordrecht, 1984.
- Bernstein B.* Studien zur sprachlichen Sozialisation. Dusseldorf, 1972.
- Birdwhistell R.* Kinesics and Context. Harmondsworth, 1975.
- Blackburn S.* Spreading the word. Groundings in the philosophy of language. Oxford, 1984.
- Bock J.* Heideggers Sprachdenken. Bonn, 1966.
- Bollnow O. F.* Dilthey: Eine Einfuhrung in seine Philosophie. Schaffhausen, 1980.
- Borsche T.* Die innerc Form der Sprache. Betrachtungen zu einem Mythos der Humboldt-Herme(neu)tik // Sprache-Mensch-Gesellschaft — Werk und Wirkungen W. von Humboldt und J. und W. Grimm in Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1986.

- Borsche T.* Sprachansichten. Stuttgart, 1983.
- Brocker W.* Heidegger und die Logik // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes. Königstein, 1984.
- Buber M.* Urdistanz und Beziehung. Heidelberg, 1960.
- Buber M.* Zwiesprache // Buber M. Dialogisches Leben: Gesammelte philosophische und padagogische Schriften. Zurich, 1947.
- Bühler K.* Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart, 1977.
- Burke K.* Language as symbolic action. Berkly, etc., 1966.
- Chomsky N.* Knowledge of language: its nature, origin and use. N. Y., 1986.
- Chomsky N.* Reflections on language. N. Y., 1975.
- Chomsky N.* Language and Mind: Current Thoughts on Ancient Problems [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/document/120617028/Language-Mind> (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Christmann H. H.* Neue Beitrage zur Geschichte der These vom Weltbild der Sprache; «Praktische» Anwendung in Frankreich und Deutschland am Ende des 18 Jahrhunderts // Logos Semantics. Madrid; Berlin; N. Y., 1981.
- Clark H., Clark E.* Psychology and Language. N. Y., 1977.
- Cognition and memory. Herausg. voh F. Klix. Berlin, 1980.
- Condon W.* New Insights into the development of young children // Child Alive. L., 1975.
- Conscious experience. Paderborn, 1995.
- Curtiss S.* Genie: a psycholinguistic study of a modern-day «wild-child». N. Y., 1977.
- Darwin and facial expression. N. Y., 1975.
- Der Duden in 10 Bänden. Bd. 7: Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Zweite Aufl. Mannheim; Wien, Zurich, 1989.
- Dialogues on the psychology of language and thought. N. Y., 1983.
- Dogana M.* Suono e senso. Milano, 1982.
- Dreyfus H. L.* Being-in-the-world. Cambridge, 1997.
- Duchar M.* British sign language. L., 1984.
- Eco U.* Il segno. Milano, 1977.
- Eco U.* Lector in fabula: La cooperazione interpretativa nei testi narrativi. Milano, 1979.
- Eco U.* Semiotik und Philosophie der Sprache. Munchen, 1985.

- Eco U.* *Tratatto di semiotica generale.* Milano, 1975.
- Eco U., Ivanov V. V., Rector M.* *Carnival! // Approaches to semiotics.* V. 64. Berlin, etc., 1984.
- Eibl-Eibesfeldt I.* *Grundriß der vergleichenden Verhaltensforschung.* München, 1967.
- Eibl-Eibesfeldt I.* *The expressive behavior of the deaf-and-blind born // Social Communication and Movement.* N. Y., 1973.
- Eibl-Eibesfeldt I.* *Universals in human expressive behavior // Nonverbal behavior: Applications and Cultural Implications.* N. Y., etc., 1979.
- Eigen M.* *Sprache und Lernen auf molekularer Ebene // Der Mensch und Seine Sprache.* Fr. a. Main; Berlin; Wien, 1979.
- Ekman P., Friesen W. V.* *Unmasking the face.* Englewood Cliffs, 1975.
- Ellgering H.* *Nonverbal communication in depression.* Camb., 1989.
- Encyclopedic dictionary of semiotics.* Berlin; N. Y.; Den Haag, 1986.
- Estes (ed.)* *Handbook of learning and cognitive processes.* Vol. 5: Human information processing. Hillsdale, etc., 1978.
- Eysenk M. W.* *Human memory.* Oxford, etc., 1977.
- Face to face with Levinas.* N. Y., 1986.
- Feather H.* *Intersubjectivity and contemporary social theory. The everyday as critique.* Ashgate, 2000.
- Feldman H., Goldwin-Meadow S., Gleitman L.* *Beyond Herodotus: the creation of language by linguistically deprived children // Action, gesture and symbol: The emergence of language.* L., 1978.
- Fodor J.* *The language of thought.* Cambridge, 1975.
- Furth H.* *Denkprozesse ohne Sprache.* Dusseldorf, 1972.
- Gehlen A.* *Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt // Gehlen A. Gesamtausgabe. Band 3. Teilband 1/3.* Fr. a. Main, 1993.
- Gehlen A.* *Der Mensch. Seine Natur und Seine Stellung in der Welt.* Berlin, 1940.
- Gehlen A.* *Der Mensch: Seine Natur und sene Stellung in der Welt.* Wiesbaden, 2004.
- Gibbs R.* *Correlations in Rosenzweg and Levinas.* Princeton, 1992.
- Gipper H.* *Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit in der Geschichte der Sprachwissenschaft. Zum Streit um das Verhalten Wilhelm von Humboldts zu Herder // Logos Semanticos.* Madrid; Berlin; N. Y., 1981.

- Grim P.* Incomplete Universe: Totality, knowledge and truth. Cambridge, 1992.
- Grosjean F.* Psycholinguistique et langage de signes // *Langages*. Numero special: Lalangage de signes, 1979. № 56.
- Gushing F. H.* Manual concepts: a study of the influence of handusage on culturegrowth // *American Anthropologist*. 1892. V. 5.
- Hayes C.* The imaginary pulltoy // *Play — its role in development and evolution*. Harmandsworth, 1978.
- Hegel G. W. F.* Phänomenologie des Geistes. Fr. a. Main, 1973.
- Heidegger M.* Der Sprach des Anaximander // Heidegger M. Holzwege. Fr. a. Main, 1957.
- Heidegger M.* Aletheia (Heraklit, Fragment 16) // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Stuttgart, 1994.
- Heidegger M.* Aus der Erfahrung des Denkens. Pfullingen, 1954.
- Heidegger M.* Bauen. Wohnen. Denken. // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Stuttgart, 1994.
- Heidegger M.* Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Stuttgart, 1994.
- Heidegger M.* Holzwege. Fr. a. Main, 1957.
- Heidegger M.* Identität und Differenz. Stuttgart, 1990.
- Heidegger M.* Logos (Heraklit, Fragment 50) // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Stuttgart, 1994.
- Heidegger M.* Moira (Parmenides, Fragment VIII, 34—41) // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Stuttgart, 1994.
- Heidegger M.* Parmenides // *Gesamtausgabe*. Bd. 54. 2. Abt. Vorlesungen, 1923—1944. Fr. a. Main, 1982.
- Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen, 1986.
- Heidegger M.* Überwindung der Methaphysik // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Stuttgart, 1994.
- Heidegger M.* Unterwegs zur Sprache. Stuttgart, 1990.
- Heidegger M.* Was heift Denken? // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Stuttgart, 1994.
- Heidegger M.* Zur Erörterung der Gelassenheit: Aus einem Feldgespräch über das Denken // Heidegger M. Gelassenheit. Pfullingen, 1992.
- Heidegger M.* Zur Frage nach der Bestimmung der Sache des Denkens. St. Gallen, 1984.
- Heidegger M.* Zur Sache des Denkens. Tübingen, 1969.

- Heidegger reexamined. Vol. 1: Phenomenology, Dasein, and truth. L., 2003.
- Hewes G. W. A model for language evolution // Sign Language Studies. 1977. Vol. 6.
- Hildebrand-Nilshon M. Die Entwicklung der Sprache: Phylogenese und Ontogenese. Fr. a. Main; N. Y., 1980.
- Hochegger H. Le langage gestuelle en Afrique Central. Bandundu; Zaire, 1974.
- Holenstein E. Einführung: Semiotica universalis // Roman Jakobson. Ausgewählte Texte 1919—1982. Fr. a. Main, 1988.
- Holenstein E. Linguistic, Semiotic, Hermeneutik: Pladoyers für eine strukturelle Phanomenologie. Fr. a. Main, 1976.
- Holquist J. M. Baxtin's circle // Encyclopedic dictionary of semiotics. Berlin, etc., 1986. Vol. 1.
- Holzkamp K. Sinnliche Erkenntnis. Kronberg, 1976.
- Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2, T. 1: Untersuchungen zur Phanomenologie der Erkenntnis. Tübingen, 1968.
- Ibeunissen M. Der Andere. Berlin, 1965.
- Ipsen G. Die Sprachphilosophie der Gegenwart. Berlin, 1930.
- Jakobson R. Einstein und die Wissenschaft der Sprache // Holenstein E. Von der Hintergebarkeit der Sprache. Fr. a. Main, 1980.
- Jakobson R. Leben und Sprechen // Jakobson R. Semiotik: Ausgewählte Texte, 1919—1982. Stuttgart, 1994.
- James W. Does the consciousness exist? // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1904. № 1.
- James W. The principles of psychology. N. Y., 1974.
- Janet P. La evolution de la inemoire el de la notion de temps. P., 1928.
- Jaspers K. Notizen zu Martin Heidegger. Munchen; Zürich, 1989.
- Jaspers K. Die Sprache. Munchen, 1964.
- Jaspers K. Philosophische Logik: Bd. 1: Von der Wahrheit. Munchen, 1947.
- Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston, 1976.
- Jung C. G. Archetyp und Unbewusstes // Jung C. G. Grundwerk. Olten; Freiburg, 1978. Bd. 2.
- Jung K. G. Archetyp und Unbewuptes // Grundwerk: in 9 Bd. Olten; Freiburg, 1978. Bd. 1.

- Jung K. G.* Psychologische Typen. Olten; Freiburg, 1976.
- Kainz F.* Psychologie der Sprache. Stuttgart, 1965. Bd. 3.
- Kainz F.* Über die Sprachverführung des Denkens / Erfahrung und Denken. Berlin, 1972. Bd. 38.
- Kamlah W.* Martin Heidegger und die Technik: Ein offener Brief // Kamlah W. Von der Sprache zur Vernunft: Philosophie und Wissenschaft in der neuzeitlichen Profanität. Mannheim, Wien, Zürich, 1975.
- Kendon A.* Gesticulation, speech and the gesture theory of language evolution // Sign Language Studies. 1975. Vol. 9.
- Kendon A.* Sign languages of aboriginal Australia. Cultural, semiotic and communicative perspectives. Cambridge, 1988.
- Klemplerer V.* LTI: Die Sprache im Dritten Reich. Leipzig, 1975.
- Kroeber A. L.* Sign language inquiry // International Journal of American Linguistics. 1956. Vol. 24.
- Lamarque J.* Philosophy of language // Encyclopedia of language and linguistics. Vol. 4. Oxford, etc., 1994.
- Lambert J. H.* Das neu Organon. Berlin, 1990. Bd. 1—3.
- Lancaster J. B.* Primate communication systems and the emergence of human language // Primates: Studies in Adaptation and Variability. N. Y., 1968.
- Leiberman Ph.* On the origins of language. An introduction to the evolution of human speech. N. Y., 1975.
- Lennenberg E.* Biologische Grundlagen der Sprache. Fr. a. Main, 1972.
- Leonhard K.* Der menschliche Ausdruck in Mimik, Gestik und Phonetik. Leipzig, 1976.
- Leonhard K.* Der menschliche Ausdruck. Leipzig, 1960.
- Levinas E.* De l'existence à l'existant. Paris, 1947.
- Levinas E.* Ethique et infini. Dialogues avec Ph. Nemo. Paris, 1987.
- Levinas E.* Humanisme de l'autre homme. Paris, 1987.
- Levinas E.* La théorie de l'intuition dans la phénoménologie de Husserl. Paris, 1930.
- Levinas E.* Le temps et l'autre. Grenoble, 1947.
- Levinas E.* Totalité and infinity. Pittsburgh; The Hague, 1969.
- Levinas E.* Totalité et infini. La Haye, 1961.
- Levi-Strauss C.* Das wilde Denken. Fr. a. Main, 1977.
- Löwith K.* Heidegger: Ein Denker in dürftigen Zeiten. Fr. a. Main, 1953.

- Lumsden Ch., Wilson E. O.* The gene and the sign: giving structure to postmodernity // *Semiotica*. 1986. Vol. 62. № 3/4.
- Lumsden Ch., Wilson E. O.* The Relation between biological and cultural evolution // *Journal of Social and Biological structures*. 1985. Vol. 8.
- Langer J.* *The Origins of Logic: Six to Twelve Month*. N. Y., 1980.
- Mallery G.* *Sign language among North American Indians*. The Hague; Paris, 1972.
- Marler P.* Affective and symbolic meaning: some zoosemiotic speculations // *Sight, Sound and Sence*. Bloomington, 1978.
- Marler P.* On the origin of speech from animal sounds // *The gole of speech in language*. Cambridge, etc., 1975.
- Marshack A.* Some implication of the paleolithic symbol evidence for the origin of language // *Origins and Evolution of Language and speech*. N. Y., 1976.
- Marshack A.* *The roots of civilization: the cognitive beginnings of man's first art, symbol and notation*. N. Y., 1972.
- Marshack A.* Upper Paleolithic Notation and Symbol // *Science*. V. 178. № 4063.
- Marty A.* *Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*. Halle, 1908. Bd. 1.
- Mauthner F.* *Beiträge zu einer Kritik der Sprache*. Berlin, 1901. 3 Bände.
- McCall R.* Nature — Nature and the two realms of development: a proposed integration with regard to mental development // *Child Development*. 1981. Vol. 52. № 1.
- Menze C. W.* *von Humboldts Lehre und Bild vom Menschen*. Ratingen, 1965.
- Menzel E., Johnson M.* Communicative and cognitive organization in human and other animals // *Language intervention from ape to child*. Baltimore, 1979.
- Mounin G.* *Les problemes theoretiques de la traduolien*. Paris, 1963.
- Natorp P.* *Einleitung in die Psychologic*. Berlin, 1988.
- Nevill H., Bellugi U.* Patterns of cerebral specialization in congenitally deaf adults // *Understanding Language through Sign Language Research*. N. Y., etc., 1978.
- Nöth W.* *Handbuch der Semiotik*. Stuttgart, 1985.
- Oleron P.* *Language and mental development*. Hielsdale, 1977.

- Oester-Reicher W.* Wem gehört Humboldt. Zum Einfluß der französischen Aufklärung auf die Sprach-philosophie der deutschen Romantik // *Logos Semantics*. Madrid; Berlin; N. Y., 1981.
- Ortega y Gasset J.* Las dos grandes metáforas (en el segundo centenario de nacimiento de Kant) // *Ortega y Gasset J. Obras completas*. Madrid, 1965.
- Piaget J.* Verhalten — Triebkraft der Evolution. Wien, 1980.
- Plooij F.-X.* Some basic traits of language in the wild chimpanzees // *Action, gesture and symbol*. L.; N. Y., 1978.
- Pöggeler O.* Einleitung // *Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes*. Königstein, 1984.
- Portnov A. N.* Evolutions genetische Problem der Psychosemiotik // *Bochum studies in Semiotics*. Bochum, 1990.
- Rensch B.* Gebachtnis, Begriffsbildung und Planhandlungen bei Tieren. Berlin-Hamburg, 1973.
- Rosenthal T. L., Zimmermann B. J.* Social learning and cognition. N. Y., etc., 1978.
- Savage-Rumbaugh S.* Ape language: From conditional response to symbol. N. Y., 1986.
- Schiitz A., Luckmann Th.* Strukturen der Lebenswelt. Stuttgart, 2003.
- Schöfer E.* Die Sprache Heideggers. Pfullingen, 1962.
- Schütz A.* Aufbau der sozialen Welt: Eine Einleitung in die verstehende Soziologie // *Alfred Schütz Werkausgabe*. Konstanz, 2004. Bd. 2.
- Sebeok Th. A.* The play of musement. Bloomington, 1981.
- Sebeok Th. A.* The sign and its masters. Austin, 1979.
- Sebeok Th. A.* The tell-tale sign: A survey of semiotics. Bloomington, 1975.
- Sebeok Th.* Zoosemiotics: at the intersection of nature and culture // *The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotics*. Lisse, 1975.
- Sommerfeld R.* Evolution, Kommunikation, Sprache. Versuch einer Synthese ethologischer und linguistischer Semiotik. München, 1980.
- Taylor A. R.* Nonverbal communication in native North America // *Semiotica*. 1975. Vol. 13.
- Tervoort B.* Esoteric symbolism in the communication behavior of young deaf children // *American Annals of the deaf*. 1961. Vol. 106; 1968. Vol. 113.
- Thass-Thienemann Th.* The interpretation language. L., N. Y., 1973.

- The Provocation of Levinas: Rethinking the Other. L., 1988.
- Tronick E.* Infant communicative intent: the infants social interaction // Language Behavior in Infancy and Early Childhood. N. Y., etc., 1981.
- Van Hooff J. A. R. A. M.* The facial display of the catarrhine monkeys and apes // Primate Ethology. L., 1967.
- Vine J.* The role of facial-visual signalling in early social development // Social Communication and Movement. N. Y., 1973.
- Vollmer G.* Evolutionäre Erkenntnistheorie. Stuttgart, 1975.
- Waldenfels B.* Das Zwischenreich des Dialogs. Den Haag, 1975.
- Wallbot H.* Gesichtsausdruck // Nonverbale Kommunikation. Weinheim, 1979.
- Wallon H.* Lecture d' Henri Wallon: Une choix de texts. Paris, 1976.
- Weisgerber I. L.* Das Gesetz der Sprache. Heidelberg, 1951.
- Wilden A.* Analog and digital communication // Semiotica. 1972. Vol. 6. № 1.
- Wittgenstein L.* Philosophische Grammatik. Fr. a. Main, 1973.

РАЗДЕЛ II

ЯЗЫКОВЫЕ МИРЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СОЗНАНИЯ

Глава IV

ЯЗЫК КАК ПЛАНЕТАРНЫЙ ФЕНОМЕН

Язык мозга и язык сознания: трудности перевода¹

Основной задачей наук о сознании и мозге на данном этапе их развития является создание единой и непротиворечивой концепции, которая описывала бы сложное взаимодействие мозговой активности и многообразных содержаний субъективной реальности. Именно здесь, в дискурсе поиска общего языка описания функционирования двух столь разных реальностей, кроется разгадка связи сознания и мозга и ответ на основной вопрос философии о соотношении идеального и материального.

Материальное при изучении сознательной активности, как правило, соотносится с мозговой основой организации субъективной реальности. Но, по словам К. В. Анохина «мы до сих пор не имеем удовлетворительной теории мозга и нервных основ сознания»² и основные данные о работе головного мозга черпаются из нейрофизиологических и нейропсихологических экспериментов по активации коры головного мозга.

Как известно, мозговая деятельность проявляется в доступной для изучения форме, прежде всего, в виде ритмической активности нервных ансамблей. Так Н. Н. Даниловой и Н. Б. Быковой показана роль высокочастотной ритмической активности мозга — гамма

---

¹ © Калинин П. Е., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

² Анохин К. В. Коды Вавилонской библиотеки мозга // В мире науки. 2013. № 5. С. 83.

ритма (свыше 40 Гц) в обеспечении процессов внимания³. Наличие ритмических составляющих в нервной системе привело А. А. Ухтомского к идее доминанты: «Тот момент в парабозе, когда качественно одни и те же раздражающие импульсы в одном и том же субстрате закладывают и подкрепляют то возбуждение, то торможение в зависимости от ритма, с которым они падают на субстрат, и от ритма, с которым субстрат способен на них отвечать, привел для центров к утверждению принципа доминанты»⁴. Академиком М. Н. Ливановым было установлено, что «информация в мозге кодируется в виде ритмической активности нервных ансамблей. "Музыку мозга" исполняет оркестр, состоящий из большого числа групп нервных клеток, каждая из которых ведёт свою партию, вливающуюся в общий поток гармоничной (а при болезни и дисгармоничной) работы мозга»⁵.

Наблюдаемые ритмы в работе головного мозга делятся на несколько групп: 1) Дельта от 1 до 4 Hz; 2) Тета от 4 до 8 Hz; 3) Альфа от 8 до 13 Hz; 4) Бета от 14 до 40 Hz. Доказано, что каждая из групп активности коррелирует с определенными состояниями сознания. Например, бета волны генерируются мозгом человека в тот момент, когда последний находится в состоянии бодрствования или тревожном состоянии сознания, альфа волны проявляются в период сенсорного покоя, умственной релаксации, тета волны ассоциируются с «сумеречным» состоянием сознания в момент засыпания, дельта волны появляются в период глубокого сна. Обозначенные выше состояния сознания можно вызвать, если подавать на рецепторно-сенсорную систему человека аудио-визуальную информацию, в структуре которой будут наблюдаться компоненты данных частот⁶.

Таким образом, ясно прослеживается корреляция волновых паттернов мозговой активности и деятельности сознания. Данное

---

³ Данилова Н. Н., Быкова Н. Б. Роль частотно-специфических кодов в процессах внимания // А. Р. Лурия и психология XXI века. М., 2003.

⁴ Ухтомский А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887—1939. СПб., 2002. С. 197.

⁵ Гармония ритмов мозга: к 100-летию со дня рождения академика М. Н. Ливанова // Вестник Российской Академии Наук. 2007. Т. 77. № 9. С. 833.

⁶ Данилова Н. Н. Перестройка биотоков мозга человека при раздражении световыми мельканиями, близкими по частоте к альфа-ритму, в процессе развития сонного торможения // Вопросы электрофизиологии энцефалографии. М.; Л., 1960.

наблюдение позволяет выдвинуть гипотезу о необходимости описания сознательной активности в понятиях, отражающих волновые, ритмические качества, что позволит наметить переход от описания мозговой активности к описанию сознательной. В связи с вышесказанным необходимо выяснить, какие феномены сознания, могут быть подвергнуты описанию в подобных терминах. С нашей точки зрения, это прежде всего смысловая реальность.

Сознание может быть рассмотрено с позиций, основанных на тезисе о том, что оно в основном носит смысловой характер. Как показано А. Ю. Агафоновым, смыслы принадлежат к континуальному пространству сознания. Также известно, что смысл схватывается одновременно, симультанно. Не может быть части смысла, смысл или есть, или его нет. К тому же «в памяти может сохраняться только смысл»⁷, а затем этот смысл разворачивается в образ, ощущения, мысли и т. д. Стоит обратить внимание на то, что сначала у человека при воспоминании чего-либо всплывает смысл, значение данного предмета или ситуации для него (эмоциональная нагрузка), и только потом все остальное. Таким образом, основную роль сознания можно свести к смыслопорождению.

В одной из своих работ автор данной статьи обосновывал возможность континуально-дискретного, волнового описания смыслов и сознания как порождающей их реальности, для наглядности изложения материала вкратце повторим ход мысли⁸. Перечислим свойства смысла как психического образования по М. М. Бахтину: 1) неделимость; 2) потенциальная бесконечность; 3) существование только в совокупности с другим смыслом. *Первое свойство* может принадлежать только непрерывному волновому образованию, т. к. прерывное, дискретное уже разделено по своей природе, а непрерывное, континуальное неделимо, так как при делении утрачивает свое основное свойство непрерывности. *Второе свойство*, понимается как возможность бесконечной трансформации смысла, его постоянной изменчивости. (Подчеркнём, что один и тот же смысл может быть выражен (оформлен) бесконечным числом текстов, но об этом речь пойдет ниже.) *Третье свойство* может быть интерпретировано как взаимное

⁷ Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб., 2003. С. 55.

⁸ Калинин П. Е. Квазипредставления в описании деятельности сознания // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5.

порождение смыслов, как перетекание одного смысла в другой, незаметная, неуловимая смена одного состояния сознания другим. Данные переходы возможны только при наличии континуальной, волновой природы смысла и естественного допущения того, что смыслы по своей природе идентичны, т. е. конструируются на основе единого континуума сознания. Непрерывные смыслы могут легко перетекать один в другой, и выделяться один из другого, они выделяются, «лепятся» из непрерывной ткани (континуума) сознания. Это удачно подчеркнул А. Гелен в размышлениях об интенциональной природе сознания: «интенции приобретают полную свободу перетекать друг в друга, т. е. становятся ходом мысли»⁹.

Отдельно скажем о том, что если смысл рассматривать в контексте его статико-динамичного, континуально-дискретного дуализма, то он может быть представлен в виде волнового квазиобразования, наделенного, периодической и гармоничной внутренней организацией. С этой точки зрения, сумма смыслов есть другое квазиобразование и, следовательно, другой смысл. Смыслы, наделенные свойствами гармоничных квазиобразований, обладают способностью непосредственно «вливаться» друг в друга.

В пользу гармоничного, волнового описания смысловой активности говорит факт эмоциогенного влияния всевозможных ритмов. Так Л. М. Веккер пишет, что: «Решающими факторами, вызывающими эмоционально-чувственные компоненты, являются средняя длительность и ритмизованность соответствующих рядов тактов»¹⁰. Непосредственное влияние на эмоциональную сферу человека оказывают различные музыкальные ритмы, вследствие действия на временную упорядоченность, существующую в сознании человека: «воспринятые движение, ритм и мелодия входят во внутреннюю организацию эмоционально-когнитивного времени»¹¹. Анализируя труды В. Вунда, Л. М. Веккер приходит к заключению, что «сама по себе тайна эмоциогенного воздействия музыки, по-видимому, теснейшим образом связана с ее временной организацией, с тем существенным положением, что музыка, мелодия представляют собой не-

⁹ *Gelen A. Der Mensch: Seine Natur und seine Stellung in der Welt. Berlin, 1944. S. 325.*

¹⁰ *Веккер Л. М. Единая теория психических процессов. М., 1998. С. 203.*

¹¹ Там же. С. 204.

что вроде экстериоризованной (и воплощенной в музыкальном звукоряде) эмоциональной структуры, которая, будучи объектом восприятия, воспроизводит в воспринимающем субъекте ту эмоциональную картину, звуковой моделью которой является соответствующий музыкальный образ»¹². По этому поводу А. Бергсон писал: «Так, в музыке ритм и такт задерживают нормальное течение наших ощущений и представлений, заставляя наше внимание вибрировать между определенными точками, овладевая нами с такой силой, что самое легкое подражание стонущему голосу способно наполнить нашу душу бесконечной грустью»¹³.

Как мы видим, смыслы, содержащиеся в своей структуре эмоциональную компоненту, могут быть представлены как гармоничные, волновые пространственно-временные квазиобразования. Такая интерпретация свойств смысловой реальности позволяет на новом уровне описать динамику смысловой реальности, заключающуюся в неуловимости смысла и его непосредственной зависимости от другого смысла.

При разговоре о смыслах невозможно не затронуть проблему построения и функционирования текста. Смысловая реальность теснейшим образом связана с текстуальной реальностью и является основным носителем хронотопических особенностей последней. Именно смысловые контексты в тексте выполняют роль пространственно-временных трансляторов между сознанием автора и социальной реальностью, в которой он живет. Смысловые трансформации текста проявляются в трансформациях пространственно-временных компонентов образов, которыми автор наполняет содержание своих произведений. Реальные пространство и время преломляются в содержании текста, пространственные образы переходят во временные, динамические образы и наоборот, заставляя текстуальное пространство пульсировать и особым образом влиять на воспринимающее сознание. Именно пространственно-временные метаморфозы и порождают определенное эмоционально-смысловое содержание текста. Такое смысловое наполнение, проникая в структуру воспринимающего сознания, заполняет социокультурное пространство, оживляя его и

---

¹² Там же. С. 205.

¹³ Там же. С. 56.

принося особый ритм (время) и гармонию в социальные взаимоотношения, строящиеся в обществе¹⁴.

Текст появляется вследствие наличия определенных особенностей строения внутреннего субъективного пространства-времени сознания, которые позволяют образовывать понятия, вербализовывать и выстраивать их в соответствии с правилами, заданными пространством-временем сознания. Выстроенная в такой последовательности совокупность понятий представляет собой текст¹⁵.

Таким образом, текст, порожденный индивидуальным сознанием, отражает не только особенности сознания, но и как материализованное его выражение, собирает в своей структуре особенности биологического (телесно-субъективного) и физического (объективного) пространства-времени. В результате масштабного исследования структуры текста Г. Г. Москальчук приходит к выводу о том, что: «Формо-образование текста как смыслового целого осуществляется, в первую очередь, по законам физическим, одним из текстообразующих факторов выступает повтор как физический параметр текста, определяющий его целостность»¹⁶, «Форма текста как универсалия существует в виде метроритмической тенденции текстовой организации. Она есть и до порождения текста (как слитая с первоначально смутным замыслом и предощущением целого) она вписана и в готовый текст, а значит, может быть выявлена в нем статистическими методами»¹⁷. И далее «В структуре текста отражаются общие законы развития, природный по происхождению фон ритмов и биоритмов должен сохраняться и в тексте»¹⁸.

Следуя данным соображениям Г. Г. Москальчук, можно предположить, что язык как потенциальный носитель всех текстов должен быть укоренен как в объективном мире с его материальными биологическими и физическими компонентами, так и в индивидуальном сознании с его бессознательными и предсознательными, интуитивными конструктами. Язык в своей структуре

---

¹⁴ Калинин П. Е. Пространственно-временные характеристики текстуальной реальности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2010. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 12.

¹⁸ Там же. С. 20.

отражает все компоненты физического, биологического, психического и социального миров¹⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что *категориями, которые смогли бы быть обобщающими в деле синтеза описания мозга и сознания, должны быть категории, отражающие волновые, ритмические свойства и мозга, и феноменов сознания.*

Стоит отметить, что в случае внедрения в описание сознательной активности волновых представлений, можно будет говорить о формализации описания деятельности сознания, как это было сделано Г. Хакеном по отношению к работе головного мозга²⁰ с помощью методологического и математического аппарата современной синергетики.

По поводу проблемы онтологического и гносеологического соотношения субъективного мира и мира объективной реальности, в свете представленного выше можно сделать следующее отступление. Человек как психосоматическое единство включен сразу в несколько процессов. Во-первых, это осуществление деятельности в объективной по отношению к нему реальности. Во-вторых, человек рассматривает окружающую его реальность сквозь призму всевозможных субъективных смысловых установок, которые отражаются на различных когнитивных уровнях. Об этом писал еще Э. Кассирер: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой»²¹. Существование человека в таком дуальном бытии накладывает отпечаток на всю его деятельность. Являясь неотъемлемой частью окружающей объективной действительности, он вынужденно, и часто неосознанно транслирует в субъективной действительности основные закономерности объективной реальности. Телесность (биологичность) человека одновременно вводит его в объективный мир и наполняет определенным содержанием мир субъективный.

---

¹⁹ Калинин П. Е. Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознаниевой и языковой реальности. Иваново, 2015.

²⁰ Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001.

²¹ Кассирер Э. Что такое человек? // Проблемы человека в западной философии. М., 1988. С. 29.

Нет оснований приписывать феноменам субъективной действительности (мыслям, образам, смыслам) совершенно иные основополагающие принципы, чем сфере объективной и материальной. Другое дело, что особенности субъективной действительности могут в снятом, измененном виде присутствовать в материальном субстрате — мозговой активности. И наоборот, закономерности протекания процессов в головном мозге, могут и должны отражаться в закономерностях сознательной активности. Исходя из принципа единства, правомерно будет предположить существование если не единых закономерностей, то хотя бы единого языка описания субъективного и объективного. Именно поиск такого языка является приоритетной задачей при изучении связи нейродинамической активности головного мозга и деятельности сознания.

**Язык как деятельность:
опыт онтологического описания²²**

Категория деятельности является достаточно сложной и многоуровневой, поэтому для осуществления конкретных задач определения языка как деятельности мы ограничимся общими ее характеристиками как одного из видов (основных видов) социальной деятельности. Но прежде необходимо обратить внимание на недопущение синонимизации понятий «деятельность» и «процесс».

По мысли Г. П. Щедровицкого процесс может быть выражен как последовательность состояний объекта, имея в виду, что «каждая характеристика в этой последовательности относится к объекту в целом, а между собой они еще, кроме того, связаны особым отношением "во времени"»²³, в то время как деятельность выступает «размытой» во времени: «разные ее части и элементы реализуются в разное время, и вместе с тем между ними существуют такие связи и зависимости, которые (благодаря каким-то специфическим механизмам) действуют все это время и объединяют все элементы в одну целостную структуру, чего не было в

²² © Обрезков А. А., 2016

²³ Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 239.

процессах изменения элементарных объектов»²⁴. Все это дает основание полагать, что деятельность выступает «объектом совершенно особого категориального типа, объектом, к которому нельзя применять ни логику "вещи-свойства", ни логику "процесса"»²⁵, что провоцирует проведение параллелей с синергетической концепцией, называющей подобную характеристику деятельности нелинейностью.

Человеческую социальную деятельность можно представить в виде сложной полиструктуры, в которой составляющие ее наложенные друг на друга структуры находятся в определенных иерархических отношениях²⁶. Для нашего исследования особую значимость представляет, во-первых, определенная преемственность между социальной деятельностью в широком смысле и языковой деятельностью; во-вторых, то обстоятельство, что независимо от их иерархического расположения они теснейшим образом взаимосвязаны и предопределяют одна другую. Языковая деятельность может возникнуть только при условии наличия социальной деятельности, но и социальная деятельность осуществляется в большой степени за счет деятельности языковой. По мере совершенствования социальных отношений эта взаимозависимость становится все более непреодолимой, представляя собой неразрывное диалектическое единство.

Кроме того, важно понимать, что подобное диалектическое единство существует и на уровне «социум — индивид». Индивидуальная языковая деятельность возникает при условии наличия коллективной языковой деятельности, органично вписывается в нее. В данном смысле коллективная языковая деятельность, как и вся система социально-экономических отношений, включая культуру данного социума, является неизбежной данностью для каждого нового члена конкретного этноязыкового коллектива, средой, воздействующей на становление индивидуальной языковой деятельности. Однако, с другой стороны, коллективная языковая деятельность, вернее, структура этой деятельности образуется в том числе из индивидуальных проявлений и зависит непосредствен-

---

²⁴ Там же. С. 240.

²⁵ Там же. С. 241.

²⁶ Там же. С. 242.

ным образом от наличия носителей языка. Как справедливо отмечает О. В. Лещак: «Не найдется человека, в котором социальное (т. е. совместное с другими людьми) знание не было бы преломлено через его индивидуальное видение мира, через его индивидуальную систему ценностей и через его индивидуальный опыт психической и предметной деятельности. Точно так же, в психике какого-либо конкретного человека не найдется чего-то настолько единичного в своем роде, чему не могло бы быть аналога в психике другого конкретного человека. Социальное всегда индивидуализировано, а индивидуальное всегда социализуемо»²⁷.

С исчезновением последнего носителя языка прекращается и языковая деятельность. В лучшем случае она консервируется в виде идеографических памятников, представляющих собой определенный пакет виртуальных смыслов и значений, в ожидании возможных интерпретаторов, способных «распаковать» данный пакет и актуализировать полученный материал в новой деятельности, которая, естественно, будет значительно отличаться от источника, поскольку будет опираться на другие реалии, других носителей (или потребителей), либо адаптировать к своей деятельности в случае их принципиальной взаимной совместимости. Таким образом, прослеживается определенная иерархия в структуре языковой деятельности, в которой все ступени теснейшим образом взаимосвязаны и взаимозависимы.

В данном контексте более предметного рассмотрения требует разграничение языковой деятельности и речевой деятельности, часто воспринимаемых синонимично, учитывая их определенные иерархические отношения, по поводу которых существуют разные мнения. Вслед за Ф. де Соссюром долгое время было принято полагать, что языковая деятельность образуется из деятельности речевой на том основании, что «исторически факт речи всегда предшествует языку»²⁸. Язык понимался как одна из знаковых систем, наравне с азбукой Морзе, системой жестовых знаков глухонемых и т. п., в которой самым существенным пред-

---

²⁷ Лещак О. В. Методологические основы функционального исследования языковой деятельности (на материале славянских языков): дис. ... д-ра филол. наук. Тернополь, 1997. С. 64.

²⁸ Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Часть I. С. 368.

ставляется соединением смысла и акустического образа, имеющих равносигнифичную основу. Однако парадокс заключается в том, что речь, для того, чтобы быть произведенной и воспринятой соответствующим образом, уже должна содержать в себе определенную языковую конвенциональную основу. Не бывает речи вообще, она всегда конкретна, фактуальна, определенным образом персонифицирована, но при этом она опирается на установившуюся в данном языковом коллективе языковую практику.

Ф. де Соссюр совершенно справедливо отмечал диалектическое единство речевой и языковой деятельности, однако, по нашему мнению, все же понимал язык и языковую деятельность достаточно узко. Понимание языка как пусть наиболее важной, но все же лишь одной из знаковых систем, предполагает возникновение этих прочих систем из каких-то внешних языку источников. Если следовать этой логике, языковая деятельность протекает параллельно деятельности по созданию и использованию любых прикладных знаковых систем. Мы склоняемся к точке зрения, что язык — это гораздо более широкое образование, нежели общепринято понимать, и что любые знаковые системы, применяемые в человеческом сообществе, производны от языка как такового, наследуют его черты. Что же касается языковой деятельности, то она начинается гораздо раньше вербальной стадии; она начинается с восприятия и психической переработки эмпирических данных, воспринимаемых первоначально в виде образов и ощущений, обрабатываемых одним из полушарий мозга и в зависимости от уровня обработки и намерений субъекта получающих то или иное воплощение — образно-наглядное (в виде произведений изобразительного искусства, музыкальных произведений), телесное (танец, пантомима, мимика, актерское искусство, жестикуляция), устно-вербальное (устная речь, декламация, риторика, пение), вербально-идеографическое (письменная речь во всем ее разнообразии), символическое (системы обозначений и условных знаков в разных сферах человеческой деятельности). Соответственно, речевая деятельность может, по нашему мнению, полагаться одной из форм языковой деятельности, наиболее важной из этих форм для осуществления коммуникативных задач в силу психо-био-физических особенностей человеческого существа. При этом речевая деятельность не ограничивается только акусти-

ческими проявлениями, но может представлять собой как комплекс манифестаций (акустические и телесные; акустические и наглядно-образные и др.), так и отдельные манифестации (телесные, например, язык жестов; идеографические, например, общение с помощью службы коротких сообщений (SMS) или сетевое компьютерное общение в режиме онлайн).

В этой связи нам представляется вполне корректным вывод А. А. Леонтьева о том, что «речевой деятельности, как таковой, не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность — целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую»²⁹. Соглашаясь с Ф. де Соссюром в чрезвычайной сложности рассмотрения речевой деятельности, все же мы полагаем, что вне речи и речевой деятельности языковая деятельность едва ли может быть исследуема.

Из рассмотрения языка как сложной динамической системы вытекают многие методологические сложности, одной из которых оказывается уже упомянутая проблема метаязыка для его описания. К сожалению, ни формализация языка с целью достижения его максимальной конкретности, ни языковые инновации в духе М. Хайдеггера не позволили очистить научный дискурс от субъективных авторских наслоений, и герменевтической проблеме толкования «метаязыковых» текстов, как и проблеме максимально адекватного онтологического описания языка как универсального феномена еще долго предстоит оставаться актуальной.

Проблема описания социума: дискурс глобальности³⁰

Э. Лаклау, Ш. Муфф, излагающие постмодернистско-неомарксистскую парадигму, поставили под сомнение саму возможность структурно-функционального, интеракционистского способа понимания общества³¹. Гетерологи предлагают радикальную критику логики гегемонии социального как всеобщего: 1) учрежде-

²⁹ Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 27.

³⁰ © Тимошук А. С., 2016

³¹ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London, 1985.

ние социального как эквивалентной связи, 2) втирание случайности как общезначимого, 3) эволюционная победа гегемонии над разнообразием, 4) постулирование социального как трансцендентного, 5) артикуляция пустых тотализирующих означающих (общество, демократия, либерализм и т. п.) как конституирующих элементов, 6) репрессивная приватизация процессов коммуникации³².

Фактически о таком же политическом принципе структурирования единой социальности говорит Б. Андерсон с его концепцией наций как искусственных воображаемых сообществ³³. Действительно, современный горизонт понимания общества сильно детерминирован технократически-политэкономическим структурированием социальности. Полагаем, что для познания сложного многоуровневого объекта применима логика дополнительности, когда одни стороны предмета не исключают, а комплементарны к другим³⁴. Рассмотрим современное общество как такой сложный, плюральный, многоярусный объект.

Массовое общество. Первая и наиважнейшая характеристика общества нового типа — количественная. Мы имеем дело с самым массовым социумом за известную нам историю. Сентенция «Бог создал деревню, а человек — город» звучит романтично, но не соответствует действительности. Социокультурный анализ говорит нам, что демография создала и деревню и город. Именно народонаселение определяет переход от аграрного общества к индустриальному (земли не хватает на всех) и от индустриального к постиндустриальному (рабочих мест на производстве не хватает при распределении за счёт глобального рынка труда; как следствие роста благосостояния населения его потребность в услугах увеличивается). Всё элитарное через массовое производство и маркетинг становится товаром широкого потребления — книги, автомобили, компьютеры, мобильные телефоны, музыкальные инструменты, экзотические фрукты, образование и т. д.

Глобальное общество. Вопросы коммуникации, экологии, производства, мобильности, финансов уже отнюдь не локальные, а межгосударственные, межблоковые и даже планетарные.

---

³² *Шуплецов И. В.* Проблема общества: гегемония и гетерогенность // Неклассическое общество: векторы развития. Владимир, 2008.

³³ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.

³⁴ *Павленко А. Н.* Возможность техники. СПб., 2010.

В условиях многофакторности мира импровизация, коммуникация и интеграция становятся способом выживания локальных сообществ (crowdfunding, crowdsourcing). Экономический мондиализм привёл человечество к естественному состоянию формулирования международных стандартов в области экономики, права, банковской сфере, безопасности.

Информационное общество. «Всё знать, всё уметь» — тезис универсального человека, принятый Возрождением, французскими энциклопедистами и марксизмом как никогда воплотился в обществе глобального сетевого знания. Воистину, отныне знания не являются цеховыми. Любой пользователь потенциально может овладеть самыми разнообразными технологиями и знаниями — от устройства сада камней и ландшафтного дизайна — до изготовления взрывчатых веществ, что делает информационное общество рискогенным.

С информационной составляющей связан такой термин как «общество знаний», который используют, указывая на востребованность специалистов на рынке труда, высокую оплату квалифицированного труда в развитых обществах, ценность высшего образования.

Технологическое (пост-традиционное) общество. Вопросы «как» и «почему» относятся к принципиально разным онто-аксиологическим доменам. Если традиционное общество озадачено смыслами и генерирует такие тексты как Упанишады, Кодзики, Тора, Библия, Коран и т. д., для пост-традиционного общества на первый план выходят технические способы решения проблем³⁵. Мануфактурное производство перешло в фазу корпоративного индустриализма, к увеличению экспертных областей знаний — тяжёлая промышленность, добыча полезных ископаемых, химия. Университеты, выросшие из теологических, юридических и медицинских факультетов, стали ориентироваться на технократическое знание — инженерия, электротехника, металлургия и т. д. Экспертократия — это власть специалистов в разных областях — медицинской, политической, ядерной, энергетической и пр.

---

³⁵ Тимошук А. С. Принцип дополнительности в социогуманитарном познании // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. М., 2008. С. 228—233; См. также: Тимошук А. С. Традиционная культура: сущность и существование: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2007.

Общество высоких скоростей. Для социальной реальности сегодня востребовано фасеточное зрение, как у насекомых, — для различения объектов в движении и на 360 градусов. Чтобы пчела увидела фильм, его нужно крутить в 10 раз быстрее, иначе он будет казаться ей застывшими кадрами. Так и сегодня, классический фотографический взгляд науки применим для относительно неподвижных объектов, к каковым не относятся право, государство и общество. За последние 20 лет в России было принято порядка 5 тысяч законов и кодексов на федеральном уровне и более 150 тысяч законов — на региональном. Помимо этого ещё есть тысячи актов, инициатив, посланий и указов Президента.

Высокие скорости делают мир совокупностью процессов, а не явлений. А. Н. Павленко вводит понятие «рапидактор» — всевозможные технические и технологические ускорители социальных интеракций. Компьютеры (акселератор вычисления), средства транспорта (акселератор перемещения), средства связи (акселератор общения) необратимо ускоряют время в том смысле, что создают такую систему, которая без рапидактора функционировать не может³⁶. Эта характеристика также порождает потенциальную социальную неустойчивость, которую мы рассмотрим далее.

Общество риска. Практически все значимые технологии и технические объекты потенциально опасны — водопровод, транспорт, электричество, ядерная энергетика, оружие массового поражения, высотные сооружения и т. д. Как следствие, группа людей может держать в страхе большое общество, пользуясь его уязвимостью (терроризм). Человечество рискует анонимно через факторы конкуренции и войны как источники глобального развития.

Общество потребления. Потребительские кредиты и философия тега «предложение рождает спрос» — гениальное изобретение рейгономики. Акселерация производства приводит к переизбытку вещей и услуг в обществе. Как загрузить предприятия работой в условиях перепроизводства? Стратегия экономики роста весьма неоднородна, как наивно полагал Г. Маркузе³⁷. Она преподнесла довольно много рецептов: 1) захватывать новые

³⁶ Павленко А. Н. *Возможность техники*. СПб., 2010.

³⁷ Маркузе Г. *Одномерный человек*. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М., 1994.

рынки сбыта; 2) обеспечивать высокие государственные расходы на оружие; 3) сокращать время пользования товарами длительного потребления через психологию новизны и моды; 4) урезать срок службы бытовой техники через запланированное старение; 5) уменьшать срок эксплуатации программного обеспечения, делая его несовместимым с hardware или другими программами; 6) стимулировать выпуск сопутствующих товаров, аксессуаров; 7) расширять количество функций на новых версиях продукта; 8) развивать маркетинг и рекламу; 9) подогревать демонстративный консьюмеризм бедного и низшего среднего класса; 10) инвестировать в инноватику как сферу отложенного спроса.

Вместе с тем политэкономические и технократические термины для обозначения современного состояния социума не могут быть признаны достаточными, так как фиксируют лишь некоторые стороны общественных отношений. Так, если развитые страны вынесли своё производство в Азию, то от этого их общество можно назвать постиндустриальным настолько, насколько смерть можно признать выздоровлением. Скорее, следует назвать такое состояние общества глобальным, так как мы являемся участниками беспрецедентного эксперимента по экономической интеграции.

Термины «информационное общество», «технократическое общество» также являются гиперболизацией лишь некоторых из многочисленных факторов социальной динамики. Если пропорционально сократить человечество до деревни в 100 человек, только один житель будет иметь высшее образование, 5 человек — иметь компьютер, 7 — иметь доступ в Интернет, 1 — машину, 3 — велосипед, 15 — мобильный телефон, 1/3 не будет иметь электричества, а 25 человек будут жить на 1 доллар в день. Учитывая данные статистики, современный социум следует признать чрезвычайно неоднородным.

Неклассическое общество — ещё одно описательное приближение к феномену современного социума, до сих пор применявшееся лишь по отношению к научному познанию (В. С. Стёпин). Классические представления об обществе, общественных отношениях, общественном сознании, общественном развитии были сформированы в европейской традиции на протяжении двух тысяч лет с Р. Х. и их можно выразить в девизе: *«гуманизм, рационализм, прогрессивизм, универсализм, центризм»*.

Социокультурные обмены между Старым и Новым светом привели к отрицанию/корректировке/дополнению классической программы, которую можно выразить в следующем слогане: *«экологизм, холизм, нелинейность, локальность, многополярность»*.

Политрадиционное общество. Глобальность и неоднородность социального тела являются важными, но фоновыми характеристиками. Актуальная социальная динамика — это процесс умножения, диверсификации, конкретизации традиций. Умножение социальных континуумов (традиций) неизбежно связано с эксфолиацией смыслов, что является важнейшей особенностью современной социокультурной динамики. С этой позиции современное общество нельзя назвать посттрадиционным, оно политрадиционно. Это и является, по нашему мнению, сущностной характеристикой его состояния.

Традиция — это форма социальной конкретизации, самоограничения в энергийно-смысловом множестве. Никакое общество не может жить без культурных эстафет. Мы предлагаем традициогенную концепцию как альтернативу эссенциалистско-универсалистской парадигме развития обществ (Г. Гегель, К. Маркс) и процессуально-ниготологической (Гераклит, Ф. Ницше, Ж. Деррида). Развитие общественных отношений в этой модели предстаёт как функционирование традиционных континуумов, которые понимаются как ценностно-смысловые, энергийные эстафеты. Ближайшим союзником традициогенной концепции общественных отношений является локально-цивилизационный подход к истории (О. Шпенглер, К. Ясперс, А. Тойнби). Преимуществом традициогенного подхода является снятие конфликта эссенциализма и процессуализма. Традиции несут запас устойчивости, самосохранения системы. Рождаясь из повторения, традиции являются способом ценностно-смыслового самоконституирования человека, фокусируют его идентичность во флуктуирующем мире. Энергия повторения традиционного действия транслируется по каналам ценностно-смысловой преемственности.

Адекватным средством дескрипции ценностно-смыслового самоконституирования традиционных культур в глобальном кон-

тексте мы считаем феноменологическое понятие «онтопоэзис»³⁸, в котором смыкаются природность традиционных культур и их субъективно-эстетическая актуализация. Динамика онтопоэзиса обслуживает потребность в индивидуации субъектов культуры. Это осуществляется путем умножения, пролиферации смыслов и особенно быстро происходит сейчас, когда бытие традиционных культур протекает в мировом контексте. Онтичность традиционной культуры поддерживается запросами самоидентичности субъектов культуры, их самоотнесением с первичной территорией смыслов своей базовой традиционной культуры.

Фр. Варела, Х. Матурано предложили термин «автопоэзис» для фиксации процессов нелинейного самоусложнения в природе³⁹. Для выражения идеи творческого самообновления они вынуждены были обратиться к греческому слову ποιησις, которое означает акт творческого действия, основанного на вдохновении.

В социологии Н. Лумана автопоэзис — это динамичная целостность общественных групп, устанавливаемая в процессе коммуникации. Коммуникация создаёт автопоэтический эффект вдохновения, стимулируя непрогнозируемые социальные взаимодействия⁴⁰.

Фактор глобализации выступает буфером обмена разных автопоэтических социальных образований, плавильным тиглем микротрадиций. Автопоэзисы традиций — это подвижные коммуникативные среды. Не следует ожидать доминирования какой-либо одной традиционной культуры в будущем. Сейчас больше шансов для проявления эмерджентных, синергетических свойств традиционных культур, которые разрывают границы своих локусов и дробятся на самоконституирующиеся формации. Локальные автопоэтические микротрадиции являются социальными ячейками, обладающими способностью к самоконституированию социальной памяти. Ответственные страты, касты, корпорации представляют собой малые социальные скрепы, осуществляющие традирование микропотоков

---

³⁸ Tymieniecka A.-T. Phenomenology as the inspirational force of our times // Phenomenology Worldwide. Foundations — Expanding Dynamics — Life Engagements. A Guide for Research and Study. Dordrecht, 2002.

³⁹ Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition: The realization of the living. Boston, 1980.

⁴⁰ Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. СПб., 2007.

социальной памяти. Наследование ценностно-смысловых стратегий поведения происходит в малых группах.

Для поддержания устойчивости физических объектов необходима структурная «память» на уровне связей нуклон — электрон, электрон — электрон. Это жёсткая, номотетическая память. Существование социокультурных объектов обеспечивается идиографически; здесь работает гибкая, кластерная, ассоциативная социальная память. Поэтому стабильность социума возможна не через принудительную масс-медийную унификацию, а через свободную ценностно-смысловую фрагментарность. Традиция сохраняется через актуализацию малого.

Хорошее общество. Институционализм Д. Норта отличает конкретно-исторический анализ формирования общественных регуляторов⁴¹ и выражает английскую философскую идею лучшего из возможных миров. Чтобы помыслить общество иначе, необходима не только философия, но и хорошее знание истории, чтобы штудия не превратилась в утопию.

В. Г. Федотова отмечает следующие тенденции в социальных трансформациях и идеях общественного блага: 1) социнжиниринг опирается на количественные инструменты, но не метафизику; 2) междисциплинарная интеграция в социальном познании; 3) ранжирование хороших обществ опирается на разнообразную квалиметрию продолжительности жизни, социальной поддержки материнства и детства, показателей рождаемости и смертности, ВВП на душу населения, качества жизни, ощущения счастья и т. п.; 4) господство анонимных регуляторов в обеспечении стабильности общества⁴².

Этический дискурс «хорошего общества» крайне важен в логике категориальной дополнительности. Наше общество лучшее из возможных не только потому, что оно наше или потому, что оно есть. Лучшим его делает приверженность консервативному благу, а не бесконечному прогрессивизму изменений.

Одной из угроз прогрессивизма выступает привычка к высокому стандарту комфорта и увеличивающийся мировой долг кредиторов, который превышает совокупность мировых благ.

---

⁴¹ Норт Д., Уоллис Д. Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

⁴² Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005.

Совокупный внешний долг в мире сегодня составляет более 70 трлн \$, т. е. порядка 10 тыс \$ на каждого жителя земли.

Наша цивилизация последние две тысячи лет движется по пути возвышения потребностей и удорожания жизни. Если в Риме для удержания контроля над массами достаточно было хлеба и зрелищ, сегодня социальное бремя государства выросло неимоверно — пенсии, образование, здравоохранение, правосудие, разнообразные программы социальной защиты. В этом смысле термин «good society» приобретает не только российский контекст правдоискательства, но и глобальное значение справедливости в распределении благ.

Язык культуры в динамике: интенция монументальности⁴³

Актуальность обращения к проблеме монументальности русской культуры обусловлена фактом стремительного снижения общественного запроса на большие задачи, связанные с выработкой стратегии «исторического целеполагания»⁴⁴. Не случайно кризис европейской культуры известные философы и культурологи связывают именно с утратой способности к формированию так называемых больших идей (А. С. Панарин). Это идеи, способные создавать вокруг себя, по Гегелю, духовные, нравственные союзы людей, осознающих себя единым народом.

Проблема сохранения русской культуры мыслится «в особом ракурсе», т. е. с учетом всей важности ее монументальных оснований. Под монументальными основаниями культуры мы понимаем следующее. Во-первых, это *способность нации к постановке, формулированию и публичному «проговариванию»* (в сфере литературы и искусства) *целей и смыслов исторического бытия*. Во-вторых, это выработанные тысячелетним опытом культурного и цивилизационного строительства *нравственные идеалы, создающие «символический капитал» нации, — те образцы народного единения, ценности справедливости*, которые хранят в себе и воспроизводят для потомков художественная ли-

⁴³ © Индриков А. А., 2016

⁴⁴ Нарочницкая Н. А. Время работает на нас [Электронный ресурс].

тература и искусство. Так, ставший литературным памятником роман Л. Н. Толстого «Война и мир» показывает, как высшие нравственные ценности (защита Отечества) организуют, монументализируют «волю народа», превращая ее в гарант исторического, по-иному, цивилизационного бытия народа.

Для сохранения русской культуры ей исторически необходимо поддерживать собственный «символический капитал» и составляющие его «славные традиции», а из этого вытекает необходимость стремления к монументальному — этой стратегии будущего, дающей культуре силы опираться на соединенное во имя задач цивилизационного устроения народное целое.

В связи с этим возникает вопрос о соответствующем языке, на котором может быть предъявлена стратегия будущего. Язык культуры — это вся совокупность смыслов, необходимых ей для исторического самосохранения, и в качестве цивилизационного основания представленная в виде символически выраженных образцов и моделей личностного бытия. Таковым является язык «большого», т. е. высокого культурного стиля.

Такой язык способен противостоять засилью в публичной сфере России массовой культуры, ориентированной на ситуативные потребительски-прагматичные модели поведения, под воздействием которых стремительно меняется в сторону «морального опрощения» социально-культурная реальность. Сопутствующее культурно-интеллектуальное упрощение концентрирует внимание общества в первую очередь на «стартапах» и разного рода бизнес-проектах весьма локального, сиюминутного уровня. Кинематограф (особенно молодежные сериалы) также ставит в центр сюжета индивида, не обремененного задачами созидания на благо всего общества (которые можно назвать монументальными задачами по своим «собирающим», объединяющим свойствам). Развивая инициативу преимущественно индивидуального, предпринимательского типа, общество утрачивает способность к стратегической консолидации, необходимой для выработки «большой задачи» по сохранению уникального цивилизационного субъекта — России.

Сегодня мы можем наблюдать, как активно заявляет о себе новая среда обитания с «массовым человеком» в центре. Эта среда, существующая на принципах «конвейерной этики», лишая-

щая человека свойств уникальности и интеллектуально-духовной самостоятельности, превращающая его всего лишь в представителя толпы, подверженного манипуляциям⁴⁵, дистанцируется от высоких морально-духовных требований к человеку. Поэтому не теряет остроты вопрос о том, каково будущее русской культуры, целиком и полностью построенной на высоких критериальных основаниях человеческого общежития, как она сможет заложить этот культурный код в стратегический сценарий своего будущего цивилизационного развития. По-другому, это вопрос о том, каковы механизмы, обеспечивающие преемственность славных страниц отечественной истории.

В противовес ситуации с обслуживанием обществом интересов рыночных «конвейерных» культурных кодов, способных переформатировать русскую культуру, необходимо говорить о принципиально иной парадигме ее развития — о монументальной философии, подчиненной гуманистическому запросу человечества. Показательно, что трансформация возрожденческого гуманистического пафоса в «псевдодемократические квазигуманистические практики электорального управления» обсуждается сегодня на серьезном философско-методологическом уровне⁴⁶.

Основой процесса «демонументализации» современного общества стали технологии фрагментирования общественного сознания, переводящие его в состояние массового, лишенного системно-целостных представлений о мире и потому легко подверженного манипуляциям. С точки зрения той экономической формации, в которой мы сейчас находимся, уместно говорить о «культуре конвейера»⁴⁷.

Также среди примеров «демонументализации» можно указать на анализ, «разбор» на отдельные, вырванные из контекста детали биографии носителей славных традиций, людей-монументов, к каковым безусловно относятся герои Великой Отечественной войны. Так, в серии исторических передач на телеканале «Россия» («Зоя Космодемьянская. Правда о подвиге», 2005 г. и другие) подвергает-

---

⁴⁵ Музиль Р. Человек без свойств. М., 2008.

⁴⁶ Гобозов И. А. Постмодернизм — эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. № 12.

⁴⁷ Индриков А. А. Диктатура конвейера: рефлексия кризиса культуры в Европе и России. Саранск, 2014.

ся переосмыслению необходимость подвигов героев, рассматриваются варианты более «эффективного» их поведения, не говоря уже о чрезмерной детализации некоторых элементов биографии. Фактологический подход — «изучить полноту» события и личности вкупе с элементами вроде бы естественного научно-исторического сомнения — создает методологическое алиби, позволяющее произвольно детализировать, раздроблять целое героической личности, снимать сакральность с символики массового героизма народа (в данном случае Зои Космодемьянской), который если и нуждается в изучении, то только с целью подчеркнуть его соборное, *всенародное, даже над-историческое* значение.

Что касается современного подхода к изучению истории России, то в нем также необходимо прийти к ее монументальному пониманию. В первую очередь четкое представление об исторической судьбе нашей страны должно быть осмыслено сквозь призму ее грандиозной, всепланетарной миссии — равнодушия к несправедливости, где бы она ни проявлялась. Из событий, наполняющих многогранную ее историю, должен быть создан символический патриотический стержень, вокруг которого все факты выстроятся без искажений и оскорбительных двусмысленностей. Переход к позиции, созидающей из нашей истории славный монумент, должен оставить в прошлом концепцию, разбирающую летопись на разрозненные части, которые не представляют по отдельности стратегической ценности для будущих поколений.

При этом действительно все настойчивее заявляет о себе «запрос из будущего», отчетливо сформулированный, например, в докладе известного российского экономиста, политика и общественно-го деятеля С. Ю. Глазьева. Размышляя о социально-экономической системе, адекватной требованиям нового технологического уклада, формирующегося в современной цивилизации, он отмечает: «Спецификой последнего является его гуманитарный характер — крупнейшими отраслями экономики становятся здравоохранение, образование, наука и культура, на долю которых в совокупности вскоре будет приходиться около половины ВВП»⁴⁸.

---

⁴⁸ Глазьев С. Ю. КНР как новый глобальный лидер: авторский доклад Изборскому клубу [Электронный ресурс].

Монументализм как доктрина и как философия позволит создать информационную систему культурно-объединяющего значения, в которой главенствующую роль будут играть соборные смыслы культуры. Соборность культурных значений способна преодолеть программу индивидуалистического потребления, перестающую отвечать новым цивилизационным условиям, и обеспечить отдачу в виде высокого социально-экономического коллективного результата, одинаково работающего на каждого участника общества.

Введение в информационное пространство коллективных категорий (народ, государство, общество, патриотизм, вера) не просто символически монументализирует культурно-историческую идентичность, но формирует способность к историческому выживанию. Если массовизация общественного сознания отчуждает его носителей от общей традиции и исторической памяти, то монументализм как коммуникативная практика выступает фактором объединения народа вокруг его высших достижений. Следует отметить, что в словаре В. В. Даля, например, понятие «монументальный» соотносится со значением «славный, знаменитый, пребывающий в виде памятника»⁴⁹. Монументализм как коммуникативная практика — лучший способ включения широкой аудитории в контекст исторической памяти и гордости за собственные свершения и возможности. Таким образом, возникает нечто вроде незримого, но осознаваемого и понимаемого всеми памятника, который выступает как ориентир для общества, выполняя функцию аттрактора в стратегическом планировании.

Монументализм нередко соотносится в культуре с политически окрашенной системой ценностей автора-творца, воплощающего в своем творчестве архетипические образы силы, величия и могущества народа. Подобное понимание монументализма укрепилось в общественном мнении начиная со второй половины XX века. В основе его лежит формная (формальная) соотнесенность художественных монументальных образцов с идеологиями, нарушающими свободы и демократические права граждан, как это было в 1930—40-е годы в Европе, где устанавливались дикта-

---

⁴⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2007. Т. 2. С. 345.

туры, ищущие себе идейной опоры в архитектурном гигантизме и ставящие цель с его помощью подавить человека, сделав его послушной частицей контролируемой массы.

Однако монументализм как культурный феномен не является обязательным спутником и проявлением конкретной исторической ситуации в конкретной стране и не может рассматриваться только в связи с политическими системами, преследующими зачастую антигуманные цели (тоталитаризм). Через монументализм заявляет о себе фундаментальная потребность общества быть отраженным в едином, соборном образе-этalone. Этот образ должен олицетворять лучшие качества не отдельного человека, но всего народа, качества, которые зафиксированы исторической памятью как наиболее значимые и славные.

Таким образом, мы выходим на серьезную проблему современности, когда борьба монументальных объединяющих символов за право быть приоритетными при формировании общественной стратегии — затрагивает глубинные основания культуры. Именно решение проблемы массовизации сознания, когда члены общества теряют коллективные основания бытия, может обеспечить и здоровую культурную преемственность народа, его твердую духовную будущность. Об этом говорил еще К. Г. Юнг, рассуждая об архетипах: они есть класс психических содержаний, события которого не имеют своего источника в отдельном индивиде. Специфика этих содержаний заключается в их принадлежности к типу, несущему в себе свойства всего человечества как некоего целого⁵⁰.

Монументализм как коммуникативная практика — это в первую очередь *программа формирования целостной картины мира, общественного единства, востребованного в условиях перехода современной цивилизации к новому технологическому укладу, основанному на приоритете нравственных ценностей*. В русской и шире — славянской — культуре монументализм соответствует цивилизационно-историческому духовному коду приоритета целого перед потребностным интересом части, возможному только при условии любви к целому — Отечеству, Родине, народу. Известный российский геополитик Н. А. Нарочницкая отмечает: «Великие державы созданы ведь не "гражданами мира", а гражданами, беззаветно лю-

---

⁵⁰ Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.

блящими свое Отечество, готовыми и умереть за него, за веру, долг, честь, любовь... А когда проповедают, что высшая ценность — это право не иметь никаких ценностей, то цивилизация эта, рано или поздно, умрет и повторит судьбу Римской империи, завоеванной варварами, несмотря на то, что у нее были гораздо более совершенные технологии и организация, водопровод и даже демократия... На развалинах римского форума сейчас толпы туристов... Пришли варвары и смели это все. Вот вопрос вопросов для Европы!»⁵¹.

И потому отказ любой национальной культуры от воспроизводства своих монументальных черт приводит к тому, что начинают распадаться ее ценностные основания. Массовая культура размельчает, фрагментирует единый ценностный фундамент общества, как бы отдавая каждому члену общества на откуп его «индивидуальную часть», которую можно трактовать и использовать по собственному усмотрению. Против этой вульгарно понимаемой свободы творчества восстает культурный принцип монументализма, который наделяет исторической и цивилизационной значимостью содержание общественного идеала, созданного для того, чтобы принадлежать всему народу в равной степени. Реализация философии монументального позволит преодолеть распад общества на отдельные «массовые» элементы и даст возможность создать обладающий «нравственными скрепами» культурный сценарий, защищающий народ от разрушающих механизмов эпохи потребления.

Язык в системе энергоинформационного взаимодействия⁵²

Современный быстро меняющийся мир напрямую зависит от энергетики как основы промышленности и от субъективных видов энергии, определяющих социальные процессы и их динамику. Поскольку выделяются субъективные энергии, связанные с преобразованием информации и ее энергетическими характеристиками, постольку правомерно говорить и об энергии языка.

---

⁵¹ Нарочницкая Н. А. Время работает на нас [Электронный ресурс].

⁵² © Жульков М. В., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

Энергоинформационный подход, на наш взгляд, является одной из наиболее универсальных методологий для понимания энергетических характеристик сознания и языка как средства его функционирования и выражения.

Как известно, в основе энергоинформационной картины мира (в генетическом плане) лежат успехи физики (квантовая физика, лазер, голографическая картина мира), а также общенаучные и философские учения (теория систем, кибернетика, общая теория информации, универсальный эволюционизм, учение о биосфере и ноосфере, системно-синергетический подход). В настоящее время энергоинформационный подход обращен два мира — информационный и вещественный, соединенные энергоинформационными взаимодействиями. В связи с этим пересматривается роль и значение сознания в организованности космоса и планетной жизни, рассматриваются энергии сознания и энергии мысли, которые постепенно уплотняясь, становятся психической энергией, а затем и физическими энергиями. Такой подход, развиваясь в эзотерическом крыле русского космизма, характерен для учения Живой этики (Е. И. Рерих, Н. К. Рерих). Новое понимание сознания развивается в исследованиях Д. Бома, Л. В. Лескова, М. Талбота, В. В. Налимова, К. Прибрама, В. П. Казначеева, А. И. Тихонова и других. Несмотря на немалое количество работ, изучение сознания, его места и роли в энергоинформационной картине мира находится на начальной стадии. Большой интерес представляют ноосферные и ноосферно-семиотические исследования развития сознания и истории человечества⁵³, но в центре внимания оказались энергетический и энергоинформационный подходы к изучению сознания⁵⁴.

Глобализирующееся сознание человечества нуждается в глобальной коммуникации и, следовательно, в едином языке.

---

⁵³ Глобальная коэволюция сознания как ноосферная история: коллективная монография. Иваново, 2015; *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998; *Его же.* Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново, 2015; *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново, 2012; *Его же.* Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.

⁵⁴ *Жульков М. В.* Ноосферные энергии и глобальное сознание. Иваново, 2015.

Как известно, человечество уже востребовало языки если не глобального, то регионального общения. Это латинский язык в Европе, арабский в Средней и Передней Азии в Средние века и Новое время, санскрит в Индии. Латинский язык продолжает использоваться как источник терминологии в науке, медицине, фармакологии, арабский применяется как конфессиональный язык в исламе. На Востоке самым известным региональным языком в настоящее время является санскрит — древний арийский язык, один из источников арийских языковых групп: славянской, германской, романской, индоиранской; греческого и латинского языков.

Попытки создать искусственный язык на основе латинского, французского, русского начались в эпоху Возрождения. Так, о панславянском языке писал в 1666 году Юрий Крижанич; примерно в это же время были предложены философские языки; эсперанто был представлен в 1887 году. Дж. Р. Р. Толкин, работая над «Властелином колец», разработал несколько языков (синдарин, квенья и другие). Всего искусственных языков к настоящему времени существует более двадцати. К ним необходимо добавить искусственные языки каждой науки, а также языки программирования. Как мы видим, что человечество не просто использует язык, но и создает новые языки.

Таким образом, существует несколько категорий глобальных и глобально-локальных языков:

- символические языки наук;
- локально-глобальные языки прошлого: санскрит, латинский, арабский, турецкий;
- используемый международный язык научных терминов: латинский;
- языки международного общения и наиболее употребительные языки: английский, китайский, русский, французский, испанский, немецкий и ряд других;
- искусственные языки международного общения;
- предполагаемые древние корневые языки групп народов, например, праславянский.

Одновременно с тенденцией к созданию и использованию единого языка в семиотике присутствует понимание, что каждый язык — особый подход к миру, многообразие языков создает богатство культуры. Ю. М. Лотман считал, что для существования куль-

туры необходимо минимум два языка, так как в процессе коммуникации будут создаваться новые сообщения, что интерпретируется как новые мысли. Так культура приобретает полиглотическую структуру⁵⁵. В результате действия обеих тенденций — к дифференциации, обособлению и синтезу несколько тысяч существующих языков собираются в несколько десятков языковых семей.

Семиология и философия пытаются понять, на каком уровне бытия начинается язык и в каких формах он существует. Как известно, в настоящее время нет единой философии, философские направления различаются подходом к первоосновам бытия. Существует несколько основных подходов, среди которых — идеализм, материализм, математизм, спиритуализм, рационализм, монадизм, реализм, феноменализм и другие. Представляется, что на каком-то этапе объяснения (рассмотрения) оснований бытия любое из названных направлений с необходимостью переходит в другое, вместе с тем оно должно выйти за свои собственные рамки, должно быть дополнено чем-то до-мыслимым, постулируемым извне. Такое положение показывает взаимосвязь основных направлений философской мысли и недостаточность всякого мышления для «окончательного» решения загадки оснований бытия. Переход одного философского направления в другое осуществляется с помощью смысловых преобразований, что можно описать как коммуникацию на языке смыслов и парадигм по поводу первооснов бытия.

В основании бытия постулируется ничто, бездна, тьма и т. п., в которой ничего нет. Поскольку ничего еще нет, в том числе и мышления, то мысль не может ее определить, и для ее описания используются (абсолютные) отрицательные и положительные свойства одновременно. Такое описание показывает, что наша мысль не может подняться на этот уровень и описать нечто до-мыслимое, описать положение, когда мысли не было.

Диалектика первооснов бытия необходимо включает четыре категории по схеме «один — три». Так, А. Ф. Лосев, прорабатывая античную диалектику (платонизма и неоплатонизма), вывел четыре основных категории: одно — одно сущее — становление — ставшее. По отношению к космосу они становятся следующими катего-

---

⁵⁵ Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Семиосфера. СПб., 2010.

риями: единое — ум — душа — космос. Исследователь назвал и «интеллигентную», смысловую модификацию этой первоначальной тетрактиды: смысл — познание — стремление — тело (чувство)⁵⁶.

Абсолют дифференцируется внутри себя и производит свое собственное отражение — ограниченный и конечный ум, который уже и начинает творение. На этом уровне — внутри первоначального ума существуют мышление и смыслы, идеи. Здесь-то впервые и появляется язык, язык мышления, предназначенный для различения и создания смыслов.

Смысл сам по себе является Логосом, Словом, но это слово непознаваемое, неизреченное, непроизносимое, во всяком случае, человеком. Смысл в себе непознаваем, поскольку познания еще нет. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»⁵⁷. На следующем этапе начинается творение, появляется познание, мышление и вместе с ними и речь. Первозызык, адамический язык, как это следует из эзотерической литературы, основан на вибрации объектов. Люди слышали, воспринимали вибрации (звук) предметов, и, следовательно, могли их воспроизводить. Это было основой естественной власти людей над объектами, основой магии. Когда же люди потеряли такую способность, то появилось множество языков, что мы и имеем на сегодняшний день. Так выделяется три типа языков: язык смыслов, язык вибраций, естественные языки.

В диалектической системе А. Ф. Лосева две тетрактиды категорий, первая описывает смысловой эйдос, а вторая — меональный (фактический). Энергия «осуществляет» связь между этими двумя мирами — миром смысла и миром фактов, алогического становления. При этом энергия определяется как совокупность всех возможных проявлений сущности (чего-либо) в меоне, то есть в объективном мире. Поэтому эту энергию А. Ф. Лосев назвал энергией сущности: «Энергия сущности, стало быть, есть становление, которое стремится утвердить вторая природа, слово, в смысловом своем процессе самоотличения от иного, тьмы»⁵⁸. Энергия сущности, таким образом, есть вся совокупность возможных вы-

⁵⁶ Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. М., 1995. С. 10—32.

⁵⁷ Евангелие от Иоанна // Новый Завет. 1.1.

⁵⁸ Лосев А. Ф. Бытие — Имя — Космос. М., 1993. С. 155—156.

ражений сущности в объективном мире⁵⁹. Так язык (речь) на уровне смыслов носит энергоинформационный характер.

Одна из существенных особенностей диалектики А. Ф. Лосева состоит в разработке им диалектики имени. Философ отмечает, что отношение имени к сущности — величайшая диалектическая проблема. С некоторым упрощением можно утверждать, что А. Ф. Лосев понимал имя сущности как ее символ. Интерес представляет то, что «имя сущности есть смысловая энергия сущности»⁶⁰. Тем самым фиксируется переход от физических и психических видов энергии к энергии знаковой, семиотической, а также к энергии смысловой, семантической.

Согласно представлениям индийской философии, Абсолют, универсальное Я в начале творения становится двойственностью Шива — Шакти, где Шива — чистое сознание, Шакти — силовое сознание. Энергия (Шакти) является основой всех видов энергии материи, Шива — источником сознания⁶¹. Так высшее сознание включает энергию творения, поддержания и разрушения мира. Индийская философия выделяет шесть основных сил (Шакти), которые являются шестью силами Природы: 1) парашакти — основная сила, проявляется через тепло и свет; 2) джнанашакти — сила интеллекта; 3) иччашакти — сила воли; 4) крияшакти — сила материализации; 5) кундалинишакти — змеиная сила, жизненный принцип, включает притяжение и отталкивание, электричество и магнетизм; 6) мантрикашакти — сила звука, речи и музыки. Шесть сил имеют источник в седьмой, единой силе природы, она есть Махамайя, великая иллюзия⁶². Шакти — женский аспект творения, мужским является Пуруш, Дух. Шакти принадлежит материи, но она пассивна, то есть не действует, в отсутствии духа, и проявляется только при контакте духа и материи.

Так индийская философия принимает два ума — один абсолютный, другой периодически существующий, который и образует и руководит создаваемой вселенной. Этот ум в «Тайной

⁵⁹ Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. М., 1995. С. 35.

⁶⁰ Лосев А. Ф. Бытие — Имя — Космос. М., 1993. С. 156.

⁶¹ Авалон А. Змеиная сила. М., 1994. Т. 1. С. 29; Вишну-Пурана. СПб., 1995. Кн. 1. С. 14; Мукерджи Э. Кундалини. М., 1997; Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1993. Т. 2. С. 663.

⁶² Блаватская Е. П. Тайная доктрина. М., 2000. Т. 1. С. 382—383.

доктрине» Е. П. Блаватской назван Воинством Гласа (который в греческой и затем христианской философии преобразовался в Логос, Слово), «термин, тесно связанный с тайною Звука и Речи, как следствие и результат Причины — Божественной Мысли»⁶³. Эта тайна речи связана с тем, что: «Знак выражает вещь; вещь есть (скрытое или оккультное) свойство знака. Произнести слово, значит вызвать мысль и сделать ее существующей... Слово (Глагол) или речь каждого человека совершенно бессознательно для него является благословением или же проклятием...»⁶⁴.

В седьмой части Чхандогья упанишады показывается соотношение между именем, речью и разумом. Знание вед названо знанием имен, при этом: «Тот, кто почитает имя, как Брахмана, способен действовать, как желает, в тех пределах, до которых простирается имя; таков тот, кто почитает имя, как Брахмана»⁶⁵. Однако, «речь — большее, чем имя». «Ведь речь и доставляет знание всего этого»⁶⁶. А выше речи — разум, поскольку «разум охватывает речь и имя»⁶⁷. Выше разума — Атман, поскольку «Атман — весь этот мир»⁶⁸.

Речи придавалось большое значение в системе йоги. Среди нескольких основных способов ускорения индивидуальной эволюции существует мантра йога, использующая мантрамы (молитвы) и отдельные слова (наиболее известное — АУМ), произносимые в особом ритме и нараспев. Они вызывают как внутренние изменения, так и внешние феномены, в зависимости от направляющей мысли (интенции). Отметим, что аналогичный способ развития сознания существует в христианстве — исихазм, повторение Иисусовой молитвы.

В древневосточной философии существует особый взгляд на происхождение алфавитов и, следовательно, письменности в целом. Утверждается, что алфавиты уходят своим происхождением в глубокую древность к языку посвященных. Кроме буквенных алфавитов используется так же идеографическое письмо, знаки, сим-

⁶³ Там же. С. 156.

⁶⁴ Там же. С. 157.

⁶⁵ Упанишады. М., 1991. Книга 3: Чхандогья упанишада. С. 119.

⁶⁶ Там же. С. 120.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 130.

волы и цифры. У каждого знака может быть несколько значений — символическое, астрологическое, нумерологическое (числовое), метафизическое. Так, Е. П. Блаватская в предисловии к «Свету на Пути», в книге «Голос Безмолвия» пишет: «Священный язык (Senzar) может быть передан, кроме как посредством собственного алфавита, еще различными способами шифрованного письма, более близкими к идеографическому, чем к буквенному»⁶⁹. По поводу санскрита и алфавитов других языков Е. П. Блаватская отмечает: «В Санскрите, так же, как в еврейском и во всех прочих алфавитах, каждая буква имеет свое оккультное значение и свое разумное основание; каждая есть причина и следствие предыдущей причины, и комбинация их очень часто производит наисильнейшие магические воздействия»⁷⁰.

Активное изучение санскрита европейскими учеными началось в XIX веке, было открыто его сходство с греческим, латинским и другими европейскими языками, и одно время думали, что санскрит является праиндоевропейским языком, в XX веке от этой точки зрения отказались, очевидно, что существовал еще более древний язык, источник арийских языков⁷¹.

Алфавит санскрита имеет шестнадцать гласных и тридцать три согласных. К ним добавляется еще одна буква «кша», шипящий звук. Пятьдесят букв санскритского алфавита соответствуют пятидесяти лепесткам шести центров энергетического тела человека — пяти телесных и одному головному — аджне. Система центров следующая: основание позвоночника — 4 лепестка, сакральный центр — 6 лепестков, солнечное сплетение — 10 лепестков, сердечный центр — 12 лепестков, горловой центр — 16 лепестков, центр межбровья — два лепестка (по сорок восемь). В результате получаем схему сорок восемь плюс два, всего пятьдесят. Какие буквы соответствуют каким лепесткам, можно посмотреть в руководстве по Лайя или Хатха йоге. Отметим, что седьмой, головной центр, тысячелепестковый лотос противостоит шести другим центрам и синтезирует их все.

⁶⁹ Блаватская Е. П. Предисловие // Свет на Пути. Голос Безмолвия. Рига, 1991. С. 38.

⁷⁰ Блаватская Е. П. Тайная доктрина. М., 2000. Т. 1. С. 157.

⁷¹ Кочергина В. А. Учебник санскрита. М., 1994. С. 5—6.

Еврейский алфавит имеет двадцать две буквы. В Каббале алфавит этот хорошо разработан. Имеется три основные буквы, соответствующих трем первичным и основным энергиям, двенадцать букв, соответствующих двенадцати знакам Зодиака, семь букв, символизирующих семь планет. Это минимальное число сил, используемых в эзотерической астрологии.

Сент Ив д'Альвейдер в Предисловии «Каббалы» Папюса пишет, что существует схематическая древнеарийская азбука, состоящая из двадцати двух букв, очертания букв которых показывает их идею: двенадцать зодиакальных энергии, семь планетных сил и три основных энергии⁷². Ученый выводит этот алфавит к древнеиндийской азбуке «Ваттан»: «По-видимому, она принадлежала первой человеческой расе»⁷³. Буквы этого алфавита имеют не только космологическое, но и числовое значение, а также, что еще более важно, божественное значение, связанное с творением мира: «В том, что творческое начало есть Слово, древние были между собой согласны. Говорить и творить — суть синонимы во всех первоначальных языках»⁷⁴.

На основании этой первоначальной схематической азбуки были созданы несколько алфавитов: «Двадцатидвухбуквенные азбуки соответствуют солнечному или солнечно-лунному зодиаку, дополненному семеркой эволюции. Это были азбуки схематические. Другие, следуя тому же методу, насчитывали 24 буквы — согласно разделению суток, 28 букв — подобно лунным дням, 30 букв — по количеству дней в месяце (астрономический год), 36 букв — согласно числу деканов астрологии и т. п.»⁷⁵. Три основные буквы философско-религиозной системы индуизма (в частности, системы йоги) и браманизма — это АУМ, три основные буквы еврейского алфавита — *алеф*, *мем* и *шин*⁷⁶ — те же самые по смыслу буквы. Так мы видим общие корни восточного и западного эзотерического течения мысли.

---

⁷² Папюс. Каббала или наука о Боге, Вселенной и Человеке. СПб., 1992. С. 10, 15—17.

⁷³ Там же. С. 10.

⁷⁴ Там же. С. 11.

⁷⁵ Там же. С. 12.

⁷⁶ Там же. С. 199.

В русском алфавите тридцать три буквы. Тридцать три — это одно из магических чисел, определяющее текучую (полевою) природу человека. Согласно даосской и индийской йоге, в энергетическом теле человека четырнадцать каналов⁷⁷, из них двенадцать парных, еще два — переднесрединный и заднесрединный — вместе образуют микрокосмическую орбиту, эти каналы непарные, соединяющие пять аспектов праны и субпраны (жизненной энергии ци), так они образуют десять элементов. Эта система объединяется вместе восемью сверхъестественными каналами, также непарными⁷⁸. Большое значение в даосской йоге придается очищению восьми энергетических каналов⁷⁹, движению энергии (с помощью дыхательных упражнений, совмещенных с визуализацией) по микрокосмической орбите, что символически описывается как движение Колеса Закона⁸⁰. К этой системе необходимо добавить центральный канал спинного мозга (Сушумна) и два основных канала, идущих вокруг него — Ха и Тха, Ида и Пингала⁸¹. В результате образуется пятяричная энергетическая система человека, и эта система символически запечатлена в русском алфавите.

Распределение букв русского алфавита выглядит так: буква й (и-краткое) символизирует Сушумну. Эта буква писалась как вертикальная черта с точкой над ней. Точка изображала головной центр над окончанием Сушумны. Твердый и мягкий знак обозначают каналы Ха и Тха. Далее имеем восемь непарных согласных, двенадцать парных, десять гласных, которые образуют пять пар. Таким образом, русский алфавит имеет особое значение в системе алфавитов других языков. В заключении приведем получившуюся схему русского алфавита, из нее видно, что эта целостная система, из которой нельзя устранить ни одной буквы, не нарушив саму систему и ее значение.

---

⁷⁷ Лу Куань Юй. Даосская йога: алхимия и бессмертие. СПб., 1993. С. 302—307. Путь Шивы: (антология древних классических текстов). Киев, 1994. С. 79—80. См. также: Яроцкая Э. П. Рефлексотерапия заболеваний внутренних органов. Харьков, 1994.

⁷⁸ Лу Куань Юй. Даосская йога: алхимия и бессмертие. СПб., 1993. С. 302—307.

⁷⁹ Там же. С. 67—74.

⁸⁰ Там же. С. 162—177.

⁸¹ Путь Шивы: (антология древних классических текстов). Киев, 1994. С. 63.

Кол-во каналов	Буквы	Энергетические каналы
1	й (і)	Сушумна, центральный канал
2	ь ь	Ида и Пингала, два канала вокруг Сушумны
10	а о у э я ё и ю е	Переднесрединный и заднесрединный каналы, пять пран и пять субпран
8	л м н р х ц ч щ	Восемь сверхъестественных каналов
12	б в г д ж з п ф к т ш с	Двенадцать парных каналов

В старом русском алфавите было сорок девять букв, распределенных в семи группах по семь, каждой букве соответствовала определенное число. Произнесение алфавита являлось молитвой⁸², объясняющей строение мира и действие человека в нем («Аз буквы ведаю...»), имеющей символическое значение, которое только начало изучаться.

Таким образом, согласно представлениям индийской философии, существует два ума — подвижный и неподвижный (абсолютный), причем подвижный ум непосредственно связан с речью, то есть движением энергии. Вопросы соотношения знаков (имен), смыслов и языка (речи) ставились и решались в индийской философии задолго до развития античной культуры. Эти вопросы были частью общей религиозно-философской системы описания мира и человека и практической системы самосовершенствования (йоги). В соответствии с этой системой, существующие алфавиты содержат в себе символические, метафизические, числовые значения. Многие из этих знаний пока не нашли применения в научном знании Запада. Однако, в результате активного взаимопроникновения культур, которое началось в XIX веке, на Западе появились акупунктура, методы самовнушения и аутогенной тренировки, техники визуализации

⁸² См., напр.: *Савельева Л. В.* Истоки и загадки нашей азбуки // *Русская речь.* 1994. № 5; *Мирошниченко О. Ф.* Тайны русского алфавита. Аз буки ведаю. М., 2004.

зации и аффирмации. Последняя восходит к мантра йоге и связана с повторным произнесением определенной мысли, небольшого текста, призванного воздействовать на организм или получить внешние результаты (например, лечение больного). С этой точки зрения возможно рассматривать религиозные ритуалы с произнесением молитв для получения определенного результата.

Возвращаясь к учению о ноосфере, необходимо отметить, что эта система синтетического знания может ассимилировать древневосточные знания благодаря использованию универсумного, энергоинформационного, системно-синергетического подходов. Концепция ноосферы основана на учении В. И. Вернадского о биогеохимической энергии и ее превращении в энергию культуры (культурную биогеохимическую энергию). Биогехимические принципы Вернадского-Бауэра определяют накопление энергии живым веществом в биосфере, что составляет основу для развития нервной системы, мышления и сознания, и дальнейшее превращение биосферы в ноосферу. Кроме биогеохимической энергии и энергии культуры, необходимо выделить энергию сознания, которая всегда присутствовала, но была слабее других. В настоящее время выдвигается значение индивидуального и коллективного сознания людей, и субъективная энергия сознания становится важнейшей энергией человечества⁸³.

Речь является одним из способов выражения и передачи мысли и, следовательно, энергии сознания. Вербализация имеющегося у человека знания необходима для того, чтобы это знание стало доступно для использования, чтобы оно стало силой⁸⁴. Мир текстов существует в знаковой форме в субъективной ноосфере, накапливающей знания человечества. Обращаясь к этому хранилищу знания, исследователь преобразует знание в форму текста, после чего оно становится силой, используемой в технологических процессах⁸⁵.

---

⁸³ Жульков М. В. Ноосферные энергии и глобальное сознание.

⁸⁴ Смирнов Д. Г. Семиосознание как форма духовного бытия человечества // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 2.

⁸⁵ Широков В. А. Ноосферные измерения информации и знания // Ноосферология: наука, образование, практика. Симферополь, 2008.

Круговорот знаков в семиосфере и ноосфере, охватывающий как субъективную, так и вещественную их измерения, регулируется основным ноосферным (И. В. Дмитриевская): информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество⁸⁶ и основным семиотическим законом (Д. Г. Смирнов): вещество развертывается в энергию, энергия распаковывается в информацию⁸⁷. Как знаковая структура, язык в ноосферной формации подчиняется законам этого круговорота, тем самым появляется методологическая база для исследования смысловых, символических, вибрационных, звуковых энергий языка.

Подводя итог, отметим: речь сильно воздействует на человека и является неотъемлемой частью его сознания, но механизмы такого многоуровневого воздействия далеко не ясны, и энергоинформационный подход может приоткрыть новые горизонты в этих исследованиях.

---

⁸⁶ *Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Иваново, 2002. Ч. 1. С. 27—28; *Дмитриевская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново, 1997.

⁸⁷ *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. С. 103.

Глава V

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО СОЗНАНИЕ

Язык глобальной этики в современном мире [Global Ethics Language in the Modern World]⁸⁸

*Woe to those who build their houses in sin,
for they will be rooted out from their foundation,
and will fall by the sword.
And they who acquire gold and silver
will be destroyed by sudden judgment...*
Enoch, 94-7

It is not by accident that I chose this motto, because it most aptly reflects the efforts of Pope Francis I to be pope of the poor and to give the Church back to those whom Christ wanted to be in the Church and find solace there — the unhappy and wronged. Those who died in the name of the Christian faith and, by their self-sacrifice, transformed it from a heresy, into a world religion.

Many popes were great persons, but not many were also great *men*, worthy men. Pope Francis chose the way of Christ — which is to be reviled and misunderstood. For he is a reformer, as was the Teacher from Galilee. Only those who have a narrow historical and intellectual perspective would deny that the mission of Jesus was not simply to reform Judaism but to create a new model of human relations, and a new understanding of moral values based on the principles of equality, fraternity, solidarity and love between people. It is not accidental that He reversed the system of values of his time, changing the rule *An eye for an eye* into the principle of *God's all-embracing love, of which even the least of men and women, even the humiliated, are capable* — «*Love thy neighbor as thyself*».

The humanism of the Gospels is a **real humanism**, the religious vocabulary of which cannot conceal the meaning of *Christ's spiritual revolution*, which, through the words and the person of the Savior, changed the very concept of man, whereby a person can be saved from the trials of inauthentic being only through love, by elevating himself

---

⁸⁸ © Lazarova E., 2016

above the limits of the Self and overcoming hatred in the world, where man is man's enemy and tormentor.

Christ came as a savior precisely in the Jewish community in Palestine because, as Erich Fromm, one of the great 20th century thinkers, has shown, the poor are great problem in a society in which the bottom of society, the *Arameans*, or *the people of the country*, represented the extreme form of a people oppressed and deprived of their rights⁸⁹, and were in continuous conflict with the upper strata, the aristocracy and the Pharisees, the wealthy, the teachers, who even expressed their *revulsion* against the lowborn⁹⁰; and those who were in fact spurned by society responded with *hatred*, for which there is ample evidence in the **Talmud**. This explains the emancipatory role and the charisma of Jesus, and the spiritual revolution that he brought about. His teachings quickly crossed the borders of Palestine and spread throughout the Roman Empire, where Christianity became synonymous with *religion of the poor*. The slaves in Rome, like the people deprived of rights in Judea, were equally attracted and won over by the promises of *a justice that lies beyond the world*, where there are no poor and rich, and God's grace goes to the humble and tormented.

Those who value their material prosperity above all else, will learn that they will not always be privileged, but it will be too late when they do. They will pay for their arrogance towards the poor and will understand through suffering that property does not bring happiness: a life of wealth is an *illusory existence*; those who are deprived of bread or earn their bread with pain and tears will be comforted by the loving God, who loves **most of all those who have not and who suffer**. Here lies the unique consolation of Christ's preaching, which *turned a persecuted religion into the faith of millions of people*. This preaching condemned material inequality as pernicious for human evolution and emancipation. The eternal significance of this messages related to the *horizons of hope* for human perfection, for freedom from the constraints of material existence and for an achievable brotherhood.

---

⁸⁹ Fromm E. The dogma of Christ and other essays on religion, psychology and culture. N. Y., 1963.

⁹⁰ K. Kautsky called them the «christian proletariat»: Kautsky K. Der Ursprung des Christentums. Stuttgart, 1908. S. 345.

Today, as in the first two centuries of Christianity, it is necessary to recall again and again that the philosophy of the Gospels is above all a *moral philosophy*, and that it promises a *state of spiritual comfort*, determined by the *inner value of each person*. The emancipation of the spirit represents a rejection of the rules and power structures that humiliate and oppress the individual. What is important is not wealth but *the quality of life in love and harmony*.

The power of Christ is not of this world, and the attractions of worldly vanity cannot be the goal of a moral life. Moral existence presupposes that man will become a *person of spiritual values*. This can only be possible when man knows himself and becomes aware of himself as the subject of *his self-elevation through the overcoming* of his sinful physical nature. For this, rank and wealth are of no avail. They are an obstacle on the path to God, for material attractions enchain the spirit. But those who have tasted of suffering, the simple and meek, will receive comfort and love. Their tears will be wiped away and the just will smile:

«Blessed are you who are poor,
for yours is the Kingdom of God.
Blessed are you that hunger
now, for you shall be filled.
Blessed are you that weep now,
for you shall laugh» [Luke, 6:20-22].

The true good lies in restoring the cosmic balance between the powers of Light and of Darkness. One should not tremble with fear for the outward trappings of wealth and not be dependent on one's property — this is one of **the supreme moral virtues** of the true Christian. Only the poor are free of the shackles of property and may entirely devote themselves to their faith. The wealthy sinners, for their part, will receive the punishment they deserve, because they have not lived by God's law. They have deviated from that law and have become hostages to the satanic attractions of thinking themselves *above the others only because they surpass the others in wealth and power*. They have lived opulently and without care, they have «fatted their heart» but have not known the Way of the just.

If poverty is not a shortcoming or a deprivation of God's mercy, then the true beatitude lies in *serving the good* as a fulfillment of the Gospel values and virtues, the self-realization of a life of humility and

restriction of wealth and of material demands. In overcoming their material desires, people come closer to the Divine. Only then can they change the quality of life and life itself in the physical world, simultaneously changing the social existence as well.

Poverty is a blessed state of being, which is free of the burdens of material things — this is what Christ taught, having Himself chosen the way of meekness, temperance and poverty. Understandably, for those who believe the Mammonization of the Church is a natural course and prefer the Dogma to Living Evangelical love, Pope Francis I is an **inconvenient** pope, because he has dared to utter the uncomfortable truths about a world that has forgotten the Christ who came in the name of the poor and suffering, while the hypocrites and sinners live under the illusion that salvation can be won through material gifts.

It seems that it is always easier and safer to avoid the road of *moral self-perfection*, and to buy off one's personal mistakes and even profound sins by ritual, by the purchase of indulgences, and even the building of temples. In this case, humble and devoted obedience and service to the Divine truths is substituted by loyalty to the decisions of ecclesiastical councils and by depriving the faithful of the right to seek God and to know Him through reason and the heart. By why did Christ bestow His truths on unlearned people, on stonemasons and fishermen, and why did He set his Church upon Peter as upon a stone foundation. Christ Himself was a carpenter, even though a descendent of David. He became a teacher of the world, for He was not afraid to oppose the powerful of the day, whether those of worldly or of religious power. That is why He died on the cross and turned His death into a triumph of Eternal Life.

Christianity brought about a turn in the religious life of humanity through its respect and care for *every human being, seen as valuable*. Pope Francis I restores the initial purity of Christianity, in reminding those who have forgotten the deep meaning of the Gospel saying that *religion is above all a moral life lived in the name of God's truth, love and justice*. Thus we avoid idolatry and Phariseism. What is important is not the temples but the true faith, in which God's children pray. Nothing could be easier than abiding by the ritual while being sinful towards one's neighbor and, hence, towards Christ. In this way, Christ's teaching becomes a hostage of the ecclesiastical institution, as does Buddhism, with its great doctrine of emancipation and its denial

of rituals, which likewise eventually turned into a powerful cult, with its idols, temples and clergy.

The new pope, **in declaring himself against the ulcers of poverty and the lack of spirituality in modern life**, has returned to the primal role of Christ — *to be a teacher of morality* and to criticize all the social and religious practices that contradict the Divine law of love, which is also the law of brotherhood and solidarity between people as «brethren in Christ».

We cannot fail to be surprised by the outright furious criticisms addressed to this pious man. When the German theologian Martin Mosebach declares in an interview for the magazine *Speigel* that Pope Francis serves the emotions of the crowds and, by his public statements, *is profiting, gaining popularity at the expense of the Church*, he is forgetting the simple but basic fact that the papal institution was realized through the personal creative effort of the Apostle Peter and hence the activity of every pope defines the style of the Church, helping the Church to redeem its historical wrongs, such as the Inquisition, and to respond to the important issues of human development without remaining at the level of pre-Copernican astronomy.

In this sense, *the name of Francis stands for an integral action program* that visibly worries the conservative circles of the Church by preaching «poverty and humility instead of magnificence and power».

It is indicative that according to Mosebach, the new pope is conducting a successful PR effort but is going against Church traditions:

«Mosebach: Yes, Francis of Assisi is simply the absolute counter-figure of the papacy: the antagonist of the institutionalised Church. He never wanted to be a member of the hierarchy himself. He was profoundly loyal to the hierarchy but he represented to himself, for his monks and nuns a completely different model, an anarchic Model.

Spiegel: Pope Francis bears a contradiction to himself just by his name?

Mosebach: The Church, which is made up of many opposites, also lives within the opposites between Pope and Francis of Assisi. It is fruitful for the Church. She needs the institutions and the anarchic

Christians. But these two poles cannot both exist in one person.

Spiegel: Perhaps that was the intention of the Pope: To show from the beginning that he wants to lead the Church back closer to the foundations?

Mosebach: To which foundations? The Church must always go back to the foundations because it is an historical institution and refers to a specific time — the so-called fullness of time into which Jesus came...

Spiegel: Perhaps Francis has set himself exactly this task — blasting tradition and its guardians, the curia?

Mosebach: Mrs. Merkel can change her party programme when she finds it advantageous to do so, but the Pope is bound by Tradition... He has to care for the continuity of Tradition. That is his principal task.

Spiegel: But a Pope can come up with something new?

Mosebach: Figures like Francis of Assisi, founders of orders, mystics... they can all explore the religion in every direction and risk a lot. The Pope can not...»⁹¹.

Curiously enough, the Pope is being also opposed by groups that claim to follow the banner of liberal thought. He has even been accused of Satanism, been called a «servant of Satan»⁹². A Bulgarian New Age site has looked for body language in the pope that indicates a connection with the devil: «Pay attention to the photograph given below and you will see how the Pope begins his speech in using the satanic sign for "OK", used by the Illuminati. That might explain why the Pope does not pray to God before beginning his speech»⁹³.

---

⁹¹ *Mosebach Martin*. Папа Франциск, популярност за сметка на църквата? // *Liberalenpregled*. 2015. July 8.

⁹² Сатанизм Ватикана и Власти [Электронный ресурс].

⁹³ <http://www.newage.bg> [Электронный ресурс].

In complete contrast with his deniers, ordinary people adore Pope Francis and team to see him at his visits; they are impressed and delighted by the lack of outward show and the humility of this vicar of Christ, this pope who is not afraid to speak in their own terms and to touch upon their problems, and whose concerns range from mercy to the homeless and the refugees, to the problems of birth control. A very powerful aspect of his speeches is that they are potentially addressed to all believers. And when, in his speech before the American Congress, he enumerated all the various age and social groups, the Pope was in fact turning to *all the people of the world*. His speech was so moving and powerful, because it was addressed to all of humanity:

«Knowing full well that the problems of Americans are not only theirs but of *all humanity*, he managed to *present an integral program of Christian solidarity and mutual aid*, which was met with skepticism by corporate America, but was felt to be a blessing by ordinary Christians who expect to hear these very words of hope from their Shepherd. And when they hear the pope stressing the theme of solidarity and human rights, when they see he is not avoiding the social emphasis but is consciously making it, the response is enthusiastic throughout the world — despite the skepticism and even the outright negative attitude of the global corporations, who are shocked by the pope's, and hence the papal institution's, active defense of the needy and of the middle class, which is the backbone of developed societies.

In talking about solidarity with the suffering refugees with those in need of aid and support, the Pope teaches people to perceive the suffering of others as their own, and pleads for tolerance between religions. The essence of his speech to the American people, and to the world at large, was this: «**Let us recall the golden rule: "So in everything, do to others as you would have them do to you"** [Matthew 7:12]»⁹⁴.

After that, however, he returned once again to a topic that is particularly important for him, that of *inequality as destructive of social peace*, and pleaded for more socialness in politics, connecting the essential Christian understanding of equality to the ideal of social justice for all:

---

⁹⁴ *Славейков Площад*. Папата: Мигрантите не са числа, а личности. Светът не е само добро и зло [Электронный ресурс].

«All political activity must serve and promote the good of the human person and be based on respect for his or her dignity: "We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable rights, that among these are life, liberty and the pursuit of happiness" [Declaration of Independence, 4 July 1776]. **If politics must truly be at the service of the human person, it follows that it cannot be a slave to the economy and finance.** Politics is, instead, an expression of our compelling need to live as one, in order to build as one the greatest common good: *that of a community which sacrifices particular interests in order to share, in justice and peace, its goods, its interests, its social life* (my italics. — E. L.). I do not underestimate the difficulty that this involves, but I encourage you in this effort»⁹⁵.

This emancipatory rhetoric *is truly Christian in its spirit* for it identifies as fundamental to the motives of human activity the ideal of fraternity and equality set by Christ in the Gospels. By his own way of life and thinking, Pope Francis I affirms the values of *Apostolic Christianity*, unhampered by the material existence of the institutional Church and loyal only to the principles of active and all-forgiving Love. His just criticism of modern consumer civilization and of the greed of corporations hits the mark: it brands the pursuit of profit, the cult of consumerism, admiration of the rich and the successful as being the heroes of our time.

Corporate America was especially shocked by his highlighting four key figures, among whom, in addition to the two national heroes **Abraham Lincoln** and **Martin Luther King, Jr.**, he also pointed out two persons whose names are emblematic of solidarity — **Dorothy Day** and **Thomas Merton**. In other words, the «pope of the poor» once again made a moral emphasis in his speech, singling out as a paramount virtue the capacity of compassion and of giving aid to those in need.

At the same time, he gave a sublime lesson in ethics to all people, when he evoked the ideal of a humble and honest life lived in solidarity and care for the suffering. His personal modesty, bordering on asceticism in his personal habits, is a return to the *original image of the Christian*. The example is well-liked by the faithful, because it reminds them of the life of the Savior, of Christ's implacable rejection of the Pharisees and Phariseeism.

---

⁹⁵ Ibid.

Pope Francis has raised ethics to a new level by linking the road of spiritual evolution to social emancipation. He appeals for a life of tolerance and mutual aid, of solidarity and care for each and all in the spirit of love for one's neighbor and of equality and fraternity, for which the Savior came to this world, endowing with hope the New Earth and the New Heavens.

That is why Pope Francis has become an inspiration for people who are seeking their spiritual path in rejecting mercantile, selfish, consumerist attitudes. This is the true course of Evangelization of post-modern culture and of surmounting the relativistic view of values and the denial of the very essence of morality as a universal regulator of human relations. By this intertextual approach, the new pope stands out not only as a *great reformer* but as a *great teacher of morality*.

**Этос глобального человека:
императивы бытия⁹⁶**

Этология человека: поиски предметной области. В современной философии заметное место занимают работы, посвященные этологии человека. Конечно, изначально этология как область знания исследовала вопросы поведения животных, но со временем наряду с этологией животных сформировалась отдельная ветвь, исследующая поведенческие особенности человека. Этология восходит к греческому корню «этос», который, как указывает А. Ф. Лосев, обозначает «привычность», «обыкновение» или «обычай» и, в первую очередь, это понятие было обращено к неорганическим вещам или живым существам, кроме человека⁹⁷. Но человек также имеет этос — это обычаи, привычки, нравы, характеры, т. е. все, что обуславливает его поведение⁹⁸.

---

⁹⁶ © Меликян М. А., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

⁹⁷ Лосев А. Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. М., 1994. Кн. 2. С. 295.

⁹⁸ Яницкий О. Н. Этос В. И. Вернадского и проблемы современности // Ответственные науки и современность. 2007. № 6.

Безусловно, фундаментальными в области как общей этологии, так и этологии человека, являются работы К. Лоренца, по мнению которого, этология «рассматривает поведение животных и человека как функцию системы, обязанной своим существованием и своей особой формой процессу исторического становления, отражающемуся в истории вида и в развитии индивида, а у людей также и в истории культуры»⁹⁹. К. Лоренц здесь указывает на неразрывную связь этологии и истории. Во главу угла он ставит прямую зависимость этологии от филогенеза и онтогенеза, когда поведение человека задается социокультурными и историческими условиями, однако, очевидно, такая интерпретация несколько упрощает реальное положение дел (особенно в отношении современных реалий): аксиолитет и праксиолитет человека вполне могут определять канву исторического процесса.

В работах А. Н. Портнова и А. В. Ерахтина показано, что «этология изучает различные общебиологические аспекты поведения животных, но главную свою задачу видит в исследовании генетически обусловленных (наследственных) форм поведения, в выявлении приспособительной роли тех или иных поведенческих актов (врожденных или приобретенных) для выживания и прогрессивного развития вида»¹⁰⁰. Эта позиция во многом продолжает «лоренцовскую линию»: исследованию подлежат те поведенческие механизмы, которые задаются природой, являются естественными, а не искусственными составляющими. Вместе с тем, для нас важной является мысль о том, что приспособленческие поведенческие механизмы, о которых идет речь, подчиняются определенному телеологическому принципу — слабому (по аналогии с антропным принципом), когда механизм работает на выживание, или сильному, где предполагается прогрессивное развитие.

Среди современных исследований собственно по этологии человека следует обратить внимание на работы Л. А. Магдановой, по мнению которой, этология человека — это «наука, базирующаяся на применении методов и законов этологии к исследованию

---

⁹⁹ Лоренц К. Так называемое зло. М., 2008. С. 11.

¹⁰⁰ Ерахтин А. В., Портнов А. Н. Философские проблемы этологии и зоопсихологии. М., 1984. С. 7.

поведения человека»¹⁰¹. Поведение автор рассматривает как биологическое и/или психологическое явление. Так, с точки зрения биологии, поведение предстает как «способность животного изменять свои действия под влиянием внутренних и внешних факторов», в рамках психологии — это «совокупность действий и поступков индивидов»¹⁰². И. А. Шмерлина помещает этологию человека в пространство философского знания. Она считает, что последняя «в отличие от общей и сравнительной этологии, изучающих поведение животных, ставит своей задачей исследование природных факторов человеческого поведения, культурно-биологической преемственности и генетических программ, эволюции форм культуры из поведенческих универсалий»¹⁰³. Позволим себе здесь своеобразную обобщающую гипотезу: основным предметом изучения современной этологии человека становятся формы преемственности, наследования и изменчивости, актуализируемые определенными внутренними и внешними факторами.

В контексте приведенных определений интересными становятся размышления о том, чем управляется поведение человека, что доминирует в человеке его животная или все же социальная сущность в определенный период онтогенеза? Этот вопрос, «мучавший» не одно поколение ученых и философов, наиболее остро вновь заявил о себе в настоящее время, в силу того, что именно в конце XX — начале XXI века все чаще стали говорить о катастрофичности человеческой жизни и об утрате самого главного в человеке — «человеческого качества»¹⁰⁴. Антропологическая революция, свидетелями которой мы становимся, может коренным образом изменить ход развития человечества. Этология человека не может пройти мимо этой проблематики, ибо выбор адекватного реальности вектора поведения может оказаться формой разрешения экзистенциального конфликта человечества.

Основная цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть координаты этологии человека (аксиологические

---

¹⁰¹ *Магданова Л. А.* Этология человека // Суть времени [Электронный ресурс].

¹⁰² Там же.

¹⁰³ *Шмерлина И. А.* Социология и этология человека // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 34.

¹⁰⁴ *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980.

и праксиологические) в условиях перманентной человеческой революции.

Императивистская этология: ближний и дальний горизонты бытия человека. Современные философско-культурологические исследования указывают на кардинальные изменения в хронотопе постнеклассического бытия¹⁰⁵. Этология разумного живого вещества реализуется в двух равновесных системах координат. Для удобства назовем их ближним и дальним кругами. К виртуальному ближнему кругу относятся искусственно-естественные координаты: политические, экономические, демографические (миграционные), социальные и т. д. К дальнему кругу относятся собственно естественные координаты бытия: нравственные, экологические, экзистенциальные. Дальний круг координат задается системой императивов: экологического, экзистенциального, нравственного, ноосферного. Ближний круг задается моральными и правовыми регуляторами. В результате получается своего рода императивистский двойной круг, в центре которого находится человек.

Оригинальную модель императивистского подхода к современной цивилизации, в целом комплементарную нашим размышлениям, предлагает Л. В. Лесков. Суть его концепции заключается в следующем: «возникновение периодических структурных кризисов — неустранимое свойство динамики самоорганизующейся системы. Чтобы предотвратить опасное разрастание этих кризисов, необходимо определить комплекс стабилизирующих критериев. <...> Система этих критериев, или императивов, определяет условия устойчивости рассматриваемой модели нооиндустриальной цивилизации, а также требования к процессам эволюционного перехода к этой модели. Будем называть эти императивы ноэтическими»¹⁰⁶. Ноэтический императив, согласно автору, включает в себя такие императивы, как императив когерентности, экологический императив, интерактивный императив, космический императив, императив толерантности, императив духовности, антропный императив, императив глобального мыш-

---

¹⁰⁵ *Дмитревская И. В.* Идея ноосферного человека и предпосылочное знание // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 3 (5).

¹⁰⁶ *Лесков Л. В.* Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М., 2003. С. 234.

ления, императив соборности и антиутопический императив¹⁰⁷. По мнению исследователя, «ноэтические критерии следует рассматривать как инструмент снятия тупиковых сценариев. При обращении к этим критериям традиционная постановка вопроса «что делать?» утрачивает смысл. Теперь вопрос ставится иначе: «чего не делать?». Поэтому ноэтические критерии имеют смысл правил запрета тупиковых эволюционных паттернов и соответственно определения разрешенного коридора действий, обеспечивающих минимальный риск выхода на эволюционные сценарии, далекие от оптимума»¹⁰⁸. В целом соглашаясь с автором и его ноэтической интенцией, заметим, что табуирование как форма императивности, очевидно, характерна, прежде всего, для древних обществ со слабо развитыми социальными регулятивами. Идея совершенного человека как раз напротив предполагает переход от исключительно табуирования поведения к его целесообразному (экзистенциальному) выбору.

Рассмотрим, как императивистский подход действует в нашем случае. Соотношение между двумя кругами координат представляет особый интерес. Современная культура, ориентированная на западноевропейский стандарт, формирует свои правила игры, которая в целом оказывается «игрой на понижение». Итог целеполагания западной модели жизнебытия — это ближний круг координат. Его достижения, точнее ориентация на соответствующие координаты, рассматриваются как «программа-минимум», именно поэтому сейчас мы имеем общество потребителей, члены которого умышленно нарушают категорический императив И. Канта: вместо отношения к человеку как к цели, мы чаще всего видим отношение к человеку как к средству для достижения своих (а иногда, даже не своих) целей. В этом, безусловно, есть своя логика и целесообразность. Но человек, как «существо безмасштабное» требует комплементарной размерности.

Ближний круг заполняется правовым императивом, который регулируется законами различных уровней и носит «внешний» характер, на что указывал еще Конфуций: экономический императив базируется на товарно-денежных отношениях, кото-

---

¹⁰⁷ Там же. С. 235.

¹⁰⁸ Там же. С. 238—239.

рые превращают людей в продавцов и покупателей, и эти метаморфозы касаются не только бытовой стороны жизни, но затрагивают и духовную составляющую. В этом круге также присутствует моральный императив, который, в отличие от нравственного, всецело зависит от пространственно-временного хронотопа и управляется не принципами общечеловеческих ценностей, а модой и гламуром.

Более подробно рассмотрим дальний круг, имеющий для нас первостепенное значение, который задается гуманистическим, экологическим, экзистенциальным, семиотическим, нравственным, ноосферным императивами. Уже в перечне названных нами императивов прослеживается определенная логика. Ее черновой набросок выглядит следующим образом. В фундаменте этой пирамиды, чем-то напоминающей пирамиду потребностей А. Маслоу, лежат гуманистический, нравственный и экзистенциальный императивы. Центральным звеном этого этажа системы выступает экзистенциальный императив, который как бы актуализирует (притягивает к себе) с одной стороны, гуманистический, а с другой, — нравственный. Императив выбора заставляет их работать в направлении определения координат персоналистического поведения, ориентированных, прежде всего, не на пережитый личный опыт, а на формулу отношения к безусловному началу.

Следующий этаж пирамиды занимают экологический и семиотический императивы. Их объединяет сущностно инвайронментальный характер, выстраивающий правила отношений организма и среды. При этом в подсистеме «Природа — Общество» ведет семиотический императив, в ее инверсивном варианте «Общество — Природа» первую скрипку играет экологический императив. На этом уровне имеет значение уже интерперсоналистическое поведение, предполагающее сложную систему столкновения правил и кодексов названных императивов.

В завершении этого умозрительного моделирования заметим, что сконструированная нами пирамида может читаться и «вверх ногами», учитывая различие исторического и логического подходов. Очевидно, правилом, наиболее подходящим для анализа этой системы, может служить формула «все связано со всем». Постараемся показать эту связь через анализ указанных императивов.

Гуманистический императив выводится из гуманистических идей, которые в современном глобальном обществе получают широкое распространение в силу того, что оказались востребованными более широкие регуляторы, выступающие медиаторами между религиозными и правовыми нормами. На наш взгляд, наиболее интересная версия гуманизма представлена в трудах владимирских философов, в известной мере идущих от «реального гуманизма» К. Маркса, дающих не утилитарную, а духовную репрезентацию современного гуманизма¹⁰⁹. Наиболее показателен в этом контексте пример «нового Кампанеллы» — итальянского гуманиста А. Печчеи, предложившего принципы нового гуманизма для глобального общества. Как показывает автор, антропологические основания гуманизма формируются региональным жизненным пространством. Не абсолютизируя природу и возможности человека, А. Печчеи выводит императив, которому должна подчиниться наступающая (в его время) революция человеческого качества: «лучшее, что я могу сделать за свое краткое пребывание в человеческой колонии — это прожить как можно более полезную с точки зрения моих собственных принципов и убеждений жизнь, в меру своих сил попытаться улучшить положение вещей в этом мире и, что самое важное, никогда не поступать с другими людьми и вообще с живыми существами так, как я не хотел бы, чтобы они поступали со мною»¹¹⁰. Как видно из приведенной цитаты, гуманистический потенциал человека мыслитель связывает с этическим правилом, берущим начало еще в древних обществах. Вместе с тем, мы видим здесь определенное внутреннее противоречие: в некотором смысле меркантильная формула «не делай другим того, что не хочешь себе» противостоит интенции «улучшения положения вещей в этом мире». Это еще (или уже?) не моральный закон Канта, а его антропологизированный (приведенный к современным основаниям бытия) инвариант.

Человеческая революция, о которой размышляет А. Печчеи в XX веке, как показывает Н. Н. Моисеев, не была первой в истории¹¹¹. «Общие трудности должны породить ощущение новой

---

¹⁰⁹ *Цанн-кай-си Ф. В.* Философия истории. История в гуманистическом измерении. М., 2012.

¹¹⁰ Там же. С. 47—48.

¹¹¹ *Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М., 1990. С. 251.

общности: не семьи или рода и даже не страны, а общепланетарного единства. Это должно породить совсем новую систему отношений между людьми»¹¹². Н. Н. Моисеев полагает, что содержательно «неолитическая человеческая революция» повторяется в наше время, но в изменившихся условиях новые отношения должны соответствовать новой глобальной общности. Вместе с тем, эти новые отношения онтологизируются в категориальной сетке, доставшейся нам в наследство от Нового времени.

Нравственный императив, как показывает Н. Н. Моисеев, является следствием «экологического императива»¹¹³. В этом то и заключается существенное отличие позиции современного рационализма от рационализма, например, эпохи просвещения: моральный закон вызревает не внутри, а задается снаружи его экологическим собратом, формируется как результат осознанного выбора. Экологический императив — «совокупность условий, нарушение которых будет иметь для человечества катастрофические последствия»¹¹⁴, как показывают исследования, неразрывно связан с экологическим нормативом, который «определяет степень максимально допустимого вмешательства человека в экосистемы, при которой сохраняются экосистемы желательной структуры и динамических качеств»¹¹⁵, а также его глобальной версией, определяющей «сохранение биосферы планеты, и в том числе климата Земли, в виде, пригодном для жизни человека, благоприятном для его хозяйствования»¹¹⁶. Обратим внимание, что в последней глобальной версии имеет место «стремительный» переход от личностного (единичного) к личностному (всеобщему), когда за человеком скрывается человечество в целом. И самое парадоксальное — в это самое личностное всеобщее включается и сам размышляющий над этим субъект.

Как уже было сказано выше, гуманистический и нравственный императивы регулируются императивом экзистенциальным. Определяющая роль экзистенциального императива задается тем, что он табуирует абсурд в действиях человека и общества.

---

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 248.

¹¹⁴ Там же. С. 247.

¹¹⁵ *Кормилицын В. И., Цицкишвили М. С., Яламов Ю. И.* Основы экологии. М., 1997. С. 333.

¹¹⁶ Там же.

Иными словами, он выполняет функцию предохранителя человечества от неверного выбора, который может обречь последнего на «сизифов труд». Именно экзистенциальный императив требует оптимизма в современной футурологии, веры в «выходимость» из любых ситуаций. В контексте ноосферного подхода экзистенциальный императив задает особые пространственно-временные координаты ситуации выбора, лишаящие хронотоп «здесь и сейчас» рационального обоснования.

Здесь важным оказывается аспект, регулируемый семиотическим императивом. Д. Г. Смирнов, рассматривая различные формы проявления семиотического сознания как в материальной, так и в духовной жизни людей, приходит к выводу о том, что все это «способствует формированию ноосферно-семиотической реальности»¹¹⁷. Он утверждает, что современная цивилизация находится в радиусе действия не только нравственного, экологического императивов, но и семиотического императива, который может быть сформулирован следующим образом: «знак должен быть настолько адекватен (экологичен) среде его обитания, насколько среда адекватна функционированию и развитию этого знака»¹¹⁸. Данный императив усиливает гуманистическую составляющую антропосоциогенеза. Он раскрывает смысл тонких материй этологии человека. Не только и не столько открытое действие в современном мире приводит к значимым следствиям, главное место здесь отводится семиотическим действиям (ситуациям) и семиотическим следствиям. Генерирование знаков и реакция на них становятся самым существенным компонентом этологии человека современности.

Ноосферный императив как репрезентация гуманизма XXI века. Не совсем корректно рассматривать человека как субъекта, действующего по одному из рассмотренных выше «внутренних правил». В сознании ноосферного человека, словно в одной точке, переплетаются гуманистический, нравственный, экологический, семиотический, экзистенциальный императивы. Иной вопрос, как эти правила действуют. В глобальном человеке

---

¹¹⁷ Смирнов Д. Г. Семиосознание в эпоху глобализации: семиотический императив ноосферной реальности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Вып. 2. С. 63.

¹¹⁸ Там же.

функционирование определенного императива, которое внешне проявляется в совершаемых поступках, носит вариативный характер, зависит от ситуаций и условий, но главное — должно определяться ноосферным императивом. Это представление условно можно было бы назвать «императивистским» по причине обращения к пирамиде восходящих императивов. Такой подход позволяет нам формировать целостное видение человека, целостное мировоззрение, которое всегда рассматривалось как важнейший признак культуры; по этой причине и философия рассматривается как теоретическое мировоззрение¹¹⁹.

Глобальный человек в своей жизнедеятельности должен быть ориентирован, прежде всего, на ноосферный императив, который может быть сформулирован следующим образом: «*благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо человека — конечная цель*»¹²⁰. Ноосферный императив как квинтэссенция ноосферного гуманизма, «совершенствует» Новый гуманизм А. Печчеи. Можно определить ноосферный гуманизм как «один из предполагаемых способов трансформации человечества в новое глобальное сообщество, позволяющий учесть многие сложности человеческого прогресса и, по возможности, избежать негативных проявлений процессов интеграции в мировом сообществе»¹²¹, что, как полагает А. А. Кудишина, предполагает следующую формулировку гуманистического императива: «достойная жизнь для каждого человека, мирное сосуществование, экологическая безопасность, социально-нравственная справедливость, осмысленность существования»¹²².

Г. С. Смирнов в своих работах подробно раскрывает содержание понятия «ноосферный гуманизм» как «реального воплощения фундаментальных («истина — добро — красота») и иных обще-

---

¹¹⁹ Цанн-кай-си Ф. В. Философия как теоретическое мировоззрение. Владимир, 2009. С. 4.

¹²⁰ Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы [Часть I] // Ноосферные исследования. Вып. 1. Иваново, 2002. С. 45.

¹²¹ Там же. С. 53.

¹²² Кудишина А. А. Гуманизм — феномен современной культуры. М., 2005. С. 49.

человеческих ценностей»¹²³, а основными показателями того, что люди начинают выстраивать свои отношения согласно заветам ноосферного гуманизма, являются рост духовности, социоприродность, понимание и принятие воззрений об автотрофности человечества, а также вселенский пантеизм¹²⁴. В этом контексте ноосферный императив очень близок к основному моральному закону или основному моральному отношению, предложенному Г. Н. Гумницким: «отношение личности к общему благу как к исходной и ведущей цели, к личному благу (своему и чужому) — как к самоцели (то есть не только как к средству) и конечной цели, и к их единству — как к высшей цели (и ценности)»¹²⁵. Все формулировки, рассмотренные нами выше так или иначе имеют глобальный характер, но глобальный не в смысле пространственной координации, а в смысле координации качественной, содержательной. Глобальное только тогда глобальное, когда есть с чем его сравнивать, поэтому и появляется необходимость обращения к общечеловеческим ценностям и соотношению общего и личного.

Ноосферный человек: современный «эталон этологии»?

Как показывает практика, современный человек живет заботами и тревогами, которыми управляется ближний круг (из наших размышлений, представленных выше), а дальний круг уходит на второй план. Можно даже предположить, что в рамках онтогенеза этология ребенка во многом ориентирована как раз на дальний круг. В свою очередь, социализация «урезает» изначальную безмасштабность бытия. Происходит своеобразная инверсия: изначально ближний круг становится дальним и наоборот. Достижение ближнего круга, в известной степени, не ведет к дальнейшему расширению. Причина этого — в ноосферном конфликте между духовным и материальным, временным и вневременным, искусственным и естественным. Достижения дальнего круга, напротив, с необходимостью предполагает достижение ближнего.

---

¹²³ Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998; *Его же*. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново, 2015.

¹²⁴ Смирнов Г. С. Ноосферный гуманизм // Философская антропология и гуманизм. Владимир: Влад. гос. пед. ун-т, 2004. С. 196—197.

¹²⁵ Гумницкий Г. Н., Зеленцова М. Г. Понятие человечности в общей морали // Философия и общество. 2008. № 3. С. 23.

Такой ход размышлений выводит на проблематику основного вопроса философии — о первичности / вторичности. В этом контексте парадоксальным образом получается, что ближний круг вторичен, а дальний круг — первичен.

Ноосферность как качество субъективного фактора ориентирована на координаты везде-вечности. Ноосферный человек как личность, в которой «активировано» качество ноосферности¹²⁶, ориентирован на «безмасштабную этологию». Парадокс ноосферного человека имеет фундаментальное онтологическое основание, которое кроется в противоречии материального и духовного производства. Снятие этого центрального противоречия происходит в контексте познания основного ноосферного закона и основного семиотического закона. Ноосферный человек в этом плане обретает способность изменения аксиологической валентности информации. В упрощенном варианте, он превращает негативную информацию в позитивную, утверждая главенство космоса перед хаосом, будучи функцией биосферы и выполняя в космопланетарном хронотопе ноосферную функцию.

Ноосферный человек в широком (филогенетическом) смысле — одна из репрезентаций совершенного (и глобального) человека, антропологического образца, эталона, своеобразного идеального типа социального субъекта. В узком (онтогенетическом) смысле ноосферный человек — это человек, который живет в реальности (при этом существуя в действительности), координатами личностного бытия которого выступают ноосферное время и ноосферное пространство. Ноосферное пространство задается онтогносеологическими императивами топологической всюдности (взаимной инверсии локального и глобального), а ноосферное время — темпоральной синергийностью (сложнейшей семиотической связью «я» с прошлым, настоящим и будущим)¹²⁷.

---

¹²⁶ Меликян М. А. Феномен ноосферного человека в контексте антропологической катастрофы // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1; *Ее же*. Философема совершенного человека: история и современность // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16); *Ее же*. Философские версии совершенного человека: концептуалистский подход // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21).

¹²⁷ Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново, 2012.

Ноосферный человек — это разумное и сознательное существо, обладающее способностью моделировать максимально возможное количество вариаций окружающего мира и своего места в нем, способное обоснованно выбирать и своей жизнедеятельностью реализовывать инвариант, наиболее адекватный с точки зрения Безусловного начала, подчиняя свою жизнь мировоззренческому, гуманистическому, нравственному, экологическому, семиотическому, экзистенциальному и ноосферному императивам жизнедеятельности, обеспечивающим духовное восхождение человечества, сохранение организованности биосферы и оптимальные формы перехода биосферы в ноосферу.

Как в свое время отметил Н. Н. Моисеев, «переход биосферы в ее новое состояние, которое мы называем теперь ноосферой, то есть вступление человечества в новую эру своего развития, в эпоху ноосферы, обеспечение коэволюции человека и биосферы не могут произойти автоматически. Это будет мучительный и небыстрый процесс выработки новых принципов согласования своих действий и нового поведения людей. Другими словами, новой нравственности. Это означает, что переход в эпоху ноосферы потребует коренной перестройки всего нашего бытия, смену стандартов и идеалов»¹²⁸. Этот переход, с нашей точки зрения, будет обусловлен системой этологии человека, в центре которой — ноосферный императив; экологический и семиотический императивы; гуманистический, нравственный, экзистенциальный императивы — совокупность предписаний, формирующих пирамиду оснований для становления «устойчивого мирового существования» как на локальном, так и на глобальном уровнях. Особенность этой императивистской пирамиде задает инвариантность основания (фундаментальных императивов), которое, в свою очередь, определяется спецификой конкретно-исторического развития. Иными словами, каждая культура вольна самостоятельно выбирать «ведущий» императив, которому «подчиняются» остальные.

---

¹²⁸ Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. С. 25.

**Глобальное сознание:
транзитивность языка права¹²⁹**

В условиях сложного поиска наиболее оптимальной модели организации общества и мирового сообщества, нарастающих темпов экономического роста и беспрецедентного подчинения окружающей среды техносфере огромное значение в ориентации масс приобретает язык правосознания как один из факторов перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации. Отражая общеязыковые тенденции, в основе которых лежат различные политические, экономические и социальные процессы, влияющие на сознание (правосознание), психологию индивидуума и общества, язык, позволяет определить изменения, происходящие в правосознании, а также в развитии общественного сознания. Настоящее исследование посвящено изучению взаимосвязи языка и формирования глобального правосознания в процессе перехода от природоохранного права к глобальному ноосферному праву.

Под правосознанием мы понимаем совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным. Оно выступает как специфическое отражение экономических, политических и иных отношений в данном обществе, положения классов и индивидов в системе общественного производства и социально-политической структуре.

Логика развития правового сознания применительно к процессам перехода биосферы в ноосферу в XX веке¹³⁰ может быть представлена цепочкой понятий «природоохранное право», «экологическое право», «инвайронментальное право», «право устойчивого развития», «глобальное право», «ноосферное право».

---

¹²⁹ © Бородин Е. А., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

¹³⁰ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991; Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М., 1990. Т. 1; 1991. Т. 2.

Природоохранное право возникло в индустриальный период общественного развития как область правового регулирования природопользования, еще не интегрированная в целостную экологическую картину мира. В индустриальный период, характеризующийся акцентом на развитии промышленности, человеком были освоены материальные ресурсы, энергия и сырье. На этом этапе экономического развития, преобладала антропологическая парадигма, идущая в первую очередь от «социального» — потребностей человека. Сложилось мировоззрение в разрезе экологии получившее название «парадигма человеческой исключительности». С. Клауснер, который ввел понятие «человеческой исключительности» в научный оборот, определил его как «веру в прерывность эволюции между человеком и другими биологическими существами»¹³¹.

В этот период, государство в большей степени посредством права регулирует отношения по приобретению права собственности на землю, природные ресурсы и средства производства. Развитие получает *природоресурсное право, регламентирующее порядок использования и потребления человеком природных ресурсов для развития промышленности и техносферы*. На законодательном уровне закрепилось потребительское отношение человека и общества к природе, идея о неисчерпаемости природных богатств и исключительности человеческих нужд и интересов.

Проблема охраны природы от загрязнения оценивалась в этот период в основном как санитарная, а не экологическая. Это означало, что при регулировании охраны атмосферного воздуха и вод учитывались преимущественно интересы охраны здоровья человека, а не всех живых организмов, страдающих от загрязнения. Соответственно отношения по охране вод и атмосферного воздуха в определённой мере регулировались санитарным законодательством.

Так, например, в РСФСР с 1917 года природоресурсное право являлось правом исключительной государственной собственности на все природные ресурсы — недра, леса, воды, землю и другие ресурсы. Декретом «О земле», принятым II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года, была проведена сплошная национализация земли вместе с другими при-

---

¹³¹ Klausner S. Z. On man in his environment. San Francisco, 1971. P. 11.

родными богатствами. На начальном этапе советской власти горное, водное, лесное право рассматривались как самостоятельные отрасли права. (Впоследствии, в 30-е годы XX века, самостоятельность горного, водного, лесного права стала отрицаться, поскольку возобладала теория единого земельно-колхозного права. Так, вплоть до 1970-х годов в развитии законодательства рассматриваемой сферы господствующим был природоресурсный подход.) В начале 1920-х годов был принят ряд законов и декретов Правительства, включая декрет СНК РСФСР «О санитарной охране жилищ» (1919 г.), СНК РСФСР «О недрах земли» (1920), декрет СНК РСФСР «Об охоте» (1920), декрет СНК РСФСР «Об охране памятников природы, садов и парков» (1921), Земельный кодекс РСФСР (1922), Лесной кодекс РСФСР (1923), постановление ЦИК и СНК СССР «Об основах организации рыбного хозяйства Союза ССР» (1924) и другие. Это означает, что регулирование природопользования и охраны природы осуществлялось применительно к отдельным природным ресурсам. С принятием указанных правовых актов в правовой обиход стали входить такие термины как «бессрочное природопользование», «землепользователи», «лесопользователи», «водопользователи» и т. д.; «удовлетворение хозяйственных потребностей», «оборот рубки леса», «заготовка леса», «отпуск древесины», «пользование и распоряжение недрами земли», «поиски, разведки, добыча, извлечение, обогащение и переработка полезных ископаемых», «распределение добытых полезных ископаемых», «эксплуатация недр», «горнопромысловые операции», «разработка естественных богатств», «хозяйственное использование природных объектов» и другие.

Образование специальной отрасли природоохранного права, регулирующего порядок использования человеком окружающей природной среды, не решило проблему надвигающегося экологического кризиса. В индустриальный период к уничтожению лесов, распашке целинных земель, эрозии и засолению почв, снижению биоразнообразия, добавились новые, постоянно действующие механические и физико-химические факторы, усугубляющие экологический риск. Таким образом, *под природоохранным правом целесообразно понимать совокупность форм права, регламентирующих в большей степени, чем в природоресурсном праве, порядок ограниченного использования природных ресурсов и их охрану.*

Массив кодификационного природоохранного законодательства сложился в основном в период с 1970 по 1982 год. Он включал такие акты, как Земельный кодекс РСФСР (1970), Водный кодекс РСФСР (1972), Кодекс РСФСР о недрах (1976), Лесной кодекс РСФСР (1978), Закон РСФСР об охране атмосферного воздуха (1982), Закон РСФСР об охране и использовании животного мира (1982). Эти законы были приняты в соответствии с Основами земельного, водного, лесного и горного законодательства Союза ССР и союзных республик, Законами СССР об охране атмосферного воздуха и об охране и использовании животного мира.

В этот период вектор развития языка природоохранного правосознания впервые обнаружил направленность на сохранение и восстановление природы. В правовой оборот входят такие понятия как «регулирование использования и охраны растительного мира и лесов», «комплексное использование и охрана вод», «упорядочении отстрела диких копытных животных», «рекультивация земель», «экологизация хозяйственной и производственной деятельности», «обязанность по охране окружающей среды», «рациональное и безопасное использование природного ресурса», «ответственность за нарушения в области экологопользования» [ст. 46—47, 50—87 КоАП РСФСР]. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 января 1988 года «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» был закреплен такой важнейший экологический термин как «экологическая безопасность страны». Однако, несмотря на наличие природоохранительной цели, такое право является «правом неустойчивого развития», оно регулировало общественные отношения в системе «Человек — Природа» и не решало вопроса существенного ухудшения окружающей среды и не отдаляло человечество от глобальной экологической катастрофы.

Впоследствии экологический цикл наук значительно расширился за счет социально-гуманитарных приложений к общей экологии, таких как глобальная экология, экология человека, социальная экология, экология культуры, экология сознания, экология духа. Именно развитие экологии обеспечило экологизацию правового сознания, что нашло отражение в понятии экологического права. Профессор Б. В. Ерофеев обоснованно отмечает, что «формирование современной отрасли экологического права про-

шло три основных этапа: возникновение, становление и развитие экологического права в рамках "земельного права в широком смысле"; развитие экологического права в рамках природоресурсовых отраслей; современный период развития экологического права, его выход за рамки природоресурсовых отраслей, переход к природоохранному праву»¹³². Таким образом, *под экологическим правом понимается природоресурсное, природоохранное право и право природопользования, устанавливающее взаимосвязи и взаимодействие в системе «Человек — Природа».*

В экологическом праве лексический смысл правовых терминов особенно не отличается от природоохранных терминов, просто можно отметить его расширение и конкретизацию. Язык экологического правосознания наполнен следующими терминами: «безопасное антропологическое воздействие», «ресурсопользование», «внутренние морские воды», «биосфера», «водные ресурсы», «водопользование», «возобновление», «восполнение», «восстановление и воспроизводство природных ресурсов», «государственный кадастр природных ресурсов», «государственный мониторинг природных ресурсов», «животный мир», «интегральный природный ресурс», «комплексное ресурсопользование», «континентальный шельф Российской Федерации», «лесной фонд», «лимиты ресурсопользования», «лицензия на ресурсопользование», «невозобновимые природные ресурсы», «неживые (минеральные) ресурсы исключительной экономической зоны РФ», «рациональное ресурсопользование», «ресурсный баланс», «ресурсодержатели», «ресурсопользователи», «специально уполномоченный орган управления использованием и охраной природного ресурса», «территориальное море Российской Федерации», появляется термин «устойчивое развитие»¹³³.

---

¹³² Ерофеев Б. В. Экологическое право. М., 1999. С. 79.

¹³³ Бринчук М. М. О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. 1998. № 9; Водный кодекс РФ // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4471; Лесной кодекс РФ // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 610; Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М., 1994; Федеральный закон РФ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462; Федеральный закон РФ «О континентальном шельфе РФ» // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4694; Федеральный закон РФ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6273.

На этапе развития, когда информационные технологии становятся серьезным инструментом, способным коренным образом изменить взгляды людей и в том числе законодателей с антропоцентрических на инвайронментальные (идушие от природы, рассматривающей человека, как элемент целостной природной системы), «живое право» как право, направленное на сохранение всего живого, пройдя стадии природоохранного и экологического трансформируется в право устойчивого развития, глобальное, инвайронментальное и ноосферное право.

Н. Н. Моисеев формулирует постулат, раскрывающий роль «участника мирового эволюционного процесса»: «когда происходит формирование новой схемы взаимоотношения Человека и Природы, когда накопленные знания постепенно рожают новое понимание реальности, то это означает и новые действия, как-то меняющие окружающий мир, а следовательно, и характер его эволюции»¹³⁴. Анализируя творчество Н. Н. Моисеева в сфере философии и метафилософии, следует сказать, что наиболее точно смысл его построений можно было бы выразить термином «инвайронментальный (environmental) дискурс». Если переводить термин «environment» не дословно, а модернистски, то мы получим «окружение среды ума, или разума». Применительно к живому праву, в котором «среда формирует разум, а разум, в свою очередь, формирует среду»¹³⁵, можно вести речь о ноосферном праве.

Экологическая трактовка права, создающая правопорядок в системе «Человек — Природа» расширяется за счет других составляющих до системы «Человек — Общество — Природа». Происходит становление *инвайронментального права, т. е. права окружающей человека среды в широком смысле этого слова, регулирующего как социально-экономические (средовые) отношения, так и экологические (отношения человека с окружающей природной средой)*.

В языке инвайронментального правосознания происходят следующие изменения. Если в экологическом праве речь идет об охране и порядке пользования окружающей природной сре-

¹³⁴ Моисеев Н. Н. Быть или не быть человечеству. М., 1999. С. 97.

¹³⁵ См.: Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсальную клиософию. Иваново, 2012. С. 118.

ды, то в инвайронментальном — об охране окружающей среды в целом, в широком смысле слова. В связи с этим, в правовой языковой оборот все активнее входят понятия «устойчивое развитие»¹³⁶, «национальная и международная безопасность».

Академик А. Д. Урсул, развивая идею устойчивого развития, полагает, что правовое осмысление устойчивого развития можно интерпретировать и развивать «через нормы и императивы безопасности (национальной и международной), и через другие составляющие, <...> ранее рассматриваемые как относительно автономные формы человеческой деятельности»¹³⁷. Иными словами, устойчивого развития можно добиться не только решая инвайронментально-экологические (человеко-природные) проблемы, но и инвайронментально-средовые (человеко-средовые) проблемы экономики, безопасности, социальные проблемы в области деятельности человека. Право устойчивого развития мыслится автором в качестве одного из наиболее вероятных вариантов «качественно нового — глобального — права при переходе к устойчивому развитию и соответствующему этому переходу глобальному управлению»¹³⁸.

Становление права устойчивого развития, согласно концепции А. Д. Урсула, способствует формированию планетарного уровня управления, который обоснованно представляется автору беспрецедентным и весьма трудно реализуемым процессом, когда около двух с половиной сотен государств (из которых 193 — члены ООН, и еще Ватикан, а также страны, не признанные большинством членом ООН и с не определенным пока статусом) должны будут подчиняться единым общецивилизационным императивам и социальным технологиям глобального перехода к мировой устойчивости¹³⁹. Формирование глобального управления потребует кардинальной трансформации нравственных и правовых норм глобализирующегося человечества. Причем эти нормы в существенной степени будут отличаться от

---

¹³⁶ *Вершило Н. Д.* Правовая охрана окружающей среды и устойчивое развитие. Саратов, 2005.

¹³⁷ *Урсул А. Д.* Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1. С. 25.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

нынешнего международного и национального права и традиционных и общепризнанных нравственных норм и императивов, включая ряд общечеловеческих стереотипов¹⁴⁰.

Появление термина «глобальное право» вполне закономерно на волне интенсивного развития глобалистики как важного направления осмысления глобальных проблем современности. Интересно, что зарубежные ученые, например, У. Бек, обращается к категории «космополитическое право»¹⁴¹, хотя по содержанию они практически совпадают. Дальнейшую эволюцию глобального права, которое будет основано на концепции устойчивого развития как будущей форме развития цивилизации, А. Д. Урсул связывает с космическим правом.

Эта отрасль международного права распространяется на космос и космическую деятельность, но в то же время имеет не просто международный, но и глобальный характер. Международное космическое право даже в его современном несовершенном виде представляет собой «опережающее право», которое, как считает известный учёный Г. П. Жуков, «призвано предвосхищать поведение отдельных государств в сфере космической деятельности на многие десятилетия и даже столетия вперед»¹⁴². Именно Международное космическое право в действительности представляет собой юридическую реализацию концепции космоглобализма и космоглобалистики, являясь юридической экспликацией космоэкологических и космоглобалистических идей и принципов, распространяя их наземное и космическое пространство¹⁴³.

Таким образом, инвайронментальная парадигма¹⁴⁴, задающая общенаучные основания инвайронментального права, чрез-

---

¹⁴⁰ Урсул А. Д. Глобальное измерение права // Вопросы права и политики. 2012. № 5; Его же. Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы становления // Вопросы права и политики. 2013. № 6.

¹⁴¹ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 182.

¹⁴² Жуков Г. П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия // Черток Б. Е. Космонавтика XXI века. М., 2010. С. 397.

¹⁴³ Урсул А. Д. Космоглобалистика: взаимосвязь глобальных и космических процессов // Философия и космология. 2012. № 1(10). С. 33.

¹⁴⁴ Науменко О. А. Новая инвайронментальная парадигма как этап перехода от биосферы к ноосфере в идеях представителей русского космизма // Русский космизм: прошлое, настоящее и будущее. Орёл, 2011.

вычайно близка ноосферному видению мира¹⁴⁵, особенно если учитывать, что всемирная история окружающей среды¹⁴⁶ неотрывна от Большой ноосферной истории¹⁴⁷.

Человечество вступило в эпоху, когда не только классическими, но и неклассическими методами познания нельзя не только описать, но и выявить специфику современных социальных процессов. Все больше исследователей склоняется к мысли, что методология познания современных социальных процессов должна быть основана на постнеклассической философии. Одним из методов постнеклассической философии является инвайронментальный метод познания права, который диктует необходимость изучения указанного объекта с учетом процессов глобализации.

Однако не все ученые положительно относятся к использованию термина «глобальное» применительно к праву. Так, в своих работах, доктор политических наук, профессор В. М. Капицын отмечает, что термин «глобальное право» вызывает серьезные возражения. При этом автор, опирается на позицию А. А. Ицхокина, который считает, что «глобализация — это, прежде всего, экономическая категория, опирающаяся на универсализм и сама максимально оправдывающая его. Но это оправдание только обостряет антиномию универсализма и контекстуализма»¹⁴⁸. В. М. Капицын считает, что термин «глобальное право» может стать универсалистским символом «колониализма», оправдывая «гуманитарные интервенции», свержение авторитарных режимов, которые нередко обусловлены не только диктаторскими чертами правителей, но и сложными политическими и конфессиональными конфигурациями внешних и внутренних акторов, угрозами фундаментализма и терроризма и т. д. (Ирак, Сирия, Йемен, Египет, Иран)¹⁴⁹.

---

¹⁴⁵ Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник РАЕН. 2003. № 1; см. также: *Его же*. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы. Иваново, 2015.

¹⁴⁶ Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014.

¹⁴⁷ Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсальную клиософию. Иваново, 2012.

¹⁴⁸ Ицхокин А. А. Реставрируя смысл. Чего не досказал Заратустра. М., 2003. С. 253.

¹⁴⁹ Капицын В. М. Универсализм versus контекстуализм: антиномическое влияние на развитие правовой политики [Электронный ресурс].

Автор аргументирует, что глобализация сеет в мировоззрении большинства народов представление о несправедливости, латентном и явном насилии по отношению к населению за пределами «золотого миллиарда», а в России — особенно за пределами Москвы и некоторых других крупных городов, на окраинах, в селах и маленьких городах. Так сеются зёрна не-права на разных территориях, а термин «глобальное право» слабо коррелируется с правосознанием¹⁵⁰.

Таким образом, М. В. Капицын, выдвигает сразу несколько аргументов против понятия «глобальное право» (критикуя при этом и «космополитическое право» У. Бека¹⁵¹). «Если говорить о зарождающемся "новом праве", — пишет автор, — то более полезным и адекватным реалиям был бы термин "гуманитарно-ноосферное право". В этом понятии учитывались бы только приоритет прав человека, но и ответственность за состояние экономики, социальной сферы, экологии в индивидуальном, локальном, региональном, национально-государственном и международном масштабе»¹⁵². Именно гуманитарно-ноосферное право, по мнению В. М. Капицына, «способствует поиску гармоничного соединения символов прав человека и окружающей среды, глобального и национально-государственного начал, переносимых на уровень правовой политики»¹⁵³. Анализ содержательной стороны понятия «гуманитарно-ноосферное право», закономерно приводит к его расширению и фиксации понятия «ноосферное право», которое включает в себя коннотации гуманитарного, гуманистического, антропологического, экологического характера.

Так, в язык правосознания входит понятие «ноосферное право», классическое содержание которого можно определить следующим образом: ноосферное право — современное продолжение философии естественного права, но понимаемого в современном — широком экологическом ключе, а значит фактически выходящем сначала на глобальный уровень, а затем и на био-

---

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 182.

¹⁵² Капицын В. М. Правовая политика государств в условиях глобализации // Современные проблемы государственной политики и управления. 2012. [Электронный ресурс].

¹⁵³ Там же.

сферно-ноосферный, понимаемый в контексте учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

Конституирование ноосферного права позволяет сделать вывод о том, что *для формирования устойчивого развития, а также будущего ноосферного правопорядка необходимо пересмотреть правовой подход к природе как к объекту (вещи) правового регулирования*. При переходе к ноосферному обществу за природой необходимо закрепить статус субъекта ноосферного права. Все живое вещество — люди, растения, звери, насекомые, птицы, экосистемы имеют самостоятельную ценность и обладают моральными правами. На начальном этапе формирования ноосферного права моральные права природы защищены лишь ноосферно-правовыми обычаями и не закреплены нормативно. Однако со временем, моральные права природы должны стать юридическими. Ярким примером юридического закрепления прав природы является Конституция Эквадора, в которой указано, что для достижения «всеобщего благоденствия» провозглашается право каждого на проживание в экологически сбалансированной и благоприятной окружающей среде. В Конституции Эквадора прослеживается тенденция очеловечивания природы, которая впервые в мировой конституционной практике наделяется собственными конституционными правами. Природа или «Пача Мама» имеет право (ст. 71) на всеобщее уважение, поддержку и регенерацию своих жизненных циклов, структуры, функций и процессов эволюции¹⁵⁴.

Данные положения Конституции Эквадора согласуются с высказыванием А. И. Субетто о социализме XXI века как ноосферном социализме¹⁵⁵, в рамках которого формируется ноосферное право, учитывающее «интересы» Природы, её «право» на развитие и сохранение своего разнообразия и организмичности. *Ноосферное право является системой правовых отношений, направленных на оптимизацию и гармонизацию биосферно-техносферных и техно-сферно-цивилизационных взаимодействий в сложной и противоречивой организованности «Человек — Общество — Природа».*

---

¹⁵⁴ Мартынова М. Ю. Новая Конституция Эквадора: социализм XXI века // Право и управление. XXI век. 2009. № 2 (11).

¹⁵⁵ Субетто А. И. Ноосферная культура и экономика Севера. СПб., 2012; *Его же*. Самоутверждение России в XXI веке как Лидера в Ноосферном прорыве человечества. Кострома, 2010.

**Социологическое измерение
языка студенческого сознания:
между локальным и глобальным**¹⁵⁶

Фундаментальная проблема взаимоотношения языка и сознания, особенно отчетливо заявившая о себе в XIX—XX веках, в настоящее время оказалась в фокусе преимущественно лингвистических, психологических и философских исследований¹⁵⁷. Вместе с тем, эвристический потенциал, рождающийся на пересечении философии сознания и философии языка¹⁵⁸, значительно шире: «изучение данного вопроса позволяет не только прояснить природу самого сознания и языка как уникальных феноменов, обуславливающих все человеческое в человеке, но и позволит проследить развитие самого человека...»¹⁵⁹.

Социология как общественная наука долгое время оставалась в стороне от «глубинных исследований» сознания, что, вероятно, объясняется преимущественно «материалистической» (выражаясь философским языком) ориентацией социологического праксиса. Парадигмальный переворот в социологии – четко обозначил потребность изучения не только «образа жизни» людей, но и их «образа мыслей». Такая концептуальная революция в социологии связана не только с методологической переориентацией, но и определяется специфической (инструментальной) чертой социологии, заключающейся в способности изучать как фор-

---

¹⁵⁶ © Смирнова И. Н., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

¹⁵⁷ Калинин П. Е. Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознательной и языковой реальности. Иваново, 2015; Лоцилин А. Н. Язык, сознание и мышление // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 11 (697); Петрова Е. А. Взаимодействие языка, мышления и сознания // Вестник Башкирского университета. 2011. № 3. Т. 16.

¹⁵⁸ Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994.

¹⁵⁹ Лобанова Н. И. Язык и сознание: проблема взаимосвязи (опыт анализа философии языка В. фон Гумбольдта) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 123. С. 82.

мы деятельности людей как *проявления* сознания, так и непосредственно исследовать *язык сознания*.

Одной из тенденций современных междисциплинарных исследований является изучение особенностей сознания как интегрированного и многомерного отражения реальности¹⁶⁰. При этом проблематика сознания современного человека все чаще обнаруживает себя в категориях «глобального» и «локального» (иногда даже глокального). Мы обратимся к возможностям социологии как «понимающей» науки, а именно предложим собственную парадигму концептуализации феномена «глобализации» через анализ проявлений «глобального» и «локального» в языке описания сознания современной студенческой молодежи.

Несмотря на обилие литературы по проблемам «глобального» и «локального», отмечается противоречивость в понимании базовой категории дискурса. Как справедливо заметил У. Бек: «Без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым — и наименее проясненным, вероятно, самым непонятым, затуманенным, политически эффективным словом <...> последних лет и останется таковым в ближайшее время»¹⁶¹. Исследователи помещают «глобальное» и «локальное» в разные системы референций: наиболее распространенные трактовки предполагают, например, их рассмотрение в диалектическом ключе через обращение к отношению «часть-целое» или фиксируют их как антонимы. Расхождение в понимании отношений между «глобальным» и «локальным», сведение их к определенной однозначности ведет и к принципиальным разногласиям в понимании сути и логики развития современного общества в условиях глобализационных процессов. Однако глобально-локальные отношения, процессы развития общества в контексте этих отношений являются более сложными и неоднозначными, и нуждаются в социологическом осмыслении, в том числе, и посредством социологических опросов.

Мы обратимся к самому актуальному срезу общественного сознания — сознанию студенческой молодежи и постараемся показать неоднозначность и разнонаправленность «глобального» и

¹⁶⁰ Глобальная коэволюция сознания как ноосферная история. Иваново, 2015.

¹⁶¹ Бек У. Что такое глобализация? М., С. 40.

«локального» в сознании и восприятии студентов различных направлений подготовки, уровня обучения и места проживания.

Методика и методология исследования. Оценка глобального и локального дискурса сознания студенческой молодежи осуществлялась в рамках более масштабного исследования различных характеристик сознания молодежи¹⁶². *Первая волна* исследования была реализована в ноябре — декабре 2015 года (n=210 чел., ошибка выборки — 5 %). Эту волну мы условно обозначили как «*тревожную*»: война с участием российских войск в Сирии, катастрофа российского авиалайнера в небе над Египтом, теракты в Париже, усложнение отношений с Украиной и другие события, — все это оказало существенное влияние на представления студенческой молодежи о локальном и глобальном. *Вторая волна* по идентичному инструментарию и с сохранением структуры выборки была проведена в мае — июне 2016 года (n=225 чел., ошибка выборки — 5 %). Фон второй волны — получившей условное наименование «*спокойная*» — более спокойный, существенных катастрофических событий отмечено не было. В исследовании приняли участие студенты различных направлений подготовки, курсов, формы и уровня обучения.

В фокусе статьи — такие индикаторы состояния сознания, как социальные настроения и страхи студенческой молодежи, их представления о глобальном и локальном, переживания глобальных и локальных событий, а также отношение к глобальным и локальным ценностям. Особое внимание сосредоточено на сравнительных характеристиках названных индикаторов в тревожное и спокойное время с целью выявления устойчивости и (или) изменчивости сознания.

Социальные настроения и глобальные / локальные страхи современных студентов. Ключевые категории для понимания сущности сознания современных студентов — настроения, опасности и страхи. Исследование показало, что социальные настроения студенческой молодежи напрямую опосредованы фоновыми общественно-политическими и экономическими событиями. Данные «тревожной волны» фиксируют преобладание у каж-

---

¹⁶² Смирнова И. Н. Глобальное vs локальное: сознание современной молодежи (на примере студентов г. Иванова) // Ноосферные исследования. 2015. № 1-2.

дого третьего опрошенного состояния беспокойства и неуверенности в будущем. В «спокойную волну» доля таких снижается до 20 %, а преобладающим настроением становится уверенность в будущем, спокойствие (25,3 %), отмечается эмоциональный подъем, оптимизм (21,3 %) — настроения, более характерные для молодежи как социально-демографической группы.

Социальное настроение респондентов непосредственно коррелирует с веером социальных страхов. Анализируя интенсивность возникновения социальных страхов, отметим, что в тревожное время они проявляются сильнее: на их наличие (постоянное и временное) указало 62,4 % респондентов. В спокойное время доля студентов, испытывающих страх постоянно и время от времени, снизилась до 49 %. Анализируя конкретные социальные страхи, отметим их устойчивость в тревожное и спокойное время. Заметим при этом, что в сознании студентов преобладают глобальные страхи.

Среди *глобальных страхов* наиболее выражены экономические страхи: 83 % студентов боятся санкций со стороны других стран, 73 % — коррупции и беззакония в стране (в спокойное время доля таких составила 64 % и 60 % соответственно). Более половины студентов опасаются распространения социальных болезней — алкоголизма и наркомании (67 %).

Локальные страхи, имеющие, скорее, характер опасений, касаются ухудшения экономической и экологической ситуации в регионе, снижения личных доходов и возникновения проблем со здоровьем в приватной сфере. При этом студенты полагают, что России не угрожает утрата традиций и веры и не опасаются конца света.

Спектр социальных страхов в спокойное и тревожное время практически не различается, снижается только их интенсивность. В целом, анализ социальных страхов показывает доминирование глобальных рисков в сознании студентов. Локальные риски воспринимаются респондентами более спокойно, что, несомненно, связано с высоким личностным потенциалом данной социально-демографической группы.

Восприятие глобального и локального в сознании студентов. Ключевой задачей исследования являлось изучение трактовок «глобального» и «локального». Неоднозначность и сложность определения данных терминов, характерное, в том числе и

для научного дискурса, находит отражение и в дефинициях студентов. Более 67 % респондентов в тревожное время и около 51 % в спокойное время отметили, что слышали слово «глобализация» и с уверенностью могут сказать, что оно означает. Остальные опрошенные признались, что смысл данного термина им неясен. При этом спокойный событийный фон жизни заставляет обращаться к данному термину гораздо реже, а для 10 % респондентов данный термин вообще не актуален.

Обратимся непосредственно к трактовкам феномена «глобализации». Самое распространенное понимание глобализации — как «всеобщего, всемирного мирового процесса» — доминирует в сознании студентов и в спокойное, и в тревожное время. Это понимание очень абстрактно и поверхностно, не отражает сущности феномена, а лишь является переводной «калькой». Второй по популярности ответ в тревожное время — «глобализация — это универсализация всего» уже затрагивает важный признак стирания границ, однако тоже не вполне является верным: в определенном смысле процессы глобализации «ограничены» лишь земным шаром¹⁶³.

В спокойное время глобализация мыслится студентам также как объединение стран (19 %), что отражает конструктивную сторону данного процесса. В тревожное время возрастают такие коннотации глобализации, как «проблемы мирового уровня» (12 %), «взаимопроникновение культур и традиций» (18 %), «процесс сближения стран, событий и людей» (15 %). Вместе с тем, в спокойное время появляются новые трактовки глобализации, такие, как «внедрения нового», «углубленное изучение чего-либо» и «улучшение качества жизни людей».

Характеризуя свое отношение к глобализации, 40 % студентов дали положительную оценку данному феномену. Однако в спокойное время возросло число тех респондентов, кто безразлично относится к феномену глобализации (с 42 % до 52 %), а также снизилось число тех, кто относится к нему отрицательно (с 16,3 % до 9,3 %). Коннотации глобализации связаны в подавляющем большинстве с пространственным (количественным)

---

¹⁶³ Кирьянова Л. Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск, 2007. С. 63.

восприятием феномена, что во многом объясняется подобной трактовкой глобального и глобализации в современных научных исследованиях.

Трактовка термина «локальное» вызвала больше затруднений. Большинство опрошенных и в спокойное, и в тревожное время понимают локальное как «местное», не раскрывая при этом содержания понятия. Редукция «локального» до границ одного региона, субъекта, территории характерна для 20 % ответов. Через термин «проблема» — «конкретная проблема», «внутренняя проблема», «маленькая проблема» — объясняют «локальное» порядка 20 % опрошенных. Присутствие чего-то особенного в «локальном» отразили в своих ответах 8 % студентов. Локальное как «закрытое», «ограниченное», «узконаправленное», «недалекое» понимают 24 % респондентов.

Отметим, что опрос, проведенный в спокойное время, зафиксировал лишь одно существенное отличие в понимании термина «локальное»: увеличение на 13 % доли тех студентов, кто понимает локальное как местное. Остальные тенденции в понимании данного феномена сохраняются.

Ответы на открытые вопросы показали, что «глобальное» в сознании студентов в основном не может существовать без «локального». Однако как такового «глобального» опыта у студентов мало — только 20 % прибывали в других странах больше двух недель, 40 % опрошенных вообще не выезжали за пределы России.

На прямой вопрос о том, какова направленность сознания, глобальная или локальная, студенты отметили, что у них доминируют в равной степени локальные и глобальные проявления (45 % и 39,5 %). Глобальное сознание в тревожное время преобладает у 10 % опрошенных, локальное — у 23 %. В спокойное время в два раза возросло число «приверженцев» глобального сознания и снизилось число «сторонников» локального сознания. Перефразируя знаменитое выражение, скажем: «глобальное сознание любит тишину».

Глобальные и локальные ценности студентов. Ценности — это ядро структуры личности, определяющее ее направленность, они формируются в процессе социализации и обеспечивают духовную ориентацию человека, направленность его мировоззре-

ния¹⁶⁴. В рамках данной статьи мы понимаем ценности как «...обобщенные представления ("ценностные представления"), выступающие в качестве общественных идеалов, стереотипов общественного и индивидуального сознания, функционирующих как идеальные критерии оценки и ориентации личности и общества»¹⁶⁵.

В основе типологии ценностных ориентаций, которая представлена в нашем исследовании, — типология ценностей Ш. Шварца¹⁶⁶, который в своих исследованиях доказал влияние глобализации на выбор обществами способа понимания и декларирования своих ценностей. Он предложил для изучения 57 ценностных ориентаций, — социальных и индивидуальных. Данная концепция была выбрана потому, что, по оценке ее автора, ценности представляют собой когнитивные репрезентации трех универсальных человеческих потребностей — индивидов как биологических организмов, координации социального взаимодействия и сохранения и благополучия социальных групп, что затрагивает все уровни социологического анализа действительности (микро, макро и мезо). Интересно то, что Ш. Шварц вводит в типологию ценностных ориентаций систему ценностных осей и систему укрупненных типологических индексов. Именно они позволяют достигнуть «универсализации» результатов исследований. Отметим также, что объектом его изучения были учителя и студенты, что позволяет считать данную модель апробированной для студенчества.

Парадигмальный синтез социологического и философского подходов позволил выделить три ценностные оси: *ось «ценности-вещи»* (они носят ситуативный характер, при этом отражая локальность сознания); *ось «ценности-отношения»* (они вариативны и могут изменяться, отражают самый стабильный уровень сознания — глокальный); *ось «ценности-свойства»* (они носят вневременной, внепространственный и внесоциальный характер, отражают глобальный уровень сознания).

---

¹⁶⁴ Смирнова И. Н. Сознание современной студенческой молодежи: аксиологические основания // Система ценностей современного общества. 2016. № 44.

¹⁶⁵ Попова И. М. Ценности и ценностный аспект сознания // Ценностные представления и потребности. Киев, 1986. С. 13.

¹⁶⁶ Schwartz S. H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences cross nations // Measuring Attitudes Cross-nationally — Lessons from the European Social Survey. L., 2007.

Каждая укрупненная категория ценностей (ценностная ось) представлена типологическими ценностными индексами, а те, в свою очередь, жизненными ценностями (всего 30 наименований). При этом респонденту предлагается не выбрать наиболее значимые ценности, а оценить каждую по степени важности для себя по 5-ти бальной шкале, где 5 — наивысший ранг ценности.

По результатам исследования, наиболее значимыми ценностями для студентов и в спокойные, и в тревожные времена стали такие принципы жизни, как справедливость, свобода, жизнь, любовь, забота, семья, мир. Эти ценности в большей степени отражают такие типологические ценностные индексы, как универсальность, развитие и стабильность — именно они находятся в плоскости ценностей — отношений и отражают глокальный уровень сознания.

Мы не можем не отметить также бóльшее одобрение глобальных ценностей, нежели локальных: ценности-свойства респонденты выбирали чаще, чем ценности-вещи, что в некотором смысле ставит под сомнение миф об обществе потребления, актором которого является, прежде всего, молодежь. Исследование показало, что ценности мудрости, умеренности и безопасности в тревожное время студенты выбирали чаще, чем ценности власти, статуса и достатка. Однако видна и обратная тенденция: в спокойное время ценности-вещи актуализируются чаще (студенты выше оценивали значимость ценности статуса, достатка и развлечений), а ценности-отношения (любовь, творчество, забота) снижают свою значимость для студентов.

Исследование показало, что наибольшие изменения в выборе ценностей характерны для студентов с глобальным сознанием. Именно эта группа, несмотря на небольшой масштаб, в меньшей степени актуализировала такие ценности, как «справедливость», «умеренность», «труд», «любовь», «творчество», «забота», «традиции» и «родина». В свою очередь, бóльшее значение для этой группы студентов имеют такие ценности, как «ответственность» и «развлечения», что объясняется не только открытостью мира, складывающемся на глобальном уровне обществом потребления, но также и все возрастающими глобальными рисками, катастрофами, кризисами, и, в связи с этим, потребностями в ответственности.

Интересно также, что категории «глобального» и «локального» не являются в сознании студентов дихотомиями, они дополняют друг друга, а зачастую, перетекают друг в друга. Так, те ценности, которые являются аутсайдерами для студентов с глобальным сознанием, не находятся в лидерах у студентов с локальным сознанием. Напротив, ценность «ответственности» еще больше повышает свой ранг среди последних. Похожие тенденции мы наблюдаем с ценностью «справедливости». Также для этой категории студентов более важны ценности «власти», «статуса», «дома», что подтверждает сделанные выше выводы о преимущественной глокальности сознания современных студентов.

Анализируя выбор ценностей в зависимости от типа сознания в спокойное время, отметим следующие тенденции. У студентов, обладающих глобальным сознанием, большее значение приобретают такие ценности, как толерантность, справедливость, ответственность, равенство, забота, традиции, порядок, родина, статус, достаток. Сохранение в структуре сознания студентов глобальных ценностей вместе с тем влечет за собой поворот к локальным ценностям, что объясняется отсутствием рисков, «успокоением» сознания, формирование глобального сознания — ответ на внешние вызовы и угрозы.

Видна и обратная тенденция: у студентов с локальным сознанием в спокойное время снижается оценка и глобальных, и локальных ценностей (кроме ценностей статуса и развлечений). Это объясняется тем, что в спокойное время ценности, как правило, задаются социальными группами (проистекают из корпоративной этики), а в кризисные времена на первый план выходят цели-ценности межличностных отношений.

Аксиологические характеристики «глобальности» / «локальности» сознания студентов имеют существенный потенциал для более детальных исследований; они проявляются в жизненных стратегиях и планах молодежи и, тем самым, служат важным звеном в сознательной динамике «от образа мыслей к образу жизни».

Переживание локальных и глобальных событий. Переживание, запоминание и называние определенных событий, происходящих в мире, стране и регионе проживания, может многое сказать исследователю о состоянии сознания человека и его направленности.

Исследование показало насыщенность событийного ряда: каждый респондент смог назвать события, которые ему запомнились. При этом, большинство из значимых для студентов событий носит негативный оттенок.

Анализируя события, перечисленные студентами в тревожное время, можно сделать следующие выводы:

во-первых, региональные события более позитивны, нежели события общероссийского и мирового масштаба, что связано, вероятно, с непосредственным участием в них опрошенных и с возрастом респондентов;

во-вторых, имеет место инверсия общероссийских и мировых событий: например, теракты в Париже многие восприняли как общероссийское событие, а повышение цен и изменение курса рубля к доллару — как мировое;

в-третьих, первое место занимают военно-политические события, а социально-экономические отходят на второй план.

Что касается оценки событийного ряда в спокойное время, то отметим его позитивную направленность. Студенты назвали больше положительных городских событий, при этом праздники, фестивали и памятные даты назвал каждый второй опрошенный (в два раза больше, чем в тревожное время). Вместе с тем, события в мире по-прежнему несут в себе негативный оттенок, хотя единодушия в их определении не наблюдается.

Проанализированные данные позволяют зафиксировать общий негативный фон событий в стране и регионе и в спокойное, и в тревожное время. При этом тревожность сознания, его катастрофичность несомненно определяют и отношение к глобальным событиям. Мы полагаем, что реалии конкретного места проживания напрямую отражаются на соотношении «глобального» и «локального» уровней сознания, а в данном случае способствуют некой ограниченности восприятия «глобальности».

Только преодолев подобную обусловленность местом действия, выйдя за рамки ограниченного локального пространства, практики жизни студентов смогут приобрести «глобальный» характер.

Основные выводы. Место проведения исследования — Ивановский регион — во многом уникально: «двойная (кризисные тенденции в стране, депрессивные процессы в регионе) де-

прессивность» сознания молодежи, которая составляет от 20 % до 30 % населения региона, позволяет проследить формирование и динамику основных проявлений локального и глобального в сознании в спокойное и тревожное время.

Проделанная работа ставит перед исследователями много новых вопросов, хотя и позволяет осуществить определенную социологическую рефлексию. Исследование показало, что социальные настроения студенческой молодежи напрямую опосредованы происходящими общественно-политическими и экономическими событиями. Спектр социальных страхов в спокойное и тревожное время практически не различается, снижается только их интенсивность.

Понимание глобального и локального, хоть и отражает поверхностное восприятие данных феноменов, но фиксирует связь между ними. В сознании студентов они не дихотомичны, а «проникают» один в другой. При этом «локальное» воспринимается отрицательнее, чем «глобальное».

В стабильных, спокойных условиях студенческое сознание обнаруживает устойчивость, и даже «локализованный традиционализм», однако в ситуациях кризиса проявляет свое «истинное лицо». Сохранение в структуре сознания студентов глобальных ценностей вместе с тем влечет за собой поворот к локальным ценностям, что объясняется отсутствием рисков, «успокоением» сознания.

Язык сознания — глобального или локального — не только удачная и красивая метафора. Глобальное и локальное сознания действительно говорят на одном языке, используя одни и те же слова (понятия). Их различие заключается в аксиологической акцентуации бытия, направленности сознания и мышления на определенные способы миропостроения, конструирования картины мира. Иными словами, «кивановское глобальное сознание» может оказаться непохожим на «московское глобальное сознание» или «питерское глобальное сознание» как раз в силу диалектической взаимосвязи глобального и локального в структуре сознания.

**Языки глобального изофилософского сознания:
репрезентации XX века**¹⁶⁷

История человеческой субъективности показывает, что искусство, родившееся в глубокой древности, имеет отношение не только к простым и сложным формам религиозного сознания, но также проявляет и обнажает отдельные философские эманации. Гипотеза о том, что изобразительное философствование (которое в наше время принято называть визуальным) может рассматриваться как первая историческая форма явленного философского сознания, не столь уж фантастична (хотя историю философии традиционно принято начинать со сложных логосных текстов развитых форм эпохи античности). Любой художник оказывается в той или иной степени философом, подсознательно ставя перед собой задачу описания внешнего или внутреннего мира: прорываясь за невозможное, он находит всё новые и новые формы «распаковывания вещи-в-себе». Фактически перед нами два варианта изофилософствования: имплицитный (герметический, эзотерический, потаённый, сакральный, дазайнный) и эксплицитный (экзотерический, экзегезный, герменевтический). В данной статье представлена попытка осмысления второго варианта изофилософствования в контексте философии глобального сознания.

Технологии эксплицитного изофилософского мышления связаны с глубинными традициями искусствоведческого анализа: в работах А. И. Ракитина¹⁶⁸, С. М. Даниэля¹⁶⁹, М. К. Претте¹⁷⁰ представлены классические и неклассические формы художественного мышления, которые позволяют понять некоторые модусы изофилософии. Среди искусствоведов

---

¹⁶⁷ © Смирнов Г. С., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

¹⁶⁸ Ракитин В. И. Искусство видеть. М., 1972.

¹⁶⁹ Даниэль С. М. Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л., 1990.

¹⁷⁰ Претте М. К. Как понимать искусство: Живопись. Скульптура. Архитектура. История, эпохи и стихи. М., 2002.

примеры явного изофилософствования не редки и свидетельствуют о том, что оно непосредственно и органично вплетено в ткань художественного, эстетического и дизайнерского мышления¹⁷¹. Ярчайшие примеры изофилософствования обнаруживают себя в творчестве таких философов как Х. Ортега-и-Гассет¹⁷², Х. Г. Гадамер¹⁷³.

Изофилософия и изофилософствование — неотъемлемые атрибуты современного мышления, претендующие на эмпирическое и теоретическое изучение, особенно если учитывать, что именно в этой сфере более всего представлена бессознательная, иррациональная сторона как индивидуального, так и общественного сознания. В русской культуре такая неэксплицированная традиция может быть обнаружена в творчестве Д. С. Лихачёва, прежде всего, в его книге, посвященной эволюции русского искусства от древности до авангарда¹⁷⁴. Лихачёвская методология для органичного изучения тысячелетнего временования знаковой реальности русского бытия оказывается очень значимой для современных глобальных интерпретаций. Русская икона (и особенно русский иконостас¹⁷⁵) в структуре русского сознания оказывается архетипическим слоем индивидуального и коллективного (общественного) сознания, обретая статус важнейшего интерпретанта сложности, с которой встретилось человечество на рубеже тысячелетий. «Расставание с простотой», таким образом, осуществляется не только на уровне философии науки и организованности научных

---

¹⁷¹ Примером такого высокого интерпретационного соприкосновения искусства и философии является творчество Д. В. Сарабьянова, который тщательно исследовал и глубоко осмыслил творчество В. В. Кандинского [*Сарабьянов Д. В. Павел Филонов среди современников и предшественников // Сарабьянов Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998*].

¹⁷² *Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.*

¹⁷³ *Гадамер Х. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.*

¹⁷⁴ *Лихачёв Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992.*

¹⁷⁵ Особенность русского иконостаса связана с тем, что он фактически выстраивает в двухмерном простом пространстве многомерное пространство-время: восхождение по ярусам иконостаса от «местного чина» к праздничному, и далее праотеческому, фактически показывает «ярусность» сознания, его полифоническую глобальность. Не менее интересна и акафистная репрезентация устройства мира: «средник» акафистой иконы организует вокруг себя семиосферы «клеим» (выполняющих функцию обозначения хронотопов). Весьма показательна выстроена эта многомерность в палехских акафистах Богородицы, Спаса и Св. Николая.

дискурсов (левополушарных репрезентационных форм), но и на уровне изофилософских образно-семиотических построений.

Все современные описания глобальности не могут оторваться от исходной рисуночно-набросочной протоизоглобальности, которая передается в логике культурной эстафеты от одного века к другому. Более того, в XXI веке сложная глобальность становится видной как синергийная глобальность в значительной мере именно как изобразительная глобальная картина мира. Логика ее исторического развития — тема более чем обширная, поэтому нас интересует лишь одна сторона репрезентации глобального видения мира в рамках живописного русского космизма, представленного открывшимся миру в XX веке русским авангардом, в частности творчеством В. В. Кандинского и П. А. Филонова.

Преобразование точки в шар — т. е. клеточки в организм, — неотъемлемый архетип человеческого (животного) существования. Философия «большого организмического взрыва» фактически предстает как своего рода реализация принципа подобия для понимания трансформации моделей земной глобальности¹⁷⁶. Об этом доказательно свидетельствуют работы П. А. Флоренского «*Symbolarium*»¹⁷⁷ и В. В. Кандинского «*О духовном в искусстве*»¹⁷⁸. Глобальность как шаро-сферность — важнейшая сторона изорефлексии, получившая отражения в русском искусстве от древности до авангарда. Напомним, что в свое время В. Кандинский обучался в школе немецкого художника Ашбе, который учил рисовать портреты, отталкиваясь от шаро-сферического пространства. Значимой методологической основой понимания изоглобальных трансформаций является развитие сферного подхода в искусстве. Обычно в этом случае обращаются к творчеству К. Петрова-Водкина: сферические поверхности земного пространства более всего соответ-

---

¹⁷⁶ Имеется в виду герметический «принцип подобия» — «что внизу, то и сверху; что сверху, то и внизу».

¹⁷⁷ Флоренский П. А. *Symbolarium*: (Словарь терминов) // Флоренский П. А. Сочинения. М., 1996. Т. 2.

¹⁷⁸ *Kandinsky W. Concerning The Spiritual In Art*. N. Y., 1946. Показательно, что Д. В. Сарабьянов и Н. Б. Автономова рассматривают эту книгу Кандинского как «не просто трактат по теории искусства, но и философское сочинение» [*Сарабьянов Д. В., Автономова Н. Б.* Василий Кандинский. Путь художника. Художник и время. М., 1994. С. 34].

вуют индивидуально-локальному восприятию глобального¹⁷⁹. Завершая мини-теоретическое введение в изоглобальность, отметим, что знаменитая теорема Пуанкаре, доказанная Г. Перельманом, имеет важное приложение, позволяющее понять, как точка превращается в тор, а тор в точку, соединяя корпускулярное и волновое в универсумное единство.

Глобусно-сферное мировоззрение представляет собой самый распространенный способ репрезентации современного сознания как элитных слоев общества знаний, так самого нижнего слоя современного быстро растущего человечества.

В истории науки и философии перед нами открываются три версии эволюции мировоззрения, которые можно рассматривать и как формулы космического, и как формулы глобального сознания. Трансформации образной глобальности показывают как геоцентрическое мировоззрение в формах антропоцентризма и теоцентризма (аристотелевско-птолемеевская модель мира, в которой Земля находится в центре мира) отрицается антитезисом в гелиоцентрическое мировоззрение (коперниканская модель, в которой Солнце является центром Солнечной системы, а вокруг Солнца вращаются планеты), где Человек превращается в ноль), а то в свою очередь, посредством отрицания отрицания, задаёт синтез нового геоцентрического мировоззрения (Вселенная бесконечна, поэтому Земля находится в центре вселенной, хотя и не является центром Солнечной системы и нашей галактики), утверждающего,

---

¹⁷⁹ «...Петров-Водкин наиболее убедительно передал свое ощущение земли как планеты, построив композицию по принципу разработанной им "сферической перспективы". Он считал, что наше восприятие пространства неизменно связано с тем, что мы находимся на шарообразной планете, и поэтому в произведениях искусства это должно найти вполне определенное отражение. В частности, художник в поисках передачи некоей планетарности прибегал к наклонному изображению фигур на картинной плоскости, считая, что все вертикали на земле в конечном счете должны находиться в наклонном положении друг к другу» [*Костин В. И.* Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. Альбом. М., 1986. С. 12]. Для нашего осмысления живописной глобальности сознания, впрочем, важна другая мысль: «Хотя Петров-Водкин и связывал "сферическую перспективу" с современными научными открытиями и новыми теориями о строении вселенной, а также со специфическими особенностями восприятия человеком окружающего сферического пространства, в действительности она служила ему поэтическим средством — соединить в едином образе разновременные содержательные элементы произведения» [Там же. С. 13].

что Человек всегда был и остаётся центром Вселенной. *До реального полёта в космос глобальное сознание было всеобщим абстрактным, которое наиболее полно выражается в живописном мышлении. Только после полета Ю. Гагарина глобальное видение мира стало всеобщим конкретным.*

Насколько русский авангард опередил и поэтому подтолкнул русское сознание вперед можно видеть, сравнивая картины и фотографии, сделанные космонавтами, и футуристические импровизации по поводу невидимой ещё реальности русскими художниками. Тема изобразительного русского космизма необъятна, поэтому остановимся, прежде всего, на двух ярчайших фигурах — предтечах глобального сознания, выросших из пан-русской культуры.

Глобальность и для современной науки продолжает оставаться «вещью-в-себе», и по этой причине вокруг глобальных (космопланетарных) дискурсов вращается столько мистических и мифологических концепций. Анализ форм изоглобального сознания в предельном выражении необходимо требует использования «теоремы Гёделя о неполноте», ибо именно в мысленном освоении космопланетарной реальности «переходы» (на современном языке «кротовые норы») оказываются наиболее трудными.

Философия выворачивания наизнанку весьма продуктивна не только применительно к двум линиям в философии (материализм versus идеализм), но и к любым другим парным категориям, которые в значительной степени строят образы миро-реальности (Универсума). Впрочем, в изофилософии глобальности возможны и более сложные — недихотомические и недиалектические — тетрарные, пентарные и иные формы изо-образной дополнителности.

Для демонстрации ментальных форм топологических превращений реальности можно использовать как бинарные оппозиции, так и тернарные описания. Дуализация дополнителности (классификационная репрезентация) представляется одной из ментальных форм освоения глобальной сверхсложности: внешнее и внутреннее, конкретное и абстрактное, объективное (вещественно-предметное) и субъективное (виртуально-идеальное) измерения глобальности, взятые в контексте принципа дополнителности, позволяют «перетекать» в изопространства смежных миров. Сообщающиеся сосуды топологии глобальности очень важны для философии глобальности.

Рассмотрим их, начиная с фиксации диалектической пары *внутренняя и внешняя глобальность*. *Внутренняя глобальность*: Как можно видеть мир посредством нахождения человека внутри планетарной системы? Человек формирует образ земного мира, создавая внутри себя виртуальную сферную полноту. *Внешняя глобальность*: Способность человека увидеть планету как будто из космоса, сверху. Картографичность лишь постепенно превращается в глобальность. Такого рода дихотомическая классификация глобальности необходима для того, чтобы показать в компаративистском подходе, как внутренняя, беспредметная, абстрактная глобальность проецируется на творчество В. В. Кандинского, а внешняя, предметная, конкретная глобальность — на творчество П. А. Филонова.

Творчество В. В. Кандинского раскрывает перед нами не только внутреннюю, но и беспредметно-виртуальную глобо-реальность. Художник словно показал, опережая на полвека, когнитивную реальность, которая стала главной предметной областью и философии сознания, и всей системы когнитивных наук. Наша задача описания изоглобальности носит в достаточной мере прикладной (и пунктирный) характер, поэтому остановимся лишь некоторых реперных точках эволюции отражений невидимой глобальности (навеянных недавно реализованным в России проектом компаративистского осмысления собранных в одном пространстве самых знаменитых композиций VI и VII не очень лирического основателя «лирического абстракционизма»¹⁸⁰).

---

¹⁸⁰ Насколько важно глубинное изофилософское проникновение в суть авторской когнитивно-символической реальности видно из размышлений Д. В. Сарабьянова, которые повествуют о глазо-глобальной реальности человеческого сознания: «Гармоническое устройство Седьмой композиции зиждется на постоянном взаимодействии противоположностей. Эта тема проходит через все части композиции, не знаящей соперниц по сложности и многоукладности своих форм. Расположенная почти в центре "фигура" овальной формы, уподобленная некоему глазу со зрачком и ресницами, окружена другими композиционными элементами. Один из них как бы открывает перспективу диагонального движения, увлекая его вверх направо; другие удерживают его на закрепленном за ним месте. Кроме того, эти фигуры образуют некий круговорот вокруг центра, где создается зона их стихийного сосредоточения» [*Сарабьянов Д. В., Автономова Н. Б.* Василий Кандинский. Путь художника. Художник и время. М., 1994. С. 63]. В этой философской репрезентации без всяких натяжек обнаружи-

Смысловая транзитивность работ «Белый овал» (1919), «Доминирующая кривая» (1936), «Вокруг круга» (1940) открывает тайны порождения послевоенной, межвоенной и предвоенной интуиций глобальности.

«Белый овал» утверждает существенные интенциональности глобального сознания: в овальном пространстве просвещенного белого обнаруживается еще не рожденная кругло-сферная интенция, непознаваемое черное и открытое белое определяют возможности и ресурсы сферных (и даже забегая вперед, скажем ноосферных) гармоний. «Сердце Земли» (его желудочки формально обозначены) бьется острыми ритмами, задаваемыми технотехническими парадоксами, а «черная коса-я» предсказывает будущую необходимость его коронарного шунтирования. Шапка темно-коричневого и включено-черного (будущего «ядерного») взрыва словно закрывает пути для дальнейшей эволюции живого «сердечно-человеческого». Сплюснутая ноосферность недавнего XIX века невыносима, но неизбежна.

Поперечно-черная прямая шрама на живом сердце памяти через пятнадцать лет превращается в «доминирующую кривую». Этот вид трансформировавшейся радостной глобальности более симпатичен и полон оранжевых надежд, «черные концепты» разрознены и «мелко порезаны». Ноосферные энергии общечеловеческой сердечности словно вызревают и вот-вот «обретут тут», для сравнения сущностей предложены в нижнем левом углу три белых круга («белосферы» в синематальном окружении) и прямо противоположно — шагающий из картины в картину «гомункулус» как непреодолимая экзистенциальность буратинной реальности. Перед нами раскрывается целая философия перехода: нисходящая ступенчатая лестница «прогрессивного развития» (в левой части работы) сменяется восходящей «доминирующей кривой». Для того чтобы рассказать о такого рода синергийной революции в сознании потребовалось бы многотомное издание, художник делает это открытие мирами экспликации подсознания.

вается не только образность биосферно-круговоротной реальности, но и концепты глобально-синергетического видения мира, которое в конечном итоге раскрывает потаённую ноосферность.

Особенно важен для нашей темы (образы современного глобального сознания) круг изокогнитивных проблем, затронутых в картине «Вокруг круга» (1940). Перед нами словно палитра художника, отбрасывающая тень, но не имеющая ресурсов отразить плавающие вокруг смыслы-субстанции. Красно-цветная круговая доминантность (по Ухтомскому) зажигает сознание, но это совсем не означает, что именно круг главная персона. Наоборот, судя по всему, Кандинского интересует, прежде всего, то, что находится вокруг круга. Не случайно игра словами в названии (во-круг круга), подсказывает нам тот способ интерпретации, которым столь эвристичен Кандинский: синергия плавающих в пространстве смыслов станет отчетливо видна только в 80-90-е годы XX века.

Кандинский методологически предельно прав — доминанты глобальной когнитивности не могут и не будут никогда главными, они должны рассматриваться только в неразрывной связи с тем, что находится в среде обитания, т. е. «вокруг круга». Такого рода когнитивно-семиотический закон Кандинского позволяет значительно расширить философское осмысление космоса ближней человеку глобальности.

Отметим, что Д. В. Сарабьянов и Н. Б. Автономова одними из первых обращают внимание на «ноосферный след» в сознании В. В. Кандинского: «Учение о ноосфере, разработанное Вернадским, Тейяром де Шарденом, Леруа и другими учеными XX века, узаконило эту обратную связь. Разумная человеческая деятельность, несмотря на все издержки технической цивилизации, образовала новую общность человека и космоса, в которой духовное и интеллектуальное начало, предчувствуемое в неживой природе и реализованное в деятельности богоподобного человека, становится неотъемлемой частью космоса. Человек и космос оказались в одном — пусть новом — измерении»¹⁸¹.

Завершая экскурс в глобально-когнитивные миры Кандинского отметим, что вынужденные путешествия по миру сделали возможным выход самого «когнитивного» представителя русского авангарда на самые значительные высоты синкретического сознания, в котором преодолеваются старые штампы и рождают-

---

¹⁸¹ Сарабьянов Д. В., Автономова Н. Б. Василий Кандинский. Путь художника. Художник и время. М., 1994. С. 68.

ся новые невиданные трансформы, определяющие глобальную коэволюцию сознания на рубеже тысячелетий.

Другой выдающийся представитель русского авангарда П. А. Филонов своим искусством «сделанности» дает представление о навеянных портретах глобального мира. Для понимания итога его размышлений о репрезентации ликов мировости обратимся к предвоенной картине «Лики» (1940).

Перед нами образ паутиной субъект-субъектности (интер-субъективной) многоликости. Сейчас, когда образ всемирной паутины стал банальностью, нетрудно себе представить насколько мощным оказался парадигмальный прорыв предвоенного филоновского года. Одержимые бородачи с горящими глазами, изображенные на картине, напоминают о пневмосфере П. А. Флоренского: именно силой духа и мощью духовной жизни формируется человеческий (точнее, ноосферный) лик Земли.

Эта работа результат десятилетних размышлений художника, идущих от масштабной-глобальной «Формулы весны» (1928—29), размерность которой усиливается миниатюрописью маленькой кистью по бесконечному пространству холста.

Глобальная живопись Филонова «материальна»¹⁸²: художник, словно облетая Землю на самолете, телескопируется и оставляет следы наблюдений мировой (земноповерхностной) реальности (это сейчас особенно понятно, когда мы обыденностью считаем фотографии из космоса и «онлайн наблюдения» с помощью дронов). Мозаичное панно кожи Земли (педосферы), живого биосферного пространства¹⁸³ свидетельствует о рождении не только нового художественного мировоззрения, но и дает понять, в каком направлении развивается синтетическое и синкретическое постреволюционное сознание идущей за дальние горизонты страны Советов.

---

¹⁸² Д. В. Сарабьянов приводит интересный факт, позволяющий понять смысл широко понимаемого материализма: «Филонова спросили: "Вы экспрессионист?" Он ответил: "Нет, я реалист!"» [Цит. по: Сарабьянов Д. В. Павел Филонов среди современников и предшественников // Сарабьянов Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998]. «Реализм Филонова», как думается, похож на «реализм Вернадского», который раскрывает сложнейшие взаимоотношения между миром материальным и миром идеальным.

¹⁸³ Напомним, что книга В. И. Вернадского «Биосфера» вышла 1926 году в Ленинграде, где жил П. Филонов.

Сейчас, оглядываясь назад, хорошо видно, что перед нами не просто географические или витасферные¹⁸⁴ земные миры: П. Филонов *утверждает* изо-антропность мировости, делая ее фактически ноосферно-семиотической. Конечно, выдвижение этого тезиса сопровождается риском получить упрек в «модернизации» филоновского художественного сознания, но хорошо известно, насколько быстро распространяются мысли по ментальному пространству живого мышления современников, а серьезное понимание общественным сознанием личностного мировоззренческого забега вперед приходит только спустя десятилетия. Для объяснения современных поснеклассических феноменов синергичности и фрактальности «Формула весны» подходит как нельзя лучше: кристаллизация кроны «Мирового дерева» на поверхности Земли самоподобна, и нет более самоорганизующейся субстанции, чем планетно-весеннее пробуждение материальной и духовной жизни после зимней спячки.

На первый взгляд, Филонов — художник-индуктивист, ибо он утверждает: «Работайте не от общего, не от стройки — это шарлатанство, а от частного к общему, по формуле "общее есть производное из частных, до последней степени развитых"»¹⁸⁵. Но думается, что это не совсем так: авангардные миры творятся скорее по калькам пирсовской абдукции, эпистемологически и когнитивно соединяющей плюсы (и полюсы) индукции и дедукции.

Срединность гносеологического дерзания носит органически творческий характер. В русском авангарде может быть более всего явлена формула русского познавательного сознания — рождение «индуктуитивизма» из красок живописи показывает парадоксальную логику русского философского мышления эпохи его золотого века на излете Серебряного века русской культуры. Индуктуитивизм, неразрывно связанная с философскими размышлениями С. Л. Франка¹⁸⁶ и Н. О. Лосского¹⁸⁷ о сущности и природе интуиции,

---

¹⁸⁴ Витасфера — сфера распространения живого вещества на поверхности Земли.

¹⁸⁵ Живопись 1920—1930. Государственный Русский музей: Каталог-альбом. М., 1989. С. 98.

¹⁸⁶ Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С. Л. Сочинения. М., 1990.

¹⁸⁷ Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н. О. Избранное. М., 1991.

дает представление о том, как можно преодолевать мысле-горные перевалы, экономя гносеологические ресурсы. Русский космизм, в известной степени, представляет собой порождение этого способа мыслительной деятельности, когда отдельный факт, нагруженный когнитивно-семиотическим многотысячелетним опытом, разворачивается в глобальную (и даже вселенскую) интуицию миропредставления и миропостроения.

Линейно-фигурные и цветочные знаки весны похожи на пробуждение большого радостного человеческого сознания целостности-мировости, охватившего русских революционеров, державших делать «общее дело» в условиях для него не предназначенных.

Эволюция художественного мышления П. А. Филонова от объект-субъектности («Формула весны») к субъект-субъектности и интересубъективности («Лики») закономерна, ибо свидетельствует о стремлении построить мировое пространство Универсума. Филоновский глобальный универсум до настоящего времени актуален для понимания развития европейского и евразийского глобального сознания в XX веке.

Сравнение форм живописной глобальности (планетности и космопланетарности) В. В. Кандинского и П. А. Филонова открывает великую картину «всего имеющегося» — космопланетарного Универсума, в котором посредством «принципиальной координации» и «принципа дополнительности» сплелись когнитивные, языковые, интересубъективные, коммуникационные, вещно-знаковые и предметные версии не только будущего мирознания, но и самого предвосхищенного будущего.

Современное понимание глобальности как проекций из экономической и геополитической областей несколько примитивизировано, внесение широкого культурологического и изофилософского контекста создает методологические условия для понимания Большой глобальности, в которой живёт современное человечество.

Глава VI

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Образы глобального сознания: компаративистский анализ¹⁸⁸

Основными «образами» глобального сознания выступают исторически сформировавшиеся духовные образования, репрезентирующие мироздание и место в нем человека. Главными из них являются мифологическое, религиозное и философское. Обратимся к выяснению сущностных различий между ними. Для этого нужно дать анализ тех «начал» или принципов, которые задают специфику каждому из этих образов. Очевидно, что различия между ними являются не просто (только) количественными (мир воспринимается «более или менее» точно и полно), но и «качественными», ибо они базируются на различных «фундаментах», у них разные основания или «принципы». Каждый такой принцип придает тому или иному образу глобального сознания *общее освещение*, в котором каждая вещь, *высвечивает* свою сущность, или *получает* сущность, в него попадая.

Исходные основания мифологического «мировидения» не содержат разделения базисных противоположностей (*материальное и идеальное, объективное и субъективное, природное и человеческое, реальное и воображаемое, мысленное и эмоциональное*), тем более, их противопоставления. В его основании — их «суперпозиция», «наложение», «пересечение» базисных противоположностей: за границы такого «наложения» мифологическое сознание не выступает. Поэтому оно «светит» отраженной сущностью одной противоположности в другой (так Луна светит отраженным светом Солнца, помогая нам ночью так же, как днем Солнце). Оно не подозревает, что природа существует до, вне и независимо от человека, его мысли и действия. Базисные противоположности не расчленены, не отчуждены, не отделены друг от друга, они, как говорят, «синкретичны», что и задает специфику

---

¹⁸⁸ © Прохоров М. М., 2016

мифологическому сознанию, в котором на базисные противоположности не распространяются процедуры анализа и синтеза. Вместо них — «синкретичность». Это видно на примере мифологических образов (русалки, кентавра или минотавра). В этих образах синкретично представлены реализм и фантазия, они — продукт фантазийной реальности или реалистической фантазии, воображения. Они характерны всем произведениям устного народного творчества (мифы, сказки, былины и т. д.) Такие образы не лишены реалистичности. В противном случае творец устного народного творчества не смог бы выжить в мире. В образе русалки мы видим отчасти женщину и отчасти рыбу, которые «освещены» отраженным светом друг друга; в образе кентавра — торс человека на лошади, минотавра — человекобыка. В сказках часто «синкретизм» «накладывает» на живое и даже на неживое (вспомним, например, сказку про пузырь, соломинку и лапоть) способность говорить и/или поступать, действовать так, как действуют люди, нередко превосходя людей (щука и серый волк), чтобы выполнять человеческие чаяния, следовательно, выступая символическими орудиями достижения целей.

Природное в таких образах «очеловечивается», оно «антропоморфно», «олицетворяется». Так, гольд Д. Узала, взятый В. К. Арсеньевым в экспедицию в качестве проводника по Дальнему Востоку, не видел принципиальной разницы между человеком, окружающими предметами и явлениями мира: «Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди. Его теперь потеет... Его дышит, все равно люди...»¹⁸⁹. Не в меньшей мере «очеловечиваются» им лев, тигр и другие животные. Понятно, что все они рассматриваются в составе природы. Как и люди, которые не выделены из природы, «натуры»; они «натурализованы».

Мифологическое сознание не имеет представлений о сверхъестественном, потустороннем, трансцендентном, которые характерны для религиозных взглядов. Для него нет никакого духа, который был бы бесплотен, никакой идеи, которая не была бы вещью; как и наоборот: всякая плоть есть воплощение духа, а во всякой вещи видится замысел, идея, цель, заставляющая ее определенным образом функционировать. Очевидно, что этим

---

¹⁸⁹ Арсеньев В. К. Избранные произведения. Хабаровск, 1997. Т. 1. С. 197.

исключается еще вопрос о том, что и какую из базисных противоположностей взять за «первоначало» мира, за его «субстанцию», т. е. исключается сама возможность постановки и решения основного вопроса философии. Для того, чтобы можно было поставить, сформулировать основной вопрос, как это будет сделано в философии, нужно «проанализировать» базисные противоположности, значит, «разделить», «отчленив» их одну от другой и, более того, противопоставить друг другу. Только тогда может возникнуть вопрос о *статусе* базисных противоположностей, возможность признать одну противоположность более фундаментальной, чем другая, и на такой основе произвести далее их «синтез», объединение как не равных по степени значимости противоположностей, признав их соподчиненность.

Мифологическое сознание не только не противопоставляет базисные противоположности, но даже не расчленяет их, не «анализирует», а берет «синкретично». Таков исторически первый образ человеческого сознания, которое приобретает универсальный или глобальный характер. В такой духовный «мир» выходит сознание каждого человека в первобытном обществе — в отличие от непосредственно-чувственного психического отражения животных, живущих в своей экологической нише.

Реальной базой мифологического сознания периода устного народного творчества оказывается трудовая деятельность человека по преобразованию явлений природы, которые служат «материалом» для *воплощения* его замыслов. Именно труд, создав окультуренный слой на планете Земля, привел базисные противоположности в состояние, где они получили способность светить отраженным светом друг друга. Разум проявил себя исторически как умное действие, разумное поведение, кристаллизовавшись в артефактах, в окультуренном слое бытия. Человеческая деятельность есть целесообразающая, деятельность с определенной целью. Она осуществляется по внутренней, существенной форме самих вещей, т. е. по законам природы и, в то же время, по законам красоты, скажет К. Маркс. Как известно, чувство красоты развивается непосредственно в практической деятельности. Деятельность людей возможна лишь при условии, что учитываются объективные свойства вещей, объективная необходимость (если бы мы в практической деятельности подходили к вещам с сугубо субъективной «меркой», то

действительность «мстила» бы нам за это на каждом шагу). Здесь одно по необходимости предполагает другое.

Но это не означает, что человек *сначала* постигает необходимость природы, а *затем* действует целесообразно. Такой подход характеризует более поздний исторический этап, когда появится наука, специализированное познание — Новое время. А у первобытного человека всеобщая необходимость представлена непосредственно в форме целесообразной деятельности, в виде того отраженного света необходимости, который уже присутствует в *орудии*. Скажем, рычагом человек пользовался задолго до того, когда законы рычага были специально изучены и математически выражены Архимедом. Но, пользуясь рычагом, человек использовал тем самым и законы рычага, пользовался ими в форме целесообразного использования рычага, умея отличать «правильное» использование его от «неправильного».

В орудии заключено всеобщее содержание деятельности и всеобщее содержание действительности, а значит, и ее закон, который выступает наружу, именно благодаря орудию. В мифологических персонажах мы видим отраженный свет такого использования, попытки найти границу между «правильным» и «неправильным». Мифологическое сознание, возникая вместе с деятельностью, возникает как своего рода *орудие*, опосредующее эту деятельность. Оно есть и слово, и сущность, есть исторически первый человеческий разум, *сущность* вещей и речи, *вещь и вещьание*, исторически первичный образ глобального сознания.

Если неразвитая техника как правило воспроизводит какой-нибудь процесс или орган, то мифологическое воззрение воспроизводит всеобщее содержание, но, как говорилось, в отраженном свете базовых противоположностей. Развитое орудие по своей структуре не имеет ничего общего с действительностью. Но оно по своей *функции* выражает и отражает наиболее глубинные и сущностные свойства самой действительности. «Орудие — это такое средство, которое в своей структуре моделирует, воспроизводит всеобщее содержание самой действительности»¹⁹⁰. Поэтому оно открывает человеку сущность вещей именно в *отражен-*

---

¹⁹⁰ Марева С. Н. Соотношение мышления и речи у Л. С. Выготского и Э. В. Ильенкова // Историко-философский альманах. М., 2007. Вып. 2. С. 293.

ном свете, за пределами непосредственного чувственного восприятия. Можно утверждать, что мифологическое сознание есть продолжение внешней предметной деятельности, но *иными* средствами. Мифологическое сознание было *воображаемым* производством в отличие от производства *реального*. В нем человек уже на ступеньку выше поднимается над эмпирической действительностью так, что в нем первоначальная действительность может меняться до неузнаваемости — нашим воображением. Мифология как образ глобального сознания проявляется в том, что люди, объединенные трудом, общим практическим делом, даже если у них нет общего языка, вполне понимают (мифы) друг друга лучше, чем если бы у них был общий язык, но не было бы «общего дела», трудовой деятельности.

В начале в истории людей окультуренный слой был «исчезающе тонким», но именно на этой основе родилось мифологическое мировоззрение — в качестве духовного аналога наложения базисных противоположностей — в отличие от непосредственно-чувственного психического отражения животных, живущих в «своей» экологической нише. Напротив, сегодня этот слой настолько велик, настолько плотно окружает, скажем, ребенка с момента его рождения, что тот долгое время вообще не подозревает о существовании природного мира, а значит, и природного света, его освещения «самого по себе» (как света самого Солнца). И только в итоге сложного духовного развития и образования, часто уже в школе, ребенок придет к уяснению факта самостоятельного существования природы и ее «света», в котором каждая природная вещь высвечивает свою природную, первичную сущность.

Прототипом мифологического было орудие труда как первая *мера* всего существующего. Но мифологическое, как уже сказано, было *воображаемым* производством в отличие от производства *реального*. Для мифологического «производства», которое не отражает объективный мир *гносеологически*, но «преодолеывает, подчиняет и преобразовывает силы природы» «в воображении и при помощи воображения» (К. Маркс), «*осуществимо* (непосредственно в трудовой деятельности. — М. П.) *все неосуществимое, достижимо все недостижимое, выполнимо все невыполнимое*, ибо миром чудесного управляет абсолютная сила

и свобода творческого желания как первое и последнее основание для любого следствия, как первоисточник, порождающий из себя причины всех действий, всех чудес»¹⁹¹. Очевидно, например, что мифологические персонажи щуки или серого волка в сказках суть символы орудий или символические орудия, посредством которых человек реализует свои желания, получая вождеденные чудеса, разумеется в сфере мифологического производства-воображения. Как орудие увеличивает и расширяет силы и способности человека труда, так увеличивают их мифологическое сознание, его персонажи, увеличивают в сфере мифологического воображения и с помощью воображения, создающего эти символические орудия, оснащающие человека в мире чудесного, позволяя достигать недостижимого в трудовой деятельности, будучи направляемыми силой и свободой желания, безотносительной к реальному производству. Таким образом, в мифологическом сознании способности человека намного превышают его реальные силы и возможности. Понятно, что объективные характеристики явлений оказываются вне поля зрения. Например, даже звездное небо становится предметом внимания первобытного субъекта лишь там, где оно превращено в часы, компас, календарь и т. п. В этом состоит узость исторически первого образа глобального сознания. И в ней заключается его обреченность, преходящность, необходимость пойти путем анализа, расчленения базисных противоположностей и их дальнейшего противопоставления, чтобы получить более адекватные образы мира в его объективности и самого человека.

Первый шаг в этом направлении был сделан религией, которая начинает с «у(раз)двоения» мира на объективное и субъективное и на другие базисные противоположности, на что указывает, например, Х. Ортега-и-Гассет. Если философское мировидение, согласно Ортеге, вырабатывается человеком посюсторонним, укорененным в бытии, в естественном (калька с древнегреческого «фюзис», с латыни — «натура». — М. П.), уверенным в своих способностях, в силе своего разума, в познаваемости мира, то религи-

---

¹⁹¹ Кузнецов В. Н. Проблема значения понятий «материалисты и материализм» в новоевропейской философии XVII—XVIII веков // Историко-философский альманах. М., 2007. Вып. 2. С. 46—47.

озное сознание предполагает иного, «отчаявшегося человека», создающего «ничтожность или неполноту своей жизни самой по себе», который «начинает испытывать потребность опереться на иную — прочную — экзистенцию и реальность. Эта иная жизнь раскрывается, — продолжает Ортега, — диалектически как четкая противоположность нашей жизни, той, которая у нас есть и которую мы ведем. Иная реальность воспринимается через атрибуты, прямо противоположные природной человеческой реальности: у нее нет начала и конца, она вневременна и вечна, она есть условие самой себя, она всесильна т. п. Одним словом, эта реальность есть Бог»¹⁹². В итоге появляются представления о боге, Высшем Разуме, *господствующем* Субъекте, Сверхъестественном, Потустороннем, Трансцендентном Боге (S), и человеке, *подчиненном* существу, *ничто-жном* «самом по себе» (s), с надеждой взирающим на Бога. Будучи антиподом мифологии, религия умаляет человека и его способности. Не дает она и адекватного представления о мире. Причиной тому является сохранение мифологического компонента в самом ядре религиозных представлений о Боге. В этом заключается внутренняя противоречивость религиозного как глобального образа сознания, ведущая к вытеснению религии и утверждению философского образа. Как показал Л. Фейербах, религиозное мировоззрение светит отраженным светом, в нем «светится» сам человек, тем самым он раскрыл антропологическое содержание в религиозном сознании. С одной стороны, Бог предстает как Высший разум, наделенный признаками объективного существа, не зависящего от человека и его сознания. С другой стороны, обнаруживается его антропоморфность. Тут возможно двоякое объяснение: согласно верующим, Бог создает человека по своему образу и подобию, согласно неверующим, человек создал божий образ по своей мерке, списав его образ с самого себя и со своей сущности. На антропоморфность богов (у Гомера и Гесиода, эфипов и т. д.) уже в древности указал Ксенофан, характеризуя ее как нелепость, а также демифологизируя природные явления, в которых «отсвечивает» человеческое воображение и недостает объективности. Отказ от трактовки бога по меркам человеческого вел к необходимости

---

¹⁹² Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 358.

замены Бога (как фундамента глобального образа человеческого сознания) на Космос. Мифологический компонент сохраняется в религии также в приоритете воображения над разумом, на что указывал Ф. Бэкон: «Милосердие божие использует движения фантазии как орудие просветления, точно также как оно использует движения воли в качестве орудия добродетели. Именно поэтому религия всегда искала себе путь и к человеческому уму прежде всего через сравнения, образы, притчи, видения, сны»¹⁹³.

Будучи вероучением о «господстве и подчинении», религия появляется на основе возникающих в мире людей отношений господства и подчинения. Если мифологическое сознание как исторически первый образ глобального сознания возникает вместе с появлением человека, если этот образ присутствует во всех произведениях устного народного творчества первобытных людей, то религия возникает лишь по окончании первобытной истории, возникая вместе с переходом ко «вторичной формации» (рабовладение, феодализм, капитализм), будучи глобальным образом сознания, характерного для классового общества, для борьбы классов. Чтобы эта борьба «не пожрала» ни их, ни общество, в нем возникает не только государство, но и религиозное сознание. Вместе они «умеряют» столкновение классов, держат их в границах «порядка», в новых условиях человеческого общежития. Государство пользуется для этого институтами «силовых ведомств», прибегая к насилию и власти, религиозное сознание прибегает с этой же целью к «убеждению» (Г. Гегель), оправдывая социальное неравенство людей, но и «умеряя» его степень, чтобы оно не было чрезмерно разрушительным; например, призывая к милосердию и т. п.

Религиозное сознание не признает богов мифологического сознания и потому именуется «язычеством»: в них нет ничего сверхъестественного, они — продукт человеческого воображения. Об этом пишет, например, Арнобий, согласно которому, мифологические боги «язычников» на самом деле богами не являются: *только* христиане чтут *истинного* (сверхъестественного — М. П.) Бога, а языческие боги «нечто совершенно другое и должны быть отделяемы от понятия этого имени и могущества; такова сущность

---

¹⁹³ Бэкон Ф. Сочинения. М., 1971. Т. 1. С. 292.

дела, пункт, вокруг которого все вращается», «основной вопрос», разделяющий истинную религию от язычества¹⁹⁴. Относя к продуктам человеческой фантазии, связанные с ними *чудеса*, по его словам, демонстрируют «вполне естественный характер», а не способ деятельности *сверхъестественного* Начала.

Религия пыталась преодолеть мифологический синкретизм, но сохранила его в самом «ядре», в представлениях о Боге. И она преодолевается философским мировоззрением, которое начинает с вопроса о том, действительно ли мир (и человек) созданы Богом, или мир был, есть и всегда будет существующим самостоятельно и порождающим человека в ходе вполне естественных, а не сверхъестественных процессов. Это противопоставление выставляет, например, в своем фрагменте о Мире-Космосе Гераклит, который прямо (на «началах» материализма и диалектики) заявляет, что Космос, один и тот же для всего существующего, не создан никем ни из людей, ни из богов.

Таким образом, философское (а за ним и научное) мышление по отношению к базисным противоположностям подходит аналитически, расчленяет и, далее, анализируя, противопоставляет их друг другу. Это открывает возможность поставить вопрос о «первичности-вторичности» с точки зрения «фундамента», оснований бытия, за которыми уже нет ничего более глубоко «упрятанного» в мире — чтобы исследовать их порознь, и, далее, выявить возможные пути синтеза, объединения их в едином мире, на основе отношения доминирования-подчинения. Так в философии возникает основной вопрос, при постановке и решении которого производится анализ и синтез базисных противоположностей. Он явился закономерным продуктом эволюции исторических образов глобального сознания, имея по отношению к философскому образу глобального сознания интерналистские и экстерналистские основания. Он был призван внести ясность в понимание того общего освещения, в котором каждая вещь высвечивает свою сущность, или получает сущность, попадая в это освещение — в отличие от освещения отраженным светом, как в мифологии и религии. Отраженное освещение сохранил, например, Г. Гегель, у которого природа рассматривалась как инобытие

---

¹⁹⁴ *Арнобий*. Против язычников. СПб., 2008. С. 360—361.

Абсолютной Идеи, которая отпускает себя «в свое Иное», творя Природу, в которой поэтому «светится» Идея.

Этот недостаток идеалистических представлений был преодолен Л. Фейербахом, отбросившим представление о сотворении природы Высшим разумом как выдумку идеалиста, заставляющего природу светить отраженным светом идеи, отчужденной от человека и его сознания. К. Маркс приветствовал поступок Л. Фейербаха как восстановление учения о бытии против его мистификации Г. Гегелем. Вслед за Л. Фейербахом он отбросил идеалистический принцип, заявив, «Все мы стали фейербахианцами».

Однако противопоставив свое учение учению Г. Гегеля, Л. Фейербах, как показал Ф. Энгельс, не ввел понятий «материализм» и «идеализм», *антитетичных* по отношению к понятиям «идеалисты» и «идеализм»¹⁹⁵, что принципиально важно, показал В. Н. Кузнецов, «для понимания сути главных философских конфронтаций»¹⁹⁶. Более того, материализм Л. Фейербаха сам оказался ограниченным «философией природы», а при трактовке человеческой истории как отличной от природы высшей сферы бытия Л. Фейербах делает это с позиций идеализма¹⁹⁷. Материалистическое объяснение истории дал К. Маркс, полагавший, что все сферы, слои бытия должны получить «последовательное» истолкование, чтобы материализм «не дополнялся» эклектически идеализмом. Это и есть требование универсальности или «анти-тетичности». Соответственно этому требованию В. И. Ленин впервые дал философское определение материи, интерпретируя его как центральное понятие философского материализма (а не той или иной конкретной науки), учитывающее *универсальную* противоположность, прежде всего, онтологическую и гносеологическую, «главных *философских* конфронтаций».

Судя по содержанию работы Ф. Энгельса о Л. Фейербахе логично предположить, что в ее название он вставил термин «клас-

¹⁹⁵ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1967. С. 23—26.

¹⁹⁶ Кузнецов В. Н. Проблема значения понятий «материалисты и материализм» в новоевропейской философии XVII—XVIII веков // Историко-философский альманах. М., 2007. Вып. 2. С. 55.

¹⁹⁷ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С. 27—35.

сической» (не ограничиваясь термином «немецкой») именно для того, чтобы подчеркнуть, что закончилось время эклектического сочетания материализма и идеализма, что пришло время универсальной противоположности главных философских направлений, пришло время материализма, не «сражаемого» идеализмом, ибо такой материализм дает в тенденции или в конечном счете адекватное понимание бытия, тогда как идеализм, объективный и субъективный, в своем принципе опирается на представление об «Иной реальности», отчуждаемой от человека и его сознания.

Однако в классический период идеализм в конкретном учении того или иного мыслителя, выступая противоположностью материализма, как правило «не обнаруживается в чистом виде», а дополняется элементами материализма. Это обстоятельство привлекло внимание А. Ф. Лосева, который демонстрирует его на примере учения Платона. Он пишет, что «фактическую историю делают не столько принципы, сколько их реализация». С учетом этого «мы находим у него (Платона. — М. П.) в разных местах тенденцию представлять себе идеи в виде абстрактных сущностей вещей, изолированных от самих вещей и для себя получающих место где-то в небесных или «занебесных» областях. Тут Аристотель, — продолжает А. Ф. Лосев, — совершенно прав: сущность вещи не может быть вне самой вещи. В целом же Платону присуще множество рассуждений, опровергающих такую изоляцию идей и требующих трактовать идеи как принципы движения самих вещей, находящиеся в сфере самих вещей (Parm. 129a — 125b)». И далее: «...платоновский идеализм как бы в нем ни проповедовался примат идеи над материей, несомненно, отличался таким характером, что в самих-то идеях в силу их содержания никак не могли отсутствовать разного рода материалистические элементы»¹⁹⁸. О том же «дополнении» пишет в упомянутой статье В. Н. Кузнецов, анализируя значения понятий «материалисты» и «материализм» в новоевропейской философии XVII—XVIII веков, т. е. в период до классической немецкой философии, показывая, как стремления к выработке универсального противостояния *принципов* материализма и идеализма, так и фактическое

---

¹⁹⁸ Лосев А. Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. М., 1979.

смещение идеализма с моментами материализма в учениях конкретных мыслителей и школ. Впрочем, нечто подобное мы наблюдаем и в конкретных учениях материалистов.

Такой история философской мысли была до К. Маркса, который поставил для себя задачу преодолеть «непоследовательность», «эклектику», чтобы полностью, *последовательно* реализовать принцип материализма, выйти к «антитетичности» «материалистов» и «материализма» в противоположность «идеалистам» и «идеализму». Поэтому он разработал материалистическое объяснение человеческой истории. Позже на этот путь «антитетичности» вступил и идеализм, особенно в лице постмодернистской философской школы, а в постсоветской России мы вновь наблюдаем попытки вернуться к взаимному дополнению материализма и идеализма, к возведению «эклектики» и «синкретизма» в «норму», в «принцип». Доказательство правомерности такого тренда его сторонники видят в том, что на этом пути философия выходила к обнаружению и решению ряда своих проблем¹⁹⁹. Что это было в прошлом игнорируется.

Таким образом, специфика философского мировоззрения детерминируется постановкой и решением основного вопроса философии: какое «первичное» начало, сущность, субстанция определяет природу мировых явлений. Философы разделились на «материалистов» и «идеалистов». Первые считают мир материальным, физическим, объективным, существующим независимо от «вторичного» — идеального, психического, субъективного и т. п., которое идеалисты отрывают от человека и признают эту фантазийную, или «иную реальность» за первичное. Существует и «третья линия», сторонники которой соединяли их, а их противники называли такой подход эклектикой.

До сих пор люди опираются на *различные* представления и проистекающие из них средства и методы мышления и деятельности, на разные глобальные образы сознания. В заключение отметим, что *всякое* представление, если оно *действительно*, принадлежит не только человеческой голове субъекта, а *в(ы)ходит* в объективное существование, становится его *достоянием*. Через

---

¹⁹⁹ Микешина Л. А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология & философия науки. 2013. Т. XXXVIII. № 4.

деятельность верующего представления о сверхъестественном становятся вполне реальным участником земных процессов. Атеисты, отрицая существование Бога, признавая *лишь* веру в Него, должны учитывать, что верующий поступает так, *как если бы* Бог существовал — вне зависимости от того, существует тот или нет. Уже в древности Молох, Аполлон Дельфийский, другие боги обладали действительной силой в жизни греков, поскольку те *верили* в них и действовали в соответствии с этими мифами. То же следует сказать о современных христианах, верующих других конфессий, как и о сторонниках постмодернистских взглядов, современных идеалистах, возводящих в абсолют не человеческий, а «искусственный разум». Это значит, что в настоящее время конфронтация основных образов глобального сознания происходит не (с)только в сфере теоретической, но перетекает в сферу практической деятельности, что, следовательно, их борьба детерминирует будущее человечества.

Особенно это характерно для Земли XX и XXI веков, когда возникла концепция ноосферы, фиксирующая качественный рост человеческой деятельности как новой геологической силы. Если бы некто на протяжении многих столетий следил за нашей планетой, обладая для этого соответствующими средствами наблюдения, то в XX веке он заметил бы то, «чего раньше никогда не наблюдалось», «проблески разумности» (впрочем, и неразумности тоже!), «развитой жизни», а «количество признаков "человечинки" возрастает до непомерности»²⁰⁰. Земля превратилась в «человеко-размерную систему», в которой стало заметно влияние человека; входящее в нее человеческое мышление и основанное на нем действие включаются в нее, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. Этим и объясняются «проблески разумности», как и неразумности. Как известно, В. И. Вернадский указал на контраст подлинной ноосферы с фашистской политикой: последняя ведет человека и общество к исчезновению; ноосферная культура обеспечивает выживание и восходящее развитие. Эта полярность есть критерий их разграничения, уходящий корнями в противоречивость развития бытия как их онтологическое основание. Культу-

---

²⁰⁰ Миллер М. А. Мир, в котором нас поселили... // Поиск-НН. 2011. № 1 (28). С. 19.

ра порождается прогрессом, наследует ему и пролонгирует его существование в мире, в котором она возникает и эволюционирует; антикультура, напротив, наследует деградиционные процессы, которые ее порождают, и пролонгирует их, опираясь на неадекватные представления о мире и месте в нем человека.

**Глобальное сознание:
религиогемы цифрового мультиверсума²⁰¹**

Net-мультиверсум глобального сознания. В настоящее время можно констатировать, что религиогемы современного глобального сознания формируются не в последнюю очередь благодаря влиянию фактора масс-медиа и коммуникационных технологий. Вектором этого процесса может являться ноосферный, экологический, духовный порядок в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта. Интерпретация компьютерной революции как одной из ведущих тенденций формирования глобального сознания актуализирует доминирующие сегодня сценарии постмодернистской глобализации, обращая себе на службу все более мощный аппарат масс-медиа, компьютерных симуляций и политических технологий.

Воздействие информационных технологий на формирование глобального сознания задается экзистенциальными императивами: «Если тебя нет в Интернете — ты не существуешь» (Б. Гейтс), «Подключись, иначе погибнешь» (аксиома веб-серфинга). В этом контексте «реальность — это галлюцинация, вызванная отсутствием Интернета»²⁰². Как следствие, происходит медиатизация религии: по словам теоретика «информационного общества» М. Кастельса, виртуальная реальность модифицируется в реальную виртуальность. Здесь вспоминается и постмодернистское изречение «мир — это текст» и заявление депутата Европарламента Дж. Къезе: «Культура изменила свое имя — теперь ее зовут информация»²⁰³.

---

²⁰¹ © Добродум О. В., 2016

²⁰² Анекдоты из России [Электронный ресурс].

²⁰³ Цит. по: *Сайберов В.* Светлое электронное прошлое // Независимая газета [Электронный ресурс].

Всемирная сеть — инфогалактика и нетомультиверсум, планетарный банк данных и глобальный справочник — знаменует век информатизации, эпоху «конца истории» и «конфликта цивилизаций», эру «высоких технологий» (high-tech), веку, когда визуальный человек превращается в электронного человека. Мир подвергается информационной глобализации, CNN-изации, микрочипизации, глобальной роботизации и повсеместному компьютерингу, а Интернет становится подобен ноосфере и порой предстает как новая глобальная религия, имеющая своих последователей почти в половине жителей Земного шара.

Релятивизируя континуум пространственно-временного мира, глобальная паутина пренебрегает такими непреодолимыми преградами, как государственные границы, языковые барьеры, стратификационные идентификации, что может стать причиной признания виртуального мира как лучшего из возможных миров и выстраивания параллелей между high-tech, ноосферой и глобальным сознанием. Благодаря Интернету и переходу многих СМИ в цифровой формат происходит как бы удвоение мира техническими средствами. В этом контексте интересно вспомнить идею Пифагора о Боге-Творце как безупречном геометре и о математико-подобном характере мироустройства; представление Конфуция о том, что знаки и символы управляют миром, убеждение Гёте, который, уточняя идею соответствий числа и меры, отмечал, что числа показывают, как управляется мир, отражая сущность вещей через связность их отношений.

Киберпространство определяет коллективное сознание, формируя такие стили, как cyberpunk в литературе, hi-tech в архитектуре и интерьере, techno в музыке, субкультуры оптимистических рэйверов и пессимистических киберготов, задаёт особую культуру мышления: лаконичную и политкорректную²⁰⁴. Осмысливая философские (пред)посылки формирования глобального сознания, исследователь дигитализации реальности Р. С. Мартынов отмечает факт появления машинного измерения мира, обращает внимание на воплощение идеи технократического сознания, технософии, при которой технология становится

---

²⁰⁴ *Иваненко А.* Текстология киберпространства [Электронный ресурс].

нашим сознанием и сакрализуется²⁰⁵. Информациолог О. А. Сотникова констатирует факт появления религиозной информационно-коммуникационной картины мира, ведет речь об информации как эффективном оружии, о коммуникации без начала и конца, о виртуализации как философии человека²⁰⁶. Радикальный анализ фиксирует попытки заменить человека текстом²⁰⁷.

Всемирная сеть Интернет служит основой развития «информационного общества», воплощения «информационных прав человека». В связи с этим Э. Смеричевский полагает, что система «человек — человек» вытесняется системой «человек — машина — человек», происходит инфоноосферогенезис цивилизаций и народов²⁰⁸. И. В. Девтеров анализирует позицию, где виртуализация проявляется во «всемирности» человеческого сознания, всепричастности пользователя к любым процессам в государстве, стирании геополитических и этнорелигиозных границ, приобщении к миру «кнопочной веры»²⁰⁹. Среди тенденций «религиозного Интернета» называются конструирование «электронного сакрального», понимание Абсолюта как информационного поля. Так, Б. Гройс отмечает, что религия все более распространяется при помощи видео- и цифровой техники, которая несет в себе нечто сакральное²¹⁰; священные тексты становятся электронными.

WWW как «божественная среда». Интернет предстает как дар Града света на холме [Матф. 5:14], «Помазанницы Божьей», «мессии-Америки» человечеству и, следовательно, как центр формирования глобального сознания. Как «жрецы» Глобальной паутины предстают В. Серф и Р. Канн, Т. Бернерс-

²⁰⁵ *Мартинов Р. С.* Феномен технократичної свідомості в соціально-філософському вимірі: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Донецьк, 2006.

²⁰⁶ *Сотникова О. А.* Игра и коммуникация в социальной виртуальной реальности: дис. ... канд. филос. наук. Харьков, 2005.

²⁰⁷ *McLuhan M.* The Medium is the Massage: An Inventory of Effects with Quentin Fiore, produced by Jerome Agel. N.Y., 2001.

²⁰⁸ *Смеричевский Э. Ф.* Информационная цивилизация: проблема виртуальной реальности в общественном развитии: дис. ... канд. филос. наук. Донецьк, 2002. С. 95, 160.

²⁰⁹ *Девтеров И. В.* Философский анализ феномена интерактивной научной деятельности в Internet (феноменологический, эвристический и прагматический аспекты): дис. ... канд. филос. наук. Київ, 2000. С. 121.

²¹⁰ *Гройс Б.* Религия в эпоху дигитальной репродукции [Электронный ресурс].

Ли и основатель компании «Microsoft» Б. Гейтс. Кредо виртуальных технологий звучит следующим образом: «то, что не показали по ТВ, не существует» — потому информационная гегемония приобретает значение решающего «ноосферного оружия»²¹¹.

Осуществляется конструирование параллельной религиозной и политической институциональности. Виртуализация сознания находит свое отражение в распространении форм культуры, связанных с эскапизмом, будь то «параллельные миры», «альтернативные реальности», воображаемое прошлое или фантастические представления о культурах экзотических народов.

Дают о себе знать также либеральные и консервативные проблемы алибизации и стигматизации технологий: с одной стороны, виртуализация знаменует новое восприятие мира как такового — «новое небо» и «новая земля» [Откр. 21:1]. В этом случае Бог предстает как автор технологий, пребывая в Интернете больше, чем везде, и творя сакральное киберпространство, а Глобальная сеть воспринимается как миссионерская территория, матрица значений и смыслов. В свою очередь, медиа — прообраз Создателя-Демииурга — создают невидимую религиозную организацию со сверхъестественными силами и богами, творящую реальность и нас.

Машина предстает подобием Бога, в научной фантастике ведутся дискуссии о душе машины и техногенном разуме Сети. У католического теолога П. Тейяра де Шардена в книге «Божественная Среда» описана точка «Омега». Интернет тоже можно сравнить с некой божественной средой, в которой путешественники в WWW пытаются эту точку «Омега» найти. Тот же П. Тейяра де Шарден отмечал: «Ноосфера стремится стать одной замкнутой системой, где каждый отдельный элемент видит, чувствует, страдает точно так же, как все другие, и вместе с ними»²¹². Эта система применима для синхронизации у взаимодействующих субъектов процессов перцептивной, мотивационной, ментальной и эмоциональной регуляции деятельности.

---

²¹¹ Василенко И. А. Образ России в виртуальном диалоге культур // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. 2008. № 3. С. 8

²¹² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 199.

Киберпространство предстает, с одной стороны, как икона нашего времени, глобальная религия, своеобразный глобальный Храм информации, поскольку масштаб происходящего стал слишком велик для оффлайновых СМИ²¹³. С другой стороны, один из создателей Всемирной Сети Т. Бернерс-Ли считал, что его детище может вскоре оказаться в руках у сил Зла, имея в виду контроль, цензуру, манипуляционное воздействие мультимедийных технологий на сознание пользователей²¹⁴.

«Электронными оптимистами» можно назвать индивидов, эйфорически оценивающих роль ИТ в жизни мирового сообщества, визионеров масштабных футуристических проектов и алгоритмов реализации технотронного рая. Среди их аргументов значимости виртуализации в развитии человечества: появление микропроцессорных средств и новейших носителей информации как революции (наряду с изобретением языка, письменности, книгопечатания, созданием электронных СМИ), концептуальное представление А. Тоффлером модели человеческого существования как «электронного коттеджа», «глобальной веб-цивилизации», возрастающая роль Глобальной паутины в качестве религиозного института, интернетизация сознания, новая идентичность пользователя («Netizen» и «Homo computerus»), создание кибергородов и смарт-сообществ...

Й. Масуда обращает внимание на факты компьютерного эскапизма, техногенного Апокалипсиса, ухода человека в виртуальную реальность, актуализации «Homo Faber» и техносферы, полагая, что технотронная революция будет материальной базой расширения индивидуального сознания до глобальных масштабов. Ученый также говорит о неоренессансе и о возрождении теологического синергизма человека и Бога, о формировании в системе «человек — машина» киберкультуры²¹⁵. Психолог С. Выгонский определяет виртуальную реальность как массовую галлюцинацию в контексте того, что ИТ делают возможным манипуляцию общественным сознанием²¹⁶.

---

²¹³ Радьяр Д. Планетаризация сознания. М., 1995.

²¹⁴ Беккария Г. Создатель Интернета: «Web грозит коллапс» [Электронный ресурс].

²¹⁵ Масуда И. Комп'ютологія // Філософська і соціологічна думка. 1993. № 6.

²¹⁶ Выгонский С. И. Виртуальная реальность как массовая галлюцинация [Электронный ресурс].

Как сторонники теорий «информационного общества» предстают технофильски и технофобски ориентированными, так и рядовые пользователи воспринимают киберпространство в достаточно амбивалентных коннотациях — от оптимистических до пессимистических, от обожествляющих до демонизирующих, а Интернет уподобляется орудию ангелов и демонов, божественных и inferнальных сил, рая и ада. Религиозный Интернет развивается все более интенсивно: конструируется компьютерный язык, распространяется феномен флэшмоба, а Всемирная сеть воспринимается как прообраз и модель ноосферы.

Пришествие «человека кликающего» предвещает эпоху, когда биотехнологии соединятся с информационными для слияния сознания и искусственного интеллекта, в которой жизнь человека станет исключительно информационной, появится сверхчеловеческий интеллект и будет достигнуто цифровое бессмертие. Так, сайт lifonaut.com предлагает создать резервную копию себя, существует проект «личный геном» на сайте personalgenomes.org, а общественное движение «Россия 2045» [www.2045.ru] ставит конечной целью создание искусственного тела человека, а промежуточными — получение искусственных органов, разработку способов продления жизни. Подобные сингулярные и технофутурологические рефлексии нормальны для современных людей. Так, среди опрошенных американцев 81 % полагают, что компьютеры начнут разговаривать так же, как люди; 42 % верят, что ученые будут сканировать человеческий мозг и читать мысли²¹⁷. Высказываются предположения, что к 2030 году настанет эра постчеловека и трансгуманизма, произойдет интеграция оффлайна с онлайн, настольных игр с компьютерными, человека и техники, мозга и биотехнологий, нейронов и микросхем. Распространенными темами научного дискурса здесь являются технологическая сингулярность, генная инженерия, симбиоз разных форм интеллекта, робототехника и другие.

В ситуации постмодернизма религия некоторым образом перемещается в Матрицу, а великий либерально-гуманистический проект предстает исчерпанным. Концептуаль-

---

²¹⁷ Американцы боятся скорого начала третьей мировой войны и ждут Второго пришествия Христа — опрос // *Interfax-Religion* [Электронный ресурс].

ная посылка, позволяющая назвать распространение IT революцией, состоит в том, что эти технологии впервые сделали наиболее выгодным видом коммерческой деятельности превращение не мертвой материи, а живого человеческого сознания.

Современный цифровой экуменизм. Экуменизм, модернистское богословие и харизматическое движение подготавливают почву для включения христианства в оболочку нового религиозного сознания. Становится заметным движение, готовое взять на себя задачу глобального религиозного синтеза — «New Age». Многие западные исследователи (например, А. Тойнби, М. Медоуз, Т. Роззак, О. Хаксли) видят в заимствовании западной цивилизацией восточных моделей мировосприятия средство выхода из некоторых ее тупиков. К мысли о необходимости интеграции христианских и восточных религиозных традиций приходят К. Ясперс, считающий, что религия будущего должна основываться на «библейско-восточной религии», вобравшей в себя все ценное из индийских и китайских верований; Т. Мертон — проповедник дзэн-католического синтеза; Х. Кокс, призывающий «вернуться к Востоку» и многие другие. Провозглашается, что настало время отказаться от западного провинциализма в религиозной сфере, обогатиться религиозным опытом Востока²¹⁸. В перепрограммированной после завершения победоносной информационной революции Америке на экраны мира вышла кинотрилогия «Матрица», призванная выполнить ту роль, которую раньше играли священные тексты от Библии до «Дао-дэ-Цзина», от Торы до «Алмазной скрижали»²¹⁹.

Опосредованных взаимосвязей информационных технологий с процессом формирования глобального сознания довольно много. Так, в Докладе Института национальной стратегии РФ отмечается возрастающая роль массовой культуры, «вселенской церковью» которой становится Голливуд, а краеугольным камнем выступает блокбастер «Матрица» с буддийской темой иллюзорности мира и смутным воспоминанием об умершем монотеистическом Боге-творце, который напоследок запустил некий дзенский сверхкомпьютер виртуальной

---

²¹⁸ Мчедлов М. Великое переселение религий // Религия и СМИ [Электронный ресурс].

²¹⁹ Калашников М., Кузусев С. Зачем перекодировали США? [Электронный ресурс].

реальности, тайно захвативший и полностью контролирующий ни о чем не ведающих людей, являясь сущностной иллюстрацией генеалогии и действительного содержания постмодерна. В иллюзорной реальности «Матрицы» буддизм стал чистой цифровой технологией²²⁰. Интересно в этой связи, что Далай-лама отнесся неожиданно позитивно к идее загрузки сознания в компьютер, отметив, что идея компьютерного «аплодинга» сознания близка буддистской концепции реинкарнации²²¹.

Относительно нерелигиозными являются взгляды сторонников религии дигитализма, чьи основные положения совпадают с сюжетом «Матрицы»: наш мир — убедительный электронный мираж, интерактивная компьютерная программа, Армагеддон случится лишь в нашем сознании, интегрированном в компьютерную программу, мы не исчезнем, а просто вернемся в изначальную реальность. «Церковь Вируса» определяет себя «неокибернетической философией XXI века», «синтезом религии и эволюции» и «атеистической религией»²²². Можно упомянуть и учение российского ученого В. Карелина, заявляющего о существовании «биокомпьютера-ноосферы-Премудрости» как некой живой, разумной сущности — информационной оболочке Земли, которая исполняет указания Бога²²³.

Дискурс взаимосвязи техники и религии осуществляется многими мыслителями. И отношения между этими двумя сферами небеспроблемны: так, например, «New Age» отчасти наследует характерное для контркультуры негативное отношение к технике, однако среди современных нью-эйджеров более популярной является идея синтеза западной технологии и восточной техники изменения сознания. Техника предстает фактором консолидации мира в единую информационную систему. Само мышление «New Age» обнаруживает склонность к компьютерным аналогиям: к примеру, американский психоаналитик Дж. Лилли, обсуж-

---

²²⁰ Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации Доклад Института национальной стратегии [Электронный ресурс].

²²¹ Редактор ИноСМИ.Ru о будущем Рунета // BBC Russian [Электронный ресурс].

²²² Эм С. Deus ex Matrix: религии и культы Эры Интернета [Электронный ресурс].

²²³ Степаненко М. Бесовщина в биокомпьютерной интерпретации [Электронный ресурс].

дая вопросы программирования и метапрограммирования человеческого биокомпьютера, выделяет два образа Космоса — сознательное живое существо и космический компьютер²²⁴.

Характерное для сознания «New Age» отрицание уникальности личного «я» приравнивает человека к духовному механизму, именно компьютерные сети якобы будут использованы для объединения индивидуальных душ в единый общепланетарный Мега-разум. Нельзя сказать, что христианские проповедники не в состоянии приспособиться к средствам телекоммуникации — американский футуролог Дж. Нэсбит отмечает их способность сочетать библейские доктрины с ультрасовременной техникой вещания²²⁵, об этом свидетельствует и популярность телепроповедников.

Высказываются концептуальные представления, согласно которым религиозные движения «New Age» особенно легко выразимы мультимедийным и компьютерным языком и по причине этого преуспевают в Глобальной паутине еще на заре информационной эры. Данному онлайн-овому «триумфу» Нового религиозного движения (New Religious Movement — NRM) способствует радикализация богословского дискурса и одновременно размытость доктрин во Всемирной сети Интернет. Формируется новое религиозное планетарное сознание, коннотированное религиозным синкретизмом и идеологией «New Age». Информационная глобализация существенно влияет на онтологические основания и метафизические универсалии современных цивилизаций.

М. Маклюэн рассматривает СМИ как базис, порождающий сознание, соединяющее особенности мифологического и рационального мышления; ТВ оказывает глубокое воздействие на сознание человека, делая все более восприимчивым к «New Age». Сеансы экстрасенсов В. Кашпировского и А. Чумака в России убедительно продемонстрировали, что гипнотическое и оккультное влияние может передаваться через каналы телевидения. По мнению астролога Т. Глобы, развитие телевидения находится под влиянием оккультных сил, в частности планеты Уран, и с 1996 го-

---

²²⁴ *Lilly J. C. Programming and Metaprogramming in the Human Biocomputer: Theory and Experiments.* N. Y., 1987.

²²⁵ *Naisbit J., Aburden P. Megatrends 2000: Ten new directions for the 1990's.* N. Y., 1990.

да, когда Уран вступил в знак Водолея, они пережили революционный скачок и сыграли важную роль в установлении новой эры.

Б. Крим пишет, что Спаситель в момент своего воцарения телепатически обратится ко всем жителям планеты и внезапно появится на экранах всех телевизоров — это заставляет христиан вспомнить место из Апокалипсиса, гласящее, что лжепророку дано будет «вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал» [Откр. 13:15].

Американский социолог А. Зурхер отмечает, что научно-техническая религия соответствует нехристианскому типу религиозного сознания, обозначая его термином «океаническое Я» и определяя как сознание, основанное на абстрактных идеях и мистицизме; «океаническому Я» когерентен технический базис современного общества и духовная ситуация эпохи в целом²²⁶.

Номо informaticus как глобальный пантеист: «между ангелом и бесом». Формирование виртуальной реальности, многочисленные субкультуры, природой которых становится существование в формате вымышленных миров или вымышленного прошлого, религиозные культы по мотивам художественных произведений и движения, конструирующие виртуальные симулякры экзотических культур, создают ситуацию, когда нивелируется антураж, на котором построена виртуальная резервация, будь то Средиземье Толкиена и Светлорусь неоязычников, виртуальность современных компьютерных игр и психоделика хиппи или кастанедианцев.

Если сравнить особенности нетрадиционной религиозности с особенностями потребления информации «homo informaticus», можно обнаружить много общего: религиозная жизнь в них все более удаляется от общих догматических оснований и становится все более субъективной, не столько конкретной рациональной целью, сколько средством достичь пик-переживания (в терминологии А. Маслоу). Похоже на то, что глобальное (планетарное) сознание²²⁷ — это не христианское сознание, это глобальный пантеизм.

СМИ, в частности, голливудский кинематограф, способствуют внедрению в сознание людей идей оккультизма, астрологии, спиритизма, экстрасенсорики через кинофильмы, популяр-

²²⁶ Степаненко М. Бесовщина в биокомпьютерной интерпретации.

²²⁷ Алексеев В., Григорьев А. Религия Антихриста. Новосибирск, 1997. С. 215—218.

ные передачи «Битва экстрасенсов», «Тайные знаки» и т. д. Российское телевидение возвращается к экстрасенсам, магам, целителям (пик телеактивности магов наблюдалась в конце 1980-х — начале 1990-х годов). Детская масс-культура предлагает спектр тем от покемонов до Г. Поттера и «Ночного дозора». Передачи об НЛО, загробной жизни, привидениях и переселении душ транслируются российскими телеканалами, пользуясь популярностью: 37 % россиян проявляют интерес к сверхъестественному, треть интересуется тайнами бытия²²⁸.

Вызывающим интерес представляется суждение М. Эпштейна, утверждающего, что из СССР он эмигрировал в WWW — именно в Сети якобы воплотилась вековая мечта угнетенных масс о всемирном братстве и любви: «На смену провалившейся всемирной республике людей труда пришла республика работников ума, подключенных непосредственно друг к другу сосудами мозгового кровообращения и орудиями интеллектуального производства...»²²⁹.

Высказываются предположения, что виртуальные сообщества, открытые исходники и социальные порталы являются предвестниками нового социализма, еще не виданного в истории, а Интернет может представлять как последний Интернационал, поскольку киберпространство — утопия, реализовавшаяся полностью, последняя ступень свободы, равенства и братства²³⁰. Упомянутый уже М. Эпштейн констатирует, что тоталитарность сменилась виртуальностью в процессе перехода от СССР к WWW, оба проекта были выношены одним глобалистским сознанием, которое любит абстракции и аббревиатуры. Лозунгом Всемирной сети Интернет стало: «Сознания всех стран и времен, соединяйтесь!», а история создания WWW вписывалась в историю распада СССР как ее прямое хронологическое продолжение. По пятам уходящего мира социализма наступала и занимала его место другая, потенциально более мощная система социального мышлепользования²³¹.

²²⁸ Сайберов В. Поголовное цифровое бессмертие // Независимая газета [Электронный ресурс].

²²⁹ Эпштейн М. Из тоталитарной эпохи — в виртуальную. К открытию Книги Книг // Континент. 1999. № 102.

²³⁰ Яркевич И. Смерть автора и компьютер. Интернет как последний Интернационал // Независимая газета [Электронный ресурс].

²³¹ Иеромонах Анатолий (Берестов). Число зверя. На пороге третьего тысячелетия. М., 1996.

Иеромонах Анатолий (Берестов) предостерегает об опасности компьютерного психозондирования, когда в условиях подверженности сознания информационному прессингу станет возможным внедрение компьютерного психоанализа, что может стать страшнее изобретения атомной бомбы, потому что оно было бы способно контролировать сознание, вскрывая, «анатомируя» души и меняя их «начинку»²³².

Как отмечается в докладе Института национальной стратегии РФ «Новейшее Средневековье», матрица объявила войну другому миру, еще не оцифрованному, не «вавилонизированному», создавая роскошные голливудские постановки милитаризованного технофундаментализма, прикрывающегося риторикой телепроповедников вроде Билли Грэма. Складывается религия Матрицы, постпротестантизм «смерти Бога» мутирует в разновидность парарелигиозного сознания и мессианизма политических элит, совмещенный с магией технического всемогущества²³³.

В православных масс-медиа подчеркивается, что современные достижения науки в области компьютерных технологий и мобильной связи создали условия для порабощения всех людей планеты благодаря ИНН, что ученые открыли новый язык общения — язык бесов, и демоны якобы получили возможность общаться с душой человека, «допрашивая» подсознание на языке, понятном им обоим, и человек, вживляя в себя микрочип, пускал к себе «железного беса», который будет непрестанно корректировать душу. При описании воздействия СМИ верующими иногда привлекается такая лексически окрашенная риторика, как манипуляция сознанием, язык демагогии, суггестия, контагиозность, PR, NLP, «25 кадр», «промывание мозгов» и пр. Иллюстрацией данного отношения служит высказывание С. Кара-Мурзы: «Возникает новый худший вид тоталитаризма, заменившего кнут гораздо более эффективным и антигуманным инструментом "индустриальной масскультуры", превращающей человека в программируемого робота. Как

---

²³² Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации. Доклад Института национальной стратегии [Электронный ресурс].

²³³ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2000. С. 47.

сказал немецкий философ Краус о нынешней правящей верхушке Запада "у них — пресса, у них — биржа, а теперь у них еще и наше подсознание"²³⁴.

Резко-негативное отношение к миноритарным общностям свойственно консервативно и антиглобалистски настроенным православным мыслителям. Как отмечает иеродиакон Авель (Семенов) относительно роли «New Age» в религиозной жизни начала XXI века, глобализм в его личинах — мета/над/постнациональный континуум, Новый мировой порядок — возвещает конец 2000-летнего христианства; в этом движении сплелись монизм, пантеизм, гностицизм, а наркотики, пожалуй, занимали первое место в изменении сознания людей. Идеология глобализма практически сняла с себя англоязычную маску и показала мондиализм, навязываемая же Мировым Правительством религия была связью человека с Дьяволом, будучи этапом подготовки человечества к принятию в Антихристову ложу через принятие цифрового имени — ИНН²³⁵.

По утверждению православного писателя А. Яковлева-Козырева, ратующего за «электронную противомagicескую оборону», мириады бесов через техногенно-окультурные СМИ проникли в мысленные пространства человека, занимаясь апологетикой универсальной мировой религии. И несметные сонмы прельщенных — покорные рабы «New Age» и прочих оккультно-сатанинских движений — с ликованием примут «космического властелина», «божественного гения», «Майтрейю — Христа», которого православные именуют лжемессией — Антихристом, воинствующие мондиалисты применят глобальные СМИ, Интернет, рекламу и другие системы «промывания мозгов», нанесут ряд массированных информационно-окультурных ударов²³⁶.

Вместо заключения. Таким образом, в современном мире победивших информационных технологий можно констатировать широкое распространение религиогем глобального сознания, хотя данный факт далеко не однозначно воспринимается мировой

²³⁴ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2000. С. 38.

²³⁵ Иеродиакон Авель (Семенов). ИНН, как составляющая глобализации. Отношение ИНН к печати антихриста [Электронный ресурс].

²³⁶ Яковлев-Козырев А. Электронное жало антихриста. М., 1999. С. 32—35.

общественностью. Дискуссионными аспектами формирования глобального сознания являются: информационные войны в межрелигиозном взаимодействии, конкуренция масс-медийного и религиозного дискурсов, раздваивание философской и религиозной идентичностей, конструирование религии средствами медиа, ТВ, видео, nD-кинематографа и т. п.

Феномен стремительности косвенно влияет на появление нового типа глобального сознания, сформированного визуальным пространством — ТВ, Интернетом и «новым искусством» — рекламой. Еще одним фактором активизации ноосферизации бытия является распространение феномена «умной техники» и мультимедийной революции в виде электронно-бумажных медиа (например, электронной бумаги), дигитального, интерактивного и 3D-10D-кинематографа, мобильного ТВ и триумфа блогосферы как альтернативы СМИ в XXI веке.

***Мировая лингвокультура:
ноосферогенетический дискурс***²³⁷

Ноосфера, по В. И. Вернадскому, — это сфера разума, сфера взаимодействия общества и природы, в которой определяющим фактором развития является человеческая деятельность. Ноосферное мышление по завету великих космистов начала XX века (В. И. Вернадского, Э. К. Циолковского, А. К. Горского, А. Л. Чижевского, Н. А. Бердяева, Н. Г. Холодного) должно стать мышлением XXI века. Роль языка в формировании и поддержке ноосферы нельзя недооценивать.

В проекции ноосферы по-новому выглядит понятие языковой эволюции, которая понимается нами как раскрытие познавательной свободы языка через движение к истине и нравственности. Язык служит инструментом активного единения человечества в «общем делании» (Н. Ф. Федоров). Через язык передается понимание ответственности за состояние природы в настоящем и будущем. Главной идеей ноосферы является связь человека с природой и вселенной, обеспечивающая «восходящую» (нравственно-интеллектуальную) эволюцию. Потому развитие личности напря-

---

²³⁷ © Беляцкая А. А., 2016

мую связано с раскрытием духовных основ языка. При таком видении язык обретает свое «исходное» предназначение, которое понимали выдающиеся мыслители В. Фон Гумбольдт, А. Ф. Лосев — быть духом народа, воплощать лучший культурный опыт. Необходимо закрепить за языком статус главного источника духовного восхождения и нравственной скрепы цивилизации.

Наблюдаемые сегодня серьезные сбои в эволюционно заданном пути языка к вершинам духовности, к истине и ее воплощению в нормах социального общежития связаны, на наш взгляд, с методологической недостаточностью антропоцентристской парадигмы. Антропоцентризм, ставящий интересы отдельного человека в основание социальной эволюции, оказывается неэффективен для ноосферного развития, основной идеей которого является формирования коллективного нравственного разума планеты. Некоторые современные мыслители, например, русский философ, физик и богослов В. Н. Воробьев, считают антропоцентризм, сформировавшийся к концу XX века, причиной глобального природного и экономического кризиса: «Созданный либеральным иудократическим антропоцентризмом мировой экономической кризис быстро превращается в мировой природный кризис»²³⁸.

Смена мировоззренческой парадигмы с антропоцентристской на антропокосмистскую представляется единственно возможным и необходимым условием перехода биосферы Земли в состояние ноосферы. В этом случае конечной целью человеческой деятельности становятся не материальные блага отдельного индивида, а нравственное совершенствование всего человечества. Культурно-значимые и эволюционно заданные идеи ноосферы лежат в основе методологии русского космизма XX века: гуманизм, восходящая эволюция, неразрывная связь человека с природой и вселенной, стремление к истине. Именно антропокосмистские категории формируют ноосферное сознание и одновременно выступают критериями анализа и оценки состояния языкового сознания человечества, выражаемого через языковое творчество и формирование лингвистической культуры (лингвоантропогенез).

Антропокосмизм в приложении к идее ноосферы создает аксиологически ориентированную научную парадигму и методоло-

---

²³⁸ Воробьев Вл. Антропокосмизм и антропоцентризм // Движение за возрождение отечественной науки [Электронный ресурс].

гические основания для новых направлений современной ноосферной науки — нооэкономики²³⁹, нооэкологии²⁴⁰, ноопсихологии²⁴¹, ноосферного права²⁴², ноокоммуникологии²⁴³ и т. п. Язык при этом впервые выступает узловым моментом мультидисциплинарной конвергенции, без активизации ноосферных характеристик которого невозможно включение программы «ноо» как восходящей эволюции человеческого разума, и без развития которого непредставимо формирование ноосферы. Антропокосмизм открывает новые возможности для исследования языковой способности человека в процессе постижения им абсолютных духовных ценностей. Актуальность применения этого подхода представляется несомненной и особенно востребованной в эпохи «больших переходов», во время которых обостряется проблема выбора человечеством дальнейшего пути развития и каковым является наше время.

Неотложность ноосферного перехода обостряется в связи с опасностью переноса информационных систем, хранящих и передающих смыслы культуры, на «небиологический носитель». Цивилизационный код человечества, активизируемый вместе с осмысленной и вдохновенной речью человека и через чтение великих текстов, подвергается атаке надвигающейся «дигитальной онтологии» языка (В. А. Кутырев). В условиях ноосферного перехода крайне необходимо всеобщее понимание его метода, состоящего в нравственной эстетике бытия человеческого сознания, при котором возможно творение нравственного разума планеты, когда, по глубокому убеждению А. А. Гусейнова, эпистемологический акт становится одновременно этическим действием.

Антропокосмизм рассматривается нами как *метаподход к анализу языка и текста*, что принципиально меняет критериально-

---

²³⁹ Агеев А. И., Логинов Е. Л. Нооэкономика: определенная экономика в неопределенном будущем // Экономические стратегии. 2011. Т. 13. № 11 (97).

²⁴⁰ Наумов П. П. Нооэкология — решение проблемы несоответствия классической экологии современному развитию ноосферы // Актуальные вопросы аграрной науки. 2015. № 15.

²⁴¹ Шванева И. Н. Ноосферная психология. М., 2005.

²⁴² Бородин Е. А. Глобальное правовое сознание: философские проблемы становления ноосферного права // Ноосферные исследования. 2015. № 1-2.

²⁴³ Буданцев Ю. П. Очерки ноокоммуникологии (Массовая коммуникация в ноосфере). М., 1995.

категориальный аппарат современного лингвистического анализа²⁴⁴. В центр анализа речемышления и, соответственно, текстовой деятельности ставится гуманистический и познавательный потенциал текста, через культурные значения языка формирующий его значимость для истории человеческой культуры. Антропокосмистская методология текстового анализа позволяет выявить, в каком отношении к нравственной эволюции и ценностям мировой культуры находится тот или иной текст, насколько соответствуют законам восходящей эволюции представленные мир и человек в тексте.

Мы принимаем за основание постулат о том, *текст является формой прогрессии системной эволюции социального опыта* (вертикали восходящей эволюции)²⁴⁵. «Восходящий» характер языкового развития человека связан с самоосуществлением духовности личности через речемыслительные каналы. Оценка текстовой деятельности как определенного качества речемышления, уровня развития познавательной деятельности человека может быть дана в рамках *ноолингвокультурологической* методологии. Акмеоаксиологический ракурс методологии анализа текста обеспечивает возможность обозреть вершинные состояния текстовой деятельности и составить представления о ее пределах, в которых вступают в силу законы культуры и абсолютного духа.

Текстовая лингвокультура представляет собой *предельную форму лингвокультурогенеза*, в которой шедевры художественного, научного, религиозного жанров возникают по определенным законам развития – по чудесным законам восходящей эволюции. Речь идет о таких процессах, где через язык раскрываются универсальные законы бытия, передаются творческие «ритмы жизни»²⁴⁶, воплощается «дух народа» и формируется высшее — ноосферное — сознание²⁴⁷. Лингвокультура является *ноосферогенетической информационной системой, противостоящей энтропийным, «нисходящим»*

²⁴⁴ См.: *Беляцкая А. А.* Новые горизонты теории языка: антропокосмистский подход к исследованию текста // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования: научный журнал. 2012. № 3.

²⁴⁵ См. о вертикальной эволюции: *Пелипенко А. А.* Культура и глобальная эволюция // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2012. Т. 4.

²⁴⁶ См.: *Пэрна Н. Я.* Ритм жизни и творчество. Л.; М., 1925.

²⁴⁷ См. о ноосферном сознании и ноосферной реальности: *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.

явлениям и поэтому надежно хранящей культурно значимую информацию. Свойства хранения информации присущи биопсихическим процессам и явлениям в человеческом организме, которые также характеризуются: «невещественной протяженностью, относительным самодвижением и свойством отражения»²⁴⁸.

В настоящее время в языкознании существует весьма неопределенное представление о том, что такое «развитие» и «деградация» языка. Развитие соотносят с изменением некоторых языковых признаков (морфологических, лексических, грамматических и т. д.)²⁴⁹. Языковое развитие связывают с качественным усложнением и количественным увеличением некоторых коммуникационных признаков: «У кого нет потребности увеличивать до бесконечности число сигналов, у того не будет и сложного языка — вот, например, у суслика есть "опасность с земли" и "опасность с воздуха", и ему этого хватает»²⁵⁰.

Понятие «деградация языка» категорически отрицается современными лингвистами. Обратимся к размышлениям С. Я. Бурлак: «Почему всем так хочется видеть деградацию? Нет деградации. Синтаксис никуда не делся. Морфология никуда не делась. И сложноподчиненные предложения никуда не делись. И спряжение никуда не делось»²⁵¹. Так, лингвисты склонны считать само существование некоторых морфологических, синтаксических и грамматических законов достаточным основанием для утверждения развития языка.

При этом, однако, отмечается, что «едва ли не для любого периода можно найти язык, и для любого языка можно найти период, когда на этом языке был составлен текст про деградацию — что, мол, молодежь пошла хуже некуда, нравы падают ниже низкого, и язык совсем исковеркали. Можете составить еще один такой текст — на русском языке начала XXI века. И его можно будет присовокупить к обширной коллекции подобных текстов за разные века»²⁵².

²⁴⁸ Манеев А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм: Антология философской. М., 1993. С. 359.

²⁴⁹ Законы развития языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 159.

²⁵⁰ Бурлак С. Я. О неизбежности происхождения человеческого языка: стенограмма лекции [Электронный ресурс].

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же.

Из данной цитаты явно следует, что языковая деградация во все времена связывалась с упадком нравственности²⁵³.

Ближе всех к гуманистическому, ноосферогенетическому пониманию языковой эволюции из предложенных на сегодняшний день лингвофилософских определений находятся идеи Ф. В. фон Гумбольдта и его последователей о зависимости законов развития языка от законов развития духовной жизни человека, его культуры, сознания и мышления. В частности, Гумбольдт пытался представить языки в идеальном плане – как ступени к совершенному образованию языка. Среди современных исследователей, применяющих ноосферный подход к изучению человеческой коммуникации, нам известны Ю. П. Буданцев, И. В. Дмитревская²⁵⁴.

Эволюция текстовой деятельности происходит через *активизацию определенной комбинации концептов, закладывающей иную структуру мировоззрения читателя* (универсумальную, ноосферную) *и выводящей ее на уровень сложной категориальности*. Новое качество языковой ткани текста соотносится, во-первых, с новым качеством знания (более сложным, высокоупорядоченным), во-вторых, со способом воздействия на сознание и поведение читателя, и, следовательно, связано с передачей содержащихся в тексте новых смыслов. На наш взгляд, формирование целостного, «универсумального» мировоззрения является ключевым когнитивным процессом в эволюции лингвокультуры и человеческой ментальности и связано с активизацией метафорических концептов как форм хранения социально значимого опыта.

Мы приходим к теоретическому выводу, что *язык эволюционирует с целью удовлетворения потребности общества к обмену и распространению некоторого нарастающего знания — смыслов культуры, понимаемых как основания совместного бытия людей*. Аналогичную мысль высказал в свое время

---

²⁵³ В этом смысле наша работа выполнена в русле традиционной «моралистской» классики.

²⁵⁴ Буданцев Ю. П. Очерки ноокоммуникологии (Массовая коммуникация в ноосфере). М., 1995; См. также: Дмитревская И. В. Коммуникативное пространство ноосферы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2.

Н. Н. Моисеев: «Историю становления человека также можно рассматривать сквозь призму кооперативных механизмов, как постепенное совершенствование кооперативных начал»²⁵⁵.

Теоретическое знание о высших целях языкового развития определяет путь научной истины, который, по мнению А. А. Реформатского, «по сравнению с обычной эмпирической регистрацией является не только теоретически, но и практически более высокой ступенью познания»²⁵⁶.

Ноосферогенетическое понимание мировой лингвокультуры соотносится с эволюционным конструктивизмом, при котором высшим итогом развития лингвокультуры можно считать создание гуманистически ориентированных текстов, которые создают энергетическое «притяжение» в поле мировой лингвокультуры. Вершиной ее развития, соответственно, является достижение духовно-энергетического максимума в текстах через вербализацию высших смыслов всего человечества. Такие тексты направляют все читающее человечество по пути *восходящего духовного развития* благодаря своим особым конструктивным ноосферным свойствам, содержащимся в смысловой толще языка.

Такой подход к исследованию языка является актуальным в свете идеи ноосферы. Ближе всего к изучению смысловой сферы языка подошла лингвокультурология, которая интегрирует психолого-акмеологический, коммуникативный, синергетический и культурологический подходы. Каждый из подходов привносит в науку о языке свое видение, новые возможности: синергетика позволяет увидеть механизмы самоорганизации языка, коммуникативистика показывает процессы приема и трансляции текстовых сообщений, лингвоконцептология входит в область текстовых смыслов через анализ концептов, культурология объясняет неразрывную связь между языком и культурой, акмеология вводит понятие «акме» как вершину языкового развития.

Признавая новаторство каждого из подходов, используемых сегодня в лингвокультурологии, необходимо констатировать невозможность для каждого из них в отдельности вывести крите-

---

²⁵⁵ Цит. по: Буданцев Ю. П. Очерки ноокоммуникологии (Массовая коммуникация в ноосфере). М., 1995. С. 175.

²⁵⁶ Реформатский А. А. Принципы синхронного описания языка // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 20.

рии определения вершины лингвокультурного развития и показать, какую модель эволюционно-цивилизационного развития воспроизводит тот или иной текст. Такие задачи даже не ставятся в современных лингвокультурологических исследованиях.

Ноосферогенетический (антропокосмистский) подход предлагает методологический фундамент для современной науки о языке, тексте и человеке и может применяться для изучения проблем эволюции и развития. В основании этого фундамента лежит категория «ноосферогенез», соотносимая с лингвокультурогенезом. Ниже приведем основные ноосферные критерии развития лингвокультуры — признаки лингвоантропогенеза.

1. Будущность целеполагания, движение по восходящей, стремление к своему акме: возможная текстуализация — яркая временная и лексическая модальность, выраженная интенциональность, жизнеутверждающие прогностические оценки в пропозициональных структурах, оценочная экспрессивная лексика, политизированность, идеологичность, жанр манифеста («программный» характер текста).

2. Целостность мировоззрения автора — текста — общества, единоподобленность идейных установок автора, текста и читающего сообщества («производителей» и «носителей» лингвокультуры); целостность и слитность ценностных полей автора, текста и читателя.

3. Идейная новизна, революционность, нарушение привычных норм текстопостроения: способы возможной текстуализации — создание нового образа, отождествление нетождественного, непредсказуемость сюжетной линии, рождение новых жанровых форм, очертания Героя Нового Времени — иного образа мысли. Главный признак текстового новаторства — метафора. Вот что пишет о новизне как о важнейшем критерии развития человеческого сознания психолог Вейкко Тэхке: «Непрерывное тестирование и модификация мира собственных представлений зависит от сохраняемой открытости для новых переживаний, связанных с внешними объектами. Когда это уже больше невозможно, сознание закрывается, теряет свою готовность к обновлению и становится способным только к повторению»²⁵⁷.

---

²⁵⁷ Тэхке В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход. М., 2001. С. 181.

4. Знание прошлого и глубочайшее уважение к нему, что позволяет накапливать потенциал возможностей развития и использовать продуктивные, эффективные, жизнеутверждающие (асертивные) модели коммуникативного поведения. Главная задача развития человека, по мнению Л. С. Драгунской, — это формирование своего прошлого, чтобы оно всякий раз не оказывалось настоящим. У зрелой личности, пишет она, «сформированное прошлое обязательно присутствует в настоящем, но уже именно как прошлое, а не как вневременной, а значит, и внепространственный континуум переживания (где перепутаны представления о себе, об окружающих людях, и т. д. вплоть до конкретных пространств). <...> Только идеально сложившаяся личность может полностью построить и оборудовать границу между прошлым и настоящим. <...> В реальности люди часто путают прошлое и настоящее (границы не преодолены)»²⁵⁸.

5. Единство слова и дела: правдивое отражение связи род — природа, социальное равенство, демифологизация социального неравенства, права «избранных» на мировое господство, развенчание ложных мифов и представлений (см., к примеру, тексты Л. Андреева). «Глубокое проникновение» текста «в окружающее» и соответствие реальности современного знания считается В. И. Вернадским необходимым условием развития планетарного мышления²⁵⁹. Современный ученый-ноокоммуниколог Ю. П. Буданцев также считает фундаментом коммуникации текстологическое соответствие реальности современного научного знания²⁶⁰.

6. Гуманистичность: каждый текст, создаваемый в лингвокультуре — выражение доброй воли²⁶¹.

7. Антропокосмичность: системное восприятие собственной текстовой деятельности в целостной планетарной парадигме, когда текст отражает не центричное представление че-

---

²⁵⁸ Драгунская Л. С. Бытие во времени как методологический аспект глубинной психологии. Синхрония и диахрония // Логос. 2006. № 1. С. 265.

²⁵⁹ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. С. 19.

²⁶⁰ Буданцев Ю. П. Очерки ноокоммуникологии (Массовая коммуникация в ноосфере). С. 23.

²⁶¹ *Примечание:* Это касается и характера написания художественного текста и его читательской интерпретации.

ловека, а представляет антропокосмистскую метасистему, в центре которой — нравственность как точка отсчета и способ мировоззрения. Чем больше творится антропокосмических текстов, тем ближе человечество к формированию планетарного разума — ноосферы.

Путь развития текстовой лингвокультуры человечества — это путь к ноосфере, это путь разумного человечества к развитию системы общественного сознания, гуманизации текстовой информации. Ноосферогенетический (антропокосмистский) подход предлагает методологический фундамент для современной науки о языке, тексте и человеке и исследования проблем сознания и эволюции.

К семиологии глобального сознания²⁶²

Семиология и сознание: точки пересечения предметных областей. В контексте методологического поворота философии в сторону изучения языка и языкового сознания, обозначившего себя в XX веке сочетание в названии двух «тегов» — семиология и сознание — казалось бы, вполне предсказуемо, если не сказать тривиально. Тем более интересно, что пересечение соответствующих проблемных полей²⁶³ к настоящему времени обозначило себя преимущественно в педагогическом, психологическом и лингвистическом (и шире, филологическом) исследовательских дискурсах²⁶⁴. Собственно философские исследования редки и

---

²⁶² © Смирнов Д. Г., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

²⁶³ Сочетание «семиотика + сознание» меняет ситуацию, но не кардинально.

²⁶⁴ См.: *Алефиренко Н. Ф.* Когнитивная семиология: истоки, становление и перспективы развития // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. № 1-2; *Круглова И. Н.* Сознание и самопознание: от очевидности к интерпретации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4; *Куrowsкая Ю. Г.* Потенциал теоретических разработок когнитивной лингвистики в педагогике // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 1; *Лукацкий М. А.* Педагогическая семиология: горизонты становления // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 3; *Шатин Ю. В.* Семиотика vs семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // Критика и семиотика. 2015. № 2.

фрагментарны²⁶⁵. Вместе с тем, именно формы философской рефлексии способствовали формированию из анализируемых понятий категории «семиосознание» как взгляда на сознание из сферы семиологии²⁶⁶.

Подобного рода значимый для всей семиотики XX века вывод о значимости семиологии для исследования современных презентаций сознания проистекает из исследований У. Эко. По его образному выражению, «урок, преподанный, семиологией», должен научить нас тому, что *«прежде чем изменять сообщение или устанавливать контроль над их источниками, следует изменить характер коммуникативного процесса, воздействуя на обстоятельства, в которых получается сообщение»*²⁶⁷. Собственно сознаниевая сторона размышлений итальянского семиотика выражается в следующих строках: «Это и есть "революционная" сторона семиологического сознания, тем более важная, что в эпоху, когда массовые коммуникации часто оказываются инструментом власти, осуществляющей контроль посредством планирования сообщений, там, где невозможно поменять способы отправления или форму сообщений, всегда остается возможность изменить — таким партизанским способом — обстоятельства, в которых адресаты избирают собственные коды прочтения»²⁶⁸.

У. Эко обращает внимание читателя на значимость семиологии (общей теории исследования феноменов коммуникации) для построения семиологического сознания, обладающего резистентной способностью к разнообразным локальным манипулятивным практикам. Революционная сторона сознания, о которой

²⁶⁵ См.: Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферной реальности: философско-методологический дискурс // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2; Poluljakh Yu. Semiology of information: ontological aspect // Вісник Національного технічного університету України Київський політехнічний інститут. Серія: Філософія. Психологія. Педагогіка. 2010. № 2 (29).

²⁶⁶ Смирнов Д. Г. Семиосознание как форма духовного бытия человечества // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 2.

²⁶⁷ Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб., 2004. С. 529. О разведении понятий «семиотика» и «семиология» см. подробнее: С. 491—493. Исследования Вяч. Вс. Иванова раскрывают ноосферный потенциал семиотических исследований [Ivanov Vyacheslav. Towards Noosphere // Candles in the Dark. A New Spirit for a Plural World. Manchester; Seattle; London, 2002].

²⁶⁸ Там же.

он ведет речь, — сторона не передающая, а воспринимающая. Это подводит нас к интересной мысли — глобальность сознания задается вниманием (вслушиванием) реальности, а не ее изменением, что, в свою очередь, делает понятным экологический (и, одновременно, образовательный) тезис Римского клуба: «мыслить глобально, действовать локально»²⁶⁹. Иными словами, глобальное внимание биосфере разворачивается локальным ее преобразованием, а не наоборот.

Итак, семиология сознания предстает в заданном контексте в качестве *общей теорией знаков сознания, находящегося в состоянии постоянного взаимопостижения и взаимопорождения смыслов системно организованного всеобщего*.

Семиотическое измерение глобализационных процессов и глобальное сознание. Вопреки расхожему мнению, глобализация не сводится к экономическим или политическим переменам и, тем более, к интернационализации или космополитизации общественных связей и отношений, что в свое время заметил У. Бек, размышляя о космополитическом мировоззрении в одноименной работе. (Основная проблема видится здесь в одноаспектности взгляда на сам феномен.) Более продуктивно понимание глобализации как эпохи перестроения «системы жизненных миров обитателей планеты»²⁷⁰, когда последняя предстает как закономерное следствие исторического, экономического, политического, социального и духовного развития общества. При такой постановке проблемы глобализационные процессы обнаруживают себя как стабильная тенденция (и процесс) в развитии человеческой цивилизации, итогом целеполагания которой становится формирование единого человечества как глубоко взаимосвязанного мирового сообщества. В геологическом измерении сущность глобализации может быть раскрыта через учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу: здесь она занимает свое место в ряду условий формирования «ноосферы XX века» — в частности, заселение

---

²⁶⁹ Смирнов Г. С. Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3.

²⁷⁰ Согмонов Ю. В. Глобализация и аксиосфера // Антропологическое измерение глобализационных процессов. Владимир, 2003. С. 155.

человеком всей планеты; усиление связей, в том числе и политических, между всеми государствами Земли²⁷¹.

Пафос наших предшествующих размышлений предопределяет акцент на семиотическом измерении процессов глобализации²⁷², что, в свою очередь, обусловлено представлением о семиосфере как репрезентации ноосферы²⁷³. Общеизвестно, что глобализационная тенденция обнаруживает свои истоки в предшествующей истории человечества. В этом направлении реализовывалась и семиотическая линия развития цивилизации, на которую обратил внимание Ю. М. Лотман. «Ситуация множественности языков исходна, первична, — пишет он, — но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (единой конечной истине). Это последнее делается той вторичной реальностью, которая создается культурой»²⁷⁴. Характер проявлений этой универсальной (в нашей терминологии — ноосферной) истории мог быть различным (геополитическим, экономическим и т. д.), но всегда присутствовала семиотическая составляющая. Здесь, прежде всего, идет речь о попытках распространения (экстраполяции) той или иной (одной) семиотической системы, или семиосферы (как некоторой совокупности взаимосвязанных семиотических систем), на большую часть человеческого общества.

Особенность семиотического измерения глобализации (и особенно хорошо это видно именно сейчас) заключается в том, что интенсификация связей между субъектами мирового сообщества всегда идет по пути отрицания свободы «свободной мысли» и завершается созданием «тотальных семиосфер», или закрытых нациосфер²⁷⁵. В качестве примера уместно привести «культурные истории» египетской державы, Афин, Спарты, Римской империи, которые заканчивались созданием

---

²⁷¹ См.: Янишин А. Л. Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

²⁷² См.: Удовин С. Л. Глобализация: семиотические подходы. М.; Киев, 2002.

²⁷³ Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.

²⁷⁴ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 13.

²⁷⁵ Тимофеев М. Ю. Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций. Иваново, 2005.

на огромной территории единого семиотического пространства со своими «жизненным миром». Однопорядковым примером будет и деятельность католической церкви, распространившей конкретную религиозную семиотическую систему на средневековую Европу. В этом же иллюстративном ряду можно упомянуть «культуртрегерство» СССР и социалистического лагеря, распространивших свою идеологию практически на всю Азию и Восточную Европу. Можно, конечно, возразить, что подобные исторические факты не подводят к какой-либо закономерности, кроме той, что история доказала несостоятельность таких семиотических экстраполяций. Нас же в первую очередь интересует вопрос о причинах такого (кстати, не всегда печального) исхода.

Причина недолговечности тотальных семиосфер — в их замкнутом и статичном характере. Исчерпав свою полноту объяснения мира, они неизбежно должны уступить место новым семиосферам, глобальность которых превосходит масштабность прежних культур. «Мир семиозиса не замкнут фатальным образом в себе: он образует сложную структуру, которая все время "играет" с внележащим ему пространством, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую активность элементы»²⁷⁶. Любая семиосфера стремится к полноте (познанию как можно большего), в этом и заключается смысл ее существования. Как только будет найден последний ответ на последний вопрос человеческого бытия, философия и история «закончатся». Похожий финал ожидает и тотальную семиосферу, которая, развиваясь по циклическим (биологическим в своей сущности) законам, представляет собой повторяемость. Так, закрытые семиосферы искусственно создают барьер для своего развития: как только прекратилось развитие, семиосферы «уничтожили» своих носителей.

Превращаясь из тотальных семиосфер в фатальные семиотические хронотопы, последние воспроизводят соответствующий тип сознания — тотально-фатальный, который вполне можно охарактеризовать и как локальный. (Такова печальная тенденция модернистской глобализации как вестернизации и американизации.)

---

²⁷⁶ Там же. С. 30.

Как это часто бывает, подобные сознаниевые производные характеризуются крайне низким адаптивным и резистентным потенциалом в силу того, что воспроизводят не генеративные, активно-творческие, а лишь подражательные формы, не способные спасти (сохранить) культуру в ситуации «столкновения цивилизаций», или «фехтования кодов».

Становление глобального (открытого) сознания (в когнитивно-семиотическом аспекте) имеет цель (смысл как тенденцию) в создании условий транскрибируемости социокультурных коммуникационных кодов в рамках биосферы-ноосферы. Когнитивный статус транскрибирования не предполагает соблюдения формально-логического закона тождества: по мнению И. В. Дмитриевской, для конструктивного общения достаточно общность тезаурусов, т. е. «совокупность чувственных и рациональных знаний, которыми располагают собеседники», систематизированные хотя бы на уровне концептов и структур²⁷⁷, рассматриваемая как форма когнитивной дополнительности. Это как раз предполагает отход от модели тотальной (нулевой) коммуникации. «Если мы представим себе передающего и принимающего с одинаковыми кодами <...> то понимание между ними будет идеальным, но ценность передаваемой информации минимальной, а сама информация — строго ограниченной»²⁷⁸. Именно «переключение из одной системы семиотического осознания в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла»²⁷⁹.

Глобальное сознание: личностно-персоналистический дискурс. Итак, становление глобального сознания как особого типа сознания представляет собой переход из одной системы семиотического осознания в другую (в широком смысле основного понятия). Заметим здесь, что подобный переход с точки зрения современной философии сознания предстает закономерным фактом социокультурной эволюции²⁸⁰. И именно поэтому генерирование смысла

---

²⁷⁷ Дмитриевская И. В. Коммуникативное пространство и время // Антропологическое измерение глобализационных процессов. Владимир, 2003. С. 34.

²⁷⁸ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 15.

²⁷⁹ Там же. С. 66.

²⁸⁰ Глобальная коэволюция сознания как ноосферная история: коллективная монография. Иваново, 2015.

(смыслов) в этом контексте не случайно, а должно рассматриваться как своеобразное восхождение сознания к разуму²⁸¹.

Для пояснения этого тезиса обратимся к одному «неявному примеру». Книга «Научная мысль как планетное явление» В. И. Вернадского, чьи идеи легли в основу представлений о пневмосфере П. А. Флоренского и, по его собственному признанию, теории семиосферы Ю. М. Лотмана, с легкой руки отечественного лингвиста и антрополога Вяч. Вс. Иванова получила статус «семиотической»²⁸². Эта брошюра, казалось бы, незначительная мысль дала возможность проанализировать научное творчество В. И. Вернадского через призму семиологии. Оказалось, что постепенное (восходящее) знакомство ученого-естественника со знаками Вселенной как раз и сформировало его глобальное сознание, сделав его «отцом глобальной экологии». Семиотика неживого — семиотика биокосного — семиотика живого — семиотика живого разумного — так можно вкратце описать путь развития глобального сознания мыслителя. В этом смысле (смысле *малого методологического синтеза*) следует, скорее, вести речь не о переключении от одной семиотики осознания к другой, сколько о включении одной в другую, ибо именно тогда и можно говорить о «расширении сознания к разуму». О том же свидетельствует *большой методологический синтез*, связанный с семиологией культуры. Глубинные формы ноосферного дискурса задаются у В. И. Вернадского *сильным синтезом* науки, философии (как эмпирического обобщения), религии и искусства²⁸³.

Вместе с тем глобальное сознание — это не только «матрешечная» форма, вырастающая из преимущественно формально-знакового уровня рефлексии. Существенно важным является пространственно-временной срез семиологического анализа. «Слабый синтез», завязанный на пространственном

²⁸¹ Смирнов Д. Г. Восхождение сознания к разуму: онтогенез и филогенез в ноосферной истории // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2.

²⁸² Иванов Вяч. Вс. Очерки по предыстории и истории семиотики // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1990. Т. 1. С. 690.

²⁸³ Смирнов Г. С. Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. № 1 (3).

«обогащении» (усложнении) субстрата Вселенной, дополняется семиотическими — временными (пространственно-временными) — уровнями проникновения в реальность: обличье прошлого (литосфера), обличье настоящего (биосфера) и обличье будущего (ноосфера). В. И. Вернадский начинает с минералов — знаков прошлого, затем переходит к биосфере — знакам настоящего и в итоге приходит к ноосфере — «знаку будущего». Хронотоп его сознания, в этом смысле, обладает триединой сущностью и во многом может быть определен как «везде-вечность»²⁸⁴.

Таким образом, в семиологической плоскости глобальное сознание предстает как особый тип сознания, характеризующийся синергичным отношением временных измерений (прошлого, настоящего, будущего), где будущее, будучи темпоральным концептом, структурирует настоящее, раскрывая, одновременно, истинный (реальный) смысл прошлого, и задаваемый топологической всюдностью, где жизненный мир человека предстает в виде сферы «с бесконечным радиусом, распространяющимся на весь мир, с центром в каждой точке данной сферы»²⁸⁵.

Глобальное сознание и глобальная реальность: проблема соотношения. Глобальное сознание имеет дело со знаками ноосферной реальности²⁸⁶. Как однажды заметил Т. А. Себеок, «семиотика никогда не рассказывает, чем является мир сам по себе, но описывает, что мы можем знать о нем; другими словами, предмет описания семиотической модели — не реальность как таковая, а природа, приоткрытая в результате человеческого познания»²⁸⁷. Действительно, предмет описания семиологии — не реальность, но вот предметная область ее исследования — не что

---

²⁸⁴ Смирнов Г. С. Жизнь как везде-вечность (парафраз книги В. Ф. Эрнэ «Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (15).

²⁸⁵ Тарасевич А. Л. Проблема глобализации в аспекте интересубъективности // Антропологическое измерение глобализационных процессов. Владимир, 2003. С. 53.

²⁸⁶ См., напр.: Назаров А. Г. Космизм и ноосферная реальность // Культура и время. 2004. № 2 (12); Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.

²⁸⁷ Себеок Т. А. Культура и семиотика: учение о знаках // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995. С. 33.

иное как реальность. Сознание потому и получает своеобразную надстройку в виде глобального сознания, ибо это задает соответствие предмета изучения и исследовательского инструментария. Глобальное сознание комплементарно ноосферной (как глобальной) реальности в эпистемологическом аспекте.

В течение значительно долгого времени отечественные и зарубежные философы последовательно пытались посмотреть на проблему описания перехода биосферы в ноосферу через призму экологизации сознания (экологического сознания)²⁸⁸. Затем, наряду космическим²⁸⁹ и ноосферным сознанием²⁹⁰, появилось космополитическое сознание (мировоззрение)²⁹¹ и, наконец, глобальное²⁹². Не останавливаясь здесь подробно на особенностях взаимодействия названных феноменов и соотношения категорий, раскроем специфику глобального сознания в ряду прочих. Экологическое сознание ставит во главу угла отношение в системе «Общество — Природа» («Природа — Человек — Общество»), развивая идею биосфероцентризма. Ноосферное сознание, являясь по определению глобальным, содержит отчетливо выраженный аксиологический компонент, который «отягощает» научный анализ идеалистическими (утопическими) коннотациями. Именно в силу этого очень часто недооценивается его эвристический потенциал при системном анализе современной реальности. Космополитическое сознание, «стирающее различия», указывает на преодоление границ идентичности, даже формирования новой (собственно космополитической) идентичности; но в этом контексте оно уже не вполне удовлетворяет сущности глобальности, которая с необхо-

---

²⁸⁸ Смирнов Г. С. Экологизация сознания как отражение современной экологической ситуации. Иваново, 1984.

²⁸⁹ См., напр.: Режабек Б. Г. Религиозный опыт Николая Федорова и космическое сознание // Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века. 2004. Т. 2. № 2; Гиндилис Л. М. Космическое сознание: научный подход через призму SETI // Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века. 2004. Т. 3. № 3; Бульчѳев И. И., Победоносцев С. Н. Космический стандарт человека. Тамбов, 2015.

²⁹⁰ Смирнов Г. С. Философские и культурологические проблемы становления ноосферного сознания. Иваново, 1998.

²⁹¹ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008.

²⁹² См., напр.: Сокол В. Б. Глобальное сознание и его «собственников» // Альманах современной науки и образования. 2007. № 7-2; Yagodzinskiy S. M. Global consciousness as a cultural and historical concept // Гиля: научный вестник. 2015. № 97.

димостью предполагает локальность. (Интересно, что и экологическое и космополитическое и ноосферное сознание обнаруживают себя в самых разнообразных хронотопах истории мировой культуры.) Вместе с тем, общим недостатком представлений об экологическом, космополитическом и глобальном сознании является элиминация как раз семиотической репрезентации.

Глобальное сознание — термин, удовлетворяющий всех исследователей без исключения, ибо он, по сути, ни к чему не обязывает. Он носит констатирующий характер и именно поэтому не совсем соответствует философскому уровню рефлексии. Философия как теория миропостроения стремится к качественному пониманию вещей. Глобальность же в структуре глобального сознания в абсолютном большинстве исследований предстает через призму пространственности (традиции количественного понимания вещей). Так, несмотря на формальное соответствие глобального сознания и глобальной реальности, их содержательного (когнитивного) совпадения не происходит. Это, собственно, и обуславливает актуальность изучения глобального сознания в рамках гуманитарного дискурса.

Локальное сознание, которому в большей степени подходит эпитет обыденное, или повседневное, есть с некоторыми оговорками отражение окружающей реальности. Точнее, оно формируется в результате этого отражения. В этом смысле в парадигме количественного понимания глобального сознания даже локальное сознание может обрести признаки глобального. Но всегда следует помнить, что признак признака предмета не есть сам предмет: признак глобальности не есть сама глобальность, а глобальность не есть глобальное сознание само по себе. Такой логический ликбез подводит к мысли о том, что глобальность сознания задается не столько его отражательной способностью, сколько свойствами «опережающего» (для времени) и «трансграничного» (для пространства) отражения (рефлексии).

В целом можно говорить о двух моделях семиотической синхронизации сознания и реальности — запаздывающей и опережающей. Первая подчиняется принципу отрицательной обратной связи, когда компенсирующая реакция возникает после того, как произошло рассогласование структур и элементов социальной системы. Вторая основывается на принципе опережающего

отражения П. К. Анохина и предполагает умение заранее готовиться к внешним воздействиям, жизненно важным для дальнейшего существования. Глобальное сознание, с позиций семиологического подхода, обладает принципиальной проективностью (что относит его ко второй модели синхронизации), которая, в свою очередь, фиксирует и раскрывает когнитивный смысл последней информационно-семиотической революции — «сознание все явнее и активнее определяет материю».

Очевидно, что подобный вывод не может претендовать на новизну. Вместе с тем следует признать, что на уровне рефлексии заподозрить локальное сознание в претензии на изменение реальности еще сложнее. Специфика глобального сознания (как и актуальность представления о нем в философии) заключается как раз в том, что с помощью него раскрывается семиотический детерминизм реального (современного) исторического процесса²⁹³.

Таким образом, глобальное сознание в философском определении²⁹⁴ неизбежно перерастает значение, обусловливаемое этимологией термина. У глобального сознания есть своя космическая, ноосферная, космополитическая, экологическая и иные стороны (например, алармистская, эсхатологическая, кризисная и другие), раскрывающиеся через процедуры семиотического анализа. Оно предстает своего рода зонтичным понятием междисциплинарного предметного поля, рожденного на пересечении философии сознания, экологии, ноосферологии, антропологии, глобалистики...

Вместо заключения. Глобальное сознание, точнее *глобальность сознания*, в рамках философского (семиологического) дискурса, ориентирующегося на традицию качественного понимания вещей²⁹⁵, может быть определена как *свойство (способность) сознания воспринимать, идентифицировать и интерпретировать семиотические ситуации социокультурного и социо-*

---

²⁹³ Смирнов Д. Г. Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2012. С. 285—301.

²⁹⁴ Жульков М. В. Ноосферные энергии и глобальное сознание. Иваново, 2015; Калинин П. Е. Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознаниевой и языковой реальности. Иваново, 2015.

²⁹⁵ Дмитриевская И. В. Системные аспекты взаимосвязи знака и значения // Неизреченное слово. Иваново, 2012.

природного планов через призму семиотического детерминизма. Последний фиксирует наличествующую связь фактами-знаками действительности и знаками-смыслами реальности²⁹⁶.

Мы умышленно ограничились триадой — воспринимать, идентифицировать и интерпретировать, хотя при более детальном рассмотрении проблемы можно вести речь о понимании и реагировании. Глобальное сознание, принимая во внимание, что оно в различных модификациях обнаруживает себя в истории цивилизации, очевидно, находится в стадии становления. (На это косвенно указывает анализ соотношения глобализации и космополитизации, осуществленный У. Беком²⁹⁷, да и весь пафос его работы.)

Современное глобальное сознание, учитывая его закономерную неоднородность — деление на элитарное и народное, индивидуальное и общественное, «северное» и «южное», западное и восточное, — в содержательном плане достаточно противоречиво. Оно находится в пути между разными глобальностями через не менее разные локальности, чем-то напоминая легендарное «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Подобная динамичность сознания более остальных социальных групп характерна в настоящее время для молодежи²⁹⁸. Эта, порой антагонистическая, противоречивость, наиболее отчетливо раскрывающаяся в области символической политики, задает отличные друг от друга концепты семиотического осмысления окружающей действительности. Смыслообразующие когнитивные фильтры, формируемые чаще всего в недрах властной символической политики, приводят глобальную семиосферу в состояние хаоса, существенно затрудняя адекватный анализ конкретных семиотических ситуаций.

---

²⁹⁶ Смирнов Д. Г. Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2012. С. 44.

²⁹⁷ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 12—15.

²⁹⁸ См., напр.: Смирнова И. Н. Глобальное vs локальное: сознание современной молодежи (на примере студентов г. Иваново) // Ноосферные исследования. 2015. № 1-2; Смирнова И. Н. Глобальный человек и его «бесценное» сознание (по материалам студенческих философских эссе) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16).

Глава VII

ЯЗЫКИ КАК ВЕКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Языки науки и образования: в метаморфозах российской истории²⁹⁹

Университеты возникли в свое время как корпорации, подобные ремесленным цехам, предназначенные служить интересам общества в его отношениях с универсумом. Возникли они в крупных европейских городах как естественное следствие эпохи «интеллектуального бродяжничества» (термин Жака Ле Гоффа) и повышения ценности знаний, когда сила слова постепенно стала рассматриваться предпочтительной перед силой физической и когда стены монастырских школ стали тесными для подлинного интеллектуала. Семь свободных искусств получили статус умной техники, предназначенной для делания, — *Ars est recta ratio factibilium* — интеллектуал становится ремесленником³⁰⁰. «Университетский цех» органично вошел в жизнь средневековой цивилизации.

К концу XVIII века европейские университеты существенно растратили былой авторитет и представляли собой уже нечто архаично-догматичное, идущее вразрез с устремлениями динамичной эпохи Просвещения. В тот момент, как справедливо подчеркнул один из специалистов в «университетском вопросе» В. А. Куренной, университет преимущественно пытается сохранять себя «в качестве островка сословно-цехового Средневековья» и по-прежнему «стремится удерживать монополию на знание, настаивая на своих стародавних свободах и привилегиях»³⁰¹. Однако логика истории вела этот институт к своеобразному историческому «часу икс».

В свою очередь, в XVII—XVIII веках все более заметной становится интеллектуальная роль европейских академий наук,

---

²⁹⁹ © Куликова О. Б., 2016

³⁰⁰ Гофф Ле Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003. С. 53.

³⁰¹ Куренной В. А. Университетская корпорация // Неприкосновенный запас. 2006. № 4-5. С. 188.

которые институционально не были связаны с университетами и не являлись прямым продуктом их деятельности. Нарождавшаяся наука как сфера профессиональной познавательной деятельности в интересах общества, тем не менее, объективно не могла не нуждаться во взаимодействии с университетской сферой. Для университета «научная прививка» была важна как способ обновления и самосохранения и оказалась, надо признать, еще более значимой, чем для науки. Таким образом, возник уникальный исторический шанс для единения двух интеллектуальных сфер, выражавших собой до этого не просто разные, но в некотором смысле даже альтернативные традиции³⁰².

В XVIII—XIX веках усилиями европейских просветителей, в первую очередь Вильгельма фон Гумбольдта, был разработан проект классического университета, в основание которого был положен принцип научности. В гумбольдтовском меморандуме 1810 года «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» предусматривалась интеграция исследовательской и преподавательской деятельности при установлении адекватного для этого уровня свободы исследований. Внедрение науки в образовательную среду, по мысли Гумбольдта, выражает собой потребность самой культуры в глубоком и целостном развитии личности. Автор классического проекта подчеркивал, что «только произрастающая изнутри и могущая проникнуть в глубину личности наука преобразовывает человеческий характер»³⁰³.

Гумбольдтовская модель университета постепенно стала внедряться по всей Европе, включая и Россию. Она предполагала в общем и целом использование научных знаний как содержательной основы обучения и научного подхода в организации учебного процесса, включение в обучение элементов исследования и придание целостности и непрерывности университетской подготовке. А необходимый и естественный для науки (сферы поиска объективного знания) режим открытости влиял на весь характер университетской жизни, в соответствии

³⁰² Гофф Ле Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003. С. 146—153.

³⁰³ Гумбольдт фон В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). С. 6.

с которым осуществлялось «производство либерального, рас-судочного субъекта»³⁰⁴.

На университет возлагалась весьма широкая общественная миссия. Оценивая последнюю, Б. Ридингс в своей знаменитой монографии «Университет в руинах» подчеркивал, что классический университет сыграл существенную роль в общечеловеческом историческом проекте культуры, построенном мыслителями Просвещения³⁰⁵. При этом реальная история классического университета показала, что, определяя себя именно «в перспективе исторического развития, укрепления и распространения национальной культуры»³⁰⁶, он способствовал и взаимообогащению культур. Его ориентация на сохранение национальных духовных традиций, а значит, предотвращение унификации и обеднения мировой культуры, обеспечивала в равной мере и кросскультурное взаимодействие. Причем, прививкой от культурно-национальной замкнутости служила именно научная (исследовательская) деятельность, которая в силу своей природы наднациональна.

Наука в России возникла, как известно, в условиях, которые нельзя считать адекватными социокультурному назначению и когнитивным характеристикам этой духовной системы. Культурно-историческая аномальность науки для России XVIII века была подчеркнута почти полным безразличием или недоверием к ней со стороны многих устоявшихся общественных институтов, и в первую очередь со стороны православной церкви. Рождению европейской науки способствовал, как известно, господствовавший в культуре Нового времени рационалистический дух. С подачи создателей проекта науки (Р. Декарта в особенности), именно разуму вменялись функции критичности, рефлексивности и ответственности, необходимые для осуществления объективного (достоверного) познания³⁰⁷.

В России XVIII века трудно было ожидать наличия таких представлений и установок. Хотя, безусловно, реформы Петра I

---

³⁰⁴ Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. С. 22.

³⁰⁵ Там же. С. 16.

³⁰⁶ Там же. С. 17.

³⁰⁷ Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 203—210.

и, прежде всего, организация научной академии по западному типу (с приглашением лучших ученых Европы) не могли не послужить мощным толчком к последующему расцвету феномена отечественной науки. В момент учреждения Петербургской академии наук основная масса населения не только не владела грамотой, но и чаще негативно была настроена к людям образованным. Только при Петре I были открыты первые светские (нецерковные) школы преимущественно начального уровня и прикладного (технического) характера. О научности как принципе их деятельности говорить не приходится.

Университетское же образование утверждалось в российской жизни независимо от сферы школьной подготовки, но при определенном, особенно в начальный период, влиянии научной академии. Последнее обстоятельство самым существенным образом отличало становление российского университета от западноевропейского. Но это, правда, совсем не означало, что научность изначально и естественным образом вращалась в российское университетское образование.

Укоренение научности в университетской подготовке первоначально зависело от героических личных усилий отдельных энтузиастов. К их числу надо отнести, например, знаменитого покровителя Московского университета графа И. И. Шувалова, а главное, безусловно, М. В. Ломоносова как родоначальника самой идеи его организации. Здесь, конечно, нельзя не учитывать то, что сам русский ученый прошел подготовку и в немецких университетах. Известно, что в проекте, составленном для императрицы графом Шуваловым, специально не предусматривалось становление университета как *научно-образовательного* учреждения. По мнению исследователей, «Шувалов едва ли мог в принципе серьезно думать о Московском университете как о центре прежде всего *научном*. Однако тем больше чести делает ему внимание к советам разночинца М. В. Ломоносова, который выступал именно как практик науки, прежде всего — как естествоиспытатель. Он постоянно проводил мысль о том, что университет предназначен для получения именно теоретических, *базовых*

знаний»³⁰⁸. Интересно и то, что ломоносовский проект предшествовал проекту В. фон Гумбольдта, и, можно сказать, предвосхищал (даже в чем-то превосходил) его главные положения.

Традиции российской культуры не были, как уже отмечалось, органичны духу науки. Например, у геометрии вообще не было предшественника на русской почве (землемерные рукописи явно не годились как предпосылка этой науки). Русский язык в известном смысле противился введению научной терминологии. Иностранные понятия приживались с большим трудом, часто они переносились в весьма тяжеловесных вариантах как калька с европейских языков. Как отмечают исследователи, вводимые «соответствия часто бывали неточными», и «жизненностью такие слова не обладали»³⁰⁹. Так, если термин «арифметика» благодаря учебнику Л. Ф. Магницкого (1703) довольно быстро утвердился в употреблении (правда, иногда употреблялся наряду со своим синонимом «цифирь»), то дисциплинарная родственница арифметики алгебра получила неблагозвучную замену — «арифметика литеральная»³¹⁰. Интересны русские замены некоторых понятий: «пропорция» — «равномерие», иногда «равномерство»³¹¹; «наклонная плоскость» — «плоскость наклоненная», или «равнина наклонная»³¹²; «куб» — «костка», «конус» — «шишка», «овал» — «яичное» или «яичная фигура»³¹³ и т. п. Но надо отметить, что большинство таких калькированных форм (особенно в области математики) прочно вошло затем в русский язык, как то «числитель», «знаменатель», «делитель» и другие³¹⁴. Обратившийся к этой проблеме в своем «Очерке истории русской философии» Г. Г. Шпет, подчеркивал, что в связи с отсутствием в России своего языка науки, «долго еще приходилось пользоваться языками чужими, а переводная литература тем медленнее переходила к

---

³⁰⁸ Кулакова И. У истоков высшей школы. Московский университет в XVIII веке // Отечественные записки. 2002. № 2. С. 142.

³⁰⁹ Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. М.; Л., 1964. С. 33.

³¹⁰ Там же. С. 14.

³¹¹ Там же. С. 26—28.

³¹² Там же. С. 39.

³¹³ Там же. С. 49.

³¹⁴ Там же. С. 11—12.

настоящему русскому языку, что значительную часть работников для нее поставляла духовная школа с ее понятной склонностью к пользованию языком церковного обихода»³¹⁵.

Отметим огромный вклад М. В. Ломоносова, который целенаправленно разрабатывал русскую научную терминологию. К терминам, введенным в научный обиход именно Михаилом Васильевичем относятся: «атмосфера», «термометр», «формула», «упругость», «чертеж», «земная ось», «преломление лучей» и другие³¹⁶. Он, надо отметить, размышлял и над проектом языковой реформы в России. Позже Пушкин отмечал эту особенность русского языка своего времени — его неподатливость для употребления научного и философского. Он писал в этой связи: «У нас ещё нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; <...> Учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так мало ещё обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны»³¹⁷.

С трудом вводились в научный и образовательный обиход теоретические обобщения. Были попытки и вовсе отказаться от теоретических основ всех наук, а использовать только то, что приносило реальную практическую пользу (кораблестроение, производство оружия, картография). Это обстоятельство серьезно препятствовало и развитию полноценных научных исследований, и утверждению университетской автономии (преодолению зависимости от ведомственных регламентаций), и, как следствие, системности получаемой подготовки.

---

³¹⁵ Шпет Г. Г. Очерки развития русской философии. М., 2008. Т. 1. С. 310.

³¹⁶ Северикова Н. М. Рассеять тьму «мрачной ночи невежества». Реформы М. В. Ломоносова в области образования и воспитания // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 129.

³¹⁷ Пушкин А. С. О причинах, замедливших ход нашей словесности // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1958. Т. 7. Критика и публицистика. С. 14.

Петербургский университет, попытка учреждения которого в XVIII веке в рамках деятельности самой академии наук оказалась неудачной, стал реальностью лишь в начале XIX века. Специалисты отмечают некоторое сходство его возникновения с учреждением Берлинского университета. Известный специалист в области истории университетского образования А. Ю. Андреев в этой связи пишет, что оба они явились первыми столичными университетами в своих странах, «созданными позже других и с учетом позитивного и негативного опыта уже существовавших университетов. И тот и другой рассматривались основателями в тесном взаимодействии с национальными Академиями наук»³¹⁸. Среди первых шагов, которые внесли в университетскую деятельность элементы научности, было написание и издание М. В. Ломоносовым первых вузовских учебников (на русском языке), отличавшихся высоким уровнем теоретичности³¹⁹. Он последовательно добивался также единения теоретической и экспериментальной деятельности, видя в этом главное основание подлинно научного познания, т. е. подлинного поиска истины. «Из наблюдений устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения — есть лучший способ к изысканию правды», — подчеркивал великий ученый³²⁰. Собственно научная деятельность в рамках академии наук, контролируемой непосредственно и исключительно государством (т. е. фактически чиновниками), сталкивалась с неизбежными трудностями. Сказывалась на деятельности академии нестабильность политической ситуации в России. В течение всего XVIII века она являлась фактически «разменной монетой» в политических играх, связанных с частыми дворцовыми переворотами, когда внимание к ней было крайне несистематичным, что особенно касалось финансирования. С другой

---

³¹⁸ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 442.

³¹⁹ Северикова Н. М. Рассеять тьму «мрачной ночи невежества». Реформы М. В. Ломоносова в области образования и воспитания // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 127.

³²⁰ Ломоносов М. В. Рассуждение о большей точности морского пути, читанное в публичном собрании императорской Академии Наук мая 8 дня 1759 года господином коллежским советником и профессором Михаилом Ломоносовым // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1955. Т. 4. С. 163.

стороны, и само академическое сообщество оказывало довольно слабое влияние на другие социальные институты. Открытые при академии университет и гимназия оказались в тот момент нежизнеспособными. Русских там практически не было, а число учащихся неуклонно сокращалось. Об этом подробно и весьма ярко писал, например, П. Н. Милюков в известном труде «Очерки по истории русской культуры»³²¹.

В открывшемся в 1755 году Московском университете дело обстояло несколько иначе. Он по составу учащихся (и это стало во многом заслугой М. В. Ломоносова) оказался довольно демократичным: там начали обучение дети солдат, дьячков и других социальных групп. Ломоносов, добиваясь принятия такой социальной нормы в университете, понимал, что русское дворянство весьма пренебрежительно настроено к публичному обучению, предпочитая ему домашнее.

Одной из самых серьезных проблем для развития науки в России было отсутствие в сфере исследований преемственности. М. В. Ломоносову, например, так и не удалось создать своей научной школы ни в одной из отраслей познания. Как точно выразился Г. Г. Шпет, Ломоносов в Европе «учился, чему нужно было, вернулся и стал учить тому, что никому не нужно было, и только к 200-летнему юбилею его потомки догадались, кто у нас "собственный Нектон"»³²². Надо отметить, что и режим секретности, узаконенный государством в деятельности академии наук, также существенно усложнял занятия научными поисками.

Статус ученого в обществе в целом был незначительным, по сравнению с государственными чиновниками или военными и даже литераторами. Должность профессора как предел карьерного роста в этой области соответствовала 7 классу по профессионально-сословной классификации «Табели о рангах»³²³. Это хотя и давало возможность получить дворянство, но соответствовало лишь уровню армейского капитана и представителя низшей ис-

---

³²¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 258—262.

³²² Шпет Г. Г. Очерки развития русской философии. М., 2008. Т. 1. С. 313.

³²³ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 312.

полнительской должности в губернской канцелярии. Не случайно, Н. И. Пирогов выступал с идеей отмены для университетов этой иерархической системы, видя в ней одно из главных препятствий научному творчеству³²⁴.

Препятствием духу научности в университете было и отсутствие своеобразной санкции со стороны общественного мнения на систематическую исследовательскую деятельность, как это происходило в европейских условиях. Надо отметить, что и сам институт общественного мнения в России формировался благодаря той атмосфере, которая оформилась в 1770-е годы именно Московским университетом. Он сыграл важную роль в возникновении в России новых сообществ (литературных и просветительских кружков), подобных возрожденческим объединениям гуманистов. Исследователи подчеркивают: «Новые формы интеллектуальной жизни и общения начинают появляться в Москве на просветительской основе, и именно в университетской среде обретают почву объединения нового типа»³²⁵. Участниками их, как, например, и известного просветительского кружка Н. И. Новикова, в первую очередь были университетские преподаватели и отчасти студенты. В них постепенно зарождаются элементы свободомыслия.

Одним из ключевых условий, а точнее, критериев научности университетского образования следует рассматривать наличие механизма самовоспроизводства всех его элементов — как форм получения знаний, так и методик преподавания. О начале формирования такого механизма в Московском университете можно говорить примерно со второго десятилетия его существования. «Постепенно университет становился обособленной "самовоспроизводящей" структурой»: в апреле 1759 года студентами стали впервые не ученики духовных училищ и семинарий, а выпускники собственных гимназий; к концу XVIII века в университете появились и "свои" профессора, пришедшие на смену иностранным»³²⁶.

---

³²⁴ Пирогов Н. И. Университетский вопрос. Дополнение к замечаниям на проект нового устава Императорских Российских университетов. Санкт-Петербург, 1863. С.20—21.

³²⁵ Кулакова И. У истоков высшей школы. Московский университет в XVIII веке // Отечественные записки. 2002. № 2. С. 149.

³²⁶ Там же. С. 157.

Московский университет изначально не обладал правом присваивать научные степени, чем отличался от западноевропейских аналогов. Лишь в конце XVIII — начале XIX века ситуация изменилась: была присуждена первая научная степень в российском университете российскому ученому-физиологу Ф. И. Барсуку-Моисееву, который и образование получил на медицинском факультете Московского университета. «Он не только дважды прослушал полный курс физиологии и специально изучал эту науку под руководством М. И. Скиадана (профессора, получившего сугубо западное образование. — *О. К.*), но и выполнил самостоятельное научное физиологическое исследование, по результатам которого подготовил и в 1794 году защитил докторскую диссертацию»³²⁷.

Интересны формальные обстоятельства утверждения научности в университетской деятельности. Так, в университетском уставе 1804 года была утверждена (практического воплощения почти не получившая) автономия университета, а также и необходимость соединения в нем научной и образовательной деятельности. В частности, указывалось, что профессора должны способствовать усовершенствованию знаний, ежемесячно готовить научные доклады для обсуждения на Совете университета, профессорам предоставлялось и право выбора системы преподавания³²⁸. В этот устав, по авторитетному свидетельству историка А. Ю. Андреева, «вошли требования к желающим занять должности профессоров и адъюнктов представлять свои сочинения — т. е. законодательно закреплены научные критерии к замещению профессорских должностей, означавшие, что эффективность преподавания в университете оценивалась именно с точки зрения участия профессоров в научном процессе»³²⁹.

Следует отметить, что собственно исследовательская деятельность на российской почве складывается первоначально в

---

³²⁷ Пальцев М. А., Сточик А. М., Затравкин С. Н. Физиология и ее преподавание на медицинском факультете в XVIII веке // Вестник Российской Академии наук. 2008. Т. 78. № 7. С. 6.

³²⁸ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 319.

³²⁹ Там же. С. 322.

сфере социогуманитаристики (исторической науки, в особенности). Она постепенно получала и общественное одобрение, которое в тех условиях имело серьезное значение для становления любого социального института. В этой связи исследователи справедливо отмечают: «Лекции таких выдающихся ученых и педагогов, как Т. Н. Грановский, Н. И. Костомаров, А. П. Щапов и других, сообщали развитию социального знания мощный теоретический и нравственный импульс. Влияние на выбор проблем для научного исследования оказывал и такой фактор, как активное участие профессоров и студентов в общественной жизни страны»³³⁰.

Безусловным образцом собственно *научного подхода* в области исторического познания стал фундаментальный труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (1851—1879). Его ученик и также знаменитый историк В. О. Ключевский подчеркивал, что С. М. Соловьев стремился в первую очередь построить объяснение историческим явлениям, а точнее, показать генезис и преемственность социально-политических форм на конкретном историческом материале³³¹. Сергей Михайлович принял парадигму исторического познания, сложившуюся в европейских научных школах, где он получил первоначальную подготовку. Парадигма эта предписывала мыслить историю как целое, в чем и состояло достижение главной цели научного исследования — цели объяснения. В соответствии с научными принципами, как вспоминает В. О. Ключевский, Сергей Михайлович строил и свои университетские лекции, в ходе которых «с кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете»³³². Эту тенденцию в развитии русской исторической науки, в свою очередь уже усилил сам В. О. Ключевский, внеся в нее известный дух позитивизма, а значит, и тяготение к социологии (эмпирической, особенно). В подтверждение тому можно привести такое его суждение об

---

³³⁰ Кукушкина Е. И. Университеты и становление социологического образования в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 133.

³³¹ Ключевский В. О. С. М. Соловьев как преподаватель // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 503—504.

³³² Там же. С. 517.

историческом исследовании: «Содержанием истории, как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит исторический процесс, т. е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах»³³³.

С середины XIX века в России в целом складывается классическая модель университетского образования, ориентированного именно на науку. Несколько парадоксально в этом плане становится ситуация внутри самой Академии наук. В ее деятельности начинают обнаруживаться признаки некоторого упадка. Академия функционировала в качестве привилегированного государственного учреждения, все более замыкавшегося на самое себя. Свободная исследовательская активность переместилась преимущественно в стены университетов. Д. И. Менделеев, отмечая это, в 1880-е годы писал: «Академия как учреждение закрытое, как корпорация, назначенная, так сказать, для домашнего развития знаний, отжила свой век и предназначена к падению и должна быть заменена какой-то другой»³³⁴. Опыт развития Академий на Западе к тому времени показал, что они эффективны в форме, которая и в России получила массовое развитие, но уже вне академии — в форме специфических добровольных ученых обществ, поддерживаемых и государством и частной инициативой. В конце XIX века в России их были сотни. Они самоорганизовывались на началах, которые не имели отношения ни к политическим предпочтениям, ни к экономической выгоде, они вполне могли бы стать в будущем важнейшим институтом, в рамках которого цели гражданского общества и цели науки находили бы взаимное согласование. Однако, их судьба, а также и многих других российских институтов сложилась иначе.

Сформировавшийся за полтора столетия на отечественной почве союз науки и образования, войдя в фазу советской истории в XX веке, в целом показал себя на достойном мировом уровне. Сейчас принято много говорить о кризисе научно-

³³³ *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. М., 2004. С. 14.

³³⁴ *Менделеев Д. И.* Какая же Академия нужна России? // Менделеев Д. И. *Границ познанию предвидеть невозможно.* М., 1991. С. 235.

образовательной сферы в России. Думается, проблемы ее современного существования имеют свои корни в прошлом, прежде всего в эпохе ее зарождения. Их решение не может состояться без учета того, как в отечественном университетском образовании происходило утверждение научных оснований — принципов объективности, рациональности, системности, открытости, наднациональности, которые, в свою очередь, обусловили неизбежные тенденции глобализации университетской деятельности и включенности в них отечественного университетского корпуса.

**«Товарный» и ценностный языки
социально-гуманитарного знания:
глобальные реалии и тренды развития³³⁵**

Современность характеризуется интернационализацией всех сфер общественной жизни, формированием системы социокультурных, политических, экономических, религиозных связей и отношений. Человечество становится не просто единым, но и обретает осознание общей судьбы и ответственности за свою деятельность. Все виды различий отступают на второй план перед необходимостью развития нового сознания, которое можно назвать глобальным, планетарным или ноосферным³³⁶. Это сознание характеризуется, в первую очередь, острым пониманием ответственности за свою деятельность перед лицом всего человечества и биосферы планеты.

Формированию глобального сознания способствует ряд факторов, среди которых значимыми являются высшее образование и наука. Не случайно в последние десятилетия стали распространяться международные ассоциации вузов — Глобальный консорциум U8 или Международный альянс исследовательских университетов, а некоторые вузы стали ориентироваться на решение гло-

---

³³⁵ © Кузьменков В. А., 2016

³³⁶ Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998; Смирнов Д. Г. Глобальное сознание человечества в дискурсе ноосферных исследований // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16).

бальных проблем современности. Так, например, Национальный университет Сингапура выбрал своим девизом слоган «На пути к созданию глобального знания» (Towards a Global Knowledge Enterprise). В этом контексте особое место принадлежит гуманитарному знанию как наиболее насыщенному ценностями и ориентированному на осмысление и преобразование мира.

Однако именно в гуманитарной сфере наиболее ярко видна тенденция коммерциализации высшего образования и науки. Сразу же следует оговориться, что данное явление присуще далеко не всем вузам и странам (сохраняются вузы с бесплатным или льготным образованием — тот же Сингапур, вузы Германии), и проблемы развития гуманитарного знания связаны не только с ним, но всё же капитализация знания распространяется и вызывает негативные последствия. Поэтому представляется актуальным выявить тенденции и дисфункции образовательной деятельности, противонаправленные формированию глобального сознания.

Следует признать, что коммерциализация высшего образования (конечно, не только высшего, но сейчас идёт речь о вузах) и науки — это общемировая тенденция. Английский филолог Т. Иглтон отмечает: «если филологические факультеты и выживут, то, возможно, лишь для того, чтобы учить студентов с отделения бизнеса расставлять точки с запятой... Гуманитарные факультеты теперь должны держаться в основном за счёт средств, получаемых от платного обучения; это означает, что небольшие учреждения, практически полностью зависящие от этого источника дохода, были успешно приватизированы втайне от общественности»³³⁷. Заметим, что подобная тенденция присуща и государственным вузам значительного количества стран.

«Образовательная» приватизация имеет серьёзные последствия. Прежде всего, приватизированное учреждение работает в частных, локальных интересах и ставит целью собственную капитализацию, потому оказывается не заинтересованным в межвузовском сотрудничестве и повышении стандартов качества образования. Как известно, капитал перетекает туда, где лучше условия для его воспроизводства, поэтому современные

---

³³⁷ Иглтон Т. Медленная смерть университета // Скепсис [Электронный ресурс].

вузы превращаются в полноценных рыночных игроков. Важно и то, что сегодня господствует неоднозначный принцип: плохая успеваемость студента — это вина педагога. Такой подход размывает ответственность учащегося за своё образование, позволяя «перенести» её на некие внешние факторы. Но без персональной ответственности не бывает общих взаимодействий, соответственно, и общего сознания.

Вообще, формирование качественно определённого сознания (глобального, патриотического) редко является целью доминирующих образовательных моделей. Качество и содержание обучения оказываются второстепенными по сравнению с формальными показателями. Здесь уместно привести мнение Дж. Ритцера: «главное... сколько студентов (т. е. продуктов) можно прогнать через систему, и какие оценки им поставят, а вовсе не качество того, чему их учат, и какой опыт они получают»³³⁸.

В данном контексте обращает на себя внимание и ситуация *дистервегизации образования* (по имени немецкого педагога XIX века А. Дистервега), подразумевающая установку на невмешательство во внутреннюю жизнь учащегося, признание его как носителя независимой индивидуальности. На практике это оборачивается эгоцентризмом, неуважением к авторитетам и презрением ко всему тому, что требует усилий и самоограничения — воспитанию, обучению, дисциплине и т. д. Иначе говоря, самоограничение как фактор развития сознательности теряет свою роль. Поэтому в моральном и интеллектуальном отношении коммерциализация вузов может быть рассмотрена как дисфункция формирования глобального сознания, поскольку приводит к развитию «эгоистически развитой» личности.

Вместе с тем коммерциализация вузов (и в целом системы образования), как представляется, не является «первичной проблемой»; она сама имеет фундаментальное основание. Образование подчинено логике потребительства и оказывается захвачено коммодификационными (*commodity* — предмет потребления, товар) тенденциями³³⁹. «Товарное» понимание образования сочетает в себе

³³⁸ Ритцер Дж. Макдональдизация общества. М., 2003. С. 231.

³³⁹ Карпов А. О. Коммодификация образования в ракурсе его целей, онтологии и логики культурного движения // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 86.

как «образование для личности», так и «образование для общества», так как оно основано на скрыто декларируемой свободе выбора и эклектичном ценностном наборе индивидуальных и общественных благ. Однако в реальности формирование товарного ассортимента «образовательного супермаркета» полностью зависит от государства и образовательных корпораций, которым выгоднее иметь послушных потребителей, чем культурно развитых граждан.

Бразильский педагог П. Фрейре обобщает данную тенденцию под формулировкой «пищевая» или «диетологическая» система образования («nutritionist concept of education»), где обучающийся — «это человек, сознание которого представляет собой "пространство", предназначенное для того, чтобы быть "наполненным", или "напитанным" знанием»³⁴⁰. В этом плане человек является *объектом*, а не *субъектом* процесса обучения, проще говоря, его необходимо авторитарно «накормить» определённым «пищевым набором». Такого рода образование — результат господствующей «культуры молчания». «В обществе, исповедующем "культуру молчания", люди "немые", т. е. им запрещено принимать творческое участие в преобразовании общества, следовательно, запрещено быть... они отделены от власти, которая заставляет их молчать»³⁴¹.

Вероятно, такая культура может служить базой для глобального сознания «наизнанку», но разве это не является потенциальным духовным тоталитаризмом? Разве «пищевое» образование не стирает значимость фундаментальных ценностей личности? Здесь, как представляется, можно провести аналогию со знаменитым мысленным экспериментом «Мозг в колбе» Х. Патнэма³⁴²: человек, который приобрёл некое образование в «супермаркете знаний», несмотря на действительное отсутствие или скудность познаний о сущности объективной реальности, будет считать себя грамотным. Но эта установка будет основана на выработанной искусственно и независимо от человека модели сознания. Конечно, всегда найдутся немногие личности, которые

---

³⁴⁰ Freire P. The Politics of Education. Culture, Power, and Liberation. Westport, Connecticut; London, P. 45.

³⁴¹ Ibid. S. 50.

³⁴² К слову, на его недавнюю смерть с опозданием в пять дней отреагировала «New York Times»: Putnam H. Giant of Modern Philosophy, Dies at 89 // New York Times [Электронный ресурс].

раскроют бедность «пищевой» модели и отвергнут её, однако в целом такое образование может служить прекрасным механизмом манипуляции массовым сознанием.

Реципиенты «пищевой» модели оказываются в ситуации подавления индивидуальности силами сложившейся образовательной системы: у личности программируется когнитивный механизм, приводящий к упадку интеллектуальных способностей до общего, весьма низкого, уровня. В психике человека устанавливается запрет на приобретение знаний, умений и навыков, которые выходят за пределы узкой и унифицированной модели «дозволенного» познавательского поведения. Посредством этого снижается творческий потенциал общества и образование начинает порождать незнание, тем самым играя ценностно противоположную роль. Здесь можно вспомнить виднейших представителей русской мысли: И. А. Ильин был уверен в том, что «...полуобразованность прямо развращает людей»³⁴³, а Ф. М. Достоевский пророчествовал, что в будущем человечеству угрожает самый страшный деспот — полунаука.

Данная ситуация заставляет иначе взглянуть на роль социально-гуманитарного знания в современном мире. На наш взгляд, главная ценность гуманитарных наук — это способность противостоять доминирующим идеям, их функция — критика основ существующего строя. Конечно, можно найти немало примеров сотрудничества «гуманитариев» и общественных элит, но при этом критический дискурс всегда имел место в интеллектуальной жизни обществ, в том числе тоталитарных. Специфической же чертой современности выступает то, что «гуманитарии» оказываются изолированы в своего рода коммуникативных гетто, в которых заключены критические мнения, и отчуждены от социальных процессов, замкнувшись в собственном интеллектуальном кругу³⁴⁴. Таким образом, происходит социальная дисквалификация подлинных носителей знаний.

Реальными последствиями изоляции социально-гуманитарных наук выступает кризис общественного развития.

---

³⁴³ Ильин И. Путь к очевидности. М., 2007. С. 36.

³⁴⁴ Более тридцати лет назад это отмечал американский неомарксист А. Гоулднер: Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. Oxford, 1982.

За этой избитой формулировкой следует понимать всегда актуальное и весьма конкретное содержание: антидемократизм и деградацию человеческой личности. В «пищевой» модели образования человек понимается как объект внешнего воздействия, существование которого связано с производством и потреблением. Несмотря на рост ВВП, активно воспроизводятся социальное неблагополучие и умножаются маргинализированные слои. Это заставляет поставить вопрос, что понимается под развитием общества, уровнем и качеством жизни, и самое важное, какова роль образования в этом процессе. Не случайно в среде учёных достаточно популярной в последние полвека стала парадигма развития человеческого потенциала (*human development paradigm*), основоположником которой был американский социолог и экономист Г. Бейкер³⁴⁵. Таким образом, логика социального развития прямо связана с содержанием гуманитарного образования: инвестиции в человеческий капитал означают инвестиции в будущее общества.

Современный американский философ М. Нуссбаум отстаивает схожую точку зрения. По её мнению, сворачивание поддержки гуманитарных наук приводит к упадку общества полноценных граждан. Она приводит в пример официально признанный неэффективным знаменитый индийский университет Вишва-Бхарати. Его создатель, поэт и философ Р. Тагор, активно использовал включение во все учебные курсы музыкальных и художественных произведений различных культур мира. Данный образовательный эксперимент оказал большое влияние на образование в Европе, Азии и США, но, самое главное, он развил принцип образного и критического мышления как главный принцип саморазвития человека³⁴⁶. В основу функционирования университета Вишва-Бхарати были положены межкультурные коммуникации, которые расширяли интеллектуальные границы и способствовали развитию глобального сознания учащихся.

---

³⁴⁵ *Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // The Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. Issue 5. Part 2: Investment in Human Beings.*

³⁴⁶ *Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М., 2014.*

По всей видимости, именно в этом примере и заключается ответ на вопрос «Что делать?», потому что только через взаимную кооперацию и обмен опытом педагогов и деятелей науки всех стран и специальностей возможно преодолеть и «пищевую» модель образования, и коммерциализацию знания, и изоляцию учёных как социального слоя. Данная задача не может быть решена без изменения мировоззрения и переориентировки систем ценностей в сторону выработки принципов глобального сознания, среди которых важное место занимают ценности знания. С одной стороны, необходимо придти к пониманию необходимости определения набора общезначимых в глобальном аспекте ценностей, несущих интегративный и творческий потенциал для ключевых общественных групп и институтов, которые смогут поддерживать и распространять эти принципы. С другой стороны, представляется перспективной модель, в которой преимущественно частные вузы будут специализироваться на гуманитарных науках, а преимущественно государственные — готовить медиков и инженеров.

При этом базовой установкой глобального сознания должно быть отождествление ценностей национального и глобального, частного и общего, первичности общечеловеческого для идентификации человека с единой человеческой семьёй.

***Расширение образовательного разнообразия:
университетские языки глобального и локального***³⁴⁷

Императив действия, эффективного достижения чего-либо
принуждает нас ограничивать себя.

И это самоограничение является сущностью жизни
(Х. Ортега-и-Гассет)

Масштабы и последствия глобализации в сфере образования обуславливают ее актуальность и необходимость рассмотрения этого процесса в самых разнообразных теоретиче-

---

³⁴⁷ © Палей Е. В., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: фило-софско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

ских аспектах философии образования. Общепринятая трактовка глобальности в образовании (в ее практическом измерении) предполагает информационную, институциональную и инновационную открытость университета. Однако при всех достоинствах последняя способна привести в образовательную практику и немало сложностей.

Мобильность профессионалов в международном образовательном пространстве, унификация образовательных технологий и доступность информационных ресурсов при разумном подходе способствуют появлению в образовании множества позитивных результатов. Но, быстро переходя из средств в категорию самоцелей, эти же характеристики начинают создавать угрозу для существования института образования в целом. Современные исследования развития образования красноречиво свидетельствуют о тенденциях к деконструкции сложившейся системы, усилении моментов неопределенности, разрушающих ее целостность и устойчивость в условиях интенсификации внешних взаимодействий, что «делает людей доступными для всевозможных комбинаций и связей, но не для ответственной мысли»³⁴⁸. Вместе с возрастанием ценности прозрачности, изменчивости, приспособляемости и интерактивности теряется определенность, надежность и наполненность смыслом, напрямую вытекавшие из прежнего ощущения прочной взаимосвязи с традицией, сопричастности всему окружающему культурному пространству. В открытом глобальном пространстве ценностная среда вузов оказывается уязвимой перед лицом новых информационных потоков с их невидимыми смыслами и мифической ценностной нейтральностью, создающих новые формы ограничений. Превратно понимаемая глобальность оборачивается для многих образовательных учреждений унификацией и зависимостью от стандартов инновационной экономики. Поэтому мы считаем актуальным обратиться к локальному как одному из измерений современного развития, столь же необходимому для его существования, как и глобальность.

---

³⁴⁸ *Луговая Е. К.* Традиционная культура и проблема спасения реальности // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества. СПб., 2015. С. 73.

В контексте философски понимаемой глобализации образования как поиска полноты и цельности своей личности, мира и профессионального пространства локальное выступает не сколько антиподом, сколько существенным дополнением и показателем подлинности происходящего процесса. Аналогично пониманию глобальности, локальное также может существовать в различных (в том числе поверхностных и искаженных) интерпретациях. Как и глобальное, локальное может и должно рассматриваться в контексте фундаментальных оснований образования как такового. В этом случае конкретность локального не должна заслонить его абстрактную вневременную и внеситуативную сущность. Если глобальное с позиции онтологии образования связано с его познавательным базисом, то локальное — с социальными и персонально-личностными основаниями образования. В силу многообразия изменений сферы образования позволим себе рассмотреть несколько аспектов локального, наиболее очевидных для характеристики наличных (или возможных) ценностных стратегий современного университета.

В силу прагматической направленности современного образования самыми ярко выраженными являются институциональные трансформации университетов, привлекающие огромное внимание исследователей. Вслед за известной работой Б. Ридингса они часто именуется «руинизацией университета» с соответствующей названию оценочной характеристикой. Но при внимательном рассмотрении институциональная ситуация (и в том числе российская) выглядит не столь однозначно.

Б. Ридингс описывал сущность произошедших изменений как «крах национально-культурной миссии» университета, в процессе которого глобализация отобрала у последнего функцию «идеологического орудия» и сделала его «относительно автономной потребительски ориентированной корпорацией»³⁴⁹. Прежняя глобальность (как универсальность и общезначимая целостность), если следовать логике автора, определялась нацеленностью университета на высшие идеалы самораскрытия личности, в свою очередь, являющиеся самоценными в силу абсолютной ценности разума и свободы. Современный же «университет совершенства», вынужденно интегрированный в рынок знаний,

---

³⁴⁹ Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. С. 12, 25.

«глобализован» за счет чрезмерного администрирования и универсальности предоставляемых им услуг³⁵⁰. Университет как ведущее звено национальной идеологии, без сомнения, обязан был быть «локальным», ограниченным интересами государства, движимым «великим нарративом» сохранения культурной идентичности. В описании Б. Ридингса современная глобализация заменяет национальную культуру глобальной экономикой, нивелирующей университетскую систему ценностей до соотношения затрат и прибыли³⁵¹, подменяя локальные (национальные) идеологические цели на глобальные неидеологические.

Обращение к современным исследованиям образования показывает, что локальное в форме государственного влияния неустранимо из практики управления образованием. Б. Кларк называет «лояльность» одной из обязательных составляющих системы ценностей высшего образования, где «всегда присутствуют интересы государства», требующего от университета экономической, культурной и политической значимости³⁵². Рамки и формы таких требований варьируются, зависят от экономического состояния и политической традиции страны, но неизменно определяют способ постановки и решения проблем. Анализ развития образования в странах БРИК свидетельствует: в основе большей части изменений в данной сфере стоит государство³⁵³, а автономность учреждений высшего образования в реальном процессе принятия решений довольно низка³⁵⁴. При этом определяющей является финансовая зависимость университетов от государства³⁵⁵. Но, вопреки мнению Б. Ридингса, авторы исследований констатируют, что зависимость от государства определяется непреходящим желанием последнего использовать систему высшего образования в качестве фактора обретения легитимности и поддержания власти³⁵⁶, т. е. сохранять университет в его «идеологическом»

---

³⁵⁰ Там же. С. 53, 56.

³⁵¹ Там же. С. 81, 185.

³⁵² Кларк Б. Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М., 2011. С. 305—306.

³⁵³ Массовое высшее образование. Триумф БРИК? М., 2014. С. 55.

³⁵⁴ Там же. С. 251.

³⁵⁵ Там же. С. 251—253.

³⁵⁶ Там же. С. 52.

измерении. В эту же тенденцию вписывается возрастание региональной роли университетов в их «третьей функции» — воспитательной, средоточия культурного и интеллектуального опыта. По-прежнему актуальна трактовка прогресса, согласно которой одной из важнейших идеологических составляющих глобализации является измерение престижа национального государства качеством его образования.

С позиции общих социальных оснований образования картина соотношения глобального и локального выглядит еще более неоднозначной. Да, перемена ценностного приоритета с духовных категорий на материальные с позиции классических университетских ценностей выглядит как разрушение основ и закономерно переживается академическим сообществом как травма. Но сама по себе смена парадигмы образования как реакция на существенно изменившиеся социальные обстоятельства вполне закономерна. Образование не существует внесоциально, его цели и задачи обусловлены наличными или перспективными потребностями социума, сохраняющего посредством образования традицию и опыт (в том числе опыт кризисный и негативный). Получая профессию, человек встраивает себя в единство сосуществований, обеспечивает себе место в будущем. В этом смысле университет по сути своей локален, он есть принадлежность интеллектуально ориентированной части человечества, он «ограничен» ее культурой и ценностными приоритетами. Уникальность университета (высшего образования в целом) как раз в том, что, будучи *одним из* социальных институтов, он масштабностью своих целей локальное (порожденное конкретным сообществом) преобразует в глобальное (развивающее все человечество).

Фундаментальная локальность университета имеет и еще одно измерение. В основе всех исследований университета лежит тезис о том, что «являясь во многом зависимым, этот сектор развил собственную структуру, которая обеспечивает некоторую автономию и прочное преобладание над определенными задачами и функциями»³⁵⁷. Университет как организация всегда имеет «место», он всегда как-то обозначен (пространственно, функцио-

---

³⁵⁷ *Кларк Б. Р.* Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М., 2011. С. 12.

нально, юридически). Эта определенность не позволяет выходить за некоторые рамки, формирует систему норм и правил деятельности (отличающихся в силу специфики интеллектуального творчества, но сформулированных и транслируемых в процессе профессиональной подготовки преподавателей). К сожалению, именно эта *организация* деятельности обуславливает искажение современной системы высшего образования в сторону приоритета ее формально-бюрократического содержания. Распределение труда, власти и авторитета слишком хорошо поддается учету и контролю, где локальность как определенность целей быстро превращается в локальность цифр и мелочность норм бюрократического регулирования. В этом смысле диагноз Б. Риддингса точен: проблема определения масштабов деятельности университета не в том, что это *корпорация* (с закономерными следствиями корпоративности), а в том, что из корпорации интеллектуалов он превратился в корпорацию ориентированных на финансовую эффективность бюрократов.

К сожалению, реальность российского образования справедливо вызывает множество катастрофических ожиданий, расширяя вместе с тем пространство критического осмысления и адекватности в отношении к границам желаемого. Существующие условия развития образования, по мнению М. Д. Щелкунова, делают современный университет «социально ангажированным учреждением», путем коммерциализации, менеджизации и предпринимательской активности «выстраивающего свои отношения с обществом на принципах товарно-денежного обмена»³⁵⁸. И эти условия ангажированности заставляют образовательную систему формировать новые парадигмы, более удачно отвечающие на вызовы времени. Невнимание к реальным сложностям и требованиям оборачивается невыполнением системой образования своих функций³⁵⁹, подменой действительных задач фантазиями или декларациями.

---

³⁵⁸ Щелкунов М. Д. Социальная ангажированность современного университета // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений*. Уфа, 2015. Т. III. С. 128.

³⁵⁹ Багдасарьян Н. Г. Цена и ценность российского образования: параметры конфликта // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений*. Уфа, 2015. Т. III. С. 128.

Вероятно, в ценностных стратегиях современного университета стоит различать два связанных, но, тем не менее, неодинаковых, процесса — практическую направленность деятельности и ее коммерчески-бюрократическое наполнение. Само по себе обвинение в прагматизме (локальности поставленных целей) в отношении университета некорректно, он *должен* готовить профессионалов. Масштаб профессионала определяется не только степенью владения конкретными знаниями, сколько его умением *жить* в качестве профессионала, — понимать и принимать всю полноту изменяющейся профессиональной действительности, обеспечивающей ему возможность «быть в форме» (Х. Ортега-и-Гассет), т. е. *реально влиять* на эту действительность.

В контексте философии образования глобальность предусматривает единство и открытость как направленность на безграничность и бесконечность (как человека, так и системы высшего образования в целом). Прагматизм, на первый взгляд, категорически противоречит формированию такой перспективы. Ж. Бенда назвал «предательством» позицию современного интеллектуала, вместе с массой преследующего практические цели, подменяющего ценности вечные и бескорыстные на неопределенные и соотносимые с постоянно меняющимися материальными условиями. «Задача интеллектуала — не изменять мир, а остаться верным идеалу»³⁶⁰. Современное университетское сообщество вряд ли может себе это позволить. Приведенное высказывание справедливо, если под прагматизмом понимать жесткую коммодификацию всей образовательной деятельности. Это локальное — мелочное, локальное как ограниченное и *неспособное* выйти за некоторые пределы. Иной вариант локальности образования — локальное как *живущее и действующее*. Для этого нужно наполнить знания жизнью, т. е. «придать им форму, совместимую с жизнью»³⁶¹. Ортега-и-Гассет называет это «императивом действия», сужающего рамки самоуверенности требованием «*воплощения замысла*» (курсив мой. — *Е. П.*), способностью «смешивать и примирять свой огонь с ясным взглядом и несгибаемой волей»³⁶². В таком ограничении речь идет об осознанном и вни-

³⁶⁰ Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М., 2012. С. 83.

³⁶¹ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М., 2010. С. 111.

³⁶² Там же. С. 51, 95.

мательном отношении к своим целям, рационализации желаний, умении перевести идеалы истины, разума и справедливости в ряд *поступков*.

Образование выполняет функцию преобразующей силы, конструирующей качества человека и окружающего его пространства. Существенно важно при этом придание данной силе позитивного характера созидания, неотделимого от *ответственности*. Именно на пространстве ответственности глобальное становится локальным. Прагматика настоящего заставляет университеты рассматривать себя не как беспристрастных носителей абсолютного начала, апеллирующих к «священным правам человечества» (И. Кант), а как реального коллективного субъекта, готового к существованию в условиях постоянной необходимости принимать нелегкие решения и сохранять свою индивидуальность в противостоянии внешним влияниям как преградам в своем движении к самоопределению.

Сознание и поведение современного потребителя образовательных услуг подвижны совершенно определенной идеологией, и в этом смысле — локализованы на конкретных целях. Как учреждение сферы услуг (в одной из своих функций), современный университет просто обязан быть ориентирован на конкретного потребителя (абитуриента, предпринимателя, госслужащего). Это тот аспект выявления «актуальных границ необходимого» (М. Фуко), который обуславливает новые грани ответственности университета. Это ответственность за реальную подготовку кадров, их востребованность, неизбежно ограниченную по причине *конкретности* профессии. Ответственность университета может быть понята не только как услужливое потакание полуграмотному, инфантильному и ориентированному на развлекательность абитуриенту, а как осознание последствий преподаваемого для становления конкретного человека, как фактор, способный привести в его мировоззрение новые ориентиры, как возможность прояснить сущность интеллектуальной культуры в качестве способа социального взаимодействия.

В контексте приведенного мнения ясно, что глобальность несовместима как с идеализацией субъектов образования, ве-

дущей к их безответственности и инфантильности, так и с произвольной постановкой образовательных задач, грозящей превратить высшее образование в декоративное излишество. Локальное как конкретно-практичное, но осмысленное и действительное может и должно рассматриваться в качестве необходимого связующего звена между реальностью и идеалом образования.

С социальным прочтением локального неразрывно связано его экзистенциально-личностное понимание. Локальное может рассматриваться как связанное со становлением личности профессионала. И в этом — одна из самых значительных проблем современного образования. В массиве современных компетенций, образовательных технологий и систем управления исчезает *человек*, превращаясь в единицу учета, виртуального студента и стандартного потребителя образовательных услуг. Образование, ориентированное на такого субъекта, нацелено в никуда. «Пустое понятие совершенства отсылает исключительно к оптимальной пропорции входящей/исходящей информации»³⁶³. А подлинное образование (как формирование, преобразование) должно быть сосредоточено на *конкретном* человеке. К сожалению, история не дает нам примеров существования целостной *системы* образования с таким ценностным приоритетом, что заставляет осмыслить этот вариант как возможный в будущем.

Современное образование учит не личностному, «внешние» цели (карьера, материальное благополучие) вытесняют внутреннюю потребность в образовании. Из современного университета не выходит самостоятельных людей. Более того, узко понимаемые финансовые и организационные установки негласно утверждают идею о недопустимости рассмотрения обучаемого в контексте его личного бесконечного совершенства, он обязан восприниматься таким, «какой он есть». Приходится согласиться с Ж. Бенда: современность (в форме узко специализированной профессиональной подготовки вместо образования) легитимирует в сознании «вечность варварства»³⁶⁴, ценность несо-

³⁶³ Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. С. 69.

³⁶⁴ Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М., 2012. С. 160.

вершенства. В этом контексте подлинно индивидуальное образование (а не обучение) должно выступать в качестве сверхзадачи глобального (и локального одновременно) образования. Оно должно быть для Человека (как каждого неповторимого с учетом всех его личных особенностей, ценностно-целевых установок и способностей). Такое образование должно создавать систему личностных смыслов, а не просто транслировать опыт и знания, принимаемые за необходимые.

Полученный в процессе образования опыт должен быть нацелен на место человека в жизни и профессии, — *его* место, предполагая самораскрытие, выход на уровень рефлексии профессиональных оснований, на возрождение и наполнение новым смыслом забытого понятия «призвание». Здесь имеет место устремленность на подлинное, но не как всеобщее истинное, а как индивидуальное. Это поиск «образа совокупного человеческого бытия» (М. Шелер), также выводящий на категорию ответственности в образовании. Но здесь она сущностно связана с обретением обучающимся своего предназначения и индивидуального своеобразия.

Глобальность может быть истолкована как перспективность, заложенная в системе высшего образования и обеспечивающая социальный прогресс. «Образованный человек» — это некий образец, в смысле подлинной глобальности не столько в плане его осведомленности, сколько в плане его владения системой жизненных идей и репертуаром относительно иерархии ценностей. Человек должен стать носителем смысла для себя как части общечеловеческого, сформировать свое «Я» как уникальность в единстве с изменяющимся саморегулирующимся всемирным целым. Образование с присущими ему критериями оценки формирует горизонт наличного пространства, который обязательно предполагает свободное самоосуществление конкретного. В этом контексте открытость должна быть направленностью на будущее, с одной стороны, настроенное на потенциальную бесконечность возможностей человечества (глобально), а с другой — на осознание ответственности в каждый настоящий момент времени (локально).

Образовательное глобальное означает пересмотр масштабов образовательной активности субъекта, расширяя про-

странственно-временные рамки образования, ориентируя его на открытость и непрерывность, а образовательное локальное создает ценностные рамки, формирует этические принципы образовательной деятельности (ограничения, связанные с мерой ответственности за содержание и результаты образования, за деятельность по преобразованию окружающего мира и человека). Таким образом понимаемая локальность должна привести к подлинному глобальному — расширению образовательного разнообразия. Это позволит в условиях делегализации пространства высшего образования, виртуализации обучения и многообразии практических задач сформировать *единое* глобальное образовательное пространство, объединенное общим смысловым контекстом и способное обеспечить понимание внутри этого целостного «мира образования».

Вместо Заключения

НООСФЕРНЫЙ ЯЗЫК ГЛОБАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ³⁶⁵

Размышления о языках глобального сознания в представленной коллективной монографии связано с методологическими идеями академика Вяч. Вс. Иванова, связывающего воедино философскую антропологию, философию языка, семиотику и лингвистику, а также сформировавшуюся не так давно ноосферологию. Знакомство с творчеством знаменитого ученого в региональное философское сообщество привнес профессор А. Н. Портнов³⁶⁶, который, как видно из оставленного им научного наследия, в значительной мере старался идти той же дорогой.

По этой причине не случайно на последнюю страницу обложки этой книги вынесен рисунок Вяч. Вс. Иванова, в невербальной форме дающий представление том, как с точки зрения Вяч. Вс. Иванова «устроена» ноосфера и многочисленные языки ее описывающие³⁶⁷.

Этот достаточно простой по своим техническим средствам изотекст позволяет не только показать методологическую нагруженность ноосферного дискурса, но и может быть использован в образовательных и просветительских целях. Перед нами словно до некоторой степени переосмысленный изологосный околосказочный текст, характерный для «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери.

---

³⁶⁵ © Смирнов Г. С., 2016

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833.

³⁶⁶ Книги Вяч. Вс. Иванова «Очерки истории семиотики в СССР» (М., 1976), «Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем» (М., 1978), «Избранные труды по семиотике и истории культуры» (М., 1990) из библиотеки А. Н. Портнова были настольными книгами для многих его учеников.

³⁶⁷ Рисунок взят из статьи Вяч. Вс. Иванова «Towards noosphere» (См.: *Ivanov Vyacheslav. Towards noosphere // Candles in the Dark. A New Spirit for a Plural World. Manchester; Seattle; London, 2002*).

Простота этого ноосферного текста не должна смущать, на самом деле он настолько энциклопедичен по своей сути, что следовало бы говорить об особом ноосферном изобразительном языке, образ которого подарил великий знаток знаков и языков.

Как же строится изо-знаковый образ ноосферы? Земное пространство, формирующееся из точки (клетки, на самом деле яйца по своей форме на рисунке) сингулярности, представлено свернутой в клубок нитью Ариадны, и хотя, на первый взгляд, создается ощущение, что перед нами расходящееся спиральное пространство, на которое мы смотрим сверху, тем не менее, следует иметь ввиду, и сферную интерпретацию объемного намотанного клубка: четыре с половиной миллиарда лет геологического развития свернуто в лёгком карандашном формате. Движение биосферного внешнего кольца проходит по часовой стрелке, но это не исключает и «некого» попятного движения прежде всего в животных формах. Лишь фито и рацио(антропо) формы, обладая асимметрией, не всегда выказывают свою интенциональность, но при этом не статичны, но подвижно-динамичны. Заметим, что на поверхности Земли растут не только «обыкновенные» деревья, перед нами раскрываются и знаки «мирового древа». Что же касается животного мира, то их узнаваемые знаковые формы также очень часто превращаются в символические: вот знаменитый гумилёвский «жираф», а вот донкихотовский Россинант, не говоря уже о носителе блоковских страусиных перьев. Любой эмпирический знак в какой-то степени нагружен апперцепцией вездевечного человеческого бытия, что совершенно не устраняет ярко выраженной биосферной сущности первого кольца знаков (ближней — земной — семиотической реальности).

Творчество Вяч. Вс. Иванова в осмыслении ноосферных проблем представляется столь же значимым, как и творчество Н. Н. Моисеева. При поиске синтетической методологии в осмыслении ноосферных процессов российские (и советские) академики шли в одном направлении соединения естественнонаучного и гуманитарного (социального) знания, но представили их разнодоминантные, хотя и комплементарные формы. Для Н. Н. Моисеева характерна доминация философии науки и истории науки, для Вяч. Вс. Иванова — ориентация на когнитивные и семиотические проблемы.

Для Вяч. Вс. Иванова характерна особая модель ноосферных репрезентаций, включающая в себя как логосные (характерные для большинства современных ноосферных исследований), так и изобразительные (визуальные) мотивы. В действительности перед нами создание особой изолированной методологии представления исторически конкретных репрезентаций налично сложившихся образов ноосферы (ноосферной реальности).

«Семиотический принцип в том виде, в котором он формулируется Вяч. Вс. Ивановым — «в истории культуры разбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы», показывает, что именно усложнение знаков, знаковых систем, знаковой среды, как универсальных способов выхода человека во Вселенную составляет ткань человеческой истории. Отметим, что человек осуществляет этот отбор как бы опосредованно, их отбирает сама история, и они сами («которыми развитие направляется») определяют траекторию развития»³⁶⁸.

Целостное описание глобального мира требует соответствующего его сложности языка. При этом следует признать, что тот язык, о котором идет речь, тот язык, который иногда с трудом, иногда ясно и открыто, выныривает на поверхность сознания, чтобы глотнуть воздуха мировости, выговаривает лишь малую часть общего потока энерго-информационного обмена, происходящего в ноосферной сверхсистеме.

Знакование на атомном (нано-) уровне, на молекулярном, клеточном, органном уровнях оказывается практически незаметным для человека, лишь в XX веке оказалось возможным читать нечеловеческие языки биосферной эволюции, а значит постепенно открывать для ноосферного универсума истоки языков понимающего сознания.

Многомиллионлетние навыки понимания бесконечного множества знаков естественной природы через формы инстинкта потерялись в результате создания естественно-искусственной и искусственно-естественной реальности, для которой человек вынужден придумывать иные — инфо-техногенные — языки и че-

---

³⁶⁸ Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсальную клиософию. Иваново, 2012. С. 121.

рез них понимать и истолковывать знаки новой глобальной реальности. Биотехногенная среда обитания современного человека очень трудно трансформируется в ноосферную реальность, в которой аналитическая и рефлексивная, рациональная и иррациональная, логическая и интуитивная стороны отношения к космопланетной среде в своей необходимой дополнительности порождают приближение к видимой и невидимой истине.

Нужно ли создавать язык для того, чтобы человек адекватно правильно мог говорить о глобальной реальности? Это, фактически, риторический вопрос. Человеческая цивилизация последние 100 лет только и занимается тем, что сочиняет языки, на которых получится хотя бы в какой-то мере говорить с Природой (Большой природой с большой буквы), которая и предстает для нас как Ноосфера.

Для того чтобы научиться говорить с Природой, человек изобрел языки для говорения с самим собой и с другими людьми, точнее сказать, природа сама научила человека общаться с себе подобными, для того чтобы потом проверить — сможет ли он общаться с ней. Конечно, человеческие языки строились и создавались по моделям говорения с природой, но, как это всегда бывает, человечество слишком увлеклось самообщением, а затем и общением с социальными и техническими системами, которые искусственно возникали в процессе жизнедеятельности. А дальше — в рамках человеческой истории — возник соблазн говорить только между собой, постепенно разучившись говорить с природой, считая этой диалог в значительной степени излишним.

Такова семиотическая судьба современной цивилизации. Русское космическое сознание (русский космизм) в известной мере сохранило навыки и способности общения с природой, что делает его актуальным для современного глобального (космопланетарного) бытия человечества. Особенно следует сказать о русском варианте говорения с природой — через русскую поэтическую и прозаическую (литературную) философию.

Правополушарные языки общения (говорения) с природой оказываются наиболее значимыми для формирования (эволюции) глобального сознания. Так возникает серьезная проблема поиска языкового универсума глобального сознания. Современное технократическое человечество разрабатывает компьютерные языки

энергоинформационного взаимодействия в биосферно-ноосферной (но на самом деле — вселенской) среде обитания, т. е. левополушарные языки информационного общения. Но чем глубже конфликт непонимания, тем значительнее оказывается потребность в развитии языков правополушарных, средства общения которыми не столь точны, но интеллектуально более онтичны (сущностны) и даже онтологичны (ибо это языки прямого обмена знаками своего со-бытия).

Многообразные формы знакования для человека выступают формами общения с Природой (и той, которую называют живой и «мёртвой», и той, которую называют «естественной» и «искусственной»). Как же осуществляются процессы знакования в системе глобально-планетарного общения, создания био-техно-социо-ноосферного семиотического всеединства.

Собственно вся философия сознания XX века оказывается словно предназначенной для сильного синтеза глобального языка сознания. Вряд ли можно спорить с тем, что «правильное» языковое общение в информационном обществе способствует ослаблению и даже преодолению конфликтности сознаниевой реальности. Как объяснить, что западное и восточное христианство существуют в параллельных глобальных мирах, хотя принадлежат одной мировоззренческой реальности. Еще более страшно, когда сталкиваются не просто духовные субстанции, а географические миры одной планетной субстанции: Восток и Запад оказываются не менее конфликтноязычны.

Человеческая революция в XX веке фактически вырастает из чреды революций социальных, экономических, технологических, семиотических и информационных, но при этом ее особая природа (человеческая природа имеет *коэволюционный* характер) видна в особенностях развития философской антропологии.

«Новый диалог человека с природой»³⁶⁹ — создание новых семиотических и методологических языков, благодаря которым человек перестанет читать природе свои техногенные монологи, а начнет осваивать диалогические формы коммуникации с ПРИРОДОЙ, что и обеспечит в какой-то мере не пресловутые опти-

---

³⁶⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. (Новый диалог человека с природой). М., 1986.

мизации или модернизации, а конвергенции, коэволюции и, наконец, рано или поздно — гармонизации.

Не случайно, что в современной научной литературе представления о ноосферном языке возникли в связи с необходимостью «представить, на каких языках можно выразить общие закономерности развития, действующие в системе "природа — общество — человек"»³⁷⁰. Авторы статьи считают, что «ноосферный язык должен быть пространственно-временным — ноосферный *LT*-язык»³⁷¹.

Концепт «ноосферный язык», понятый в предельно широком смысле, указывает на живое пространство научной мысли как планетного явления, возникшее на стыке многих исследовательских областей, и в новом ключе поясняет мысль академика Вяч. Вс. Иванова о том, что судьбоносная книга В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» — это поистине «семиотическая книга».

Любое исследование всегда не только подведение итогов, но и открытие новых исследовательских проблем, так фактически получается и с этой книгой.

---

³⁷⁰ Кузнецов О. Л., Большаков В. Е. Ноосферные законы и модели глобального устойчивого развития // Уровень жизни населения регионов России. № 1 (191). 2014. С. 94.

³⁷¹ Там же.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Becker G. S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *The Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. Issue 5. Part 2: Investment in Human Beings. P. 9—49.
- Cchwartz S. H.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences cross nations // *Measuring Attitudes Cross-nationally — Lessons from the European Social Survey* / R. Jowell et al. (Eds.). L.: Sage, 2007. P. 169—203.
- Freire P.* *The Politics of Education. Culture, Power, and Liberation* / Transl. by Donald Macedo. Westport, Connecticut; London: Bergin & Garvey Publishers, Inc., 1985. 209 p.
- Fromm E.* *The dogma of Christ and other essays on religion, psychology and culture*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1963. 212 p.
- Gelen A.* *Der Mensch: Seine Natur und seine Stellung in der Welt*. Berlin: Junker und Dünnhaupt, 1944. 325 S.
- Gouldner A. W.* *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 128 p.
- Ivanov Vyacheslav.* *Towards Noosphere // Candles in the Dark. A New Spirit for a Plural World*. Manchester; Seattle; London: New Hampshire Institute of Politics at Saint Anselm College in association with University of Washington Press, 2002. P. 187—205.
- Kandinsky W.* *Concerning The Spiritual In Art* / Edited and translated by Hilla Rebay. N. Y.: Solomon R. Guggenheim Foundation, 1946. 164 p.
- Kautsky K.* *Der Ursprung des Christentums*. Stuttgart: Verlag von J. H. W. Dietz Nachf, 1908. 538 S.
- Klausner S. Z.* *On man in his environment*. San Francisco: Jossey-Bass, 1971. 224 p.
- Laclau E., Mouffe C.* *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso Books, 1985. 197 p.
- Lilly J. C.* *Programming and Metaprogramming in the Human Biocomputer: Theory and Experiments*. N. Y.: Three Rivers Press, 1987. 196 p.
- Maturana H., Varela F.* *Autopoiesis and Cognition: The realization of the living*. Boston: Reidel, 1980. 141 p.

- McLuhan M.* The Medium is the Massage: An Inventory of Effects with Quentin Fiore, produced by Jerome Agel. N. Y.: Random House; Gingko Press, 2001. 159 p.
- Mosebach Martin.* Папа Франциск, популярност за сметка на църквата? // *Liberalenpregled*. 2015. July 8. S. 535—544.
- Naisbit J., Aburden P.* Megatrends 2000: Ten new directions for the 1990's. N. Y.: William Morrow and Company, 1990. 220 p.
- Poluljakh Yu.* Semiology of information: ontological aspect // *Вісник Національного технічного університету України Київський політехнічний інститут. Серія: Філософія. Психологія. Педагогіка*. 2010. № 2 (29). С. 52—56.
- Tymieniecka A.-T.* Phenomenology as the inspirational force of our times // *Phenomenology Worldwide. Foundations — Expanding Dynamics — Life Engagements. A Guide for Research and Study*. Dordrecht: Springer, 2002. P. 1—8.
- Yagodzinskiyi S. M.* Global consciousness as a cultural and historical concept // *Гилея: научный вестник*. 2015. № 97. С. 200—203.
- Авалон А.* Змеиная сила / пер. с англ. М.: ГРАММА, 1994. Т. 1. 256 с.
- Агафонов А. Ю.* Основы смысловой теории сознания. СПб.: Изд-во «Речь», 2003. 296 с.
- Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Нооэкономика: определенная экономика в неопределенном будущем // *Экономические стратегии*. 2011. Т. 13. № 11 (97). С. 24—31.
- Алексеев В., Григорьев А.* Религия Антихриста. Новосибирск: Пискох, 1997. 272 с.
- Алефиренко Н. Ф.* Когнитивная семиология: истоки, становление и перспективы развития // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2007. № 1-2. С. 143—152.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества / пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
- Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Анохин К. В.* Коды Вавилонской библиотеки мозга // *В мире науки*. 2013. № 5. С. 82—89.
- Арнобий.* Против язычников. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 398 с.

- Арсеньев В. К.* Избранные произведения. Хабаровск: Книжное изд-во, 1997. Т. 1. 656 с.
- Багдасарьян Н. Г.* Цена и ценность российского образования: параметры конфликта // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений: тез. докл. VII Российского философского конгресса. Уфа, 6—10 октября 2015 года: в 3-х т.* Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Т. III. С. 128.
- Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.
- Бек У.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
- Беляцкая А. А.* Новые горизонты теории языка: антропокосмистский подход к исследованию текста // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования: научный журнал.* 2012. № 3. С. 91—96.
- Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов / пер. с фр. В. В. Гайдамака и А. В. Матешук. М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2012. 310 с.
- Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания // *Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т.* М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 50—156.
- Блаватская Е. П.* Тайная доктрина. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. Т. 1. 880 с.
- Бородин Е. А.* Глобальное правовое сознание: философские проблемы становления ноосферного права // *Ноосферные исследования.* 2015. № 1-2 (9-10). С. 185—195.
- Бринчук М. М.* О понятийном аппарате экологического права // *Государство и право.* 1998. № 9. С. 20—28.
- Буданцев Ю. П.* Очерки ноокоммунологии (Массовая коммуникация в ноосфере). М.: МНЭПУ, 1995. 180 с.
- Булычёв И. И., Победоносцев С. Н.* Космический стандарт человека. Тамбов: Центр-пресс, 2015. 204 с.
- Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1971. Т. 1. 590 с.
- Василенко И. А.* Образ России в виртуальном диалоге культур // *Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки.* 2008. № 3. С. 3—20.
- Веккер Л. М.* Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.

- Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
- Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. Кн. 2. 191 с.
- Вершило Н. Д.* Правовая охрана окружающей среды и устойчивое развитие. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская гос. акад. права». 2005. 124 с.
- Вишну-Пурана. СПб.: ОВК, 1995. Кн. 1. 256 с.
- Гадамер Х. Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 366 с.
- Гармония ритмов мозга: к 100-летию со дня рождения академика М. Н. Ливанова // Вестник Российской Академии Наук. 2007. № 9. Т. 77. С. 831—842.
- Гиндилис Л. М.* Космическое сознание: научный подход через призму SETI // Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века. 2004. Т. 3. № 3. С. 230—255.
- Глобальная коэволюция сознания как ноосферная история: коллективная монография / под ред. проф. Г. С. Смирнова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 260 с.
- Гобозов И. А.* Постмодернизм — эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 42—54.
- Голосовкер Э. Я.* Логика мифа. М.: Наука, 1987. 216 с.
- Гордина Л. С., Лимонад М. Ю.* Ноосферная этико-экологическая конституция человечества. Москва-Торопец: РИТА, 2007. 104 с.
- Гофф Ле Ж.* Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 160 с.
- Гумбольдт В. фон* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). С. 5—10.
- Гумницкий Г. Н., Зеленцова М. Г.* Понятие человечности в общей морали // Философия и общество. 2008. № 3. С. 20—31.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз. медиа, 2007. Т. 2. 780 с.
- Данилова Н. Н.* Перестройка биотоков мозга человека при раздражении световыми мельканиями, близкими по частоте к альфа-ритму, в процессе развития сонного торможения // Вопросы электрофизиологии энцефалографии. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 31—40.

- Данилова Н. Н., Быкова Н. Б.* Роль частотно-специфических кодов в процессах внимания // А. Р. Лурия и психология XXI века: доклады второй международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А. Р. Лурия / под ред. Т. В. Ахутиной и Ж. М. Глозман. М.: Смысл, 2003. С. 290—295.
- Даниэль С. М.* Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л.: Искусство, 1990. 224 с.
- де Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Часть I. 466 с.
- Девтеров И. В.* Философский анализ феномена интерактивной научной деятельности в Internet (феноменологический, эвристический и прагматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Київ: Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка, 2000. 187 с.
- Дмитревская И. В.* Идея ноосферного человека и предпосылочное знание // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 3 (5). С. 33—55
- Дмитревская И. В.* Коммуникативное пространство и время // Антропологическое измерение глобализационных процессов: материалы межвуз. науч. конф. «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». Владимир, 7—9 октября 2003 г. Владимир: Влад. гос. пед. ун-т, 2003. С. 33—38.
- Дмитревская И. В.* Коммуникативное пространство ноосферы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 9—25.
- Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.
- Дмитревская И. В.* Системные аспекты взаимосвязи знака и значения // Неизреченное слово: мемориал. сб., посвящ. проф. А. Н. Портнову. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 36—53.
- Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. // Ноосферные исследования. Вып. 1. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. Часть I. 151 с.

- Драгунская Л. С.* Бытие во времени как методологический аспект глубинной психологии. Синхрония и диахрония // *Логос*. 2006. № 1. С. 262—270.
- Ерахтин А. В., Портнов А. Н.* Философские проблемы этологии и зоопсихологии. М.: Знание, 1984. 64 с.
- Ерофеев Б. В.* Экологическое право. М.: Юриспруденция, 1999. 448 с.
- Живопись 1920—1930. Государственный Русский музей: каталог-альбом. М.: Советский художник, 1989. 280 с.
- Жуков Г. П.* Международное космическое право и вызовы XXI столетия // Черток Б. Е. Космонавтика XXI века. М.: РТСофт, 2010. С. 397—422.
- Жульков М. В.* Демографический аспект перехода к ноосферной автотрофности // *Вестник Ивановского государственного университета*. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2 (14). С. 35—45.
- Жульков М. В.* Ноосферные энергии и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 332 с.
- Законы развития языка // *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 159.
- Иванов Вяч. Вс.* Очерки по предыстории и истории семиотики // *Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры*. М.: Языки славянской культуры, 1999. Т. 1. 912 с.
- Иеромонах Анатолий (Берестов)*. Число зверя. На пороге третьего тысячелетия. М.: Новая книга, 1996. 144 с.
- Ильин И.* Путь к очевидности. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 221 с.
- Индриков А. А.* Диктатура конвейера: рефлексия кризиса культуры в Европе и России. Саранск: Саран. фил. ФГБОУ ВПО «Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ», 2014. 167 с.
- Ицхокин А. А.* Реставрируя смысл. Чего не досказал Заратустра. М.: Огни, 2003. 539 с.
- Калинин П. Е.* Квазипредставления в описании деятельности сознания // *Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 5. С. 107—119
- Калинин П. Е.* Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознаниевой и языковой реальности. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 264 с.

- Калинин П. Е.* Пространственно-временные характеристики текстуальной реальности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. С. 201—204.
- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 735 с.
- Карнов А. О.* Коммодификация образования в ракурсе его целей, онтологии и логики культурного движения // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 85—96.
- Кассирер Э.* Что такое человек? // Проблемы человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3—30.
- Кирьянова Л. Г.* Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007. 136 с.
- Кларк Б. Р.* Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 360 с.
- Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. 831 с.
- Ключевский В. О. С. М.* Соловьев как преподаватель // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 514—522.
- Ключевский В. О.* Сергей Михайлович Соловьев // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 499—513.
- Кормилицын В. И., Цицкишвили М. С., Яламов Ю. И.* Основы экологии: учеб. пособие. М.: Интерстиль, 1997. 368 с.
- Косарева Л. М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Институт психологии РАН, 1997. 358 с.
- Костин В. И.* Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. Альбом. М.: Советский художник, 1986. 163 с.
- Кочергина В. А.* Учебник санскрита. М.: Филология, 1994. 336 с.
- Круглова И. Н.* Сознание и самопознание: от очевидности к интерпретации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 239—247.
- Кудишина А. А.* Гуманизм — феномен современной культуры. М.: Академический проект, 2005. 504 с.

- Кузнецов В. Н.* Проблема значения понятий «материалисты и материализм» в новоевропейской философии XVII—XVIII веков // Историко-философский альманах. М.: Современные тетради, 2007. Вып. 2. С. 55—77.
- Кукушкина Е. И.* Университеты и становление социологического образования в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 130—138.
- Кулакова И.* У истоков высшей школы. Московский университет в XVIII веке // Отечественные записки. 2002. № 2. С. 135—158.
- Куренной В. А.* Университетская корпорация // Неприкосновенный запас. 2006. № 4-5 (48-49). С. 185—193.
- Куровская Ю. Г.* Потенциал теоретических разработок когнитивной лингвистики в педагогике // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 1. С. 72—78.
- Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. М.; Л.: Наука, 1964. 219 с.
- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
- Лесков Л. В.* Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М.: Экономика, 2003. 446 с.
- Лецак О. В.* Методологические основы функционального исследования языковой деятельности (на материале славянских языков): дис. ... д-ра филол. наук. Тернополь: Тернопольский нац. эконом. ун-т, 1997. 523 с.
- Лихачёв Д. С.* Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992. 408 с.
- Лобанова Н. И.* Язык и сознание: проблема взаимосвязи (опыт анализа философии языка В. фон Гумбольдта) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 123. С. 82—88.
- Ломоносов М. В.* Рассуждение о большей точности морского пути, читанное в публичном собрании императорской Академии Наук мая 8 дня 1759 года господином коллежским советником и профессором Михаилом Ломоносовым // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.-Л.: АН СССР, 1955. Т. 4. С. 123—186.

- Лоренц К.* Так называемое зло / под ред. А. В. Гладкого. М.: Культурная революция, 2008. 616 с.
- Лосев А. Ф.* Бытие — Имя — Космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Кн. 2. 604 с.
- Лосев А. Ф.* Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. М.: Наука, 1979. С. 9—57.
- Лосев А. Ф.* Форма — Стиль — Выражение / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1995. 944 с.
- Лосский Н. О.* Обоснование интуитивизма // Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. С. 11—334.
- Лотман Ю. М.* Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 557—567.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
- Лощилин А. Н.* Язык, сознание и мышление // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 11 (697). С. 50—60.
- Лу Куань Юй.* Даосская йога: алхимия и бессмертие. СПб.: Орис, 1993. 368 с.
- Луговая Е. К.* Традиционная культура и проблема спасения реальности // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: тр. Междунар. науч.-теор. конф. Санкт-Петербург, 28—31 октября 2015 года. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 72—74.
- Лукацкий М. А.* Педагогическая семиология: горизонты становления // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 3. С. 23—31.
- Луман Н.* Социальные системы: Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
- Манев А. К.* Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 354—366.

- Мареев С. Н.* Соотношение мышления и речи у Л. С. Выготского и Э. В. Ильенкова // Историко-философский альманах. М.: Современные тетради, 2007. Вып. 2. С. 275—302.
- Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / пер. с англ. М.: Replibook, 1994. 368 с.
- Мартинов Р. С.* Феномен технократичної свідомості в соціально-філософському вимірі: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Донецьк: Донецький нац. ун-т, 2006. 19 с.
- Мартынова М. Ю.* Новая Конституция Эквадора: социализм XXI века // Право и управление. XXI век. 2009. № 2 (11). С. 69—80.
- Массовое высшее образование. Триумф БРИК? / пер. с англ. М. С. Добряковой, Л. Ф. Пирожковой; под науч. ред. М. С. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 528 с.
- Масуда И.* Комп'ютологія // Філософська і соціологічна думка. 1993. № 6. С. 36—50.
- Меликян М. А.* Феномен ноосферного человека в контексте антропологической катастрофы // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 64—72.
- Меликян М. А.* Философема совершенного человека: история и современность // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 55—68.
- Меликян М. А.* Философские версии совершенного человека: концептуалистский подход // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 309—312.
- Менделеев Д. И.* Какая же Академия нужна России? // Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно. М.: Сов. Россия, 1991. С. 220—265.
- Микешина Л. А.* Эkleктика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология & философия науки. 2013. Т. XXXVIII. № 4. С. 27—43.
- Миллер М. А.* Мир, в котором нас поселили... // Поиск-НН. 2011. № 1 (28). С. 18—19.
- Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс-Культура, 1994. Т. 2. Ч. 2. 496 с.

- Мирошниченко О. Ф.* Тайны русского алфавита. Аз буки ведаю. М.: [б. и.], 2004. 144 с.
- Моисеев Н. Н.* Быть или не быть человечеству. М.: Ульяновский Дом печати, 1999. 288 с.
- Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
- Москальчук Г. Г.* Структура текста как синергетический процесс. М.: URSS, 2010. 296 с.
- Музиль Р.* Человек без свойств: роман / пер. с нем. С. Апта. М.: Эксмо, 2008. 1085 с.
- Мукерджи Э.* Кундалини / пер. с англ. М.: Золотой Век, 1997. 346 с.
- Назаров А. Г.* Космизм и ноосферная реальность // Культура и время. 2004. № 2 (12). С. 10—13.
- Науменко О. А.* Новая инвайронментальная парадигма как этап перехода от биосферы к ноосфере в идеях представителей русского космизма // Русский космизм: прошлое, настоящее и будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Орёл: ООО «Модуль-К», 2011. С. 194—201.
- Наумов П. П.* Нооэкология — решение проблемы несоответствия классической экологии современному развитию ноосферы // Актуальные вопросы аграрной науки. 2015. № 15. С. 18—22.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера и др. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
- Нуссбаум М.* Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / пер. с англ. М. Бендет; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 192 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 233—403.
- Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 144 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 586 с.
- Павленко А. Н.* Возможность техники. СПб.: Алетейя, 2010. 224 с.
- Пальцев М. А., Сточик А. М., Затравкин С. Н.* Физиология и ее преподавание на медицинском факультете в XVIII веке // Вестник Российской Академии наук. 2008. Т. 78. № 7. С. 635—641.

- Паюс*. Каббала или наука о Боге, Вселенной и Человеке. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 208 с.
- Пелипенко А. А.* Культура и глобальная эволюция // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2012. Т. 4. С. 214—235.
- Петрова Е. А.* Взаимодействие языка, мышления и сознания // Вестник Башкирского университета. 2011. № 3. Т. 16. С. 739—742.
- Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.
- Пирогов Н. И.* Университетский вопрос. Дополнение к замечаниям на проект нового устава Императорских Российских университетов. Санкт-Петербург: Типография Иосафата Огризко, 1863. 85 с.
- Плохотнюк В. С.* Аксиоматизация семиологии и научный статус семиотики // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 4. С. 124—132.
- Попова И. М.* Ценности и ценностный аспект сознания // Ценностные представления и потребности. Киев: Выща школа, 1986. С. 12—19.
- Портнов А. Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 370 с.
- Претте М. К.* Как понимать искусство: Живопись. Скульптура. Архитектура. История, эпохи и стихи / пер. с итал. Е. В. Яйленко. М.: Интербук-бизнес, 2002. 431 с.
- Путь Шивы: (антология древних классических текстов). Киев: Эклибрис, 1994. 175 с.
- Пушкин А. С.* О причинах, замедливших ход нашей словесности // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1958. Т. 7. Критика и публицистика. С. 14—15.
- Пэрна Н. Я.* Ритм жизни и творчество. Л.; М.: Петроград, 1925. 144 с.
- Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
- Радхакришнан С.* Индийская философия / пер. с англ. М.: МИФ, 1993. Т. 2. 732 с.
- Радьяр Д.* Планетаризация сознания. М.: REFL-book, 1995. 304 с.
- Ракитин В. И.* Искусство видеть. М.: Знание, 1972. 128 с.

- Режабек Б. Г.* Религиозный опыт Николая Федорова и космическое сознание // Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века. 2004. Т. 2. № 2. С. 351—359.
- Реймерс Н. Ф.* Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. 367 с.
- Реформатский А. А.* Принципы синхронного описания языка // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 20—40.
- Ридингс Б.* Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
- Ритцер Дж.* Макдональдизация общества. М.: Праксис, 2003. 592 с.
- Савельева Л. В.* Истоки и загадки нашей азбуки // Русская речь. 1994. № 5. С. 67—74.
- Сарабьянов Д. В., Автономова Н. Б.* Василий Кандинский. Путь художника. Художник и время. М.: Галарт, 1994. 174 с.
- Свет на Пути.* Голос Безмолвия / пер. с англ. Рига: Виеда, 1991. 96 с.
- Себеок Т. А.* Культура и семиотика: учение о знаках // Философия языка и семиотика. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. С. 32—43.
- Северикова Н. М.* Рассеять тьму «мрачной ночи невежества». Реформы М. В. Ломоносова в области образования и воспитания // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 127—131.
- Смерчевский Э. Ф.* Информационная цивилизация: проблема виртуальной реальности в общественном развитии: дис. ... канд. филос. наук. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2002. 185 с.
- Смирнов Г. С.* Жизнь как везде-вечность (парафраз книги В. Ф. Эрнэ «Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (15). С. 12—20.
- Смирнов Г. С.* Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник РАЕН. 2003. № 1. С. 57—64.
- Смирнов Г. С.* Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 88—104.

- Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
- Смирнов Г. С.* Ноосферный гуманизм // Философская антропология и гуманизм. Владимир: Влад. гос. пед. ун-т, 2004. С. 178—204.
- Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
- Смирнов Г. С.* Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. № 1 (3). С. 78—93.
- Смирнов Г. С.* Философия как образ глобального сознания // Ноосферные исследования. 2015. № 1-2 (9-10). С. 39—54.
- Смирнов Г. С.* Философские и культурологические проблемы становления ноосферного сознания: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 349 с.
- Смирнов Г. С.* Экологизация сознания как отражение современной экологической ситуации: дис. ... канд. филос. наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1984. 179 с.
- Смирнов Д. Г.* Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 475 с.
- Смирнов Д. Г.* Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 61 с.
- Смирнов Д. Г.* Восхождение сознания к разуму: онтогенез и филогенез в ноосферной истории // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 11—26.
- Смирнов Д. Г.* Глобальное сознание человечества в дискурсе ноосферных исследований // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 84—93.

- Смирнов Д. Г.* Незнакомый В. И. Вернадский: эмпирическая семиотика вселенной // Вестник Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 123—133.
- Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
- Смирнов Д. Г.* Семиосознание в эпоху глобализации: семиотический императив ноосферной реальности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Вып. 2. С. 54—63.
- Смирнов Д. Г.* Семиосознание как форма духовного бытия человечества // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 2. С. 302—309.
- Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.
- Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферной реальности: философско-методологический дискурс // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 52—59.
- Смирнова И. Н.* Глобальное vs локальное: сознание современной молодежи (на примере студентов г. Иванова) // Ноосферные исследования. 2015. № 1-2 (9-10). С. 99—118.
- Смирнова И. Н.* Глобальное vs локальное: сознание современной молодежи (на примере студентов г. Иванова) // Ноосферные исследования. 2015. № 1-2 (9-10). С. 99—118.
- Смирнова И. Н.* Глобальный человек и его «бесценное» сознание (по материалам студенческих философских эссе) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 32—42.
- Смирнова И. Н.* Сознание современной студенческой молодежи: аксиологические основания // Система ценностей современного общества. 2016. № 44. С. 132—138.
- Согомонов Ю. В.* Глобализация и аксиосфера // Антропологическое измерение глобализационных процессов: материалы межвуз. науч. конф. «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». Владимир, 7—9 октября 2003 г. Владимир: Влад. гос. пед. ун-т, 2003. С. 154—161.

- Сокол В. Б.* Глобальное сознание и его «собственник» // Альманах современной науки и образования. 2007. № 7-2. С. 157—160.
- Сотникова О. А.* Игра и коммуникация в социальной виртуальной реальности: дис... канд. филос. наук. Харьков: Харьковский нац. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2005. 157 с.
- Суббето А. И.* Ноосферная культура и экономика Севера. СПб.: Астерион, 2012. 30 с.
- Суббето А. И.* Самоутверждение России в XXI веке как Лидера в Ноосферном прорыве человечества. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 28 с.
- Тарасевич А. Л.* Проблема глобализации в аспекте интерсубъективности // Антропологическое измерение глобализационных процессов: материалы межвуз. науч. конф. «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». Владимир, 7—9 октября 2003 г. Владимир: Влад. гос. пед. ун-т, 2003. С. 50—53.
- Тейяр де Шарден П.* Божественная среда. М.: Renaissance, 1992. 311 с.
- Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Прогресс, 1987. 296 с.
- Тимощук А. С.* Принцип дополнительности в социогуманитарном познании // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. каф. филос. МПГУ. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2008. Вып. XXXIX. С. 228—233.
- Тимощук А. С.* Традиционная культура: сущность и существование: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2007. 46 с.
- Тэхке В.* Психика и ее лечение психоаналитический подход. М.: Академический Проект, 2001. 576 с.
- Удовин С. Л.* Глобализация: семиотические подходы. Москва; Киев: Рефл-Бук, 2002. 480 с.
- Упанишады: в 3 кн. Чхандогья упанишада. М.: Наука, 1991. Кн. 3. 256 с.
- Урсул А. Д.* Глобальное измерение права // Вопросы права и политики. 2012. № 5. С. 90—146.
- Урсул А. Д.* Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1. С. 16—27.

- Урсул А. Д.* Космоглобалистика: взаимосвязь глобальных и космических процессов // *Философия и космология*. 2012. № 1(10). С. 7—51.
- Урсул А. Д.* Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы становления // *Вопросы права и политики*. 2013. № 6. С. 63—134.
- Ухтомский А. А.* Доминанта. Статьи разных лет. 1887—1939. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
- Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение: сборник статей: в 2 т. / Отв. ред. Э. В. Гирусов. М.: АН СССР, 1990. Т. 1. 236 с.; 1991. Т. 2. 236 с.
- Федотова В. Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс Традиция, 2005. 544 с.
- Флоренский П. А.* Symbolarium: (Словарь терминов) // *Флоренский П. А. Сочинения*: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 564—590.
- Франк С. Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // *Франк С. Л. Сочинения*. М.: Правда, 1990. С. 183—559.
- Хакен Г.* Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности / пер. с нем. Ю. А. Данилов. М.: ПЭР СЭ, 2001. 351 с.
- Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / пер. с англ; предисл. Б. П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
- Цанн-кай-си Ф. В.* Философия истории. История в гуманистическом измерении. М.: Рос. гуманист. о-во, 2012. 330 с.
- Цанн-кай-си Ф. В.* Философия как теоретическое мировоззрение. Владимир: Транзит-ИКС, 2009. 442 с.
- Шатин Ю. В.* Семиотика vs семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // *Критика и семиотика*. 2015. № 2. С. 10—17.
- Шванева И. Н.* Ноосферная психология. М.: Линия красоты, 2005. Книга 1: Психология предназначения. 190 с. Книга 2: Консультирование личности и общества. 186 с.

- Широков В. А.* Ноосферные измерения информации и знания // Ноосферология: наука, образование, практика. Симферополь: Феникс, 2008. С. 229—247.
- Шмерлина И. А.* Социология и этология человека // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 33—43.
- Шпет Г. Г.* Очерки развития русской философии: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 1. 592 с.
- Шуплецов И. В.* Проблема общества: гегемония и гетерогенность // Неклассическое общество: векторы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Владимир: Владим. юрид. ин-т, 2008. С. 103—106.
- Щедровицкий Г. П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.
- Щелкунов М. Д.* Социальная ангажированность современного университета // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений: Тез. докл. VII Российского философского конгресса. Уфа, 6—10 октября 2015 года: в 3 т. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Т. III. С. 182.
- Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М.: Политиздат, 1967. 70 с.
- Эпштейн М.* Из тоталитарной эпохи — в виртуальную. К открытию Книги Книг // Континент. 1999. № 102. С. 355—366.
- Юнг К. Г.* Архетип и символ / пер. с нем. В. В. Зеленского М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
- Яковлев-Козырев А.* Электронное жало антихриста. М.: [б. и.], 1999. 128 с.
- Яницкий О. Н.* Этнос В. И. Вернадского и проблемы современности // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 125—139.
- Янин А. Л.* Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 489—502.
- Яроцкая Э. П.* Рефлексотерапия заболеваний внутренних органов. Харьков: Дельта, 1994. 160 с.

Электронные ресурсы

- <http://www.newage.bg> [Электронный ресурс]. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Putnam H.* Giant of Modern Philosophy, Dies at 89 // New York Times [Электронный ресурс]. URL: http://www.nytimes.com/2016/03/18/arts/hilary-putnam-giant-of-modern-philosophy-dies-at-89.html?_r=2. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Американцы боятся скорого начала третьей мировой войны и ждут Второго пришествия Христа — опрос // Interfax-Religion. 2010. 23 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.by/news/belarus/1074829> (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Анекдоты из России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anekdot.ru/id/192305> (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Беккария Г.* Создатель Интернета: «Web грозит коллапс» [Электронный ресурс]. URL: http://censor.net.ua/resonance/3263/sozdatel_interneta_quotweb_grozit_kollapsquot_la_stampa. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Бурлак С. Я.* О неизбежности происхождения человеческого языка: стенограмма лекции [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2008/11/07/lang>. (дата обращения: 20.05.2013). Заглавие с экрана.
- Воробьев Вл.* Антропокосмизм и антропоцентризм // Движение за возрождение отечественной науки [Электронный ресурс]. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3675&Itemid=29. (дата обращения: 28.05.2013). Заглавие с экрана.
- Выгонский С. И.* Виртуальная реальность как массовая галлюцинация [Электронный ресурс]. URL: <http://sv-psycho.narod.ru/virtual.html> (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Глазьев С. Ю.* КНР как новый глобальный лидер: авторский доклад Изборскому клубу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/7581>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.

- Гройс Б.* Религия в эпоху дигитальной репродукции [Электронный ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/art/projects/132/details/6243/>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Иваненко А.* Текстология киберпространства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.znaki.chebnet.com/s11.php?id=87>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Иглтон Т.* Медленная смерть университета // Скепсис [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_3672.html. (дата обращения 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Иеродиакон Амель (Семенов).* ИНН, как составляющая глобализации. Отношение ИНН к печати антихриста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaistinu.ru/econtrol/startsy/avel13-15.shtml?print>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Калашиников М., Кугушев С.* Зачем перекодировали США? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.contr-tv.ru/repress/2773/>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Капицын В. М.* Правовая политика государств в условиях глобализации // Современные проблемы государственной политики и управления. 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/9bf1a2/3370065/Kapitsyn_V.M._Pravovaya_politika_gosudarstva_v_usloviyah_globalizatsii.pdf. (дата обращения: 31.05.2016).
- Капицын В. М.* Универсализм versus контекстуализм: антиномическое влияние на развитие правовой политики [Электронный ресурс]. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/430/04a/3438636/Kapitsyn_V.M._Universalizm_versus_kontekstualizm.pdf. (дата обращения: 31.05.2016).
- Магданова Л. А.* Этология человека // Суть времени [Электронный ресурс]. URL: <http://eot.su/almanac/chelovek-proshloenastoyashchee-budushchee/etologiya-cheloveka> (дата обращения: 25.11.2016). Заглавие с экрана.
- Мчедлов М.* Великое переселение религий // Религия и СМИ [Электронный ресурс]. 2006. 6 апреля. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2006-04-05/4_pereselenie.html (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Нарочницкая Н. А.* Время работает на нас [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/8936>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.

- Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации Доклад Института национальной стратегии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=9877> (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Поздняев М.* Может, там лучше? // Религия и СМИ [Электронный ресурс]. 2008. 30 сентября. URL: http://www.religare.ru/258012_1_21.html. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Редактор ИноСМИ.Ru о будущем Рунета // BBC Russian [Электронный ресурс]. 2006. 20 ноября. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/2006/net/newsid_6165000/6165754.stm. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Сайберов В.* Поголовное цифровое бессмертие // Независимая газета. 2 ноября. [Электронный ресурс]. 2004. URL: http://www.ng.ru/telecom/2004-11-02/16_digital.html. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Сайберов В.* Светлое электронное прошлое // Независимая газета [Электронный ресурс]. 2007. 6 февраля. URL: http://www.ng.ru/telecom/2007-02-06/17_proshloe.html. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Сатанизм Ватикана и Власти [Электронный ресурс]. URL: www.youtube.com/watch?v=cBeKjBqV8m8. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Славейков Площад.* Папата: Мигрантите не са числа, а личности. Светът не е само добро и зло [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ploshtadslaveikov.com/papata-migrantite-ne-sa-chisla-a-lichnosti-svetat-ne-e-samo-dobro-i-zlo>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Степаненко М.* Бесовщина в биокомпьютерной интерпретации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voskres.ru/taina/biocomp.htm>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Эм С.* Deus ex Matrix: религии и культуры Эры Интернета [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.experiment.ru/articles/66>. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
- Яркевич И.* Смерть автора и компьютер. Интернет как последний Интернационал // Независимая газета. 2008. 25 июля. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/style/2008-07-25/16_internet.html. (дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Беляцкая Анастасия Александровна** — кандидат культурологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.
- Бородин Евгений Андреевич** — кандидат философских наук, Ивановский государственный университет.
- Добродум Ольга Викторовна** — доктор философских наук, Киевский национальный университет культуры и искусств.
- Жульков Михаил Вячеславович** — кандидат философских наук, Ивановский государственный университет.
- Индриков Алексей Алексеевич** — кандидат философских наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- Калинин Павел Евгеньевич** — кандидат философских наук, Ивановский государственный университет.
- Кузьменков Владимир Александрович** — кандидат философских наук, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.
- Куликова Ольга Борисовна** — кандидат философских наук, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина.
- Лазарова Эрика** — доктор философских наук, Институтът за изследване на обществата и знанието, Българска академия на науките.
- Меликян Мерине Акоповна** — кандидат философских наук, Ивановский государственный университет.
- Обрезков Андрей Анатольевич** — кандидат философских наук, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МСЧ России.
- Палей Елена Вадимовна** — кандидат философских наук, Ивановский государственный химико-технологический университет.
- Петряков Леонид Джоржович** — доктор философских наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина.
- Портнов Александр Николаевич (1947—2010)** — доктор философских наук, профессор.
- Прохоров Михаил Михайлович** — доктор философских наук, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет.
- Смирнов Григорий Станиславович** — доктор философских наук, Ивановский государственный университет.
- Смирнов Дмитрий Григорьевич** — доктор философских наук, Ивановский государственный университет.
- Смирнова Инна Николаевна** — кандидат социологических наук, Ивановский государственный университет.
- Тимошук Алексей Станиславович** — доктор философских наук, Владимирский юридический институт ФСИН России.

Научное издание

ЯЗЫКИ ГЛОБАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 25.12.2016 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 30,0.
Уч.-изд. л. 27,0. Тираж 300 экз. Заказ № 56. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ИПК «ПресСто»

✉ 153025 Иваново, ул. Дзержинского, 39